П. Милюковъ

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ
Земля. Населеніе. Экономика
Сословія. Государство
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Введеніе. Мѣсторазвитіе. Начало культуры
Происхожденіе національностей

Юбилейное изданіе

2311

ПАРИЖЪ
Изд-во «Современныя Записки»
1937

Lietuvos Advokatų Tarybos
Nr. 269 B

92-7
867-1-1

П. Милюковъ

ПОРАЖЕНО

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ
Земля. Населеніе. Экономика
Сословія. Государство
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Введеніе. Мѣсторазвитіе. Начало культуры
Происхожденіе національностей

Юбилейное изданіе

ПАРИЖЪ
Изд-во «Современныя Записки»
6, rue Daviel, Paris (13)
1937

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Copyright 1937 by the author.

Tous droits réservés pour tous pays.

92-Вт-5388/2

П
Б
ПОРАЦЕНО

512092

Свѣтлой памяти

ЖЕНЫ-ДРУГА

ПЕРВОЙ МОЕЙ ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ
И
КРИТИКА

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ «ЮБИЛЕЙНОМУ» ИЗДАНІЮ «ОЧЕРКОВЪ»

Я позволилъ себѣ назвать настоящее изданіе «Очерковъ по Исторіи Русской Культуры» юбилейнымъ отнюдь не изъ одного чувства — естественной, впрочемъ, — гордости, что дѣтище мое достигло зрѣлаго сорокалѣтняго возраста и вмѣстѣ со мною дожило до моего семидесятилѣтняго юбилея, не потерявъ интереса для читателей. Главнымъ моимъ побужденіемъ послужило то обстоятельство, что самая возможность появленія новаго изданія въ печати, въ условіяхъ эмигрантской жизни, была создана поддержкой друзей, желавшихъ ознаменовать юбилейное чествованіе переизданіемъ когда-то популярной книги. Друзья собрали необходимыя для этого средства, а болгарское народное собраніе почтило дорогую мнѣ память моей давней моральной связи съ этой молодой славянской страной, ассигновавъ 50.000 франковъ, которые также пошли на осуществленіе той же цѣли. Такое доброе отношеніе, вышедшее далеко за предѣлы личныхъ дружескихъ связей, обязывало. За сорокъ лѣтъ «Очерки» не могли не устарѣть и не отстать отъ движенія науки, да и самъ я, хотя и отвлеченный своей политической и публицистической дѣятельностью отъ научной работы, пріобрѣлъ тѣмъ временемъ опытъ и знанія, недоступныя для тридцатилѣтняго приватъ-доцента. Просто переиздать «Очерки» было уже невозможно; пришлось существенно обновить самое ихъ содержаніе и поставить его на уровень современнаго состоянія науки. Долженъ признаться, что въ порядкѣ осуществленія этой задачи я далеко отошелъ отъ первоначальнаго назначенія «Очерковъ», какъ научной популяризаціи, предназначенной для самаго широкаго круга читателей. Не могу скрыть отъ себя, что выросшіе (и имѣющіе еще вырости) чуть не вдвое томы новаго изданія потеряли часть тѣхъ свойствъ, которыя дѣлали прежнюю мою работу привлекательной для этого широкаго круга. Меня утѣшаетъ лишь мысль, что въ обновленномъ и расширенномъ видѣ «Очерки» пріобрѣтутъ, взамѣнъ утраченной доли общедо-

ступности, новое значеніе для читателя, желающаго получить изъ нихъ болѣе цѣльный, глубже продуманный и серьезнѣе обоснованный взглядъ на ходъ русскаго историческаго процесса, чѣмъ это было возможно для книги, выросшей изъ публичныхъ лекцій, — книги, связанной съ прежними цензурными условіями и отразившей на себѣ пробѣлы прежняго европейскаго и русскаго знанія. Многія черты теперешняго изложенія могли вообще быть освѣщены только при свѣтѣ современнаго научнаго изученія.

Поставленная такимъ образомъ, задача не могла не потребовать значительнаго времени для своего выполненія, — особенно въ условіяхъ эмигрантской жизни. Переизданіе второго и третьяго тома «Очерковъ», правда, оказалось сравнительно легче, такъ какъ новыя научныя работы сравнительно мало коснулись затронутыхъ тамъ сторонъ культуры. Главной задачей было тутъ продлить изученіе на тотъ сравнительно короткій, но полный существенныхъ перемѣнъ отрѣзокъ времени, который отдѣляетъ изученные раньше историческіе процессы отъ дальнѣйшаго хода ихъ въ условіяхъ революціи. Читатель не найдетъ, надѣюсь, неожиданнымъ то обстоятельство, что основная точка зрѣнія «Очерковъ» относительно внутренней закономѣрности процессовъ нашла тутъ полное подтвержденіе. Какъ бы ни глубоки казались перерывы и зигзаги на поверхности событій, оторвать настоящее отъ положительныхъ результатовъ прошлаго, такъ же какъ и снять съ процесса старые тормозы, оказалось одинаково невозможно для новыхъ «строителей». Менѣе всего долговѣчны оказались нововведенія, противорѣчившія общему ходу процесса. Темпъ процессовъ, несомнѣнно, во многихъ случаяхъ удалось значительно ускорить. Но это происходило какъ разъ тогда, когда эти ускоренія не только не прерывали общаго направленія процесса, а, напротивъ, продолжали его закономѣрную линію. Событія послѣдняго пятилѣтія, происшедшія послѣ изданія второго тома «Очерковъ» подтверждаютъ еще съ большей ясностью процессъ затушеванія случайныхъ идеологическихъ зигзаговъ и возвращенія къ «генеральнымъ линіямъ» историческихъ законовъ. Такимъ образомъ, авторъ «Очерковъ» не только не встрѣтилъ въ новомъ историческомъ матеріалѣ опроверженія своихъ прежнихъ схемъ, но, напротивъ, нашелъ въ немъ очень хорошую иллюстрацію основныхъ положеній и общаго построенія своей работы.

По отношенію къ первому тому «Очерковъ» положеніе складывалось иначе. Познакомившись съ выпускаемою теперь первой частью этого тома, читатель пойметъ, почему эту, наиболѣе трудную часть работы я счелъ нужнымъ отложить на конецъ — и по-

чему этотъ первый выпускъ выходитъ въ свѣтъ только пять лѣтъ спустя. Именно надъ изученіемъ этой части процесса усиленно работаетъ современная историческая и общественная мысль; именно здѣсь самыя злободневныя явленія помогаютъ освѣтить новымъ свѣтомъ даже далекое прошлое; здѣсь и наука движется особенно быстро съ накопленіемъ фактовъ и съ пересмотромъ выводовъ. Прежде всего это привело къ тому, что возможность новаго освѣщенія проблемъ, досель остававшихся темными, заставила ввести въ составъ «Очерковъ» цѣлые отдѣлы, не входившіе прежде въ рамки обычнаго популярнаго изложенія. Съ одной изъ такихъ областей — области преисторіи, вновь разработанной для этого изданія, читатель встрѣтится здѣсь. Я долженъ сразу же предупредить его, однако, что, помимо самаго факта введенія доисторическаго періода въ планъ изложенія — необычной можетъ показаться и трактовка матеріала въ этомъ отдѣлѣ. Считается общепринятымъ основывать характеристику доисторической культуры на данныхъ изъ жизни современныхъ примитивныхъ народовъ. Соціологамъ представлялся здѣсь благопріятный случай — построить цѣлую схему доисторической эволюціи «отъ животнаго къ человѣку», какъ строилъ ее въ 1871 году Льюисъ Морганъ въ своихъ знаменитыхъ работахъ Systems of consanguinity и Ancient Society. Пройдя черезъ призму ученій Маркса и Энгельса, эта, ставшая традиціонной схема — тотемизмъ, коммунальный бракъ, материнскій бракъ, патріархальный строй, феодализмъ, даже съ ея противорѣчіями, сдѣлалась обязательной интродукціей въ историко-культурную систему діалектическаго матеріализма. Къ сожалѣнію, она и до сихъ поръ продолжаетъ оставаться въ модѣ, какъ послѣднее слово совѣтской науки; ею заполняютъ пробѣлы фактическаго матеріала авторы многихъ новѣйшихъ трудовъ, иногда и не лишенныхъ солидности въ трактовкѣ позднѣйшихъ отдѣловъ (см. библіографію на стр. 331). Однако же, новѣйшая этнографическая литература обставляетъ ученіе Моргана — особенной въ древнѣйшей части схемы — столькими оговорками, что пользоваться ею становится неосторожно. Абстрактнымъ соціологическимъ схемамъ противопоставляется историческій реализмъ (см. стр. 37-38, 81-82). Не раздѣляя крайностей и этихъ новѣйшихъ ученій, заходящихъ, напротивъ, слишкомъ далеко въ индивидуализаціи явленій, я остаюсь здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, въ предѣлахъ соціологическаго изученія *своеобразій*, параллельно со *сходствами* (см. введеніе). Я также пользуюсь параллелями изъ примитивнаго быта; но

читатель не найдетъ въ этой книгѣ примѣненій устарѣлыхъ схемъ Моргана.

Идеей, объединяющей черты своеобразія и сходства процесса — и дающей возможность разумнаго синтеза тѣхъ и другихъ, является понятіе «мѣсторазвитія». Оно положено въ основу этой части «Очерковъ» и сообщаетъ ей внутреннее единство. Читатель, желающій сразу ознакомиться съ тѣмъ, въ чемъ я усматриваю это единство, раскрываемое здѣсь, какъ единство географической среды и археологическаго быта, благоволитъ прямо обратиться къ заключительной части книги. Онъ увидитъ тамъ, что все главное, что я могу считать с в о и м ъ въ этой работѣ, найдено мною именно при установленіи явленій этой органической связи. Совѣтскіе поклонники старыхъ соціологическихъ формулъ и строгой «стадіальности» процесса, сами лишаютъ себя этихъ возможностей, тщательно устраняя a priori изъ области своихъ изученій всякія внѣшнія вліянія: вліянія переселеній, завоеваній, вліянія открытій и изобрѣтеній. Добровольно ослѣпнуть на этотъ глазъ — не значитъ найти послѣднее слово науки. Можно и должно отказаться отъ преувеличенія значенія внѣшнихъ факторовъ, чѣмъ иногда грѣшили предшественники; но не слѣдуетъ выбрасывать эти факторы изъ сферы изученія въ угоду преходящей казенной модѣ.

Цѣль этихъ вступительныхъ замѣчаній — объяснить читателю, почему внесеніе выводовъ изъ новѣйшаго матеріала географіи, археологіи и антропологіи потребовало въ этомъ изданіи необычныхъ для «Очерковъ» размѣровъ, нарушившихъ прежнія, принятыя въ книгѣ пропорціи. Именно эти отдѣлы науки совершенно преобразились теченіе послѣднихъ десятилѣтій, открывши новыя возможности объясненія проблемъ чрезвычайной важности, остававшихся до сихъ поръ въ туманѣ. Русская наука, несомнѣнно, приняла въ этой работѣ видное участіе, хотя и оказалась связанной чуждыми наукѣ заданіями. Но всѣ основы заложены на западѣ, и туда пришлось прежде всего обратиться. Знакомствомъ съ новѣйшей литературой и матеріалами я обязанъ, помимо собраній Франціи, также чехословацкой наукѣ, германскому археологическому институту въ Римѣ и личнымъ наблюденіямъ въ музеяхъ Австріи, верхней Италіи и Швейцаріи. Приношу мою глубокую благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые облегчили мнѣ это изученіе; изъ нихъ назову лишь покойнаго профессора Альбина Стоцкаго, которому я особенно обязанъ. Не на ихъ отвѣтственности лежитъ, конечно, неизбѣжная неполнота и извѣстная случайность сборанныхъ мною свѣдѣній. То и другое зависѣло отъ ограниченныхъ

возможностей передвиженія и отъ степени досуга, даваемыхъ текущей работой въ эмигрантскихъ условіяхъ. Но — ars longa, vita brevis, говоритъ пословица. Задержавшуюся на пять лѣтъ часть книги надо было наконецъ выпустить отдѣльно, хорошо сознавая эту незаконченность — хотя бы для того, чтобы освободить остающееся время для продолженія работы надъ первымъ томомъ «Очерковъ». Я былъ-бы радъ, если-бы читатель испыталъ при чтеніи хотя бы часть той привлекательности, которую получила для меня эта работа — именно въ виду новизны и важности вытекавшихъ изъ нея выводовъ. Разнообразіе и нѣкоторая перегруженность матеріала можетъ, конечно, помѣшать цѣльности впечатлѣнія. Я могу, къ сожалѣнію, предложить только одно средство для облегченія чтенія: пусть читатель предварительно ознакомится внимательно съ подробнымъ изложеніемъ содержанія книги по приложенному вначалѣ оглавленію и отсюда пусть прямо перейдетъ къ «заключенію», гдѣ найдетъ болѣе подробныя указанія на примѣненіе метода, давшаго единство изслѣдованію: на главные результаты, полученные путемъ сближенія данныхъ о географической средѣ, антропологическомъ субстратѣ и археологическихъ чертахъ быта и эволюціи доисторическаго населенія Россіи въ связи съ ближайшими частями Европы.

Дальнѣйшимъ облегченіемъ усвоенія главнаго содержанія этой части можетъ служить также особенно подробный подборъ иллюстраціоннаго матеріала, составившаго цѣлый атласъ географическихъ, антропологическихъ, археологическихъ и историко-географическихъ данныхъ, служащихъ для подтвержденія главныхъ выводовъ книги. Да извинитъ меня читатель за несовершенную графическую передачу этого матеріала; въ этомъ несовершенствѣ, при моемъ способѣ выбора матеріала изъ многочисленныхъ малодоступныхъ изданій, повиненъ я лично.

Парижъ, 11 ноября 1936 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Предисловіе къ юбилейному изданію «Очерковъ» ..... VII—XI

Оглавленіе ..... XIII—XX

Введеніе. «Философія» или «соціологія»? ..... 1—34

Внѣшняя и внутренняя исторія «Очерков» 1. — Отношеніе ихъ къ идеологіямъ трехъ поколѣній: народнической, марксистской и реставрированной славянофильской 1—5. — Соціологическая точка зрѣнія автора 5—6. — Закономѣрность или неповторяемость историческихъ фактовъ? 6—7. — Отсутствіе противоположности «духовнаго» и матеріальнаго» 8. — Устарѣлость всемірно-исторической точки зрѣнія 8—11. — Національный организмъ — естественная единица научнаго изученія съ точки зрѣнія соціологіи 11—13. — Національные организмы не суть неподвижные «типы» 14. — Ихъ эволюція представляетъ черты сходства 15. — Взаимозависимость и іерархія эволюціонирующихъ рядовъ въ ученіяхъ Платона, Вико, Конта, Спенсера, позднѣйшихъ соціологовъ 15—19. — Среда эволюціи вноситъ начало разнообразія 19—20. — Вліяніе сосѣднихъ процессовъ и измѣненій среды 20—21. — Односторонія ученія о роли личности въ исторіи 21—22. — Границы научнаго объясненія этой роли 22—24. — Терминъ «Исторія Культуры» 25—26. — Система построенія «Очерковъ» 26—29. — Посредническая роль «Очерковъ» въ синтезѣ идей сходства и своеобразія русскаго историческаго процесса сравнительно съ другими 29. — Новѣйшее обостреніе спора и своевременность новаго синтеза 30—31. — Библіографія 31—34.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ. — ТЕРРИТОРІЯ И НАСЕЛЕНІЕ

I. **Мѣсторазвитіе русской культуры** ..... 35 — 98

Исторія идеи о зависимости человѣка отъ природы 36—38. — «Неповторимый» міръ Евразіи? 38—39. — Положеніе русскаго мѣсторазвитія на земномъ шарѣ 39—42. — Положеніе его въ умѣренной зонѣ 42—43. — Осложненіе широтнаго распредѣленія тепла (С.-Ю.) меридіональнымъ распредѣленіемъ «амплитудъ» (З.-В.) 43—44. — Климаты и распредѣленіе осадковъ 45—46. — Распредѣленіе культуръ, какъ итогъ 47. — Порядокъ развитія культуръ 48. — Географическое единство и разнообразіе русской территоріи 49—51. — Ослабленіе европейскаго элемента и усиленіе азіатскаго съ юго-запада на сѣверо-востокъ европейской Россіи 52—53. — Разнообразіе и Ю.З.-С.В. зональность русскихъ почвъ 53—56. — То же направленіе измѣненій растительнаго покрова 57—58. — Западно-восточное дѣленіе фито-географическихъ провинцій 59—62. — Выводъ 62—63. — Продолженіе западно-восточнаго дѣленія, осложненное закономъ вертикальныхъ зонъ, въ Сибири 63—65. — Енисей и Становой хребетъ — климатическія границы 65—68. — Условность границы между Россіей и Азіей 68—69. — Роль вертикальной зональности въ фито-географіи Туркестана 69—72. — Тѣсная связь фито- и зоогеографическихъ провинцій 72—78. — Видоизмѣняющая роль человѣка по отношенію къ природѣ 78. — Зависимость отъ природы на раннихъ ступеняхъ культуры 79. — Предѣлы емкости различныхъ мѣсторазвитій 79—80. — Неблагопріятныя мѣсторазвитія — мѣсто сохраненія примитивныхъ народностей 81—83. — Мѣсторазвитіе «палеазіатовъ» 82—86. — Связь ихъ съ древними формами быта 86—87. — Особенности мѣсторазвитія степи и пустыни 89—90. — Пустыни, степи и горы Туркестана въ связи съ остатками древняго населенія 91—92. — Выводы 93. — Связь между кочевниками лѣсо-тундры и лѣсостепи 93—94. — Библіографія 95—98.

II. **Начало культуры** ..... 99—155

Перемѣны въ мѣсторазвитіяхъ за предѣлами исторіи 99—100. — Хронологія, топографія, растительныя и животныя формы до человѣка 100—102. — Хронологія до- и послѣледниковаго періода четвертичной эпохи 102. — Перемѣны климата и очертаній материковъ 104—106. — Распространеніе ледника въ Европѣ и Россіи 106—108. — Линіи отступленія ледника и ихъ отраженіе въ ландкафтѣ разныхъ мѣсторазвитій 108—109. — Древнѣйшая фауна и человѣкъ на непокрытыхъ ледникомъ территоріяхъ Европы 110—111. — Постепенное продвиженіе на востокъ древнѣйшихъ культуръ Европы 111—112. — Новая флора, фауна и человѣческія расы второго періода древнихъ каменныхъ орудій 112—113. — Успѣхи культуры 113. — Путь разселенія по территоріи лесса 114. — Сосуществованіе на открытыхъ пространствахъ лесса флоры и фауны тундры и степи 114—115. — Роль нетронутой ледникомъ волжской возвышенности 116. — Позднее образованіе степей 116—117. — «Открытыя» пространства Сибири 117. — Путь распространенія человѣка Ориньякской эпохи 117—118. — Продолженіе пути въ Сибири 118—120. — Ориньякская культура отъ Франціи до Якутіи 120—131. — Ея успѣхи 121—122. — Стоянки лессовой полосы въ Россіи 123—128. — Ихъ продолженіе въ Сибири 128—131. — «Лофоцефалы» — «эскимоиды» — первые колонисты южной Россіи и Сибири 132—133. — Примитивная культура современныхъ эскимосовъ 134—135. — Ихъ путь съ запада на востокъ и въ Америку 135—136. — Примитивные лофоцефалы на окраинахъ другихъ континентовъ 136—137. — Остатки ихъ въ Европѣ 138—139. — Обратный путь (съ востока на западъ) первоначальнаго заселенія сѣверной Европы въ связи съ этапами отступленія ледника 139—142. — Перемѣны климата въ Россіи 143—144. — От Шигиря до Кунды и дальше — въ сѣверную Европу 145—147. — Заселеніе и культура русскаго сѣвера и Финляндіи 147—150. — Ито-

ги 150—152. — Библіографія 152—155. — Синхроническая таблица смѣны климатовъ и археологическихъ періодовъ 140—141.

III. **Происхожденіе національностей** 156

Относительная пластичность «Расы» и устойчивость «Національности», какъ коррективъ къ ихъ полному противоположенію 157—159. — Условія созданія національности въ періодахъ неолита и металловъ 160—161. — Эволюція этихъ условій въ предѣлахъ неолита 161—162. — Разнообразіе этого процесса въ разныхъ частяхъ Европы 162—163. — Типы ископаемой керамики — главное средство выдѣленія разныхъ круговъ культуры. 163. — Соединеніе этихъ круговъ въ болѣе широкія (національныя) группы — современная задача археологіи 163—164. — Прочность кореннаго населенія и передвиженія завоевателей — двѣ стороны національнаго процесса 164. — Ходъ этого процесса въ трехъ мѣсторазвитіяхъ европейской Россіи 164—166. — Роль сѣверной и средиземной расъ по краямъ, альпійской и динарской — въ центрѣ Европы 166—168. — Культура гребеночной керамики на сѣверѣ Евразіи 168—170. — Расовый субстратъ этой культуры: «европиды» 170—172. — Выдѣленіе прагерманцевъ 173. — Выдѣленіе Фатьяновской культуры 173—175. — Эпипалеолитическое населеніе лессовой полосы Европы и Россіи 175—177. — Новыя явленія эпохи перехода къ металламъ 177—178. — Треугольникъ культуры крашеной керамики («трипольской»); его происхожденіе и судьба 178—181. — Территорія шнуровой керамики 181—182. — Ея продвиженіе съ запада на востокъ 182. — Ея элементы: скорченные скелеты, окрашенные охрой, эволюція мегалитическихъ формъ погребенія, типическія формы сосудовъ 182—184. — Видоизмѣненія на востокъ отъ Днѣпра 185—186. — Ошибочность теоріи о приходѣ шнуровой культуры съ востока на западъ 186—187. — Мѣсторазвитіе Черноморья, кубанскіе курганы 187—189. — «Хвалынская» культура нижняго Поволжья 189. — Происхожденіе «катакомбныхъ» могилъ Дона и Дон-

ца 190—191. — Появленіе мѣди и мѣстныя литейныя мастерскія 191—192. — Отношеніе археологическихъ «круговъ культуры» къ происхожденію индо-европейскихъ народностей 192—193. — Малоазіатскія находки и хронологія индо-европейской «прародины» 194—196. — Споры о первенствѣ длинноголовыхъ или короткоголовыхъ 197—199. — Вопросъ о происхожденіи короткоголовыхъ въ Европѣ 199—200. — Компромиссныя теоріи прародины 201—202. — Внѣшній «прародинѣ» кругъ древнѣйшаго не-индоевропейскаго населенія 202—203. — Антропологическій субстратъ разселенія индоевропейцевъ во внутреннемъ кругѣ 203—205. — Роль пришлаго элемента «пасторалистовъ» въ соціальномъ разслоеніи среднеевропейскаго древнѣйшаго населенія 206—207. — Территорія Унетицкой культуры 210—211. — Распространеніе Лужицкой культуры 211. — Колонизація Польши лужичанами 211—214. — Иллирійцы, какъ носители лужицкой культуры 215. — Ихъ продвиженіе къ Адріатикѣ 215. — Встрѣча съ кельтами въ Гальштадтѣ 215—217. — Мѣсто славянъ въ унетицко-лужицкой культурѣ; недоумѣнія Пуассона 217—218. — Споръ о происхожденіи славянъ 218—219. — Отношеніе иллирійцевъ и венетовъ 219—221. — Венеты на Дунаѣ 221—222. — На путяхъ янтаря 222—223. — Въ верховьяхъ Вислы и Одера 223—224. — Въ Силезіи (Лужицы) 224—225. — Объединены Само 225—226. — Происхожденіе названій венедовъ и славянъ 226—227. — Древнѣйшая славянская ономастика: на Дунаѣ 227—228. — Вдоль limes sorabicus 228—230. — Въ горныхъ проходахъ Швейцаріи и Тироля 230—231. — Вопросъ о непрерывности славянской культуры 231—232. — Непрочность ея древнѣйшихъ признаковъ 232—233. — Позиція польскихъ археологовъ 233—234. — Преобладаніе динарскаго типа, какъ связующій признакъ 234—235. — Динарскій типъ — современный и временъ Геродота 235—237. — Его распредѣленіе на славянской территоріи, въ Австріи, Венгріи, Чехіи, Швейцаріи и южной Германіи 237—239. — Польская колонизація 239—240. — Проблема польской

антропологіи 240. — Расы Европы по Гюнтеру и новая теорія Чекановскаго 241—243. — Антропологія Польши 244—245. — Ея спорные пункты 245—246. — Положительная сторона выводовъ Чекановскаго 246—247. — Выводы о среднеевропейской прародинѣ индоевропейцевъ 248. — Несостоятельность компромиссной теоріи «прародины» въ южно-русскихъ степяхъ 248—250. — Пути распространенія индоевропейцевъ на территоріи Россіи 250—251. — Степныя культуры юго-востока Россіи 251. — «Звѣриный стиль», какъ первый связующій признакъ 251. — Хронологія и топографія звѣринаго стиля 252—253. — Его происхожденіе въ горныхъ монархіяхъ Малой Азіи и Месопотаміи 253—254. — Роль хиттитовъ и связь съ Закавказьемъ 254—259. — Художественное творчество Луристана 259—263. — Два пути распространенія звѣринаго стиля: плоскогорія и степи 263—264. — Погребенія въ «срубѣ», какъ второй связующій признакъ кочевыхъ культуръ 265. — Древнѣйшія срубныя погребенія южно-русской степи и Предкавказья 265—267. — Погребенія Закавказья 268, нижняго Поволжья, южнаго Урала 269—270. — Ворота въ среднюю Азію 270. — Наступленіе пустыни и кочевниковъ 270—271. — Ихъ встрѣча съ осѣдлымъ иранскимъ населеніемъ предгорій Туркестана 271—272. — Культурные посредники между Ираномъ и Туркестаномъ 272—273. — Появленіе «хунну» 273—274. — Кочевое и осѣдлое населеніе Туркестана въ борьбѣ противъ «хунну» по китайскимъ источникамъ 274—276. — Переходъ къ Киргизскому краю 276—277. — Этнографія и антропологія «хакасовъ» и «динлинъ», — ихъ «европидныя» черты 277—278. — Ихъ туркизація 278. — Смѣшанный типъ «узуней» 279. — Результатъ смѣси «узуней» и скифовъ 279—280. — Связь Илійской долины съ верхнимъ Енисеемъ 280. — Двѣ эпохи заселенія по наблюденіямъ Минцлова въ Урянхаѣ 280—283. — Сѣверо-восточный путь кочевниковъ черезъ Уральскія ворота 284—285. — Срубныя погребенія кочевниковъ въ раскопкахъ Радлова и его наблюденія надъ двумя эпохами заселенія 285—287. — Стадіи культуры и звѣри-

ный стиль въ Красноарскѣ и Минусинскѣ 287—288. — Выводы относительно роли кочевниковъ и осѣдлаго населенія въ предгорьяхъ, пустыняхъ и лѣсостепи Азіи 289—291. — Примѣненіе ихъ къ выясненію скифскаго вопроса 291—292. — Основныя положенія Геродота 292—295. — Предѣлы его знаній 295—296. — Ихъ сопоставленіе съ археологическими данными («Герросъ») 296—297. — Южный путь проникновенія скифовъ и ихъ предшественниковъ въ русскихъ степяхъ 297—299. — Происхожденіе вторженія съ сѣвера и его особенности 299—300. — Промежуточный этапъ пути изъ Киргизскаго края 300—301. — Центръ выработки сѣвернаго варіанта звѣринаго стиля 301. — Расцвѣтъ Скифіи и замиреніе степи по курганамъ IV-III столѣтій 302. — Упадокъ торговли и культуры послѣ 200 г. до Р. Х. 302—303. — Кто были скифы? 303. — Иранская и монгольская теорія 303—304. — Антропологическій типъ скифовъ временъ Геродота 304—305. — Значеніе свидѣтельства Гиппократа 305—306. — Иранскій, тюркскій и кавказскій элементы 306. — Правда и заблужденія Н. Я. Марра и его учениковъ 307. — Культура скифовъ на Западѣ 307—309. — Встрѣчное вліяніе Запада 309—310. — Отголоски въ верхнемъ Поволжьѣ 310—311. — Библіографія 311—318.

Заключеніе. Проблемы преисторіи въ свѣтѣ «мѣсторазвитій» 319—332. — Проблема первоначальнаго заселенія 320—321. — Проблема происхожденія національностей 321—325. — Проблема происхожденія славянства 326—327. — Проблема степной культуры 328—331.

ОГЛАВЛЕНІЕ КАРТЪ И РИСУНКОВЪ

1. Климатическія зоны (по Круберу) 40
2. Климатическія провинціи (по Зупану) 43
3. Годовыя колебанія температуры («амплитуды») 46
4. Распредѣленіе осадковъ 46
5. Распредѣленіе типовъ культуры (по Запперу) 47

6. Продолжительность снѣговаго покрова 50
7. Вѣтры и осадки (по Высоцкому) 51
8. Почвенная карта Россіи (по Агафонову) 54
9. Карта растительнаго покрова (П. Н. Савицкаго) 58
10. Карта распредѣленія растительности (Н. А. Буша) 60
11. Растительность Сибири (по Комарову) 65
12. Почвенная карта Туркестана (по Л. И. Прасолову) 70
13. Распространеніе лисицы (С. И. Огнева) 73
14. Зоогеографія Сибири (по С. И. Огневу) 75
15. Распредѣленіе густоты населенія 80
16. Распространеніе и отступленіе ледника въ Европѣ (карта Верта) 107
17. Наступленіе и отступленіе ледника въ Россіи (по Танфильеву) 109
18. Археологія Сибири (по Іохельсону) 130
19. Черепа «лофоцефаловъ» (по Серджи) 133
20. Черепъ Brocken Hill изъ Родезіи 137
21. Таблица отъ міолита до каменнаго вѣка ..... 140—141
22. Перемѣны климата въ Россіи (по Герасимову) 144
23. Изображенія сѣверной культуры на скалахъ 148
24. Европейскія расы и доисторическія культуры въ Россіи ..... 16?
25. Керамика гребеночной культуры 171
26. «Европиды» отъ Восточной Пруссіи до Ангары 172
27. Неолитическія культуры второго мѣсторазвитія въ Россіи 174
28. Волнообразная теорія І. Шмидта 195
29. Разселеніе индо-европейцевъ по Іогансену 196
30. Территорія Унетицкой культуры (по Зегеру и Схранилу) ..... 209.
31. Продвиженіе лужицкой культуры на территоріи Польши (по Антоніевичу) 212
32. Типы динарской расы 236
33-34. Распредѣленіе расъ въ Европѣ (по Гюнтеру и Чекановскому) 242
35 Карта евразійскихъ переселеній 256
36. Параллели звѣринаго стиля, I 259
37. Параллели звѣринаго стиля, II 262
38. Срубныя погребенія разныхъ эпохъ 266
39. Антропологическіе типы Евразіи 282
40. Распредѣленіе скифскихъ кургановъ 293
41. Профиль и фасъ скифа 304

Введеніе

Внѣшняя и внутренняя исторія «Очерковъ». — Отношеніе ихъ къ тремъ идеологіямъ трехъ поколѣній: народнической, марксистской и реставрированной славянофильской. — Собственная точка зрѣнія автора — соціологическая. — Закономѣрность или необъяснимость исторіи? — Параллелизмъ духовнаго и матеріальнаго начала. — Всемірная исторія или отдѣльные національные организмы? — Судьба всемірно-исторической точки зрѣнія. — «Новая наука» о сходной эволюціи общественныхъ организмовъ. — Отрицаніе неподвижныхъ національныхъ типовъ и выдѣленіе сходныхъ соціологическихъ рядовъ. — Взаимозависимость рядовъ и ихъ іерархія. — Коптъ и Спенсеръ. — Одностороннее изученіе эволюціи отдѣльныхъ рядовъ у послѣдующихъ соціологовъ. — Окружающая среда — источникъ своеобразія процессовъ. — Близкое и далекое сосѣдство. — Проблема личности въ исторіи. — Предѣлы научнаго объясненія. — Значеніе термина «культура». — Планъ построенія «Очерковъ». — Проблемы сходства и своеобразія русскаго процесса. — Ихъ новѣйшее обостреніе и необходимый синтезъ.

«Очерки по Исторіи Русской Культуры» имѣютъ уже сами достаточно длинную сорокалѣтнюю исторію. Появившись въ первоначальномъ видѣ въ литографированномъ изданіи лекцій, читанныхъ мною на педагогическихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ въ 1892-93, 94 и въ 1894-95 г.г., они затѣмъ были помѣщены въ переработанномъ видѣ въ журналѣ «Міръ Божій». Начиная съ 1896 по 1909 г. они выдержали цѣлый рядъ изданій, постоянно исправлявшихся и дополнявшихся.

Но кромѣ этой исторіи, «Очерки» имѣли и внутреннюю. За сорокъ лѣтъ смѣнилось два поколѣнія, и выступило на сцену уже третье. За тѣ же годы Россія пережила двѣ революціи. Книгѣ предстояло выдержать двойное испытаніе — смѣнявшихся политическихъ доктринъ и исключительнаго по значительности опыта жизни. Кажется, не будетъ ошибочнымъ признать, что «Очерки» это испытаніе выдержали. Составляя предисловіе къ шестому изданію перваго тома (1909 г.), я счелъ себя вправѣ сказать, что «послѣднія

событія (революціи 1905 г.) не только не опровергли и не измѣнили общаго построенія «Очерковъ», но, напротивъ, лишь явились подтвержденіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ выводовъ автора». Въ настоящее время, выпуская въ свѣтъ «юбилейное» изданіе «Очерковъ» въ моментъ, когда Россія переживаетъ глубочайшія измѣненія, безпримѣрныя во всей ея исторіи, я могъ бы по прежнему подтвердить это заявленіе, сдѣланное 25 лѣтъ тому назадъ.

Такая жизнеспособность книги въ значительной степени объясняется, по моему крайнему разумѣнію, тѣмъ обстоятельствомъ, что автору удалось сохранить извѣстную независимость отъ міровоззрѣній, поочередно господствовавшихъ надъ умами русской интеллигенціи и трижды смѣнившихся за этотъ долгій промежутокъ времени. Въ первые же годы послѣ своего появленія на свѣтъ «Очерки», рядомъ съ широкимъ признаніемъ со стороны читающей публики, подверглись перекрестному обстрѣлу со стороны двухъ тогда боровшихся идеологій: народнической и соціалъ-демократической Со стороны народниковъ возраженія принципіальнаго характера были сдѣланы В. А. Мякотинымъ и Н. Русановымъ; со стороны соціалъ-демократовъ (марксистовъ) возражали П. Б. Струве и М. И. Туганъ-Барановскій. Съ сущностью возраженій перваго рода и съ моими отвѣтами на нихъ читатель можетъ познакомиться отчасти по предисловіямъ къ II-му и III-му томамъ, перепечатаннымъ почти безъ измѣненій. Полемика съ возраженіями второго рода велась въ предисловіяхъ къ 3-му (1898) и 4-му (1900) изданіямъ перваго тома «Очерковъ», а въ дальнѣйшихъ изданіяхъ (5, 6 и 7) была перенесена въ приложенія къ этому тому. Многія детали тогдашнихъ споровъ теперь уже потеряли интересъ, и потому въ настоящемъ изданіи это приложеніе не перепечатывается. Къ нѣкоторымъ изъ сдѣланныхъ тамъ замѣчаній я возвращусь въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ «Очерковъ».

Къ чему сводились наши тогдашнія разногласія? Что касается народничества, — иллюзіи старшихъ представителей этого виднаго теченія далеко еще не были изжиты въ концѣ XIX вѣка. Въ противоположность этимъ иллюзіямъ, «Очерки» рисовали картину крайней отсталости и элементарности русскаго историческаго процесса. Такая картина сама по себѣ исключала горделивую надежду, что русскій народъ станетъ во главѣ цивилизаціи и скажетъ обветшалому міру свое мистическое «новое слово». Я признал *одну* правду въ утвержденіяхъ народниковъ и ихъ предшественниковъ славянофиловъ: признал глубокое *своеобразіе* русскаго историческаго процесса. Но, прежде всего, я не считалъ это своеобразіе неизмѣннымъ и неразложимымъ (стр. 6, 21). А затѣмъ, въ наличности создавшихъ

это своеобразіе природныхъ и историческихъ условій я отнюдь не усматривалъ залога особаго совершенства русской культуры. Я указывалъ на нихъ скорѣе, какъ на тормазъ, объясняющій запоздалость ея развитія.

Съ марксистами меня объединяло и раздѣляло другое. Молодое поколѣніе русскихъ марксистовъ, тогда только-что выступившее на литературную арену, во многомъ исправило ошибки стараго народничества. Не признать этого было нельзя. И «Очерки» въ глазахъ тогдашней молодежи нѣкоторое время считались выражающими ея взгляды. Но у этого поколѣнія опять нашлись заблужденія, которыхъ авторъ «Очерковъ» раздѣлять не могъ. Подобно теоретикамъ научнаго марксизма «Очерки» положили въ основу изученія идею строгой закономѣрности историческаго процесса. Но не у марксизма только эта идея была заимствована (см. ниже). Напротивъ, то поколѣніе марксистовъ придало идеѣ закономѣрности такую исключительную форму, принять которую было невозможно. «Очерки» отвергли сведеніе закономѣрности къ доктринѣ «экономическаго матеріализма». Далѣе, подобно марксистамъ и вопреки народникамъ и націоналистамъ «Очерки» признавали сходство основной линіи русской эволюціи со всякой другой, которая имѣла возможность развернуться и пройти закономѣрную смѣну одинаковыхъ ступеней процесса. Такова была, прежде всего, эволюція западно-европейская. Но «Очерки» рѣшительно разошлись съ русскими марксистами — по крайней мѣрѣ съ наиболѣе вліятельными изъ нихъ, — какъ въ оцѣнкѣ *темпа* этого одинаковаго по существу процесса, такъ и въ оцѣнкѣ его политическихъ *результатовъ*. Марксизмъ отвергъ религіозно-философскій и соціально-политическій мессіанизмъ стараго народничества. Но онъ вовсе не отказался по существу отъ мессіанской идеи. Онъ лишь замѣнилъ одну мессіанскую программу другою, — въ сущности даже довольно близкою къ прежней. Предстоящее міровое торжество крестьянской «общины» и «хороваго начала» было отвергнуто. Но оно было замѣнено еще болѣе близкимъ міровымъ торжествомъ городскаго пролетаріата. На мѣсто Бакунинской идеи крестьянскаго анархизма, федерирующихся снизу вверхъ «коммунъ» была лишь поставлена Ленинская идея политическаго захвата аппарата централизованнаго государства сверху «сознательнымъ меньшинствомъ». Къ несчастью, эта идея была гораздо реалистичнѣе прежней, что и доказано ея временнымъ торжествомъ. Въ «Очеркахъ» можно было, при желаніи, заранѣе найти всѣ необходимыя возраженія противъ этого новаго метода введенія человѣчества во врата соціалистическаго рая. «Очерки» указывали, какъ, при видимомъ ростѣ капитализма въ

послѣднія десятилѣтія, эта новая ступень экономическаго развитія была неполно и непрочно достигнута. «Очерки» вообще подчеркивали слабость и медленность развитія городскихъ элементовъ въ Россіи и сохраненіе традиціоннаго преобладанія земледѣльческаго элемента надъ индустріальнымъ. Въ особенности же «Очерки» настаивали на крайней слабости всей *государственной* надстройки, при всемъ ея видимомъ могуществѣ, на отсталости ея экономической основы — и, въ результатѣ, неорганичности и непрочности ея развитія. «Очерки» указывали и на призрачность элементовъ классовой самостоятельности и силы — на служебную роль классовъ въ восполненіе того, чего недоставало государству. Самый ростъ деспотизма государства въ процессѣ историческаго строительства являлся при этомъ объясненіи столько же причиной, сколько и слѣдствіемъ слабости соціальнаго разслоенія русскаго общества. Боевой марксизмъ не могъ не признать всѣхъ этихъ положеній, ибо онъ ими и воспользовался для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ практическій выводъ: предусмотрѣть легкость сверженія государственной власти и уничтоженія классовъ въ пользу т. наз. «пролетарской диктатуры». Историческая связь тутъ, несомнѣнно, имѣется; но она даетъ событіямъ смыслъ, противоположный марксистской доктринѣ: ея побѣда есть шагъ не впередъ, а назадъ въ русскомъ историческомъ процессѣ: «надстройка» упрощена сообразно примитивности «базы».

Послѣ заката народничества и торжества марксизма «Очерки» пережили и третью «переоцѣнку цѣнностей» — въ духѣ «упадочничества» конца XIX вѣка. Стадія декаданса оказалась, правда, временной и быстротечной; но новыя идейныя настроенія были закрѣплены неудачей первой революціи и подогрѣты катастрофой, къ которой привела вторая. Реакція противъ революціонности, максимализма и космополитизма руководящей части интеллигенціи приняла здѣсь форму рецидива славянофильства. Возрожденный «идеализмъ» былъ противопоставленъ «матеріализму», православіе — «безбожію», мистика — раціонализму. Мораль и эстетика были выдвинуты противъ права, этика — противъ науки, національнизмъ — противъ космополитизма, традиція — противъ революціи, личное самоусовершенствованіе — противъ усовершенствованія учрежденій, «общеніе съ Богомъ» — противъ общественнаго служенія, конецъ міра — противъ безконечнаго прогресса, преданіе «Москвы — третьяго Рима» — противъ Петровской европеизаціи, максимализмъ «Вѣхъ» и «Новаго Града» — противъ максимализма «Народной Воли» и «Искры».

Подводить итоги этой послѣдней волны интеллигентскаго психоза какъ будто еще рано. Выставленные когда-то авторами сбор-

никовъ «Проблемы идеализма» (1902) и «Вѣхъ» (1909) положенія подхвачены «пореволюціонными» теченіями «молодежи», — какъ переставшей быть ею, такъ и только-что вступившей въ этотъ счастливый возрастъ. И до сихъ поръ — sub judice lis est. Было бы, конечно, признано субъективнымъ сужденіе автора «Очерковъ», въ какой степени новое наводненіе грозитъ потопить его сорокалѣтнее дѣтище. Но, можетъ быть, будетъ позволено замѣтить, что копія всегда слабѣе оригинала и что борьба противъ новаго повѣтрія едва-ли окажется труднѣе прежней борьбы. Два обстоятельства успокаиваютъ автора «Очерковъ» за ихъ дальнѣйшую судьбу: строгая фактичность подобраннаго матеріала и опытъ обработки его соотвѣтственно новѣйшимъ заданіямъ науки. Ибо къ наукѣ все же нужно будетъ вернуться послѣ тщетныхъ попытокъ ее дискредитировать и найти какіе-то новые пути знанія. И въ «Очеркахъ» придется новому поколѣнію молодежи черпать знанія, которыхъ ей недостаетъ.

Выше я упомянулъ, что мнѣ удалось сохранить независимость отъ вліянія обоихъ главныхъ направленій, господствовавшихъ надъ умами русской интеллигенціи послѣдней четверти XIX вѣка, — народничества и марксизма. Этимъ я обязанъ, прежде всего, тому, независящему отъ меня обстоятельству, что я принадлежу къ поколѣнію, которое моложе поколѣнія «семидесятниковъ», увлеченнаго народничествомъ, но старше поколѣнія «восьми-» и «девятидесятниковъ», присягнувшихъ на служеніе Марксу, а отъ него частью перешедшихъ къ проповѣди религіозно-мистической реакціи. За то я испыталъ на себѣ, уже въ студенческіе годы, вліяніе обоихъ основателей современной соціологіи, творца позитивной философіи Огюста Конта и автора синтетической философіи Герберта Спенсера. Я слѣдилъ затѣмъ и за дальнѣйшимъ развитіемъ соціологіи — преимущественно въ англосаксонскихъ и романскихъ странахъ; но, за исключеніемъ Канта и неокантіанства, остался чуждъ вліянію германскихъ авторитетовъ, повліявшихъ на поколѣніе девятидесятниковъ. Я привожу эти автобіографическія данныя, такъ какъ они характеризуютъ источники, изъ изученія которыхъ сложились мои представленія о задачахъ научнаго объясненія исторіи.

Я не пишу здѣсь соціологическаго трактата и постараюсь представить внушенныя всѣмъ этимъ изученіемъ истины въ видѣ краткихъ тезисовъ, положенныхъ мною въ основу при обдумываніи и составленіи «Очерковъ». Положенія эти замѣнятъ то систематическое изложеніе, которое составляло предметъ «Введенія» въ предыдущихъ изданіяхъ. Считаю нелишнимъ прибавить, что опущеніе этого «Введенія» не означаетъ перемѣны моихъ взглядовъ: они остаются,

въ существѣ, такими же, какими были въ то время. Но, можетъ быть, въ этомъ изданіи они будутъ рѣзче выражены и болѣе систематически проведены въ самомъ текстѣ.

Первымъ моимъ положеніемъ будетъ, естественно, самое общее:

1) *Понятія закономѣрности и эволюціи должны быть распространены изъ области естественныхъ наукъ въ область наукъ гуманитарныхъ.*

Въ приложеніи къ исторіи культуры этотъ тезисъ отчасти противополагается, отчасти исключаетъ другія понятія о задачахъ историческаго изложенія. Онъ *противополагается* такъ называемой повѣствовательной исторіи, — исторіи «событій», исторіи «случившагося» — терминъ, который самъ по себѣ указываетъ на элементъ «случайнаго», преобладающій въ такой исторіи (см. ниже). Это не значитъ, что повѣствовательная исторія отрицается сторонниками закономѣрнаго объясненія исторіи. Она скорѣе занимаетъ по отношенію къ послѣднему роль подготовительнаго подбора фактовъ, получая значеніе *конкретной* науки по отношенію къ *абстрактной*, по системѣ Конта. Я обхожу здѣсь значеніе *художественнаго* элемента въ повѣствовательной исторіи, такъ же, какъ и вопросъ объ отношеніи въ ней случайнаго элемента къ существенному, которые оба могутъ въ ней совмѣщаться. Естественно, что личная исторія «вождей» народовъ, ихъ дѣянія и судьба, ихъ взаимныя отношенія, ихъ внутренняя и внѣшняя политика будутъ главнымъ содержаніемъ такой исторіи. Но соціологъ не исключаетъ возможности закономѣрнаго объясненія даже и того, что придаетъ разсказу его *индивидуальный* характеръ.

Этимъ соціологическая точка зрѣнія отличается отъ другой, которую она *отрицаетъ*. Сюда относятся всѣ тѣ ученія, старыя и новыя, которыя объявляютъ индивидуальное — неразложимымъ, неповторяемымъ и не подлежащимъ научному анализу. Характернымъ образомъ, мнѣніе «Очерковъ» столкнулось въ этомъ пунктѣ съ мнѣніемъ П. Б. Струве, который хотѣлъ наложить на автора свое «гносеологическое вето»... Я считалъ возможнымъ «объяснить» индивидуальность; Струве предлагалъ мнѣ ее «устранить» и «игнорировать». Онъ такъ формулировалъ свое обвиненіе. «Г. Милюковъ обнаруживаетъ (моимъ мнѣніемъ, что «индивидуальная физіономія факта такъ же подлежитъ закономѣрному объясненію, как и его общій характеръ»), что ему совершенно чуждо, во-первыхъ, непротиворѣчивое понятіе закономѣрности, во-вторыхъ, ясное представленіе о томъ, что такое индивидуальное. Понятно, говоритъ Риккертъ (его авторитетомъ покрывается здѣсь Струве), лишь то, что можно

сравнить съ чѣмъ-нибудь другимъ; и понятнымъ что-нибудь можетъ быть лишь постольку, поскольку оно похоже на что-нибудь другое... Непонятна, необъяснима, unbegreiflich, каждая отдѣльная личность въ томъ, что отличаетъ ее отъ другихъ личностей... «Понимать индивидуальность — значитъ отрицать ее, какъ таковую». Игнорированіе личности въ соціологіи или, точнѣе, ея устраненіе изъ соціологіи, есть въ сущности, только частный случай стремленія «къ научному познанію». (Цитата изъ «Критическихъ замѣтокъ» Струве). Тамъ, гдѣ допускается индивидуальность, не можетъ быть и рѣчи о закономѣрности въ строгомъ смыслѣ. Принципъ строгой закономѣрности дѣйствуетъ на индивидуальныя представленія и образы, какъ вода на огонь. Все индивидуальное гаснетъ отъ «понятія» и «закона».

Эта аргументація характерна, какъ пережитокъ попытокъ сохранить метафизическое или даже теологическое значеніе за «индивидуальностью» и ея «свободой». Въ «соціологіи» нѣкоторыхъ направленій это разсужденіе обычно распространяется съ личности на цѣлые народы, «духъ» которыхъ также признается «индивидуальнымъ», неразложимымъ, а потому и необъяснимымъ. Мы имѣемъ и новѣйшій варіантъ того же объясненія, отрицающій — на томъ же основаніи — вообще возможность научнаго объясненія историческаго процесса. Но вѣдь не повторяется вообще все, что происходитъ на свѣтѣ; не повторяются и явленія другихъ отдѣловъ міровой жизни. Неповторимъ каждый листъ дерева; неповторима каждая особь животнаго царства, каждый случай паденія предмета. И, однако, мы говоримъ о *законѣ* тяготѣнія, изучаемъ *закономѣрность* біологическихъ явленій и т. д. «Идіографическая» точка зрѣнія Отмара Шпана, очевидно, или должна примѣняться рѣшительно ко всему, что происходитъ въ мірѣ, или же она не должна примѣняться и къ области гуманитарныхъ наукъ. Въ свое время я отвѣтилъ Струве ссылкой на Зиммеля, у котораго онъ могъ бы узнать, что его утвержденія суть чистѣйшій «платонизмъ» и что въ дѣйствительности стремленіе «разложить общія понятія на сумму отдѣльныхъ явленій, которымъ однимъ только свойственна реальность, — составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей современнаго склада мысли». Примѣръ этого мы увидимъ въ ближайшей же главѣ «Очерковъ».

Итакъ, даже и «индивидуальное» не можетъ исключать закономѣрнаго объясненія. Вообще же попытки закономѣрнаго объясненія исторіи такъ же древни, какъ попытки вообще размышлять объ исторіи. Нашему времени принадлежитъ лишь приведеніе этой основной и неистребимой потребности человѣческаго духа въ научную систему и послѣдовательное ея проведеніе. Здѣсь мы можемъ

перейти ко второму тезису, какъ къ первому выраженію этой послѣдовательности во всякой доктринѣ, стремящейся къ синтезу.

2) *Научный синтезъ въ соціологіи снимаетъ противоположеніе духовнаго и матеріальнаго начала.*

Всѣ явленія человѣческой цивилизаціи протекаютъ въ духовной средѣ. Этимъ явленія соціологіи отличаются отъ явленій физіологіи. Только въ соціальной средѣ формируется человѣческая психика (ср. предисловіе къ третьему тому). Учрежденія, экономика, бытъ, суть такіе же духовные продукты соціальной среды, какъ религія и искусство. За то, какъ только-что сказано выше, не можетъ быть допускаемо различіе, проводившееся между «матеріей» и «духомъ» въ томъ отношеніи, что первая область явленій подчинена закону, тогда какъ вторая свободна. Все подчинено законамъ: въ области процессовъ духа господствуетъ такой же детерминизмъ, какъ и въ области процессовъ матеріальныхъ. Это утвержденіе, притомъ, не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ того, можемъли мы или не можемъ при настоящемъ состояніи науки открыть эти законы. Но тутъ же необходимо сдѣлать оговорку: между двумя упомянутыми сторонами явленій не слѣдуетъ пытаться устанавливать непосредственной причинной зависимости или сводить одно начало къ другому. Современная соціологія не идетъ дальше установленія *параллелизма* между «субъективнымъ» и «объективнымъ» рядами явленій, если употреблять терминологію Гиддингса.

При формулировкѣ слѣдующаго тезиса мы должны уже сдѣлать нѣкоторый выборъ среди ученій современной соціологіи. И тутъ до извѣстнаго момента я оказываюсь попутчикомъ эпигона славянофиловъ, натуралиста и автора славянофильскаго «евангелія» («Россія и Европа») Н. Я. Данилевскаго. Разъ рѣчь идетъ о созданіи науки, то для подготовки фактовъ къ извлеченію изъ нихъ законовъ эти факты должны быть уложены въ нѣкоторую «естественную систему» или классификацію. Въ основу такой системы въ соціологіи должна быть, по моему мнѣнію, положена не идея всемірной исторіи, а сравненіе исторій отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ. Третій тезисъ получаетъ, такимъ образомъ, слѣдующую формулировку:

3) *Научная соціологія отодвигаетъ на второй планъ точку зрѣнія всемірной исторіи. Она признаетъ естественной единицей научнаго наблюденія отдѣльный соціальный (— національный) организмъ.*

Идея всемірной исторіи имѣетъ почтенную давность. Въ своемъ происхожденіи она тѣсно связана съ религіозной идеей божественнаго промысла управляющаго судьбами человѣчества. Отсут-

ствіе или неясность связи между отдѣльными звеньями цѣпи, составляющей исторію человѣчества, покрывается вѣрой въ это высшее руководство, которому одному извѣстна цѣль существованія и чередованія человѣческихъ обществъ. Эта вѣра вполнѣ замѣняетъ изслѣдованіе, и самая схема всемірной исторіи, основанная на водительствѣ провидѣнія, предшествуетъ всякому изслѣдованію. Въ сущности, всякая универсальная религія имѣетъ готовую нить, связывающую звенья — въ фактѣ своего распространенія и усвоенія въ мірѣ. Естественно, что первой попыткой всемірной исторіи и явилась De civitate Dei блаженнаго Августина (413-426), взявшая темой распространеніе христіанства на развалинахъ римской имперіи. Все предшествующее появленію христіанства схематизировалось втеченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ подъ формулой четырехъ монархій Даніилова пророчества, послѣдней изъ которыхъ и была римская имперія. Для дальнѣйшей исторіи въ этой схемѣ не было мѣста. И когда Боссюэтъ въ 1681 году составлялъ для уроковъ дофину на той же теологической основѣ свой Discours sur l'histoire universelle, это было уже полнѣйшимъ анахронизмомъ. Его «всемірная исторія» вышла безсвязнымъ подборомъ фактовъ, не проведенныхъ черезъ историческую критику. Католическую философію всемірной исторіи можно считать на этомъ опытѣ законченной. Слабымъ отраженіемъ того же міровоззрѣнія была попытка создать и для православія особую всемірно-историческую схему — въ формѣ преемства «трехъ Римовъ» (Римъ — Константинополь — Москва «третій Римъ», см. «Очерки», т. II-ой, стр. 24-27 и т. III-ій, стр. 50-59).

Но идея всемірной исторіи вовсе не раздѣлила судьбы средневѣковой схемы. Она, напротивъ, получила богатое развитіе подъ вліяніемъ идей протестантизма въ Англіи и Германіи и «просвѣтительнаго вѣка» во Франціи. Изъ теологической она мало по малу превратилась въ метафизическую и раціоналистическую. Конечно, въ каждой изъ упомянутыхъ странъ эта идея получила особый оттѣнокъ. Въ Англіи отъ Бекона до Бокля ходъ міроваго процесса былъ объясняемъ накопленіемъ опытнаго знанія. Во Франціи отъ Вольтера до Конта та же идея была развита въ борьбѣ съ церковью, какъ освобожденіе человѣчества отъ средневѣковыхъ суевѣрій и преодолѣніе католицизма путемъ секуляризаціи науки, торжества разума и организаціи его завоеваній. Въ Германіи, наименѣе отошедшей отъ господства теологическаго міровоззрѣнія, идея всемірной исторіи превратилась въ рукахъ романтиковъ и философовъ, отъ Гердера до Гегеля, въ ученіе о постепенной гуманизаціи человѣчества и о воспитаніи его къ свободѣ — безъ яваго разрыва

съ неисповѣдимыми велѣніями промысла. При всѣхъ различіяхъ въ этихъ варіантахъ переходной эпохи, всѣмъ имъ была обща мысль о доминирующей роли личности, постепенно освобождающейся въ процессѣ, и о прогрессѣ человѣческаго знанія и разума, какъ движущей пружинѣ самого процесса. При всемъ огромномъ шагѣ впередъ этого взгляда сравнительно съ средневѣковымъ, уже въ то время были замѣчены отрицательныя стороны такого пониманія всемірной исторіи. Прежде всего указано было на произвольность выдѣленія одной только опредѣленной группы народовъ, призванныхъ составить цѣпь прогресса, и устраненія изъ схемы всего остальнаго человѣчества, за исключеніемъ обитателей Европы и передней Азіи. Другимъ недостаткомъ было, конечно, то, что отдѣльные народы, введенные въ цѣпь, разсматривались только со стороны внесеннаго ими во всемірную исторію вклада, причемъ характеръ этого вклада опредѣлялся гипотетическими особенностями народнаго «духа», якобы двигавшими каждый разъ впередъ весь всемірно-историческій процессъ. Наконецъ, «духъ» этотъ и у Вольтера, и у Гердера, — а тѣмъ болѣе у Гегеля — принимался за нѣкое неизмѣнное во времени начало, которымъ, не входя въ детали, объяснялась и вся исторія «избраннаго» народа. Такая трактовка, конечно, не имѣла ничего общаго съ наукой и, напротивъ, очень много общаго съ теологической идеей «плана», наложеннаго на человѣческія событія свыше. Еще Шлецеръ поднялъ голосъ протеста противъ такого односторонняго использованія историческаго матеріала для абстракцій всемірной исторіи. А когда Ранке отбросилъ спекулятивныя построенія философствующихъ романтиковъ и попытался вернуться къ строго научному эмпирическому трактованію всемірной исторіи, то получилось довольно механическое и скудное сочетаніе «руководящихъ идей» и «господствующихъ тенденцій» въ каждомъ столѣтіи. Выдвигая впередъ борьбу «идей» и избѣгая изображенія борьбы «интересовъ», Ранке уклонился и отъ объясненія происхожденія своихъ «идей». Точнѣе говоря, и онъ остановился тутъ передъ «необъяснимымъ», передъ «божественными велѣніями», т.-е. передъ тѣмъ же теологическимъ объясненіемъ. Выведя изученіе исторіи изъ тупика, въ который завела ее теорія избранныхъ народностей, Ранке впалъ въ другую крайность, общую всемірнымъ историкамъ. Онъ отдалъ предпочтеніе изученію международныхъ связей и вліяній передъ изученіемъ внутренней исторіи отдѣльныхъ государствъ, находясь, притомъ, въ этомъ отношеніи подъ вліяніемъ не только собственныхъ теорій, но и современныхъ ему событій, центромъ которыхъ являлась Германія. При этомъ, правда, совершенно отпадалъ элементъ мистики; но зато слишкомъ выдвигался впередъ элементъ

случайности и личной воли. Психологія дѣйствующихъ въ исторіи личностей — самое сильное мѣсто метода Ранке. Пока Ранке прилагалъ эти пріемы къ конкретному изложенію международныхъ отношеній германо-романскихъ народовъ Европы, онъ проявилъ великое мастерство историка-повѣствователя. Но когда, на склонѣ лѣтъ, онъ принялся за изданіе (неоконченной) «Всемірной исторіи», лишенной теологическаго и метафизическаго освѣщенія, то тутъ и оказалась слабость реальной связи между отдѣльными звеньями этой исторіи, — также какъ и произвольность выбора. Ранке перенесъ центръ тяжести разсказа и тутъ на «ходъ великихъ событій, связывающихъ всѣ народы», а существо этихъ событій видѣлъ не только въ «культурныхъ стремленіяхъ», на которыхъ «вовсе не исключительно покоится историческое развитіе», а въ «импульсахъ совершенно иного рода, преимущественно въ антагонизмѣ націй, которыя борятся другъ съ другомъ за обладаніе территоріей и за первенство». Это и возвращало «Всемірную исторію» въ старый, болѣе привычный кругъ, съ прибавкой чисто германской окраски, т.-е. по существу знаменовало вырожденіе самой идеи. На морализирующемъ варіантѣ всемірно-исторической идеи, выраженномъ въ риторической формулѣ «Die Weltgeschichte ist das Weltgericht» здѣсь нѣтъ надобности останавливаться, такъ же какъ и на новѣйшихъ германскихъ попыткахъ отыскать «den Sinn der Geschichte».

Переходя ко второй половинѣ моего третьяго тезиса — о національномъ *организмѣ*, какъ о естественной единицѣ научнаго изученія, я прежде всего отмѣчу, что эта идея имѣетъ еще болѣе почтенную давность, чѣмъ идея всемірной исторіи. Если идея всемірной исторіи появляется (не считая античныхъ компиляцій) только съ переходомъ отъ античной эпохи къ христіанству и средневѣковью, то идея національной исторіи, какъ особаго цѣлаго, возникаетъ уже въ республикахъ классической древности и возрождается въ итальянскихъ республикахъ ренессанса. Въ этихъ маленькихъ государствахъ-городахъ легко было замѣтить чередованіе формъ государственнаго устройства, связанное съ очереднымъ преобладаніемъ того или другого соціальнаго слоя, а быстрый ходъ этого процесса, совершавшагося на памяти двухъ-трехъ поколѣній, помогалъ связать всѣ этапы процесса въ единый циклъ, имѣвшій свое начало, середину и конецъ и повторявшійся въ рядѣ отдѣльныхъ «политій». Это былъ чрезвычайно подходящій матеріалъ для выведенія изъ него общаго эмпирическаго закона. Такъ, Платонъ и Аристотель въ древности, и итальянскіе гуманисты въ эпоху возрожденія классицизма — въ особенности Джамбаттиста Вико — положили начало «Новой наукѣ», предшественницѣ современной соціологіи, работающей

именно такимъ-же сравнительнымъ методомъ. Языческая наука греческихъ мыслителей и секуляризованная впервые въ Европѣ — наука итальянцевъ счастливо обошлась безъ теологіи и метафизики. Отсюда — почти современный духъ ихъ ученій. Въ частности, Вико съ удивительной проницательностью набросалъ основныя черты своей «Новой Науки», *) несмотря на очень несовершенное состояніе знаній въ его время. Ему вполнѣ ясно было научное значеніе параллельнаго изученія національныхъ исторій для извлеченія изъ нихъ сходныхъ чертъ, доступныхъ объясненію общими причинами. Вотъ его *соціологическій тезисъ*. «Однообразныя вещи, родившіяся одновременно у цѣлыхъ народовъ, незнакомыхъ другъ съ другомъ, должны имѣть общій источникъ истины». «Эта аксіома», поясняетъ Вико, «опровергаетъ общепринятое до сихъ поръ мнѣніе, будто естественное право вышло отъ единственной первой націи, которая позднѣе передала его другимъ народамъ. Это заблужденіе нашло вѣру у египтянъ и грековъ, которые хвалились, что первые распространили на землѣ гуманность и цивилизацію». **)

Главной ошибкой Огюста Конта, при всѣхъ огромныхъ заслугахъ этого творца соціологіи, было именно то, что онъ построилъ свое ученіе о стадіяхъ человѣческаго прогресса по всемірноисторическому принципу. Такъ, онъ ищетъ фетишизма и политеизма въ первобытныхъ и древнихъ обществахъ, монотеизма и метафизики въ среднихъ вѣкахъ и началѣ новой исторіи, а происхожденіе пози-

---

*) «Principi di una scienza nuova» имѣются въ двухъ редакціяхъ. Первая опубликована въ 1725 г. и, по мнѣнію Viazzi, нагляднѣе изображаетъ умственный процессъ, приведшій автора къ его «открытіямъ». Вторая, «Cinque libri de principi» etc., издана въ 1730 г.; ее предпочиталъ самъ Вико, какъ окончательную форму своей мысли, и изъ нея взяты слѣдующія цитаты. Дальнѣйшія добавленія и поправки опубликованы въ посмертномъ изданіи 1744 г. и добавлены въ изданіяхъ Николини.

**) Конечно, Вико очень часто оперируетъ съ понятіемъ «провидѣнія», управляющаго судьбами народовъ. Но въ его употребленіи это — не только средство обезоружить католиковъ, имѣвшихъ основаніе осуждать его основную антитеологическую систему, но, въ болѣе глубокомъ смыслѣ слова, и поставить понятіе закона выше понятія человѣческаго произвола. Въ этомъ же смыслѣ идея провидѣнія эпохи романтической реакціи замѣнила понятіемъ закономѣрности поверхностный «раціонализмъ» XVIII столѣтія. Впрочемъ, Вико лучше этихъ романтиковъ умѣлъ совмѣщать идеи закономѣрности и свободной человѣческой воли (см. ниже, стр. 23-24).

тивизма относитъ къ современности, его развитіе — къ будущему. Тутъ совершенно правъ Н. Я. Данилевскій, когда находитъ популярное дѣленіе на древнюю, среднюю и новую исторію непаучнымъ и устанавливаетъ слѣдующее положеніе, совпадающее по мысли съ ученіемъ Вико. «Собственно говоря, и Римъ, и Греція, и Индія, и Египетъ и всѣ историческія племена имѣли свою древнюю, свою среднюю и свою новую исторію, т.-е., какъ все органическое, имѣли свои фазисы развитія». На этомъ самомъ основаніи и Вико различаетъ у каждаго народа три стадіи развитія, которыя онъ на своемъ языкѣ называетъ вѣкомъ боговъ, вѣкомъ героевъ и вѣкомъ людей, т.-е. въ сущности, теологическимъ, метафизическимъ и позитивнымъ. Въ классическомъ мірѣ была своя («первая») эпоха варварства; въ христіанскомъ мірѣ она въ точности повторилась («второе варварство»).

Новая соціологія скрѣпила это представленіе объ однообразномъ ходѣ національныхъ исторій, проведя аналогію между животнымъ и соціальнымъ *организмомъ*. Именно на этомъ сопоставленіи построилъ свою соціологію Спенсеръ, за которымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ соціологовъ, дополняя эту общую аналогію все новыми чертами, частью искусственными, *) но иногда мѣткими (Лилієнфельдъ, Шеффле, Вормсъ, Фуллье — чтобы назвать только главныхъ изъ нихъ). Недостатокъ системы Спенсера — въ томъ, что къ этой части своей синтетической философіи онъ подошелъ уже на склонѣ лѣтъ и ограничился преимущественно описательной стороной, заимствуя притомъ матеріалъ изъ этнографіи первобытныхъ народовъ. Въ этой области изученіе преемства сходныхъ ступеней развитія было затруднено для Спенсера уже его исходной точкой зрѣнія: желаніемъ приложить къ соціологіи — или даже построить соціологію на закономѣрностяхъ, открытыхъ въ физіологіи. Затѣмъ, вниманіе Спенсера было односторонне сосредоточено на описаніи каждой изъ сходныхъ стадій, тогда какъ генетическая связь между послѣдовательной серіей этихъ стадій осталась въ тѣни.

Сказанное выше подготовляетъ читателя къ моему четвертому тезису:

---

*) Самъ Спенсеръ не отвѣтственъ за увлеченія, вызванныя аналогіей между обществомъ и организмомъ. Онъ опредѣленно говоритъ: «Между живымъ тѣломъ и тѣломъ политическимъ не существуетъ другихъ аналогій, кромѣ тѣхъ, которыя являются слѣдствіемъ взаимной зависимости частей, свойственной имъ обоимъ... Общность основныхъ принциповъ организаціи есть единственная утверждаемая нами общность».

4) *Научная соціологія не признаетъ отдѣльные національные организмы неподвижными, неизмѣнными «типами». Она изучаетъ эволюцію каждаго отдѣльнаго организма и находитъ въ немъ черты сходныя съ эволюціей другихъ организмовъ.*

Первая же фраза этого тезиса отдѣляетъ насъ отъ вышеотмѣченныхъ индивидуалистовъ, отрицающихъ возможность сравненія и, слѣдовательно, научнаго объясненія историческихъ явленій. Правда, первоначально рѣчь идетъ о необъяснимости одного только личнаго элемента въ исторіи съ точки зрѣнія «идіографовъ». Но затѣмъ признаніе необъяснимости и несравнимости «типовъ» распространяется на цѣлые національные организмы т.-е. на все содержаніе исторіи. Точнѣе говоря сходство и возможность сравненія признаются и здѣсь, но лишь до того момента, когда «этнографическій матеріалъ» превращается въ «типъ», — именно, когда въ процессѣ эволюціи присоединяется элементъ «морфологическій», элементъ формы, являющійся въ глазахъ такого противника Дарвина, какъ Данилевскій, началомъ «идеальнымъ въ природѣ». Исходя изъ идеи «органичности» націи, Данилевскій допускаетъ распространеніе этой аналогіи на *возрасты* національной исторіи. Каждая народность переживаетъ періоды молодости, зрѣлости и старости. Данилевскій называетъ ихъ періодами «племеннымъ», «государственнымъ» и «цивилизаціоннымъ». Итакъ, казалось бы, онъ признаетъ общечеловѣческіе законы развитія, свойственные каждому національному организму? Отсюдь нѣтъ. «Племенная» стадія — это для него только матерія безъ формы, народность безъ «идеи». «Государственный» періодъ — тоже подготовительный. Въ это время только складываются національныя учрежденія и національный характеръ. Но вотъ наступаетъ третій періодъ, «цивилизаціонный»; народность развертываетъ въ себѣ присущую ей самобытную «идею», — и готовъ неразложимый и неизмѣняемый «типъ». Въ *этой* стадіи — «начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа».

Научная соціологія отвергаетъ путь «платонизма». Онъ остается достояніемъ теченій, желающихъ сохранить пережитки теологической и метафизической идеологіи — по большей части съ опредѣленной цѣлью увѣковѣчить черты прошлаго національной исторіи. *Цѣль* научной соціологіи — открыть общіе законы исторической эволюціи. Наиболѣе *общее направленіе* этой эволюціи есть то, которое обще ей съ эволюціей физіологической. Спенсеръ весьма удачно опредѣлилъ его, какъ «переходъ отъ несвязанной однородности къ связанной разнородности» — a change from incoherent homogeneity to a coherent heterogeneity. *Фазисы,* которые исторія

каждаго отдѣльнаго соціальнаго организма проходитъ въ этомъ направленіи, находили у разныхъ философовъ исторіи и соціологовъ весьма многообразныя опредѣленія. Число три въ большинствѣ схемъ преобладаетъ. Конечно, оно не сводится къ чередованію «тезиса, антитезиса и синтеза», какъ того требуетъ «діалектическій» методъ Гегеля — Маркса. «Игра всемірнаго духа» въ эту діалектику есть просто игра собственнаго воображенія г.г. философовъ. Въ большинствѣ трехчленныхъ схемъ третья часть не «преодолѣваетъ противорѣчія» первыхъ двухъ, а просто ведетъ процессъ эволюціи дальше ихъ. Наиболѣе удачны притомъ тѣ изъ этихъ схемъ, которыя устанавливаютъ не только какой-либо *одинъ* рядъ ступеней развитія, повторяющихся повсюду, а нѣсколько параллельныхъ рядовъ, соотвѣтственно различнымъ сторонамъ историческаго процесса. Сюда относится нашъ пятый тезисъ:

5) *Научная соціологія выдѣляетъ общія черты эволюціи національныхъ организмовъ въ закономѣрные соціологическіе ряды и старается опредѣлить взаимную зависимость между этими рядами.*

Здѣсь мы вступаемъ въ болѣе спорную область. И число рядовъ (сторонъ жизни), и причинная связь между ними, и ихъ такъ сказать *іерархія* (зависимость болѣе сложнаго отъ болѣе простого) различно опредѣляются различными соціологами. Не отожествляя себя ни съ какимъ отдѣльнымъ изъ этихъ опредѣленій, мы отмѣтимъ лишь интересъ такого рода изысканій и ихъ общее направленіе, въ которомъ выявляется основная истина соціологической эволюціи. Перечислить ихъ всѣ нѣтъ ни возможности, ни надобности; укажу лишь въ хронологическомъ порядкѣ нѣкоторыя, наиболѣе интересныя и связанныя съ содержаніемъ «Очерковъ».

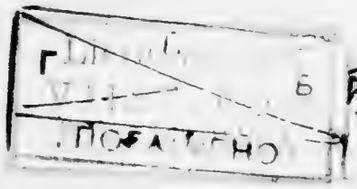
Древнѣйшее изъ такихъ опредѣленій находимъ у Платона. Греческій философъ связываетъ причинной связью политическій рядъ съ психологическимъ. По его классификаціи свойства души распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) Низшія потребности, вытекающія изъ голода и полового чувства. 2) Высшія («благородныя») чувства. 3) Разумъ. Имъ соотвѣтствуютъ въ политическомъ ряду: 1) Экономическое государство (производящаго класса). 2) Военное государство — воиновъ (соотвѣтствуетъ благороднымъ инстинктамъ). 3) Государство совершенныхъ правителей — философовъ. Мы увидимъ, что это построеніе получаетъ отголоски въ современности. А вотъ нѣсколько остроумныхъ и глубокихъ опредѣленій Вико. «Аксіома 64-ая: порядокъ идей развивается сообразно порядку вещей». «Аксіома 65-ая: порядокъ человѣческихъ вещей

опредѣляется такой смѣной: люди сперва укрывались въ лѣсахъ, потомъ въ хижинахъ, потомъ въ деревняхъ, наконецъ въ городахъ, гдѣ они построили академіи». «Аксіома 67-ая: народы сперва бываютъ отъ природы жестоки. Потомъ они становятся суровыми, затѣмъ благосклонными, деликатными. Наконецъ, они разслабляются». Изъ книги четвертой «Новой Науки»: «мы принимаемъ дѣленіе на три вѣка установленное египтянами: вѣкъ боговъ, вѣкъ героевъ и вѣкъ людей, такъ какъ мы замѣтили у всѣхъ народовъ три вида натуръ. Эти натуры производятъ три вида нравовъ ,а нравы — три вида естественнаго права народовъ, которые въ свою очередь создаютъ три вида гражданскихъ состояній или республикъ» и т. д. Здѣсь, какъ видимъ, уже устанавливается причинная связь — не будемъ разбирать, насколько правильно, — между нѣсколькими іерархически расположенными рядами: физіологическимъ, психологическимъ, юридическимъ и политическимъ.

Контъ затрудняется прямо ставить вопросъ о іерархіи различныхъ сторонъ «соціальной системы» и «соціальнаго прогресса». Онъ лишь настаиваетъ на ихъ взаимозависимости и на ихъ необходимой гармоніи или «солидарности» съ цѣлымъ. Каждая стадія развитія человѣчества отражается во всѣхъ явленіяхъ той-же эпохи. Но у него несомнѣнно есть стремленіе выдвинуть впередъ интеллектуальную сторону психической эволюціи — и даже еще болѣе узко: развитіе науки, какъ системы человѣческихъ знаній. На этомъ основано его знаменитое дѣленіе всей исторіи человѣческаго прогресса на три ступени: теологическую, метафизическую и позитивную. Интеллектуальную эволюцію Контъ прямо провозглашаетъ «преобладающимъ началомъ», «дающимъ импульсъ» остальнымъ сторонамъ въ порядкѣ «подчиненія низшихъ ступеней». Дѣйствительно, на каждой стадіи Контъ слѣдитъ за вліяніемъ этой господствующей черты на всѣ стороны жизни. Теологической стадіи соотвѣтствуетъ военная организація общества и соотвѣтствующая ей мораль, искусство, политическій и соціальный строй. Позитивной стадіи соотвѣтствуетъ развитіе промышленнаго духа, опять-таки отражающагося на всемъ строѣ жизни. Но далѣе начинаются оговорки. Контъ не игнорируетъ воздѣйствія внѣшнихъ условій и вліянія возрастающей плотности населенія и раздѣленія труда. Но силамъ этого рода онъ приписываетъ только ускореніе прогресса, а не его содержаніе. Направленіе и содержаніе соціальному развитію даетъ человѣческій духъ. Контъ не игнорируетъ, какъ мы видѣли, и другихъ сторонъ жизни. Открытіе взаимной связи явленій и соединеніе ихъ въ координированные ряды онъ признаетъ основной задачей научной исторіи, которая не занимается разсказомъ о событіяхъ и каса-

ется частностей только для открытія законовъ. Іерархія рядовъ устанавливается Контомъ двоякая: «естественная» и «раціональная». «Естественная» развертывается въ такомъ порядкѣ: «практическій» или «мірской» и «духовный» рядъ; послѣдній подраздѣляется на промышленный, эстетическій, научный и философскій (конечно, въ смыслѣ философіи Конта). Таковъ «восходящій» снизу вверхъ порядокъ рядовъ, соотвѣтствующій порядку ихъ происхожденія. Но тутъ вмѣшивается троечастная схема Конта, согласно которой восходящій порядокъ свойственъ только среднему, хаотическому метафизическому періоду. Напротивъ, въ первомъ (теологическомъ) періодѣ подъ организующимъ вліяніемъ католицизма и въ послѣднемъ (позитивномъ) подъ вліяніемъ организующей роли философіи — порядокъ рядовъ переворачивается и становится нисходящимъ — сверху внизъ, отъ самаго сложнаго къ болѣе простому и примитивному. Философія организуетъ науку, наука вліяетъ на художественную дѣятельность, искусство вліяетъ на промышленность.

Въ этомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи понятія *организма,* замѣняющаго у него понятіе *прогресса,* Спенсеръ вноситъ въ соціологію существенныя поправки. Его объясненія болѣе научны, соотвѣтственно успѣхамъ науки за періодъ отъ опубликованія «курса позитивной философіи» (1830-1842) до изданія ряда трудовъ по системѣ «синтетической философіи» (1860-1896). Но за то объясненія Спенсера и болѣе односторонни. Для него важенъ прежде всего лишь восходящій рядъ эволюцій разныхъ сторонъ человѣческой жизни. Это даетъ ему возможность провести въ соціологіи единую мысль всей его системы. Онъ вводитъ, именно, всю область соціальныхъ явленій въ общую классификацію, какъ продуктъ «надъ-органической» эволюціи, составляющей продолженіе органической и неорганической. Въ этомъ порядкѣ Спенсеръ прежде всего останавливается на «первоначальныхъ внѣшнихъ факторахъ» соціальной эволюціи — тѣхъ же, которые составляютъ предметъ первой главы «Очерковъ»: климатъ, флора, фауна. Затѣмъ разсматриваются «первоначальные внутренніе факторы»: «первобытный человѣкъ» со стороны физической, эмоціональной и интеллектуальной. Къ этому примыкаютъ и «первобытныя идеи», восходящія отъ культа мертвыхъ къ религіямъ природы и къ религіознымъ системамъ. Далѣе, въ такомъ же восходящемъ порядкѣ, соціологія разсматриваетъ сперва учрежденія для поддержанія вида (размноженіе и исторію семьи), затѣмъ учрежденія обрядовыя («церемоніальныя»), — понимая подъ этимъ самый ранній видъ правительственнаго контроля надъ человѣческимъ пове-


522092

деніемъ. Это формы отношеній, вытекающихъ непосредственно изъ факта человѣческаго общенія. Далѣе слѣдуетъ эволюція правительственныхъ учрежденій, появляющихся сперва въ результатѣ «естественныхъ причинъ», а затѣмъ развивающихся въ порядкѣ возрастающей сложности и спеціализаціи. Аналогія съ ростомъ и усложненіемъ структуры организма, также какъ и контовская идея смѣны воинственнаго типа общества промышленнымъ типомъ находятъ здѣсь надлежащее примѣненіе. Далѣе «разсматривается дифференціація духовнаго правительства отъ свѣтскаго, его послѣдовательное усложненіе и размноженіе сектъ, ростъ и безпрерывное измѣненіе религіозныхъ идей, какъ слѣдствіе прогресса знанія и измѣненія нравственныхъ чертъ, и постепенное примиреніе этихъ идей съ истинами отвлеченной науки». На этомъ пунктѣ болѣзнь прервала систематическую работу Спенсера, и, пропуская отдѣлы «промышленной организаціи», «умственнаго», «эстетическаго» и «нравственнаго» прогресса, онъ перешелъ прямо къ эволюціи нравственности и закончилъ «этикой общественной» и «индивидуальной жизни», — т.-е. тѣмъ, что мы назвали бы «гражданскими и политическими правами человѣка» (1890 и 1892. Спенсеръ угасъ 8 декабря 1903 года).

Какъ видимъ, Спенсеръ не ставилъ хронологическихъ границъ изслѣдованію соціологическихъ рядовъ, доводя ихъ до современности. Но, по общему характеру работы, его вниманіе остановилось преимущественно на жизни примитивныхъ народовъ, и для этого періода ему удалось установить общія черты эволюціи тѣхъ рядовъ процесса, которые онъ успѣлъ разработать. Этнографическія изученія уже успѣли дать ему для этого достаточный матеріалъ. Обширный многотомный сборникъ фактовъ изъ жизни первобытныхъ народовъ (Descriptive Sociology), начатый в 1867 г. и прерванный въ 1881 г. вслѣдствіи матеріальныхъ препятствій, не оправдалъ ожиданій Спенсера, но показалъ, на что было обращено его преимущественное вниманіе.

Грандіозныя построенія Конта и Спенсера расчистили путь новой наукѣ, но не нашли одинаково крупныхъ продолжателей. Бартъ справедливо подводитъ въ своемъ изложеніи большую часть послѣдующихъ соціологическихъ системъ подъ категорію «односторонних теорій». Для «Очерковъ» важна въ нихъ разработка отдѣльныхъ соціологическихъ рядовъ и дальнѣйшія попытки точнѣе опредѣлить отношенія солидарности, параллелизма или зависимости между этими рядами. Естественно, что здѣсь каждый авторъ отдаетъ предпочтеніе тому ряду, который ему ближе всего извѣстенъ. Индивидуалисты (Леманнъ, Рюккертъ, отчасти Дильтей, Шпанъ)

продолжаютъ отрицать какую-бы то ни было закономѣрность рядовъ и на практикѣ возвращаются къ старому пониманію исторіи. Историки стараго типа, преимущественно германскіе (Оттокаръ Лоренцъ, Шеферъ), выдвигаютъ на первый планъ значеніе государства. Этнологи преувеличиваютъ (въ націоналистическихъ интересахъ) значеніе расоваго начала. Экономисты (Лоріа, Лабріола, Роджерсъ) — и въ частности марксисты (Марксъ, Энгельсъ) — развиваютъ теорію «надстройки» всѣхъ остальныхъ рядовъ надъ экономическимъ фундаментомъ. Поскольку всѣ эти теоретики двинули дальше изслѣдованіе, начатое творцами соціологіи, «Очерки» должны будутъ считаться съ ними въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ. Что касается общаго идейнаго вліянія на автора «Очерковъ», я хотѣлъ бы отдѣльно упомянуть объ американцахъ: Гиддингсѣ, сумѣвшемъ найти гармоническое сочетаніе субъективнаго и объективнаго рядовъ, не подчеркивая слишкомъ вліянія или зависимости того или другого на остальные, и о Лестерѣ Уордѣ, пытавшемся установить равновѣсіе между матеріальнымъ началомъ и духовнымъ, пренебреженнымъ у Спенсера. Отдѣльно стоитъ также далеко двинувшаяся впередъ антропогеографическая теорія, объ успѣшныхъ стычкахъ которой съ соціологіей читатель узнаетъ въ слѣдующей главѣ. Сюда относится мой слѣдующій, шестой тезисъ, вносящій серьезную поправку въ общее направленіе вышеупомянутыхъ соціологическихъ ученій:

6) *Если сопоставленіе ряда національныхъ процессовъ вскрываетъ сходныя черты, закономѣрно повторяющіяся въ ихъ эволюціи, то изученіе условій окружающей среды, въ которой неизбѣжно протекаетъ каждый данный процессъ, объясняетъ, такъ же закономѣрно, его своеобразіе.*

Необходимость изученія среды вытекаетъ изъ того же соображенія, которое заставляетъ отодвинуть идею всемірно-историческаго процесса въ пользу изученія процессовъ національныхъ. Именно, тамъ и здѣсь мы спускаемся съ высотъ абстракцій и приближаемся къ объясненію *реальнаго* явленія, составляющаго предметъ научнаго изученія. Пользуясь сравненіемъ Шмоллера, можно сказать, что соціологъ или историкъ культуры, который ограничился бы выдѣленіемъ сходныхъ чертъ *всякой* исторической эволюціи и счелъ бы свою задачу поконченной на этомъ, походилъ бы на химика, который, разложивъ воду на составные элементы, объявилъ бы, что главное значеніе при образованіи воды имѣетъ кислородъ, такъ какъ его въ 8 разъ больше, чѣмъ водорода. Закономѣрность соціологическаго ряда сама по себѣ указываетъ лишь на основную теп-

денцію, которая неизбѣжно осуществится, когда для ея осуществленія дана будетъ подходящая среда. И всегда результатъ взаимодѣйствія этихъ двухъ началъ будетъ реаленъ и своеобразенъ. Подъ вліяніемъ данныхъ географическихъ, климатическихъ, почвенныхъ, біогеографическихъ условій, а также и переданныхъ по наслѣдству особенностей даннаго человѣческаго общества, дѣйствительный ходъ историческаго процесса можетъ разнообразиться до безконечности, вплоть до полнаго паралпзованія сходной внутренней тенденціи. Мы увидимъ, какъ этотъ процессъ останавливается на раннихъ ступеняхъ подъ вліяніемъ неблагопріятной среды. Это, конечно, не значитъ, что основной тенденціи вообще не существуетъ, — такъ же, какъ не значитъ, что не существуетъ закона тяготѣнія или закона ускоренія падающаго тѣла, если предметъ лишенъ возможности падать и находится въ состояніи покоя. Надо, конечно, оговорить при этомъ сравненіи, что среда не есть мертвая рамка, въ которой развиваются формы соціологической эволюціи, и что воздѣйствіе среды нельзя сравнивать съ сопротивленіемъ каменнаго пола или глухой стѣны. Характеръ контакта и его продуктовъ можно скорѣе уподобить химическому или біологическому, чѣмъ механическому процессу. Замѣтимъ также, что зависимость внутренняго процесса отъ среды уменьшается по мѣрѣ овладѣнія человѣкомъ силами природы, т.-е. по мѣрѣ приближенія отъ прошлаго къ настоящему.

Надо здѣсь сдѣлать еще одну необходимую оговорку. Видоизмѣняющее вліяніе среды не ограничивается мѣсторазвитіемъ даннаго человѣческаго общества въ тѣсномъ смыслѣ. Ни одно общество не живетъ изолированно — даже въ тѣ первобытныя времена, когда, въ видахъ предосторожности, древнія общества старались ограждать себя отъ внезапныхъ нападеній сосѣдей пустырями, болотами и лѣсами. Завоеванія одного общества другимъ, болѣе воинственнымъ, составляютъ почти постоянное явленіе при образованіи государствъ и являются видимымъ факторомъ соціологіи. На немъ одномъ строились — конечно, чрезвычайно односторонне и субъективно — цѣлыя соціологическія системы, какъ теоріи расъ-побѣдительницъ Гобино и Гумпловича, а также и забытая нынѣ теорія Н. Флеровскаго. Конечно, выводы изъ этихъ теорій дѣлались разными соціологами прямо противоположные: одни усматривали въ завоеваніи переходъ на высшую степень культуры, другіе — созданіе паразитическихъ классовъ и деспотическихъ правленій. Элементы того и другого, несомнѣнно, заключаются въ передвиженіяхъ цѣлыхъ народовъ изъ одного мѣсторазвитія въ другое, и самый фактъ передвиженій опять-таки можетъ послужить исходной точ-

кой для особой соціологической конструкціи (см., напримѣръ, новѣйшее ученіе бр. Кулишеровъ). Мы увидимъ подобныя явленія и въ исторіи русской культуры — и рядомъ съ элементомъ истины укажемъ въ выводахъ изъ нихъ элементъ преувеличенія. Во всякомъ случаѣ, наличность вліянія сосѣдства, даже и отдаленнаго, безспорна, и сфера этого вліянія значительно шире круга явленій прямого переселенія. Взаимозависимость не только частей материка, но и цѣлыхъ материковъ другъ отъ друга ростетъ вмѣстѣ съ ростомъ географическихъ открытій и явленій интернаціональнаго общенія. Напомнимъ о передвиженіяхъ путей міровой торговли по мѣрѣ открытія вселенной для международныхъ сношеній, — съ внутреннихъ рѣкъ на средиземныя моря и съ морей на океаны. Послѣдняя война, нарушивъ установившіяся отношенія между народами, наглядно показала, какъ глубоки могутъ быть измѣненія, вызванныя прекращеніемъ установившихся вліяній извнѣ и какъ, слѣдовательно, сильно вліяютъ на народные организмы внѣшніе факторы. Собственно, въ этой же области явленій слѣдуетъ искать и причинной связи между смѣной національныхъ исторій въ хронологическомъ порядкѣ. Мы увидимъ, напримѣръ, въ ближайшихъ главахъ какъ смѣна различныхъ культуръ обусловилась степенью доступности для человѣка различныхъ мѣсторазвитій. Это, пожалуй, единственный подходъ къ идеѣ всемірной исторіи, остающійся въ наше время *научнымъ*.

Реальный обликъ соціальнаго явленія, однако же, еще не дорисовывается совмѣстнымъ дѣйствіемъ обоихъ указанныхъ факторовъ — основной соціологической тенденціи и среды. Если тѣмъ и другимъ въ достаточной степени объясняется эволюція соціальнаго *порядка* (учрежденій и нравовъ), то этихъ факторовъ еще недостаточно для объясненія конкретныхъ историческихъ *событій* и «*дѣяній*». Тутъ мы возвращаемся къ старому пониманію содержанія исторіи. На этотъ же кругъ конкретныхъ и наиболѣе случайныхъ явленій ссылались преимущественно и тѣ, кто объявлялъ исторію необъяснимой, т.-е. исключающей научное объясненіе. Къ этому же сводится — но только въ извѣстной степени — и пресловутый споръ о роли личности въ исторіи. Бартъ цитируетъ историка М. Леманна, заявляющаго, что «исторія человѣчества представляетъ изъ себя исторію героевъ, личностей. Исторія поэтому индивидуальна; въ ней нѣтъ типическихъ событій, нѣтъ законовъ. Историческаго явленія никакимъ образомъ нельзя объяснить, его нельзя вывести въ силу какой-либо причинной зависимости». Безъ такой метафизической подкладки, съ чувствомъ безсилія, останавливался передъ возможностью написать такую «индивидуальную» исторію Карлейль.

«Жизнь человѣческаго общества есть совокупность жизни всѣхъ личностей, составляющихъ общество; исторія — главное содержаніе безчисленныхъ біографій... Но, зная, какъ запутанъ ходъ вещей человѣческой жизни даже тогда, когда мы наблюдаемъ его собственными глазами, мы должны сказать, что вѣрное описаніе его не только трудно, но и невозможно... Если даже *одна* біографія, хотя бы наша собственная, остается для насъ недоступной, то насколько же болѣе недоступны эти милліоны біографій, фактической стороны которыхъ мы не знаемъ».

Приблизительно такъ-же разсуждалъ старый Гомеръ, принимаясь за исчисленіе войскъ, пришедшихъ подъ Трою съ Агамемнономъ:

«Нынѣ повѣдайте, музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа,
Вы, божества, вездѣсущи и знаете все въ поднебесной;
Вы мнѣ повѣдайте, кто и вожди и владыки данаевъ...
Всѣхъ бойцовъ рядовыхъ не могу ни назвать, ни исчислить,
Если-бъ и десять имѣлъ языковъ я, и десять гортаней...
Только вождей корабельныхъ и всѣ корабли я исчислю».

Приблизительно такъ вышелъ и Карлейль изъ необходимости «сокращать» историческій разсказъ. «Всемірная исторія», говоритъ онъ въ «Культѣ героевъ», «есть, какъ я понимаю ее, исторія дѣйствующихъ въ мірѣ великихъ людей. Они были руководителями массы — эти великаны, — созидателями, образцами, творцами всего, что стремилась создать и чего желала достигнуть человѣческая толпа. Все, что мы видѣли осуществленнымъ въ этомъ мірѣ, есть, собственно, внѣшній матеріальный результатъ и воплощеніе на практикѣ идей, жившихъ въ великихъ людяхъ, ниспосланныхъ міру. Душой всемірной исторіи — по справедливости слѣдуетъ признать, — была ихъ исторія».

Этому пониманію противопоставляется мой седьмой тезисъ:

7) *Соціологія не можетъ отрицать возможности научнаго (т.-е. закономѣрнаго) объясненія исторической роли личности, хотя бы практически осуществленіе этой возможности и представлялось чрезвычайно труднымъ.*

Мы говоримъ тутъ, конечно, о личностяхъ, игравшихъ «историческую роль», такъ какъ исторія «милліоновъ», конечно, не можетъ служить содержаніемъ не только абстрактной, но и конкретной науки. Но вѣдь недоступна намъ и исторія всѣхъ паденій яблоковъ съ дерева, — послѣ того, какъ паденіе яблока навело Ньютона на открытіе закона тяготѣнія, или исторія всѣхъ особей вида, ре-

гистрируемаго въ описательной зоологіи, или классифицируемаго и анализируемаго въ біологіи. Изученіе индивидуальныхъ явленій въ массѣ, конечно, возможно и доступно — при помощи статистическаго метода, служащаго испытаннымъ средствомъ научнаго объясненія. Но при этомъ оставляется въ сторонѣ все то, что не касается опредѣленной черты, подлежащей изученію. Остается, за этимъ исключеніемъ, все же подлежащей научному объясненію область явленій, гдѣ личность участвуетъ именно, *какъ личность*, и притомъ не пассивно, самымъ фактомъ своего существованія, а активно, путемъ внесенія своей доли въ историческое событіе, или даже въ созданіе соціальнаго *порядка*. Такой возможности не только нельзя отрицать, но, напротивъ, въ реальной исторіи она представляется на каждомъ шагу. И надо признать, что детерминисту приходится тутъ или свести дѣйствіе личности къ создавшимъ ее окружающимъ условіямъ или признать за ней значеніе самостоятельнаго творческаго фактора. По первому пути пошелъ Тэнъ; это же объясненіе довелъ до крайности французскій соціологъ Бурдо. Кто-то сказалъ, что знаетъ того, кто умнѣе Вольтера: это — общественное мнѣніе. Бурдо считаетъ, что великія имена создаются эхомъ, которое они производятъ въ массѣ; масса сама создаетъ своихъ великихъ людей. Человѣчество состоитъ не изъ великановъ и карликовъ, а изъ среднихъ людей. Народъ творитъ высшій родъ поэзіи — поэзію народную. Геній только лучше выражаетъ общую мысль. Открытія въ наукѣ и изобрѣтенія лишь кумулируютъ рядъ предыдущихъ мелкихъ шаговъ. Вмѣшательство генія въ историческія событія имѣетъ лишь временное и мѣстное значеніе и не можетъ отклонить событій отъ ихъ закономѣрнаго русла. Все это вѣрно въ значительной степени; вопросъ лишь въ томъ, вѣрно-ли это безусловно. Мы имѣемъ вѣдь рядомъ съ этимъ крайнимъ мнѣніемъ другое, противоположное, которое я только-что выразилъ словами Карлейля и которое въ свою очередь довелъ до крайности Паскаль въ своемъ знаменитомъ изреченіи: «если бы носъ Клеопатры былъ немного короче, то весь обликъ земли былъ бы инымъ». Не возвращаясь по этому поводу къ моей аргументаціи въ предыдущихъ изданіяхъ, обращу лишь вниманіе на то, что въ области вліянія личности на ходъ исторіи необходимо различать личный капризъ отъ сознательно-цѣлесообразнаго поступка, совпадающаго въ своемъ значеніи съ общей тенденціей процесса. Очень глубоко и правильно въ этомъ отношеніи замѣчаніе Вико, что процессъ, создавшій человѣческія общества, «все же былъ *мыслью*, такъ какъ создали его люди съ сознаніемъ, не былъ *фатумомъ*, такъ какъ они создали его съ выборомъ, и не былъ *случайностью*, такъ какъ дѣйствуя

съ постоянствомъ, всегда поступая одинаково, они приходятъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ». Есть историческіе періоды, когда личность, въ роли признаннаго вождя или наслѣдственнаго властителя, призвана выражать очередную тенденцію времени. На этомъ основывается моя аргументація въ предисловіи къ третьему тому относительно дѣятельности основателей московскаго государства. При стихійномъ характерѣ, съ которымъ начиналась вездѣ и всегда эволюція общественности, дѣйствительно, только личности—оффиціальные или моральные руководители массъ—служили иниціаторами и исполнителями общественно-цѣлесообразныхъ поступковъ. При дальнѣйшемъ ходѣ исторіи эта роль переходитъ къ все болѣе расширяющемуся кругу согражданъ. Но роль личности, какъ выразителя общественной воли, и въ этомъ случаѣ не теряетъ значенія. И поскольку личность входитъ факторомъ въ совершающійся и помимо нея соціологическій процессъ, постольку, обыкновенно, и роль ея становится болѣе значительной. Поскольку она идетъ вразрѣзъ этому процессу, постольку рано или поздно ея дѣйствіе изолируется и затеривается въ общемъ итогѣ. Возможны, конечно, и длительныя отклоненія отъ линіи основнаго процесса подъ вліяніемъ произвола лица или доктрины. Примѣромъ можетъ служить большевистская Россія. Но и въ подобномъ случаѣ, одномъ изъ крайнихъ въ исторіи, внимательное изученіе должно указать связующія съ прошлымъ нити и прецеденты, раздувшія малую причину въ большой результатъ.

Впрочемъ, вопросъ о роли личности уже выводитъ насъ за предѣлы содержанія «Очерковъ». Какъ бы ни рѣшался вопросъ о вліяніи личности на созданіе «событій», «исторія культуры» вправѣ сдѣлать то, чего не можетъ сдѣлать повѣствовательная исторія: оставить въ сторонѣ случайный, а отчасти и индивидуальный характеръ историческихъ «событій». «Очерки» вправѣ выбирать свой матеріалъ въ зависимости отъ поставленной ими цѣли. Только съ *этой* точки зрѣнія читатель и критикъ могутъ судить о «полнотѣ» или «неполнотѣ» подбора фактовъ. Здѣсь будетъ умѣстно сдѣлать и еще одно замѣчаніе о выборѣ матеріала. Очень часто читатель не найдетъ въ «Очеркахъ» того, что принято считать общеизвѣстнымъ. Зато онъ найдетъ здѣсь многое, что не всегда извѣстно и спеціалистамъ. Со времени выхода въ свѣтъ первыхъ изданій «Очерковъ» спеціальная литература пополнила рядъ пробѣловъ, которые въ то время оставались незаполненными. Но все-же остается вѣрнымъ сдѣланное мной тогда замѣчаніе, что большая часть изслѣдованій по русской исторіи была сдѣлана въ то время, когда о «культурной исторіи» еще не было и рѣчи; вслѣдствіе этого мно-

гое необходимое для «Очерковъ» оставалось и остается недостаточно разработаннымъ. Въ этомъ отношеніи, тогда, какъ и теперь, «Очерки» не могутъ дать читателю того, чего нѣтъ еще и въ нашей наукѣ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ авторъ позволялъ себѣ замѣнить недостающее результатами собственныхъ работъ, на которые не всегда могъ сослаться въ подробности — въ виду популярнаго характера изложенія «Очерковъ».

Обращусь теперь къ самому заглавію, выбранному для моего сочиненія. Это заглавіе «Исторія культуры» имѣетъ популярный характеръ и невполнѣ соотвѣтствуетъ изложеннымъ выше соціологическимъ взглядамъ автора. Самое понятіе «культуры» остается не вполнѣ выясненнымъ; точнѣе говоря, за время существованія «Очерковъ» оно не разъ мѣняло свое первоначальное значеніе. Слово «культура», какъ и слово «цивилизація», появляются уже въ эпоху Возрожденія. Со времени Вильгельма Гумбольдта оба понятія, употреблявшіяся довольно безразлично, нѣсколько дифференцировались. Подъ культурой Гумбольдтъ разумѣлъ все созданное человѣкомъ въ борьбѣ съ природой и въ использованіи ея силъ, т.-е. въ мірѣ вещественномъ. Цивилизація же, по его опредѣленію, есть облагороженіе и ограниченіе элементарныхъ человѣческихъ влеченій при помощи воздѣйствія общества, т.-е. совокупность усовершенствованій человѣческой личности въ мірѣ духовномъ. Въ дальнѣйшемъ, культура стала дѣйствительно означать преимущественно матеріальную и при томъ первобытную культуру, гдѣ господство человѣка надъ вещами развивалось особенно отчетливо. Но въ Россіи подъ «культурной» исторіей разумѣлась исторія духовной стороны процесса въ противоположность «матеріальной» исторіи. Въ недавнее время обоими понятіями «культуры» и «цивилизаціи» воспользовались для того, чтобы противоположить одно другому въ духѣ сторонниковъ исторической самобытности. «Культуру» противоположили — «цивилизаціи», какъ первоначальное, самобытное зерно народнаго духа — въ противоположность нивеллировкѣ и обезличенію, создаваемыми, по мнѣнію сторонниковъ этого взгляда, заимствованіями изъ международнаго запаса просвѣщенія. При этомъ «культуру» связали съ эмоціональной стороной человѣческой натуры, — источникомъ всякой оригинальности, а «цивилизацію» вывели изъ области интеллекта. Это различеніе какъ разъ совпало съ ученіемъ славянофильства, подновленнымъ Бергсономъ. *) Для тѣхъ-же

*) Зародыши этого различенія можно найти и у Вико, но, по обыкновенію, въ болѣе глубокой формулировкѣ. Онъ различаетъ, именно, два «варварства»: варварство «чувственности» (barbarie di senso) — въ

національныхъ цѣлей это различеніе проведено въ нашумѣвшей работѣ Шпенглера — «Untergang des Abendlandes». Въ виду такого тенденціознаго употребленія этихъ терминовъ, оказавшихся многозначными, я предпочитаю употреблять ихъ въ самомъ общемъ значеніи, не придавая позднѣйшей стадіи «цивилизаціи» значенія упадка сравнительно съ стадіей «культуры» (ср. заключеніе второго тома, стр. 980-981).

Сказаннымъ выше опредѣляется способъ построенія «Очерковъ русской культуры». Можно было бы, имѣя въ виду солидарность между различными сторонами исторической эволюціи, излагать итоги эволюціи въ горизонтальныхъ разрѣзахъ, т.-е. по *стадіямъ* культуры, соединяя вмѣстѣ всѣ стороны жизни въ каждой данной стадіи, какъ это дѣлаетъ Контъ. При такомъ *хронологическомъ* порядкѣ изложенія получились бы болѣе отчетливыя общія картины взаимозависимости всѣхъ сторонъ процесса на каждой стадіи. Но отъ такого порядка пострадало бы изображеніе внутренней эволюціи каждой стороны процесса, взятой отдѣльно. Внутреннее единство и закономѣрность въ эволюціи каждой отдѣльной стороны лучше всего открываются при *систематическомъ* изложеніи — такъ сказать, въ вертикальныхъ разрѣзахъ. Что касается порядка, въ которомъ должны слѣдовать другъ за другомъ эти отдѣльныя стороны въ изложеніи «Очерковъ», онъ вытекаетъ изъ сказаннаго выше. Я исходилъ изъ того положенія, что, при всемъ различіи во взглядахъ на іерархію соціологическихъ рядовъ, большинство соціологовъ все же согласны относительно естественности «восходящаго» порядка — отъ болѣе простыхъ рядовъ къ болѣе сложнымъ. Въ каждомъ рядѣ, конечно, имѣется и своя внутренняя эволюція отъ болѣе простого къ болѣе сложному — или, по принятой мною терминологіи, отъ стихійности къ сознательности. Это противоположеніе, конечно, условно, такъ какъ все происходящее въ области соціологіи, протекаетъ въ сферѣ сознанія. Но степени сознанія бываютъ разныя въ индивидуальной, а тѣмъ болѣе въ коллективной психикѣ, понятіе о которой выработано соціологіей. *) Въ принятомъ мною, такимъ образомъ, порядкѣ прежде всего излагаются тѣ физическія усло-

---

началѣ развитія гражданственности — и варварство «размышленія» (della riflessione) въ концѣ его. Это второе хуже перваго: первое — гордо; второе — низко и коварно; оттого гражданственность и погружается въ новое варварство.

*) Здѣсь, конечно, не идетъ рѣчь о реальномъ существованіи коллективнаго «духа» въ какомъ-то общемъ чувствилищѣ. Носителями коллективной психологіи являются индивидуумы, составляющіе общество.

вія, которыя ставятъ процессамъ внѣшнія границы и опредѣляютъ ихъ общее направленіе. Опредѣливъ роль среды или «мѣсторазвитія», мы затѣмъ устанавливаемъ связь съ ней первоначальнаго культурнаго развитія. Именно въ своемъ началѣ, въ «предисторіи», эта связь чувствуется особенно сильно. Здѣсь особенно отчетливо рисуется переходъ отъ подчиненія природѣ къ использованію ея силъ и къ овладѣнію ею. Слѣдующая группа явленій, обусловливающихъ ходъ культуры, заключается въ количественномъ ростѣ человѣческаго общества, его уплотненіи и дифференціаціи, его разселеніи на данной территоріи. Стихійный характеръ демографическихъ процессовъ не подлежитъ сомнѣнію; даже на высшихъ ступеняхъ культуры способность населенія сознательно руководить своимъ размноженіемъ находится подъ большимъ сомнѣніемъ. Слѣдующая затѣмъ хозяйственная сторона процесса продолжаетъ находиться въ наибольшей зависимости отъ стихійныхъ силъ природы. Въ этой области овладѣніе силами природы составляетъ даже основную канву, на которой развивается процессъ. Для такого овладѣнія необходимымъ условіемъ является усиленное примѣненіе труда и постепенныя, строго закономѣрныя измѣненія его формы. Смѣна различныхъ стадій экономическаго развитія въ порядкѣ возрастающей напряженности, организованности и сознательности труда и составляетъ предметъ дальнѣйшихъ отдѣловъ «Очерковъ».

Въ прежнихъ изданіяхъ изъ элементарности экономическаго развитія непосредственно выводились формы русской государственности, получившей въ данномъ мѣсторазвитіи исключительно большое обратное вліяніе (сверху внизъ) какъ на самое хозяйство, такъ и на соціальный строй. Такое распредѣленіе матеріала особенно наглядно подчеркивало своеобразіе русскаго историческаго процесса. Въ настоящемъ изданіи, однако же, я предпочелъ вернуться къ обычному порядку, изложивъ исторію государственности послѣ исторіи хозяйственнаго и соціальнаго строя. Я руководился намѣреніемъ выдвинуть на этотъ разъ нѣсколько болѣе впередъ другую основную черту мѣстнаго процесса: однородность его закономѣрнаго развитія съ другими, болѣе благопріятно обставленными (стр. 29). Такимъ образомъ возстановляется и порядокъ перехода отъ стихіи къ сознательности, ибо болѣе высокимъ выразителемъ сознательности общественнаго строительства является, несомнѣнно, государство. Сравнительно съ государственнымъ соціальный строй все же находится въ большей зависимости отъ экономическихъ, а черезъ нихъ и отъ природныхъ условій «мѣсторазвитія». Конечно, въ историческомъ процессѣ ростетъ и общественная сознательность поведенія соціальныхъ группъ, начиная съ выс-

шихъ — правящихъ слоевъ ихъ. Но передаточнымъ ремнемъ ихъ дѣятельности продолжаетъ оставаться государство. Выше уже было замѣчено, что на низшихъ ступеняхъ развитія государства его общественныя дѣйствія принимаютъ форму личнаго господства. Но эта переходная стадія не должна затемнять соціологической роли государства. Не должно затемнять этой роли и болѣе или менѣе высокое развитіе общественной солидарности (въ противоположность государственной) на высшихъ ступеняхъ историческаго процесса.

Перемѣщая отдѣлъ о государственности въ конецъ тома, авторъ и здѣсь началъ съ наиболѣе стихійной, функціональной стороны дѣятельности государства — съ исторіи *учрежденій*. Къ концу процесса и эта сторона дѣятельности государства становится сознательно-волевой. Критеріемъ этого роста является развитіе понятія *права*. Но волевая сторона въ собственномъ смыслѣ представляется лишь *политической* дѣятельностью, которой посвященъ третій томъ «Очерковъ». Политическая эволюція государственной формы является вѣнцомъ сознательности соціальнаго и государственнаго строительства.

Духовная сторона культуры вся проходитъ въ области болѣе или менѣе яснаго сознанія. Она поэтому и излагается во второмъ томѣ, послѣ экономики, соціальнаго и государственнаго строя. Наиболѣе близкимъ къ сферѣ подсознательнаго процессомъ здѣсь является процессъ религіозной эволюціи. Онъ и поставленъ въ началѣ изложенія, причемъ въ основу распредѣленія матеріала въ этомъ отдѣлѣ поставлена эволюція сознательнаго отношенія къ предметамъ вѣры. За отдѣломъ о вѣрѣ и религіи долженъ слѣдовать отдѣлъ о школѣ: тотъ отдѣлъ, гдѣ наряду съ чисто культурнымъ значеніемъ примѣняется общественная и государственная цѣлесообразность. Воспитаніе и образованіе являются ареной борьбы между представителями религіи, интеллигенціи и государственной политики. Областью чистаго творчества (литература и искусство) второй томъ долженъ кончаться.

Третій томъ, какъ сказано, посвященъ общественно-волевой сторонѣ культурнаго процесса. Здѣсь характеризуется, въ своемъ постепенномъ развитіи, политическое взаимодѣйствіе государства и общества. Согласно данному во введеніи къ третьему тому объясненію, государство становится на общественно-сознательную точку зрѣнія лишь съ конца XV столѣтія. Съ этого момента и ведется исторія борьбы противоположныхъ политическихъ идеологій, приводящей въ результатѣ къ установкѣ опредѣленныхъ принциповъ управленія, становящихся національной традиціей. Борющіеся взгля-

ды еще не вполнѣ тогда дифференцировались и опредѣлились. Но общій ихъ смыслъ за періодъ съ конца XV до конца XVIII столѣтія выраженъ въ заглавіи этого тома: это борьба «націонализма» и «европеизма». Я опредѣлилъ также эту борьбу, какъ конфликтъ между «органическимъ» и «критическимъ» міровоззрѣніемъ. Съ побѣдой перваго начинается этотъ періодъ; оффиціальной побѣдой послѣдняго онъ заканчивается. Въ продолженіи этого тома, которое еще должно быть написано, оффиціальная точка зрѣнія въ свою очередь вступаетъ въ борьбу съ общественными міровоззрѣніями и послѣ переходнаго періода, соотвѣтствующаго царствованіямъ Павла и двухъ его сыновей, общественныя міровоззрѣнія дифференцируются окончательно въ трехъ направленіяхъ: консерватизма, либерализма и соціализма, борьба между которыми составляетъ содержаніе революціоннаго періода русской исторіи.

Мнѣ остается остановиться на одной чертѣ, которая представляла собой одну изъ основныхъ чертъ «Очерковъ» и, какъ я полагаю, остается такою же и въ настоящемъ изданіи. Въ борьбѣ между двумя противоположными конструкціями русской исторіи, изъ которыхъ одна выдвигала впередъ сходство русскаго процесса съ европейскимъ, доводя это сходство до тожества, а другая доказывала русское своеобразіе, доводя это своеобразіе до полной несравнимости и исключительности, авторъ занималъ примирительное положеніе. Онъ строилъ русскій историческій процессъ на синтезѣ обѣихъ чертъ, сходства и своеобразія. При этомъ однако, черты своеобразія подчеркивались нѣсколько болѣе рѣзко, нежели черты сходства. Въ этомъ сказалось, вѣроятно, вліяніе моего университетскаго учителя, В. О. Ключевскаго — самаго своеобразнаго изъ русскихъ историковъ. Въ то время казалось, впрочемъ, что старый споръ западниковъ съ славянофилами потерялъ всякое значеніе и наука русской исторіи можетъ удовлетвориться мастерскимъ синтезомъ, представленнымъ конструкціей Ключевскаго. Правда, споръ былъ тогда же возобновленъ марксистами, выдвигавшими противъ ученія народниковъ о русскомъ своеобразіи ученіе о сходствѣ съ европейскимъ экономическимъ процессомъ. Но на изложеніе русской исторіи въ то время новые противники своеобразія еще не успѣли оказать сколько-нибудь серьезнаго вліянія.

За время, прошедшее съ тѣхъ поръ, споръ, однако, не только не затихъ, но возобновился съ новой силой. Обѣ боровшіяся конструкціи были вновь углублены молодыми изслѣдователями: какъ линія сходства русскаго развитія съ европейскимъ, такъ и линія своеобразія. Обѣ линіи были опять поняты, какъ противоположныя и исключающія другъ друга. Талантливый, рано умершій ученый

Н. Павловъ-Сильванскій положилъ въ основу своихъ работъ ту мысль, что Россія прошла въ своемъ развитіи такой-же средневѣковой періодъ, съ такимъ же развитіемъ феодальнаго строя, какъ и западная Европа. Мысль оказалась плодотворной для того, чтобы собрать въ доказательство ея рядъ фактовъ, оставшихся прежде незамѣченными или мало изслѣдованными. Но выводы изъ этихъ фактовъ были явно односторонни. Съ другой стороны, уже послѣ войны и революціи другая группа изслѣдователей, еще болѣе молодая, уже опредѣленно исходя изъ пережитыхъ впечатлѣній русской катастрофы, рѣзко выдвинула впередъ идею русскаго своеобразія въ качествѣ руководящей идеи при построеніи всей русской исторіи. Въ противоположность осуждаемымъ ими культурнымъ связямъ Россіи съ Европой они съ чрезвычайной настойчивостью стали подчеркивать давнюю связь Россіи съ Азіей и замкнутость ея историческаго существованія на территоріи «Евразіи». И въ этомъ направленіи могли-бы быть произведены интересныя новыя работы и сдѣланы изъ нихъ поучительные выводы. Къ сожалѣнію, однако, политика въ данномъ случаѣ побѣдила научныя стремленія. Только въ области вліянія географической среды на направленіе русской исторіи была произведена и нѣкоторая научная работа. Именно этотъ факторъ и мною признавался въ прежнихъ изданіяхъ «Очерковъ» основной причиной русскаго своеобразія. Но въ системѣ евразійцевъ и онъ былъ понять односторонне, какъ факторъ, *исключающій единообразіе*. Въ результатѣ, идея вліянія «мѣсторазвитія» на исторію, — идея вполнѣ научная и съ пользой употребленная германскими географами, съ одной стороны осталась неразработанной, а съ другой повела къ искусственнымъ и часто фантастическимъ выводамъ.

Мнѣ предстояло, такимъ образомъ, въ настоящемъ изданіи «Очерковъ» выполнить двойную задачу. Съ одной стороны, я долженъ былъ воспользоваться тѣмъ, что было *положительнаго* въ работахъ того и другого направленія. Съ другой стороны, приходилось снять то искусственное, что было въ ихъ противоположеніи, и ввести остатокъ, соотвѣтствующій истинѣ, въ рамки синтеза, на которомъ построены «Очерки». Въ особенности предуказывалась необходимость возстановить научное употребленіе понятія географической среды, удержавъ удачный терминъ «мѣсторазвитіе». При объективно-научномъ анализѣ условій мѣсторазвитія сами собой обнаружились въ немъ не только элементы азіатскаго своеобразія, но и еще болѣе несомнѣнные элементы сходства съ европейской средой. Подъ предполагаемымъ единствомъ «Евразіи» нашлось при этомъ мѣсто для нѣсколькихъ «мѣсторазвитій», далеко несходныхъ другъ съ

другомъ. Поставивъ, такимъ образомъ, на свои мѣста смѣшанныя въ евразійствѣ явленія, мы уже въ далекомъ доисторическомъ періодѣ могли найти начало связей Россіи съ Европой.

Есть еще одно, довольно неожиданное обстоятельство, оживившее старый споръ о сходствѣ съ Европой или своеобразіи русскихъ историческихъ процессовъ. А именно, споръ этотъ повторился — въ иной формѣ, конечно, — и въ средѣ сторонниковъ доктрины, нынѣ ставшей оффиціальной доктриной теперешнихъ правителей Россіи. Марксизмъ, повидимому, исключалъ ученіе о русскомъ своеобразіи, проводя свой монистическій взглядъ на историческіе процессы. Однако, факты жизни привели къ созданію новаго варіанта правовѣрной доктрины. Въ ученіи Ленина нѣсколько прикровенно, а въ ученіи Сталина уже вполнѣ открыто русскіе коммунисты-марксисты стали на точку зрѣнія своеобразія Россіи при самомъ процессѣ предуказаннаго теоріей перехода Россіи отъ капитализма къ соціализму. Изобрѣтена была извѣстная теорія о возможности «соціализма въ одной странѣ». И ученіе евразійцевъ сблизилось, такимъ образомъ, съ національнизированной доктриной марксизма и съ экспериментированіемъ Сталина надъ русской дѣйствительностью.

Нѣтъ надобности говорить, что авторъ «Очерковъ» остался чуждъ мотивамъ, вызвавшимъ эти внутренно-русскіе споры. Но съ точки зрѣнія научной полезно подчеркнуть, что возвращеніе къ старому спору въ столь своеобразной обстановкѣ вновь указываетъ во-первыхъ, на неотвратимость и важность проблемы, и, во-вторыхъ, — на невозможность ея односторонняго рѣшенія. Съ соціологической-ли точки зрѣнія — единообразія законовъ, управляющихъ исторической эволюціей, съ политической-ли точки зрѣнія — борьбы самобытности и заимствованія, традиціи и новаторства, съ философско-исторической ли — борьбы теорій прогресса или круговорота, расцвѣта или упадка, замкнутаго въ себѣ національнизма или міровой миссіи, — все равно, проблема положенія Россіи среди народовъ постоянно возвращается и настоятельно требуетъ разрѣшенія. Съ точки зрѣнія автора «Очерковъ» внѣ указаннаго имъ синтеза это рѣшеніе не можетъ быть найдено. И настоящее изданіе, помимо постоянной своей цѣли — дать читателю научно обоснованное представленіе о связи настоящаго съ прошлымъ, преслѣдуетъ и эту очередную цѣль: вернуть обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ особо важное значеніе для потрясенной въ самыхъ основахъ своего существованія родины, на эту единственную здоровую почву.

Библіографія идеологій славянофильской, народнической, марксистской и реставраціонно-идеалистической будетъ приведена въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ исторіи русскихъ политическихъ движеній въ продолженіи третьяго тома «Очерковъ». Для общаго ознакомленія съ упомянутыми во введеніи соціологическими и философско-историческими доктринами могутъ быть полезны слѣдующія сочиненія. **М. А. Стасюлевича**, Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. СПБ 1908 (особенно подробно изложены системы Вико и Гегеля). Geschichte der Neueren Historiographie von *Eduard Fueter*, München und Berlin, 1911. **Д-ръ П. Бартъ,** Философія исторіи, какъ соціологіи, пер. Моделя. СПБ 1902; 4-е — нѣм. изданіе Lpz, 1922 (подробнѣе о Контѣ и Спенсерѣ; дальнѣйшее изложеніе по направленіямъ). Многочисленныя сочиненія **Н. И. Карѣева:** «Основные вопросы философіи исторіи», 1-ое изд. съ подробными обзорами литературы по важнѣйшимъ вопросамъ. СПБ 1883, 2 тома. Второе изданіе — сокращенное, безъ обзоровъ литературы, но съ библіографическимъ указателемъ. СПБ 1887, два тома. Третье изданіе безъ ссылокъ и съ сокращеннымъ библіографическимъ указателемъ, въ одномъ томѣ. СПБ 1897. Продолженіемъ этого сочиненія служитъ его же «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи». СПБ 1890. Отдѣльныя статьи того-же автора собраны въ его «Историко-философскихъ и соціологич. этюдахъ». СПБ 1895. 2-ое изд. 1899 и въ «Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ». СПБ 1896. Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ теоріи автора излагаются въ его «Введеніи въ изученіе соціологіи». СПБ 1897. Тамъ-же и полемика Карѣева съ взглядами, изложенными во введеніи къ первому изданію «Очерковъ». Мой разборъ «Основныхъ Вопросовъ» въ «Русской Мысли» 1887, кн. VI; іюнь, «Исторіософія г. Карѣева», — попытка выдѣлить метафизическіе пережитки въ міровоззрѣніи автора. **М. М. Ковалевскій,** «Современные соціологи», 1905. *Flint,* Philosophy of History in Europe, 1874 и **его же** Historical Philosophy in France, 1894.

Для желающихъ ближе познакомиться съ отдѣльными, упомянутыми въ текстѣ, авторами, предназначаются слѣдующія указанія. О соціологическихъ взглядахъ Платона см. *E. Barker,* The political thought of Platon and Aristotle, London, Methuen, 1906. О «новой наукѣ» Вико см. *Benedetto Croce,* La filosofia di Giambattista Vico, 3-ье изд. Bari, 1933, съ библіографіей. Имѣются переводы съ перваго изданія: французскій — Buriot-Darsiles et G. Bourgin, Paris 1913; англійскій — R. Collingwood, 1913; нѣмецкій — L. Auerbach und Th. Lucke, 1927. Текстъ «первой» Scienza Nuova (1725) перепечатанъ въ изданіи Sonzogno съ примѣчаніями P. Viazzi. «Вторая» Scienza Nuova (1730), съ подробнымъ комментаріемъ F. Nicolini переиздана въ 1911-1916 г.г. и въ серіи Scrittori d'Italia, имъ же, безъ комментарія (1929). Полные пе-

реводы имѣются на нѣмецкій, съ хорошимъ комментаріемъ W. E. Weber, Lpz, 1822 и на французскій — принцессы Belgioïoso Cristina Trivulzi, Paris, 1844, Librairie Renouard et Charpentier. Усвоеніе шести томовъ «Курса позитивной философіи» **Конта** требуетъ очень значительнаго усилія и времени. Они могутъ быть почти безъ ущерба замѣнены двухтомнымъ изложеніемъ *Mrs. Harriet Martineau:* The Positive Philosophy of Auguste Comte, freely translated and condensed. London, 1853. Трехтомное изданіе: London and New-York, 1896. По-французски сокращеніе «Курса позитивной философіи» издано въ двухъ томахъ въ 1881 г. подъ псевдонимомъ *Jules Rig.* Позднѣе авторъ переиздалъ второй томъ своего Résumé„ содержащій соціологію Конта, подъ собственнымъ именемъ *Emile Rigolade* въ серіи Les meilleurs auteurs classiques. Произведенія Спенсера всѣ имѣются въ нѣсколькихъ русскихъ переводахъ. Одобренное имъ самимъ сокращеніе, сдѣланное **Говардомъ Коллинсомъ,** также переведено по русски: Философія Герберта Спенсера въ сокращенномъ изложеніи Говарда Коллинса, пер. П. В. Мокіевскаго, изд. Павленкова. СПБ 1892. При пользованіи этимъ крайне сжатымъ текстомъ, нужно, однако, имѣть въ виду совѣтъ Спенсера: «длинный рядъ отвлеченныхъ положеній, данныхъ безъ наглядныхъ поясненій, вѣроятно, окажется утомительнымъ и оставитъ только слабое впечатлѣніе. Для изучающаго лучше будетъ прочитать сразу только одинъ параграфъ и поискать самому пояснительныхъ примѣровъ (конечно, въ полномъ текстѣ Спенсера), прежде чѣмъ приниматься за слѣдующій». Для исторіи созданія Синтетической Философіи очень полезна книга *David Duncan,* The life and letters of Herbert Spencer, London 1911. Изъ послѣдующихъ соціологовъ назову сочиненія двухъ американцевъ, особо упомянутыхъ въ текстѣ. **Гиддингсъ,** Основы соціологіи, русскіе переводы СПБ и Кіевъ, 1898. Его послѣдующіе труды: Elements of Sociology, a textbook, N. Y. 1898 и Inductive Sociology, a syllabus of methods, analyses and classifications, and provisionally formulated laws, N. Y. 1901. Здѣсь Гиддингсъ повелъ дальше свою аналитическую работу и, между прочимъ, представилъ опытъ соціологическихъ дедукцій, основанныхъ на психологическихъ данныхъ. Главное сочиненіе *Lester Ward,* Dynamic Sociology or applied social science, as based upon Statical Sociology and the less complex sciences. N. Y. 1903, два тома. **Его же** позднѣйшія сочиненія: Психическіе факторы цивилизаціи. Пер. Бошнякъ, М. 1897. Outlines of Sociology. N. Y. 1898 (есть русскій переводъ), Pure Sociology, a treatise on the origin and developement of society. N. Y. 1903. Русскую популяризацію перваго сочиненія Уорда можно найти въ книгѣ **П. Ф. Николаева:** Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. М. 1893. Приведенное въ текстѣ

мнѣніе о роли личности принадлежитъ *Louis Bourdeau*, L'histoire et les historiens, Essai critique sur l'histoire considérée comme science positive. Paris 1888. Попытку примирить роль личности съ марксистскимъ построеніемъ см. у **Каутскаго** въ его недавней книгѣ: Die materialistische Geschichtsauffassung, 2 B-de, 1927, особенно т. 11, Fünftes Buch (der Sinn der Geschichte) и Erster Abschnitt: das Individuelle in der Geschichte. Ссылка на **Зиммеля** имѣетъ въ виду его сочиненіе: Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine Erkenntnistheoret. Studie, 5 изд. Leipzig, 1930. Цитированная книга **Освальда Шпенглера** задается цѣлью создать «сравнительную морфологію всемірной исторіи» и, въ частности, предсказать на основаніи «аналогіи» предстоящую «гибель Запада» (Der Untergang des Abendlandes, два тома. посл. изд. 1929-1930). Успѣхъ Шпенглера объясняется совпаденіемъ его пророчествъ съ тенденціями послѣвоеннаго времени и въ частности съ русской реставраціей славянофильства. Его философско-историческія исходныя положенія, какъ и положенія **Н. Я. Данилевскаго** («Россія и Европа», 4-ое изд. СПБ 1889) отчасти совпадаютъ съ нашей тенденціей — искать закономѣрность въ сходныхъ чертахъ параллельныхъ эволюцій отдѣльныхъ національныхъ организмовъ. Но Шпенглеръ, какъ и Данилевскій, противополагаетъ «исторію» — «природѣ», «живое», интуитивное объясненіе — «механическому» научному. Соотвѣтственно этому онъ замѣняетъ понятіе закономѣрности въ исторіи понятіемъ «судьбы». Все это объясняется специфически нѣмецкимъ кругозоромъ Шпенглера, и недаромъ онъ называетъ свою философію «нѣмецкой» философіей, тѣсно связывая при этомъ свои предсказанія съ предвоенными мечтами о германской гегемоніи. Критику философіи исторіи Н. Я. Данилевскаго см. въ моей статьѣ «Разложеніе славянофильства» въ сборникѣ статей «Изъ исторіи русской интеллигенціи», СПБ 1902. На зависимость обоихъ отъ Кювье и Гете указалъ **М. Шварцъ** въ «Совр. Зап.», т. XXVIII. «Философія исторіи» **Г. Риккерта** имѣется въ русскомъ переводѣ, СПБ, 1908. О степени зависимости Данилевскаго отъ Риккерта, см. споръ между Вл. Соловьевымъ и Н. Страховымъ.

Первый томъ новой Weltgeschichte, въ изданіи Propyläen (1931), иллюстрируетъ отживаніе старой системы писанія «всемірной исторіи». Онъ написанъ въ формѣ очерковъ культуры отдѣльныхъ странъ, съ вводными статьями, параллельными статьямъ настоящаго тома «Очерковъ», — не только по заголовкамъ, но и по направленію. Hans Freier далъ главу о Systeme der weltgeschichtlichen Betrachtung; Friedr. Herz — очень объективную статью: Rasse und Geschichte; Walther Vogel — главу о мѣсторазвитіи: Boden und Geschichte; Fr. Weidenreich — антропологическую главу: Menschwerdung; Fr. Behn — археологическую: Vor — und Urgeschichte.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ. — ТЕРРИТОРІЯ И НАСЕЛЕНІЕ

I.

Мѣсторазвитіе русской культуры

Идея взаимодѣйствія природы и человѣка. — Ратцель и его предшественники. — Споръ соціологовъ съ антропогеографами. — Закономѣрность индивидуальнаго. — «Евраз'я» Гумбольдта и евразійцевъ. — Возраженіе Риттера распространяется на ту и другую: смѣшеніе мѣсторазвитій. — Положеніе русскаго мѣсторазвитія на земномъ шарѣ. — Положеніе русскаго мѣсторазвитія среди умѣренной зоны. — Зависимость климатовъ отъ различнаго сочетанія теплоты и влаги. — Годовыя колебанія тепла, какъ показательный признакъ. — Ростъ континентальнаго климата. — Распредѣленіе осадковъ по временамъ года. — Соотвѣтствіе климатовъ типамъ культуры. — Положеніе Россіи среди тѣхъ и другихъ. — Видимое единство и дѣйствительное разнообразіе въ предѣлахъ европейско-русскаго мѣсторазвитія. — Борьба Гольфштрема и Турана. — Направленіе волнъ осадковъ. — Четыре процесса образованія русскихъ почвъ. — Вліяніе климата на почвообразованіе. — Значеніе растительнаго покрова. — Распредѣленіе растительности сообразно климату и почвамъ. — Европа въ Россіи. — Европа въ Азіи. — Климатическія и растительныя зоны Сибири, съ запада на востокъ. — Арало-каспійская низменность и Туркестанъ. — Граница между Европой и Азіей. — Пустыни и горы Туркестана. — Вертикальная зональность. — Переходъ къ зоогеографіи Россіи. — Распредѣленіе подвидовъ въ зависимости отъ климата и растительности. — Подвиды лисицы, медвѣдя, песца. — Уралъ-Обь-зоогеографическая граница. — Соболь, лѣсная куница, норка, барсукъ. — Енисейская граница. — Переходъ къ антропогеографіи. — Измѣняемость вліянія среды въ этой области. — Рѣшающее вліяніе мѣсторазвитія на густоту населенія. — Связь неблагопріятныхъ мѣсторазвитій съ отсталыми культурами. — Споръ о генетической связи или эволюціонномъ характерѣ культуръ. — Новая этнологія и Освальдъ Менгинъ. — Этнографія и доисторическія культуры. — Первобытныя культуры современности. — Негроиды и негритосы. — Палеазіаты. — Динамика во-

сточно-сибирскаго населенія. — Вліяніе мѣсторазвитія тундры и лѣсотундры. — Четыре этапа быта въ этомъ мѣсторазвитіи. — Древнія черты быта: жилище, соціальное общеніе, утварь, культъ умершихъ и погребеніе. — Вліяніе мѣсторазвитія степи и пустыни. — Его сходства и преимущества сравнительно съ лѣсо-тундрой. — Пески и горы Туркестана, области «Турана» и «Ирана». — Разныя степени смѣшенія населенія: «иранскіе» и «туранскіе» тюрки. — Разницы въ характерѣ и бытѣ. — Устойчивость кочеваго типа. — Общеніе между тюрками сибирскихъ и среднеазіатскихъ степей. — Древность тюрковъ въ южной Сибири. — Третье мѣсторазвитіе между лѣсотундрой и степью представляетъ среду для болѣе сложнаго развитія культуры.

Зависимость каждой національной культуры отъ той среды — того географическаго *мѣста*, въ которомъ совершается ея *развитіе*, стало почти общимъ мѣстомъ современной исторіографіи. Вошло въ обычай предпосылать изложенію историческихъ событій географическій очеркъ страны. И все же, введеніе въ «Очерки Русской Культуры» главы о «мѣсторазвитіи» является нѣкоторымъ новаторствомъ. Я не говорю о самомъ терминѣ «мѣсторазвитіе», введенномъ въ употребленіе школой «евразійцевъ» и мною здѣсь принимаемомъ. Новостью является тотъ запасъ свѣдѣній и выводовъ, который пріобрѣтенъ европейской и русской наукой со времени послѣдняго изданія «Очерковъ» — и который даетъ впервые возможность научно обосновать причинную связь между природой даннаго мѣсторазвитія и поселившимся въ немъ человѣческимъ обществомъ. Попытка можетъ оказаться неудачной. Но необходимость строить исторію культуры на антропогеографическомъ базисѣ вытекаетъ съ неизбѣжностью изъ современнаго состоянія науки.

Конечно, идея зависимости человѣка отъ природы — далеко не новая идея. Не говоря уже объ отрывочныхъ, но подчасъ очень мѣткихъ и проницательныхъ наблюденіяхъ древнихъ географовъ и историковъ, напомню только главнѣйшія имена писателей, популяризировавшихъ эту идею на пространствѣ вѣковъ: Бодена съ его тремя климатическими зонами («О республикѣ», 1577), Монтескье съ его главами въ «Духѣ Законовъ» (1748), Вольтера съ его остроумными замѣчаніями въ «Опытѣ о нравахъ и духѣ народовъ» (1758), наконецъ Гердера, впервые пытавшагося охватить съ этой точки зрѣнія исторію всего человѣчества (1785-94). Но только благодаря Карлу Риттеру (1804-7; 1817-18; 1832-59) проблема связи географіи и исторіи получила первую научную постановку. И лишь съ конца XIX столѣтія, послѣ того какъ накоплены были этнографическія наблюденія и началось научное изученіе отдѣльныхъ от-

раслей географической науки, стало возможнымъ выдѣленіе изъ нея вновь созданныхъ областей — біо- (фито- и зоо-) географіи и антропогеографіи. Истиннымъ создателемъ послѣдней является Фридрихъ Ратцель (1882 и 1891 г.г.). Въ основу научнаго изученія была здѣсь положена плодотворная идея о взаимодѣйствіи отдѣльныхъ областей природы: о вліяніи климата на почву, почвы на растительный покровъ, растительнаго покрова на животныхъ и человѣка — и обратно: вліянія почвы на климатъ, растеній на почву и климатъ — и, наконецъ, человѣка на всѣ явленія природы, вмѣстѣ взятыя.

Правда, антропогеографія изслѣдовала преимущественно первую линію зависимостей — и этимъ вызвала — особенно со стороны французской школы — обвиненіе въ детерминизмѣ. А соціологи обвинили ее въ ненаучности. Противъ понятія «человѣческой географіи» эти послѣдніе выдвинули свое собственное понятіе «соціальной морфологіи». Антропогеографія исходила отъ природы, и примѣненіе законовъ природы *непосредственно* къ объясненію высшихъ сферъ человѣческой жизни казалось (оно и было — при *такой* формулировкѣ) рискованнымъ и, по прежнему, дилеттантскимъ. Но соціальная морфологія страдала другимъ недостаткомъ. Исходя отъ человѣческаго общества, она устанавливала такія общія формулы, которыя казались безжизненными, черезчуръ абстрактными, оторванными отъ почвы. «Географическія условія мѣняются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а тожественные соціальные типы можно найти (за исключеніемъ индивидуальныхъ пертурбацій) на самыхъ различныхъ точкахъ земнаго шара», возражалъ антропогеографамъ Дюркхеймъ. И Симіанъ, изслѣдователь его школы, развивалъ ту же мысль: «причинное отношеніе имѣется только тамъ, гдѣ связь повторяется регулярно (т.-е. въ нѣсколькихъ случаяхъ), гдѣ констатированное отношеніе возобновляется однообразно. Случай, взятый отдѣльно, не вскрываетъ причины; онъ научно необъяснимъ». Здѣсь мы видимъ примѣръ борьбы двухъ методовъ, которые должны бы были въ сущности дополнять другъ друга: метода анализа индивидуальнаго явленія и метода сравненія сходныхъ явленій. Тотъ и другой методъ помогаютъ открыть закономѣрности: закономѣрности *въ своеобразіи,* также какъ закономѣрности *въ общихъ тенденціяхъ* (см. Введеніе, стр. 19). Самъ Ратцель отнюдь неповиненъ въ исключительномъ пристрастіи къ индивидуализирующему методу и лучше приведенныхъ возражателей понимаетъ отношеніе этого метода къ второму. Возражая на утвержденіе Юма («Опыты», 1748 г.), будто нѣкоторые народы такъ различны между собой, что нельзя искать ничего общаго въ ихъ характерѣ, Ратцель говоритъ: «ни

одинъ народъ и ни одна раса не лишены *основныхъ* свойствъ человѣчества, а въ созданіи *различающихъ* ихъ расовыхъ особенностей играетъ роль окружающая ихъ *среда*». Наряду съ признаніемъ основнаго тезиса соціологіи, это есть, въ сущности, перенесеніе соціологической точки зрѣнія и въ антропогеографію, отъ чего фактически или формально отказываются защитники необъяснимости и неразложимости индивидуальнаго явленія.

Какъ бы то ни было, «соціальная морфологія» остается лишь въ состояніи проекта, тогда какъ антропогеографія, составляя по утвержденію Ратцеля ,можетъ быть, преувеличенному, *часть біогеографіи*, находитъ себѣ союзниковъ въ цѣломъ рядѣ наукъ, освѣщающихъ прошлое и настоящее человѣчества: въ геологіи, антропологіи, этнографіи, археологіи, сравнительномъ языковѣдѣніи. Среди попытокъ синтеза данныхъ, добытыхъ во всѣхъ этихъ отрасляхъ знанія, я отмѣчу лишь послѣднюю, чрезвычайно смѣлую, но и поучительную попытку Освальда Менгина въ его «Weltgeschichte der Steinzeit». Въ дальнѣйшемъ, я попытаюсь использовать эти данныя для выясненія характера *индивидуальнаго* явленія: мѣсторазвитія русской культуры. Мы увидимъ, что именно при такомъ методѣ разсмотрѣнія лучше всего открываются *закономѣрности*.

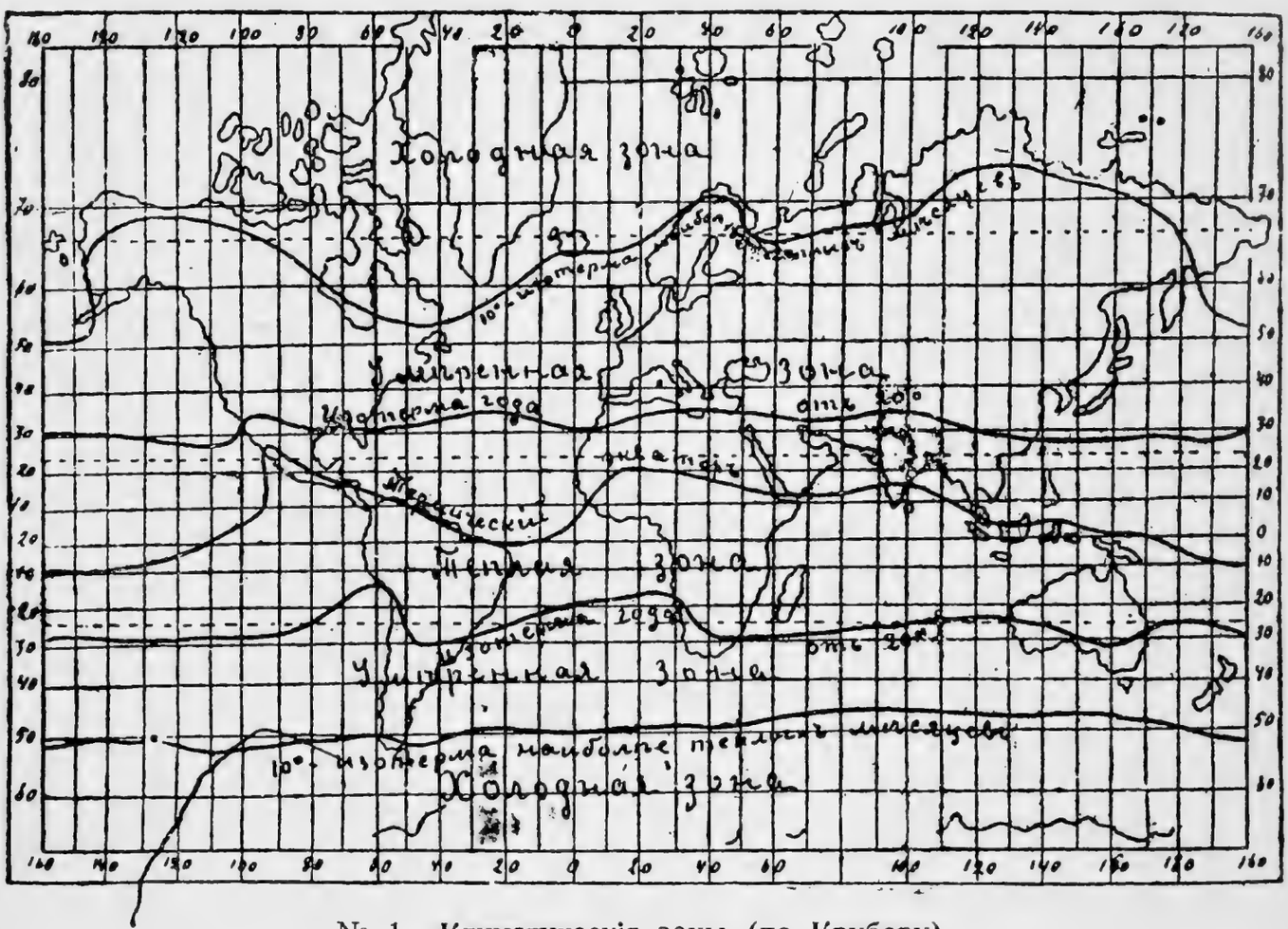
Недавно, правда, была сдѣлана новая (послѣ Н. Данилевскаго) попытка придать русскому индивидуальному явленію характеръ единичности и неразложимости. Для этой цѣли самая территорія русскаго развитія была выдѣлена въ особое цѣлое, — особый, замкнутый міръ, которому старались придать видъ чего-то неповторимаго. Этотъ неповторимый міръ былъ названъ Евразіей. Конечно, всякое индивидуальное явленіе неповторимо. Но здѣсь злоупотребленіе методомъ обличается самымъ терминомъ. Терминъ Евразія введенъ въ употребленіе Александромъ Гумбольдтомъ для обозначенія обоихъ материковъ Европы и Азіи, какъ одного цѣлаго. Но уже Карлъ Риттеръ возражалъ противъ этого словоупотребленія. Онъ совершенно справедливо находилъ, что — не съ физико-географической, а съ антропогеографической точки зрѣнія Европу нельзя объединять съ Азіей, ибо она представляетъ совершенно особое мѣсторазвитіе, гораздо болѣе благопріятное для человѣка. Она болѣе расчленена на части, обладаетъ умѣреннымъ климатомъ и лишена высокихъ плоскогорій, затрудняющихъ человѣческое общеніе. Русскіе «евразійцы» обрѣзаютъ территорію Евразіи съ запада и съ востока, отдѣляя отъ нея, съ одной стороны, мѣсторазвитія культуръ Западной Европы, съ другой — мѣсторазвитія древнихъ культуръ южной и восточной Азіи. Такимъ образомъ, они получаютъ континентальную территорію, одинаково отдѣленную отъ Ат-

лантическаго океана и Средиземнаго моря, какъ и отъ Тихаго океана и Индійскаго. И все же, даже и эта, искусственно съуженная территорія, включающая въ свой составъ осѣдлое населеніе «доуральской» Россіи, районъ русской колонизаціи Сибири и населенныя сибирскими инородцами и среднеазіатскими кочевниками окраины, совмѣщаетъ въ себѣ то же разнообразіе въ условіяхъ культурнаго развитія, какъ и отмѣченное Карломъ Риттеромъ относительно широкой Евразіи двухъ континентовъ. Европейская Россія представляетъ изъ себя мѣсторазвитіе иное — и болѣе благопріятное, чѣмъ нерасчлененная средняя Азія, обладающая доходящимъ до крайности континентальнымъ климатомъ и раздѣляющая своими трудно проходимыми горами и пустынями не только разныя національности, но и противоположныя другъ другу расы. Наконецъ, и въ предѣлахъ самой европейской Россіи мы найдемъ нѣсколько весьма несходныхъ мѣсторазвитій. Замѣна понятія «европейской» понятіемъ «доуральской» Россіи неправильно потому, что, какъ увидимъ, въ сѣверной ея части вліяніе Европы переходитъ за Уралъ, а на югѣ Азія вторгается въ территоріи, признаваемыя обыкновенно европейскими (см. ниже о границахъ Европы и Азіи). Все это даетъ мѣсто не одному, а нѣсколькимъ культурнымъ процессамъ, которые только въ ходѣ исторіи постепенно сливаются въ общее русло *русской* культуры. Евразійцы хотятъ предупредить медленный ходъ этого процесса сліянія, перенеся въ далекое прошлое свое понятіе «имперіи» и связавъ, такимъ образомъ, послѣдній императорскій періодъ съ «имперіей» азіатскихъ завоевателей-кочевниковъ далекаго средневѣковья. Нечего и говорить, что тутъ искусственное распространеніе новѣйшаго термина на отдаленное прошлое объединяетъ явленія глубоко различныя и не связанныя между собой никакимъ преемствомъ.

Перейдемъ теперь къ разбору географическихъ факторовъ русскаго мѣсторазвитія — въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности. Первымъ въ этомъ порядкѣ является вопросъ о положеніи этого мѣсторазвитія на земномъ шарѣ. Уже изъ этого положенія можно будетъ сдѣлать нѣкоторые выводы, которые будутъ сопровождать насъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, постепенно углубляясь. Собственно, *астрономическое* положеніе каждаго даннаго мѣста опредѣляется отношеніемъ его къ солнцу или угломъ паденія («склоненія») солнечныхъ лучей. Той или другой *широтой* мѣста опредѣляется продолжительность дня и ночи и распредѣленіе временъ года. Перемѣнить то и другое условіе жизни на землѣ — не во власти человѣка. Уже древній астрономъ Птоломей (второй вѣкъ по Р. Х.) разрѣшилъ сравнительно простую задачу этого распредѣленія, раз-

дѣливъ земной шаръ на «склоненія» или «климаты» (от греч. глагола клино, склоняю). Эти «склоненія» располагались «поясами» или «зонами» (параллелями широты) по обѣ стороны экватора къ полюсамъ. Весь земной шаръ дѣлился такимъ образомъ на пять «зонъ» тропиками и полярными кругами: одна зона — по обѣ стороны экватора — сухая и жаркая, двѣ — умѣренныя и двѣ — холодныя (для дальнѣйшаго, см. картограмму № 1).

Однако же, эти *астрономическіе* пояса не могли вполнѣ совпасть съ поясами *климатическими*. Климатъ въ современномъ пониманіи опредѣляется не только градусомъ широты, но и другими важными факторами. Высота мѣста надъ уровнемъ моря и рельефъ поверхности, сосѣдство моря или океана, направленіе вѣтровъ, ко-



№ 1. Климатическія зоны (по Круберу).

личество осадковъ влаги и ихъ распредѣленіе по временамъ года — всѣ эти условія вносятъ въ зональность климатическихъ поясовъ существенныя измѣненія. Прежде всего, суша неравномѣрно распредѣлена между сѣвернымъ и южнымъ полушаріями. Сѣверное по-

лушаріе, вслѣдствіе болѣе значительнаго количества въ немъ суши, теплѣе южнаго. Точнѣе говоря, въ немъ лѣто теплѣе, а зима холоднѣе.. *) и всѣ зоны поэтому сдвигаются къ сѣверу отъ своихъ астрономическихъ линій. Поэтому, и умѣренный климатъ съ дифференцированными временами года, наиболѣе благопріятный для человѣческаго развитія, занимаетъ больше пространства въ сѣверномъ полушаріи. Къ тому же, умѣренная зона въ этомъ полушаріи проходитъ въ значительной части по сушѣ — въ Европѣ, Азіи и Сѣв. Америкѣ, тогда какъ въ южномъ полушаріи она проходитъ по океанамъ, задѣвая лишь части южной Африки, южной Америки и Австраліи. Одна эта справка указываетъ на сѣверное полушаріе, какъ на главное мѣсторазвитіе міровой культуры.

Съ указанными поправками, зоны температуры, все же, въ общемъ, соотвѣтствуютъ зонамъ климатическимъ. Предѣлами жаркаго пояса обыкновенно считается линія годовой температуры (изотерма) въ 20°, что соотвѣтствуетъ приблизительно границамъ распространенія пальмъ. Обѣ умѣренныя зоны, начинаясь отъ этой границы, доходятъ въ томъ и другомъ направленіи до изотермы наиболѣе теплаго мѣсяца въ году въ 10°. Это совпадаетъ съ границей земледѣлія и древесной растительности. Дальше идутъ полярныя области: но въ южномъ полушаріи онѣ начинаются уже за предѣлами 50-й параллели южной широты, т.-е. далеко не доходя до полярнаго круга, тогда какъ въ сѣверномъ полушаріи Гольфштремъ отодвигаетъ ихъ за полярный кругъ, а въ Норвегіи — и особенно въ Сибири — даже за предѣлы 70-й параллели сѣверной широты. Это значитъ, что особенно благопріятнымъ для человѣчества мѣсторазвитіемъ является вся Евразія (въ смыслѣ Гумбольдта): исключается лишь полярная область на сѣверѣ и азіатскіе полуострова юга (Аравія, Индостанъ и Индокитай).

Эти опредѣленія, конечно, еще очень общи. Чтобы уточнить ихъ, мы должны пойти дальше въ нашемъ анализѣ. Между мѣсторазвитіями, «благопріятными» для человѣческой культуры, существуютъ очень значительныя различія. Наиболѣе благопріятными среди нихъ можно считать, въ общемъ, тѣ, гдѣ оба главные источника органической жизни, теплота и влага, соединены въ наиболѣе благопріятномъ для поддержанія жизни сочетаніи. Особенно

---

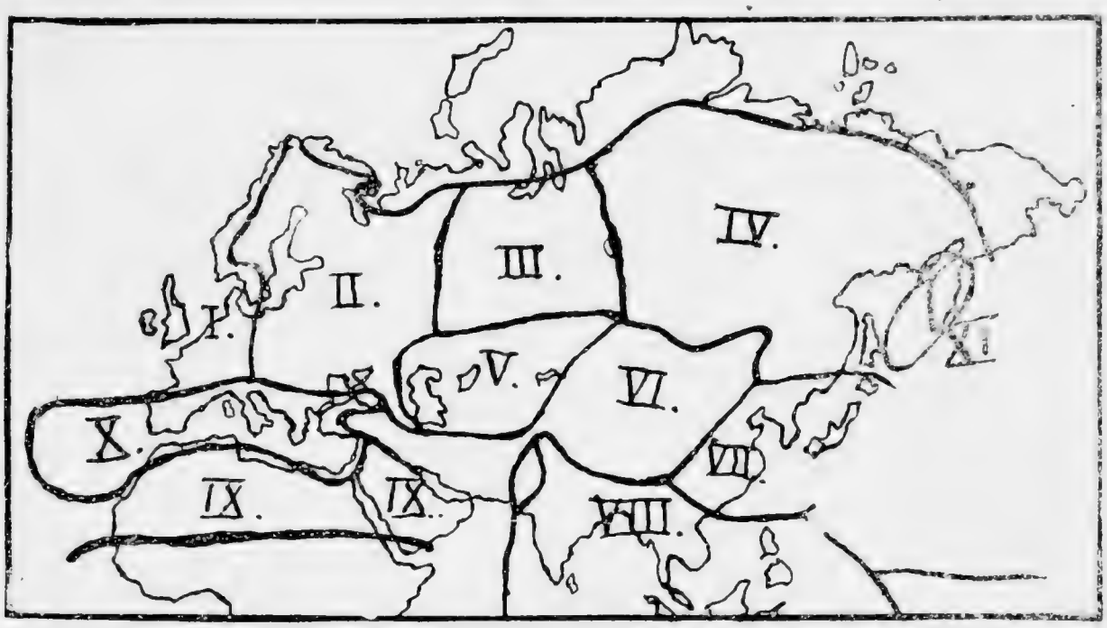
*) Различіе это иллюстрируется слѣдующими цифрами:

Полушарія	Январьская температура	Іюльская температура	Средняя годовая	Годовое колебаніе
Сѣверное .	8,0	22,5	15,2	14,5
Южное . . .	17,3	10,3	10,3	7,0

легко поддерживать жизнь тамъ, гдѣ теплоты и влаги много, какъ въ поясахъ субтропическихъ. Въ поясахъ умѣренныхъ теплота и влага соединены гармонически, но они менѣе обильны; поэтому здѣсь для поддержанія жизни требуется болѣе или менѣе значительное человѣческое усиліе. Вотъ почему субтропическіе пояса наиболѣе пригодны для *начала* культуры, а пояса умѣренные для *продолженія* ея развитія. Неблагопріятными для человѣческой зволюціи слѣдуетъ признать пояса тропическіе, гдѣ теплота и влага присутствуютъ въ чрезмѣрномъ изобиліи, создавая роскошную флору и фауну, которыя, вмѣсто возможности даровато использованія, требуютъ борьбы съ ними и поддаются лишь усовершенствованной техникѣ позднѣйшихъ временъ. Неблагопріятны и тѣ пояса (пустынныя зоны), гдѣ имѣется чрезмѣрная теплота безъ влаги, и тѣ (тундровые и ледовые пояса), гдѣ относительное обиліе влаги не сопровождается теплотой. На крайнихъ предѣлахъ расхожденія этихъ двухъ элементовъ — теплоты и влаги — органическая жизнь вообще становится невозможной. При соединеніи ихъ въ крайнихъ размѣрахъ она очень трудна для человѣка. И только въ умѣренныхъ сочетаніяхъ того и другого человѣкъ встрѣчаетъ со стороны природы не помѣху, а содѣйствіе своему развитію.

Обратимся теперь спеціально къ разсмотрѣнію умѣренной зоны сѣвернаго полушарія, какъ наиболѣе близкой къ русскому мѣсторазвитію. На своемъ обширномъ пространствѣ эта зона отличается отъ другихъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ вѣтровъ, осадковъ, температуры и др. элементовъ климата. Единственно въ ней имѣется дѣленіе года на четыре сезона, что, повидимому, находится въ причинной связи съ условіями развитія высшихъ культуръ именно въ этой зонѣ. Но какъ разъ указанное разнообразіе, доходящее до крайностей, дѣлаетъ необходимымъ и здѣсь ввести болѣе дробныя подраздѣленія. Русскій ученый Круберъ дѣлитъ умѣренный поясъ, на основаніи работъ Кеппена и де-Мартонна, на три группы климатовъ: климатъ умѣренный безъ зимы; климатъ съ непродолжительной зимой, длящейся не болѣе четырехъ мѣсяцевъ — и климатъ умѣренный съ суровой и продолжительной зимой. Замѣтимъ, прежде всего, что въ предѣлахъ Европы и Азіи группы эти располагаются не въ порядкѣ съ сѣвера на югъ, какъ можно бы было предположить по распредѣленію тепла, а съ запада на востокъ (см. картограмму № 2: климатическія провинціи Зупана). Умѣренный климатъ безъ зимы — разновидность субтропическаго климата — представленъ, въ предѣлахъ умѣреннаго пояса, средиземноморскимъ климатомъ (№ X). Климатъ съ мягкой зимой есть климатъ западно-европейскій (сѣверная Испанія, Франція, Великобританія

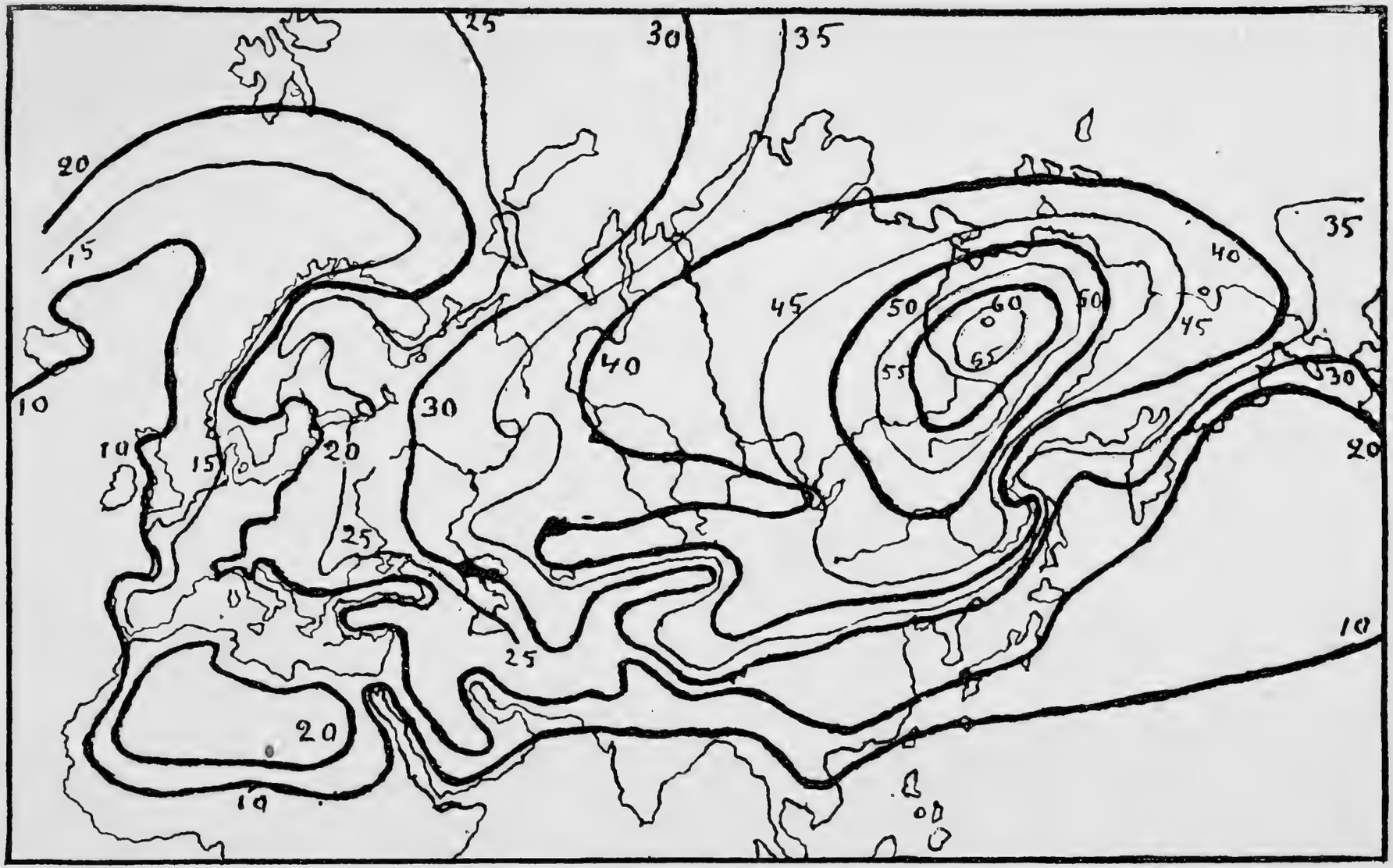
и югозападная часть Скандинавскаго полуострова (№ I). Далѣе идутъ въ порядкѣ постепеннаго ухудшенія климаты съ увеличивающейся суровостью зимы: средне — и восточно — европейскій, западно — и восточносибирскій (№№ II, III и IV). Параллельно двумъ послѣднимъ тянутся болѣе южные климаты — закаспійскій и среднеазіатскій. При приближеніи къ Тихому океану эта закономѣрность замѣняется другою, о которой здѣсь мы говорить не будемъ.



№ 2. **Климатическія провинціи (по Зупану).**

сюда относятся климаты камчатскій, китайско-японскій, индокитайскій (№№ XI, VII и VIII). Аравія и сѣверная Африка (№ IX) являются продолженіемъ переднеазіатскихъ пустынныхъ климатовъ.

Чѣмъ объясняется такой переходъ отъ юго-сѣверной закономѣрности къ западно-восточной? Онъ легко объяснится, если кромѣ широтнаго распредѣленія тепла ознакомимся также съ годовыми колебаніями тепла и съ распредѣленіемъ влаги. Предѣлы годовыхъ колебаній («амплитуда») между самой высокой и самой низкой температурой каждаго даннаго мѣста очень показательны. Амплитудой объясняется характеръ растительнаго покрова, а слѣдовательно и условія человѣческой жизни. Каждое растеніе выноситъ лишь извѣстный минимумъ температуры, ниже котораго существовать не можетъ. При взглядѣ на картограмму годовыхъ амплитудъ (№ 3), мы сразу замѣтимъ, что, въ предѣлахъ интересующей насъ территоріи, возростаніе этихъ колебаній идетъ тоже не съ юга на сѣверъ, а съ запада на востокъ — до того момента, когда обнаруживается встрѣчное вліяніе Сѣвернаго и Тихаго океановъ, и линіи начинаютъ кружиться около центра, получившаго назва-



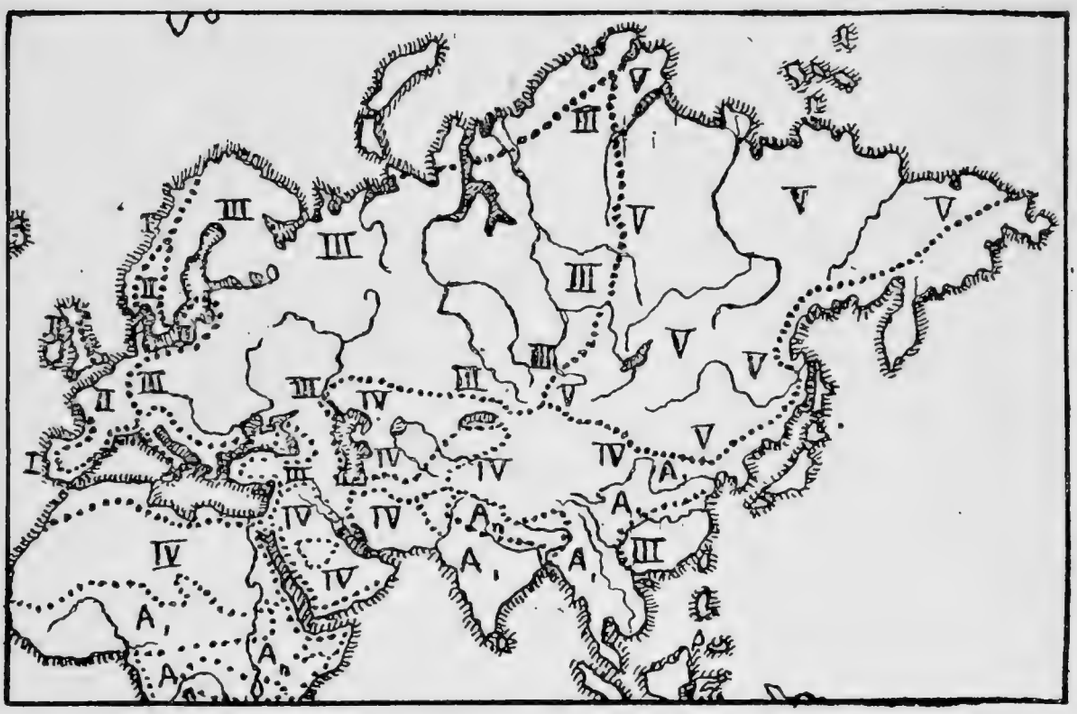
№ 3. Годовыя колебанія температуры.

ніе «полюса холода». Идя въ этомъ порядкѣ, т.-е. съ запада къ востоку, мы сразу замѣтимъ соотвѣтствіе между разными климатами умѣреннаго пояса и соотвѣтствующими амплитудами колебаній температуры. Наименьшей амплитудой 10-15° отличается въ Европѣ только Великобританія и западная полоса норвежскаго берега, Франціи и Испаніи. Слѣдующая амплитуда 20° уже отдѣляетъ въ категорію благопріятнаго мѣсторазвитія всю средиземноморскую область, срединную Европу и южную Прибалтику. Амплитуда 25° выдѣляетъ къ западу приморскія мѣстности Россіи — на сѣверѣ, западѣ и югѣ — и пересѣкаетъ европейскую Россію вертикальной линіей отъ Петербурга до Одессы, включая также Крымъ и Кавказъ. Въ той же сторонѣ остаются поселенія южныхъ и западныхъ славянъ и балтійскихъ нашихъ сосѣдей. Амплитуда 30° все еще отдѣляетъ къ западу часть Россіи за линіей Архангельскъ — Ростовъ-на-Дону; а амплитуда 35° — Пріуралье, Поволжье и прикаспійскую область. Между 35° и 40° умѣщается Западная Сибирь и полоса русской колонизаціи по верховьямъ Оби и Енисея. Сюда же входитъ Туркестанъ и тихоокеанское Приморье. Дальнѣйшій ростъ колебаній температуръ отъ 45° до 65° характеризуетъ, какъ уже сказано, ядро Восточной Сибири — между Енисеемъ и Становымъ Хребтомъ. Высшая амплитуда всего сѣвернаго полушарія — «полюсъ холода» находится здѣсь же, въ Верхоянскѣ.

Что означаетъ ростъ годичныхъ колебаній температуры? Въ двухъ словахъ можно отвѣтить: онъ соотвѣтствуетъ постепенному переходу отъ равномѣрнаго *морскаго* климата къ климату *континентальному,* съ его рѣзкими контрастами между жаркимъ лѣтомъ и суровой зимой. Изъ трехъ вышеотмѣченныхъ подзонъ умѣреннаго пояса — континентальный климатъ представляетъ, конечно, наименѣе благопріятное мѣсторазвитіе. Но мы теперь видимъ, что переходъ совершается цѣлымъ рядомъ ступеней. Увидимъ дальше, что ростъ контрастовъ сильно сглаживается также вліяніемъ теплаго морскаго теченія, которое вдоль Ледовитаго океана ведетъ за собой далеко на востокъ меньшія цифры амплитудъ, чѣмъ можно было бы ожидать по широтамъ дальняго сѣвера. Климатъ смягчается, наконецъ, въ самыхъ холодныхъ частяхъ Сибири тѣмъ обстоятельствомъ, что зимой тамъ стоитъ безъ движенія антициклонъ, т.-е. область самаго высокаго давленія воздуха, что сопровождается безвѣтренной погодой и безоблачнымъ небомъ, усиливающимъ инсоляцію.

Переходимъ къ другой основной чертѣ, характеризующей климатъ: къ распредѣленію влаги по временамъ года. Тамъ, гдѣ, какъ въ полярной области, вообще выпадаетъ мало осадковъ, это

распредѣленіе, конечно, имѣетъ мало значенія. Но гдѣ осадковъ достаточно, — тамъ чрезвычайно важно, на какіе мѣсяцы они приходятся. Выпадая весной и лѣтомъ, они вызываютъ жизнь растительности. Совпадая съ жаркимъ лѣтомъ, они возмѣщаютъ его краткость и вносятъ поправку къ континентальности климата. На прилагаемой картограммѣ № 4 такія мѣстности, благопріятныя для ра-

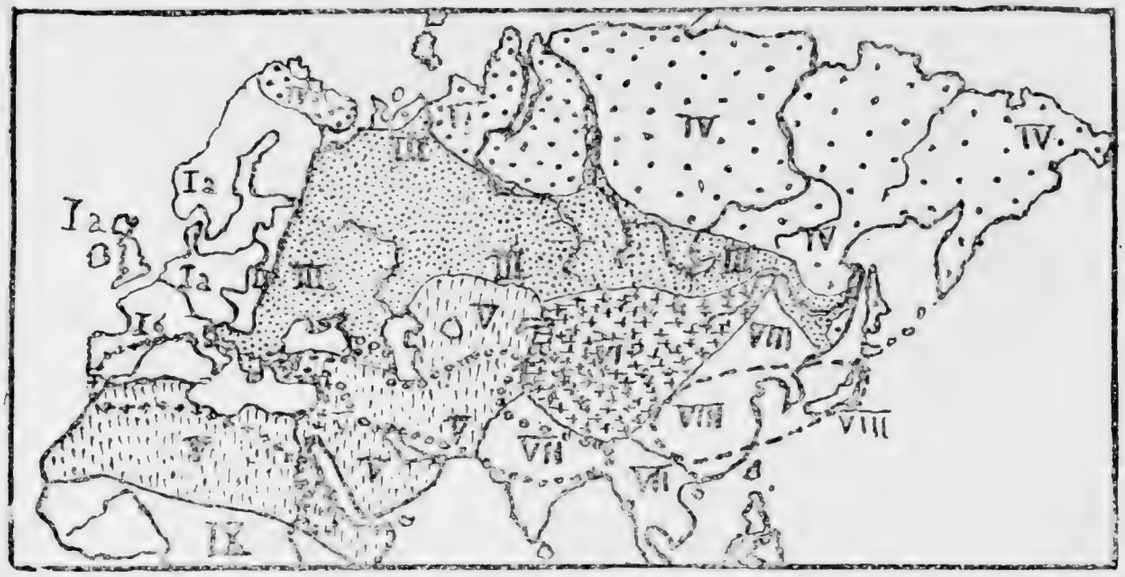


№ 4. **Распредѣленіе осадковъ.**

стительности, отмѣчены цифрой III. Здѣсь объединяются территоріи средней Европы, Кавказа и Малой Азіи съ Сибирью до р. Хатанги и до правыхъ притоковъ Енисея. Конечно, еще благопріятнѣе для флоры тѣ мѣстности, гдѣ осадки равномѣрны. Они отмѣчены подъ №№ I и II — и совпадаютъ съ территоріей наименьшихъ амплитудъ и морскаго климата. Напротивъ тѣ мѣстности, гдѣ осадки выпадаютъ осенью и зимой, представляютъ пустыни. Амплитуда въ нихъ мала; но это потому, что всѣ мѣсяцы одинаково жарки (№ IV).

Взятые вмѣстѣ, оба разсмотрѣнные признака, — годичное колебаніе теплоты и годичное распредѣленіе влаги — даютъ надежную основу для опредѣленія климата каждаго даннаго мѣсторазвитія. Не случайно, поэтому, распредѣленіе суши на климатическія «провинціи» оказывается близкимъ къ распредѣленію теплоты и влаги. Предупреждая наше изложеніе, мы можемъ теперь же отмѣтить, что то и другое близко совпадаетъ также — конечно, не въ деталяхъ, а въ общихъ чертахъ, — съ распредѣленіемъ типовъ

культуры. Для иллюстраціи сравнимъ картограммы №№ 2, 3 и 4 съ картограммой № 5, изображающей распредѣленіе типовъ культуры въ интересующихъ насъ предѣлахъ, составленное по К. Зап-



№ 5. **Распредѣленіе типовъ культуры (по Запперу).**

перу. Мы увидимъ здѣсь: 1) Совпаденіе типовъ Ia, Ib и II западной и среднеевропейской культуры съ I и II провинціями осадковъ, съ 10°-20° амплитудами колебаній температуры и съ I климатической провинціей Зупана. 2) Совпаденіе II провинціи Зупана съ европейской частью «восточно-европейской провинціи» Заппера, соотвѣтствующей европ. Россіи (№ III). Подтвержденіе этому выдѣленію европейской Россіи находимъ въ совпаденіи съ ея территоріей 20°-35° амплитудъ колебаній температуры (позже увидимъ и ея особенность по количеству осадковъ). 3) Климатическія провинціи Зупана №№ III и IV отдѣлены другъ отъ друга р. Енисеемъ. Этому соотвѣтствуетъ выдѣленіе къ востоку Сибири континентальной полярной области осадковъ (№ V) и амплитуды 45°-65°. Мы уже отмѣтили вполнѣ законное выдѣленіе южной части этой области у Заппера, сотвѣтствующей полосѣ русской колонизаціи Сибири. Этотъ клинъ, въ которомъ амплитуда не превышаетъ 30°-40°, Заппер по справедливости присоединяетъ къ «восточно-европейскому» типу культуры. 4) Двумъ провинціямъ Азіи на югъ отъ предыдущихъ (Туркестану, Монголіи и Тибету) (№№ V и VI) соотвѣтствуютъ на картѣ осадковъ № IV — скудные осадки пустыни. Къ нимъ основательно присоединяется на той же картѣ продолженіе пустыннаго пояса въ Аравіи и Сахарѣ. Совершенно правильно и Запперъ объединяетъ обѣ области въ общую культурную провинцію № V. Онъ

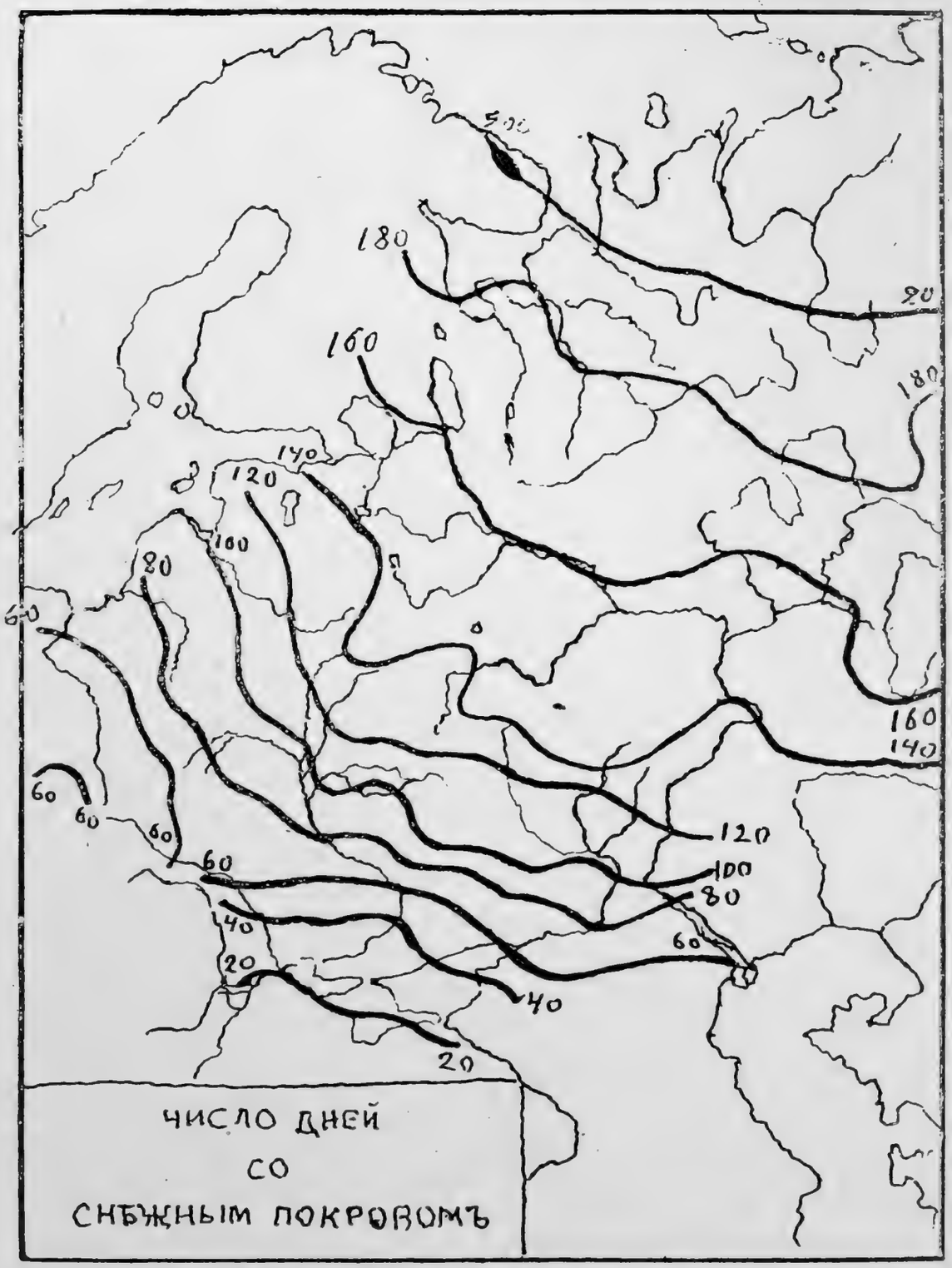
выдѣляетъ, однако, Тибетъ и Монголію въ особую область «центрально-азіатской культуры» (№ VI), чему соотвѣтствуетъ и отдѣльная климатическая зона Зупана подъ тѣмъ же № VI. Рѣзко выдѣляется на всѣхъ картограммахъ средиземноморская область. Другихъ культурно-климатическихъ типовъ мы здѣсь касаться не будемъ.

Мы можемъ теперь сдѣлать общій выводъ о положеніи Россіи среди трехъ континентовъ. На ея территоріи соединяются по крайней мѣрѣ три-четыре самостоятельныя и законченныя культуры разнаго характера, не говоря о культурахъ незакончennыхъ, которыя мы здѣсь не отмѣчаемъ. Эти культуры предполагаютъ столько же различныхъ мѣсторазвитій. Соединить ихъ въ одно цѣлое можно было лишь въ порядкѣ государственнаго слiянія. Найти болѣе раннюю связь между этими культурами можно было бы только въ періодъ достоисторическихъ передвиженій народовъ — тема, къ которой мы вернемся въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Мы увидимъ, что въ этотъ періодъ примитивной культуры, когда человѣкъ гораздо тѣснѣе связанъ съ природой узами зависимости, чѣмъ впослѣдствіи, каждое изъ слившихся въ дальнѣйшемъ процессѣ мѣсторазвитій создаетъ свой особый строй жизни. Но мы уже знаемъ, что не каждое изъ нихъ одинаково благопріятствуетъ дальнѣйшему процессу эволюціи человѣчества. Сопоставляя каждое мѣсторазвитіе съ развившейся въ немъ культурой, мы можемъ замѣтить, что и самый порядокъ развитія культуръ соотвѣтствуетъ степени благопріятствованія климатическихъ условій той или другой культурѣ. Хронологически, древнѣйшія культуры развиваются въ мѣсторазвитіяхъ, наиболѣе щедро обставленныхъ природой. Слѣдующія по времени идутъ за ними въ порядкѣ ухудшенія антропогеографическихъ условій. Конечно, это общее наблюденіе нуждается во всевозможныхъ поправкахъ. Но именно въ своемъ общемъ видѣ оно вскрываетъ извѣстнув закономѣрность. Очевидно, нельзя считать случайнымъ, что циклъ средиземноморскихъ культуръ — древнѣйшихъ для даннаго круга, неразрывно связанъ съ наилучшими (для этого ранняго времени) климатическими условіями; что за нимъ слѣдуетъ наилучше обставленный поясъ западноевропейскаго приморья; отсюда культура передвигается на востокъ — сперва въ центральную, а затѣмъ и въ восточную Европу. Въ этой хронологической послѣдовательности русскому мѣсторазвитію принадлежитъ опредѣленное мѣсто. Но та-же самая закономѣрность развертывается, какъ много разъ будемъ наблюдать, и въ предѣлахъ русскаго мѣсторазвитія — или, точнѣе, тѣхъ различныхъ мѣсторазвитій, которыя мы только что различили. Первое мѣсто здѣсь будетъ принадлежать мѣстностямъ, наиболѣе близкимъ къ запад-

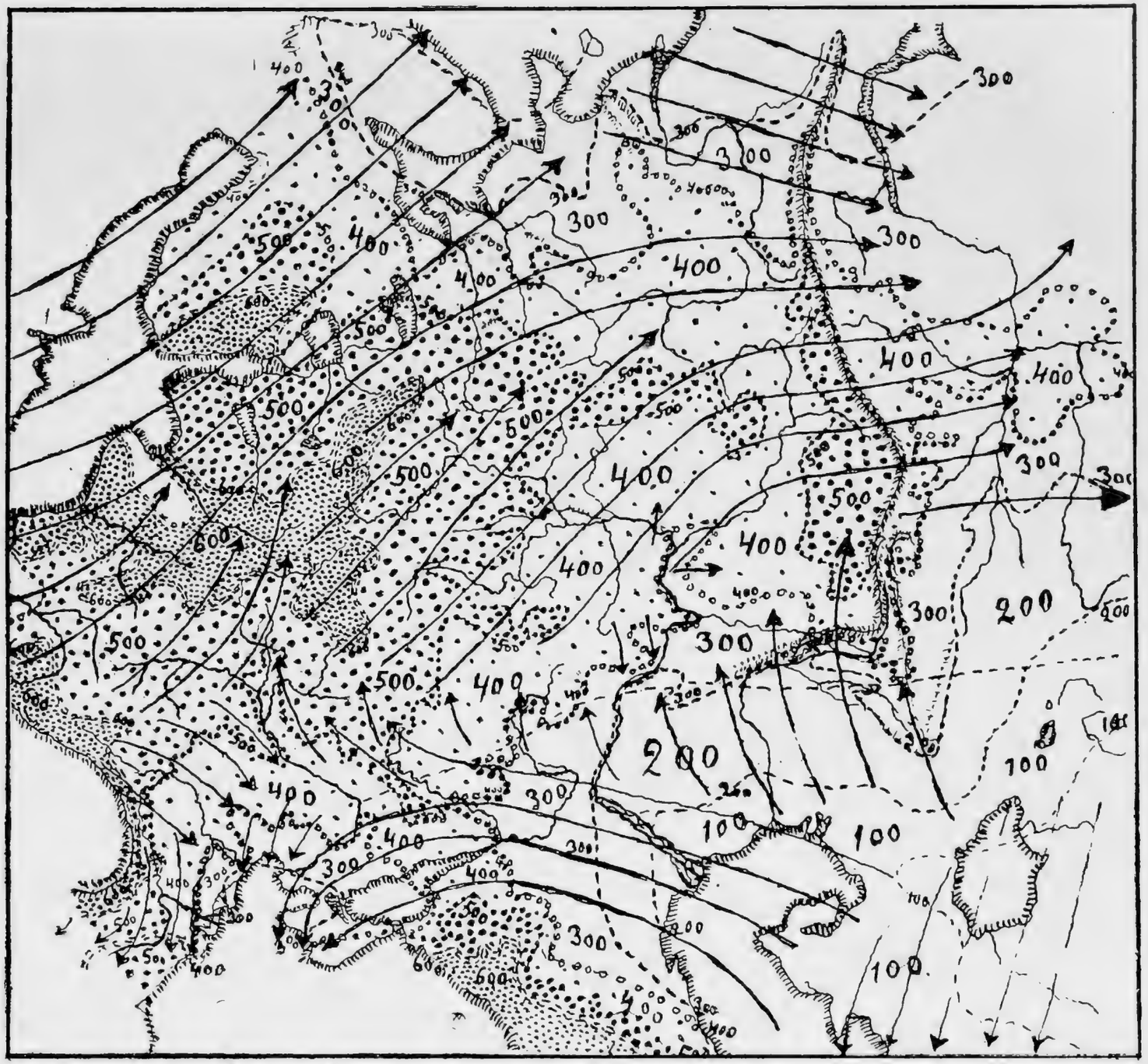
ной Европѣ — географически и климатически. Возростаніе континентальности и пустынности климата отзывается и на запозданіи соотвѣтственныхъ культуръ и на ихъ введеніи въ общую связь. Правда, мы здѣсь встрѣчаемся съ спорнымъ вопросомъ о первенствѣ культурнаго вліянія азіатскаго востока черезъ русскія степи. Къ нему мы вернемся въ свѣтѣ археологическихъ данныхъ, которыя придется сгруппировать для его рѣшенія.

Въ порядкѣ изложенія мы переходимъ теперь къ болѣе подробному выясненію географическихъ условій развитія основнаго русскаго ядра — въ Европейской Россіи. Очень часто русскіе и особенно иностранные географы склонны были приписывать всему этому пространству характеръ исключительно-полнаго внутренняго географическаго единства. Евразійцы даже пытались распространять это представленіе на всю территорію, называемую ими Евразіей. По отношенію къ «доуральской» Россіи впечатлѣніе такого единства создается, конечно, гораздо легче — и очень часто высказывается въ художественныхъ или лирическихъ описаніяхъ Россіи. Бросается въ глаза, прежде всего, монотонный характеръ русской равнины съ ея широкимъ пейзажемъ. И въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе слабости дислокаціонныхъ процессовъ на этой территоріи и почти горизонтальнаго расположенія горныхъ породъ разныхъ эпохъ — лишь слегка поднимающихся къ югу, — русская равнина лишь изрѣдка разнообразится небольшими холмами и рядами возвышенностей, не превосходящихъ, въ среднемъ, 300-400 метровъ, — не говоря, конечно, о горныхъ хребтахъ и вершинахъ, расположенныхъ на окраинахъ этой равнины. Однообразіе этого строенія несомнѣнно отразилось въ ходѣ русскаго государственнаго строительства. Часто упоминается, далѣе, единообразный снѣжный покровъ, одѣвающій зимою всю русскую равнину съ сѣвера до юга и дающій возможность проѣхать на саняхъ отъ Архангельска до Ростова на Дону. Отсюда — впечатлѣніе однородности образа жизни и культуры на огромномъ пространствѣ двадцати шести градусовъ сѣверной широты и двадцати двухъ съ половиной милліоновъ квадратныхъ километровъ. А дальше слѣдуетъ обычно выводъ о русскомъ народномъ характерѣ и о монотонной народной пѣснѣ, живописующей безпредѣльную русскую даль и просторъ. Всю эту лирику слѣдовало бы отнести къ донаучной стадіи антропогеографіи. Конечно, Россія лишена расчлененности ландшафта западной Европы и ея контрастовъ рельефа на близкихъ разстояніяхъ. Но за-то обширное протяженіе ея территоріи неизбѣжно приводитъ къ тому разнообразію ея мѣсторазвитій, которое отчасти было уже отмѣчено выше. Возьмемъ для иллюстраціи карту продолжительности снѣжнаго покрова

въ разныхъ частяхъ Россіи (картограмма № 6, по Танфильеву). Число дней со снѣжнымъ покровомъ ростетъ, какъ видимъ, по мѣрѣ продвиженія съ югозапада на сѣверовостокъ съ 20 дней до двухсотъ, т.-е. въ десять разъ увеличивается. Много ли общаго между климатомъ, гдѣ снѣгъ лежитъ отъ трехъ до шести недѣль — и климатомъ, гдѣ онъ не стаиваетъ болѣе полугода?



№ 6. **Продолжительность снѣжнаго покрова.**

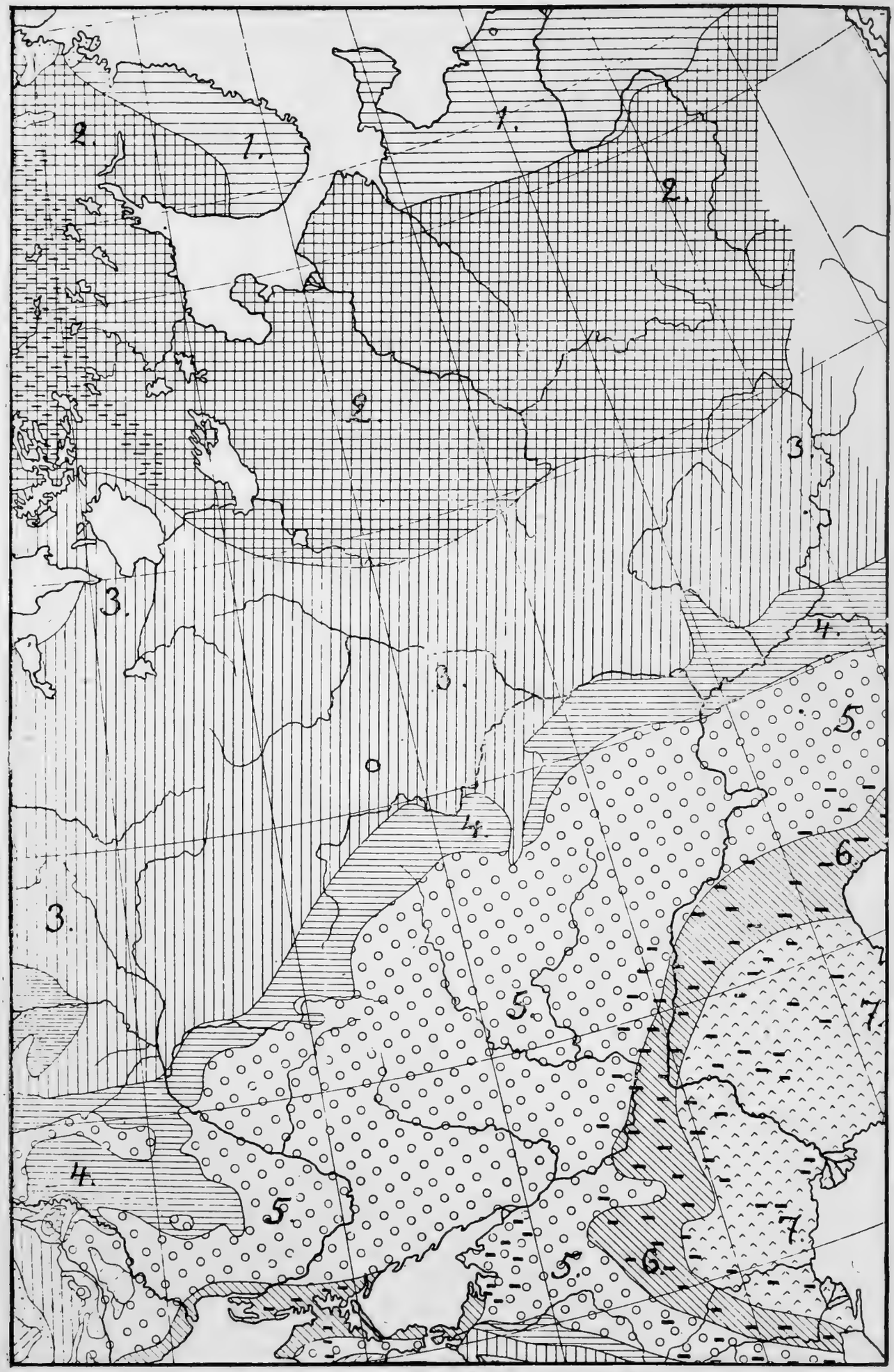


№ 7. Вѣтры и осадки (по Висоцкому).

Отмѣтимъ это направленіе — съ югозапада на сѣверовостокъ. Оно соотвѣтствуетъ росту континентальности климата. Г. Н. Высоцкій даетъ образную картину борьбы двухъ началъ, дающихъ эту закономѣрно мѣняющуюся равнодѣйствующую. «Влажный морской климатъ простирается надъ Европой, исходя изъ благодѣтельнаго Гольфстрема, а суровый сухой — изъ центральной Азіи... Такимъ образомъ, Европа является какъ бы ареной борьбы двухъ титановъ... Въ европейской Россіи происходятъ самыя жаркія битвы, и поле брани постоянно переходитъ отъ одной стороны къ другой». Нужно прибавить, однако, что «благодѣтельный Гольфстремъ» далеко не оказывается побѣжденнымъ въ этой непрерывающейся битвѣ съ «пылкими сынами Турана». Итоги боевъ можно видѣть на прилагаемой картограммѣ № 7, составленной по тому же Высоцкому. Это — карта вѣтровъ (зимнихъ) и осадковъ европейской Россіи и ближайшей къ ней части Западной Сибири. Направленіе вѣтровъ обозначено на ней стрѣлами. Количество осадковъ показано точками убывающей густоты. Сразу видно, что осадки приносятся въ Россію вмѣстѣ съ вѣтрами, убывая въ направленіи съ югозапада къ сѣверовостоку. Мы различаемъ здѣсь три главныхъ волны осадковъ. Первая приноситъ въ долины Нѣмана и Зап. Двины и на территорію водораздѣловъ между четырьмя русскими рѣчными бассейнами массу влаги, измѣряющуюся 600 миллиметрами и выше въ годъ. Вторая волна осадковъ, приносящая ежегодно отъ 500 до 600 миллиметровъ воды, охватываетъ первую волну треугольникомъ, широкое основаніе котораго тянется отъ сѣверныхъ озеръ до Карпатъ, а стороны включаютъ въ себя верхнія части бассейновъ Днѣпра, Волги и Озернаго, сходясь клиномъ у верховьевъ Камы. Отмѣтимъ опять ярко выраженное сѣверовосточное направленіе этой волны. Третья волна, приносящая отъ 400 до 500 миллиметровъ осадковъ (она отмѣчена на картѣ рѣдкими точками съ границей, обозначенной кружечками) окаймляетъ вторую въ томъ же направленіи, переливаясь черезъ Уралъ, западный склонъ котораго, по общему закону, орошенъ лучше восточнаго. Дальше слѣдуютъ территоріи съ недостаточнымъ орошеніемъ осадками — отъ 300, отъ 200 и отъ 100 миллиметровъ. Съ верховьевъ Обскаго бассейна эта полоса переходитъ въ низовья Волги и Донскаго бассейна, задѣвая нѣкоторыя части Черноморья. Только въ этихъ мѣстахъ знойные вѣтры пустыни начинаютъ оказывать свое дѣйствіе, съ трудомъ пробираясь въ три хорошо орошенныя полосы. Скажемъ объ этомъ итогѣ борьбы словами Высоцкаго. «Для проникновенія Гольфстрема служатъ... входныя ворота, находящіяся между скандинавскими горами съ сѣвера и богемско-карпатскими съ юга... Наиболѣе выдается въ зим-

нее полугодіе господство ЮЗ. на большей части площади европейской Россіи..., лѣтомъ — господство СЗ. почти во всей европейской Россіи». Тотъ и другой вѣтеръ «находятся въ зависимости отъ воздушныхъ теченій надъ Атлантическимъ океаномъ... Зимніе вѣтры приносятъ съ Запада воздухъ нагрѣтый... Природа у насъ стремится устранять неблагопріятныя крайности, подавляя зимой умѣреннымъ ЮЗ. холодящій Nord, а лѣтомъ влагоноснымъ СЗ. сухой и знойный Est». Правда, этимъ борьба не кончается. «Съ противоположной стороны, по широкому проходу между южными отрогами Урала и твердынями Кавказа вторгаются пылкіе сыны Турана, которые, хотя и не обладаютъ присущимъ западнымъ вѣтрамъ постоянствомъ, но приносятъ великія бѣдствія въ видѣ засухъ, черныхъ и песчаныхъ бурь, сухой мглы и недородовъ. Ихъ желтый флагъ простирается надъ югомъ Россіи въ видѣ съуживающейся къ западу полосы пониженныхъ осадковъ». Мы видимъ, однако, на картѣ, что сфера дѣйствія этихъ вредоносныхъ вѣтровъ не такъ уже велика и что вездѣ на своемъ пути къ западу они встрѣчаютъ противодѣйствіе повышающихся осадковъ. По мнѣнію Краснова, дѣйствіе этихъ вѣтровъ-суховѣевъ затихаетъ окончательно на линіи Кишиневъ — Уфа, совпадающей съ уже отмѣченнымъ нами направленіемъ.

Переходимъ къ распредѣленію почвъ на пространствѣ европейской Россіи. Огромное протяженіе Россіи съ сѣвера на югъ, отсутствіе на этомъ протяженіи высокихъ горъ, на склонахъ которыхъ горизонтальныя смѣны климата повторяются въ вертикальномъ порядкѣ, наконецъ, сравнительная съ Западомъ нетронутость русскаго ландшафта воздѣйствіемъ человѣческой воли — все это дало русскимъ изслѣдователямъ почвъ большое преимущество передъ европейскими почвовѣдами. Благодаря этому, взаимодѣйствіе между климатомъ, почвой и другими элементами въ Россіи изучено съ особой обстоятельностью цѣлой школой ученыхъ, во главѣ которыхъ стоятъ имена Докучаева, Сибирцева, Глинки и др. Достаточно взглянуть на почвенную карту Россіи, составленную В. Агафоновымъ и А. Стебутомъ (см. картограмму № 8), чтобы сразу замѣтить связь между распредѣленіемъ русскихъ почвъ и ранѣе разобранными факторами. Мы видимъ здѣсь семь послѣдовательныхъ полосъ, общее направленіе которыхъ изъ горизонтальнаго (съ запада на востокъ) постепенно переходитъ въ извѣстное намъ сѣверовосточное и почти въ югосѣверное по мѣрѣ приближенія къ югу. Полосы эти слѣдующія: 1. Мерзлая почва тундры. 2. Дерновыя и песчаныя, сильно подзолистыя почвы сѣвернаго бассейна, заболоченныя до 40% (горизонтальныя черточки) при приближеніи къ Финляндіи.



№ 8. **Почвенная карта Россіи (по Агафонову).**

3. Умѣренно подзолистыя лѣсныя почвы верхневолжскаго и верхнеднѣпровскаго бассейна. 4. Полоса деградированнаго чернозема и сѣрыя лѣсостепныя почвы. 5. Черноземъ «обыкновенный», перемежающійся съ «тучнымъ» степныхъ почвъ. 6. Каштановыя почвы, усѣянныя солонцами (горизонтальныя рѣзкія черты). 7. Свѣтлобурыя почвы сухихъ пустынь.

Мы не можемъ здѣсь останавливаться на объясненіи почвообразовательныхъ процессовъ, такъ какъ это потребовало бы введенія въ изложеніе техническихъ подробностей. Но общее понятіе объ этихъ процессахъ и объ ихъ постепенной закономѣрной смѣнѣ можетъ дать слѣдующая цитата изъ работы С. С. Неуструева. «Если разсматривать континентальный рядъ почвъ отъ тундры до пустыни, то представляются слѣдующія закономѣрности. Отъ примитивныхъ почвъ *тундры* съ ихъ *болотнымъ* habitus'мъ, съ преобладаніемъ, благодаря мерзлотѣ и низкой температурѣ, значенія избыточнаго увлажненія, мы переходимъ въ *подзолисто-болотную* зону. Степень заболоченности почвенныхъ комбинацій и комплексовъ убываетъ къ югу... Подзолистый *) процессъ, слабо или вовсе неразвитый въ тундрѣ, достигаетъ максимума въ центрѣ подзолистой зоны и убываетъ далѣе на югъ къ подзонѣ *черноземно-подзолистой*, чтобы въ степяхъ сойти почти на нѣтъ. Въ *степной черноземной* зонѣ количество солончаковъ и солонцовъ... увеличивается по мѣрѣ приближенія къ югу *аридной* зоны, гдѣ солонцы уже развиты въ максимальной степени... Такимъ образомъ, если бы мы попытались нарисовать кривыя болотнаго, подзолистаго, солонцоваго и солончаковаго процесса, увидѣли бы, что они достигали максимума въ одной зонѣ, а въ другой слабѣли или сходили на нѣтъ. Кривая содержанія гумуса (коагулированнаго, темнаго) въ почвахъ имѣетъ максимумъ поднятія въ черноземной зонѣ и падаетъ по обѣ стороны отъ нея («черноземъ деградируется» **). Здѣсь же начинается слабое поднятіе «болотной» кривой, продолжающееся энергично въ подзолистой зонѣ и достигающей максимума въ тундрѣ. Подзолистый процессъ, замирая въ тундрѣ и степи, имѣетъ макси-

---

*) Названіе «подзолистыхъ» эти почвы получили потому, что ихъ поверхностные горизонты напоминаютъ своимъ цвѣтомъ хорошо пережженную золу (Глинка)

**) Терминъ «деградація» былъ впервые употребленъ С. И. Коржинскимъ, который, изучая сѣверо-восточную границу черноземной полосы, пришелъ къ заключенію, что всѣ подзолистыя почвы этого района произошли за счетъ бывшаго степнаго чернозема, подъ вліяніемъ надвинувшагося на него съ сѣвера лѣса (Глинка).

мумъ развитія между максимумомъ гумусности и болотнаго процесса. Солончаковый процессъ, начинаясь въ южномъ концѣ подзолистой зоны, развивается постепенно въ степныхъ зонахъ и максимума достигаетъ въ комплексахъ «сѣрой» зоны. А солонцовый, начинаясь вмѣстѣ съ нимъ, даетъ максимумъ въ аридной зонѣ, чтобы окончательно уничтожиться южнѣе. *)

По существу, всѣ описанныя формы почвообразованія связаны причинной зависимостью отъ одного фактора: количества влаги и кислорода, могущихъ проникнуть въ подпочву. Тамъ гдѣ вода промачиваетъ почву и гдѣ происходитъ процессъ выщелачиванія заложенныхъ въ нижнихъ горизонтахъ минеральныхъ солей, получается почва, бѣдная питательными веществами, но удобная для произрастанія лѣса (подзолъ и сѣрыя лѣсныя почвы). Напротивъ, тамъ, гдѣ имѣется или обиліе влаги, заболачивающей почву и не пропускающей воздуха (болота и торфяники сѣвера), или влага отсутствуетъ и химическаго разложенія солей не происходитъ (степной и пустынный югъ), — тамъ создается черноземъ. «Влаги здѣсь достаточно для развитія болѣе или менѣе мощнаго травянистаго покрова, но ея не хватаетъ для полной минерализаціи органическаго вещества... Поэтому во всѣхъ черноземныхъ почвахъ подъ гумусовыми горизонтами существуютъ горизонты карбонатные, т.-е. такіе, которые содержатъ углекислую известь» (Глинка).

---

*) Въ противоположность Глинкѣ, утверждающему, что почва (въ частности и черноземъ) «преобразуется независимо отъ материка, но въ зависимости отъ климата и атмосферы», Танфильевъ доказываетъ, что черноземъ можетъ образоваться не на каждой материнской породѣ и что «существеннѣйшимъ условіемъ для образованія чернозема является присутствіе въ материнской породѣ болѣе или менѣе значительнаго количества извести». «Не будь известковой материнской породы, климатъ былъ бы безсиленъ создать черноземную почву». «Самая могущественная роль въ созданіи у насъ чернозема принадлежитъ **лессу** или вообще известковистымъ породамъ, наложившимъ на всю природу нашего юга и на хозяйство человѣка своеобразную печать, очень рѣзко отдѣляющую этотъ югъ отъ сѣверной полосы Россіи..., гдѣ почвы обыкновенно безкарбонатныя, подзолистыя, господствуютъ лѣса съ преобладаніемъ хвойныхъ, грунтовыя воды обыкновенно мягкія, рельефъ часто холмистый, моренный (см. объ этомъ стр. 106)». Другіе почвовѣды не соглашаются съ Танфильевымъ, что черноземъ образуется только на лессѣ, и о самомъ происхожденіи лесса Танфильевъ держится иного мнѣнія, чѣмъ извѣстная, установленная Рихтгофеномъ «эоловая» теорія (см. ниже).

Между почвой и растительнымъ покровомъ существуетъ тѣснѣйшая связь. Растительность принимаетъ самое непосредственное участіе въ образованіи почвъ и, въ свою очередь, всецѣло отъ нихъ зависитъ. Съ другой стороны растительный покровъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ человѣческой географіи. Растительность кормитъ человѣка, одѣваетъ его, даетъ ему кровъ, опредѣляетъ образъ его жизни, питаетъ животныхъ, за которыми онъ охотится и которые ему служатъ, опредѣляетъ повелительно — особенно на низшихъ ступеняхъ культуры (см. ниже) количество населенія, которое растительный покровъ можетъ напитать на данной единицѣ пространства (см. стр. 80). Самые большіе скептики, какъ Лефебръ, отрицающіе «прямое» дѣйствіе климата на человѣка, все же признаютъ «косвенное» дѣйствіе климатическихъ факторовъ черезъ «посредство» растительнаго покрова. Въ виду этихъ сомнѣній, разборъ тѣснѣйшей зависимости самой растительности отъ ранѣе разсмотрѣнныхъ факторовъ пріобрѣтаетъ особенный интересъ.

Границы растительныхъ поясовъ нанести на карту не такъ легко — въ виду того, что здѣсь, какъ, впрочемъ, и въ области почвъ, переходы отъ одного пояса къ другому совершаются постепенно. Сводная карта, составленная П. Н. Савицкимъ, *) показываетъ, въ какихъ предѣлахъ колеблются въ этомъ отношеніи показанія отдѣльныхъ русскихъ географовъ. Но относительно послѣдовательности, какъ и относительно направленія поясовъ, какъ показываетъ та же карта, не можетъ быть сомнѣній. Направленіе это — то же, какъ и направленіе другихъ разсмотрѣнныхъ факторовъ климата въ предѣлахъ европейской Россіи: съ югозапада на сѣверовостокъ. Причинная связь тутъ совершенно очевидна — и особенно ясна при сравненіи съ поясным распредѣленіемъ почвъ. Но здѣсь, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, насъ интересуетъ не только сама собою разумѣющаяся зональность распредѣленія растительности, но и внутреннія подраздѣленія въ каждомъ отдѣльномъ поясѣ — по мѣрѣ продвиженія въ только что указанномъ направленіи на сѣверовостокъ. Для иллюстраціи этихъ закономѣрностей я выбираю карту Буша, подчеркивающую эти подраздѣленія съ особенной ясностью. Мы видимъ (стр. 60), что каждый поясъ — тундры, лѣса, лѣсостепи и степи — тянущійся на сѣверовостокъ, пересѣкается двумя поперечными линіями. Эти линіи дѣлятъ все пространство Европейской Россіи на три части, приблизительно соотвѣтст-

*) На стр. 58 прилагается копія ея, съ небольшими измѣненіями (см. № 9). На ней отмѣчены варіанты Коржинскаго, Танфильева, Буша и Алехина.

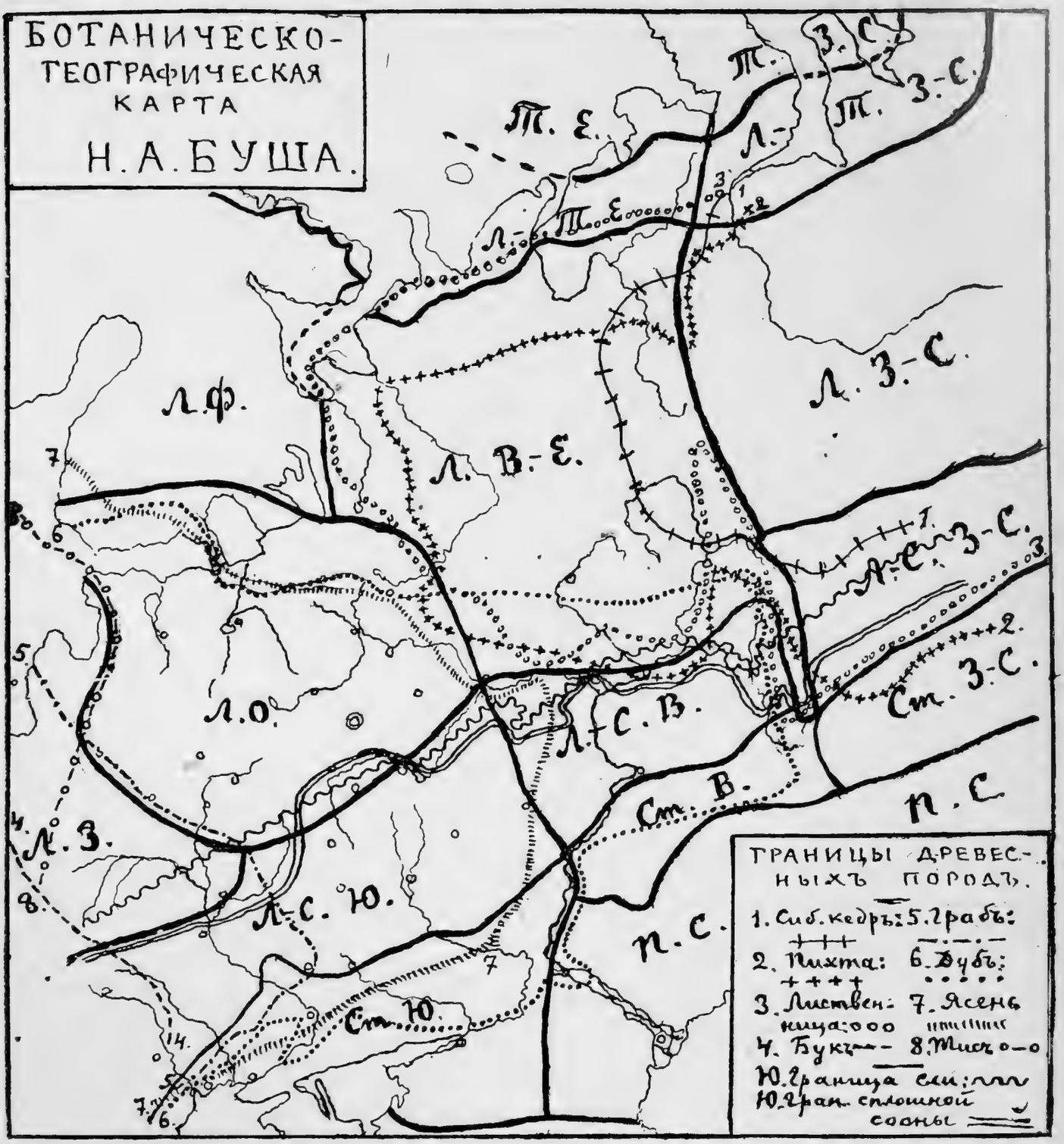
№ 9. Карта растительнаго покрова (П. Н. Савицкаго).

вующія районамъ между указанными выше (стр. 45) амплитудами колебаній температуры въ 20-25°, 25-30° и 30-35°. *)

Третья поперечная линія отдѣляетъ къ западу область западныхъ лѣсовъ (Л. З.), которую намъ здѣсь нѣтъ надобности принимать въ соображеніе. Непосредственно къ этимъ лѣсамъ примыкаютъ смѣшанные лѣса озерной области (Л. О.). Къ востоку этотъ районъ съуживается, упираясь остріемъ въ Нижній Новгородъ. Мы вспомнимъ здѣсь (см. стр. 52) волну осадковъ въ 500-600 миллиметровъ. Далѣе на сѣверовостокъ идутъ хвойные лѣса «восточно-европейскіе» (Л. В. Е.), а за ними слѣдуютъ лѣса Западной Сибири (Л. З. С.). Перемѣны, которыя происходятъ въ составѣ древесной растительности на этомъ протяженіи съ ю. з. къ с. в. съ большой чувствительностью отмѣчаются границами распространенія отдѣльныхъ древесныхъ породъ, которыя я нанесъ на карту Буша. Самымъ чувствительнымъ оказывается букъ (4), который остается въ предѣлахъ западныхъ лѣсовъ, не переходя въ Россію. Гризебахъ на этомъ основаніи назвалъ западно-европейскій климатъ — буковымъ. Тисъ и грабъ остаются на границѣ западныхъ лѣсовъ съ лѣсами Озерной области (5 и 8 — въ предѣлахъ разсматриваемаго пояса). Болѣе выносливая ясень идетъ дальше — почти до границы хвойныхъ лѣсовъ (7), а дубъ далеко заходитъ за эту границу въ область лѣвыхъ притоковъ Волги, не рѣшаясь, однако, перешагнуть черезъ Уралъ (6). Съ противоположной, зауральской стороны область восточно-европейскихъ и западно-сибирскихъ лѣсовъ объединяется присутствіемъ сибирскаго кедра, который, однако же, останавливается, едва перейдя Уралъ (1). Дальше на Западъ идетъ сибирская пихта (2), еще дальше — сибирская лиственница (3). Но и она не заходитъ въ предѣлы смѣшанныхъ лѣсовъ, останавливаясь на ихъ восточной и сѣверной границѣ. Ель обща Россіи не только съ Сибирью, но и съ западной Европой. Однако, разница климата создаетъ разновидности. Въ западной

---

*) Буквы на картограммѣ № 10 означаютъ: 1. Т. Е. — тундра Европы. Т. З. С. — тундра Западной Сибири. 2. Л. Т. Е. — лѣсотундра Европы. Л. Т. З. С. — лѣсотундра Западной Сибири. 3. Л. Ф. — лѣса Финляндіи. Л. В. Е. — лѣса Восточной Европы. Л. З. С. — лѣса Западной Сибири. 4. Л. З. — лѣса западные. Л. О. — лѣса Озерной области. 5. Л. С. Ю. — лѣсо-степь Юга. Л. С. В. — лѣсо-степь Востока. Л. С. З. С. — лѣсо-степь Западной Сибири. 6. Ст. Ю. — степи южныя. Ст. В. — степи восточныя. Ст. З. С. — степи Западной Сибири. 7. П. С. — пустынная степь.



№ 10. Карта распредѣленія растительности.

Европѣ и въ западной части Россіи растетъ picea excelsa, а въ восточной части Россіи и въ Сибири — picea obovata.

Подобныя же различія встрѣчаемъ и въ растительности лѣсостепной полосы въ направленіи отъ ю. з. къ с. в. Дальше западной ея части (Л. С. Ю.) почти не идетъ ясень. Дубъ заходитъ и въ ея восточную часть, но на Уралѣ смѣняется березой, которая и идетъ дальше, въ Западную Сибирь. Въ этомъ смыслѣ можно было бы говорить о замѣнѣ «буковаго» климата западной Европы — «дубовымъ» и «березовымъ». Лѣсостепь Волжская (Л. С. В.) вообще отличается отъ Л. С. Ю.: и почва, и рельефъ въ ней другіе. Дѣло въ томъ, что она не была подъ ледникомъ (стр. 116). Это особенное положеніе Волжской лѣсостепи нужно отмѣтить теперь же. Въ доисторическое время эта провинція замыкалась съ юга трансгрессіей Каспійскаго моря, соединявшагося рукавомъ съ Азовскимъ. Это отрѣзало ее отъ Кавказа. Съ сѣвера границу составлялъ сплошной покровъ ледника, тянувшагося вплоть до океана и Скандинавіи. Такимъ образомъ, на долю Волжской провинціи выпадало послужить древнѣйшимъ соединительнымъ звеномъ между Европой и Азіей. Какъ это отразилось въ древнѣйшихъ народныхъ переселеніяхъ и въ связанныхъ съ ними передвиженіяхъ культуръ, увидимъ въ слѣдующей главѣ. Особенное положеніе Волжской провинціи отразилось и на ея растительности. Ей главнымъ образомъ свойственны татарскій кленъ и травы, какъ plantago maxima. Бушъ справедливо соглашается съ такими опытными географами, какъ Келлеръ, Алехинъ и пр., что надо отличать полосу этихъ луговыхъ степей отъ болѣе молодыхъ — ковыльныхъ. (Ср. карт. № 9, стр. 58).

Переходя въ полосу степей, — частью служившихъ когда-то дномъ доисторическаго моря, — мы опять встрѣчаемся съ дѣленіемъ на три части: степь южная, степь заволжская (Ст. В.) и степь западно-сибирская. Почвовѣды (Рупрехтъ, Пачоскій, Коссовичъ) считаютъ типъ полынно-типчаковой степи еще болѣе молодымъ, чѣмъ ковыльной. Это и понятно, потому что занимаемая первою территорія позднѣе освободилась отъ Каспійской морской трансгрессіи. Коссовичъ указываетъ и на болѣе молодой возрастъ «каштановыхъ» почвъ сравнительно съ черноземными. *) Естественно также замѣчаніе Буша, что заволжскія степи отличаются отъ южныхъ

*) Терминъ «каштановыя» и «бурыя» почвы введенъ впервые Докучаевымъ (1886). На бурой почвѣ болѣе не растетъ ковыль. Господствующую роль играетъ полынь, появляется эбелекъ (ceratocarpus arenarius). Ослабляется солнцеватость и усиливается солончаковатость (Глинка). (Ср. № 6 на почвенной картѣ, стр. 54).

большей солонцеватостью почвы *въ связи* съ еще болѣе континентальнымъ климатомъ, что сказывается и на характерѣ растительности. Переходя, наконецъ, отъ ковыльныхъ и полынно-типчаковыхъ степей къ пустыннымъ степямъ или «полупустынямъ» (П. С.) низовьевъ Волги, мы встрѣчаемъ новую перемѣну. Почва состоитъ здѣсь изъ «буроземовъ» и «сѣроземовъ». Растительный покровъ, — такъ же, какъ въ тундрѣ — уже не представляется сплошнымъ, а распадается на кучки, отдѣленныя другъ отъ друга песками. Пески эти — наиболѣе юная часть поверхности, представляющая весьма наглядно процессъ эволюціи осушеннаго дна каспійской трансгрессіи. Дубянскій различаетъ въ этомъ процессѣ четыре стадіи: стадія передвигающихся съ мѣста на мѣсто «бархановъ», закрѣпленіе ихъ «піонерами растительности», спеціально приспособленными противъ засыпанія растенія пескомъ и противъ выдуванія песка изъ-подъ его корней. Затѣмъ появляются бугристые пески, теряющіе подвижность. «Піонеры» здѣсь сыграли свою роль и замѣняются степными растеніями. Тогда наступаетъ четвертая стадія: формируются песчаныя степи съ типчакомъ (festuca sulcata) и съ agropyron desertorum. Тутъ наглядно проходитъ передъ нашими глазами тотъ-же самый процессъ, который происходилъ въ другихъ частяхъ русской территоріи послѣ освобожденія отъ ледника (см. стр. 116).

Въ общемъ выводѣ мы можемъ повторить, что растительный покровъ европейской Россіи воспроизводитъ тѣ же черты, которыми характеризуется ея климатъ и почва. Въ западной своей части и въ широтахъ, соотвѣтствующихъ протяженію съ сѣвера на югъ западно-европейской территоріи, Европейская Россія есть продолженіе Западной Европы съ поправками на усиливающійся уже въ этой части континентальный климатъ, смягчаемый, однако, вліяніемъ Гольфстрема. Но территорія европейской Россіи расширяется сравнительно съ центромъ Западной Европы на сѣверъ и на югъ. Расширеніе къ сѣверу сопровождается появленіемъ (какъ это происходитъ на соотвѣтственныхъ широтахъ и другихъ частей свѣта) арктической области съ тундрой, переходящей на западъ въ Норвегію и на востокъ въ Сибирь. Вліяніе Гольфстрема сказывается и тутъ, парализуя отчасти невыгодныя послѣдствія континентальнаго климата. Въ срединной части русской равнины континентальный климатъ постепенно усиливается по направленію къ Уралу и за Уралъ. Это усиленіе сказывается въ выклиниваніи района смѣшанныхъ лѣсовъ и въ замѣнѣ ихъ лѣсами хвойными. Уралъ, несомнѣнно, составляетъ климатическую границу. Но она не такъ рѣзка, чтобы сразу оторвать европейскую Россію отъ прилежащихъ частей

Сибири. Мы еще увидимъ, что слабость климатическаго вліянія Урала сказывается не въ томъ, что Азія проникаетъ въ Европу, а, наоборотъ, въ томъ, что Европа проникаетъ въ Азію. И только на крайнемъ юговостокѣ Россіи, вслѣдствіе того, что здѣсь не встрѣчаетъ препятствій ростъ континентальнаго климата и сопровождающая его «физіологическая сухость», вклинивается въ европейскую Россію чужеродное ей тѣло — пустыня. Пустыня связываетъ этотъ уголокъ Россіи съ райономъ совершенно иного мѣсторазвитія и иной культуры (стр. 47, карта № 5, V). Съ антропогеографическими послѣдствіями этой связи мы познакомимся ниже. *)

Какъ бы то ни было, если центральный треугольникъ Россіи, опирающійся основаніемъ на западную границу и выклинивающійся въ среднемъ Поволжьѣ, прочно связываетъ Россію съ Европой — и географически, и исторически, — то два другіе треугольника, обращенные основаніями въ обратную сторону и выклинивающіеся къ западу, ведутъ насъ въ Азію. Сѣверовосточный, тѣснѣе связаный съ центральнымъ, ведетъ въ Сибирь. Юговосточный треугольникъ ведетъ въ аралокаспійскія степи. Если не природой, то исторіей обѣ эти обширныя территоріи связаны съ русскимъ ядромъ. И при изученіи мѣсторазвитія русской культуры ихъ нельзя оставить въ сторонѣ. Мы и переходимъ къ ознакомленію съ ними — въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ которыхъ познакомились съ территоріей европейской Россіи.

Климатъ, почва и растительный покровъ Сибири и Арало-Каспійской низменности изучены сравнительно недавно русскими краевѣдами, на работы которыхъ я и буду опираться.

Продолженіе использованной выше карты Буша на Сибирь даетъ намъ то же дѣленіе на шесть почвенныхъ и растительныхъ по-

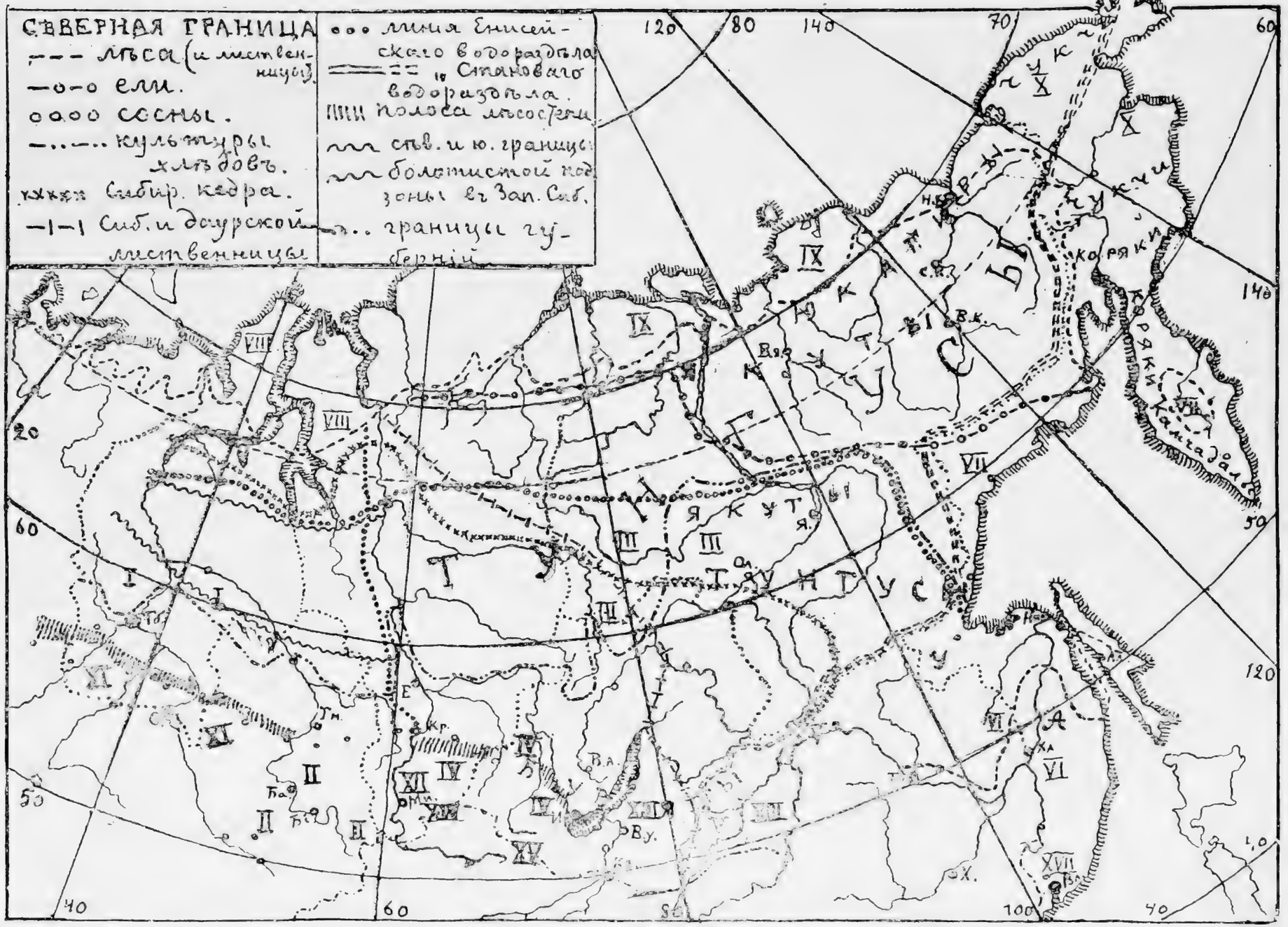
---

*) П. Н. Савицкій, въ своемъ стремленіи представить территорію Россіи (— Евразіи) какъ нѣкоторое органическое цѣлое, отмѣчаетъ рядъ «симметрій» между сѣверомъ и югомъ европейской Россіи, дающихъ возможность говорить о такой связи. Сюда относятся указываемыя имъ черты сходства сѣверныхъ болотъ и южныхъ солончаковъ, безлѣсіе тундры и степи, убываніе процента гумуса на сѣверъ и на югъ отъ черноземной полосы, насыщенность кальціемъ и мощность почвенныхъ горизонтовъ, наконецъ, посвѣтлѣніе почвенной окраски въ ту и другую сторону отъ чернозема. Однако, самъ авторъ не только отказывается искать одинаковыхъ причинъ для этихъ параллельныхъ явленій, но прямо признаетъ, что почти всѣ они суть явленія «внѣшняго» сходства, а не «сущностнаго» тожества. Это исключаетъ всякіе поиски научнаго объясненія.

лосъ, какъ и въ Европейской Россіи. Каждая изъ этихъ полосъ и тутъ отчетливо дѣлится — въ направленіи съ запада на востокъ — на три части: западную, центральную и восточную. Но та же карта показываетъ, что и правильность горизонтальнаго расположенія зонъ, и перемѣна ихъ характера къ востоку радикально нарушается въ Сибири другой закономѣрностью: вліяніемъ горъ съ ихъ *вертикальной* зональностью. В чистомъ видѣ дѣленія Европейской Россіи можно приложить, да и то съ ограниченіями, только къ западной, равнинной части Сибири. Здѣсь приложена болѣе осторожно составленная карта, основанная на сводной работѣ В. Комарова, составленной для комиссіи по изученію производительныхъ силъ Россіи при Академіи Наукъ (до ея послѣдняго преобразованія).

На общій вопросъ о вліяніи Европы на Азію Комаровъ даетъ очень опредѣленный отвѣтъ. «Еще первые классическіе изслѣдователи сибирской флоры, отъ Гмелина до Максимовича, отмѣчали тотъ фактъ, что сибирская флора по почтовому тракту отъ Урала до Енисея — наша родная, русская, и за Енисеемъ европейскія формы такъ медленно смѣняются коренными сибирскими, что путешественнику перемѣна въ глаза не бросается. Только въ долинѣ р. Шилки становятся замѣтными коренныя отличія, все возрастающія при дальнѣйшемъ движеніи на востокъ».

Самъ Комаровъ, подобно Бушу, различаетъ три района въ Сибири, по направленію съ запада на востокъ: 1) отъ Урала до Енисея — районъ, «на которомъ еще отражается вліяніе европейскаго климата», 2) средне-сибирскій, внѣ вліянія какого бы то ни было моря, рѣзко-континентальный и 3) восточный, находящійся подъ климатическимъ вліяніемъ Тихаго океана. Наименѣе замѣтна разница между западомъ и востокомъ, конечно, въ самой сѣверной зонѣ, тундрѣ. Но все же и здѣсь можно провести различіе между тремя намѣченными районами. «Составъ травянистой растительности арктической области», свидѣтельствуетъ Ревердатто, «постоянно мѣняется съ запада на востокъ, отъ Урала до Камчатки. Одни виды замѣняются другими, нерѣдко близкими и внѣшне часто сходными» (т.-е. это, повидимому, подвиды, образовавшіеся изъ западныхъ путемъ приспособленія?). Далѣе къ югу идутъ въ Западной Сибири, по классификаціи Городкова, четыре подзоны лѣсной области: 1) узкая «елово-лиственная» — между границами лѣса и сосны (см. карту); 2) самая широкая — «кедрово-болотистая» (см. объ волнистыя линіи на картѣ); 3) «урмано-болотистая» (въ отличіе отъ высокоствольнаго лѣса — сосноваго, еловаго, березоваго и кедроваго. «Урманомъ» называется хвойный лѣсъ на боло-



№ 11. Растительность Сибири (по Комарову).

тѣ съ густымъ подлѣскомъ) и 4) «лиственныхъ лѣсовъ», «совсѣмъ узкая и нигдѣ не доходящая на югѣ до 55 сш. (она включаетъ, очевидно, отмѣченную на картѣ штрихами лѣсостепь). Всѣ эти подзоны лѣсной области доходятъ, однако, въ такомъ видѣ только до водораздѣла Енисея. Что касается степной зоны, Ревердатто указываетъ, что она «идетъ сплошной полосой (южнѣе предыдущей) отъ Урала до Оби», но дальше уже представляетъ «острова среди лѣсовъ», — вслѣдствіе гористаго рельефа мѣстности. Количество осадковъ, превышающее въ лѣсной области 400 миллиметровъ, въ степной области постепенно падаетъ до 200; годовая температура повышается отъ 0° до 3°; поднимаются соли изъ нижнихъ слоевъ, образуя солонцы и солончаки, лѣсъ по мѣрѣ движенія на юго-востокъ постепенно исчезаетъ, всѣ растенія мѣняются, перестаютъ образовать сплошной коверъ. Появляются ковыль и кипецъ; начинаются и каштановыя почвы. Городковъ опредѣляетъ границы степи 56 и 53 параллелями, а «типичной» степи — 52-50 параллелями. Что касается пустынной области, она «представлена въ Сибири очень слабо» (Ревердатто), выходя за предѣлы сибирской территоріи.

Бассейнъ Енисея составляетъ все еще переходную область къ Средней Сибири. Но при переходѣ еще далѣе на востокъ, въ бассейнъ Лены, растительность, наконецъ, быстро мѣняется. Кедръ и пихта исчезаютъ. Сибирская лиственница начинаетъ смѣняться даурской, и даже сосна, обильная по Ленѣ въ предѣлахъ Иркутской губерніи, по мѣрѣ приближенія къ Якутской становится рѣдкой и почти исчезаетъ. Мы знаемъ, что это — результатъ приближенія къ «полюсу холода». Растительность становится однообразной и скудной. Въ Забайкальѣ «переходная или лѣсостепная зона довольно типична и мало сдвинута на югъ. Типичной же черноземной степи почти или даже вовсе нѣтъ, а вмѣсто того лѣсостепь прямо переходитъ на югъ въ полупустыню, дающую, впрочемъ, всевозможные переходы къ луговой и лѣсной растительности» (Комаровъ). *)

---

*) Различіе растительности тундръ, лѣсовъ и степей Сибири съ запада на востокъ указано на картѣ римскими цифрами. Главные города отмѣчены буквами. Значеніе римскихъ цифръ слѣдующее:

Тундры: VIII. Западный районъ: граница ели сливается съ границей растительности.

IX. Приленская тундра. На южной границѣ — даурская лиственица.

X. Чукотская тундра. На южной границѣ — тополь.

Лѣса: I. Западной сибирской низменности, сильно заболочен-

Переходя черезъ длинную линію Станового хребта (см. карту: двойная линія), мы сразу попадаемъ въ совершенно новый міръ климата, растительности и культуръ, обусловливающій особое, совершенно самостоятельное мѣсторазвитіе. Становой хребетъ пересѣкаетъ дѣйствіе сухихъ пассатныхъ вѣтровъ, создающихъ поясъ пустынъ кругомъ всего земнаго шара, и открываетъ восточный берегъ Азіи, начиная съ Китая и кончая Камчаткой, дѣйствію лѣтняго влажнаго югозападнаго муссона. Только это распредѣленіе рельефа спасаетъ Китай отъ запустѣнія и даетъ возможность развиться тамъ субтропической культурѣ. Отраженія муссона придаютъ даже сѣверной части этой полосы своеобразный характеръ, при которомъ вовсе выклинивается умѣренный поясъ и вліяніе полярныхъ странъ непосредственно соприкасается съ вліяніемъ странъ тропическихъ. Грумъ-Гржимайло ярко изобразилъ результатъ этого необычнаго соприкосновенія климатовъ юга и сѣвера въ южномъ Приморьѣ, «гдѣ виноградная лоза обвиваетъ ель, орѣховое и пробковое дерево растутъ рядомъ съ березой или сосной; соболь и тигръ занимаютъ одни и тѣ же мѣстности, зачастую сохатый и сѣверный олень встрѣчаются съ пятнистымъ оленемъ, и бѣлая полярная сова уступаетъ мѣсто японскому ибису». Мы увидимъ ту же встрѣчу

ные: ель, кедръ, лиственница, пихта, сосна, береза, осина.

II. Алтайскаго округа, тѣхъ же породъ, свободны отъ заболачиванія.

III. Якутской котловины. Даурская лиственница.

IV. Южной Сибири.

V. Даурiи. Восточнѣе — дубъ и орѣшникъ.

VI. Пріамурской области, У: удскій типъ. А: амурскій типъ. Граница между ними указана черточками.

VII. Охотско-Камчатскаго края.

XVII. Южно-уссурійскіе. Область граба.

Степи: XI. Западно-сибирскія. Лѣсостепь, переходящая къ югу въ ковыльную степь. Черноземъ, и на югѣ каштановыя почвы.

XII. Енисейскія, съ монгольскими растеніями.

XIII. Байкальскія. Черноземовидный суглинокъ; солонцеватые и каменистые грунты, переходящіе въ полупустыню.

Высоко-горныя: XIV. Область Алтая.

XV. Область Саянскаго хребта. Рѣзко отличается отъ предыдущихъ.

двухъ противоположныхъ флоръ и фаунъ въ отложеніяхъ ледниковой эпохи (см. ниже, стр. 114).

Тихоокеанская полоса Дальняго Востока лишь недавно вошла въ соприкосновеніе съ расширяющимся кругомъ русской культуры. Совсѣмъ другое приходится сказать о еще одномъ мѣсторазвитіи, сыгравшемъ болѣе значительную роль въ исторіи русской государственности. Рѣчь идетъ объ арало-каспійской низменности и о Туркестанѣ. Государственная связь съ Россіей и тутъ устанавливается недавно; но степной элементъ уже имѣлъ давнее вліяніе, степень силы котораго въ древней русской культурѣ служитъ предметомъ давнишняго спора; къ нему намъ еще придется вернуться. Именно въ этомъ углу Азія настолько непосредственно вторгается въ Европу, что географы и до сихъ поръ не рѣшили, гдѣ собственно слѣдуетъ проводить границу между той и другой.

Правда, еще въ XVIII столѣтіи Рычковъ подчеркивалъ условность этихъ изысканій и считалъ ихъ «однимъ воображеніемъ». Но это не остановило послѣдующихъ попытокъ и мы имѣемъ теперь уже цѣлую исторію рѣшеній вопроса о границахъ между Европой и Азіей. Найти рѣшеніе относительно сѣверной части границы казалось нетрудно: здѣсь проходитъ линія Уральскаго хребта. Но и тутъ мы видимъ цѣлый рядъ разногласій. Началось съ колебаній между Обью и Камой (Фишеръ). Постепенно было принято мнѣніе Кенигсфельда: «сама природа отдѣлила Европу отъ Азіи цѣпью высокихъ горъ». Однако, орнитологъ Сибомъ нашелъ, что восточная часть европейской Россіи носитъ до такой степени сибирскій характеръ, что можно назвать ее «Сибирью въ Европѣ». Но мы видѣли, что происхожденіе флоры этого края — европейское, и что скорѣе уже можно было бы назвать Западную Сибирь «Европой въ Сибири». П. Н. Савицкій нашелъ, что Уралъ вообще не составляетъ климатической границы. Мы видѣли, однако, что рядъ произрастеній не переходитъ Уралъ, останавливаясь то на восточной, то на западной его сторонѣ.

Рѣшить, гдѣ граница между двумя континентами, конечно, гораздо труднѣе тамъ, гдѣ южные отроги Урала уступаютъ мѣсто степи и пустынѣ. Изъ-за ошибки Птоломея, вытянувшаго Азовское море далеко къ сѣверу (какъ, впрочемъ, и тянулась доисторическая трансгрессія) географы, начиная съ древности и кончая XVIII вѣкомъ, принимали Донъ за искомую границу, Страленбергъ первый провелъ границу по Общему Сырту, правому берегу Волги и Ергенямъ. На значеніе Ергеней указалъ въ 1874 году и А. И. Воейковъ, отмѣтившій, что къ западу отъ ихъ склона простираются черноземныя степи, орошаемыя лѣтними осадками и населенныя осѣдлыми

обитателями, тогда какъ на востокъ тянутся безводныя прикаспійскія пустыни, гдѣ кочуютъ номады. По мнѣнію Воейкова, «даже Альпы едва-ли служатъ столь рѣзкой границей климата и растительности, какую представляетъ невысокая гряда Ергеней». Другіе предлагали считать границей Закавказье, Кавказскій хребетъ или долину Маныча. Условность рѣшенія здѣсь особенно ясна; она подтверждается, какъ увидимъ, измѣнчивой ролью этихъ территорій въ реальномъ, а не словесномъ спорѣ между Европой и Азіей (см. слѣдующую главу). Какъ увидимъ дальше, и ворота между Ураломъ и Каспіемъ, и Кавказъ были въ теченіи вѣковъ тѣмъ путемъ, которымъ безпрепятственно проникали волны кочевниковъ, находившіе вплоть до степей Венгріи пастбища, продолжавшія ихъ собственное мѣсторазвитіе. Если кто-нибудь могъ говорить о Евразіи, какъ о единомъ цѣломъ, то, конечно, это были эти историческіе номады.

Прилагаемая карта, составленная по работѣ Л. И. Прасолова (№ 12), представляетъ распредѣленіе почвъ и рельефъ Туркестана. *) Распредѣленіе растительности было бы слишкомъ дробно для даннаго размѣра карты, но мы знаемъ уже, что растительный покровъ близко слѣдуетъ почвенному. Съ ю. з. на с. в. тянутся на картѣ бѣлыя пятна пустынь, пересѣкаемыя сѣроземами долинъ Сыръ- и Аму-Дарьи («кум»-ы). Они составляютъ часть міроваго пояса пустынь, охватывающаго весь земной шаръ въ строгомъ соотвѣт-

---

*) Объясненіе знаковъ, употребленныхъ на почвенной картѣ Туркестана:

1. Пески бугристые, грядовые и барханные; растительность движущихся и частью успокоившихся песковъ; пески съ бѣлымъ саксауломъ.

2. Песчаныя почвы типа бурыхъ и сѣроземовъ. На нихъ часто солянковая пустынная растительность.

3. Сѣроземы и бѣлоземы долинъ и предгорій, преимущественно на лессахъ. Часто солонцеватые и перемежающіеся съ солончаками.

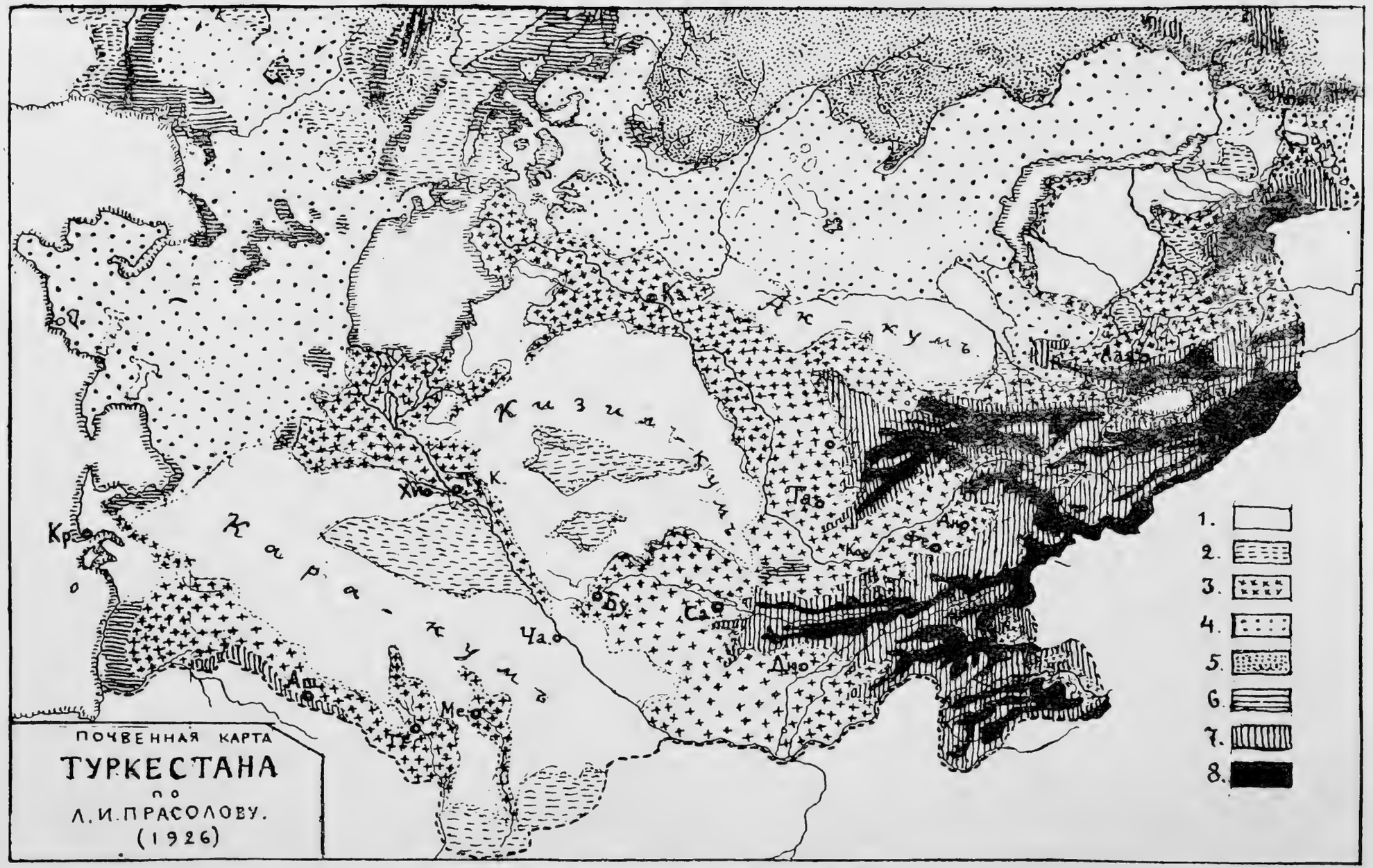
4. Полынно-солянковая растительность на бурыхъ и свѣтлобурыхъ почвахъ.

5. Свѣтлокаштановыя почвы Казакстана; полынно-солянковая растительность пустынныхъ, песчано-каменистыхъ пространствъ.

6. Преобладеніе солончаковъ среди бурыхъ почвъ и сѣроземовъ.

7. Черноземы, каштановыя почвы горныхъ степей. Злаково-кустарниковая и луговая растительность.

8. Горные хребты, типчаковыя высокогорныя степи, метляково-полынная растительность, альпійская растительность, лѣсная область, хвойный лѣсъ.



№ 12. Почвенная карта Туркестана.

ствіи съ метеорологическими, климатическими и почвенными данными. *) Съ юговостока пустыни Туркестана окаймлены предгорьями и горными цѣпями Тянь-Шаня. Съ сѣверо-запада они слабо отграничены голодной степью и полупустынями, переходящими въ Киргизскую степь Казакстана. Въ этихъ предѣлахъ, по опредѣленію автора параллельнаго съ Прасоловымъ очерка растительности Туркестана, Федченко, «весь Туркестанъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ крупныя зоны, изъ которыхъ одна занимаетъ около трехъ четвертей всей площади и представляетъ мало разнообразія въ растительномъ покровѣ, другая же часть занимаетъ не болѣе одной четверти площади на ю. в. окраинѣ и представляетъ рядъ повторяющихся растительныхъ типовъ въ зависимости отъ высоты надъ уровнемъ моря». Тутъ, какъ и въ ю. Сибири, входитъ въ силу законъ вертикальной зональности. Такъ какъ на каждые 100 метровъ подъема температура падаетъ на 0,6°, то растительность при подъемѣ быстро мѣняетъ свой характеръ. «На той же почвѣ полынныхъ и сѣроземныхъ степей», говоритъ Р. И. Аболинъ, «на высотѣ 200 метровъ — хлопковая и садово-виноградная культура; на 1.200 метровъ — только пшеница, на 2.200 метровъ прекращается культура фруктовыхъ деревьевъ и едва вызрѣваетъ ячмень, а на 3.200 метровъ прекращается всякая земледѣльческая культура». Такимъ образомъ, только-что цитированный авторъ дѣлитъ русскую среднюю Азію по температурѣ на восемь поясовъ: два жаркіе (средняя температура трехъ мѣсяцевъ лѣта 31-32°), три оттѣнка теплыхъ (22-10°), два холодныхъ (10-0°) и сверхъ того — особо-холодный поясъ (0° — минусъ 15°). Въ первыхъ поясахъ — жаркихъ — расположены пустынныя степи и пустыни, пески и солончаки, культура хлопчатника, риса, зерновыхъ злаковъ. Во вторыхъ — умѣренныхъ — начинаются луговыя степи, за ними идутъ смѣшанные лѣса и кустарники, наконецъ субальпійскія луговыя степи, лѣтнія пастбища и хвойные лѣса; культура сперва фруктовъ, пшеницы, сахарной свекловицы; потомъ фруктовыя деревья выпадаютъ, за ними прекращается сельско-хозяйственная культура вообще, начи-

*) Это область субтропическихъ максимумовъ барометрическаго давленія между 30-25 с. ш. и 28-30 ю. ш. Отъ Сахары этотъ поясъ пустынь идетъ черезъ песчаную Аравію и на в. Аравіи — песчаную пустыню Нерудъ, Иранское плоскоріе отъ Каспійскаго моря до Индійскаго океана и на востокъ черезъ Туркестанъ къ пустынѣ Гоби. Америка также имѣетъ свой соотвѣтствующій поясъ пустынь — помимо пампасовъ и льяносовъ — въ Атакамѣ, бразильскомъ Мато Гроссо и въ сѣверной Америкѣ у Соленаго озера. Ср. картограммы №№ 2, 4 и 5.

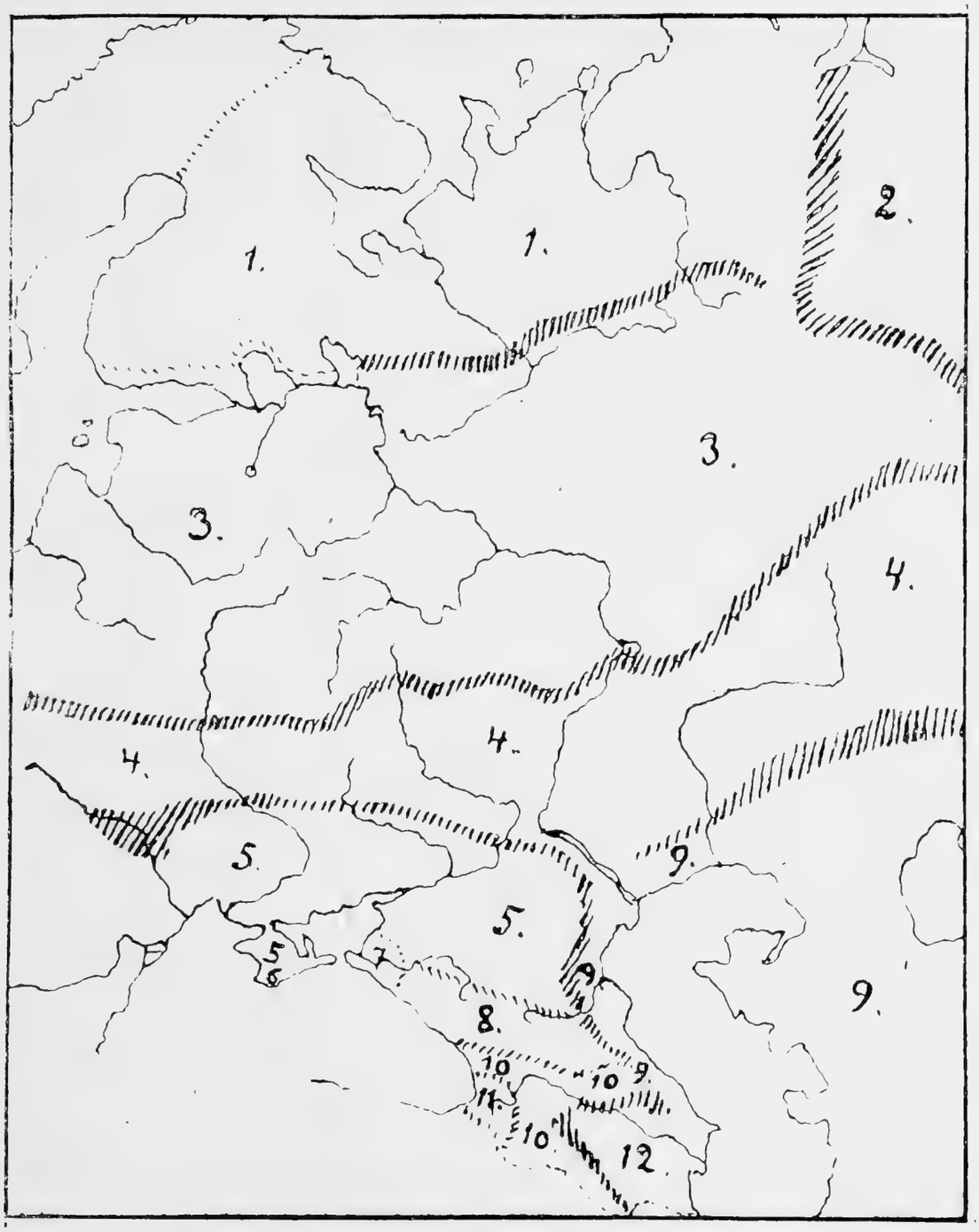
наются пастбища, перистый ковыль и типчакъ. Въ третьихъ поясахъ — холодныхъ — встрѣчаемъ уже альпійскіе луга или высокогорныя холодныя степи, частью пустынныя. Тут кончаются спускающіеся сверху ледники, часты снѣга и бураны. Еще выше снѣгъ уже никогда не сходитъ полностью, и отсутствуетъ сомкнутый растительный покровъ. Наконецъ, въ «особо-холодномъ» поясѣ — «царство постояннаго холода и могильнаго покоя». Соотвѣтственно мѣняются и амплитуды осадковъ, и ихъ распредѣленіе по временамъ года. Въ жаркихъ поясахъ выпадаетъ только 60-190 м.м. годовыхъ осадковъ, въ особо-теплыхъ эта цифра поднимается до 290, а въ умѣренно-теплыхъ до 360-460 м.м.

Какъ видимъ, здѣсь, въ сущности, повторяется вся картина распредѣленія поясовъ въ Европейской Россіи, давая, такимъ образомъ возможность почти экспериментальной провѣрки установленныхъ тамъ закономѣрностей. Мало того, сближеніе на сравнительно небольшомъ пространствѣ разныхъ типовъ мѣсторазвитія даетъ антропогеографіи богатый матеріалъ для историческихъ и этнографическихъ сопоставленій, могущихъ также привести къ установленію извѣстныхъ закономѣрностей въ области отношеній этихъ наукъ съ фито- и зоогеографіей.

Прежде чѣмъ идти дальше, мы и должны теперь остановиться на связи между этими двумя послѣдними отдѣлами знанія. Переходъ отъ фито- къ зоогеографіи далеко не такъ рѣзокъ, какъ можетъ казаться. Конечно, тутъ сразу бросается въ глаза громадное различіе въ наличности психическихъ элементовъ въ животномъ царствѣ, — и, стало быть, въ возможности цѣлеваго выбора. Хотя растенія тоже не лишены возможности распространенія — путемъ обсѣмененія, а нѣкоторыя степныя растенія даже снабжены органами передвиженія («перекати-поле»), но передвиженія эти совершаются медленно, въ прямой зависимости отъ образованія подходящей почвы, — въ которомъ, впрочемъ, они сами участвуютъ. Въ случаѣ крутыхъ перемѣнъ въ окружающихъ условіяхъ растенію остается только погибнуть. У животныхъ есть возможность отысканія пищи въ новыхъ мѣстахъ, и отвѣтомъ на эту возможность уже являются у нѣкоторыхъ видовъ привычки номадизма. При всемъ томъ мы видимъ, что животныя только въ крайней необходимости покидаютъ насиженныя мѣста и, приспособляясь къ той или другой средѣ, создаютъ особые подвиды, стоящіе, очевидно, въ самой тѣсной связи съ особенностями даннаго мѣсторазвитія. Подобное явленіе замѣчается, конечно, и въ растительномъ царствѣ, представители котораго отличаются удивительной способностью приспособленія. Какое изъ этихъ двухъ противорѣчивыхъ стремленій — къ

кочеванію или къ осѣдлости — беретъ верхъ, можетъ показать только прямое наблюденіе. И оно именно устанавливаетъ гораздо болѣе тѣсную связь между подвидами животныхъ и районами распространенія растеній, чѣмъ можно бы было ожидать.

Для примѣра привожу заимствованную у С. И. Огнева карту распространенія двѣнадцати подвидовъ лисицы въ европейской Рос-



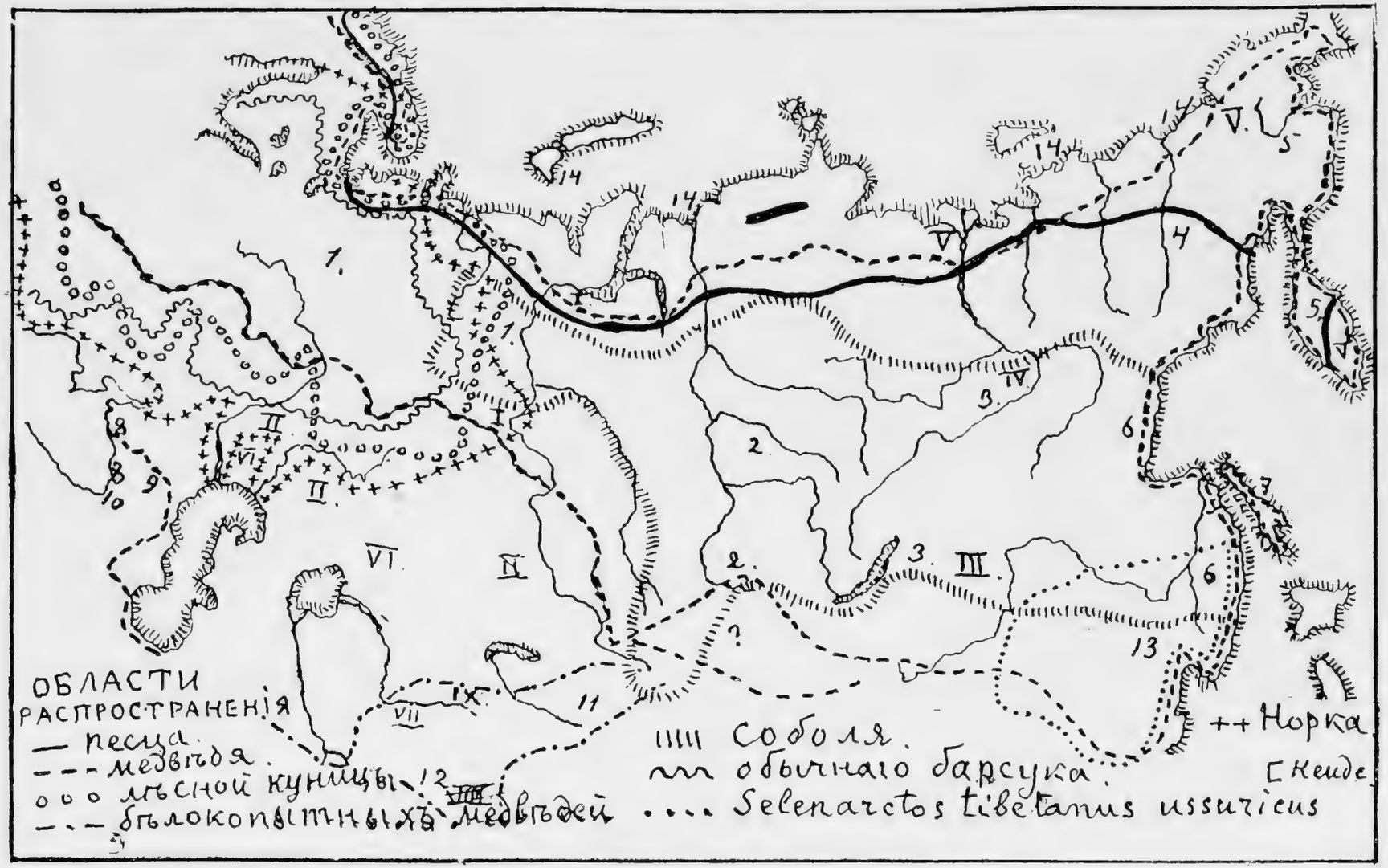
№ 13. Распространеніе лисицы.

сіи (см. картограмму № 13). *) Заштрихованныя полосы карты означаютъ мѣста, гдѣ различные подвиды соприкасаются и существуютъ вмѣстѣ. Какъ видно, эти пояса встрѣчи довольно узки сравнительно съ бѣлыми промежутками — районами отдѣльнаго пребыванія подвидовъ. Любопытно отмѣтить, что цѣлыхъ шесть подвидовъ лисицы тѣснятся на Кавказѣ, т.-е. въ области вертикальной зональности. Центральный, западный и восточный Кавказъ имѣютъ каждый свои особые подвиды. Отдѣльные виды существуютъ въ Предкавказьѣ и на Каспійскомъ берегу; наконецъ особый подвидъ отмѣченъ въ «плавняхъ Кубани». Отмѣтимъ еще седьмой подвидъ — въ Крыму. На русской равнинѣ предѣлы разселенія подвидовъ лисицы шире: на всю остальную Россію остается меньше половины всѣхъ подвидовъ. И къ сѣверу эти районы постепенно расширяются, — такъ же какъ и районы распространенія почвъ и растительности (см. выше карты №№ 8 и 10). Vulpes diluta почти точно придерживается южной лѣсостепи, переходя отсюда въ районъ степей волжскихъ и западно-сибирскихъ (4). Среднерусская лисица (3. V. crucigera) соединяетъ вкусъ къ смѣшаннымъ лѣсамъ «Озерной» области съ предпочтеніемъ южной половинѣ хвойныхъ лѣсовъ. Но на Сѣв. Двинѣ м на Печорѣ она уступаетъ мѣсто лисѣ сѣвернаго типа, а за Ураломъ — особому подвиду «тобольской» лисы (2), далеко распространившемуся на востокъ и находящему своихъ родичей даже на Сахалинѣ. Съ этимъ закономъ растущаго къ сѣверу однообразія среды, флоры и фауны мы еще встрѣтимся далѣе.

Мы можемъ продолжать наши наблюденія надъ распространеніемъ лисицъ и другихъ хищныхъ звѣрей по картамъ Огнева въ Сибири. Къ встрѣченнымъ уже выше тринадцати подвидамъ лисицы Сибирь прибавляетъ еще семь. Ихъ районы отмѣчены на нашей картѣ (№ 14) римскими цифрами. Подъ № I мы встрѣчаемъ уже знакомую намъ тобольскую лисицу. Подъ № II проходитъ въ Сибирь особый видъ маленькой Vulpes Corsak, обитательницы полупустынь. Подъ № VI — караганка калмыцкихъ и киргизскихъ степей. Подъ №№ VII и VIII встрѣчаемъ другіе подвиды той-же караганки, ферганскую и памирскую — въ условіяхъ вертикальныхъ зонъ, въ предѣлахъ Туркестана. Къ нимъ присоединяется еще подъ

---

*) Объясненія къ цифрамъ картограммы № 13. 1. Vulpes vulpes. Лиса сѣвернаго типа. 2. V. v. tobolica. 3. V. v. aff. crucigera. 4. V. v. diluta. 5. V. v. stepensis. 6. V. v. crimea montana. 7. V. v. subsp. Лиса кубанскихъ плавней. 8. V. v. caucasica. 9. V. v. karagan. 10. V. v. alticola. 11. V. v. kurdistanica. 12. V. v. Alpherakyi.



№ 11. Зоогеографія Сибири.

№ IX тяньшаньская лисица (ochroxantha). Еще далѣе на востокъ встрѣчаемъ: подъ № III даурскую, подъ № V тундровую (V. v. beringiana).

Другимъ, столь же распространеннымъ по всей Сибири (за исключеніемъ пустыннаго юго-запада) видомъ является медвѣдь; и тутъ опять, въ прямой связи съ районами распространенія растительныхъ покрововъ, онъ дѣлится на цѣлый рядъ (не менѣе четырнадцати) видовъ и подвидовъ (обозначены арабскими цифрами). По направленію отъ запада къ востоку типъ медвѣдя мѣняется шесть разъ. На всемъ пространствѣ сѣверной Россіи и западной Сибири водится Ursus arctos arctos (№ 1). За Енисеемъ, въ соотвѣтствіи съ отмѣченными ранѣе перемѣнами, появляется новый типъ — «енисейскій» медвѣдь (№ 2), за которымъ слѣдуютъ: за Байкаломъ и на Ленѣ — «байкальскій» (№ 3), на Колымѣ — «колымскій» (№ 4), въ Анадырской области и на Камчаткѣ — «камчатскій» (ursus piscator). Параллельно съ этими разновидностями лѣснаго медвѣдя мы имѣемъ рядъ подвидовъ медвѣдя въ горныхъ мѣстностяхъ. На одномъ Кавказѣ опять оказывается нѣсколько подвидовъ: два «кавказскихъ» (просто caucasicus и caucasicus Ginniki, №№ 8 и 9)и «лазистанскій» (№ 10). Отсюда, съ пропускомъ туркестанскихъ степей, гдѣ медвѣдь не водится, скачекъ въ туркестанскія горы. Тамъ встрѣчается особый видъ медвѣдя «бѣлокопытнаго» (ursus pruinosus, № 11) и «памирскаго» (№ 12). За Становымъ хребтомъ еще два подвида: «тибетско-уссурійскій» (selenarctos tibetanus ussuricus № 13) и «манчжурскій» (№ 6). Наконецъ, и на Сахалинѣ имѣется свой подвидъ — ursus jessoensis (№ 7). *)

Переходимъ къ звѣрямъ, связаннымъ съ какимъ-нибудь особымъ райономъ, гдѣ поэтому нѣтъ надобности отмѣчать подвиды. Упомянемъ, прежде всего, еще одинъ видъ медвѣдя — бѣлаго медвѣдя Ледовитаго океана (№ 14). Какъ растительный, такъ и животный міръ на всемъ протяженіи крайняго сѣвера (за полярнымъ кругомъ) болѣе или менѣе одинаковы, соотвѣтственно одинаковости среды. И европейскій бурый медвѣдь подчиняется этому закону, переходя въ сѣверную Сибирь. По словамъ Огнева, «западносибирскій, болѣе мелкій медвѣдь неотличимъ существенно отъ европейскаго». То же замѣчаніе распространяется и на обитателя полярной тундры песца. Мѣхъ якутскихъ и енисейскихъ песцовъ пуши-

*) Подвиды волка обнаруживаютъ приблизительно тотъ же характеръ распространенія и приспособленія къ разнымъ растительнымъ поясамъ.

стѣе и бѣлоснѣжнѣе мѣха архангельскаго песца. Но тотъ же натуралистъ даетъ всѣмъ имъ такое опредѣленіе. «По размѣрамъ и строенію череповъ песцы огромнаго пространства арктическихъ окраинъ Россіи очень однотипны, черепъ архангельскаго неотличимъ сколько-нибудь замѣтными признаками отъ водящагося въ области мыса Дежнева». Эта черта сѣверной монотонности и разнообразія кавказскихъ подвидовъ суть доказательства одной и той же истины: тѣсной связи фито- и зоогеографіи.

Ту же истину иллюстрируетъ, наконецъ, и распространеніе звѣрей, болѣе чувствительныхъ къ перемѣнамъ климата и растительности на широкихъ равнинахъ. Остановимся на тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ Уралъ и Обь составляютъ границу распространенія — однихъ на западъ, другихъ на востокъ. Сокращаетъ свой районъ пребыванія и на сѣверъ и на югъ соболь. Когда-то онъ водился и на западъ отъ Урала, но теперь преслѣдованія охотниковъ, а можетъ быть и нечувствительная перемѣна климата загнали его за Уралъ. Однако же, ни тобольскихъ болотъ и чернолѣсья, ни Верхоянскаго холода, ни Забайкальскихъ степей онъ не переноситъ. Слѣдующіе виды уже рѣшительно не желаютъ распространяться на востокъ дальше Урала и Оби. Съ Урала, гдѣ останавливается соболь, начинается распространеніе на западъ лѣсной куницы. На мѣстѣ встрѣчи оба эти родственные вида скрещиваются и даютъ помѣси («кидасы»). На сѣверной и южной границахъ своего распространенія въ европейской Россіи куница останавливается на границѣ лѣса, заходя на югъ въ лѣсные оазисы степи. Но на сѣверѣ она избѣгаетъ тундровыхъ участковъ. Норка смѣлѣе куницы. Она доходитъ до береговъ Чернаго и Каспійскаго морей, огибаетъ отсюда Уралъ до Иртыша и возвращается въ полярные предѣлы, пересѣкая всѣ растительныя зоны. Но сибирскихъ амплитудъ и она не выноситъ. Осторожнѣе двухъ предыдущихъ породъ оказывается барсукъ, который избѣгаетъ и южнаго Заволжья и Урала, и бассейна Печоры (см. всѣ эти границы на картѣ). Я не могу здѣсь приводить составленнаго А. Я. Тугариновымъ длиннаго списка птицъ и млекопитающихъ, для которыхъ границей служитъ Енисей — для однихъ восточной границей, для другихъ западной. Н. И Кузнецовъ прибавляетъ къ этому и бабочекъ. Напримѣръ, видъ Parnassius nomion Fide. W.), хорошо извѣстная отъ Алтая до Китая и Аляски, совершенно отсутствуетъ на западъ отъ Енисея. Рядъ другихъ видовъ Lepidoptera, общихъ Восточной Сибири съ Америкой, тоже граничитъ съ другими видами на Енисеѣ (Eresia discoidalis, Eresia edda, Eresia Rossi). Кузнецовъ объясняетъ этотъ перерывъ наличностью олигоценоваго западно-сибирскаго мо-

ря, простиравшагося на югъ до Аральскаго озера и отдѣлявшаго въ эту геологическую эпоху Азію отъ Европы.

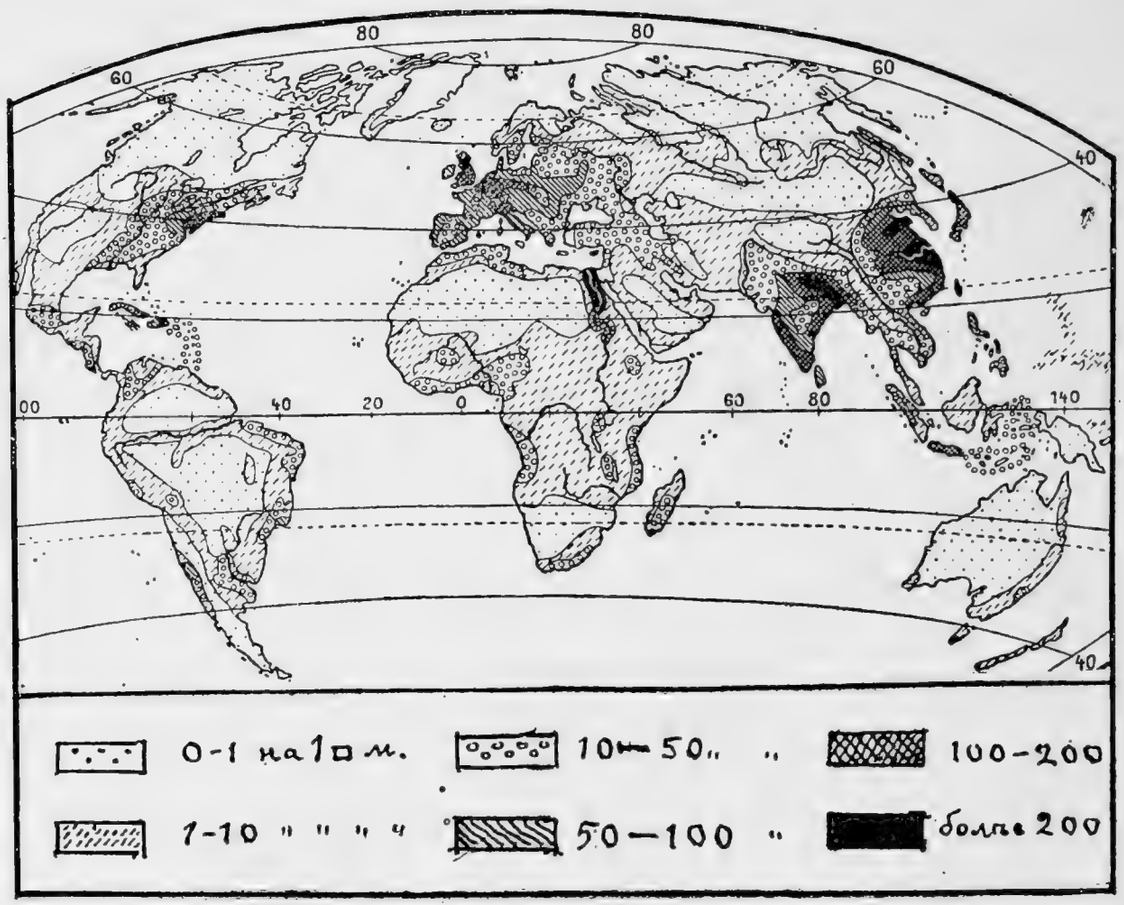
Мы переходимъ теперь къ самой сложной части нашего изложенія: къ вопросу о связи человѣка съ географической средой. Трудность заключается въ томъ, что человѣкъ въ несравненно большей степени, чѣмъ другія царства органической природы, можетъ освободиться отъ вліянія среды и въ свою очередь оказывать вліяніе на среду. Кромѣ того, его увеличенная способность передвиженія и способность приспособленія къ разной пищѣ и къ разнымъ климатамъ, открываютъ для него возможность болѣе широкаго *выбора* мѣсторазвитія. И чѣмъ далѣе развивается культура, тѣмъ независимость отъ среды и вліяніе на среду становятся значительнѣе. Однако, вліяніе климата, почвы и біогеографіи сказывается въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ, прежде всего, въ томъ, что самое развитіе культуры становится возможнымъ лишь въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ мѣсторазвитія. И именно въ этихъ, наиболѣе благопріятныхъ мѣстахъ природа легче всего поддается обратному воздѣйствію человѣка. Такимъ образомъ, въ высококультурныхъ странахъ западной Европы и восточной Сѣв. Америки мы присутствуемъ при такихъ давнихъ и коренныхъ преобразованіяхъ природнаго ландшафта культурной дѣятельностью человѣка, что старыя черты его совершенно стираются и становятся неузнаваемыми. Отсюда, вѣроятно, и склонность многихъ изслѣдователей этихъ странъ — игнорировать первоначальное дѣйствіе ландшафта на человѣка. Германецъ въ большей степени, чѣмъ представитель латинской культуры, а русскій — въ большей степени, чѣмъ германецъ, могутъ по непосредственнымъ впечатлѣніямъ легче представить себѣ, чѣмъ былъ первоначальный ландшафтъ ихъ страны и его дѣйствіе на человѣка: въ средней и особенно восточной Европѣ гораздо полнѣе сохранились первобытныя черты ландшафта (ср. стр. 53). Чѣмъ дальше на Западъ, тѣмъ въ большей степени развитіе городской жизни, промышленности и торговли, путей и способовъ сообщенія, широкая организація промышленно-экономической дѣятельности повліяли не только на составъ животнаго міра и растительности, но и на составъ почвъ и на самый рельефъ мѣстности. Мало того, современные колонизаторскіе народы перенесли свою видоизмѣняющую дѣятельность и на отдаленныя области менѣе благопріятныхъ мѣсторазвитій, заставивъ и ихъ служить міровымъ цѣлямъ и подорвавъ тѣмъ обиліе природныхъ богатствъ, кормившихъ мѣстное населеніе. Этимъ были глубоко измѣнены условія мѣстной жизни — совершенно независимо отъ внутренняго процесса.

И однако, несмотря на все это, на земномъ шарѣ осталось еще

достаточно мѣстностей, не настолько тронутыхъ новѣйшей культурой, чтобы совершенно затушевать фактъ сильнѣйшаго первоначальнаго вліянія мѣсторазвитія на человѣка, — именно на раннихъ ступеняхъ исторической жизни.

Остановимся, прежде всего, на основномъ фактѣ, который сразу покажетъ, что самое разселеніе человѣка на землѣ и, въ связи съ этимъ, возможность развитія высшихъ формъ культуры находится въ полнѣйшей зависимости отъ условій мѣсторазвитія. Рѣчь идетъ о такомъ основномъ условіи, какъ экономическая *емкость* того или другого мѣсторазвитія, выражаемая въ цифрѣ густоты его населенія. Что эти цифры не случайны, доказываетъ уже ихъ устойчивость во времени и невозможность измѣнить ихъ существенно подъемомъ культуры. Степень густоты, какой населеніе можетъ достигнуть въ той или другой мѣстности, зависитъ отъ количества пищи, могущей пропитать это населеніе. Въ порядкѣ колонизаціонномъ, это количество можетъ быть увеличено — или уменьшено. Можно построить новый городъ Магнитогорскъ съ населеніемъ въ 250.000, подвозя къ нему всѣ припасы извнѣ. Можно и отнять у мѣстнаго населенія его средства питанія, заготовляя, напримѣръ, на Охотскомъ морѣ рыбные консервы для Японіи, или истребляя пушного звѣря для мѣховой торговли на европейскихъ и американскихъ рынкахъ. Но это уже относится къ сферѣ вліянія человѣка. Всегда имѣется возможность сгустить населеніе даннаго неблагопріятнаго мѣсторазвитія *за счетъ* эксплоатаціи его природныхъ богатствъ обладателями болѣе благопріятныхъ мѣсторазвитій. Но, поскольку данное мѣсторазвитіе предоставлено самому себѣ, оно не можетъ содержать больше населенія, чѣмъ позволяетъ ему его растительный и животный міръ, — принимая, конечно, въ разсчетъ экстенсивность эксплоатаціи этихъ богатствъ первобытнымъ обитателемъ, — кочевникомъ, рыболовомъ или охотникомъ. Тутъ предѣлъ, перейти который можно только въ порядкѣ побѣды культуры надъ природой. На этотъ естественный предѣлъ и указываютъ приводимыя ниже цифры наибольшей плотности населенія, доступной для мѣсторазвитій разнаго характера. А прилагаемая карта покажетъ, какъ эти мѣсторазвитія расположились въ предѣлахъ «обитаемой» части земли («ойкумены»). Въ нижеслѣдующей табличкѣ сопоставлены цифры, полученныя совершенно независимо другъ отъ друга германскимъ антропогеографомъ Ратцелемъ и французскихъ статистикомъ Левассеромъ.

	Ратцель	*Левассеръ*
Тундра и лѣсотундра (охотничій бытъ) на 1 кв. кил.	0,002— 0,005	0,01—0,03
Степь (пастушескій бытъ) на 1 кв. кил.	0,7 — 1,8	0,5 —1
Лѣсостепь и лѣсъ (земледѣльческій бытъ) на 1 кв. кил.	36 — 73	до 40
Лѣсостепь и лѣсъ (промышленный бытъ) на 1 кв. кил.	91 —109	160
Городъ (индустріальный и торговый бытъ) на 1 кв. кил.	выше 280	нѣтъ предѣла



№ 15. **Распространеніе густоты населенія.**

На картѣ видно, что наиболѣе густое населеніе распредѣляется между юговостокомъ Азіи, населеніе котораго составляетъ около половины всего земнаго шара — около 900 милліоновъ изъ 1.866, — Египтомъ, Западной Европой и восточной Сѣв. Америкой (больше четверти населенія земнаго шара). Такимъ образомъ, на всѣ остальныя части земнаго шара приходится менѣе четверти. Эта

неравномѣрность вполнѣ соотвѣтствуетъ распредѣленію удобнаго и неудобнаго климата (см. стр. 45 и слѣд.). Въ частности на арктическій поясъ, тайгу и поясъ пустынь приходится всего не болѣе 0-1 жителя на кв. километръ (на картѣ ошибка: *м* вмѣсто км.).

Чтобы избрать болѣе прямой путь для изученія вліянія мѣсторазвитія на первобытную культуру, нужно оставить въ сторонѣ территоріи, благопріятствовавшія росту культуры, и сосредоточить вниманіе на тѣхъ изъ нихъ, гдѣ условія жизни были — и продолжаютъ быть — настолько неблагопріятны, что достиженіе высшихъ ступеней культуры становится невозможнымъ. Именно въ этихъ мѣстностяхъ мы найдемъ остатки населенія, до сихъ поръ наглядно свидѣтельствующіе о томъ, какъ жили доисторическіе предки современныхъ высокихъ культуръ. При этомъ, конечно, нужно допустить одну изъ двухъ предпосылокъ. Или было время, когда и на мѣстѣ теперешнихъ развитыхъ культуръ условія жизни были близки къ теперешнимъ неблагопріятнымъ мѣсторазвитіямъ, — или мы должны предположить, что происходила когда-то борьба за мѣста болѣе благопріятныя, что въ этой борьбѣ первоначальные жители были побѣждены и что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ предпочли порабощенію — переселеніе на менѣе благопріятныя мѣста. Первая предпосылка предполагаетъ, въ свою очередь, что первоначальное населеніе оставалось все время на мѣстѣ и что измѣнившіяся условія мѣсторазвитія дали ему возможность пережить на томъ же мѣстѣ эволюцію отъ низшихъ ступеней къ высшимъ. Вторая предпосылка, напротивъ, связана съ предположеніемъ, что первоначальное населеніе было смѣнено другимъ — населеніемъ болѣе высокой культуры, т.-е., что развитіе культуры въ данномъ мѣсторазвитіи совершалось толчками, прошло черезъ одну или нѣсколько катастрофъ. Мы увидимъ дальше, что ни одной изъ этихъ предпосылокъ нельзя ни принимать цѣликомъ, ни отвергать въ пользу другой предпосылки. Здѣсь указаны лишь различныя возможности, выборъ между которыми до сихъ поръ составляетъ предметъ борьбы въ наукѣ. Я не ошибусь, назвавъ эту борьбу споромъ соціологовъ съ географами — или точнѣе, географовъ съ соціологами, ибо именно географы были тутъ нападающей стороной (см. стр. 37-38).

Въ самомъ дѣлѣ, использованіе отсталыхъ мѣсторазвитій и примитивныхъ культуръ для изученія первоначальныхъ стадій развитія высокихъ культуръ началось посредствомъ соціологическаго метода сравненія сходствъ — и вывода изъ этого сравненія извѣстныхъ закономѣрностей. На этихъ аналогіяхъ, почерпнутыхъ, главнымъ образомъ, изъ описаній путешественниковъ, ѣздившихъ въ малоизвѣстныя страны, выросъ такъ называемый *сравни-*

тельный методъ, оплодотворившій соціологическія изысканія въ области раннихъ стадій и ихъ преемственности въ эволюціи человѣка и общества. Такимъ образомъ нашла себѣ подтвержденіе мысль о существованіи основныхъ тенденцій развитія общественности — всюду сходныхъ, поскольку не мѣшаютъ этому мѣняющіяся условія среды. Но въ послѣднее время эта точка зрѣнія соціологовъ подверглась сильной критикѣ со стороны антропогеографовъ, переносившихъ центръ вниманія съ человѣческаго общества на природу. Было обращено вниманіе на важность изученія не только сходнаго, но и различнаго, да и на самое сходное былъ установленъ совершенно иной взглядъ, возвращавшій отъ абстрактнаго обобщенія къ изученію конкретныхъ фактовъ. Искатели сходныхъ чертъ, говорилъ Ратцель, допускаютъ ихъ происхожденіе — какъ старая біологія — путемъ «произвольнаго зарожденія», «generatio equivoca», сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Напротивъ, антропогеографія должна искать за сходными чертами — общее происхожденіе и прямую или косвенную генетическую связь. «Тотъ, кто вѣритъ въ эту возможность (самостоятельнаго происхожденія сходныхъ чертъ), тотъ лишаетъ себя возможности тщательнаго наблюденія надъ подробностями» (Ратцель).

По этому пути пошла берлинско-вѣнская школа «новой этнологіи» или «исторической этнологіи» въ главѣ съ Гребнеромъ, Копперсомъ, Шмидтомъ и др. Индивидуализируя изслѣдованіе, они ввели понятіе особыхъ «культурныхъ круговъ» (Kulturkreise), изъ которыхъ каждый представляетъ собой внутреннее «единство» и связанъ съ опредѣленной этнической группой. Такимъ образомъ протягивалась нить отъ доисторической археологіи къ исторіи и отъ исторіи къ этнографіи. Я уже упоминалъ имя Менгина, который на этомъ методѣ основалъ свой смѣлый синтезъ. Избѣгая крайностей школы, постараемся использовать его положительную сторону.

Сходное для Менгина происходитъ не отъ одинаковыхъ причинъ, а отъ общаго источника. Сходныя формы связаны «генетически» — общимъ происхожденіемъ, а не одинаковыми условіями происхожденія. Такая точка зрѣнія даетъ возможность искать прямыхъ связей между первобытными формами и живыми примитивными культурами. Менгинъ и выдѣляетъ — сперва три основныхъ «культурныхъ круга», характеризуемыхъ «ударными», «клинковыми» и «костяными» издѣліями, а затѣмъ устанавливаетъ и связь ихъ (послѣ ряда смѣшеній и превращеній), съ современными антропологическими, лингвистическими и этнографическими группами. Попытка Менгина чрезвычайно смѣла, и самъ онъ на каждомъ шагу указываетъ на недостаточность данныхъ и гипотетичность выводовъ.

Само тройное дѣленіе, положенное въ основу, кажется чрезвычайно искусственнымъ. Но этотъ методъ ставить вопросы, намѣчаетъ рѣшенія и тѣмъ самымъ открываетъ новые пути изслѣдованія. Въ частности, какъ разъ та область, которая ближе насъ касается — область «костяной культуры» сѣвера и Сибири, оказывается наименѣе сложной и спорной. Оставляя пока въ сторонѣ генезисъ культуръ, я остановлюсь лишь на народностяхъ, сохранившихъ въ неблагопріятныхъ для эволюціи мѣсторазвитіяхъ остатки доисторическихъ культуръ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ подобными-же условіями жизни. Обыкновенно, такіе остатки сохраняются въ такъ наз. территоріяхъ отступленія (Zufluchts — или Rücktrittsgebiete, какъ называютъ ихъ Ратцель и Пассарге; migrations de refoulement, характеризуетъ ихъ Brunhes). Отступленіе связано съ переходомъ въ худшія условія, и этимъ можно объяснить не только отсталость, но и пониженіе уровня уже достигнутаго — вплоть до вымиранія цѣлыхъ народовъ. Въ такомъ положеніи оказались пигмеи, загнанные болѣе счастливыми соперниками на южные края континентовъ Америки, Африки и Азіи или спасшіеся временно на уединенные острова, откуда дальше идти некуда. Когда-то они занимали обширныя территоріи на этихъ окраинахъ, но въ болѣе или менѣе недавнее время должны были отступить въ горы и въ непроходимые лѣса. Хотя ихъ древняя культура подверглась измѣненіямъ подъ вліяніемъ болѣе развитыхъ сосѣдей, но сквозь эти поверхностныя измѣненія можно легко возстановить культуру охотниковъ и рыболововъ каменнаго вѣка, съ ихъ орудіями, жилищами, несложной одеждой, скудными украшеніями, примитивнымъ соціальнымъ строемъ и слабыми зародышами религіозныхъ вѣрованій. Вышеназванные изслѣдователи ново-этнологической школы считаютъ возможнымъ установить непосредственную связь между этими пигмеями-негроидами и ихъ доисторическими предками, сыгравшими замѣтную роль въ западной Европѣ въ одинъ изъ періодовъ каменнаго вѣка. Менгинъ съ оговорками раздѣляетъ это мнѣніе. Сюда относятся негритосы Филиппинскихъ и Андаманскихъ острововъ, полуострова Малакки, веддасы Цейлона, африканскіе негриллы и бушмены — мастера рисовать на скалахъ изображенія, напоминающія доисторическіе рисунки въ испанскихъ и южнофранцузскихъ пещерахъ. Другія группы доисторическихъ культуръ представлены вымершими два поколѣнія назадъ тасманійцами, нѣкоторыми австралійскими племенами и жителями Огненной земли.

Для насъ представляетъ особый интересъ одна такая группа: именно примитивныя народности Сибири, объединяемыя обыкновенно названіемъ «палеазіатовъ»: чукчи, коряки, камчадалы, юкаги-

ры, гиляки и, наконецъ, эскимосы, непосредственно связывающіе эту группу съ первобытнымъ населеніемъ Америки, почему Іохельсонъ, спеціально изслѣдовавшій эту группу, и далъ ей другое названіе — «американоидовъ». Когда-то и эта группа, оттѣсненная теперь къ сѣверовосточной окраинѣ Сибири, имѣла гораздо болѣе широкое распространеніе на Западъ. За исключеніемъ енисейцевъ, ошибочно называемыхъ «остяками», и составляющихъ особую группу съ чертами примитивнаго народа, остальные народности Сибири являются сравнительно позднѣйшими пришельцами. Такъ, якуты жили прежде у Байкальскаго озера, гдѣ проф. Петри нашелъ ихъ доисторическіе слѣды. Это тюркское племя было отодвинуто на сѣверъ монгольскимъ племенемъ, бурятами, занявшими ихъ мѣста въ Прибайкальѣ. Оно поселилось сперва на среднемъ Енисеѣ, а потомъ — уже послѣ занятія теченія рѣки Лены русскими и постройки Якутской крѣпости въ 1632 г. — продвинулось частью на Яну, Индигирку и Колыму, сломивъ сопротивленіе юкагировъ и оттѣснивъ палеазіатовъ къ востоку. Тунгусы, разселившіеся теперь почти по всему пространству Восточной Сибири, начинаютъ упоминаться въ китайскихъ лѣтописяхъ со второго столѣтія по Р. Х. По мнѣнію Патканова, они были оттиснуты на сѣверныя мѣста изъ Манчжуріи въ седьмомъ столѣтіи по Р. Х. Но продвиженіе тунгусовъ на сѣверъ къ тундрѣ, на западъ къ Енисею и на востокъ къ р. Анадырю и къ Камчаткѣ продолжалось и въ гораздо болѣе позднее время, встрѣчая сопротивленіе чукчей, юкагировъ и коряковъ. Уже въ 1850 году чукчи съ разрѣшенія русскаго правительства двинулись было на западъ, на широкія оленьи пастбища сѣверной тундры. Но на р. Индигиркѣ они столкнулись съ юкагирами, тунгусами и якутами и были отброшены на югъ, толкнувъ коряковъ, которые въ свою очередь продвинулись южнѣе, къ верхнему теченію р. Камчатки. Здѣсь коряки однако уже встрѣтились съ кочевыми тунгусами, которые появились на Камчаткѣ въ 1850 году съ Амура, вступили сперва въ борьбу съ коряками, а затѣмъ смѣшались съ ними и смѣнили кочевую жизнь съ оленями на рыболовство на берегу Охотскаго моря (см. размѣщеніе всѣхъ этихъ народностей на картѣ № 11, стр. 65).

Какъ видимъ, борьба за мѣста въ томъ районѣ «отступленія», который представленъ Восточной Сибирью, не прекращалась почти до послѣдняго времени. Но эта борьба шла въ предѣлахъ одного и того же мѣсторазвитія, и ея исходъ съ особенной яркостью подчеркиваетъ могущественное вліяніе среды на человѣка. Ибо, хотя новые пришельцы и вносили нѣкоторыя новыя черты въ бытъ своихъ предшественниковъ (наиболѣе важнымъ является въ этомъ от-

пошепіи переходъ туземцевъ, подъ вліяніемъ пришедшихъ съ юга скотоводовъ, отъ чистаго кочеванія къ болѣе или менѣе правильному оленеводству), то, съ другой стороны, эти пришельцы сами зачастую принимали мѣстный обликъ и черты быта, свойственныя жизни кочевниковъ въ тайгѣ и тундрѣ. Установивъ, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ динамику восточно-сибирскаго населенія, мы и ограничимся въ нашихъ дальнѣйшихъ наблюденіяхъ Восточной Сибирью, гдѣ число инородцевъ доходитъ (въ Якутскѣ) до 87,5% и поднимается на Камчатскомъ полуостровѣ до 94-99%. Отмѣтимъ прежде всего болѣе выгодное географическое положеніе примитивныхъ обитателей сибирской тундры и лѣсо-тундры сравнительно съ упомянутыми выше группами, загнанными на крайній югъ материковъ Америки, Африки, Азіи и острововъ Полинезіи. Тамъ передъ «отступившими» племенами разстилалось открытое море, и идти дальше было некуда, такъ-что въ случаѣ преслѣдованія оставалось только одичаніе и вымираніе. Здѣсь, напротивъ, уже сама тундра, какъ мы знаемъ (стр. 41), приближена болѣе къ полюсу и между нимъ и тундрой тянется цѣпь острововъ, куда и заходятъ для охоты и ловли рыбы кочевники тундры. Затѣмъ, мы видѣли ихъ непосредственную географическую связь съ югомъ, откуда приходили не только завоеватели, но и отголоски болѣе высокой культуры. Наконецъ, на дальнемъ сѣверовостокѣ цѣпь острововъ вела въ сѣверную Америку, куда и перебрались въ доисторическія времена эскимосы. Въ пользу гипотезы вырожденія говоритъ, какъ будто, малочисленность восточносибирскихъ кочевниковъ — и особенно палеазіатовъ. Если буряты составляютъ 220.000 и якуты 225.000, то уже тунгусы спускаются до 62.000, а чукчи насчитываютъ только 7.700, коряки 7.200, камчадалы 4.207, юкагиры — всего около 1.300, гиляки — 4.076, азіатскіе эскимосы — 1.291. И все же, нельзя, основываясь только на этихъ цифрахъ, говорить о ихъ вымираніи. Конечно, появленіе русскихъ промышленниковъ-эксплоататоровъ внесло въ среду этихъ народностей элементы разложенія. Но надо вспомнить, что на занимаемыхъ ими мѣстахъ сама природа кладетъ предѣлъ увеличенію населенія. На 100 километровъ приходится здѣсь не болѣе 2-5 человѣкъ. И немудрено, что иные путешественники, проѣзжая многія сотни верстъ, не встрѣчали ни одного живого человѣка. Но эта цифра вполнѣ совпадаетъ съ предѣльной густотой даннаго мѣсторазвитія: таковъ законъ охотничьяго быта. Остается рѣшить, перешли ли древнія племена къ этому быту уже послѣ того, какъ переселились сюда, или они уже были звѣроловами и рыболовами въ прежнихъ мѣстахъ своего жительства. Теоретически это-

го вопроса рѣшить нельзя; фактически же онъ рѣшается, какъ увидимъ, въ духѣ новой этнологіи: тутъ есть прямая связь съ прошлымъ. Вотъ почему по быту палеазіатовъ мы безошибочно можемъ судить о бытѣ доисторическаго населенія, котораго они являются не преемниками только, а непосредственными продолжателями. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ далѣе, представляютъ для насъ эскимосы. Но не одни они. Теперь констатировано ихъ близкое родство съ другими палеазіатами, а затѣмъ, нѣкоторыя племена другихъ группъ частью слились съ этими, частью приняли ихъ старинные обычаи. Такимъ образомъ, можно говорить объ извѣстномъ единообразіи быта всего звѣроловческаго и рыболовческаго населенія Восточной Сибири. Серьезное измѣненіе наступаетъ здѣсь лишь тогда, когда подъ русскимъ вліяніемъ разрушается самый этотъ бытъ, замѣняясь полуосѣдлымъ. Но даже и эти перемѣны характерны, потому что такую же эволюцію быта мы можемъ предполагать и въ населеніи доисторическихъ временъ.

Іохельсонъ, тщательно изслѣдовавшій эти измѣненія быта, дѣлитъ древнее населеніе изучаемой территоріи по формѣ быта на четыре категоріи, которыя, въ сущности, соотвѣтствуютъ четыремъ этапамъ эволюціи. Онъ различаетъ племена «бродячія», «кочующія», «полукочевниковъ» и осѣдлыхъ. «Бродятъ» на лыжахъ и на саняхъ, запряженныхъ собаками или оленями, тѣ, кто, не имѣя постояннаго пристанища, занимаются исключительно охотой. Къ нимъ относятся юкагиры и нѣкоторыя племена тунгусовъ. Районы ихъ кочеваній не опредѣлены точно, изъ-за чего происходятъ столкновенія, напримѣръ, между юкагирами верхней Колымы и тунгусами, разводящими оленей, которые убиваютъ бѣлокъ на ихъ территоріи, или между тѣми же юкагирами и чукчами, которые отгоняютъ дикихъ оленей отъ ихъ прирученныхъ стадъ. Вторая категорія, «кочевыя» племена — это тѣ, которыя передвигаются съ мѣста на мѣсто вслѣдъ за прирученными стадами оленей. Сюда относятся коряки и чукчи, которые переходятъ на новое мѣсто, когда ихъ олени съѣдаютъ весь мохъ съ даннаго пастбища, не считаясь притомъ съ временами года, какъ это дѣлаютъ кочевники степей. Третья категорія, «полукочевыя» племена мѣняютъ мѣста дважды въ годъ, сохраняя въ обоихъ мѣстахъ жительства постоянныя жилища. Сюда относятся якуты и буряты. Къ «полукочевымъ» Іохельсонъ причисляетъ также племена рыболововъ — приморскихъ коряковъ, камчадаловъ, прирѣчныхъ остяковъ. Всѣ они зимой живутъ осѣдло, но на лѣто, во время рыбьяго сезона, возвращаются въ хижины, построенныя на берегахъ морей и рѣкъ. Наконецъ, четвертая категорія, «осѣдлыя» племена живутъ въ земледѣльческой полосѣ си-

бирскаго мѣсторазвитія и занимаются земледѣліемъ, торговлей и промышленностью. Они больше другихъ потеряли изъ примитивныхъ чертъ быта, и на нихъ мы останавливаться не станемъ.

Характеристику примитивнаго быта палеазіатовъ и другихъ близкихъ къ нимъ племенъ мы сосредоточимъ на тѣхъ чертахъ быта, которыя понадобятся намъ впослѣдствіи для выясненія связанныхъ съ нимъ явленій доисторической культуры. Остановимся прежде всего на эволюціи жилища, для чего и въ современныхъ примитивныхъ и въ доисторическихъ культурахъ имѣются особенно подробныя данныя.

Два типа жилища восходятъ къ доисторическому времени: типъ палатки и типъ землянки. Поскольку населеніе обходится безъ постоянныхъ жилищъ (т.-е. даже не «кочуетъ», а «бродитъ»), ему приходится довольствоваться типомъ палатки. Охотники и рыболовы сѣвера Сибири втыкаютъ для ночлега въ снѣгъ нѣсколько жердей въ наклонномъ положеніи отъ вѣтра (нѣмецкій терминъ: Windschirme) и покрываютъ ихъ двумя-тремя оленьими шкурами, а то и просто бѣтвями или древесной корой, снимая при уходѣ только шкуры. Зимой внѣшняя сторона такого привала защищается стѣнкой изъ снѣга. На открытой сторонѣ заслона отъ вѣтра разводится на ночь костеръ. Уже шагомъ впередъ является простѣйшая форма болѣе постояннаго жилища, перешедшая отъ рыболововъ, охотниковъ и собирателей плодовъ и корней къ кочевымъ и полукочевымъ племенамъ: конусообразная палатка изъ связанныхъ наверху въ одинъ пучокъ жердей въ 6-8 метровъ длины. Нижнимъ концомъ жерди втыкаются кольцеобразно въ землю и покрываются мягкими дубленымъ шкурами, причемъ вверху оставляется отверстіе для выхода дыма и для входа дневнаго свѣта и воздуха. Надъ очагомъ подвѣшиваютъ котелокъ съ округлымъ днищемъ. Кругомъ стѣнокъ — сидѣнья изъ вѣтвей, покрытыхъ шкурами. Дверью служитъ оставленное пустымъ пространство между двумя жердями, прикрытое кускомъ шкуры. Построить такую палатку, приготовить для нея матеріалы, свернуть ее, погрузить на сани или на лодку при передвиженіи, — дѣло женщинъ. Такъ живутъ колымскіе юкагиры, сѣверные тунгусы, остяки, самоѣды и лапландцы. Тунгусы на Амурѣ, разводящіе оленей сойоты и карагазы замѣняютъ въ южной Сибири шкуры прокипяченными и сшитыми вмѣстѣ полосами березовой коры. Такова-же была древняя форма лѣтняго жилья якутовъ и сѣверныхъ бурятъ. Но тутъ мы уже встрѣчаемъ дифференціацію жилища на лѣтнее и зимнее. Для зимы полукочевыми-полуосѣдлыми жителями употребляются землянки — подземныя жилища, вырытыя на нѣсколько метровъ вглубь, со сведенной надъ

ямой конусообразной или пирамидальной крышей, по образцу палатки. При этомъ промежутки между жердями заполняются вѣтвями зелени и ледянымъ покровомъ; оставляется лишь отверстіе вверху, служащее и дверью, и выходомъ для дыма. Впрочемъ, у типичной древнеазіатской землянки имѣется и боковой входъ — въ видѣ полуподземнаго хода, спускающагося ступенями къ полу землянки. Надъ поломъ по стѣнамъ внутренняго помѣщенія поднимаются земляныя сидѣнья, служащія и постелью. Посрединѣ оставляется возвышеніе для очага. Иногда тутъ же роется и яма для храненія запасовъ или для отбросовъ. Въ долгіе зимніе мѣсяцы, лишенные свѣта, такое логовище освѣщается или сырой лучиной или — у эскимосовъ — особыми лампами, въ которыхъ горитъ рыбій жиръ. Лампы эти имѣютъ видъ плоскихъ камней съ углубленіемъ въ серединѣ. Землянки восточной Сибири настолько похожи на эскимосскія, что уже Шренкъ отмѣтилъ взаимную связь между ними. Четыреугольныя формы жилища являются уже позднѣйшими, внесенными или южными кочевниками, или русскими колонистами.

Отмѣтимъ еще расположеніе жилищъ, свидѣтельствующее о нѣкоторыхъ формахъ примитивнаго соціальнаго общенія. У эскимосовъ въ центрѣ деревни строится помѣщеніе болѣе значительныхъ размѣровъ. Въ этомъ общемъ домѣ происходятъ сборища для обсужденія интересующихъ всю общину вопросовъ; здѣсь же устраиваются танцы и праздники; наконецъ, это помѣщеніе служитъ разъ въ недѣлю и баней: въ центральной ямѣ разводится огонь, температура раскаляется до невыносимости и лежащіе на лавкахъ по стѣнамъ обитатели, вымывшись мочей, выбрасываются изъ такой бани въ снѣгъ или въ ледяную воду.

Глиняные сосуды рѣдки у населенія, сохранившаго старые обычаи. Они замѣняются плетеными корзинами разнообразныхъ формъ, которыя при помощи разныхъ приспособленій становятся водонепроницаемыми. Такіе сосуды легче брать съ собой во время передвиженій. Охотничьи и рыболовныя орудія, луки и стрѣлы, копья и гарпуны, выдѣлываются изъ дерева, камня, кости и оленьихъ роговъ; металлы до послѣдняго времени оставались неизвѣстны. Изъ того же матеріала приготовляются и домашнія орудія: скребки для очистки кожи, иглы, ножи, топоры и т. п. Эскимосы (также и родственные имъ чукчи и коряки) отличаются особеннымъ художественнымъ вкусомъ и покрываютъ эти издѣлія рисунками, близко напоминающими доисторическіе (см. слѣдующую главу).

Религіозныя представленія этихъ народностей очень смутны и мало задѣты миссіонерской проповѣдью. Наиболѣе отчетливы ихъ взгляды на посмертную жизнь умершихъ, выражающіеся въ обря-

дахъ погребенія. Эскимосы одѣваютъ покойника въ его лучшій костюмъ и кладутъ въ могилу оружіе и другіе инструменты съ мужчиной, украшенія и хозяйственную утварь — съ женщиной. Сохранились и обряды сожженія и подвѣшиванія трупа къ деревьямъ (чукчи).

Отъ культуры мѣсторазвитій тундры, лѣсо-тундры и восточносибирской тайги мы переходимъ теперь къ культурѣ мѣсторазвитія степи и пустыни. Мы видѣли, что пустыня вторгается въ предѣлы русской территоріи сравнительно небольшими кусками, составляя лишь ничтожную часть огромныхъ пустынныхъ пространствъ, пересѣкающихъ наискось материкъ Азіи въ районѣ пассатныхъ вѣтровъ и составляющихъ часть пустыннаго пояса, охватывающаго весь земной шаръ (см. выше стр. 71). Безъ сосѣдства со степью пустыня была бы вовсе необитаема, — по той же причинѣ, какъ и части тундры: вслѣдствіе крайней скудости растительнаго покрова и животнаго царства, могущихъ пропитать человѣка. Обща этимъ двумъ крайностямъ и необходимость для человѣка, чтобы найти достаточное количество пищи, находиться въ состояніи постояннаго передвиженія, мѣняя зимнія и лѣтнія кочевья, и перебѣгать, въ поискахъ пищи, огромныя пространства. Причины такого сходства различны: отсутствіе тепла на сѣверѣ, отсутствіе влаги на югѣ, при крайнемъ континентальномъ климатѣ тамъ и здѣсь (см. выше стр. 42). Но дальше начинаются существенныя различія, дѣлающія степь и пустыню несравненно болѣе сложнымъ мѣсторазвитіемъ, чѣмъ тундра и лѣсотундра.

Типичный обитатель крайняго сѣвера — звѣроловъ или рыболовъ. Обитатель пустыни и степи — скотоводъ или коневодъ. Первые виды занятій далеко не даютъ такого обезпеченія жизни, какъ вторые. Запасовъ пищи, накопляемыхъ на зиму звѣроловами и рыболовами, почти регулярно не хватаетъ до весны, и голодная смерть въ ихъ средѣ есть столь обыкновенное явленіе, что къ ней относятся съ стоическимъ равнодушіемъ. Отсюда и укорененные въ этой средѣ обычаи убивать стариковъ и лишнихъ дѣтей. Напротивъ, пастухи степей въ самой наличности стада всегда найдутъ достаточныя средства пропитанія. Другое, весьма важное различіе состоитъ въ томъ, что невольное, такъ сказать автоматическое кочеваніе вслѣдъ за оленями здѣсь замѣняется болѣе планомѣрнымъ передвиженіемъ. На крайнемъ сѣверѣ средства передвиженія ограничены. Зимой можно передвигаться въ предѣлахъ лѣса только по рѣкамъ или по тропамъ, продѣланнымъ животными. Напротивъ, степи предоставляютъ для передвиженія необозримыя пространства, тянутъ вдаль, какъ и море. Эта легкость общенія от-

зывается и на разницѣ соціальнаго строя. Нельзя себѣ представить возможность сколько-нибудь широкой организаціи въ тундрѣ и тайгѣ. Послѣдніе слѣды когда-то существовавшихъ (созданныхъ ad hoc?) военныхъ организацій замираютъ на нашихъ глазахъ, какъ только ослабѣваетъ необходимость обороны. Объединеніе десятка-полуторадесятка семействъ, кочующихъ и охотящихся на огромныхъ пространствахъ и далеко разбросанныхъ другъ отъ друга, тамъ есть обычная форма обществъ (вообще, какъ мы видѣли, очень малочисленныхъ). Временныя встрѣчи для общихъ совѣщаній, повидимому, составляютъ древнѣйшую форму учрежденій такого общества. Напротивъ, степь даетъ возможность съорганизовать обширные союзы, построенные на началѣ строгой дисциплины — съ военнымъ раздѣленіемъ на десятки, сотни, тысячи — и съ соотвѣтственной іерархіей власти. Эта организація преслѣдуетъ уже не цѣли обороны, а цѣли нападенія. Наиболѣе элементарный и вѣчный мотивъ передвиженій — перенаселеніе — т.-е. недостатокъ пищи на данномъ пространствѣ при увеличеніи количества населенія. Если на сѣверѣ борятся противъ перенаселенія самымъ острымъ изъ превентивныхъ средствъ — убійствомъ лишнихъ ртовъ, то жители пустыни и степи разрѣшаютъ этотъ вопросъ — или набѣгами на сосѣднее осѣдлое населеніе или же, въ болѣе раннее время, когда такого еще не имѣется, — поисками новыхъ мѣстъ, болѣе благопріятныхъ для существованія. Библія намъ показываетъ классическій примѣръ того, какъ выселяется на новыя мѣста часть населенія, ставшая излишней.

«И былъ Авраамъ очень богатъ скотомъ, и серебромъ, и золотомъ. И продолжалъ онъ переходы свои отъ юга до Вефиля, ...гдѣ прежде былъ шатеръ его... И у Лота, который ходилъ съ Авраамомъ, также былъ мелкій и крупный скотъ и шатры. И непомѣстительны были земли для нихъ, чтобы жить вмѣстѣ. И былъ споръ между пастухами скота Авраамова и скота Лотова... И сказалъ Авраамъ Лоту: да не будетъ раздора между мною и тобою, ...ибо мы родственники. Не вся-ли земля предъ тобою? Отдѣлись же отъ меня. Если ты налѣво, то я направо; а если ты направо, то я налѣво... И двинулся Лотъ къ востоку. И отдѣлились они другъ отъ друга... И двинулъ Авраамъ шатеръ и пошелъ и поселился у дубравы Мамре».

Послѣдствія переселеній степныхъ кочевниковъ разнообразны и чрезвычайно важны; недаромъ ихъ считали иногда двигателями исторіи. Но къ этимъ послѣдствіямъ мы будемъ имѣть случай вернуться. Теперь же остановимся на антропогеографической роли степей и пустынь въ предѣлахъ Россіи. Какъ ни сложна эта роль сравнительно съ ролью тундры, но все же и тутъ, какъ въ другихъ

неблагопріятныхъ для человѣка мѣсторазвитіяхъ, мы можемъ найти извѣстное постоянство, дающее возможность искать среди живого населенія слѣдовъ первобытныхъ, давно исчезнувшихъ культуръ, не перекрытыхъ — или слабо перекрытыхъ — позднѣйшими историческими наслоеніями.

Наиболѣе значительнымъ степнымъ и пустыннымъ мѣсторазвитіемъ въ предѣлахъ Россіи является Туркестанъ, занимающій пространство въ пять разъ большее Франціи: точнѣе говоря, часть Туркестана, составляющая арало-каспійскую низменность (древній «Хорезмъ»). Рядъ степей, показанныхъ бѣлыми мѣстами на картѣ № 12 — Акъ-Кумъ, Кизилъ-Кумъ, Кара-Кумъ («Бѣлые», «Красные», «Черные пески») представляютъ остатки обширнаго средиземнаго моря, отъ котораго сохранились Аральское море и о. Балкашъ. Высыханіе этого древняго озера продолжается и теперь, а начало высыханія относится къ временамъ доисторическимъ. Войска Александра Великаго на своемъ пути къ Сыръ-Дарьѣ черезъ Самаркандъ (Мараканду) тщательно обошли эти пустыни, гдѣ кочевали массагеты. Они продвигались по предгорьямъ горной части Туркестана, т.-е. по краю Иранскаго плоскогорья. Водныя пространства тогда были, очевидно, гораздо шире, но въ общемъ физіономія мѣстности была та же, что теперь. Только Аму-Дарья, четырежды мѣнявшая свое теченіе въ историческій періодъ, впадала тогда въ Каспійское море. Приняло свой теперешній видъ и населеніе — послѣ того какъ тюркскія племена степи завладѣли альпійскими горными пастбищами, подчинивъ себѣ старое арійское (эранское) населеніе. Когда произошло это нашествіе «Турана» на «Иранъ», мы въ точности не знаемъ. Къ доисторическимъ связямъ арійцевъ съ Тураномъ мы вернемся въ слѣдующей главѣ. Но занятіе теперешняго Туркестана тюрками — относится, повидимому, къ историческому времени: не позже начала второго столѣтія до Р. Х., когда «Хіонгъ-Ну» китайскихъ лѣтописей двинулись на западъ отъ только-что построенной противъ ихъ вторженій китайской «Великой Стѣны». Эфемерная держава Мете (209-179 г.г. до Р. Х.) уже включала въ свой составъ восточныхъ и западныхъ тюрковъ. Первые — отъ хребта Танну Ола и Желтой рѣки до Тянь Шаня и бассейна р. Тарима (уйгуры) остаются внѣ нашей территоріи. Но Хакасы (киргизы) уже сидѣли тогда по Енисею, а Карлуки и Тукіу — въ Алтаѣ, на югъ до Тарбогатая. Вторые — западные тюрки состояли изъ племенъ Узуни (на югъ отъ Балхаша), Канглы (на западъ до Аму-Дарьи), Юэчи (дальше на ю. з. до Каспійскаго моря). Узунъ и Канглы, послѣ взаимной борьбы, были покорены «Хунну» (преемники «Хіонгну», быть можетъ, тожественные съ

ними), частью смѣшались другъ съ другомъ и отступили отъ хунновъ къ сѣверу (это — будущіе кайсаки). Что во время всего этого разселенія тюрки занимали не пустыя мѣста, а уже заселенныя ранѣе иранцами («арійцами»), видно изъ того, что Узуни и Хакасы считались у китайцевъ того времени бѣлокурыми и голубоглазыми, а киргизы въ верхнемъ теченіи Енисея еще въ третьемъ столѣтіи по Р. Х. назывались «бѣлокурыми» (кіенкунъ). Послѣ того, конечно, многое измѣнилось. Иранцы имѣли свой періодъ торжества иранской культуры при династіи Саманидовъ (10-е столѣтіе по Р. Х.). Но затѣмъ, съ 10-го по 13-е столѣтіе шли новыя нашествія тюрковъ съ востока, и иранская культура и народность были окончательно разрушены.

Вся эта длинная исторія объясняетъ, почему и въ настоящее время населеніе Туркестана является смѣшаннымъ. Это и служитъ поводомъ для дѣленія тюркскихъ племенъ на два отдѣла: «иранскихъ» и «туранскихъ» тюрковъ. Конечно, степень смѣшенія различна, смотря по мѣсту жительства: она убываетъ по направленію отъ юга и запада къ сѣверу, сѣверо-востоку и востоку. Таджики считаются полными иранцами-аборигенами. Сарты, смѣшавшіеся съ туранскими завоевателями, сохраняютъ преобладающія черты иранцевъ. У туркменъ иранскій типъ также преобладаетъ — но преимущественно въ горныхъ мѣстахъ. Въ долинѣ они сохраняютъ болѣе чистый тюркскій типъ и привычки военно-кочеваго быта. Еще недавно они жили грабежомъ своихъ южныхъ сосѣдей и персовъ и торговали взятыми въ плѣнъ рабами. Гораздо болѣе чистый тюркскій типъ представляютъ Кара-Калпаки («Черные Клобуки»), населяющіе пустынную часть на югъ отъ Аральскаго моря. И еще цѣльнѣе сохранился старый тюркскій типъ у Кайсаковъ (неточно называемыхъ Киргизъ-Кайсаками), раздѣлившихся уже съ XIII столѣтія на три «орды» и кочующихъ на обширномъ пространствѣ Арало-Каспійскаго бассейна въ его сѣверной части и Оренбургскихъ степей. Въ ихъ средѣ племя Кипчакъ (въ составѣ средней орды) лучше всего сохранило старый типъ, нравы и языкъ. Кочевники по преимуществу, они легко передвигаются съ мѣста на мѣсто со своими кибитками — и въ своихъ странствіяхъ подверглись нѣкоторому смѣшенію съ западными монголами, — тѣмъ болѣе, что, слѣдуя обычаю экзогаміи, они ищутъ женъ у чужого племени. Очень хорошо они сохранили и свою племенную и клановую организацію. Одинъ современный кайсацкій дѣятель такъ описалъ свое положеніе въ средѣ своего народа: тюркской націи, кайсацкой національности, средней орды, кипчакскаго племени, тору-айбгырскаго клана, шашлы-подклана, Божай-колѣна, Джанай-подколѣна. У кажда-

го подклана есть своя «тамга», которою онъ мѣтитъ свое стадо и свою могилу. Каждый кланъ имѣетъ свой «уранъ» (боевой кличъ — часто имя вождя или богатыря), съ которымъ кланъ вступаетъ въ бой. У кайсаковъ сохраняется и различіе между аристократіей «бѣлой кости», происходящей якобы отъ Чингисъ-Хана (N. B.: монгола) и «черной костью» остального народа. Народъ «узбековъ», составляющій правящій классъ въ Бухарѣ, Хивѣ и Коканѣ, считаетъ себя также потомками Чингиса; онъ, вѣроятно, выдѣлился изъ состава кайсаковъ въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіи.

Всѣ эти этнографическія данныя показываютъ, что, несмотря на гораздо большую сложность событій въ степи и въ пустынѣ, нежели въ тайгѣ и тундрѣ, все же, и это мѣсторазвитіе благопріятствуетъ сохраненію примитивнаго быта и древнихъ обычаевъ и образа жизни. Кочевникъ съ трудомъ переходитъ къ осѣдлой жизни и земледѣлію — и охотно возвращается къ болѣе привычному кочевому быту. Онъ предпочитаетъ оставаться сосѣдомъ осѣдлаго населенія лѣсо-степи, производить на него набѣги и брать плѣнныхъ, — или же, при созданіи болѣе прочныхъ (сравнительно) объединеній военнаго типа, — брать съ покореннаго населенія регулярную дань. Такъ жили до послѣдняго времени албанцы, курды и т. д. Всѣ эти пережитки далекаго прошлаго понадобятся намъ при возстановленіи начатковъ культуры. Отмѣтимъ тутъ же еще одну черту, которая ясно проглядываетъ сквозь наслоенія времени и свидѣтельствуетъ о тѣсной зависимости быта отъ мѣсторазвитія. Почти всегда, когда этнографы упоминаютъ о переходѣ кочевниковъ къ земледѣлію, оказывается, что эти указанія относятся не къ долинѣ, а къ горнымъ мѣстностямъ. И именно въ этихъ горныхъ мѣстностяхъ, какъ уже сказано, преобладаетъ въ составѣ этнографической смѣси иранская примѣсь. Не будетъ особенно смѣлымъ заключеніе, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ сохранившимся, осѣдлымъ и земледѣльческимъ иранскимъ («арійскимъ») населеніемъ, ассимилировавшимъ себѣ часть своихъ завоевателей, а вовсе не съ переходомъ цѣлаго племени кочевниковъ къ осѣдлому земледѣльческому быту.

Изъ приведенныхъ данныхъ необходимо сдѣлать и еще одно заключеніе. Кочевники лѣсо-тундры и кочевники лѣсо-степи и пустыни, конечно, составляютъ два совершенно различныхъ міра и по характеру быта и по этнографической принадлежности. Съ одной стороны, мы встрѣчаемъ угрофинскія и палеоазіатскія народности, съ другой иранско-тюркскія съ начинающейся примѣсью монголовъ. Но эти два міра вовсе не отгорожены другъ отъ друга непроходимой стѣной. Въ западной своей части Сибирь соприка-

сается съ Туркестаномъ степями и пустынями Каспійско-аральской низменности: здѣсь — общеніе непосредственное — въ лицѣ киргизскихъ ордъ. Но и далѣе на востокъ — Тянь-Шань, Алтай и Саянскій хребетъ не представляютъ такого препятствія для общенія, какъ Гималаи. Всѣ большія рѣки Сибири берутъ начало на южныхъ склонахъ этихъ горныхъ цѣпей. Черный Иртышъ ведетъ отсюда въ долину Оби. Верховья Енисея восходятъ къ долинѣ Урянхая — мѣстожительству скотоводовъ, рыболововъ и охотниковъ тюрко-татаро-монгольскаго происхожденія. А Селенга и Орхонъ ведутъ изъ Монголіи въ Забайкалье. Немудрено, что уже съ древнихъ временъ мы встрѣчаемъ въ южной Сибири населеніе «туранскихъ» тюрковъ, перенесшихъ въ здѣшнія степи свои кочевые обычаи.

Такъ, потѣсненные къ сѣверу якуты, упорно державшіеся коневодства даже за полярнымъ кругомъ, превратились на берегахъ Колымы изъ коневодовъ-наѣздниковъ въ пастуховъ оленьихъ стадъ (и даже рыболововъ и охотниковъ). Также и тунгусы подѣлились при своемъ продвиженіи на сѣверъ на двѣ группы: на притокахъ Амура (Зеѣ и Буреѣ) они продолжаютъ быть «степными» и «лошадными», а на сѣверъ отъ Станового хребта стали «лѣсными» и оленьими».

Именно въ этой области древняго общенія юга съ сѣверомъ мы найдемъ и остатки глубокой старины въ видѣ громаднаго некрополя кургановъ, тянущихся отъ Иртыша до Орхона, и въ видѣ «писаницъ» на скалахъ Енисея и Орхона, открывшихъ намъ доступъ къ невѣдомой доселѣ части исторіи тюрковъ, наконецъ, въ древнихъ разработкахъ Алтайскихъ рудъ, сдѣлавшихъ эти мѣстности самостоятельнымъ центромъ культуры уже въ началѣ металлическаго вѣка. Но обо всемъ этомъ будетъ рѣчь впереди. Здѣсь мы лишь отмѣчаемъ зависимость бывшаго и будущаго историческаго развитія отъ условій мѣсторазвитія.

Намъ остается упомянуть о роли въ развитіи культуры третьяго мѣсторазвитія — между тундрой и степью — мѣсторазвитія лѣса. Но тутъ мы наталкиваемся на совершенно особую сферу взаимоотношеній между природой и человѣкомъ. Сложность этихъ отношеній достигаетъ здѣсь высшей степени, и древнѣйшія тѣсныя связи затираются до неузнаваемости позднѣйшимъ историческимъ процессомъ. Вначалѣ лѣсное мѣсторазвитіе кажется — да и на дѣлѣ является — гораздо менѣе благопріятнымъ для человѣческой культуры, чѣмъ степь и тундра. Въ особенности это вѣрно по отношенію къ сырому сѣверному хвойному лѣсу. Кромѣ звѣриныхъ тропъ, вѣдомыхъ только охотникамъ — каждому своя, — сколько нибудь глубокое проникновеніе въ сѣверный лѣсъ возможно только по теченію рѣкъ. Но лѣтомъ мошкара загоняетъ даже лося по уши

въ болото, а зимой надо имѣть особенную цѣль, чтобы пуститься въ отдаленное странствіе по рѣчному льду. Земледѣліе возможно только на выжженныхъ спеціально лядинахъ, и полученная зола удобряетъ землю только на короткое время. По условіямъ климата возможна лишь культура болѣе грубыхъ зерновыхъ растеній, какъ рожь и овесъ. Все это дѣлаетъ скопленіе населенія въ лѣсу болѣе труднымъ, чѣмъ даже въ лѣсо-тундрѣ, не говоря уже о степи. И апріори можно сказать, что лѣсная культура будетъ наиболѣе поздней. Но за то у ней будетъ наиболѣе возможности дальнѣйшаго развитія.

Смѣшанные лиственные лѣса лѣсостепи, конечно, подъ эту характеристику не подходятъ. Мы увидимъ, что, соотвѣтственно своему двойному названію, именно это мѣсторазвитіе окажется переходнымъ отъ начатковъ культуры къ ея позднѣйшему развитію, отъ преимуществъ кочевого общенія къ преимуществамъ осѣдлаго. Но въ этой стадіи вліяніе мѣсторазвитія уже значительно слабѣетъ сравнительно съ вліяніемъ внутреннихъ законовъ человѣческаго общежитія, въ виду чего исторія лѣсостепныхъ и лѣсныхъ культуръ и не относится къ данной главѣ. Съ переходомъ къ нимъ законъ неподвижности замѣняется закономъ эволюціи.

Классическимъ трудомъ и основнымъ руководствомъ по антропогеографіи является двухтомная работа **Фридриха Ратцеля:** Anthropogeographie. Erster Teil. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte, 1882, и Zweiter Teil. Die geographische Verbreitung des Menschen, 1891. Въ четвертомъ изданіи (перепечатка третьяго) оба тома вышли въ 1921-22 г.г. въ Bibliothek geographischer Handbücher, Stuttgart, съ подробной библіографіей статей, критиковавшихъ или развивавшихъ идеи Антропогеографіи, и съ обстоятельнымъ указателемъ. Французская точка зрѣнія, болѣе критическая, чѣмъ конструктивная — и очень колеблющаяся, резюмирована *Lucien Febvre* (не натуралистомъ, а историкомъ) въ серіи L'Evolution de L'Humanité, dirigée par André Herr, подъ заглавіемъ: La terre et l'évolution humaine, introduction géographique à l'histoire, Paris 1922, съ подробной библіографіей, преимущественно французской литературы. Цѣнная русская сводная работа принадлежитъ профессору **А. А. Круберу:** Общее землевѣдѣніе, особенно часть II, климатологія, воды, суши, ледники, пустыни и работа вѣтра, и часть III: Біо- и Антропогеографія, Москва, Госиздатъ. 1922-1923. *A. Supan,* Grudzüge der physischen Erdkunde, *Karl Sapper.* О направленіи вѣтровъ и распредѣленіи осадковъ въ Россіи, см. **Г. Н. Высоцкаго,** О гидро-климатическомъ значеніи лѣсовъ въ Россіи (Лѣсной Журналъ за 1911 г. и отд. оттискъ), съ приложеніемъ

двухъ картъ. **К. Д. Глинка.** Почвы Россіи и прилегающихъ странъ. М. 1923, Петр. Госизд. **Его же.** Почва, ея свойства и законы распространенія, 3-е изд. исправленное, Лен. 1925. **С. С. Неуструевъ.** Опытъ классификаціи почвообразовательныхъ процессовъ въ связи съ генезисомъ почвъ (Изв. Геогр. Институ., вып. 6-ой, 1926. Лен. 1926). Проф. **Г. И. Танфильевъ,** Географія Россіи, Украины и т. д., особенно часть II, вып I и 3-основная сводная работа. **Его же:** Очеркъ географіи и исторіи главнѣйшихъ культурныхъ растеній Украины, Госизд., Одесское отд. Секція точнаго знанія, 1923. Подборъ практическихъ данныхъ, чисто описательный, библіографія. **Его же:** статья «О зональности чернозема», Вісти Одеського с. х. Інституту, вип. III, февраль 1923. Говорится, между прочимъ, о роли лесса въ созданіи чернозема. **Его же:** «Доисторическія степи», съ интересной картой, въ журналѣ «Землевѣдѣніе», т. II, кн. II (1896). Танфильевъ утверждаетъ: «граница между лѣсами и степью — **не климатическая». П. Н. Савицкій.** Географическія особенности Россіи. Часть 1-ая. Растительность и почвы. Евраз. книгоиздат. Прага, 1927. Авторъ придаетъ какое-то мистическое значеніе широтной зональности географическихъ областей Россіи, подчеркивая преимущественное значеніе смѣны поясовъ съ юга на сѣверъ и почти игнорируя болѣе характерную для континентальнаго климата Россіи смѣну съ юго-запада на сѣверо-востокъ, на которой построено мое изложеніе. Исходной точкой для П. Н. Савицкаго послужила рабта проф. **А. А. Каминскаго:** Климатическія области восточной Европы въ связи съ распространеніемъ лѣсовъ, изд. въ Трудахъ по лѣсному опытному дѣлу въ Россіи, Лѣсной отдѣлъ Гос. Инст. Оп. Агрономіи, вып. LXIV, Лен. 1924. П. Н. Савицкій кладетъ въ основу своей очень детальной разработки факторъ **относительной влажности** (процентъ влаги въ воздухѣ) тогда какъ, если ограничиться **однимъ** синтезирующимъ признакомъ климатическихъ различій, предпочтительнѣе взять признакъ **возрастающихъ амплитудъ** температуры, использованный мною. На этомъ базисѣ возводится односторонняя и произвольная конструкція, не имѣющая научнаго значенія и предназначенная служить политическимъ цѣлямъ автора. Для характеристики юго-западно-сѣверо-восточныхъ измѣненій растительности я воспользовался картой, приложенной къ «Ботанико-географическому очерку Россіи» **Н. А. Буша** (отдѣлъ I тома V-го «Естеств. произв. силъ Россіи», Петр. 1923). Продолженіе той же карты, составленной по одинаковой системѣ, на Сибирь можно найти въ изданіи «Флора Сибири и Дальняго Востока», издаваемая ботаническимъ музеемъ при Академіи Наукъ СССР, вып. 4-й, Лен. 1926. Но она кажется мнѣ слишкомъ схематичной. Болѣе детальную характеристику можно найти у **Прасолова:** Почвенныя области Европейской Россіи, съ картой, Петербургъ 1922. Что «растительныя почвенные зоны не идутъ строго въ широтномъ направ-

ленiи, но уклоняются отъ него, простираясь съ ю. з. на с. в.», отмѣчаетъ и **В. Алехинъ,** Типы русскихъ степей, Изв. Бот. Сада Петра Великаго. Для зональностей Сибири см. **В. Л. Комарова,** Краткій очеркъ растительности Сибири въ Мат. для из. произв. силъ Россіи и т. д. № 45, Петроградъ, 1922, съ картой. **П. Н. Крыловъ** также признаетъ необходимость «перекрыть классификацію зонъ съ сѣвера на югъ — классификаціей съ запада на востокъ». См. его «Очеркъ растительности Сибири, Томскъ 1919. Тоже и **Ревердатто** въ статьѣ о «растительности», помѣщенной въ сборникѣ «Природа Сибири». Новосибирскъ 1928: «Составъ травянистой растительности арктической области въ цѣломъ постепенно мѣняется съ запада на востокъ», и въ другихъ мѣстахъ. «Почвенная карта Туркестана и южной части Казакстана» (Киргизскаго края) приложена при книгѣ **Л. И. Прасолова**, «Почвы Туркестана», Комиссія по изученію и т. д. 1926. Параллельная къ ней карта растительности см. въ «Очеркахъ растительности Туркестана» **Б. А. Федченко,** Лен. 1925. См. также **Р. И. Аболинъ,** Основы естественно-историческаго районированія совѣтской средней Азіи, въ Трудахъ сред. аз. Гос. Университета, вып. 2, Ташкентъ 1929. Относительно зоогеографіи Россіи см. обстоятельную работу **С. И. Огнева,** Звѣри Восточной Европы и сѣверной Азіи. Мною использованъ т. II-й. См. также доклады **А. Я. Тугаринова,** Зоогеографическіе участки Пріенисейской Сибири и **Н. И. Кузнецова** о бабочкахъ въ Докладахъ Академіи Наукъ, 1925 г., октябрь. Считаю долгомъ прибавить, что почти всѣми совѣтскими изданіями, упомянутыми выше, я имѣлъ возможность пользоваться въ библіотекѣ П. Н. Савицкаго (Прага), которому и приношу мою искреннѣйшую благодарность.

Переходя къ антропогеографіи, прежде всего необходимо назвать обширную и чрезвычайно поучительную работу *Oswald Menghin,* плодъ многолѣтняго изученія: Weltgeschichte der Steinzeit, Wien, A. A. Schroll, 1931. Это — первый опытъ синтеза всѣхъ вспомогательныхъ наукъ, могущихъ освѣтить исторію человѣка, начиная съ времени его предполагаемаго появленія на землѣ и почти доходя до историческаго времени. Менгинъ приводитъ также исчерпывающіе списки литературы. Основныя идеи книги указаны въ текстѣ. Темы настоящей главы ближе касается седьмая глава очиненія, которую самъ Менгинъ считаетъ наиболѣе важной: Die Ergebnisse der ethnographisch-linguistischen Kulturforschung in ihren Beziehungen zur Paläarchäologie. Новѣйшей сводной работой по этнографіи, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на этнографію первобытныхъ народовъ и на доисторическое время, является вышедшая въ изданіяхъ Ларусса книга д-ра *R. Verneau,* L'Homme, races et coutumes, Paris 1931. Подборъ этнографическихъ данныхъ для соціологическихъ цѣлей сдѣланъ *Letourneau* въ сводной работѣ: La sociologie d'après l'éthnographie, Paris 1892

и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ: L'Evolution de la morale, du mariage et de la famille, de la propriété; L'Evolution politique, juridique, religieuse, littéraire. См. также популяризацію **Юлія Липперта,** Исторія культуры. Спб., 1902. Изъ ряда другихъ работъ, относящихся къ нашей темѣ о связи культуръ съ мѣсторазвитіями, отмѣчу особенно небольшую книгу автора обширныхъ Die Grundlagen der Landschaftskunde, *Dr. Siegfried Passarge,* Landschaft und Kulturentwickelung in unseren Klimabreiten, Hamburg, 1922: опредѣленная тенденція, параллельная шпенглеровской, не мѣшаетъ Пассарге сдѣлать рядъ интересныхъ наблюденій и сопоставленій, возбуждающихъ научную мысль. Для распредѣленія населенія между различными мѣсторазвитіями, см. **Ратцеля,** Anthropogeogr., ч. II, *Levasseur,* La population française, томъ III и *N. Krebs,* Die Verbreitung des Menschen auf der Erdoberfläche въ серіи Aus Natur und Geisteswelt (здѣсь дана карта А. Воейкова). Для характеристики не-русскаго населенія Азіи (Сибири, Туркестана, Азіатскихъ степей) и Кавказа, см. прекрасную сводную работу **В. Іохельсона,** Peoples of Asiatic Russia, by Waldemar Jochelson, the American Museum of Natural History New-York, 1928, съ приложеніемъ этнографическихъ и антропологическихъ картограммъ. Цѣнныя свѣдѣнія объ этнографіи населенія Туркестана и восточной Сибири во второй половинѣ XIX вѣка можно найти въ Nouvelle Géographie Universelle *Elisée Reclus,* VI, L'Asie Russe, Paris, 1882. Посвященный Россіи пятый томъ Géographie Universelle, редактируемой Видаль Лаблашемъ, составленъ знатокомъ предмета проф. **Камена д-Альмейда,** и основанъ на новѣйшей литературѣ, въ томъ числѣ и совѣтской (вышелъ въ 1932 году). Но онъ не замѣняетъ Реклю въ тѣхъ частяхъ, на которыя сдѣлана ссылка. Классификація тюркскихъ племенъ и ихъ разселеніе въ историческій періодъ, вмѣстѣ съ очень подробной библіографіей см. въ работѣ г-жи *M. A. Czaplicka,* The Turks of Central Asia, Oxford, Clarendon Press, 1918. Продолженіе библіографіи въ связи съ вопросами доисторической культуры см. въ концѣ слѣдующей главы.

II

Начало культуры

За предѣлами историческаго періода. — Перемѣны въ мѣсторазвитіяхъ, животномъ мірѣ и человѣкѣ. — Усложненіе и ускореніе темпа культуры. — Третичный періодъ. — Измѣненіе очертаній моря и суши. — Смѣны климата. — Появленіе человѣка. — Дѣленія четвертичнаго періода. — Классификація и хронологія археологическихъ эпохъ. — Причины измѣненій климата. — Конфигурація суши. — Распредѣленіе ледниковъ «ледниковаго періода». — Связь Россіи съ срединной Европой. — Линіи отступленія ледника и ихъ отраженіе въ ландшафтѣ. — Территоріи, не покрытыя ледникомъ: древнѣйшее мѣстожительство человѣка въ Европѣ. — Неандертальская раса; ея распространеніе. — Перерывъ и новыя расы міолита, Шанселадъ и Кроманьонъ: ростъ ихъ интеллекта, кость и орнаментъ. — Полоса лессовыхъ отложеній, какъ территорія разселенія. — Смѣщеніе зонъ на пространствѣ Россіи. — Волжская провинція, понтійскія степи, Сибирь. — Пути Ориньяка въ Россію. — Сближеніе фауны степи и тундры. — Археологическія находки въ лессовой полосѣ отъ Франціи до Якутіи. — Статуэтки, ритуалъ погребенія, орудія, жилища. — Продолженіе линіи: Днѣпръ, Донъ, Ока, Кама. — Продвиженіе населенія на сѣверо-востокъ, въ Сибирь. — Генетическая связь съ палеазіатами и эскимосами («лофоцефалы» Серджи). — Люди Ориньяка — предки палеазіатовъ. — Движеніе съ Запада на Востокъ, изъ Европы въ Азію, изъ Азіи въ Америку. — Разселеніе «лофоцефаловъ по Серджи. — Остатки «лофоцефаловъ» въ Европѣ. — Таяніе сѣвернаго ледника и заселеніе сѣвера. — Климаты и культуры послѣледниковой эпохи (таблица). — Измѣненія рельефа Скандинавіи: Іольдіа, Анцилусъ и Литорина. — Перемѣны русскаго климата по даннымъ торфяниковъ. — Шигиръ и Кунда. — Заселеніе съ Востока. — Иллюстраціи охотничьяго и рыболовческаго быта эпохи міолита.

Мы познакомились съ гео-, фито-, зоо- и отчасти антропогеографіей русскаго мѣсторазвитія въ Европѣ и въ Азіи, — въ томъ видѣ, какъ всѣ эти факторы сложились къ началу историческаго періода. Но весь этотъ періодъ представляетъ одинъ быстролетный

мигъ сравнительно съ тѣми безмѣрно-длительными геологическими эпохами, которыя послужили ему основой. Намъ нѣтъ надобности, конечно, излагать по этому поводу всю исторію нашей планеты. Но мы не найдемъ нужныхъ намъ объясненій, если останемся въ предѣлахъ того краткаго отрѣзка времени, теченіе котораго удержалось въ памяти народовъ. Не только всѣ формы растительнаго и животнаго міра, тѣсно связанныя съ жизнью человѣка, сложились за этими предѣлами, но и самъ человѣкъ прожилъ на землѣ во много десятковъ разъ дольше того времени, когда научился посредствомъ письменъ удерживать въ памяти свое прошлое. Вотъ почему экскурсъ за предѣлы историческаго періода совершенно необходимъ для того, чтобы восполнить этотъ громадный пробѣлъ. Иначе исторію культуры пришлось бы начинать съ середины.

Но лишь только мы выходимъ за предѣлы историческаго періода, какъ все нами наблюденное выше приходитъ въ движеніе. Точнѣе говоря, перемѣны, незамѣтныя на короткомъ пространствѣ историческаго періода, слагаются въ крупные итоги на протяженіи необозримыхъ доисторическихъ временъ и существенно мѣняютъ всѣ условія мѣсторазвитій, намъ извѣстныя. Мѣняется климатъ; соотвѣтственно ему мѣняется растительность и животный міръ. Выплываютъ изъ еще болѣе отдаленныхъ эпохъ диковинныя формы животнаго міра, давно исчезнувшіе. Виды, теперь прирученные, замѣняются своими дикими предшественниками, эволюцію которыхъ иногда можно прослѣдить (напримѣръ, лошади) въ рядѣ предшествующихъ геологическихъ эпохъ. Среди этихъ мѣняющихся условій жизни мѣняется и человѣкъ, удаляясь постепенно отъ своихъ звѣроподобныхъ предковъ и приближаясь къ современному положенію господина природы, умѣющаго цѣлесообразно направлять коллективную волю. Общее направленіе движущагося потока перемѣнъ закономѣрно ведетъ отъ простого къ сложному, отъ общаго къ индивидуальному. Устанавливаются времена года, опредѣляются климатическія зоны, вырисовываются географическія «провинціи»; къ нимъ приспособляются виды, дробясь на подвиды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ современности, хронологическія грани эпохъ становятся все болѣе и болѣе короткими: жизнь спѣшитъ впередъ, совершенствуясь въ формахъ; темпъ развитія ускоряется съ поразительной быстротой.

Но пора подставить подъ эту общую характеристику принятыя наукой имена и названія. Два послѣдніе геологическіе періода, ближе насъ касающіеся, носятъ названія «третичнаго» и «четвертичнаго». Хронологическіе предѣлы перваго опредѣляются — конечно, гипотетически и спорно — громаднымъ промежуткомъ вре-

мени отъ 50 милліоновъ лѣтъ до 800.000 лѣтъ. Второй періодъ — четвертичный — кончается нашимъ временемъ. Оба вмѣстѣ, въ отличіе отъ болѣе раннихъ эпохъ, характеризуемыхъ какъ «древнеживотная» (палеозойская) и «среднеживотная» (мезозойская) эпохи, составляютъ «ново» или «недавно» «животную» (кено-, кайно- или цепозойскую — смотря по произношенію греческихъ буквъ) эпоху. Втеченіе третичной эпохи исчезаютъ старыя, непривычныя нашему глазу формы животнаго міра и появляются болѣе или менѣе близкія къ современнымъ — тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ ближе къ «четвертичной» эпохѣ. Въ этомъ отношеніи уже Лайелль раздѣлилъ третичную эпоху на три отдѣла: эоценъ (ранне-новая), міоценъ (меньше-новая) и пліоценъ (полно-новая) эпоха (1832). Бейрихъ (1854) вставилъ послѣ эоцена четвертый періодъ «олигоцена» (мало-новая), а Хернесъ раздѣлилъ всѣ четыре періода на двѣ половины: «палеогенъ» (древній по происхожденію) и «неогенъ» (новый по происхожденію). Невозможно, конечно, отмѣчать здѣсь всѣ происшедшія на протяженіи этихъ дѣленій перемѣны. Въ общемъ можно лишь отмѣтить для нашей цѣли, что суша сѣвернаго полушарія постепенно выигрываетъ за счетъ моря, вырисовываются теперешнія очертанія континентовъ. Но Средиземное море все еще соединяетъ Атлантическій океанъ съ Индійскимъ, покрывая значительную часть южной Европы; въ сѣверной Европѣ также тянется узкая морская полоса. Остаются свободными значительныя части Испаніи и Франціи и длинный клинъ между германской равниной, покрытой моремъ, и горными возвышенностями южной Германіи, Карпатами, Крымомъ и Кавказомъ. Отмѣтимъ теперь же конфигурацію этого свободнаго пространства, т. к. тутъ, очевидно, должна была развиваться и однородная древнѣйшая жизнь Европы. Обратимъ вниманіе также и на то, что сѣверо-германское море, расширяясь на пространствѣ сѣверной Россіи, поворачивало по обѣ стороны Урала на сѣверъ, совершенно отдѣляя Скандинавію и сѣверную Россію отъ средней Азіи и Восточной Сибири. Отмѣтимъ далѣе, что во вторую половину третичнаго періода — въ періодъ верхняго міоцена и пліоцена — Средиземное море сократилось въ размѣрѣ, и установилась сухопутная связь Африки, съ одной стороны, съ Испаніей и Франціей, а съ другой, съ передней Азіей. Такимъ образомъ, африканскія формы растительнаго и животнаго міра могли обмѣняться мѣстами съ формами Европы и южной Азіи. Нужно, наконецъ, принять во вниманіе, что климатъ въ третичную эпоху былъ въ Европѣ тропическій. Въ эпоху міоцена въ центральной Европѣ расли пальмы, магноліи, мирты и другія вѣчно-зеленыя деревья, жили носороги и обезьяны. Но уже

въ пліоценѣ послѣдовало нѣкоторое охлажденіе, и пальмы почти исчезли. Спорнымъ остается вопросъ, появился-ли уже человѣкъ на землѣ въ это раннее время. Дѣлались попытки заключить о его существованіи по необработаннымъ осколкамъ кремня, имѣющимъ видъ каменныхъ орудій, и, какъ казалось ученымъ, носящимъ слѣды употребленія ихъ человѣкомъ («эолиты»). Важнѣе то соображеніе, что появленіе особаго *вида* homo, уже раздѣлившагося на подвиды (расы), требовало очень большаго промежутка времени.

За то уже совершенно безспорно существованіе человѣка въ слѣдующемъ «четвертичномъ» періодѣ. Переходъ къ нему отъ третичнаго такъ постепенекъ, что часто называютъ «четвертичную» эпоху «плейстоценомъ» (полнѣйше-новой), подчеркивая этимъ ея связь съ третичнымъ пліоценомъ. Начало четвертичнаго періода связано съ концомъ третичнаго уже тѣмъ, что при постепенномъ охлажденіи климата тутъ еще сохраняются остатки тепла. Въ дальнѣйшемъ наступаетъ значительное пониженіе температуры, которое сопровождается сильнымъ сниженіемъ снѣговой линіи во всѣхъ горныхъ мѣстностяхъ и распространеніемъ льда на широкія пространства суши. Этотъ т. наз. «ледниковый періодъ» занимаетъ большую часть четвертичной эпохи и является наиболѣе характернымъ для нея явленіемъ. Для обозначенія его употребляется терминъ «дилювій», сохранившійся отъ того времени, когда еще вѣрили въ библейское преданіе о всемірномъ потопѣ. Къ концу четвертичнаго періода климатъ становится болѣе теплымъ и ледники таютъ, возвращаясь въ свои тѣсные предѣлы горныхъ глетчеровъ. Такъ какъ таяніе сопровождается большими наносами земли, то этотъ наиболѣе короткій промежутокъ, приводящій насъ къ современности, носитъ названія «аллювія».

Однако, этимъ широкимъ дѣленіемъ на дилювій и аллювій классификація четвертичнаго періода не ограничивается. Мы имѣемъ рядъ попытокъ распредѣлить по болѣе дробнымъ отдѣламъ обширный — и все увеличивающійся при приближеніи къ современности — матеріалъ, который характеризуетъ эту послѣднюю доисторическую эпоху. По характеру мѣняющейся фауны Буль дѣлитъ ее на три эпохи: гиппопотама, мамонта и оленя. Очень сложны и противорѣчивы дѣленія самого ледниковаго періода — соотвѣтственно періодамъ наступленія и отступленія ледника — въ зависимости отъ колебаній климата. Въ наукѣ борятся два основные взгляда: Пенка, который насчитываетъ четыре періода обледенѣнія съ тремя междуледниковыми эпохами, и Буля, который сводитъ число ледниковыхъ періодовъ къ тремъ, съ двумя междуледниковыми періодами между ними (въ междуледниковые періоды климатъ временно

становится теплѣе). Намъ, однако, нѣтъ надобности останавливаться на этихъ подробностяхъ, не только потому, что въ послѣднее время вообще есть стремленіе въ наукѣ считать весь ледниковый періодъ единымъ цѣлымъ, а колебанія — мѣстными явленіями, но также и потому, что по отношенію къ восточной Европѣ, насъ наиболѣе интересующей, намъ придется считаться главнымъ образомъ съ послѣднимъ періодомъ обледенѣнія и съ послѣдующимъ періодомъ таянія ледника.

Гораздо важнѣе для нашей цѣли дѣленіе четвертичной эпохи по характеру остатковъ, свидѣтельствующихъ о началѣ человѣческой культуры, т.-е., главнымъ образомъ, по типу сохранившихся отъ тѣхъ временъ каменныхъ орудій. Съ этой точки зрѣнія давно уже было принято дѣленіе всей эпохи на «палеолитическую» («древнекаменную») и неолитическую («новокаменную»). Но при дальнѣйшемъ изученіи и тутъ явилась необходимость раздѣлить наиболѣе длительный палеолитическій періодъ въ свою очередь на двѣ части: старшій и младшій палеолитъ. Къ первому были отнесены три древнѣйшія эпохи, носящія названія, данныя французскими археологами по мѣсту главныхъ находокъ: эпоха Шелль, Сентъ-Ашель и Мустье. Ко второму — младшему палеолиту — отнесены три слѣдующіе періода, тоже означаемые французскими названіями: эпоха Орильяка (Aurignac), Солютре и Мадленъ. Потомъ оказалось, что, во-первыхъ, имѣются еще болѣе древнія эпохи, чѣмъ эпоха Шелль, а, во-вторыхъ, переломъ между тремя первыми эпохами и тремя вторыми гораздо глубже, нежели между этими послѣдними и эпохой неолита. Между младшимъ палеолитомъ и неолитомъ было отмѣчено еще нѣсколько промежуточныхъ переходовъ. Все это заставило пересмотрѣть французскую классификацію, — тѣмъ болѣе, что, построенная на находкахъ на территоріи Франціи, она все съ большимъ трудомъ прилагалась къ находкамъ въ другихъ мѣстностяхъ Европы, не говоря уже о находкахъ на другихъ континентахъ. Изъ различныхъ попытокъ удовлетворить новому состоянію знаній остановлюсь только на новой терминологіи Менгина, которая, какъ кажется, имѣетъ шансы удержаться въ наукѣ. Старшій палеолитъ онъ назвалъ «протолитомъ» (первокаменнымъ періодомъ); для младшаго палеолита особенно для насъ интереснаго, онъ предложилъ, вмѣсто термина «мезолитъ» (среднекаменный), употреблявшагося нѣкоторыми, терминъ «міолитъ» (малокаменный). Неолитическія культуры онъ раздѣлилъ на «протонеолитическіе» и «миксонеолитическіе» (смѣшанно-неолитическіе).

Хронологія четвертичнаго періода опредѣлялась учеными различно. Его продолжительность колеблется въ этихъ опредѣленіяхъ

отъ 500.000 до милліона лѣтъ. Остановимся на низшей изъ этихъ цифръ и приведемъ подраздѣленіе всего періода на главные отдѣлы, сводя цифры Soergel'я къ принятой выше терминологіи Менгина. Мы получимъ такимъ образомъ:

1. Доледниковая часть четвертичнаго періода и начало ледника (начало культуры не установлено)	592.000 — 429.000
2. Протолитъ (дошелльская, шелльская, ашельская и мустьерская культура)	429.000 — 140.000
3. Міолитъ (верхній Мустье, Ориньякъ, Солютре, Мадленъ)	140.000 — 21.000

Въ этомъ послѣднемъ періодѣ происходитъ таяніе ледника и появляются тѣ новыя возможности для заселенія Европы, которыя насъ особенно интересуютъ (см. ниже). Приведемъ подраздѣленіе конца міолита на отдѣлы; цифры здѣсь менѣе гадательны, и ученые менѣе расходятся другъ съ другомъ. Такъ Рихарцъ (1919) опредѣлялъ періодъ со времени таянія ледника до нашего времени въ 16-17.000 лѣтъ; А. Пенкъ (1921) принялъ цифру 20.000; Менцель (1914) — 23.000; Вертъ (1920) — 25.000; Обермайеръ въ новѣйшей своей работѣ (1931) — 25.000-30.000. При этомъ, по Обермайеру, приходится на долю отдѣловъ поздняго міолита (до Р. Х.) въ круглыхъ цифрахъ:

Ориньякъ	25.000 — 20.000
Солютре	20.000 — 15.000
Мадленъ	15.000 — 10.000
Неолитическій періодъ	5.000 — 2.000

Къ болѣе детальной, и на этотъ разъ уже гораздо болѣе достовѣрной, хронологіи неолитическаго періода мы еще вернемся.

Слѣдуя нашему порядку изложенія, мы, прежде чѣмъ перейти къ развитію человѣческой культуры въ предѣлахъ четвертичной эпохи, остановимся прежде всего на климатѣ, флорѣ и фаунѣ этой эпохи на пространствѣ западной, средней и восточной Европы. Самый фактъ широкаго распространенія ледниковъ уже говоритъ о томъ, что европейскій климатъ этой эпохи, постепенно охладѣвая, дошелъ, наконецъ, до полнаго тожества съ климатомъ арктическихъ странъ. Какъ могло произойти столь значительное измѣненіе климата, остается до сихъ поръ невыясненнымъ. Можно считать окончательно отвергнутыми гипотезы объ уменьшеніи излученія солнца (Дюбуа) или охлажденіи земли, какъ причинахъ обледенѣнія. Кажется, остав-

лены теперь и гипотезы, основанныя на идѣѣ возвращающихся климатическихъ цикловъ, опредѣляющихъ періодическое повтореніе обледенѣнія на землѣ. Частичное значеніе признается за гипотезой объ измѣненіи количества углекислоты въ воздухѣ въ связи съ усиленной дѣятельностью вулкановъ (Арреніусъ-Фрехъ), а также гипотезой о вліяніи измѣненія эксцентрицитета земной орбиты и склоненія земной оси. Болѣе распространеннымъ въ послѣднее время явилось предположеніе, что вліяли измѣнившіяся пропорціи суши и воды въ разные періоды, сопровождавшіяся соотвѣтственными измѣненіями воздушныхъ и морскихъ теченій, и особенно теорія смѣщенія полюса при сохраненіи неподвижнымъ положенія земной оси. Твердая оболочка земли, по этой теоріи, плаваетъ въ вязкомъ веществѣ ея ядра («магма») и подъ вліяніемъ различныхъ причинъ по временамъ сползаетъ въ сторону отъ астрономическаго положенія полюсовъ, причемъ циркумполярныя мѣстности могутъ очутиться на нѣсколько градусовъ южнѣе своего теперешняго положенія. При всѣхъ этихъ объясненіяхъ замѣтна тенденція доказать, что вообще крупныхъ измѣненій климата не было — и что во всякомъ случаѣ они не могли быть повсемѣстными (Эккардтъ).

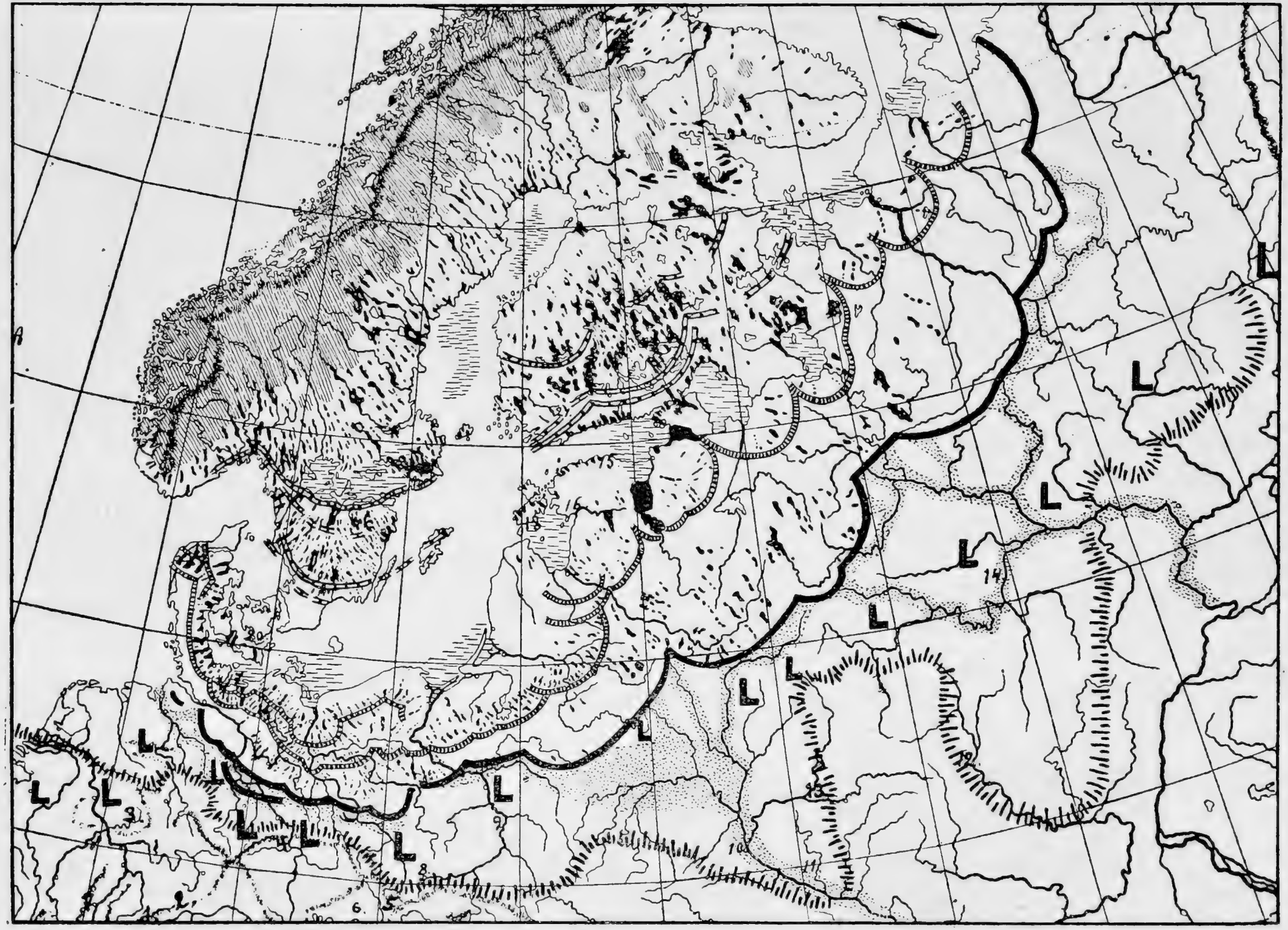
Эти послѣдніе научные выводы возвращаютъ насъ къ нашимъ наблюденіямъ надъ мѣсторазвитіями различныхъ культуръ. Разнообразіе этихъ мѣсторазвитій на широкомъ пространствѣ Россіи облегчитъ намъ возможность найти среди временныхъ и мѣстныхъ измѣненій западно-европейскаго климата черты сходства съ тѣмъ или другимъ русскимъ мѣсторазвитіемъ — и связать такимъ образомъ европейское прошлое съ русскимъ настоящимъ генетическими связями.

Напомнимъ для этого, прежде всего, конфигурацію европейскаго материка въ періодъ появленія человѣка. Мы уже отмѣтили нѣкоторыя особенности очертаній европейской суши къ концу третичнаго періода. Отмѣченныя особенности перешли оттуда и въ четвертичный періодъ. Въ основѣ ихъ лежитъ продолжающееся отступленіе водныхъ пространствъ, окружающихъ европейскій материкъ и расширеніе суши за счетъ моря. Скандинавія тогда соединялась черезъ Исландію съ Сѣверной Америкой, и гольфстремъ не могъ согрѣвать берега Норвегіи и Ледовитаго океана. Между Англіей и материкомъ существовало сухопутное сообщеніе. Такое-же сообщеніе сохранилось отъ конца третичнаго періода между Испаніей и Африкой съ одной стороны и Малой Азіей и Балканами съ другой. Средиземное и Черное море были, такимъ образомъ, внутренними озерами, еще не соединявшимися другъ съ другомъ Дарданельскимъ прорывомъ. Но Черное море соединялось съ Арало-Каспійскимъ, от-

дѣляя Кавказъ отъ южной Россіи. Рукавъ этого моря тянулся далеко на сѣверъ къ Уралу, оставляя сухопутный проходъ въ Сибирь только въ области Камы и ея притоковъ. Балтійское море соединялось черезъ теперешнія озера съ Бѣлымъ. Трудно утверждать, памятуя десятки тысячъ лѣтъ, къ которымъ относится эта картина, чтобы всѣ ея черты были вполнѣ синхроничны. Но здѣсь отмѣчены тѣ особенности, которыя намъ понадобятся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Замѣтимъ еще, что протяженіе суши европейскаго материка на западъ дѣлало климатъ срединныхъ частей Европы болѣе континентальнымъ.

Доминирующей чертой періода, называемаго «ледниковымъ», было, конечно, огромное распространеніе по Европѣ ледоваго покрова. Центрами этого распространенія были всѣ глетчеры сложившагося уже къ тому времени горнаго рельефа Европы. Но господствующую роль игралъ скандинавскій ледникъ, высылавшій вѣерообразно свои ледяныя поля на равнинныя пространства срединной и восточной Европы. На пространствѣ Германіи эти поля встрѣчали, правда, препятствіе въ цѣпи среднегерманскихъ горныхъ возвышенностей. Они наползали на эти возвышенности, поднимаясь до нѣсколькихъ сотъ метровъ, но этимъ и исчерпывалась ихъ поступательная сила. Напротивъ, на русской равнинѣ ледникъ встрѣтилъ сопротивленіе рельефа только на невысокомъ водораздѣлѣ между Днѣпромъ и Дономъ и спустился по долинамъ этихъ рѣкъ на югъ до устьевъ Псла и Хопра (см. карту № 16). Это наступленіе ледника объединило ландшафтъ срединной и восточной Европы какъ разъ по тѣмъ линіямъ, по которымъ мы слѣдили за продолженіемъ Европы въ Россіи (см. выше стр. 39, 43, 45, 46, 47, 51, 58, 60, 62, 64, 68. Читатель хорошо сдѣлаетъ, если по этимъ ссылкамъ освѣжитъ въ памяти всѣ черты русскаго мѣсторазвитія, сближающія Россію съ Европой).

Указанную связь Россіи съ срединной Европой можно прослѣдить не только въ общемъ, но и въ частностяхъ, по отдѣльнымъ мѣсторазвитіямъ. На приложенной здѣсь картѣ Верта нанесены, кромѣ отмѣченной уже линіи наибольшаго распространенія ледника, еще три линіи, характеризующія его постепенное отступленіе и временныя остановки на такъ называемыхъ «конечныхъ моренахъ». Первая такая морена — или полоса холмовъ, образованныхъ отложеніями ледника — черная, вторая — зарисованная частыми штрихами, и третья — въ Финляндіи и южной Швеціи, — зарисованная, отчасти по догадкамъ германскаго ученаго. Болѣе точное ихъ направленіе видно на картѣ, составленной по Танфильеву (№17). Первая линія здѣсь соотвѣтствуетъ Смоленско-Московской грядѣ (№ 2)

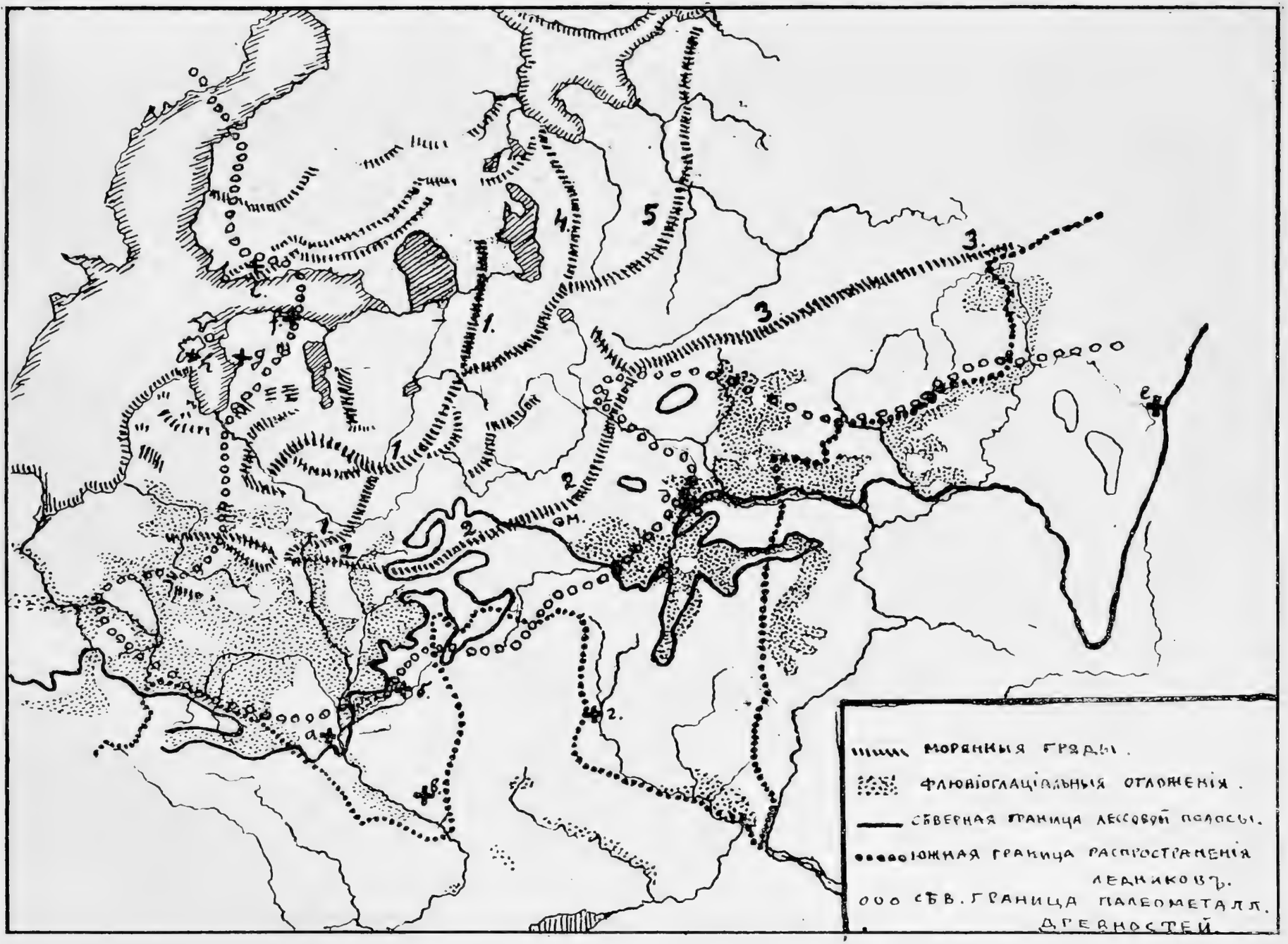

L
L
L

съ продолженіемъ ея въ Сѣверныхъ увалахъ (№ 3). Вторая линія есть линія Валдайской грады (№ 1) съ продолженіемъ, проектированнымъ Рамзаемъ (№ 5). Третья линія нанесена мною по Верту. Промежутокъ между линіей крайняго распространенія ледника и первой конечной мореной покрытъ у Верта знаками L, означающими полосу образованія лесса. У Танфильева лессовая полоса кончается нѣсколько южнѣе, и флювіоглаціальныя отложенія тянутся на сѣверъ отъ этой извилистой линіи. Это не мѣшаетъ, однако, сопоставить первую, освободившуюся отъ льда полосу съ мѣсторазвитіемъ лѣсо-степи и смѣшанныхъ лѣсовъ и съ соотвѣтственной зоной деградированнаго и обыкновеннаго чернозема. Мы увидимъ, что надвиженіе лѣса на степь въ сѣверной части этой полосы есть явленіе позднѣйшее. Такимъ образомъ, первоначальная климатическая и почвенная однородность ея совершенно безспорна, и временная остановка таянія ледника на этой климатической границѣ вовсе не является случайной.

Иначе стоитъ дѣло съ полосой между первой и второй конечными моренами. Здѣсь мы вступаемъ въ область подзола и хвойныхъ лѣсовъ. Слѣды ледниковаго ландшафта здѣсь гораздо свѣжѣе, что и соотвѣтствуетъ болѣе позднему осушенію этой полосы. «Странствующіе» валуны, типичной формы холмы, мелкіе озера, расположенные въ направленіи радіусовъ скандинавскаго ледника—все это живо напоминаетъ о дилювіальномъ прошломъ этой мѣстности. Флювіоглаціальныхъ отложеній изъ-подъ ледника и образованій лесса здѣсь уже не имѣется: эти аллювіальныя наслоенія не успѣли тутъ образоваться.

Еще ярче выступаютъ слѣды дѣйствія ледника въ промежуткѣ между второй и третьей конечными моренами. Геологи отмѣчаютъ, что и Ладожское, и Онѣжское озеро, и Рижскій, Финскій, и Бѣломорскіе заливы — всѣ построены по типу ложбинъ, вырытыхъ льдомъ, и образовавшихся въ твердыхъ каменныхъ породахъ расщелинъ, расположенныхъ перпендикулярно къ скандинавскому центру ледника, соотвѣтственно направленію отступающаго льда. Таково и происхожденіе шхеръ и фіордовъ; таково же происхожденіе швейцарскихъ озеръ на территоріи распространенія альпійскаго ледника. Сѣверо-западъ Россіи, такимъ образомъ, составляетъ непосредственное продолженіе финляндскаго и южно-шведскаго мѣсторазвитія. Вотъ уже третье мѣсторазвитіе, оказывающееся у Россіи общимъ съ западной Европой въ самомъ своемъ происхожденіи.

Наличность ледника и его продолжительное существованіе вноситъ важное упрощеніе, значеніе котораго выяснится въ дальнѣйшемъ. И флора, и фауна, и человѣкъ, очевидно, могли заселить



№ 17. Наступленіе и отступленіе ледника (по Танфильеву).

эти мѣстности лишь послѣ ихъ освобожденія отъ льда; слѣдовательно, мы будемъ присутствовать тутъ при первомъ заселеніи необитаемыхъ дотолѣ мѣстностей растительнымъ, животнымъ міромъ и людскими поселеніями.

Однако же, мѣстностями, которыя ледъ сдѣлалъ необитаемыми, не ограничивается территорія Европы. Мы знаемъ, что уже изъ третичнаго періода перешли въ четвертичный части суши, не покрытыя ни моремъ, ни ледникомъ. Именно здѣсь должна была развиться древнѣйшая жизнь и быть заложены основы человѣческой культуры. Не надо при этомъ забывать, что ,если исторія таянія ледника укладывается въ десятокъ съ небольшимъ тысячелѣтій, то исторія доледниковаго періода и протолита измѣряется сотнями тысячелѣтій (см. выше, стр. 104). Сюда относятся три протолитическіе періода (шелльскій, с. ашелльскій и мустьерскій), и до нихъ не менѣе длительный дошелльскій. Здѣсь доживали остатки третичной флоры и фауны: въ частности, древнѣйшій видъ слона (elephas antiquus, въ противоположность преобладавшему позднѣе мамонту elephas primigenius), древнѣйшій носорогъ (rhinoceros Merckii, въ противоположность позднѣйшему rhinoceros tychorrinus), гиппопотамъ. Здѣсь же должны были появиться и древнѣйшіе виды человѣка. Къ сожалѣнію, человѣческихъ остатковъ отъ этой древнѣйшей поры мы не имѣемъ; когда они появляются, мы уже сразу имѣемъ дѣло съ нѣсколькими расами, что само по себѣ, при предположеніи единаго, а не множественнаго происхожденія человѣка, предполагаетъ долгое предварительное развитіе. Не имѣемъ мы, вѣроятно, и произведеній древнѣйшей человѣческой индустріи, если не считать подозрительныхъ «эолитовъ», и принять въ разсчетъ, что эта индустрія могла быть не каменная, а деревянная. Первыя каменныя орудія, намъ извѣстныя изъ дошелльскаго періода, носятъ совершенно иной характеръ, чѣмъ культура Шелля. Они относятся къ типу «клинковыхъ» орудій (Klingenkultur), а не «топоровыхъ» (Faustbeil — ручной топоръ). Важно отмѣтить территорію ихъ распространенія. Она какъ разъ соотвѣтствуетъ западной части древнѣйшей европейской суши: южной Англіи, всей Франціи на западъ отъ Роны, южнымъ полуостровамъ — Испаніи, Италіи, Балканамъ. Но ея слѣды идутъ черезъ сухіе перешейки — въ сѣверную Африку и переднюю Азію, а оттуда въ Австралію и Тасманію. Это напоминаетъ намъ доживающіе на послѣднихъ окраинахъ міра племена пигмеевъ-негритосовъ. И хотя связующія звенья еще не найдены на территоріи Африки, археологи въ послѣднее время стали подчеркивать роль пигмеевъ въ исторіи древнѣйшаго заселенія Европы. Но и помимо этого эле-

мента, африканское происхожденіе древнѣйшаго человѣка въ Европѣ болѣе чѣмъ вѣроятно.*) Мы знаемъ, однако же, лишь ближайшихъ наслѣдниковъ этихъ протоевропейцевъ. Отъ эпохи протолита сохранились нѣсколько частей человѣческихъ череповъ и скелетовъ. Почти всѣ они объединяются антропологами въ одну «неандертальскую расу». Отличительной чертой этой расы является ея полузвѣриный характеръ. Черепъ этой расы длинный и низкій, вмѣщающій меньше мозга, чѣмъ черепа современныхъ дикарей. Покатость лба еще болѣе оттѣняется выдающимися надбровными дугами. Подбородокъ уходитъ взадъ, что мѣшаетъ развитію членораздѣльной рѣчи. Кости лица выдвинуты впередъ, какъ звѣриная морда. Огромныя. круглыя орбиты и широкая впадина для носа довершаютъ впечатлѣніе бестіальности. Сочлененія ногъ такъ устроены, что неандертальскій человѣкъ не могъ ходить выпрямившись; его колѣни были всегда согнуты. Всѣ кости — массивны и грубы. Теплый климатъ дошелльскаго періода давалъ возможность жить на открытыхъ мѣстахъ, но съ охлажденіемъ температуры у неандертальцевъ проявляется склонность искать убѣжища въ пещерахъ — обычно на крутыхъ берегахъ рѣкъ, гдѣ они занимались рыболовствомъ. Охота на крупныхъ звѣрей уже тогда требовала соединенія въ небольшія группы. О своихъ покойникахъ неандертальцы, повидимому, не проявляли большой заботы.

Чрезвычайно поучительно — прослѣдить географическое распространеніе первоначальныхъ протолитическихъ культуръ. Археологи согласны въ томъ, что въ своемъ древнѣйшемъ видѣ (дошелльскій періодъ и шелль) эти культуры не выходятъ за предѣлы пояса, охватывающаго Англію (на югъ отъ Темзы), Францію, Бельгію, Испанію, Италію, — а внѣ Европы — сѣверную Африку, Сирію, сѣверную Аравію и Месопотамію. Но уже ашелльская культура Европы выливается за эти предѣлы на востокъ, — въ ту свободную отъ льда полосу между скандинавскимъ и альпійскимъ ледниками, которую мы отмѣчали выше, — переходя въ то же время изъ открытыхъ мѣстъ въ пещеры. Слѣды этого періода, правда, довольно отрывочные и скудные, разсѣяны по всей гористой линіи южной Германіи, переходя изъ Шварцвальда, Рудныхъ и Исполиновыхъ горъ въ возвышенности Богемскаго лѣса, Татръ и Карпатовъ. Отсюда они могли распространиться въ горныя части Крыма и Кавказа, изолированныя отъ южной Россіи, покрытой въ то время черноморской и каспійской трансгрессіями. Не касаемся здѣсь другого сухого пути распространенія протолити-

*) См. ниже, стр. 136. Серджи отрицаетъ звѣриныя черты.

ческой культуры — на югъ отъ Альпъ (гротъ Ментоны, Крапина въ Хорватіи). Но одно ясно: по мѣрѣ продвиженія на сѣверо-востокъ, культуры сравнительно запаздываютъ, принимаютъ поэтому свой особый, мѣстный оттѣнокъ, раннія стадіи смѣшиваются съ нагоняющими ихъ позднѣйшими и т. д. Картина становится еще болѣе сложной, когда мы доходимъ до мустьерскаго періода. Но именно къ этому періоду относится большинство находокъ человѣческихъ костей, объединяющихъ населенія этой эпохи въ одну и ту же расу, — происходятъ ли эти находки изъ Гибралтара (Forbes Quarry), Дордоньи и Коррезъ (Le Moustier, La Chapelle aux Saints), Джерсея (St. Brelade Bay), Бельгіи (Spy), Саксенъ-Веймара (Taubach), Хорватіи (Крапина) или рейнской провинціи (Neandertal). По мѣсту послѣдней находки вся раса получила названіе неандертальской. Большую сенсацію произвела находка въ Родезіи (Brocken Hill) черепа, въ которомъ всѣ звѣриныя черты неандертальскаго типа являются еще болѣе подчеркнутыми — и въ которомъ, независимо отъ спора о степени его древности, одни видятъ предшественника европейскаго неандертальца, а другіе — вторую параллельную вѣтвь, исходящую отъ древнѣйшаго, общаго обѣимъ вѣтвямъ человѣческаго предка, palaeanthropus Серджи. Отъ него произошли, по его мнѣнію, и неандертальцы и типъ Родезіи; для послѣдняго Серджи употребляетъ особый, вводимый имъ терминъ: «лофоцефалъ», въ противоположность «платицефалам» неандертальскаго типа (ср. ниже, стр. 132 и слѣд. и рисунокъ № 20, на стр. 137).

Все сказанное выше о европейскомъ протолитѣ имѣетъ для насъ то значеніе, что выясняетъ перспективу, въ которой мы должны разсматривать слѣдующій, міолитическій (соотвѣтствующій «доneолитическому» или «мезолитическому» по иной терминологіи) періодъ. Изслѣдователи неохотно допускаютъ рѣзкіе перерывы между различными доисторическими эпохами и скорѣе склонны искать непрерывной связи между ними. Но въ данномъ случаѣ, кажется, всѣ серьезные археологи согласны, что дѣло идетъ именно о такомъ hiatus — о разрывѣ, настолько глубокомъ, что приходится предположить полное исчезновеніе всего предыдущаго и появленіе совершенно новыхъ климатическихъ, фито- и зоогеографическихъ и этническихъ элементовъ въ европейскомъ мѣсторазвитіи. Въ сущности, исчезновеніе неандертальской расы не такъ уже невѣроятно, если вспомнимъ, что на низшихъ ступеняхъ звѣроловческаго и рыболовческаго быта плотность населенія Европы — даже западной — должна была быть минимальной, а появленіе новой, высшей по физическому и духовному строю расы должно было поставить не-

многія скопленія неандертальцевъ на холмистыхъ террассахъ рѣкъ въ положеніе невыгодной конкурренціи. Эта новая раса — или, точнѣе, двѣ расы уже совершенно освобождены отъ звѣроподобныхъ чертъ неандертальцевъ. Это видъ homo sapiens, могущій считаться родоначальникомъ современныхъ расъ. По мѣстамъ находокъ первая изъ этихъ расъ называется «Кро-Маньонской», вторая — расой Laugerie-Chanceladе. Обѣ расы — длинноголовыя, у обѣихъ — выдающійся подбородокъ. Но у первой строеніе лица широкое и короткое, у второй — широкое и длинное. Кроманьонцы обладаютъ чрезвычайно высокимъ ростомъ (1,79-1,94 м.); напротивъ, раса Шанселадъ низкорослая (1,50-1,59 м.). У первыхъ нижняя часть лица еще выдается впередъ; у второй расы нѣтъ никакого прогнатизма. Сохраняя сильную структуру костей и мускуловъ, необходимую для борьбы за существованіе, обѣ расы — и особенно раса Шанселадъ, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ — отличаются гораздо большей вмѣстимостью мозга, свидѣтельствующей о громадномъ шагѣ впередъ ихъ интеллектуальнаго развитія, сравнительно съ неандертальцами. Изслѣдователи уже привели въ связь это высшее развитіе интеллекта съ необходимостью употреблять гораздо большія усилія въ борьбѣ за жизнь въ менѣе благопріятномъ климатѣ, который въ эпоху міолита становится холоднымъ и доходитъ до арктическаго. Міолитическій періодъ совпадаетъ съ наибольшимъ развитіемъ ледника и началомъ его таянія. Естественно, что въ такую эпоху вся флора и фауна приспособляются къ климату.

Рѣзкій переломъ въ составѣ населенія сказывается, конечно, и на измѣненіи содержанія археологическихъ остатковъ. Появленіе новыхъ расъ соотвѣтствуетъ тремъ археологическимъ эпохамъ міолита: ориньякской, солютре и мадленъ. Наиболѣе характерной отличительной чертой этихъ эпохъ является появленіе, наряду съ кремнемъ, новаго матеріала орудій — кости. Костяныя издѣлія производятся изъ костей мамонта и оленя. Ростъ интеллекта проявляется въ томъ, что на этихъ издѣліяхъ встрѣчаемъ реалистическія изображенія животныхъ; такія же изображенія, притомъ въ краскахъ и высокаго художественнаго достоинства, сохранились отъ позднѣйшей части этой эпохи въ пещерахъ южной Франціи и сѣверной Испаніи. *) Развитіе религіозныхъ представленій характеризуется появленіемъ болѣе или менѣе стилизованныхъ статуэтокъ,

*) Недавно подобныя изображенія найдены и въ Палестинѣ (пещера Умъ-Катафа въ пустынѣ Іудейской). Съ этимъ слѣдуетъ сопоставить «лофоцефальный» черепъ, найденный въ пещерѣ около Тиверіадскаго озера (см. анализъ у Серджи).

изображающихъ женскую фигуру и имѣющихъ несомнѣнный ритуальный характеръ. Въ частности, культъ мертвыхъ засвидѣтельствованъ большей заботливостью, чѣмъ прежде, о сохраненіи ихъ останковъ. Замѣчается прогрессъ и въ устройствѣ жилища, хотя основныя черты быта остаются прежними: охота и рыбная ловля. Употребленіе огня извѣстно уже и въ предыдущій періодъ. Но гончарное искусство, приручение домашнихъ животныхъ и земледѣліе остаются пока еще неизвѣстными.

Съ этими данными мы можемъ вернуться теперь къ судьбѣ частей Европы, испытавшихъ на себѣ дѣйствіе ледниковъ. Мы видѣли, что важнѣйшимъ непосредственнымъ продуктомъ ледника и его таянія является образованіе аллювіальныхъ отложеній, характеризуемыхъ накопленіемъ лесса. На № 16 (стр. 107) полоса лессовыхъ образованій, тянущаяся между линіей крайняго распространенія ледника и первой конечной мореной, обозначено буквой L. Важно отмѣтить, что именно въ этой полосѣ и по сосѣдству съ нею мы встрѣчаемъ остатки арктической флоры и фауны, а вмѣстѣ съ ними культуру эпохи Ориньяка и двухъ послѣдующихъ эпохъ: Солютре и Мадленъ. Эти культуры — первыя, которыя, наконецъ, продвигаются изъ средней Европы въ восточную, свидѣтельствуя о первоначальномъ, сравнительно позднемъ, заселеніи территоріи Россіи именно людьми расы homo sapiens. Отмѣтимъ общее направленіе этой полосы лесса: она идетъ по извѣстной уже намъ зонѣ — съ юго-запада Россіи на сѣверо-востокъ къ средней Волгѣ, верховьямъ Камы и оттуда въ Сибирь.

Особенность этой полосы втеченіе ледниковаго, междуледниковаго и послѣледниковаго періода заключается въ смѣнѣ и сосуществованіи здѣсь флоры и фауны различныхъ мѣсторазвитій, соотвѣтственно замѣнѣ арктическаго климата болѣе теплымъ, а послѣдняго — снова болѣе холоднымъ. Развитіе ледника заставляетъ арктическія формы спускаться съ вертикальныхъ горныхъ зонъ въ долину, а изъ горизонтальныхъ зонъ — продвигаться съ сѣвера на югъ. Напротивъ подъемъ температуры въ промежутки отступленія ледника сопровождается появленіемъ флоры и фауны, любящей болѣе теплый климатъ. Въ первомъ случаѣ мы получаемъ растительность и животный міръ тундры, во второмъ случаѣ тундра уступаетъ мѣсто степи. То и другое предполагаетъ наличность болѣе сухого и холоднаго, т.-е. болѣе континентальнаго климата, чѣмъ современный климатъ срединной Европы. Для появленія между тундрой и степью третьей полосы — лѣсной растительности нужно больше тепла и влаги — или болѣе укрытыя мѣста — овраги, балки и т. д. Болѣе прочнымъ образомъ лѣсная полоса появляется поэтому толь-

ко уже послѣ окончательнаго стаянія ледника, — во времена, когда климатъ Европы становится болѣе влажнымъ — морскимъ (см. стр. 140). Въ предыдущее же время тундра и степь соприкасаются другъ съ другомъ.

Наличность открытыхъ пространствъ — тамъ, гдѣ впослѣдствіи появился лѣсъ, и образованіе на этихъ открытыхъ пространствахъ полосы плодороднаго лесса имѣютъ особо важное значеніе для свободнаго передвиженія и заселенія этой территоріи флорой, фауной и человѣкомъ. Если мѣста, гдѣ вовсе не было ледника, являются древнѣйшими территоріями заселенія, то мѣста, освободившіяся отъ ледника и покрытыя плодородной почвой, создаютъ мѣсторазвитіе для слѣдующей высшей степени культуры.

Территорія Россіи, несомнѣнно, не составляла въ этомъ отношеніи исключенія. Наши почвовѣды согласно утверждаютъ, что въ настоящее время растительныя зоны Россіи смѣщаются съ сѣвера на югъ: тундра постепенно надвигается на лѣсъ, заболачивая почву, а лѣсъ надвигается на степь, выщелачивая подпочву чернозема. Въ доисторическій періодъ смѣщеніе происходило въ обратномъ направленіи. Сухость климата мѣшала выщелачиванію почвы и содѣйствовала развитію травянистой растительности въ ущербъ древесной. Сюда относилась вся территорія лесса, залегавшая почти цѣликомъ на валунныхъ и флювіогляціальныхъ отложеніяхъ. «Тогда, замѣчаетъ Бушъ, сайга, тушканчики и степные суслики проникли въ Германію, а степныя растенія въ Швейцарію». Глинка также объясняетъ возникновеніе темноцвѣтныхъ почвъ подзолистой зоны (т.-е. верхняго и средняго Поволжья) степнымъ ледниковымъ климатомъ. «Послѣ того», говоритъ онъ, «какъ воды отступавшаго ледника сложили здѣсь свою муть, которая образовала лессовидный суглинокъ, мѣстность заселились частью луговой, частью болотной растительностью. Позже, послѣ высыханія мѣстности, подъ вліяніемъ дренажа оврагами, на луговыя пространства, сформировавшія уже мощные темноцвѣтные подзолистыя почвы, надвинулся лѣсъ, который ихъ деградировалъ». До этого времени, слѣдовательно, луговая степь непосредственно граничила съ территоріей только-что освобождавшейся отъ ледника и еще не обсохшей. Болота и озера этой территоріи представляли характеръ тундры. Но къ этому сѣверному ландшафту мы еще вернемся. Для территоріи на югъ отъ центральнаго междурѣчья остается несомнѣннымъ, что здѣсь степь предшествовала появленію лѣса. Откуда пришла лѣсная растительность, отдѣлившая въ Россіи тундру отъ степи? Происхожденія этого смѣшаннаго или лиственнаго лѣса надо, очевидно, искать на юго-западѣ. Именно здѣсь и находитъ центры распространенія смѣшан-

ныхъ лѣсовъ Пачоскій. По его наблюденіямъ, «очагами заселенія лѣсомъ лѣсостепной подзоны, а возможно и современной подзоны смѣшанныхъ лѣсовъ Полѣсья и средней Россіи послужили» три района возвышенностей, непосредственно соприкасающіеся съ этой территоріей, а именно: 1) бессарабско-подольско-волынская возвышенность, 2) южная окраина среднерусской возвышенности и 3) Донецкій кряжъ. Здѣсь, въ наиболѣе защищенныхъ съ сѣвера мѣстахъ, уцѣлѣли породы дочетвертичнаго періода; они и послужили въ межледниковый и послѣледниковый періодъ центрами распространенія лиственныхъ лѣсовъ. А откуда эти реликтовые лѣса пришли на упомянутыя возвышенности? Пачоскій даетъ столь же опредѣленный отвѣтъ. «Большинство этихъ реликтовыхъ *) формъ относится къ среднеевропейскому (въ широкомъ смыслѣ) и отчасти къ южноевропейскому типу». То же подтверждаетъ и германскій спеціалистъ Хопсъ, изслѣдовавшій исторію лѣса въ среднеевропейскомъ и сѣверномъ ландшафтѣ (см. ниже).

Внѣ вліянія ледника находилась приволжская возвышенность и Уралъ. По замѣчанію Буша, это и отразилось на рельефѣ, почвѣ и растительности Волжской лѣсостепи. «Татарскій кленъ и травы, какъ plantago maxima, свойственны главнымъ образомъ Волжской провинціи. Съ другой стороны, нѣкоторыя древесныя породы, напримѣръ, грабъ, растутъ въ южной лѣсостепи, и не встрѣчаются въ Волжской». Однако, Лавренко относитъ большинство реликтовыхъ формъ Волжской возвышенности тоже къ сѣверно- и южноевропейскимъ типамъ. Реликтовыя формы Урала онъ въ большинствѣ также относитъ къ «западно-евразійскому (въ его терминологіи это равняется европейскому) и отчасти средне-европейскому типу». И даже «большинство реликтныхъ формъ алтайскаго центра» Лавренко относитъ къ тому же «евразійскому и западно-евразійскому (или европейскому) типу».

Нетронутыми ледникомъ остаются также южныя и понтійскія степи. Но тутъ другимъ препятствіемъ для заселенія флорой, фауной и человѣкомъ древнѣйшихъ расъ являются либо дожди («плювіальный» періодъ, соотвѣтствующій ледниковому), либо морская трансгрессія. Послѣ высыханія понтійскаго бассейна обнажившіяся мѣстности должны были пройти рядъ превращеній, намъ уже извѣстныхъ (стр. 62, мнѣніе Дубянскаго). Всѣ изслѣдователи согласны, что эта часть русской территоріи принадлежитъ къ сравнительно позднимъ образованіямъ (Рупрехтъ, Коссовичъ, Пачоскій,

*) Слово «реликтовый» означаетъ «оставшійся» (отъ предшествовавшей эпохи).

Бушъ, Алехинъ). Здѣсь сперва появляется полынная степь на каштановыхъ почвахъ. Прикаспійскія и черноморскія степи еще не вышли изъ этой стадіи. Раньше освободилась изъ подъ морскихъ водъ и дальше пошла въ своемъ развитіи территорія ковыльныхъ степей (см. выше стр. 61). Это, вѣроятно, объясняетъ, почему припонтійскія степи не могли играть замѣтной роли въ древнѣйшемъ отдѣлѣ (міолитическомъ) доисторическаго періода. Слѣды древнѣйшаго пребыванія человѣка имѣются только на югъ отъ Черноморья — въ Крыму и на Кавказѣ, т.-е. мѣстностяхъ, совершенно отдѣленныхъ въ то время возвышенностями отъ остальной Россіи.

Совершенно иное приходится сказать о Сибири. Въ періодъ господства арктическаго климата она, повидимому, не отличалась отъ территоріи распространенія лесса и раздѣлила ея судьбу. На самомъ дѣлѣ, здѣсь мы встрѣчаемъ тотъ-же континентальный климатъ, съ сухостью и малочисленностью осадковъ, соединенными съ низкими температурами, который на западъ отъ Урала послужилъ климатическимъ условіемъ сожительства флоры и фауны тундры и степи. Эти условія выклиниванія лѣса и соприкосновенія «открытыхъ пространствъ» и до сихъ поръ существуютъ въ Забайкальѣ и на с.-в. по ту сторону Станового хребта (см. выше стр. 67). А. Я. Тугариновъ также указываетъ на континентальность климата, какъ на условіе, при которомъ «залегаютъ въ непосредственномъ контактѣ сухая степь и тундра». Онъ утверждаетъ и то, что при этомъ условіи, «тотъ ландшафтъ, который мы привыкли называть пустыннымъ, широкой полосой, соотвѣтственно теперешнему Забайкалью, въ с. в. направленіи, примѣрно параллельно Становому хребту и линіи Охотскаго побережья, распространялся сѣвернѣе, чѣмъ сейчасъ, на много градусовъ по широтѣ... И лишь измѣненіе климата въ сторону увлажненія видоизмѣнило пустынный ландшафтъ. Началось надвиганіе лѣсовъ, каковое вытѣснило животныхъ открытыхъ пространствъ, заставивъ однихъ спуститься къ югу, изолировавъ на крайнемъ сѣверѣ другихъ... Восточнѣе, ближе къ побережью Охотскаго моря и западнѣе водораздѣла Енисея этой комбинаціи нѣтъ, потому что сказывается вліяніе умѣряющей континентальность влажности» (см. выше стр. 45 и 64).

Мы теперь подготовлены къ тому, что на всемъ протяженіи полосы, покрытой, въ результатѣ таянія ледника, отложеніями лесса, мы найдемъ одни и тѣ же условія существованія человѣка. Напомню, что полоса эта тянется отъ сферы распространенія Ронскаго ледника черезъ швейцарскую Юру въ южную Германію, а оттуда двумя путями: по теченію Дунаю въ степныя равнины Нижней Австріи, Венгріи и Румыніи и другимъ путемъ — по средне-

германскимъ горамъ, Рудными горамъ и Судетамъ — по Чехіи и Моравіи, задѣвая Польшу, — на Карпаты. Оба пути приводятъ въ южную Россію — первый въ Черноморье, второй на Волынь. Но мы видѣли, что дальнѣйшій путь черезъ понтійскія степи закрытъ въ это древнѣйшее время песчаной пустыней на мѣстѣ едва обсохшаго морского дна. Второй путь изъ Волыни и Подоліи ведетъ по окраинамъ тающаго ледника на сѣверо-востокъ черезъ Волжскую провинцію на Уралъ или, — послѣ удаленія края ледника къ первой конечной моренѣ — къ Окѣ, Волгѣ между Нижнимъ Новгородомъ и Казанью и Камѣ съ Вяткой. Въ этомъ направленіи и надо ожидать распредѣленія археологическихъ находокъ ориньякской и послѣдующихъ за Ориньякомъ эпохъ. Замѣтимъ тутъ же, что эпоха Солютре съ ея усовершенствованными каменными орудіями остается достояніемъ средней и западной Европы, слабо отражаясь въ восточной. Въ этой послѣдней техника каменныхъ орудій падаетъ — уже потому, что костяная культура вытѣсняетъ каменную. Запаздываніе культурнаго процесса сказывается уже въ это время. Территорія Россіи сразу переходитъ отъ поздняго Ориньяка къ стадіи Маделенъ, — принимающей здѣсь тоже своеобразный мѣстный характеръ.

Одинаковый характеръ культуры въ указанной лессовой полосѣ сказывается ярче всего въ характерѣ фауны, сопровождающей человѣка Ориньякской эпохи. «Ведущимъ» ископаемымъ является здѣсь мамонтъ (elephas primigenius), замѣняющій своего предшественника, elephas antiquus. Какъ извѣстно, арктическая обстановка сибирскихъ льдовъ сохранила намъ въ полной неприкосновенности не только скелетъ, но и мясо этого ископаемаго вида. Приспособляясь къ климату, его кожа была покрыта густой шерстью. На зубахъ его находили остатки непережеванныхъ сѣверныхъ растеній. Экспедиція К. Волосовича (1901, 1908, 1909) на Новосибирскіе острова въ далекой Якутіи дала возможность установить слѣдующую стратиграфическую картину послѣдовательной смѣны флоръ и фаунъ на этой крайней оконечности лессовой полосы.

«На третичныхъ отложеніяхъ залегаетъ толща валунно-щебневаго наноса небольшой мощности, подстилающая нижніе льды, отвѣчающіе наибольшему оледенѣнію сѣвера. Выше слѣдуютъ песчано-глинистыя отложенія съ остатками слабо развитой луговой и кустарниковой растительности, переходящіе въ лессовидныя глины (остатки прежнихъ грязевыхъ потоковъ) съ остатками ольхи (Alnus fruticosa) и березы (Betula alba), съ прослоями изъ спрессованныхъ травъ и костями и трупными остатками носорога и мамонта. Выше залегаетъ толща «верхнихъ» льдовъ, и надъ ними

глины и суглинки съ карликовой березой (Betula nana) и нѣсколькими видами ивъ. Изъ млекопитающихъ имѣется первобытный быкъ и господствуетъ лошадь. Вверху залегаютъ глины и суглинки съ остатками полярной ивы (Salix polaris), костями овцебыка и оленей». Какъ видимъ, здѣсь мы имѣемъ конечную морену на недотаявшемъ льду; надъ мореной отложенія лесса со степною растительностью, надъ которой начинаетъ расти лиственный лѣсъ и появляются послѣдніе ископаемые виды. Затѣмъ слѣдуетъ новое оледенѣніе, надъ которымъ — растительность тундры съ позднѣйшей фауной, переходящей въ современную. Такая стратиграфія свидѣтельствуетъ о наличности болѣе теплаго междуледниковаго періода, за которымъ слѣдуетъ ухудшеніе климата, переходящаго въ современный. Эта картина вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что происходило въ остальныхъ частяхъ лессовой полосы.

Повторяется здѣсь и другая характерная черта этой полосы, отмѣченная выше: соединеніе фауны, свойственной степи и тундрѣ. Сошлюсь въ этомъ отношеніи на наблюденія А. Я. Тугаринова. «Давно извѣстно», пишетъ онъ, «на крайнемъ сѣверѣ Якутіи и низовьяхъ Яны и на Новосибирскихъ островахъ нахожденіе костей и остатковъ животныхъ, нынѣ тамъ исчезнувшихъ. Къ числу такихъ животныхъ относятся: тигръ (tigris tigris), песецъ (въ тѣхъ же слояхъ — Alopex lagofagus), россомаха (gulo gulo), заяцъ (lepus timidus), быкъ наиболѣе близкій къ современному домашнему (bos taurus), бизонъ (bison priscus), овцебыкъ (ovibos moscatus) сайга (saiga tatarica), лось (alces sp.), сѣверный олень (rangifer tarandus), мараль (cervus canadensis), лошадь (equus sp.), и мамонтъ (elephas primigenius). Что означенный комплексъ видовъ, несмотря на пестроту его состава, включающій такихъ далекихъ нынѣ по ареаламъ обитанія животныхъ, какъ сайга и песецъ, лось и лошадь, не является случайнымъ, говорятъ условія находокъ и почти тотъ-же самый видовой составъ въ другихъ мѣстахъ Сибири, болѣе южныхъ. Такъ въ извѣстной Нижнеудинской пещерѣ были найдены остатки песца, россомахи, зайца, сайги, сѣвернаго оленя, лошади. Въ лессовидныхъ суглинкахъ окрестностей Красноярска, подвергшихся за послѣднее время детальному изученію, доказано синхроническое обитаніе крупной кошки (льва или тигра), песца, россомахи, сурка (marmota), зайца, домашняго быка, бизона, горнаго барана, аргали, горнаго козла (capra) сайги, козули (capreolus), лося, сѣвернаго оленя, марала, лошади, мамонта. Овцебыкъ найденъ въ Минусинскомъ уѣздѣ (минус. музей). Ту же картину въ различныхъ комбинаціяхъ и съ различной степенью полноты возстановляютъ находки и въ другихъ

мѣстностяхъ южной Сибири, напримѣръ, Иркутскѣ, Троицкосавскѣ. Такимъ образомъ, мы вправѣ сдѣлать выводъ, что въ извѣстный моментъ, вѣроятно еще въ концѣ послѣдняго обледенѣнія, на пространствѣ Заенисейской Сибири широко распространилась фауна, удивительнымъ образомъ включавшая членовъ столь различныхъ по своей экологіи и современному географическому распространенію. Если сопоставить ее съ современными типами фаунъ, то она представится намъ состоящей какъ-бы изъ трехъ группъ: а) обитатели арктическихъ широтъ, б) болѣе широко распространенныя сѣверныя животныя, большею частью связанныя съ лѣсомъ и в) животныя южныя, преимущественно открытыхъ пространствъ. Распредѣленіе ихъ по этимъ группамъ представится такимъ: а) песецъ, мускусный быкъ, б) россомаха, заяцъ, лось, сѣверный олень, маралъ и в) тигръ, сурокъ, быкъ, бизонъ, баранъ, козелъ, сайга, косуля, лошадь».

Мы можемъ теперь прослѣдить археологическія находки на всемъ этомъ пространствѣ отмѣченной выше полосы, отъ восточной Франціи до Якутіи, чтобы убѣдиться, что на всемъ этомъ пространствѣ найдена одинаковая позднеориньякская культура. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ она представлена въ болѣе позднихъ своихъ проявленіяхъ — переходя въ культуру періода Мадленъ и сообщая этимъ культурамъ своеобразныя восточныя черты, что, однако, не уничтожаетъ и общаго фамильнаго сходства съ западомъ. Нужно напомнить, что на территоріяхъ съ запаздывающей культурой вообще не наблюдается строгой послѣдовательности эпохъ, различаемыхъ классической терминологіей Франціи: мы видимъ здѣсь смѣшеніе эпохъ, набѣганіе позднѣйшихъ на древнѣйшія, съ выпаденіемъ промежуточныхъ звеньевъ и тому подобныя своеобразныя сочетанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и классическіе типы орудій Франціи принимаютъ здѣсь новыя формы; наряду съ ними являются и самостоятельно-развившіеся типы и т. д.

На картѣ № 16 я нанесъ важнѣйшія западно-европейскія находки на территоріи лессовыхъ отложеній и сосѣдней съ ними. Мы видимъ здѣсь на территоріи, примыкающей къ Франціи, — на притокахъ Рейна и верхняго Дуная, — истоки ориньякской культуры въ областяхъ, свободныхъ отъ ледника. *Здѣсь* эта культура развивается часто надъ древнѣйшими культурными наслоеніями, являясь ихъ непосредственной преемницей. Сюда относятся отмѣченныя на картѣ № 16 подъ №№ 1 и 2 пещеры Sirgenstein и Offnet въ швабской юрѣ, съ своими многовѣковыми наслоеніями человѣческихъ обиталищъ. Другая группа находокъ этой эпохи представлена № 3 на р. Ланѣ (Wildscheuer, Metternich). Около Страс-

бурга имѣется ориньякская стоянка Achenheim (№ 7). Верхне- и Нижнеавстрійскія аналогичныя находки остаются внѣ предѣловъ карты. Идя далѣе на востокъ, встрѣчаемъ три знаменитыя мѣстонахожденія Ориньяка въ Чехословакіи: въ окрестностяхъ Праги (№ 4), въ «моравской Швейцаріи» около Брно (№ 6) и въ Пшедмостѣ, около гор. Пшерова: въ послѣдней стоянкѣ охотники ориньякской эпохи употребили въ пищу и для выдѣлки орудій, украшеній и скульптуръ изъ кости не менѣе 800-900 экземпляровъ мамонтовъ. Археологи обращаютъ вниманіе на своеобразіе многихъ пшедмостскихъ находокъ и относятъ ихъ къ концу Ориньяка или даже къ «переходному періоду». Интересно также отмѣтить, что здѣсь человѣческое жилье переходитъ изъ пещеръ на открытыя мѣста. На восточной русской равнинѣ это станетъ общимъ правиломъ. Орнаментъ получаетъ преимущественно геометрическій характеръ, но это не исключаетъ попытокъ изображенія ископаемыхъ животныхъ и человѣческихъ фигуръ, которыя Обермейеръ сравниваетъ съ идолами гренландскихъ эскимосовъ.

Переходя въ предѣлы Польши, мы отмѣтимъ двѣ выдающіяся по значенію стоянки съ мамонтовой (тундро-степной) фауной и съ обычнымъ кремнево-костянымъ матеріаломъ орудій по теченію Вислы: въ Машицкой пещерѣ, на сѣверъ отъ Кракова (№ 8), и противъ Ново-Александріи, на лѣвомъ берегу (№ 9). Стратиграфія послѣдней стоянки — подъ послѣдней ледниковой мореной и подъ лессомъ заставляетъ относить ее къ раннему времени Ориньяка — до послѣдняго распространенія ледника.

Въ настоящемъ изложеніи нѣтъ возможности описать подробно всѣ упомянутыя находки. Ко всѣмъ имъ относится общая характеристика міолитической культуры, сдѣланная на стр. 113. Но полезно для дальнѣйшаго отмѣтить нѣкоторыя отдѣльныя черты западно-европейскихъ мѣстонахожденій, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ находкамъ на русской территоріи. Тутъ прежде всего бросается въ глаза усиленіе религіознаго сознанія. Среди ориньякскихъ находокъ постоянно встрѣчаются статуэтки женской фигуры съ характернымъ подчеркиваніемъ женскихъ органовъ, съ необычайно тучнымъ тѣломъ и со стеатопигическимъ задомъ. Руки, ноги и голова (за исключеніемъ головнаго убора) трактуются, напротивъ, на этихъ статуэткахъ очень суммарно и отодвигаются намѣренно на второй планъ. Тучность тѣла напоминаетъ спящихъ красавицъ съ о. Мальты и современныхъ бушменскихъ женщинъ: таковъ, очевидно, былъ тогдашній идеалъ женской красоты. Религіозное значеніе этихъ статуэтокъ несомнѣнно: они означаютъ женское божество,

символизирующее плодородіе. Религіозный характеръ пріобрѣтаютъ и погребенія, свидѣтельствующія о развивающемся культѣ мертвыхъ. Находки скелетовъ въ этой культурѣ вообще не часты, но поскольку они имѣются на лицо, они свидѣтельствуютъ о существованіи представленія о продолженіи жизни за гробомъ — правда, въ самомъ реалистическомъ смыслѣ. Покойники кладутся въ положеніи уснувшихъ — на боку — съ согнутыми къ животу ногами и съ приподнятыми руками, одна изъ которыхъ подложена подъ голову. Надо сказать, что этотъ видъ погребенія уже существуетъ въ эпоху протолита (La Quina, Moustier, Chapelle-aux-Saints, La Ferrassie) и вообще распространенъ и во времени и въ пространствѣ, являясь, повидимому, древнѣйшимъ похоронымъ ритуаломъ. Мы находимъ его въ Египтѣ въ эпоху IX и X династій, въ эгейской культурѣ; найдемъ и въ Россіи. Неизмѣннымъ спутникомъ такого погребенія является осыпаніе покойника краснымъ порошкомъ, который, по разложеніи тѣла, окрашиваетъ и часть костей скелета: красный цвѣтъ, очевидно, имѣетъ также ритуальное значеніе хорошаго предзнаменованія для будущей жизни. Что касается каменныхъ орудій эпохи міолита, то въ центральной, а тѣмъ болѣе въ восточной Европѣ они не только не прогрессируютъ — въ смыслѣ усовершенствованія формъ, но, напротивъ, клонятся къ упадку. Однако же, этотъ упадокъ — относительный. Онъ вызванъ, прежде всего тѣмъ, что на мѣсто камня выдвигается другой, болѣе гибкій и послушный матеріалъ — кость — мамонтова, оленья и т. д. Тяжелыя формы «ручнаго топора» эпохи протолита уступаютъ мѣсто тонкимъ ножевымъ пластинкамъ и т. наз. «микролиту», т.-е. мелкимъ кремневымъ осколкамъ геометрическихъ формъ, которыя, однако, далеко не имѣютъ одного только символическаго или «ритуальнаго» значенія, какъ иногда полагаютъ. Будучи вставленными мелкими кусочками въ костяныя рукоятки ножей, дротиковъ, стрѣлъ, пилъ, гарпуновъ они создаютъ очень полезныя въ хозяйствѣ и опасныя въ борьбѣ со звѣрями и съ врагомъ новыя формы орудій. Что касается, наконецъ, формъ человѣческаго жилья эпохи міолита, отъ нихъ осталось очень мало слѣдовъ уже потому, что населеніе охотниковъ не сидитъ на одномъ мѣстѣ, а кочуетъ вслѣдъ за звѣремъ. Охлажденіе климата заставляетъ обитателей свободныхъ отъ ледника европейскихъ территорій искать убѣжища въ пещерахъ, и только распространеніе луговой и древесной растительности на новообразованномъ лессѣ побуждаетъ ихъ перенести свои стоянки въ открытыя пространства — вслѣдъ за стадами мамонтовъ, носороговъ, оленей, дикихъ лошадей и т. д.

Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мѣста болѣе длительныхъ поселеній, куда возвращались охотники съ своей добычей, отмѣчаются слѣдами болѣе или менѣе обширныхъ костровъ съ остатками золы, древесныхъ углей, расколотыхъ для извлеченія мозга костей животныхъ, а по близости кострищъ встрѣчаются и остатки мастерскихъ для выдѣлки каменныхъ и костяныхъ орудій. Мѣстами, въ связи съ этими же поселеніями, встрѣчаются и т. наз. «площадки» т.-е. гнѣзда уже настоящаго жилища, съ очагомъ, обыкновенно круглой или овальной формы, напоминающей палатку или юрту. Слѣды деревянныхъ жердей, связанныхъ конусомъ для покрытія, очень рѣдко удавалось найти. Однако же, схематическія рисунки жилищъ на скалахъ и костяхъ эпохи Мадленъ изображаютъ именно такія формы типа круглой палатки или юрты. Въ стоянкѣ ориньякскихъ охотниковъ за мамонтомъ въ Lang-Mannersdorf около Перинига (на югъ отъ Дуная) найдены были въ лессѣ слѣды землянки округлой формы, 1,7 метра въ глубину и 2,5 метра въ діаметрѣ; стѣны этой землянки были выкопаны отвѣсно на сѣверъ и сѣверо-западъ для защиты отъ мѣстныхъ вѣтровъ, а на южной сторонѣ поднимающійся покато корридоръ выводилъ изъ-подъ земли на поверхность. По стѣнкамъ жилья оставлена была приподнятая надъ поломъ полоса лесса, служившая скамьей для сидѣнья и ложемъ для спанья. Надъ землянкой была сведена крыша изъ вбитыхъ накось въ землю жердей, покрывавшихся, вѣроятно, шкурами животныхъ. Это — полная параллель къ тому, что мы найдемъ въ стоянкахъ Россіи и въ раскопкахъ землянокъ камчадаловъ (ср. также современныя жилища эскимосовъ, выше, стр. 87).

Стоянки лессовой полосы въ Россіи оказываются непосредственнымъ продолженіемъ того, что мы только-что наблюдали въ полосѣ ориньякскихъ поселеній западной Европы. Въ 1893 г. кіевскій археологъ Хвойко открылъ древнѣйшую изъ этихъ стоянокъ въ самомъ гор. Кіевѣ, на холмахъ Кирилловской улицы. (Карта № 16 подъ № 10; карта № 17, буква а). Геологическое строеніе крутаго берега Днѣпра позволило съ точностью опредѣлить стратиграфію находки. Слѣды дѣятельности человѣка въ обстановкѣ мамонтовой фауны были найдены здѣсь подъ цѣлымъ рядомъ слоевъ, образованныхъ осыпями и дѣятельностью ледника, на поверхности синевато-зеленоватой спондиловой глины третичной эпохи. На этой глинѣ помѣщались остатки двухъ кострищъ съ золой, кусками угля и дерева, — въ томъ числѣ съ цѣлыми стволами окаменѣвшихъ кедра и ели, съ каменными орудіями, съ большимъ количествомъ костей мамонта, носившихъ слѣды искусственной обработки, и съ че-

реномъ ископаемаго носорога. На одномъ бивнѣ изображены узоры, въ которыхъ Хвойко, довольно гадательно, усмотрѣлъ «щитоносное животное въ видѣ черепахи, птичью голову и нѣчто вродѣ ладьи». Восемью вершками выше найдено кострище огромнаго размѣра — аршинъ 80 въ длину и аршинъ 25 въ ширину, мѣстами въ 10-12 вершковъ глубины. Здѣсь кости и бивни мамонтовъ находились въ огромномъ количествѣ. На аршинъ выше, на третьемъ горизонтѣ того же слоя помѣщалось еще одно обширное кострище съ костями мамонта и каменными орудіями одинаковаго характера съ двумя предыдущими горизонтами. Всего найдено до 100 бивней мамонта, не считая обугленныхъ и обгорѣлыхъ. Это указываетъ на неоднократное возвращеніе ориньякскихъ охотниковъ Кіева на то же насиженное мѣсто. Стволы ели до полуаршина въ діаметрѣ, употреблявшіеся для костра, свидѣтельствуютъ о промежуткѣ сравнительно теплаго климата передъ послѣднимъ обледенѣніемъ, перекрывшимъ кирилловскую стоянку. На 2½-7 аршинъ выше находился четвертый культурный слой, отличавшійся отъ трехъ предыдущихъ тѣмъ, что находки мамонта стали здѣсь рѣже и на мѣсто нихъ выдвинулись остатки пещернаго льва, пещерной гіены и пещернаго медвѣдя. Тутъ остатки пребыванія человѣка располагались гнѣздами, представляющими круглые и овальные площадки (до двадцати), обозначенные золой, углемъ, пережженными костями животныхъ и множествомъ мелкихъ кремневыхъ орудій и кусковъ, служившихъ для ихъ производства (нуклеусовъ). Этотъ четвертый горизонтъ находился все еще на 5-10 аршинъ глубже лессоваго слоя, который, вмѣстѣ съ другими послѣдниковыми отложеніями, лежалъ толщиной въ 15 саженъ подъ теперешней поверхностью. Прибавимъ, что и кругомъ этой находки и на разстояніи двухъ верстъ отъ нея, по другую сторону гор. Кіева находились такія же кострища, мамонтовы кости и каменныя орудія ниже уровня лесса. Это свидѣтельствуетъ о громадности захваченной стоянкой территоріи и о многолюдствѣ скопившагося на ней населенія охотниковъ. А количество и глубина наслоеній говорятъ о продолжительности пребыванія ориньякскаго человѣка на пространствѣ будущей столицы южной Россіи. Наибольшая древность стоянки (*подъ* лессомъ) сравнительно съ остальными русскими находками показываетъ, что ориньякское населеніе появилось здѣсь раньше ихъ, а отсутствіе находокъ предыдущихъ періодовъ эпохи западно-европейскаго протолита (за исключеніемъ Крыма и Кавказа) свидѣтельствуетъ также и о томъ, что эти первые поселенцы застали южную Россію необитаемой. Путь, какимъ эти люди міолитическаго періода пришли

въ Россію, предуказанъ отмѣченными выше находками. Кіевскій поселенецъ — прямой продолжатель линіи, проведенной съ запада на востокъ — или черезъ Ижедмость и Ново-Александрію, или, быть можетъ, нѣсколько южнѣе. Прослѣдимъ теперь эту линію дальше во внутрь Россіи.

Находка періода мамонтовой фауны на Кирилловской улицѣ — не единственная. Дальнѣйшіе этапы того-же пути вдоль лессовой полосы — будущей русской лѣсостепи — по направленію на сѣверо-востокъ, оставили слѣдъ въ другихъ стоянкахъ того же періода: въ бассейнѣ Днѣпра (Гонцы и Мезинъ), Дона (Костенки), Нижней Оки (Карачарово) и Камы (Шигирь). По мѣрѣ отдаленія отъ первоначальнаго толчка переселенія (во Франціи) мы встрѣтимъ здѣсь постепенный переходъ къ позднѣйшимъ эпохамъ (всѣ эти поселенія отмѣчены номерами на картѣ № 16, стр. 107 и крестами и буквами на картѣ № 17, стр. 109).

Стоянка № 11*б*, въ с. Гонцы на р. Удаѣ, впадающей въ Сулу, извѣстна съ 1871 года, но только в 1914-1915 г.г. она сдѣлалась предметомъ сколько-нибудь научнаго изслѣдованія. Находки здѣсь расположены уже не подъ ледниковыми отложеніями и лессомъ, какъ въ Кіевѣ, а въ известково-песчано-глинистомъ, «тожественномъ съ лессомъ» слоѣ, т.-е. мамонтъ и человѣкъ здѣсь жили уже въ горизонтахъ, характеризующихъ періодъ таянія ледника. Использовано охотниками на сравнительно небольшой изслѣдованной территоріи до 40 мамонтовъ. Стало быть, эта мѣстность была такъ же богата мамонтовыми стадами, какъ и окрестности Кіева. Находки тѣ же: обширное кострище съ грудами окружающихъ его кухонныхъ отбросовъ. Любопытно, что эти груды расположены въ Гонцовской стоянкѣ отдѣльными кучками. Каждая кучка обкладывалась крупными костями мамонта, охранявшими ее отъ распаданія; въ одномъ случаѣ бивни мамонта сдерживали кучу отбросовъ, будучи поставлены кругомъ нея стоймя, остріями книзу. Это вызываетъ предположеніе, что послѣ подготовки мяса на общемъ кострѣ, части добычи потреблялись отдѣльно каждой группой охотниковъ и ихъ домашними, причемъ группа сохраняла за собой и болѣе цѣнныя кости убитыхъ ея членами или доставшихся ей по раздѣлу звѣрей. Это соотвѣтствовало бы правамъ современныхъ эскимосовъ. Другихъ ископаемыхъ животныхъ въ Гонцахъ не найдено, что указываетъ также на позднѣйшее время, характеризуемое присутствіемъ мамонта безъ носорога. О томъ же свидѣтельствуетъ и форма орудій: рядомъ съ старыми формами рѣзцовъ, шилъ, скребковъ, иглъ, которые могли служить для приготовленія одежды,

здѣсь появляются микролиты. Орудія производились на мѣстѣ, какъ видно изъ сохранившихся послѣ отбивки ядрищъ. Признаковъ искусства здѣсь не найдено, если не считать такими надрѣзы на костяхъ.

Болѣе обильный, но того-же характера матеріалъ дала стоянка въ с. Костенкахъ, въ 30 верстахъ отъ г. Воронежа, на правомъ берегу р. Дона (№ 12 и г.). Кости мамонта находились здѣсь и въ болѣе или менѣе отдаленныхъ окрестностяхъ жителями еще въ концѣ XVII столѣтія. Серьезныя раскопки начались съ 1881 г. Находки были обнаружены тотчасъ подъ слоемъ чернозема (до двухъ аршинъ толщиной) на слоѣ ледниковой глины, т.-е. они тоже относились къ эпохѣ послѣ таянія ледника, на самой окраинѣ котораго расположены Костенки. Новѣйшія раскопки 1923 г. различили тутъ три слоя поселеній. Въ верхнихъ двухъ слояхъ охотники на мамонта употребляли орудія, болѣе бѣдныя типами и болѣе грубой формы, чѣмъ въ древнѣйшемъ нижнемъ слоѣ. Кремень здѣсь — плохаго качества, костяныя издѣлія преобладаютъ, но не отличаются особой отдѣлкой. Изъ костей наибольшее количество принадлежитъ мамонту, другія животныя встрѣчаются рѣдко. Прежними изслѣдователями отмѣчены медвѣдь, косуля, лисица; новѣйшіе прибавили еще дикую лошадь. Груды костей и здѣсь лежали около кострищъ. Около одного изъ нихъ найдена тазовая кость мамонта съ вертлюжной впадиной, игравшей роль миски и наполненной золой и пережженными костями. При отсутствіи гончарнаго искусства въ эту эпоху эта находка особенно знаменательна. Она также свидѣтельствуетъ о потребленіи приготовленной на общихъ кострахъ пищи отдѣльными группами охотниковъ и слѣдовательно характеризуетъ черту соціальнаго строя, сближающую тогдашнихъ охотниковъ съ современными намъ номадами арктической зоны. Но все значеніе Костенокъ въ международной археологической наукѣ опредѣлилось лишь въ 1923 году, когда подъ однимъ изъ кострищъ, въ нижнемъ древнѣйшемъ слоѣ была обнаружена четыреугольная ямка въ полметра глубины, наполненная обычными отбросами, среди которыхъ найдена была женская статуэтка описаннаго выше типа (но безъ стеатопигіи). Ближе всего наша статуэтка къ такой же статуэткѣ изъ Италіи (Savignano sul Panaro, Emilia). Ея особое значеніе въ ряду подобныхъ ей статуэтокъ, сопровождающихъ находки въ изучаемой нами полосѣ отъ Пиринеевъ черезъ Швейцарію — или другимъ путемъ черезъ Ментону, Баварію и Нижнюю Австрію (Брассампюи, Виллендорфъ) заключается въ томъ, что она — самая восточная изъ найденныхъ въ Европѣ.

Рейнакъ выводилъ отсюда движеніе населенія съ востока на западъ. П. Ефименко считаетъ болѣе вѣроятнымъ обратное движеніе — съ запада на востокъ, что соотвѣтствуетъ и развиваемому здѣсь построенію, а Менгинъ предполагаетъ, что тутъ встрѣтились двѣ культуры: западная и восточная, которыя онъ, соотвѣтственно своему представленію о «культурныхъ кругахъ», называетъ «клиновой» и «костяной» (ср. выше стр. 110). Но все это построеніе кажется мнѣ черезчуръ искусственнымъ: оно не предвидѣло подобныхъ же находокъ (включая женскую фигуру) около Иркутска (Мальта).

Продолжая нашъ рядъ, укажемъ далѣе на стоянку около с. Карачарова, на высокомъ берегу Оки, недалеко отъ Мурома (14 и д). Кости мамонта, носорога, первобытнаго быка и оленя лежали здѣсь, вмѣстѣ съ кусками угля и съ цѣлой мастерской кремневыхъ орудій пластинчатаго типа, въ лессовидной глинѣ на три-четыре фута ниже ея поверхности, но на два фута выше ледниковой морены, т.-е. эта находка — современна таянію ледника въ его дальнѣйшей стадіи. Менгинъ считаетъ Карачаровскую стоянку болѣе молодой, чѣмъ Костенковская — на основаніи отсутствія здѣсь дикой лошади — и относитъ ту и другую къ поздней порѣ Мадленъ. Но мы уже знаемъ трудность примѣненія этой терминологіи къ Восточной Европѣ; къ тому-же здѣсь отмѣчено присутствіе носорога. Можно скорѣе говорить по этому поводу о запозданіи эпохи Ориньяка, смѣшавшейся съ Мадленъ (промежуточная между ними эпоха Солютре не перешла за предѣлы западно-европейской границы).

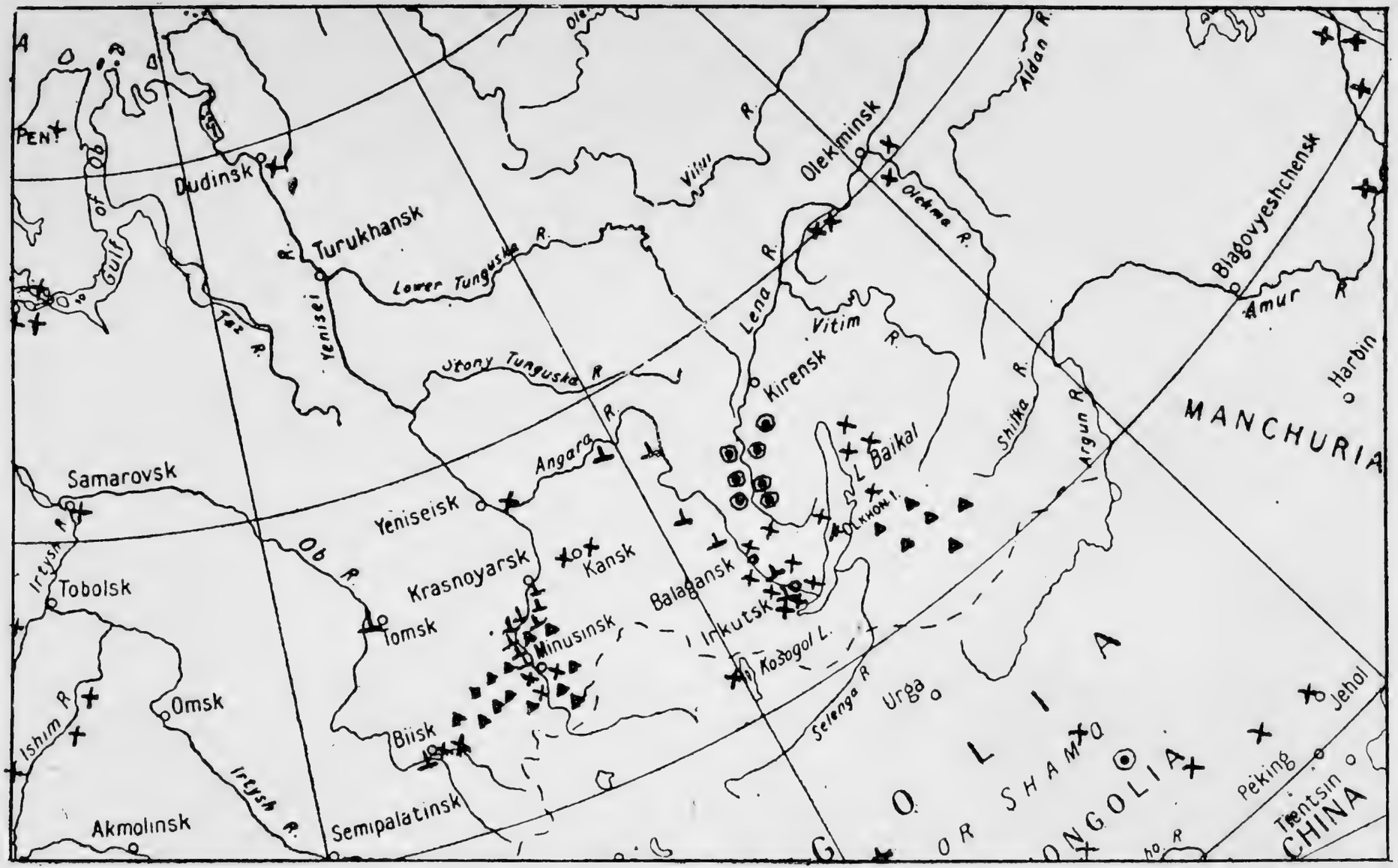
Впечатлѣніе такой же сравнительной новизны — или запозданія — производитъ стоянка въ с. Мезинѣ, на правомъ берегу Десны въ Кролевецкомъ у. Черниговской губ. (№ 13 и б), обратившая особенное вниманіе западныхъ археологовъ открытыми въ ней произведеніями искусства. Остатки костей и орудій залегли въ ней подъ слоемъ лесса въ 2.70 м. толщины и составили слой въ 0,10-0,15 м., лежавшій на лессовидной желтой глинѣ въ 1,05 м. толщины, которая уже покрыла третичныя отложенія. Несмотря на то, что здѣсь процессъ таянія ледника уже въ полномъ ходу, списокъ представителей ископаемой тундро-степной фауны здѣсь еще очень полонъ: мамонтъ (Elephas primigenius), сибирскій носорогъ (Rhinoceros tychorrinus), дикая лошадь (Equus caballus fossilis), зубръ (Bos priscus), сѣверный олень (Cervus tarandus), мускусный быкъ (Bos moschatus), пещерный медвѣдь (Ursus spelaeus), пещерный волкъ (Canis lupus spelaeus), песецъ (Leucocyon lagopus), бѣлякъ (Lepus variabilis), россомаха (Gulo luscus). Каменныя орудія воспроизводятъ тра-

диціонные типы Ориньяка, но орнаментика и скульптура Мезина ставитъ насъ передъ болѣе сложными проблемами. Обломки плоскаго браслета изъ мамонтовой кости, найденные здѣсь, покрыты правильнымъ орнаментомъ изъ меандра и концентрическихъ ромбовъ, отдѣленныхъ отъ него зигзагообразными линіями. Этого рода орнаментъ никто не ожидалъ встрѣтить въ эпоху міолита. Скульптура Мезина состоитъ изъ стилизованныхъ птицъ и изъ загадочнаго назначенія столбиковъ. Крылья, перья, брюшко и хвостъ птицъ означены треугольниками, зигзагами и продольными линіями. Подъ округлымъ брюшкомъ — снова меандровый и зигзагообразный орнаментъ, какъ на браслетѣ. Четыре меандра подъ однимъ брюшкомъ образуютъ фигуру, похожую на свастику. Въ столбикахъ русскій археологъ Ф. К. Волковъ усмотрѣлъ знаки фаллуса, но аббатъ Брейль истолковалъ ихъ, какъ сильно стилизованныя женскія фигурки. Не слѣдуетъ увлекаться по поводу мезинскихъ скульптуръ на тему о первобытной мистикѣ, подобно Городцову; но ихъ ритуальное значеніе — несомнѣнно, и технику ихъ орнамента Менгинъ недаромъ называетъ «высшимъ достиженіемъ младшаго палеолита». Отчасти это достиженіе объясняется запоздалостью ориньякско-мадленской культуры въ Россіи; оно во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ объ оригинальномъ характерѣ, который эта культура принимаетъ въ восточной Европѣ, начиная съ Пжедмоста.

Поднимаясь далѣе на сѣверовостокъ въ предѣлахъ полосы лессовыхъ отложеній, мы встрѣчаемъ на самой границѣ между Европой и Азіей, на Уралѣ, около полувысохшаго озера Шигирь, близъ Екатеринбурга (Свердловска) любопытнѣйшую стоянку, восходящую къ послѣдней фазѣ таянія ледника на русскомъ сѣверѣ (см. карту № 17, лодъ буквой е). Мамонтовая фауна на-лицо и здѣсь въ полномъ составѣ: мамонтъ, сибирскій олень, лось, зубръ, медвѣдь, — особенно бобръ. Послѣледниковый ландшафтъ представлялъ въ этой мѣстности перемежающіяся ледяныя и озерныя пространства, и человѣкъ селился на выступахъ берега. Міолитическія находки лежали подъ слоемъ торфа, образовавшагося при высыханіи озера, на слояхъ, соотвѣтствовавшихъ прежнему дну озера. Кремневыя орудія уступаютъ здѣсь окончательно мѣсто костяной культурѣ. Появляются орудія рыболовства, совершенно отсутствовавшія въ предыдущихъ стоянкахъ на русской равнинѣ: гарпуны, крючки, но рядомъ съ ними сохраняются и орудія охоты: наконечники стрѣлъ, кинжалы. Запоздалость здѣшняго развитія характеризуется тѣмъ, что уже появляются въ Шигирѣ отмѣченные Толма-

чевымъ черепки сосудовъ съ острымъ и плоскимъ днищемъ; отмѣчено и орудіе, похожее на мотыку и пригодное какъ для окалыванія льда, такъ и для ручнаго земледѣлія (Hackenbau). Естественно, что археологи колеблются, отнести ли шигирскую культуру къ концу міолита или къ началу неолита. Мерхартъ, германскій военно-плѣнный, занявшійся изученіемъ археологіи Сибири, придерживается вообще болѣе позднихъ датировокъ — противъ Эберта и Айліо, которые, вмѣстѣ съ русскими изслѣдователями, готовы приписать сибирской старинѣ болѣе глубокую давность. Какъ бы то ни было, переходъ отъ Шигирія къ сибирскому палеолиту, геологически болѣе позднему, чѣмъ европейскій (Громовъ), является вполнѣ естественнымъ. Новѣйшій изслѣдователь Петри различаетъ три группы сибирскаго палеолита: Томскій, Енисейскій и Ангарскій (см. карту № 18). *) На окраинѣ г. Томска, на правомъ высокомъ берегу р. Томи еще въ 1896 г. было обнаружено въ лессовидной глинѣ, на глубинѣ пяти аршинъ отъ поверхности, кострище размѣромъ въ 11 на 4½ аршина, на которомъ лежали, на слоѣ древеснаго угля, части расколотыхъ для полученія мозга костей одного мамонта вмѣстѣ съ каменными орудіями, тутъ же произведенными. Въ лессѣ найдены и Енисейскія стоянки, лучше изученные. У самаго гор. Красноярска, на Афонтовой горѣ, найдено въ лессовидной глинѣ большое количество костей ископаемыхъ животныхъ, — мамонта, носорога, быка, зубра, дикой лошади, сѣвернаго оленя и т. д. — вмѣстѣ съ разнообразными каменными и костяными орудіями и костями человѣческой руки. Типы костяныхъ орудій — шило съ продольнымъ углубленіемъ, т. наз. командные жезлы — куски оленьяго рога съ выдолбленнымъ на сгибѣ круглымъ отверстіемъ, надрѣзы на костяныхъ орудіяхъ — все это относитъ находку къ періоду поздняго Ориньяка, если не моложе. Но все же эта стоянка старше найденной въ 1871 г. въ гор. Иркутскѣ, на притокѣ Ангары, тоже въ лессовидной глинѣ, съ орудіями изъ камня и костей мамонта и оленя, съ ископаемой фауной. Позднѣе, палеолитъ Ангары освѣщенъ раскопками Петри (1919-1920 г.г.) на Верхоленской горѣ, въ трехъ верстахъ на с.-в. отъ Иркутска. Здѣсь мамонта уже нѣтъ; есть лишь олени, лошадь и зубръ. Найдены три кострища съ обожженными камнями, золой и обугленными костя-

*) Палеолитическія находки на картѣ № 18, воспроизводящей среднюю часть карты Іохельсона, отмѣчены значкомъ въ формѣ опрокинутаго Т. Крестиками обозначены находки времени неолита, пирамидками — бронзоваго вѣка, точками въ кружкахъ — желѣзнаго вѣка.



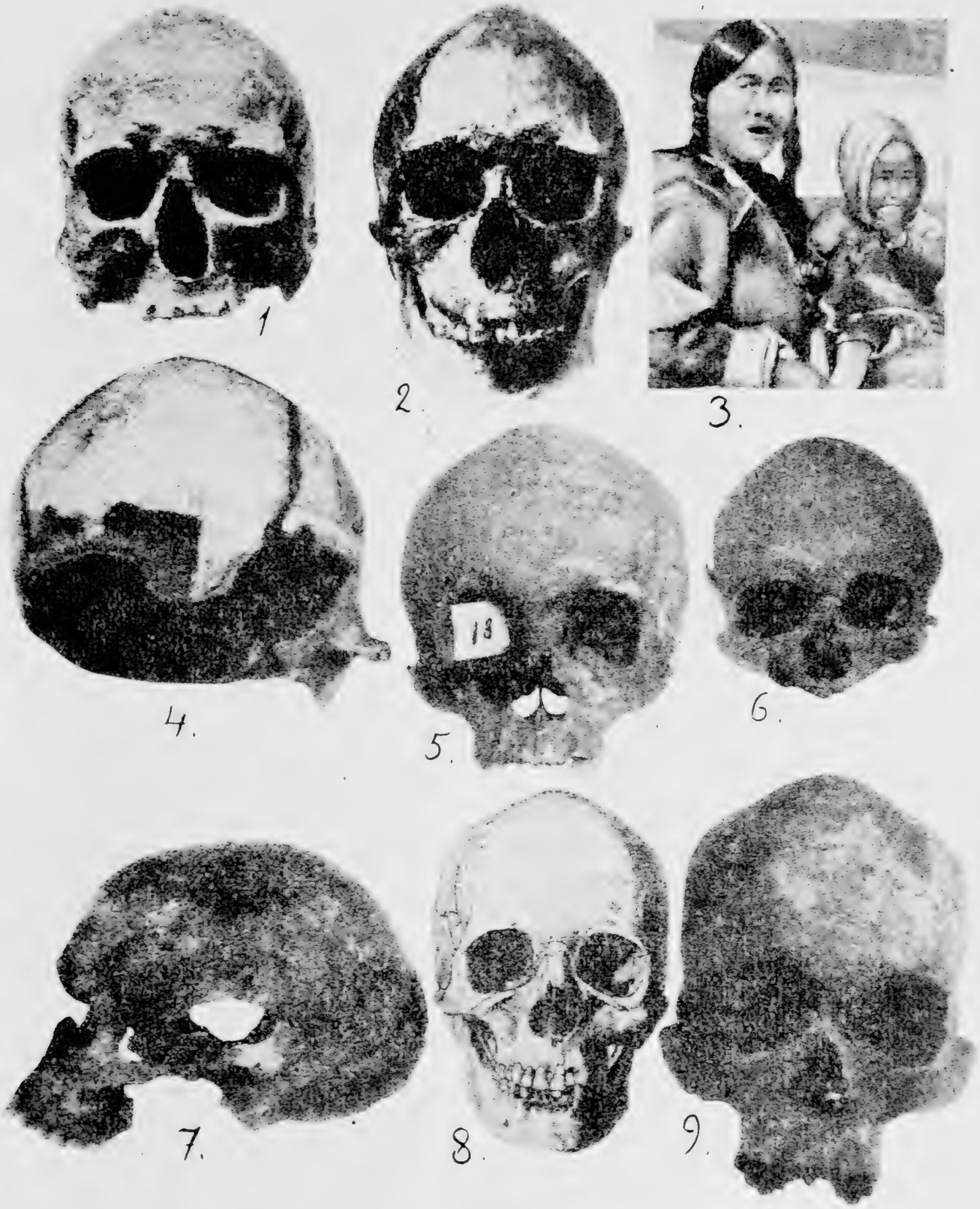
№ 18. Археологія Сибири (по Іохельсону).

ми, мастерская орудій съ грудой оленьихъ роговъ, отчасти надпиленныхъ. Интересны въ этой культурѣ типы гарпуновъ, напоминающіе европейскіе типы переходной къ неолиту эпохи Azilien. Петри относитъ всю находку къ эпохѣ Мадленъ; но мы уже знаемъ, что значитъ примѣненіе этой терминологіи къ восточнымъ находкамъ. Особое значеніе имѣютъ раскопки 1928-29 г.г. въ д. Мальта, около Иркутска. Находки женскихъ фигурокъ, скульптурныхъ изображеній птицъ, сложнаго орнамента на пластинкахъ очень близко напоминаютъ знаменитыя находки въ Костенкахъ (стр. 126), завершая вышеописанный рядъ.

Какъ видимъ, линія палеолитическихъ стоянокъ проходитъ на югѣ Сибири, въ полосѣ лесса, соотвѣтствующей позднѣйшей лѣсостепи (см. заштрихованную полосу на картѣ № 11 и стр. 66-67). Въ этихъ предѣлахъ мы пришли вмѣстѣ съ концомъ этой линіи къ концу мамонтовой фауны и къ послѣдней порѣ міолита. Куда же мы должны направить наши дальнѣйшія наблюденія надъ исторіей этой однородной культуры? Гдѣ ея продолженіе? По авторитетному свидѣтельству японскаго археолога Торій, ни въ Манчжуріи, ни въ Кореѣ, ни въ Японіи, ни въ Китаѣ не найдено слѣдовъ палеолитической культуры. Едва-ли также можно считать тамошній неолитъ непосредственнымъ продолженіемъ южносибирскаго палеолита, намъ извѣстнаго. Относительно сибирскаго неолита вопросъ неясенъ. Если есть случаи, когда, какъ въ раскопкахъ Петри въ Уланъ-Хада, на берегу Байкала, съ ихъ одиннадцатью слоями, можно говорить о непосредственномъ переходѣ мѣстнаго населенія отъ палеолита къ неолиту, то въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то переломомъ. Между слоями, сохранившими остатки палеолитическихъ поселеній и слоями съ остатками неолитическихъ обитателей имѣется прослойка, въ которой нѣтъ никакихъ слѣдовъ человѣческаго пребыванія. Въ промежуткѣ измѣнилась вся окружающая обстановка. Климатъ принялъ теперешній видъ; исчезли ископаемыя животныя. Весьма вѣроятнымъ становится предположеніе, что вмѣстѣ съ ними исчезло изъ этихъ мѣстъ и прежнее населеніе. По аналогіи съ позднѣйшими временами можно заключить, что оно ушло на сѣверъ, въ (позднѣйшую) тайгу. Быть можетъ, оно послѣдовало туда за ископаемыми животными, въ погонѣ за привычной своей пищей. При его привычкѣ къ перемѣщеніямъ на обширномъ пространствѣ въ этомъ не представлялось затрудненій, тѣмъ болѣе, что климатъ сѣверной Сибири былъ мягче, чѣмъ теперь, и степь-тундра лишь постепенно заростала лѣсомъ — сперва лиственнымъ, а потомъ уже, съ ухудшеніемъ климата, — хвойнымъ.

Можетъ быть также, что населеніе юга ушло на сѣверъ поневолѣ, оттѣсненное пришельцами. Кто могли быть эти новые конкурренты? Эта задача можетъ быть разрѣшена лишь послѣ выясненія вопроса, кто же были первоначальные жители, заселившіе южную Сибирь въ эпоху міолита.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ онъ ни кажется труденъ, — уже намѣченъ предыдущими изслѣдователями. Этихъ аборигеновъ надо искать въ средѣ извѣстной намъ группы палеазіатовъ (см. стр. 83-88) и спеціально эскимосовъ. Первое указаніе на это сдѣлалъ французскій археологъ Testut, сравнившій особенности черепа расы Шанселадъ съ эскимосскимъ. У обоихъ череповъ оказалась общей одна характерная черта (см. рисунокъ № 19, подъ №№ 1 и 2). Стрѣловидный шовъ, идущій отъ лба къ затылку (sutura sagittalis) приподнятъ въ видѣ гребня шлема (греч. «лофосъ») или киля опрокинутой лодки (греч. «скафосъ») перевернутой вверхъ дномъ. Отсюда названіе этихъ череповъ: скафоцефалы (Топинаръ) или лофоцефалы (Серджи). По обѣ стороны центральнаго хребта теменныя кости спускаются къ височнымъ въ такихъ черепахъ не выпукло, а круто, доходя до болѣе или менѣе ясной вогнутости. Отъ Шанселадъ до Берингова пролива тянется та полоса однородной культуры, которую мы прослѣдили: и какъ разъ на одномъ концѣ полосы мы имѣемъ черепъ міолитической расы, на другой — живую народность эскимосовъ (см. № 3 типъ эскимоской женщины и ребенка). Въ промежуточныхъ звеньяхъ тоже нѣтъ недостатка: сюда относится міолитическій черепъ Эрингсдорфа (около Веймара), нѣсколько неолитическихъ череповъ, поздній курганный черепъ Смоленска и т. д. (см. №№ 4 и 5). Сравнивать непосредственно чистую доисторическую расу съ современной народностью, подвергшейся всевозможнымъ скрещеніямъ въ теченіе тысячелѣтій, довольно рискованно; но по отношенію къ арктической культурѣ, жившей изолированной жизнью и сохранившей древнія черты, это гораздо легче, чѣмъ по отношенію къ народностямъ, обитающимъ на большой дорогѣ исторіи. Расовый типъ эскимосовъ, несомнѣнно, значительно испестрился позднѣйшими скрещиваніями, и не даромъ многіе изслѣдователи находили у эскимосовъ монгольскія черты. Но сквозь эти перемѣны все-же просвѣчиваетъ первоначальный типъ, и отмѣченная конфигурація черепа, вмѣстѣ съ длиннымъ лицомъ и съ сравнительно низкимъ ростомъ подкрѣпляетъ сопоставленіе, сдѣланное Тестю въ 1889 году. Послѣ того, по вопросу о родствѣ эскимосовъ съ міолитическими европейцами накопилась цѣлая литература, и мнѣнія ученыхъ ан-



№ 19. Черепа «лофоцефаловъ» (по Серджи): 1) Черепъ расы Шанселадъ. 2) Современный эскимосскій черепъ. 3) Типъ эскимосской женщины и ребенка. 4) Черепъ Эрингсдорфа (Веймаръ). 5) Курганный черепъ Смоленска. 6) Черепъ лофоцефала изъ Шотландіи. 7) Шведскій черепъ изъ Готланда. 8) Черепъ лофоцефала — африканца. 9) Черепъ лофоцефала — тасманоида-полизенійца.

тропологовъ раздѣлились. Рядъ авторитетовъ склонился къ признанію человѣка эпохи Мадленъ — предкомъ эскимосовъ, послѣдовавшимъ за отступавшими стадами мамонтовъ и оленей на крайній сѣверъ. Другіе, правда, утверждали, что, наоборотъ, эскимосы, слѣдуя за спускавшимися на югъ представителями арктической фауны, пришли съ сѣверной въ западную Европу — и послѣ таянія ледника лишь вернулись на свою прежнюю родину. Третьи, вообще оспаривали связь между древней расой и современной народностью. Однако, такіе антропологи, какъ англичане Соллась и Бойдъ-Даукинсъ, французъ Эрве продолжали защищать взглядъ, высказанный Тестю и поддержанный Хами (позднѣе отказавшимся отъ него), Мортилье и др. Сопоставленіе стоянокъ лессовой полосы все болѣе позднихъ по направленію къ востоку, является само по себѣ сильнѣйшей опорой этого мнѣнія. Французскіе ученые съ видимымъ раздраженіемъ говорили по этому поводу о «романѣ эскимосскаго нашествія на Европу, выдуманномъ Жиро». При нашемъ взглядѣ рѣчь идетъ, однако, о «нашествіи» въ обратномъ смыслѣ. Не алеуты, чукчи и эскимосы подарили французскую націю своимъ непрошеннымъ родствомъ, а наоборотъ, изъ пещеръ Chancelade и Laugerie въ Дордоньи вышло населеніе, раскинувшееся отъ Аляски до Гренландіи, пройдя всю длинную линію, отмѣченную находками эпохи Ориньяка и Мадленъ. Затѣмъ, даже и въ теперешнемъ состояніи этихъ праевропейцевъ, нѣтъ основаній ихъ стыдиться. Правда, они грязны до невозможности; отъ вони разлагающейся пищи и человѣческихъ отбросовъ въ ихъ землянкахъ, какъ говорится, можно повѣсить топоръ на воздухъ. Но жировая кираса тѣла и пищи прекрасно охраняетъ ихъ отъ невыносимаго мороза, среди котораго и европеецъ долженъ носить ихъ одежду; неугасимая лампа землянокъ — важнѣйшая принадлежность ихъ утвари — въ зимнее время служитъ и печкой, нагрѣвающей жилище до 18-30° Ц. Обоняніе и вкусъ у нихъ, по счастью, неразвиты, но за то зрѣніе и слухъ — тоже къ ихъ счастью — развиты несравненно острѣе, чѣмъ у современнаго европейца. Ихъ бытовая утварь, выдѣлывавшаяся до встрѣчи съ европейцами, по старинѣ, изъ кремня и кости, бѣдна, но она вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, а ихъ «каяки» вызываютъ восхищеніе современныхъ строителей яхтъ. Къ тому же они сохранили склонность къ скульптурѣ и живописи своихъ предковъ эпохи Мадленъ, и ихъ карты рѣкъ и береговъ океана оказываются точнѣе европейскихъ. Политическій строй ихъ остался примитивнымъ, но зато они — прирожденные пацифисты. Ихъ «имперіалистическіе» походы по безпредѣльнымъ

ледянымъ пространствамъ иногда кончаются гибелью всего племени, — но не чужаго, а своего собственнаго — въ силу отсутствія пищи и атмосферическихъ сюрпризовъ, которые даже они не въ состояніи предвидѣть. Что касается ихъ моральныхъ качествъ, вотъ описаніе Peary, конечно, нѣсколько отдающее идилліей. «Они дики, но не жестоки; не имѣютъ правительства, но не отступаютъ отъ соціальныхъ правилъ поведенія; невѣроятно невѣжественны, но проявляютъ замѣчательную способность пониманія. Темпераментъ ихъ — дѣтскій, и какъ дѣти, они приходятъ въ восторгъ отъ пустяковъ, но тверды духомъ, какъ только могутъ быть болѣе зрѣлые культурные люди, и лучшіе изъ нихъ вѣрны до смерти. У нихъ нѣтъ религіи и какого-бы то ни было представленія о высшемъ существѣ, но они дѣлятъ послѣдній кусокъ съ голоднымъ, и заботятся о нуждахъ старыхъ и больныхъ членовъ племени. Они здоровы, и кровь ихъ чиста; они не имѣютъ пороковъ, не пьютъ, не убиваютъ, не имѣютъ дурныхъ привычекъ, не знаютъ игръ. Словомъ, это единственный въ своемъ родѣ народъ на лицѣ земли, и можно по праву назвать ихъ философами сѣвера». Конечно, знаменитый открыватель сѣвернаго полюса не считался тутъ съ вліяніемъ европейцевъ, принесшихъ «сѣвернымъ философамъ» табакъ, водку и огнестрѣльное оружіе, которые нѣсколько понизили уровень ихъ примитивныхъ добродѣтелей.

Насъ встрѣчаетъ здѣсь, однако, еще одинъ ученый споръ. Большая часть эскимосскаго населенія, насчитывающаго въ цѣломъ около 30.000 человѣкъ,, живетъ теперь въ полярныхъ странахъ сѣверной Америки, и только незначительная часть (см. выше, стр. 85) населяетъ крайнюю оконечность Азіи. Отсюда возникла теорія, по которой эскимосы пришли изъ Америки въ Азію; къ ней склонились и нѣкоторые сторонники восточнаго происхожденія — изъ Азіи — палеолитической расы Шанселадъ-Ложери (Буль). Все предыдущее изложеніе противорѣчитъ этому взгляду. Логическимъ продолженіемъ его должна явиться послѣдняя стадія наблюденныхъ выше переселеній: переселеніе эскимосовъ изъ Азіи въ Америку. Первымъ подтвержденіемъ этого могли-бы явиться собственныя легенды американскихъ эскимосовъ, выводящія этихъ поселенцевъ изъ какихъ-то далекихъ сѣверныхъ и западныхъ странъ. Но легенды — плохой аргументъ для историка. Болѣе убѣдительнымъ можетъ явиться свидѣтельство археологіи. Правда, русскій изслѣдователь Іохельсонъ, наиболѣе сдѣлавшій для изученія эскимосской преисторіи, самъ примыкаетъ къ сторонникамъ американскаго происхожденія. Но его раскопки на Камчаткѣ и на Алеутскихъ остро-

вахъ такъ-же могутъ свидѣтельствовать и объ обратномъ движеніи. Они даютъ много интересныхъ деталей, поясняющихъ міолитическія находки Европы; но они относятся къ очень позднему времени. Находки японскихъ монетъ датируютъ даже одиннадцатымъ вѣкомъ по Р. Х. Конечно, мы имѣемъ здѣсь культуру, болѣе древнюю, чѣмъ эта хронологія; и мы уже привыкли къ запаздыванію культуры по мѣрѣ продвиженія съ Запада на Востокъ. Болѣе древнихъ слѣдовъ эскимосскаго пребыванія въ Америкѣ не найдено, — конечно, если только отдѣлить вопросъ о переселеніи эскимосовъ въ арктическія области отъ болѣе общаго и сложнаго вопроса о первоначальномъ заселеніи Америки. Этотъ послѣдній вопросъ очень запутанъ, и здѣсь нѣтъ надобности на немъ останавливаться. Отмѣчу только послѣднюю работу итальянскаго профессора Джузеппе Серджи (1930), открывающую болѣе широкія перспективы; въ этомъ освѣщеніи вопросъ о заселеніи Америки ставится, по моему мнѣнію, на болѣе правильную почву. Давно уже было замѣчено (напримѣръ, Топинаромъ), что типъ черепа Шанселадъ общъ не только эскимосамъ ,но также и другимъ реликтовымъ племенамъ человѣчества, сохранившимся на окраинахъ Африки, Азіи и Америки (см. выше, стр. 83). Подробное изученіе тасманійскихъ и полинезійскихъ «лофоцефаловъ» привело Серджи къ выводу, что этотъ типъ, древнѣйшимъ представителемъ котораго является черепъ Родезіи (рис. № 20), представляетъ параллельную вѣтвь «плоскоголовымъ» черепамъ («платицефаламъ») неандертальцевъ. И черепа неандертальскаго типа, и черепъ Brocken Hill въ Родезіи одинаково происходятъ отъ какого-то древнѣйшаго человѣческаго типа (Palaeanthropus), происхожденіе котораго Серджи ищетъ въ центральной Африкѣ. Оттуда онъ слѣдитъ за распространеніемъ «лофоцефаловъ» на сѣверъ въ Европу, на югъ въ южную Африку и на востокъ черезъ Полинезію и черезъ остатки гипотетическаго материка, «гондваны», сближавшаго нѣкогда Америку съ Африкой — въ Америку. Сходство череповъ лофоцефаловъ — африканцевъ и тасманоидовъ — полинезійцевъ съ эскимосскими, видно на прилагаемомъ рисункѣ (№№ 8 и 9). Но останавливаться подробнѣе на этомъ капитальномъ вопросѣ мы здѣсь не можемъ. Догадка Серджи, во всякомъ случаѣ, является высшимъ синтезомъ, объясняющимъ сродство примитивныхъ культуръ, которыя уступили мѣсто высшимъ стадіямъ на всѣхъ континентахъ земного шара и доживаютъ свой вѣкъ въ областяхъ отступленія (см. выше, стр. 81, 83).

Въ частности, въ Азіи такимъ антропологическимъ пережиткомъ является группа «палеазіатовъ» Ихъ переселеніе на сѣверъ Аме-

рики есть явленіе самостоятельное и позднѣйшее сравнительно съ явленіями, изучаемыми Серджи. По отношенію къ нимъ другія, тоже примитивныя народности Сибири уже являются еще болѣе поздними поселенцами. Сюда можно отнести Енисейскихъ остяковъ и интересную, но загадочную народность айновъ, когда-то занимавшую всю сѣверную половину японскихъ острововъ и отличав-

№ 20. **Черепъ** *Brocken-Hill* **изъ Родезіи: родоначальникъ «лофоцефаловъ» (по Серджи).**

шуюся бѣлизной кожи, свѣтлымъ цвѣтомъ глазъ и волосъ и другими чертами чисто-европейскаго населенія. Связь ихъ съ Европой — и ихъ вѣроятное происхожденіе оттуда подтверждается упомянутыми выше (см. стр. 92) остатками бѣлаго и голубоглазаго длинноголоваго населенія на пространствѣ отъ Урала до Япо-

ніи. Сюда относятся бѣлокурые и синеглазые «узуны» и дин-лины китайскихъ лѣтописей. Наконецъ, та наиболѣе поздняя картина передвиженій на сѣверъ Сибири тунгузовъ, тюрковъ и монголовъ, которая изображена выше (стр. 84), является уже третьимъ наслоеніемъ, по отношенію къ которому вторая волна енисейцевъ и айновъ представляется древнѣйшей. Но повторяю, обо всемъ этомъ я упоминаю только для установленія общей перспективы, не останавливаясь на всѣхъ этихъ важныхъ проблемахъ подробнѣе.

Является еще одинъ вопросъ: куда же дѣлись «лофоцефалы» или эскимоиды въ самой Европѣ? Исчезли-ли они, подобно неандертальцамъ? Или, какъ нѣкоторые полагаютъ относительно самихъ неандертальцевъ, распустились въ позднѣйшихъ слояхъ европейскаго населенія? Кромѣ этихъ двухъ исходовъ, вполнѣ совмѣстимыхъ частично, возможенъ и третій: часть эскимоидовъ могла сохраниться въ неизмѣненномъ видѣ до позднѣйшаго времени. Слѣды такого сохраненія несомнѣнно имѣются. Раса, близкая къ эскимосской, двинулась изъ мѣстностей, свободныхъ отъ ледника, не только на востокъ, гдѣ мы ее прослѣдили, но также, по мѣрѣ таянія ледника, и на сѣверъ, въ освобождаемыя таяніемъ льда мѣстности. Здѣсь насъ опять встрѣчаетъ споръ: откуда была заселена Ютландія и соединенная съ ней тогда сушей южная Скандинавія? Рядъ ученыхъ указывалъ на заселеніе Скандинавіи и остзейской области охотниками за оленями, послѣ отступленія льда. Коссинна велъ это первоначальное заселеніе съ верхняго Рейна, Сараувъ — изъ средней Европы, Швантесъ и Экгольмъ — съ Юго-Востока. Истина, какъ кажется, заключается въ томъ, что Скандинавія заселена въ *разное* время съ *разныхъ* сторонъ людьми *различныхъ расъ*. Съ запада (или юго-запада) пришли въ Норвегію короткоголовые — будущіе лапландцы. Но со стороны Балтики (какъ увидимъ, гораздо позднѣе) пришли длинноголовые и, какъ доказываетъ Карлъ Фюрстъ (1910 и 1920), длинноликіе люди Ориньякскаго типа (т.-е. эскимоиды; см. шведскій черепъ изъ Готланда, № 7, на рис. 19). Буль (согласно своему мнѣнію о восточномъ происхожденіи Ориньякской расы) ведетъ заселеніе изъ южной или восточной Россіи. Экхольмъ замѣчаетъ, что и въ глухихъ долинахъ Ирландіи и Шотландіи, среди докельтскаго населенія, имѣются слѣды родственной эскимосамъ культуры (см. черепъ шотландскаго лофоцефала, № 6, тамъ же). По Шлицу, черепа въ нѣкоторыхъ мекленбургскихъ могилахъ очень сходны съ эскимосскими. На эскимосскія черты въ древнѣйшемъ населеніи Великобританіи обратилъ вниманіе и Коннеръ. Эскимосскія культурныя параллели можно прослѣдить и въ сходствѣ

кремневыхъ и костяныхъ орудій, въ способахъ погребенія, въ деталяхъ устройства жилищъ, въ способѣ освѣщенія землянокъ (см. выше, стр. 88 и ниже). Беркиттъ указалъ на одно интересное спеціальное совпаденіе. До сихъ поръ никто не могъ опредѣлить назначенія т. наз. «командныхъ жезловъ»: вырѣзанной изъ рога согнутой палки съ круглой дырой на сгибѣ. Информаторъ Беркитта сообщилъ ему, что эскимосы употребляютъ именно такое орудіе, чтобы сообщить гибкость кожанымъ ремнямъ. Ремень прикрѣпляютъ къ неподвижной точкѣ, пропускаютъ черезъ дыру, закручиваютъ и затѣмъ натянувъ, трутъ (какъ точатъ бритву), двигая орудіе вверхъ и внизъ по ремню. Правда, тутъ возможно и позднѣйшее примѣненіе.

Прослѣдивъ процессъ первоначальнаго заселенія русской лѣсостепи, мы переходимъ теперь къ другому, болѣе сѣверному мѣсторазвитію, также связывающему Россію съ Европой. Мы уже знаемъ, что все это пространство было занято ледникомъ, — и, слѣдовательно, заселеніе его должно быть отнесено ко времени, значительно болѣе позднему, чѣмъ заселеніе лѣсостепи. Въ области этого мѣсторазвитія, какъ и предыдущаго, надо отличать болѣе западныя части территоріи отъ болѣе восточныхъ. Но порядокъ заселенія тѣхъ и другихъ — прямо обратный тому, который описанъ выше. Это заселеніе не могло совершиться иначе, какъ въ порядкѣ и въ направленіи таянія ледника, т.-е. съ юговостока и съ востока къ сѣверозападу и западу. Въ ходѣ этого процесса — и отчасти въ связи съ нимъ — произошли большія измѣненія послѣледниковаго рельефа въ сѣверной части Европы. Неоднократно мѣнялся при этомъ и характеръ климата и флоры. Для хронологіи тѣхъ и другихъ перемѣнъ исходную точку даютъ изслѣдованія скандинавскихъ ученыхъ. Сопоставимъ ихъ выводы съ данными археологіи.

На таблицѣ № 21 (стр. 140-141) первый столбецъ сопоставляетъ этапы таянія ледника съ измѣненіями очертаній Балтійскаго моря. Что касается хронологіи, на таяніе ледника понадобилось, по расчетамъ Пенка и де Геера, около 13.000 лѣтъ (отъ 18 до 5 тыс. до Р. Х.). Отъ сѣверной Германіи до сѣв. Швеціи, съ тремя остановками по пути, ледникъ отступилъ къ своему исходному пункту четырьмя этапами: отъ сѣв. Германіи до Даніи, отъ Даніи до южной Швеціи, отъ южной Швеціи до средней и отъ средней до сѣверной. На первые два этапа понадобилось около 8.000 лѣтъ, на вторые два — около 5.000 (отъ 10 до 5 тыся. до Р. Х.). Остановки всякій разъ отмѣчались нагроможденіемъ отложеній на конечныхъ моренахъ, протяженіе которыхъ видно на нашихъ картахъ №№ 16 и 17. Непрерывное продолженіе этихъ моренъ съ сѣверогерманской территоріи на русскую показываетъ, что отступленіе ледника на

Отступленіе ледника и уровень Балтики.	Климатъ и флора.	
	Скандинавія.	Россія.
1. Отъ Германіи до Даніи. 2. Отъ Даніи до сконской морены. **Іольдіа** (соленое море).	1. **Арктическій.** Флора Дріасъ.	»
3. Отъ Саксоніи до средней Швеціи. 4. Отъ Швеціи до конца ледника. **Анцилюсъ** (прѣсное море).	2. **Субарктическій** (холодный, сухой). Тополь, Pinus silvaticus.	. . . . .
	3. **Бореальный** (теплый и сухой). Оптимумъ. Дубъ и сосна.	Дубъ и орѣшникъ.
5. Послѣледниковый періодъ. **Литорина** (соленое море).	4. **Атлантическій** (теплый, морской). Оптимумъ. Смѣш. лѣсъ. Дубъ, липа.	(Холодный, влажный). Смѣшаный лѣсъ, дубъ (Смол. г.). Береза, ель (на сѣв. отъ Москвы). . . . . .
	5. **Суббореальный** (теплый и сухой). Ухудшеніе климата. Picea excelsa, Fagus silvatica подним. къ сѣверу.	(Теплый и влажный). Оптимумъ. (Дубъ и сосна).
6. Историческое времяврем. **Лимнеа.**	6. **Субатлантическій** (холодный и влажный). Ухудшеніе климата. Листвен. лѣса уходятъ къ югу.	(Переходитъ къ современному континентальному).

до желѣзнаго вѣка.

Археол. періоды зап. и сѣв. Европы.	Главныя находки и культуры.		Хронологія до Р. Х.
	Сѣв. Европа	Россія.	
Конецъ Мадленъ.			
Младшій палеолитъ (міолитъ).	Шлютупъ. Розенкранцъ.	Конецъ переселеній эпохи Ориньяка.	25.000-18.000
Эпи-	міо-	литъ.	
Азиліенъ.	Лингби	.....	ок. 9.000
	Стрѣлы. Гарпуны	.....	10.000-5.000
.....	.....	.....	.....
Старшій тарденуазьенъ.	Маглемозе.	Шигирь ..... Кунда.	ок. 7.000
Младшій тарденуазьенъ.	Эртеболле.	Микролиты.	
Камшиньенъ.	а) Стар. кухон. остатки	Макролиты на дюнахъ.	5.000-4.000
	б) Заостр. топоры	.....	4.000-3.000
	в) Мегалитъ (дольмены) .	.....	3.000-2.500
		Триполье	ок. 3.000 (2.700-1.700)
		Пернау. Гребеночная керамика	(въ Финл. 2.700-2.000)
		Ямная культура.	3.500-1.600
.....	.....	.....	.....
Неолитъ.	Ядро сѣверной расы	.....	2.600-2.300
Энеолитъ.	г) Крытые ходы	.....	2.500-2.000
	д) Кам. ящики .	.....	2.000-1.500
		Фатьяново; шнур. керамика	2.000-1.700
		Bootaxte	2.000-1.600
Бронза.		Катакомбы. Майкопъ	1.800-1.500 (2.300?)
		Хвалынская культ.	
	Унетицкая культ.	.....	1.900-1.500
	Лужицкая культ.	.....	1.400-500
	Первый желѣзный вѣкъ (Галльштадтъ)		1.100-500

русской территоріи шло приблизительно тѣми же этапами, какъ въ сѣв. Германіи.

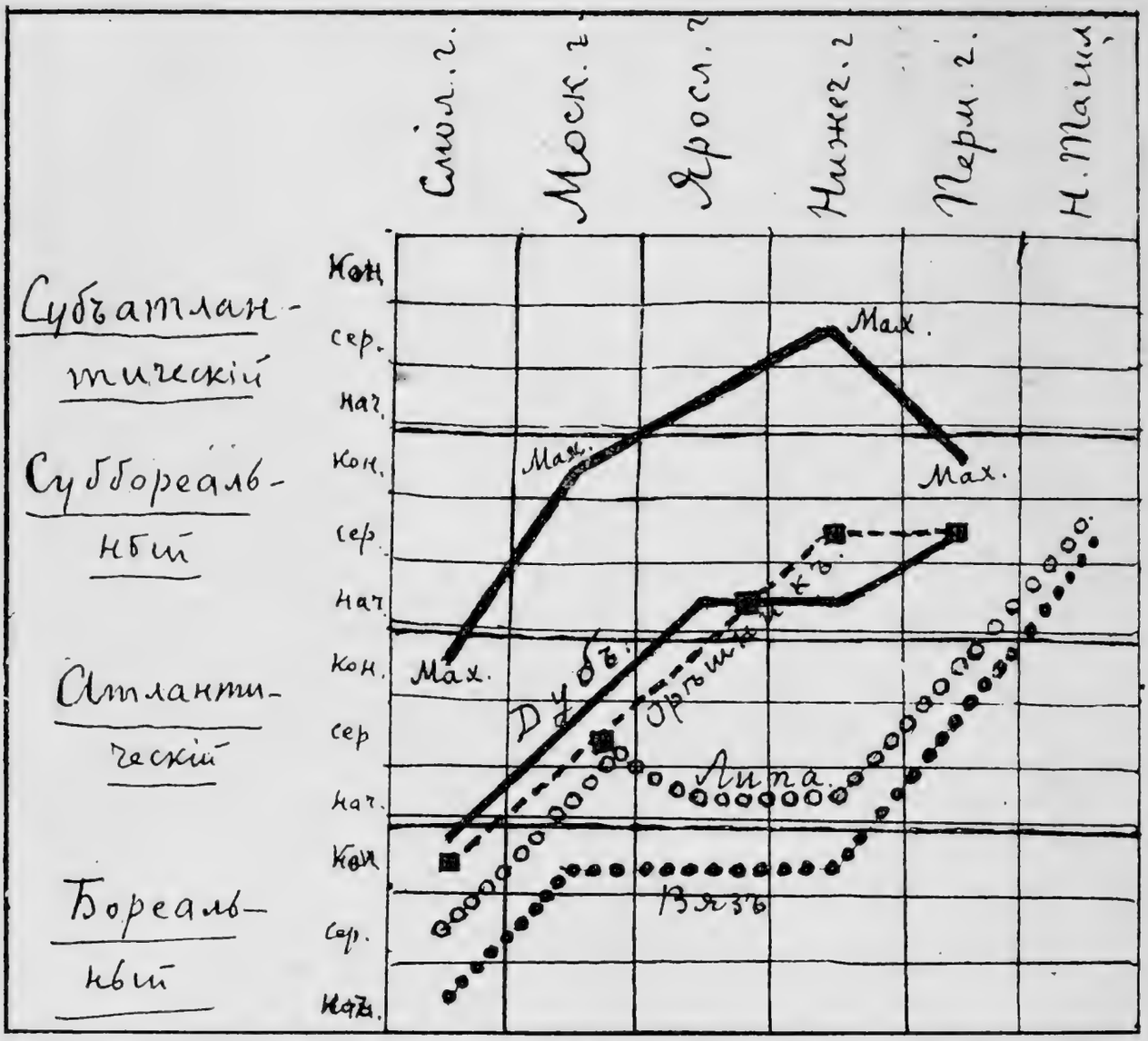
Первые два этапа отступленія ледника сопровождались пониженіемъ прибалтійскихъ — особенно скандинавскихъ береговъ. Въ результатѣ, воды Балтійскаго и Сѣвернаго морей покрыли южную Швецію и отдѣлили ее отъ Европейскаго континента. По имени морской раковины (Yoldia arctica), сохранившей намъ память о тогдашнемъ распространеніи водъ, это обширное море арктической эпохи получило названіе Іольдіа. Втеченіи слѣдующихъ двухъ этаповъ берега опять поднялись и отрѣзали, въ свою очередь, Балтійское озеро отъ Ледовитаго океана и Сѣвернаго моря, такъ что оно стало прѣснымъ и Швеція соединилась съ континентомъ. Новый видъ прѣсноводнаго моллюска — Ancylus fluvialis — далъ имя этому прѣсному морю — Анцилюсъ. Наконецъ, уже въ послѣледниковый періодъ, при новомъ опущеніи береговъ, Балтійское море вновь соединилось съ океаномъ и стало опять соленымъ; пришелъ изъ Сѣвернаго моря и новый моллюскъ (Litorina litorea), давшій этому морю названіе Литорина.

Скандинавскіе ученые Блиттъ — Сернандеръ установили рядъ перемѣнъ климата, соотвѣтствовавшихъ стадіямъ отступленія ледника. А изслѣдованія остатковъ растительности въ торфяникахъ Скандинавіи дали возможность связать эти климатическія перемѣны съ соотвѣтственными измѣненіями сѣверноевропейскаго растительнаго покрова. Второй столбецъ нашей таблицы даетъ сжатую сводку этихъ сопоставленій. Исходной точкой служитъ здѣсь тотъ арктическій климатъ, который, какъ мы знаемъ, свойствененъ тундро-степной мамонтовой флорѣ и фаунѣ. Это — время карликовыхъ кустарниковъ (Дріасъ) арктическихъ странъ. Затѣмъ климатъ начинаетъ смягчаться, сохраняя вначалѣ свой континентальный характеръ въ такъ наз. «субъарктическомъ» періодѣ и достигая своего оптимума (наилучшаго періода) въ концѣ періода Анцилюса (климатъ «бореальный»). Въ это время прѣсное море сократилось, и по перешейку между Ютландіей и Сконіей проникъ и распространился въ Швеціи дубъ. Оптимальный климатъ продолжался и въ первое время послѣледниковаго періода Литорины, когда въ Балтійское море проникъ Гольфстремъ и климатъ сдѣлался морскимъ («атлантическій»). Но къ концу Литорины климатъ («суббореальный») сталъ быстро ухудшаться. Въ это время на скандинавскомъ сѣверѣ исчезаетъ дубъ и букъ, уступая мѣсто ели; хвоя распространяется на сѣверъ. Ухудшеніе климата продолжается и въ историческое время («субъатлантическій» климатъ); лиственные лѣса въ это время уходятъ на югъ. Мы встрѣтимся въ

тальнѣйшемъ изложеніи съ послѣдствіями этихъ климатическихъ перемѣнъ въ процессѣ заселенія Европы.

Остальные столбцы таблицы найдутъ свое объясненіе въ дальнѣйшемъ. Отмѣтимъ лишь, что хронологія скандинавскихъ и прибалтійскихъ культуръ только начинается тамъ, гдѣ кончается хронологія міолита. Древнѣйшія находки этого періода — грубыя каменныя орудія — не поддаются точно датировкѣ. На таблицѣ они отмѣчены двумя мѣстностями возлѣ Любека (Шлютупъ, Розенкранцъ, № 17), какъ «конецъ Мадленъ». Къ нимъ можно еще прибавить находки въ Аренсбургѣ и Лаверштедтѣ. Всѣ эти находки — на территоріи балтійской морены. Дальнѣйшіе отдѣлы конца ледниковаго періода отмѣчены уже, какъ переходныя къ неолиту (эпиміолитическія) стадіи культуры; они носятъ условныя французскія названія (по мѣстамъ стоянокъ): Asilien, Tardenoisien и Campignien.

По слѣдамъ скандинавскихъ ученыхъ пошли и русскіе; но ихъ работы не даютъ еще такой отчетливой картины, какъ представленная на стр. 140-141 таблица. Во всякомъ случаѣ, они достаточны, чтобы показать связь между германско-скандинавско-балтійскимъ и центрально-русскимъ мѣсторазвитіями сѣверной Европы. Изъ прилагаемой таблицы (№ 22), составленной Д. Герасимовымъ на основаніи изслѣдованій пыльцы лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ въ разныхъ слояхъ русскихъ торфяниковъ, сразу уже видно, что слѣдовъ растительности древнѣйшихъ періодовъ — арктическаго и субъарктическаго — въ Россіи вовсе нѣтъ. Отчасти остатки не стаявшаго ледника,, отчасти сухой континентальный климатъ препятствовали образованію торфа на мѣстѣ болотъ и озеръ. Первыя отложенія торфа относятся уже ко времени оптимальнаго климата континентальной бореальной эпохи, достаточно теплаго для распространенія дуба и орѣшника въ Московской губерніи. Дубъ и орѣшникъ встрѣчались тогда даже въ Нижегородской и Вологодской губерніяхъ (около 7.000-5.000 до Р. Х.). Однако, періодъ скандинавскаго и балтійскаго теплаго климата, продолжавшійся послѣ бореальнаго въ атлантическомъ (морскомъ), у насъ въ Россіи былъ болѣе суровымъ. Герасимовъ считаетъ нашъ атлантическій періодъ не теплымъ и влажнымъ, а холоднымъ и влажнымъ. Климатъ Тверской губ. тогда былъ сходенъ съ теперешнимъ Петербургскимъ или даже съ южной частью Кольскаго полуострова. Смѣшанный дубовый лѣсъ (дубъ, вязъ, липа) господствовалъ тогда лишь въ Смоленской губ. На сѣверъ отъ Москвы липы не было: преобладала береза. Ель была распространена въ достаточномъ ко-



№ 22. Перемѣны климата (по Герасимову).

личествѣ въ Вологодской и Костромской губ. На среднемъ Уралѣ почти исключительно господствовала лиственница съ небольшой примѣсью ели. Напротивъ, слѣдующій суббореальный климатъ, когда въ Прибалтикѣ наступило ухудшеніе, Герасимовъ считаетъ болѣе теплымъ и влажнымъ, чѣмъ современный — послѣледниковымъ максимумомъ тепла въ Россіи. Это періодъ наибольшаго распространенія смѣшаннаго дубоваго лѣса; тогда растетъ крупный сосновый лѣсъ, развивается ольха. Распространяется сосна и ель въ Новгородской, Тверской, Московской, Калужской, Нижегородской губ., достигая максимальнаго развитія на среднемъ и сѣверномъ Уралѣ. На среднемъ Уралѣ появляется пихта. Наконецъ, субъатлантическій климатъ въ Россіи въ началѣ тоже продолжаетъ быть влажнѣе и теплѣе современнаго; въ концѣ онъ приближается къ современному континентальному. Тогда убываютъ смѣшанные дубовые лѣса и

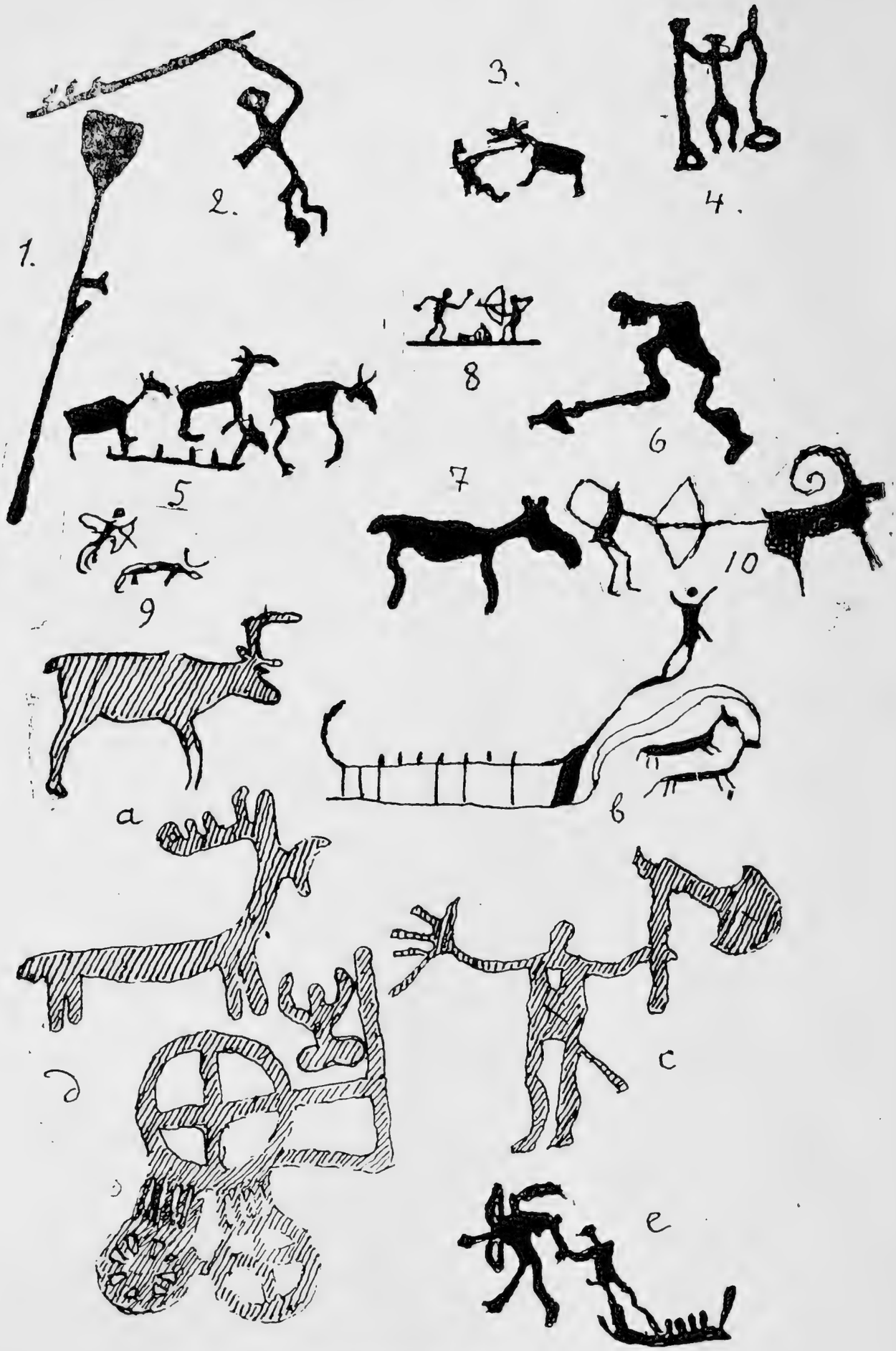
ольха. На среднемъ Уралѣ появляется кедръ. Характерно, что максимальное распространеніе дуба (верхняя черная линія діаграммы) достигается прежде всего — въ концѣ атлантическаго періода въ Смоленской губ. — въ началѣ суббореальнаго — въ Калужской, и тогда же въ Пермской, а въ концѣ его — въ Московской. Въ Ярославской и Нижегородской максимумъ достигается только въ началѣ и срединѣ субъатлантическаго.

Изъ сказаннаго видно, прежде всего, что послѣледниковый періодъ есть время распространенія — впервые въ Россіи — лѣсныхъ произрастеній, въ центрѣ лиственныхъ и смѣшанныхъ, на сѣверѣ хвойныхъ. Но распространенію лѣса предшествовалъ длинный періодъ, когда таяніе ледника оставило по себѣ лишь пески, озера и болота. Хоопсъ правъ, что такое состояніе почвы не благопріятствовало появленію *прочныхъ* человѣческихъ поселеній. Одно такое поселеніе — на восточномъ краю тающаго ледника мы уже знаемъ — у озера Шигиръ, около Екатеринбурга, гдѣ находки встрѣчены въ самомъ низкомъ слоѣ торфа, среди остатковъ мамонтовой фауны (стр. 128). Теперь отмѣтимъ, что совершенно тожественная культура была найдена и на западной окраинѣ ледника, на эстонскомъ берегу въ стоянкѣ у с. Кунда, а также въ Пернау, на западномъ берегу Эстоніи (см. карту № 17, буквы f и g, и на картѣ № 16, цифры 15 и 16). Обыкновенно, Кунду относили ко времени Анцилюсъ. Но Мергартъ, признавая эпипалеолитическій характеръ этой культуры, относитъ Кунду къ эпохѣ Литорины, а Пернау даже къ неолиту. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что эти стоянки — значительно позднѣе Шигиря. Ископаемая фауна здѣсь уже отсутствуетъ. Находки (гарпуны, стрѣлы и ударныя орудія) лежатъ не въ нижнемъ слоѣ торфа, какъ въ Шигирѣ, а въ верхней части торфянаго пласта въ три метра толщины. Остается заключить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ разселеніемъ въ обратномъ направленіи тому, за которымъ слѣдили въ болѣе южномъ мѣсторазвитіи — въ лессовой полосѣ. Наблюденіе это подтверждается и такимъ авторитетомъ, какъ Обермайеръ, который распространяетъ его и на находки въ торфяныхъ болотахъ и луговыхъ отложеніяхъ сѣверной Германіи, восточной Пруссіи, Померанія, Мекленбурга, Шлезвигъ Гольштейна, Havelland'a. Онъ отмѣчаетъ, что костяныя орудія этихъ находокъ сдѣланы не изъ рога древнѣйшаго типа оленей (Ren), а изъ позднѣйшаго (Hirsch) и лося — и что они «всецѣло покрываются по типу изящными гарпунами ступени Маглемозе («большое болото» на островѣ Зеландъ, карта 16, № 20), распространенной по датскимъ островамъ, южной Швеціи и При-

балтикѣ — до Эстоніи (Обермайеръ разумѣетъ, очевидно, только что упомянутыя стоянки №№ 15 и 16). Откуда же пришли эти культуры? Вотъ отвѣтъ Обермайера. «Не слѣдуетъ приписывать эти комплексы находокъ періоду Мадленъ — въ томъ смыслѣ, что съ отступленіемъ льда мадленское населеніе южной Европы послѣдовало за переселяющимся Ren на сѣверъ. Кругъ культуры Маглемозе не имѣетъ непосредственной связи съ прежней культурой Ren, но безспорно развиваетъ дальше традиціи Мадленъ и проникнутъ пережитками этой ступени, которые въ эпоху «кухонныхъ остатковъ» уже совершенно устранены. Мы съ Брейлемъ думаемъ, что эти поздніе переживанія коренятся въ дальнѣйшемъ мадленскомъ центрѣ, который *выработался въ сѣверо-восточной Европѣ* и по существу сходенъ съ западно-европейскимъ. Почти полное отсутствіе подлиннаго Мадленъ въ средней и сѣверной Германіи дѣлаетъ маловѣроятнымъ упомянутое переселеніе съ юга на сѣверъ. Переселяющіяся стада Ren, вѣроятно, вообще погибли на южномъ берегу моря Іольдіа. Ихъ не существовало больше, когда появился сухопутный перешеекъ (между Даніей и южной Швеціей) времени Анцилюса. Это заставляетъ предположить, что эта порода животныхъ проникла въ теперешнюю Скандинавію *изъ сѣверо-восточной Россіи* черезъ Лапландію». Это важное заключеніе двухъ крупнѣйшихъ изслѣдователей очень близко подходитъ къ моему принятію преемственной связи между Шигиремъ — пережиткомъ эпохи Мадленъ — и культурой Кунда. Представители той же ориньякской расы, передвиженіе которой съ запада на востокъ мы прослѣдили въ области лессоваго мѣсторазвитія, очевидно, воспользовались очистившейся послѣ отступленія ледника территоріей и сравнительно болѣе теплымъ временемъ, когда развитіе лѣса только-что начиналось, чтобы поселиться среди непересохшихъ еще озеръ сѣверной Россіи. Это мѣсторазвитіе было менѣе благопріятно, чѣмъ болѣе южное; но здѣсь еще сохранялись открытыя пространства; даже лиственный лѣсъ, начавшій появляться, не былъ еще непроходимъ, подобно хвойной тайгѣ. Исчезли, правда, крупныя ископаемыя — предметъ охоты жителей міолита; сохранились только олень и лось. Но мы уже замѣтили, что переселенцы эпохи костяной культуры начали переносить базисъ своего пропитанія съ охоты на рыболовство. Этимъ объясняется и обиліе гарпуновъ въ торфяныхъ находкахъ. Чтобы пройти обширное пространство отъ Урала до Балтики, вслѣдъ за тающимъ ледникомъ, нужно было, конечно, немало времени. Этимъ объясняется и исчезновеніе въ промежуткѣ ископаемыхъ животныхъ и болѣе поздніе типы находокъ и ихъ залеганіе все въ болѣе высокихъ сло-

лхъ торфа. Въ Пернау уже найдена типичная «гребеночная керамика» (Kammkeramik); почему Мерхартъ и отнесъ эту стоянку къ неолиту. Вообще надо признать правильнымъ его утвержденіе, что переходъ къ неолиту совершился здѣсь постепенно, въ средѣ одного и того же населенія. «Кухонные остатки», какъ мы замѣтили, относятся тоже къ болѣе поздней эпохѣ (5.000-4.000), что снова подтверждаетъ ходъ заселенія отъ востока къ западу. Едвали есть также основаніе отдѣлять культуру Маглемозе и Эртеболле отъ разсматриваемаго круга культуры. Менгинъ считаетъ ту и другую — прямымъ продолженіемъ Кунды и Шигиря. Но этотъ споръ уже выходитъ за предѣлы нашего изложенія. Замѣтимъ лишь, что въ принятіи направленія заселенія сѣвера восточной Европы съ востока на западъ можно найти отвѣтъ на вопросъ, откуда пришло населеніе Финляндіи. Выше мы допустили очень давнее заселеніе Швеціи разными расами съ разныхъ сторонъ: короткоголовыми лапландцами съ югозапада и длинноголовыми одной изъ двухъ расъ: кроманьонской или шанселадъ-эскимоидной. На этотъ разъ рѣчь идетъ о болѣе позднемъ притокѣ населенія. Хоонсъ насчиталъ 560 площадокъ съ кострищами въ Эртеболле (сѣв. Ютландія, карта 16, № 19). Изъ нихъ цѣлыхъ 503, т.-е. 73,9 проц. имѣли одни дубовые уголья, и только въ 40 случаяхъ къ дубу примѣшивался вязъ, въ 37 — береза, въ 23 — осина. Это, очевидно, былъ смѣшанный лѣсъ эпохи Литорины, т.-е. стоянка Эртеболле относится къ 5.000-4.000 лѣтъ до Р. Х.

Вопросъ о первоначальномъ заселеніи Финляндіи стоитъ въ тѣсной связи съ только-что описанными процессами. Здѣсь, какъ и въ Швеціи, имѣется три расовыхъ элемента населенія. Лапландцы проникли въ Финляндію, вѣроятно, въ очень древнюю пору, черезъ сѣверную Швецію. Длинноголовые потомки ориньякской расы (или двухъ ориньякскихъ расъ), по предыдущему, должны были придти значительно позже — или прямо съ востока черезъ озера или изъ Балтики черезъ Финскій заливъ. О послѣднемъ пути свидѣтельствуетъ стоянка въ Saarusjârvi (№ 21). Въ настящее время длинноголовый финскій элементъ сохранился всего чище (тавасты) на востокѣ и въ центрѣ Финляндіи, указывая уже этимъ самымъ то направленіе, откуда онъ пришелъ. Къ сѣверу и къ югу отъ этого угро-финскаго ядра ростъ и окраска населенія мѣняются, показывая тѣмъ наличность скрещиванія съ короткоголовыми черноволосыми лапландцами (къ сѣверу) и съ длинноголовой бѣлокурой «сѣверной» расой (къ югу). Давнее сосѣдство двухъ длинноголовыхъ расъ — кроманьонской и шанселадъ — дало поводъ говорить



№ 23. Изображенія на сѣверныхъ скалахъ.

не только о древнѣйшей *связи* угрофиновъ съ индоевропейцами, что отразилось на ихъ языкахъ, но даже и о первоначальномъ *единствѣ* этихъ двухъ группъ языковъ (Коссинна). Примитивность культуры всѣхъ этихъ элементовъ и продолжительность ея сохраненія, дѣйствительно, даетъ намъ возможность здѣсь, какъ по отношенію къ ориньякскому человѣку лессовой полосы, искать генетической связи древнихъ расъ съ позднѣйшими народностями (ср. также слѣдующую главу).

Очень яркой иллюстраціей, какъ примитивности, такъ и длительности этой культуры служатъ ея изображенія на сѣверныхъ скалахъ. Нѣкоторые образцы этихъ изображеній я воспроизвожу на прилагаемомъ рисункѣ № 23. Изображенія 1-7 срисованы англійскимъ археологомъ Беркиттомъ со скалъ на берегу Онежскаго озера, противъ Петрозаводска, почти надъ самой водой. Поверхность скалы была отполирована, изображенія врѣзаны на 1-2 сантиметра глубины, на очень твердой горной породѣ. Беркиттъ относитъ ихъ къ эпохѣ бронзы, но мы знаемъ уже сбивчивость и условность этихъ опредѣленій на сѣверѣ и востокѣ. По содержанію они, во всякомъ случаѣ, представляютъ всѣ характерныя черты жизни населенія міолита. О рыболовствѣ свидѣтельствуетъ здѣсь фигура человѣка, запускающаго гарпунъ (2), и весло (1). На рисункѣ № 3 охотникъ поражаетъ дротикомъ лося. Рис. 6-ой изображаетъ земледѣльца съ киркой примитивной формы, можетъ быть, насаженной на рукоятку. Способъ передвиженія на оленяхъ изображенъ на рис. 5. Рис 4-ый представляетъ человѣка идущаго на лыжахъ. Рис. 7 изображаетъ лося. Наивный реализмъ изображеній помѣшалъ мнѣ воспроизвести сцены общенія между полами. Въ нижней части рисунки обозначенные буквами, представляютъ ту же культуру, но на высшей стадіи: они сняты съ прибрежныхъ скалъ южной Швеціи. *) Здѣсь человѣкъ управляетъ санями, запряженными собаками — первымъ звѣремъ породы волка, прирученнымъ человѣкомъ (в). Сани, запрягавшіяся собаками, извѣстны въ Финляндіи уже въ эпоху Литорины. Появляются предметы ритуала: повозка на колесахъ, ср. позднѣйшія «колесницы солнца», и тутъ же олень и возница (д). Оружіе вождя (или громовержца (с) имѣетъ форму бронзоваго топора (знакъ власти). Стрѣлокъ изъ лука носитъ какой-то головной уборъ (е), а стоящій рядомъ въ саняхъ (или на лодкѣ) спутникъ готовится бросить въ томъ-же направленіи что-то

*) a — Böta; b — Ekenberg bei Norrköping; c — Flyhof; d — Bohuslän; e — Bohuslän.

вродѣ бумеранга (е). Интересныя параллели къ этимъ рисункамъ представляютъ № 9, срисованный со скалы Ихэ-Алыкъ въ сѣв. Монголіи, по среднему теченію р. Толы, и № 10: охота на аргала, со скалы у р. Дженишке, въ верхнемъ теченіи Иртыша у о. Зайсана. Наконецъ, подъ № 8 я помѣстилъ современный эскимосскій рисунокъ, изображающій борьбу за добычу. При всей разницѣ топографіи и хронологіи, мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, съ одной и той же культурой, а иногда и съ одной и той же народностью, пронесшей черезъ вѣка основныя черты своего быта.

Подводя итогъ достиженіямъ культуры въ эпоху міолита, эпоху долгую, но несравненно болѣе короткую, чѣмъ предшествовавшая ей протолическая эпоха, мы прежде всего должны отмѣтить основную черту этой эпохи. Человѣкъ ориньякскаго типа впервые заселяетъ Россію, проходя ее съ запада на востокъ. Это передвиженіе начинается сперва на пространствѣ полосы средней Европы, оставшейся свободной отъ ледника. Затѣмъ оно продолжается въ отложеніяхъ лесса, черезъ южную Россію на сѣверовостокъ въ Сибирь, по ея южной лѣсостепной полосѣ до Байкала — и дальше, — предположительно, до Берингова пролива, и черезъ Алеутскіе и Курильскіе острова въ Америку. Культура Ориньяка и Мадленъ доносится до этихъ предѣловъ въ основныхъ чертахъ неизмѣненной, какъ не измѣняется и типъ населенія; но въ то же время, по мѣрѣ продвиженія на востокъ, къ ней присоединяются и мѣстныя черты. По мѣрѣ этого продвиженія и хронологія древнѣйшаго заселенія представляется все болѣе и болѣе поздней. Что касается антропологическаго типа переселенцевъ, мы нашли возможнымъ установить его однородность на всемъ этомъ длинномъ пути, сопоставивъ ископаемую расу «шанселадъ» съ живой палеазіатской народностью эскимосовъ. Это типъ европейскій.

Съ большимъ опозданіемъ заселяются и освободившіяся отъ льда, по мѣрѣ таянія ледника, территоріи сѣверной Германіи, Даніи, южной Швеціи и прибрежій Балтійскаго моря. Здѣсь процессъ заселенія кончается уже далеко за предѣлами міолита. Главная линія этого послѣдняго процесса идетъ въ обратномъ прежнему направленіи — съ востока на западъ, отъ Урала къ Балтикѣ. Это общее направленіе объединяетъ сѣверную Россію и германскую низменность въ одномъ общемъ процессѣ — сравнительно-поздняго заселенія.

Такимъ образомъ, ко времени неолита вся восточная Европа является уже заселенною. Культура, принесенная съ крайняго запада Европы въ центръ и на востокъ, является, въ противополож-

ность протолиту, созданіемъ человѣка не звѣринаго типа, а типа homo sapiens. Этотъ типъ, въ предѣлахъ міолита, представленъ, по крайней мѣрѣ, тремя различными расами, двѣ изъ которыхъ длинноголовыя (кроманьонская и шанселадъ), а третья — коротконоголовая. Послѣдняя, несомнѣнно, связана с лапландцами. Раса шанселадъ — «лофоцефалы», по нашему мнѣнію, столь-же несомнѣнно связана съ палеазіатами — въ частности съ эскимосами. Наконецъ, третью, кроманьонскую расу многіе считали предками германцевъ. Но она — широколицая, тогда какъ «сѣверная раса» длиннолицая, и глава новѣйшей школы Гюнтеръ предпочитаетъ выводить германцевъ отъ расы шанселадъ, признавая потомками кроманьонцевъ — особую вестфальскую (fälische) расу, болѣе тяжеловѣсную, чѣмъ стройный, узколицый и узконосый типъ шанселадъ.

По характеру быта, культура міолита переходитъ отъ культуры собирателей, а не производителей пищи, къ культурѣ охотниковъ и рыболововъ. По самому роду своихъ занятій, населеніе ведетъ бродячую жизнь, передвигаясь на большихъ, открытыхъ пространствахъ вслѣдъ за перемѣщеніемъ предметовъ своего питанія — мамонтовыхъ, оленьихъ, лошадиныхъ стадъ на сушѣ, появленіемъ рыбныхъ скопленій на морѣ. Самое продвиженіе къ востоку является послѣдствіемъ этихъ поисковъ пищи, а толчкомъ къ нему — оскудѣніе пищи, или вслѣдствіе перенаселенія, конечно, перенаселенія относительнаго, или же вслѣдствіи перемѣнъ климата и соотвѣтственной фауны. Скопленіе населенія около мѣстъ, особенно обильныхъ пищей, сопровождается нѣкоторой условной осѣдлостью. Охотники и рыболовы начинаютъ возвращаться къ однимъ и тѣмъ же стоянкамъ, гдѣ устраиваются болѣе или менѣе значительные запасы пищи и организуются мастерскія для производства орудій охоты. Наблюдается и извѣстный прогрессъ въ обработкѣ этихъ орудій. Каменныя орудія при этомъ уже не играютъ той исключительной роли, какъ прежде на западѣ. Рядомъ съ ними появляются и постепенно вытѣсняютъ ихъ на с.-в. Европы костяныя орудія. Отъ жилищъ этого періода сохранились едва замѣтные слѣды; но они указываютъ на шалашъ и юрту, какъ на примитивныя формы жилья человѣка, только-что покинувшаго пещерныя убѣжища. Появляются впервые въ началѣ этого періода и постепенно совершенствуются предметы искусства и украшеній. Отъ Испаніи и Франціи до Алеутскихъ острововъ, Аляски, Лабрадора и Гренландіи типъ этого искусства эпохи міолита — одинаковъ, и это сходство еще разъ подчеркиваетъ единство всего процесса. Что касается религіозныхъ понятій, ихъ развитіе совершается медленно. Оно проявляется

преимущественно въ ритуалѣ погребенія покойниковъ (согнутые и окрашенные скелеты), свидѣтельствующемъ о примитивныхъ представленіяхъ о загробной жизни. Появляются и идолы — прежде всего, женскаго божества, олицетворяющаго плодородіе. На западѣ сохранились слѣды шаманства, вѣроятно, восходящаго къ этому же періоду и на востокѣ. Соціальный строй носитъ примитивныя черты. Соединенія охотниковъ не идутъ далѣе небольшихъ группъ, сходящихся только для охоты и дѣлящихъ между собой ея результаты. Эта черта, вмѣстѣ съ свободой кочеванія и заселенія необитаемыхъ земель, обусловливаетъ мирный характеръ отношеній между группами. Однако, обширныя территоріи кочеванія уже считаются собственностью племенъ. Не исключаются и случаи убійства лишнихъ ртовъ и каннибализма. При нѣкоторой осторожности можно дополнить эти основныя черты доисторической культуры чертами быта современныхъ примитивныхъ народовъ — прежде всего эскимосовъ, какъ уже и дѣлали это нѣкоторые изслѣдователи (напримѣръ Людвигъ Рейнгартъ). Нужно только помнить, что древнія черты осложнены здѣсь приспособленіемъ къ новой обстановкѣ.

Неисчерпаемую сокровищницу данныхъ по всему доисторическому періоду представляетъ Reallexikon der Vorgeschichte, herausgegeben v. *Max Ebert*, unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter, въ 14 томахъ (1924-1932) съ обширнымъ систематическимъ указателемъ въ 15 томѣ, чрезвычайно облегчающимъ пользованіе огромнымъ матеріаломъ. Для первоначальнаго ознакомленія можно указать *Moritz Hoernes*, Urgeschichte der Menschheit, neubearbeitet v. *Friedrich Behn* и его же Kultur der Urzeit въ трехъ выпускахъ, переработка того же F. Behn, оба сочиненія въ Sammlung Göschen. Другое классическое произведеніе Хернеса, Geschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 vor Christi также переиздано съ обширнымъ и цѣннымъ прибавленіемъ *Oswald Menghin* (3 изд. 1925). *Hubert Schmidt*, Vorgeschichte Europas, въ серіи Aus Natur und Geisteswelt остановилась, къ сожалѣнію, на первомъ томѣ: Stein und Bronzezeit (1924). Классическое въ свое время руководство *Gabriel et Adrien de Mortillet*, La préhistoire, origine et antiquité de l'homme переиздано послѣднимъ безъ измѣненій въ 1910 г. съ 3-го изданія 1900 г. и уже не представляетъ современнаго состоянія науки. Изъ новыхъ сводныхъ работъ полезна для общаго введенія талантливая книга *V. Gordon Childe*, The Dawn of European civilization, 2e édition въ серіи The History of Civilization, ed. by C. K. Ogden, London, 1927. По-русски имѣется свод-

ная работа стараго археолога **В. А. Городцова,** Археологія, т. I, Каменный періодъ, Госиздат, 1923: обширный матеріалъ и библіографія, но изложеніе, довольно спутанное, соединяетъ преобладаніе типологическаго метода съ сырыми соціологическими обобщеніями. Для исторіи земли до появленія человѣка, см. въ томъ же Sammlung Göschen, *Franz Kossmat,* Palaeogeographie, 3-е изд. 1924, *Wilh. R. Eckart,* Palaeoklimatologie, 2-ое изд. 1923. *Emil Werth,* Das Eiszeitalter, 2-ое изд. 1920. Въ серіи Aus Natur und Geisteswelt. *Edgar Dacqué,* Geographie der Vorwelt, 1919. **Обермайеръ,** Доисторическій человѣкъ, т. 1-ый (въ трехтомной серіи: Человѣкъ въ его прошломъ и настоящемъ, въ Библ. Естествознанія подъ ред. Мензбира, 1913). Новѣйшая работа **Обермайера** Urgeschichte der Menschheit, Frb. 1931, напечатана въ серіи Geschichte der führenden Völker. О расахъ см. *Boule* M., Les hommes fossils, Eléments de paléontologie humaine, 2e éd. Paris 1923. *Duckworth,* Prehistoric Man въ The Cambridge Manuals. Cambr. 1912. *Eugène Pittard,* Les races et l'histoire въ серіи L'évolution de l'humanité, Paris, 1924, детальное изложеніе безъ общихъ выводовъ, подробная библіографія. Противоположность этой книгѣ составляетъ широко задуманная оригинальная работа Egon Freiherr *von Eickstedt,* Rassenkunde und Rassengeschchte der Menschheit, Stuttgart, 1934, съ обильными иллюстраціями и съ новѣйшей библіографіей. Авторъ производитъ человѣчество изъ Азіи, но его наблюденія надъ «европидами» Сибири совпадаютъ съ моими. Африканскаго происхожденія держится **Джузеппе Серджи,** см. его работы: Africa 1897, Europa, L'origine dei popoli europei e la loro relazione coi popoli d'Africa, d'Asia e d'Oceania, 1907, и L'uomo secondo le origini, l'antichita, le variazioni e distribuzione geographica, 1911. Въ своей новѣйшей работѣ, здѣсь использованной, La piu antica umanita vivente, Torino, 1930, Серджи возвѣщаетъ, со свойственнымъ ему энтузіазмомъ, о распространеніи типа «лофоцефаловъ» и сопоставляетъ его съ эскимосами Америки. Но онъ не знаетъ судьбы лофоцефаловъ въ Европѣ и удивляется появленію здѣсь череповъ этого типа, правильно связываемаго имъ съ типомъ Шанселадъ. Мое изложеніе даетъ недостающее ему звено и устанавливаетъ происхожденіе американскихъ лофоцефаловъ — по крайней мѣрѣ одного изъ этихъ типовъ — изъ Азіи. Сжатое изложеніе Rassenkunde даетъ **Густавъ Краичекъ** въ серіи Urgeschichtliche Volksbücher, Wien, 1924. Рядомъ съ расистскими увлеченіями много интереснаго содержатъ и работы признаннаго главы германской школы *Hans Günther,* Rassenkunde des deutschen Volkes, посл. изданіе, München, 1933, и его же Rassenkunde Europas, 3. Aufl. 1929. Новѣйшее сокращенное и дешевое изданіе вышло тамъ-же въ 1933 г.: Kleine Rassenkunde des deutschen Volkes, 1933.

Объ историческихъ измѣненіяхъ русскаго ландшафта, кромѣ приведенныхъ въ предыдущей главѣ сочиненій, см. брошюру **Лавренко:** Центры консервированія третичныхъ лѣсныхъ реликтовъ между Карпатами и Алтаемъ въ Prace Moravske prirodovedeckie spolecnosti, svaz IV, spis 2, 1927. Главныя находки эпохи Ориньякъ и Мадленъ описывались неоднократно. О распространеніи ориньякскихъ находокъ въ Европѣ, см. справочную работу *Johannes Bumüller,* Leitfaden der Vorgeschichte Europas, 1925. О находкахъ въ Кіевѣ, см. **В. В. Хвойко,** Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья въ Трудахъ XI археологическаго съѣзда, т. I, и егоже Раскопки 1901 г. въ области Трипольской культуры (Записки отд. русск. и слав. Археологіи Р. Арх. Общ., т. V). О раскопкахъ 1909-1912 въ Мезинѣ, см. статью **Ф. Волкова:** Nouvelles découvertes dans la station paléolithique de Mézine. Compte rendu de la XIVe session. Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistorique, Genève, 1912, т I. Тамъ-же замѣчанія abbé H. Breuil о Мезинѣ. О Костенкахъ, см. **П. Ефименко,** Статуэтка солютрейскаго времени съ береговъ Дона (со снимкомъ) въ Матеріалахъ по Этнографіи, томъ 3-ій, Ленинград, 1926. Свѣдѣнія о новѣйшихъ раскопкахъ М. М. Герасимова въ 1928-1932 г.г. въ Мальтѣ, см. въ Изв. Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры, т. XI, вып. 3-4, 1931, статья **П. Ефименко:** Значеніе женщины въ Ориньякскую эпоху, и в «Сообщеніяхъ», ГАИМК, 1932, № 9-10. Снимки напечатаны весной 1934 года въ Illustrated London News. О позднемъ характерѣ сибирскаго палеолита, см. **В. И. Громова,** О геологіи и фаунѣ палеолита СССР (съ картой распространенія въ Россіи и Сибири), ГАИМК, 1933, №№ 1 и 2. По времени онъ отвѣчаетъ концу верхняго палеолита европейской части СССР — эпохѣ развитаго и поздняго мадлена. «Всѣ до сихъ поръ извѣстныя (сибирскія) стоянки отвѣчаютъ времени завершенія аккумуляціи вторыхъ террассъ и начальнымъ стадіямъ формированія ихъ уступовъ». Къ тому же выводу, подтверждающему мое построеніе, приходитъ и польскій археологъ Ludwik Savicki, послѣ подробнаго обзора сибирскихъ «палеолитическихъ» находокъ, въ Przegląd Archeologiczny, t. III, zesz 3: онъ даже предлагаетъ «для устраненія недоразумѣній» замѣнить названіе «сибирскаго палеолита» — «сибирскимъ эпипалеолитомъ», отводя ему мѣсто въ пер. Ancylus (соотв. asilien-tardenoisien) и относя сюда и «Афонтову», и «Верхоленскую» гору (выше, стр. 129). Сводный отчетъ о сибирскомъ палеолитѣ по спеціальной совѣтской литературѣ напечатанъ **Мерхартомъ** въ Wiener Prähistor. Zeitschrift, XI, 1924. См также приведенное въ предыдущей главѣ сочиненіе **В. Іохельсона** и его же Archaeological Investigations in Kamchatka. Published by Carnegie Institution of Washington, 1928. О бытѣ современныхъ эскимосовъ, см. *Arnaldo Faustini,* Gli Eschimesi въ серіи La civilta contemporanea, Torino, 1912,

и главу въ книгѣ *Ludwig Reinhart*, Der Mensch der Eiszeit, 1924. Отдѣльныя замѣчанія, подтверждающія наше изложеніе, см. у *G. Ekholm*, Die erste Besiedelung des Ostseegebietes въ Wiener Präh. Zeitschrift X (1925). О талантѣ рисованія палеазіатовъ, см. *Hans Findeisen*, Der Mensch und seine Teile in der Kunst der Jenissejer (Keto) въ Zeitschrift für Ethnologie, 1931. Полемика Финдейзена съ Богоразомъ (Сборникъ памяти Кастрена, СПБ., 1927) о прародинѣ и національности палеазіатовъ въ томъ же Zeitschrift für Ethnologie, 1927. О снимкахъ со скалъ противъ Петрозаводска на берегу Онежскаго озера, см. у *M. C. Burkitt*, Prehistory, 2 ed., Cambridge, 1925. Болѣе точное изданіе по фотографическимъ снимкамъ готовится въ Ленинградѣ. Скандинавскіе рисунки взяты из Reallexikon Эберта. Сибирскіе — изъ отчета археол. экспедиціи 1925 г. съ участіемъ Г. И. Боровки по сред. теченію р. Толы (Сѣв. Монголія, II, Предвар. отчеты, Лен. 1927, Ком. по изслѣд. Монгол. и Танну-Тувинской республикъ). См. также статью Тальгрена въ Eurasia Septentrionalis Antiqua (ESA), VIII, 1933: Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures. О Шигирѣ и Кундѣ, см. статью **Мерхарта,** Sibirien, въ словарѣ Эберта. Хронологическая таблица таянія ледника и соотвѣтственныхъ климатическихъ и археологическихъ эпохъ составлена по нѣсколькимъ источникамъ: ср. Ebert, II, въ статьѣ Обермайера (въ 1931 г. Обермайеръ измѣняетъ хронологію). Тамъ же, IV, въ ст. Nordkreis, по Blytt и Sernander, Jessen, Munthe, Montelius. О частяхъ таблицы, касающихся неолита и металлической эпохи, см. слѣдующую главу. Хронологія Soergel въ т. I Propylaeen. Ссылка Обермайера на Брейля, см. въ ст. Norddeutschland (Ebert, IV). Объ измѣненіяхъ климата въ Россіи, см. **Д. А. Герасимова,** Измѣненія климата и исторія лѣсовъ Тверской губерніи въ послѣледниковую эпоху по даннымъ изученія торфяныхъ болотъ.

III

Происхожденіе національностей

Раса и національность. — Пластичность расы и устойчивость національности. — Трудность понятія «психической расы». — Предпосылки созданія національностей въ періодъ неолита и металловъ: осѣданіе населенія, выдѣленіе отдѣльныхъ территорій, объединеніе языка, столкновенія съ сосѣдями, обезпеченіе пищи, накопленіе запасовъ, соціальная дифференціація, появленіе господствующаго слоя. — Дробленіе территорій по даннымъ археологической «типологіи» и новѣйшія попытки синтеза. — Преемственность отъ эпипалеолитическаго населенія. — Поиски національностей, соотвѣтствующихъ культурнымъ кругамъ. — Роль передвиженій. — Характеристика трехъ мѣсторазвитій Европы и Россіи. — Окраинныя мѣсторазвитія сѣверной и средиземной расъ. — Двѣ коротконоловыя расы срединной Европы. — Сѣверная полоса Россіи: территорія гребеночной культуры. — Европейскій типъ древнѣйшаго населенія и «европиды» Сибири. — Приходъ древнѣйшаго германскаго населенія. — Выдѣленіе и исчезновеніе Фатьяновской культуры верхней Волги и Оки. — Второе мѣсторазвитіе — на лессѣ и черноземѣ. — Населеніе дюнъ въ Польшѣ и Россіи. — Трипольская культура. — «Землянки» и «площадки». — Начало, середина и конецъ Триполья. — Вторженіе шнуровой керамики — съ востока или съ запада? — Сложность шнуровой культуры. — Скорченные скелеты и охра. — Элементъ мегалитической культуры. — «Ямныя» и «катакомбныя» погребенія. — Типы сосудовъ по сю и по ту сторону Днѣпра. — Антропологическій типъ шнуровыхъ погребеній. — Споръ о бытѣ. — Третье мѣсторазвитіе въ Черноморьѣ; его связи съ Средиземноморской и переднеазіатской культурой. — «Степная» культура Кубани. — «Хвалынская» культура нижняго Поволжья — Вопросъ о происхожденіи «катакомбныхъ» погребеній Донца и Дона. — Энеолитъ и бронзовыя культуры въ Россіи. — Уралъ и Сибирь. — Хронологія происхожденія индоевропейцевъ. — Данныя изъ Малой Азіи и Восточнаго Туркестана. — Споръ о европейской или азіатской «прародинѣ». — Іоганнъ Шмидтъ и германская школа. — Протестъ Серджи во имя средиземноморскихъ длинноголовыхъ. — Реабилитація короткоголовыхъ у Микелиса. — Соотвѣтствующая теорія Тэйлора. — Ростъ короткоголовыхъ въ Европѣ и его объясненія. — Сближеніе европейской и азіатской теоріи. — Фейстъ и моментъ скептицизма. — Роль

до-индоевропейскаго населенія Европы. — Примѣръ развитія народности кельтовъ указываетъ на среднюю Европу и на эпиміолитическое население, какъ факторы индоевропеизаціи. — Роль пришельцевъ-завоевателей въ дунайскомъ бассейнѣ. — Распространеніе и роль иллирійской группы народностей. — Связь иллирійцевъ съ динарской короткоголовой расой. — Ихъ роль въ созданіи урнетицкой и лужицкой культуры. — Распространеніе лужицкой культуры по Антоніевичу. — Споръ о славянствѣ лужицкой культуры. — Принетъ или верхняя Висла? — Положеніе балто-славянъ среди индоевропейцевъ. — Отношеніе ихъ къ угрофинскимъ народностямъ. — Иранцы и скиѳы въ Россіи.

Переходъ отъ «начала культуры» къ «происхожденію національностей» можетъ показаться неожиданнымъ и слишкомъ поспѣшнымъ. Начало культуры отдѣлено отъ періода происхожденія національностей сотнями тысячъ лѣтъ. До сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ человѣческими *расами*, т.-е. наиболѣе древними дѣленіями человѣчества по анатомическимъ и физіологическимъ признакамъ. Эти дѣленія сложились съ незапамятныхъ временъ. Многіе антропологи считали даже расы неизмѣнными. Напротивъ, дѣленіе человѣчества на національности есть явленіе сравнительно недавняго времени. Національности продолжали складываться въ историческомъ періодѣ, складываются и на нашихъ глазахъ. За исключеніемъ непримиримыхъ «расистовъ», можно считать общепринятымъ въ наукѣ мнѣніе, что національность не есть подраздѣленіе расы, а продуктъ соціальнаго общенія, — притомъ продуктъ очень измѣнчивый и подвижный, — какъ измѣнчивы и условія этого общенія. Расы составляютъ человѣческій матеріалъ, на которомъ слагались національности; но въ составъ каждой національности входитъ обыкновенно нѣсколько расъ. Границы національностей постоянно пересѣкаютъ границы распредѣленія расъ.

Однако же, не слѣдуетъ доводить противоположенія расы и національности до крайности. Какъ для постоянства расы, такъ и для измѣнчивости національности имѣются опредѣленныя границы. Неизмѣнность расы вовсе не составляетъ въ наше время твердой научной аксіомы. Напротивъ, признается, что раса обладаетъ значительной пластичностью. Мы уже имѣли случай познакомиться на животныхъ обществахъ съ той удивительной приспособляемостью къ условіямъ среды, которую эти общества проявляютъ, дѣлясь на многочисленные виды и подвиды на сравнительно малыхъ пространствахъ. Человѣкъ кажется гораздо менѣе воспріимчивымъ къ незначительнымъ перемѣнамъ обстановки; онъ не приспособляется къ природѣ, а приспособляетъ ее къ себѣ. Но — особенно, въ началѣ

культуры — это только видимость. На самом дѣлѣ овладѣніе силами природы не обходится безъ приспособленія къ ней всего организма. Понять и признать это мѣшала теорія, которая считаетъ невозможной передачу по наслѣдству приспособленій къ средѣ, усвоенныхъ организмомъ. Сторонники этой теоріи называютъ себя «дарвинистами». На самомъ дѣлѣ, по ученію Дарвина, измѣненіе видовъ происходитъ не путемъ унаслѣдованія приспособленій, а путемъ выживанія въ борьбѣ за существованіе и размноженія такихъ организмовъ, которые уже родились съ особенностями, подходящими къ условіямъ среды. Самое происхожденіе такихъ особенностей приходилось считать игрой случая. Но самъ Дарвинъ жалѣлъ, что при созданіи своей теоріи не былъ знакомъ съ противоположнымъ ученіемъ Ламарка, который объяснялъ всѣ измѣненія органовъ передачей по наслѣдству тѣхъ упражненій, которыя эти органы должны были производить, приспособляясь къ той или другой средѣ ихъ существованія, напримѣръ, одни виды птицъ — къ болоту, другіе къ ползанію по дереву, третьи къ полету, четвертые къ плаванію и т. п. «Ламаркисты», съ своей стороны, произвели рядъ наблюденій и опытовъ, доказавшихъ съ несмонѣнностью, что передача такихъ приспособленій по наслѣдству можетъ происходить даже въ очень короткое время. Противъ ламаркистовъ говорило еще ученіе Вейсмана о неизмѣнности и «вѣчности» «плазмы», т.-е. сѣмени, оплодотворяющаго зародышъ. Но и Вейсманъ, и его послѣдователи должны были сдѣлать рядъ уступокъ противникамъ и сильно видоизмѣнить свои первоначальныя утвержденія. Наконецъ, рано умершій германскій ученый Рихардъ Семонъ разработалъ ученіе о «мнемѣ», т.-е. о сохраненіи не только въ подсознаніи человѣка, но и въ органическомъ мірѣ вообще слѣдовъ каждаго полученнаго извнѣ воздѣйствія, которое «выявляется» при каждомъ новомъ раздраженіи, «напоминающемъ» первое. Передачей «мнемъ» по наслѣдству объясняется фактъ сокращеннаго переживанія каждымъ индивидуумомъ всего прошлаго его рода (филогенезиса въ онтогенезисѣ).

Послѣ всѣхъ этихъ успѣховъ науки ученіе о неизмѣняемости расы должно было отойти въ прошлое. Мы имѣемъ, напротивъ, рядъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ приспособленій расы къ средѣ и условіямъ существованія. Наиболѣе извѣстна, напримѣръ, «депигментація» расы, т.-е. побѣлѣніе цвѣта глазъ, волосъ, кожи въ условіяхъ сѣвернаго климата; увеличеніе высоты роста подъ вліяніемъ лучшаго питанія, даже перемѣны въ строеніи черепа и лица подъ вліяніемъ роста культуры и т. д.

Надо признать, однако, что, чѣмъ болѣе мы углубляемся въ прошлое, тѣмъ болѣе именно раса, а не національность играетъ роль

въ разселеніи и передвиженіяхъ человѣчества. Мы это и видѣли выше. Созданіе національностей при первоначальной разбросанности и малочисленности состава человѣческихъ обществъ просто не могло имѣть мѣста въ то отдаленное время. Но уже самое обособленіе расъ явилось шагомъ впередъ въ направленіи созданія національностей. При помощи карты № 21, гдѣ показано современное распредѣленіе расъ въ западной Европѣ, мы покажемъ далѣе, какую роль остатки древняго распредѣленія расъ могутъ сыграть и теперь при изученіи вопроса о происхожденіи національностей.

Съ другой стороны и подвижность національности, конечно, также не слѣдуетъ считать безграничной. Оставаясь втеченіе ряда поколѣній въ одной и той же географической и исторической обстановкѣ, національность можетъ пріобрѣсти извѣстную устойчивость своихъ соціально-психическихъ переживаній и даже своего внѣшняго облика. Въ извѣстныхъ случаяхъ у національности можетъ сохраниться преобладаніе того или другого расоваго признака, отличавшаго большинство въ той средѣ, гдѣ эта національность сложилась. Въ случаѣ организованнаго и массоваго переселенія сложившаяся національность можетъ перенести свое особое содержаніе въ новую среду въ сравнительно неизмѣненномъ видѣ; мы видѣли это, напримѣръ, на заселеніи Америки. Нѣкоторые писатели, чтобы отмѣтить это сравнительное постоянство національнаго типа, ввели даже въ употребленіе понятіе «вторичныхъ» или «психическихъ расъ». Къ сожалѣнію, такое словоупотребленіе грозитъ вернуть насъ къ тому смѣшенію понятій національности и расы, отъ котораго и до сихъ поръ не вполнѣ отдѣлались даже ученые изслѣдователи, не говоря уже о вполнѣ ненаучномъ использованіи этой терминологіи для политическихъ цѣлей «расизма». Поэтому я подпочитаю избѣгать этой терминологіи. Я не рѣшаюсь также дѣлать попытки опредѣленія психическаго содержанія, отличающаго ту или другую національность. Такія опредѣленія вошли обязательной составной частью въ германскую науку народовѣдѣнія; ими много разъ злоупотребляли также въ популярныхъ работахъ по психологіи національностей. Національности въ цѣломъ придавались при этомъ сплошь и рядомъ черты, отличающія тотъ или другой отдѣльный классъ ея или тотъ или другой періодъ ея жизни — ея историческій возрастъ, — или просто, наконецъ, надѣляли данную національность интеллектуальными, эмоціональными или моральными свойствами, общими самымъ разнообразнымъ человѣческимъ обществамъ. Это выходило иногда очень остроумно — и даже казалось очень глубокимъ; но научной основы для такихъ національныхъ характеристикъ не имѣется никакой.

Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній станетъ понятнѣе воз-

можность перейти прямо послѣ «начала культуры» въ палеолитѣ,—начала, отстоящаго отъ насъ на десятки тысячъ лѣтъ, къ поискамъ происхожденія современныхъ національностей втеченіе послѣднихъ трехъ тысячъ лѣтъ до Р. Х — эпохи неолита и начала металловъ. Мы сейчасъ увидимъ, что подобнаго рода попытки даже сдѣлались очередной задачей современной науки преисторіи. Дѣло въ томъ, что здѣсь, впервые въ исторіи человѣчества, мы встрѣчаемъ тѣ основныя условія, которыя необходимы для созданія человѣческихъ объединеній, имѣющихъ характеръ національностей. Первымъ изъ этихъ условій — безъ котораго немыслимо постоянное соціальное общеніе, составляющее самое существо національности, является извѣстная степень густоты населенія. При примитивно-охотничьемъ бытѣ палеолита — да и начала неолита — этой предпосылки не могло быть на лицо. Она появляется съ сосредоточеніемъ сколько-нибудь постояннаго населенія, занимающаго опредѣленную площадь, не столь громадную, чтобы не допускать хотя-бы не частыя, но повторяющіяся внутреннія сношенія. Мы видѣли, что палеолитическіе охотники и собиратели пищи передвигались на необозримыхъ пространствахъ цѣлыхъ частей свѣта — Европы, Азіи, Африки, Океаніи. Правда, и при неолитѣ оставалось еще много незанятаго пространства. Но наиболѣе благопріятныя для поселенія мѣста были уже заняты: и это какъ разъ тѣ мѣста, гдѣ національности могли сложиться всего скорѣе. Вмѣстѣ съ возможностью болѣе тѣснаго общенія развивается и необходимое для такого общенія средство: общій цѣлой группѣ языкъ. Въ примитивной обстановкѣ племеннаго быта это условіе отсутствуетъ. Когда римляне вступили въ переговоры съ тремястами племенъ, обитавшихъ на тѣсномъ пространствѣ маленькой Колхиды, то, по свидѣтельству Плинія, имъ понадобилось не менѣе 140 переводчиковъ. Вотъ примѣръ еще болѣе близкій къ современности. Въ Калифорніи 150.000 обитателей говорили на 135 языкахъ и нарѣчіяхъ, составлявшихъ 21 лингвистическую группу. Такимъ образомъ, на каждое нарѣчіе приходилось немногимъ больше тысячи человѣкъ, а на каждую группу родственныхъ языковъ — только по семи тысячъ. То же встрѣчаемъ въ современной центральной Африкѣ.

Далѣе, возникновеніе національности предполагаетъ наличность сознанія среди членовъ данной группы объ ихъ общей принадлежности. Въ племенномъ бытѣ общества, нерасчлененнаго внутри себя, такое сознаніе, обыкновенно, или вовсе отсутствуетъ или весьма слабо развито. Оно является и крѣпнетъ, прежде всего, путемъ противопоставленія себя сосѣднимъ группамъ какъ «чужимъ» или даже враждебнымъ. Вотъ почему, между прочимъ, населеніе, окруженное чужаками, часто лучше запоминаетъ и хранитъ общее названіе

племени — или даже цѣлаго народа, къ которому принадлежитъ. Пока племя окружено пустыми мѣстами («лѣсами и болотами», по классическому выраженію Іордана), оно просто съ этими чужаками не встрѣчается. Сосѣди появляются лишь по мѣрѣ увеличенія населенія, колонизаціи пустырей и т. д., когда начинается борьба за мѣста, болѣе выгодныя и уже разработанныя. Но для этой борьбы племя должно быть спеціально организовано. Если для обороны бываетъ достаточно имѣть своихъ племенныхъ вождей, народное ополченіе и внутреннія укрѣпленія, то для нападенія необходима постоянная военная сила, предводительство ею и превосходство наступательнаго вооруженія, какъ гарантія побѣды. Самыя формы побѣды должны съ этого времени перемѣниться. Вмѣсто простого вытѣсненія населенія и перехода побѣжденныхъ на менѣе удобныя мѣста, появляются формы единовременнаго или болѣе или менѣе длительнаго порабощенія. Простые набѣги съ истребленіемъ населенія или взятіемъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей замѣняются постояннымъ сожительствомъ господъ и покореннаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ на территоріи племени появляются центры властвованія, которые изъ простыхъ временныхъ укрѣпленій разрастаются въ города. Современная археологическая наука не признаетъ обязательности экономической эволюціи отъ охотничьяго быта къ пастушескому и отъ пастушескаго къ земледѣльческому, считая, что та или другая послѣдовательность тутъ зависитъ отъ условій мѣсторазвитія. Но та же наука довольно единодушно принимаетъ другую послѣдовательность, соціологическаго характера: охотники и собиратели пищи («низшіе» и «высшіе»), земледѣльцы («деревня») и господа («дворъ»).

Конечно, весь этотъ процессъ въ указанной постепенности совершается далеко не въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ. Мы уже готовы къ тому, что, въ частности, Восточная Европа будетъ сильно запаздывать, — тѣмъ больше, чѣмъ дальше отъ Запада къ Востоку и отъ Юга къ Сѣверу. Но и въ наиболѣе благопріятныхъ мѣсторазвитіяхъ процессъ проходитъ не сразу. Начало неолита въ этомъ отношеніи не походитъ на его конецъ. Прежде всего, мы присутствуемъ здѣсь при осѣданіи на мѣстахъ населенія, сохранившагося отъ предыдущей эпипалеолитической эпохи. Въ предѣлахъ неолита это старое населеніе окончательно покидаетъ старыя формы собиранія пищи, замѣняя ихъ охотой, соединенной съ начатками земледѣлія (обработка земли мотыкой). Мѣняется и способъ приготовленія пищи: очагъ становится постояннымъ, хотя домъ еще сохраняетъ долго круглую форму охотничьей палатки или кочевой юрты. У очага появляется посуда съ круглымъ или острымъ днищемъ, приспособленная къ подвѣшиванію надъ очагомъ или къ врытію въ золу, гдѣ

хранится жаръ. Изобрѣтеніе гончарнаго искусства — огромный шагъ впередъ въ дѣлѣ очеловѣченія быта; онъ спеціально отличаетъ неолитическій періодъ отъ предыдущихъ. Другая знаменательная черта новаго времени — появленіе возлѣ дома друзей человѣка, домашнихъ животныхъ: прежде всего, собаки и, вѣроятно, прирученнаго оленя; за ними идутъ свинья, быкъ и корова, овца, коза — позже другихъ приручается лошадь. Мотыка замѣняется примѣненіемъ плуга; начинается обработка зерновыхъ растеній, приспособленныхъ къ климату: ячменя, пшеницы, полбы. *) Постепенно семья превращаетъ это подспорье въ главный источникъ существованія, замѣняя имъ невѣрные шансы рыболовства и охоты. Мѣняется и строй семьи, во главѣ которой, вмѣсто матери становится отецъ — «господинъ» и «хозяинъ». Прикрѣпленіе къ землѣ и осѣдлость вмѣстѣ съ обезпеченнымъ питаніемъ и накопленіемъ запасовъ ведетъ за собой неизбѣжное соціальное послѣдствіе: обиліе пищи привлекаетъ купцовъ, которые оказываются и завоевателями. Появленіе металловъ даетъ имъ въ руки новое усовершенствованное оружіе, которое сразу мѣняетъ шансы побѣды. Въ связи съ этимъ происходитъ въ доисторической Европѣ перетасовка границъ и выдѣленіе господствующаго класса. Это — также необходимая предпосылка происхожденія національности, такъ какъ появленіе элементарнаго народнаго сознанія соединяется обыкновенно съ объединеніемъ племенъ; въ своей первоначальной формѣ это сознаніе приходитъ сверку, являясь послѣдствіемъ объединенія и появленія рудиментарнаго государственнаго строя. Въ мѣстностяхъ Европы, достигающихъ въ разное время этой ступени, «деревенскій» бытъ замѣняется «дворовымъ»: появленіе «двора» есть внѣшній признакъ, по которому археологи узнаютъ наступленіе новой эпохи. Тутъ мы уже недалеки отъ наступленія историческаго періода.

Представленная здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ картина процесса эпохи неолита, однако, усложняется величайшимъ разнообразіемъ его проявленій въ разныхъ частяхъ Европы — даже очень близкихъ другъ къ другу. Осѣдая на мѣстѣ, Европа въ то же время дробится на отдѣльныя территоріи, точно въ феодальное время. Нѣтъ и слѣда прежнихъ широкихъ движеній и дѣленій эпохи палеолита.

*) На картѣ № 5 выдѣлены короткими штрихами, по Вавилову, три области (средиземноморская, Малая Азія, Персія, сѣв. Индія и Китай), откуда могли распространиться въ Европу и сѣв. Азію культурныя растенія. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что на сѣверѣ культивировались болѣе грубые типы, лучше выносившіе сѣверный климатъ; съ юга они проникли въ видѣ сорняковъ.

Конечно, рѣчь не идетъ здѣсь о раздробленіи цѣлаго, ибо оно и не существовало, а только о появленіи повсемѣстно особыхъ формъ быта и культуры. Естественно, что археологи, изучая оставленный этими мелкими дробленіями обильный матеріалъ, прежде всего остановились именно на изученіи мѣстныхъ особенностей. Какая получилась въ результатѣ сложная и пестрая картина, можно судить по нѣсколькимъ примѣрамъ. Дунайскій типъ культуры, отмѣченной именами находокъ Ленгіель-Іордансмюль, далъ, напримѣръ, четыре различныя группы. Типъ Вальтерніенбургъ-Бернсбургъ на Эльбѣ и Заалѣ представляетъ пять стадій развитія. Курганный типъ бронзовой эпохи въ одной Германіи дѣлится на семь группъ. Разрисованная керамика въ тѣсныхъ предѣлахъ Моравіи проходитъ четыре ступени развитія: двѣ старшихъ и двѣ младшихъ. И т. д.

Въ основу этихъ дробныхъ дѣленій археологи положили то, что «нельзя унести съ собой»: глиняные горшки. Орудія и украшенія въ этомъ отношеніи менѣе надежны, чѣмъ домашняя посуда. Они часто служатъ предметомъ ввоза при помощи торговли; они характеризуютъ внѣшнія вліянія, — иногда даже появленіе новыхъ этническихъ элементовъ, но не годятся для выясненія того, какъ разселились мѣстныя осѣдлыя группы. Что же, однако, дѣлать со всей этой мозаикой, послѣ того какъ все описано, расклассифицировано и нанесено на географическую карту? Естественно, явилась потребность, какъ выразился Шухартъ, замѣнить «блѣдную безыменность» этихъ мелкихъ культурныхъ группъ съ малоизвѣстными географическими названіями — «полнокровными именами народовъ». Другими словами, открыть подъ культурными кругами, въ которые складывались наблюденныя группы, имена извѣстныхъ намъ изъ исторіи національностей. Много было — и, вѣроятно, много будетъ въ этихъ попыткахъ преждевременнаго, даже фантастическаго, какъ это случилось съ Шухартомъ. Но общая тенденція науки несомнѣнна. Прежнее «типологическое» изученіе этимъ, конечно, не осуждено и не устранено; но именно своими успѣхами оно довело науку до той точки, за которой неизбѣжно ставится вопросъ: что дальше? Отвѣтомъ и явился уже цѣлый рядъ попытокъ научнаго синтеза. Назову здѣсь, кромѣ Шухарта, еще Вале и Чайльда, не говоря уже о такихъ сводахъ изъ сводовъ, какъ книги Менгина и Эйкштедта (см. библіографію). Естественно, что и русскій изслѣдователь долженъ по крайней мѣрѣ попытаться — стать на этотъ же путь, — поскольку, конечно, позволяетъ уровень современнаго изученія преисторіи Восточной Европы, значительно отставшій отъ изученія Западной. Въ современной совѣтской наукѣ, наряду съ серьезными детальными изслѣдованіями, мы, къ сожалѣнію, присутствуемъ при крайнемъ

преувеличеніи модной тенденціи. «Типологія» и «миграціи» тамъ высмѣиваются, какъ устарѣлыя и сданныя въ архивъ точки зрѣнія, а замѣнить ихъ хотятъ, болѣе или менѣе искусственно, поверхностнымъ изученіемъ эволюціи «производственныхъ отношеній». Поскольку такая тенденція законна, она взята совѣтскими учеными изъ той же западной науки.

Подчеркнемъ, однако, одну черту, которая, дѣйствительно, ставитъ на очередь преимущественное изученіе внутренняго развитія осѣвшаго населенія передъ изученіемъ его постоянныхъ передвиженій. Эта черта нами уже отмѣчена выше: это — извѣстная прочность населенія сравнительно съ древнѣйшими кочеваніями его на пространствѣ цѣлыхъ материковъ. Уже при переходѣ отъ міолита къ неолиту мы не встрѣчаемъ такихъ перерывовъ и скачковъ въ составѣ населенія, какъ при смѣнѣ старшаго палеолита міолитомъ. Мы видѣли, что къ концу міолита почти вся Европа была уже населена: «эпипалеолитическое» населеніе остается на своихъ мѣстахъ и мы съ нимъ часто будемъ встрѣчаться въ дальнѣйшемъ. Еще менѣе разрывовъ въ культурахъ, конечно, наблюдается между различными стадіями неолита. Это наблюденіе, наконецъ, еще болѣе приложимо и къ переходной эпохѣ отъ камня къ металлу. Но какъ разъ тутъ, а также и раньше, частичныя передвиженія несомнѣнно происходили и имѣли большое значеніе — особенно въ связи съ перемѣнами климата въ «безпокойномъ углу» Европы, — на сѣверѣ. Именно эти передвиженія, какъ увидимъ, сыграли особенно значительную роль въ процессѣ образованія исторически извѣстныхъ національностей.

Мы теперь можемъ прямо перейти къ изученію нашей темы въ предѣлахъ территоріи Россіи. Мы видѣли, что уже въ эпоху палеолита и міолита вырисовались тѣ главныя три мѣсторазвитія, на которыя дѣлится эта обширная территорія. Осѣданіе Европы на мѣстѣ и раздробленіе единаго процесса на отдѣльныя провинціи въ особенности выявило и окончательно закрѣпило различіе между этими мѣсторазвитіями. Всего естественнѣе будетъ, поэтому, положить въ основу дальнѣйшаго изложенія ознакомленіе съ каждымъ изъ трехъ мѣсторазвитій отдѣльно. Напомню, что въ предыдущемъ періодѣ мы уже выяснили ихъ связь съ Западной Европой, прослѣдивъ на русской территоріи продолженіе тѣхъ-же западно-европейскихъ процессовъ, — конечно, съ соотвѣтствующими измѣненіями. Теперь эти проекціи изъ Западной Европы въ Восточную становятся еще замѣтнѣе, чѣмъ прежде, хотя въ то же время отчетливѣе обрисовывается и пріобрѣтеніе каждымъ изъ мѣсторазвитій самостоятельнаго характера — какъ вслѣдствіи запозданія процесса, такъ и въ результатѣ его внутренняго развитія на мѣстѣ.

Напомню общую характеристику трехъ мѣсторазвитій, о которыхъ идетъ рѣчь. Первое изъ нихъ, наиболѣе сѣверное, лежитъ въ той области тающаго ледника, въ которой самый пейзажъ сохранилъ слѣды своего ледниковаго происхожденія. Это мѣстности между первой и второй, второй и третьей моренами (стр. 109, 141). Мы знаемъ, что эта территорія стала свободна для заселенія только послѣ стаянія ледника, т.-е. для данныхъ мѣстъ не раньше 10.000-12.000 лѣтъ до Р. Х. Первоначальное заселеніе этого пояса было облегчено открытымъ характеромъ пейзажа только что начинавшихъ обсыхать болотъ и озеръ (7.000-5.000 до Р. Х.) Но дальнѣйшая колонизація должна была замедлиться, когда въ эпоху холоднаго и влажнаго климата на мѣстѣ открытыхъ пространствъ выросъ лѣсъ, постепенно принявшій характеръ тайги. Однородность обстановки обусловила для этой территоріи однородность и запоздалость дальнѣйшаго развитія. Въ виду постепенности перехода между хвойнымъ лѣсомъ и тундрой, я не выдѣляю послѣднюю въ особое мѣсторазвитіе.

Второе особое мѣсторазвитіе представляетъ въ Россіи территорія лѣсостепи и чернозема. Она характеризуется образованіемъ лесса на мѣстѣ отступившихъ частей ледника (стр. 117-118). Это, какъ мы знаемъ, есть районъ первоначальнаго заселенія средней и восточной Европы, заселенія, несравненно болѣе поздняго въ Россіи, чѣмъ начало культуры на Рейнѣ и за Рейномъ, но все же принесшаго къ намъ орудія и бытъ эпохи младшаго палеолита (міолита). Лѣсостепь и лессъ, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, остались и въ послѣдующій періодъ наиболѣе любимой и наиболѣе оспариваемой территоріей колонизаціи. Здѣсь, поэтому, всѣ этническія отношенія и культурныя явленія наиболѣе сложны. Особенно тѣсная связь этой полосы съ Западной Европой, установившаяся въ прошломъ періодѣ (стр. 120), продолжаетъ проявляться и здѣсь въ не менѣе осязательныхъ формахъ. Какъ на сѣверѣ тайга съ тундрой, такъ и здѣсь лѣсостепь съ луговой степью принимаются за единое мѣсторазвитіе: постепенность географическаго перехода обусловливаетъ и на этой границѣ антропогеографическую связь и культурное взаимодѣйствіе.

Между двумя указанными мѣсторазвитіями отмѣтимъ переходное. Это промежуточная полоса, занимающая центральное окско-волжское междурѣчье. Я не выдѣляю эту полосу въ отдѣльное мѣсторазвитіе, такъ какъ ея роль — передаточная. Примыкая частью къ процессамъ сѣверной полосы, русскій центръ, однако, скоро образуетъ самостоятельныя культурныя формаціи. Смѣшанный лѣсъ, конечно, раньше и болѣе поддается окультуренію, чѣмъ сѣверная тайга; но все же эта полоса выступаетъ на историческую сцену позднѣе лѣсостепи.

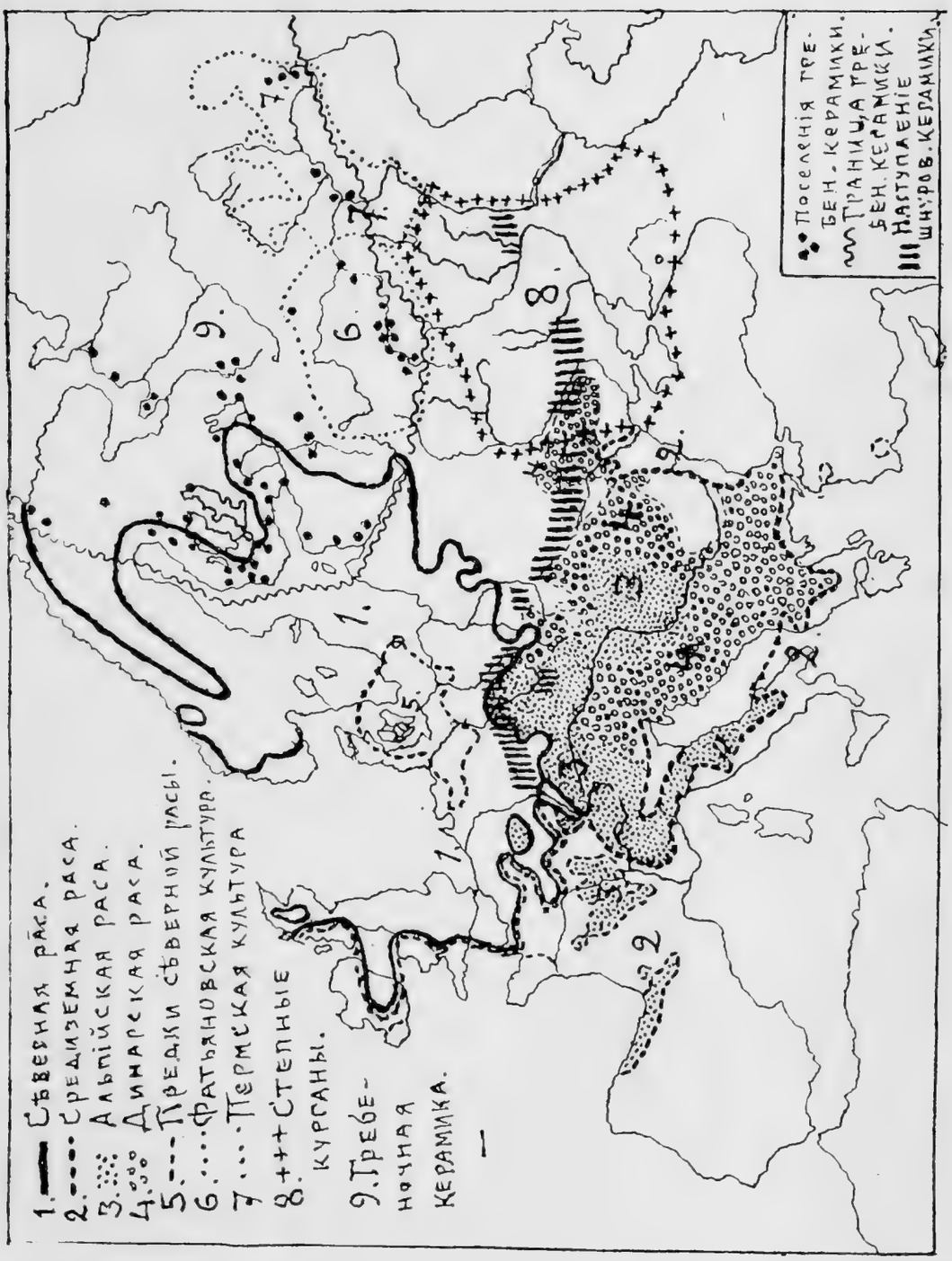
Третье мѣсторазвитіе представлено въ Россіи узкой полосой припонтійскаго прибрежья, Крымомъ и Кавказомъ. Сравнительное позднее образованіе припонтійскихъ степей задержало развитіе этой полосы. Черноморье долго остается пассивнымъ воспринимателемъ древнихъ средиземноморскихъ и переднеазіатскихъ культуръ. Къ созданію мѣстной культуры эти отношенія приводятъ не сразу. Для связи узкой приморской полосы съ населенной полосой луговой степи нужно преодолѣть полынь и ковыль; а это подъ силу только кочевнику на конѣ. Появленіемъ таковаго и кончается разсматриваемый періодъ. Но на русской территоріи это — уже слѣдующая стадія исторической жизни.

Карта № 24 даетъ наглядное представленіе о связи трехъ отмѣченныхъ мѣсторазвитій Россіи съ соотвѣтствующими имъ мѣсторазвитіями Западной Европы. Мѣстности, прилегающія къ Сѣверному и Балтійскому морю, почти соотвѣтствующія послѣднимъ фазисамъ отступленія ледника (ср. карту (№ 17) отчерчены здѣсь черной линіей (№ 1). Это — область, которая теперь заселена т. наз. «Сѣверной расой» — длинноголовой, высокорослой и со свѣтлой окраской волосъ, глазъ и кожи. Находясь на окраинѣ культурныхъ передвиженій, эта раса сохранилась въ сравнительно чистомъ видѣ до нашего времени. Претензія — считать ее искони германской — отвергается современной наукой, включая и германскую. Мы видѣли, какъ — сравнительно поздно — заселилась эта территорія (въ эпоху Анцилюсъ-Литорина, см. стр. 145-150). Она и сохранила связь съ тѣми мѣстностями, откуда пришли засельники, т.-е. съ арктическимъ и сѣверно-лѣснымъ поясами восточной Европы и Сибири (ср. границы гребеночной культуры).

На противоположной, южной окраинѣ Европы прерывистая черта отмѣчаетъ (№ 2) современные остатки т. наз. «Средиземной расы», когда-то занимавшей болѣе значительное пространство, но и въ настоящее время распространенной отъ запада Британскихъ острововъ, черезъ Францію, Испанію, западную часть Италіи и югъ Балканскаго полуострова до западнаго берега Чернаго моря и теченія Днѣстра. Въ сѣверо-западной своей части эта раса соприкасается съ Сѣверной; и это соотвѣтствуетъ предположенію объ общемъ происхожденіи этихъ двухъ расъ изъ Африки. Средиземная раса (погермански: Westisch) — такая же длинноголовая какъ сѣверная; но она — низкорослая и отличается (соотвѣтственно южному климату) темной окраской волосъ, глазъ и кожи. Депигментація, какъ и высокій ростъ сѣверной расы могли быть созданы приспособленіемъ ея къ сѣверному климату. Въ средней и восточной части Европы обѣ длинноголовыя расы далеко расходятся къ проти-

воположнымъ окраинамъ. На востокѣ территорія средиземной расы соприкасается, какъ уже отмѣчено, съ третьимъ мѣсторазвитіемъ русской территоріи. Но, какъ показываетъ карта, въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ съ отдаленными мѣстностями Средиземнаго моря, русское Черноморье должно было быть связано съ народностями Кавказа и передней Азіи.

Между двумя окраинными мѣсторазвитіями Западной Европы



№ 24. Расы западной и средней Европы и археологическіе районы Россіи по Эйкштедту, Эберту, Тальгрену, Чайльду, Сулимирскому и др.

вдвинутъ клинъ средняго мѣсторазвитія, охватывающій территоріи древняго лесса. Мы здѣсь отмѣтили территоріи двухъ другихъ современныхъ европейскихъ расъ. Точками заполненъ районъ т. наз. «альпійской» расы, теперь переименованной германскими антропологами въ «восточную» (Ostisch, № 3). Кружечки показываютъ современное мѣстопребываніе такъ наз. «динарской расы» (№ 4). Обѣ срединныя расы, въ противоположность двумъ окраиннымъ, короткоголовы, но по разному: у альпійской расы короткоголовіе достигается увеличеніемъ черепа въ ширину, въ области височныхъ костей; у динарской — сокращеніемъ длины, вслѣдствіе вертикально скошеннаго затылка. Альпійская раса приземиста, съ короткой шеей и широкимъ лицомъ; динарская — болѣе стройная, съ узкимъ лицомъ; ея особенность — выдающійся мясистый носъ. Окраска волосъ, глазъ и кожи — промежуточная между окраской окраинныхъ народностей, т.-е. желтая-рыжая-коричневая. Происхожденіе этихъ короткоголовыхъ расъ въ Европѣ остается загадкой. Теоретически ихъ выводятъ, въ противоположность еврафриканскимъ окраиннымъ расамъ, изъ Азіи и считаютъ родственными монголамъ. Но ни время, ни способъ ихъ прихода въ Европу неизвѣстны. Сторонники азіатскаго происхожденія ихъ должны довольствоваться предположеніемъ, что эти расы какъ-то мало-по-малу «просочились» въ Европу. Мѣсторазвитіе обѣихъ короткоголовыхъ расъ соотвѣтствуетъ второму русскому мѣсторазвитію. Такъ же какъ у насъ, на Западѣ исторія этого мѣсторазвитія богата передвиженіями и весьма запутана. Но сама географія побуждаетъ насъ искать здѣсь, помимо географической, также и антропологической и этнической связи.

Разсмотримъ теперь подробнѣе каждую изъ трехъ полосъ, сближающихъ Западную Европу съ Восточной. Связь Запада съ Востокомъ всего нагляднѣе на сѣверѣ — уже потому, что здѣсь міръ человѣка, какъ и міръ растеній и животныхъ наиболѣе однообразенъ. Предыдущая глава уже приготовила насъ къ тому, что по самому процессу первоначальнаго заселенія всѣ эти огромныя пространства отъ Скандинавіи и сѣверной Германіи до восточныхъ окраинъ Сибири должны представлять одно цѣлое. Это наблюденіе подтверждается явленіями эпохи неолита. Сѣверная половина восточной Европы на нашей картѣ отграничена (по Тальгрену) волнистой линіей, за которой вкраплены разбросанные черные кружки. Эти кружки означаютъ область поселеній, объединяемыхъ одной характерной чертой: одинаковымъ орнаментомъ на глиняной посудѣ. Этотъ орнаментъ носитъ у археологовъ названіе «гребеночнаго» (Kammkeramik) — въ предположеніи, что онъ нанесенъ на мягкую глину зубьями костянаго гребня. Это — керамика наи-

болѣе примитивнаго типа. *) Распространялась она далеко за предѣлы, отмѣченныя чертой на картѣ, на югъ и на западъ; но оттуда ее вытѣснили другіе, болѣе сложные типы керамики. На востокъ — черезъ всю Сибирь, вплоть до Байкала, гребеночная керамика тянется безъ перерыва. **)

Айліо опредѣляетъ распространеніе гребеночной керамики громадной территоріей отъ Ботническаго и Рижскаго залива до Оби, отъ Ледовитаго океана до Оки, считая ея южной границей сѣверную границу восточно-европейской и сибирской лѣсостепи, а средоточіемъ — область смѣшаннаго лѣса по Окѣ и верхней Волгѣ. Казань и южный Уралъ остаются всѣ этой территоріи.

При отсталости всего этого района и при живучести примитивной гребеночной керамики, а также при существованіи разныхъ мѣстныхъ стилей, опредѣлить возрастъ находимыхъ черепковъ почти невозможно. Но финскому археологу Европеусу-Эйрепе удалось найти надежный методъ для возстановленія исторіи гребеночной керамики въ Финляндіи. Дѣло въ томъ, что, со времени наибольшей трансгрессіи Литорины и по настоящее время финляндскій берегъ продолжаетъ повышаться: въ Або, напримѣръ, это повышеніе достигло 50 метровъ надъ уровнемъ моря, въ Гельсингфорсѣ — 32 м., въ Выборгѣ 20 м. Населеніе, занятое главнымъ образомъ рыболовствомъ, по мѣрѣ поднятія берега спускалось все ниже и ниже къ водѣ. Слѣдовательно, высота поселенія надъ моремъ опредѣляетъ его возрастъ и находимую къ нему керамику: чѣмъ ближе къ уровню воды, тѣмъ она новѣе. На этомъ основаніи Европеусъ установилъ три періода развитія орнамента: ранняя, типическая и дегенеративная керамика. Начинается это развитіе около 2750 л. до Р. Х. — вскорѣ за періодомъ Кампиньи и кухонныхъ остатковъ (Суомусъерви). Въ западной Финляндіи это развитіе пресѣкается нашествіемъ новаго народа, обладателя «лодкообразныхъ» топоровъ, около 2.000 г.

Въ центральной Россіи развитіе проходитъ, по Европеусу, почти тѣ же ступени, но начинается позже — въ стадіи «типичной» керамики. Древнѣйшая форма сосуда, сопровождающаго эту ранне-неолитическую культуру, — яйцевидная, съ круглымъ дни-

---

*) Хотя финскій археологъ Айліо и считаетъ болѣе раннимъ орнаментъ, наносимый плетенымъ шнуромъ (Wickelschnur), но «шнуровая керамика» въ собственномъ смыслѣ моложе гребеночной (см. ниже).

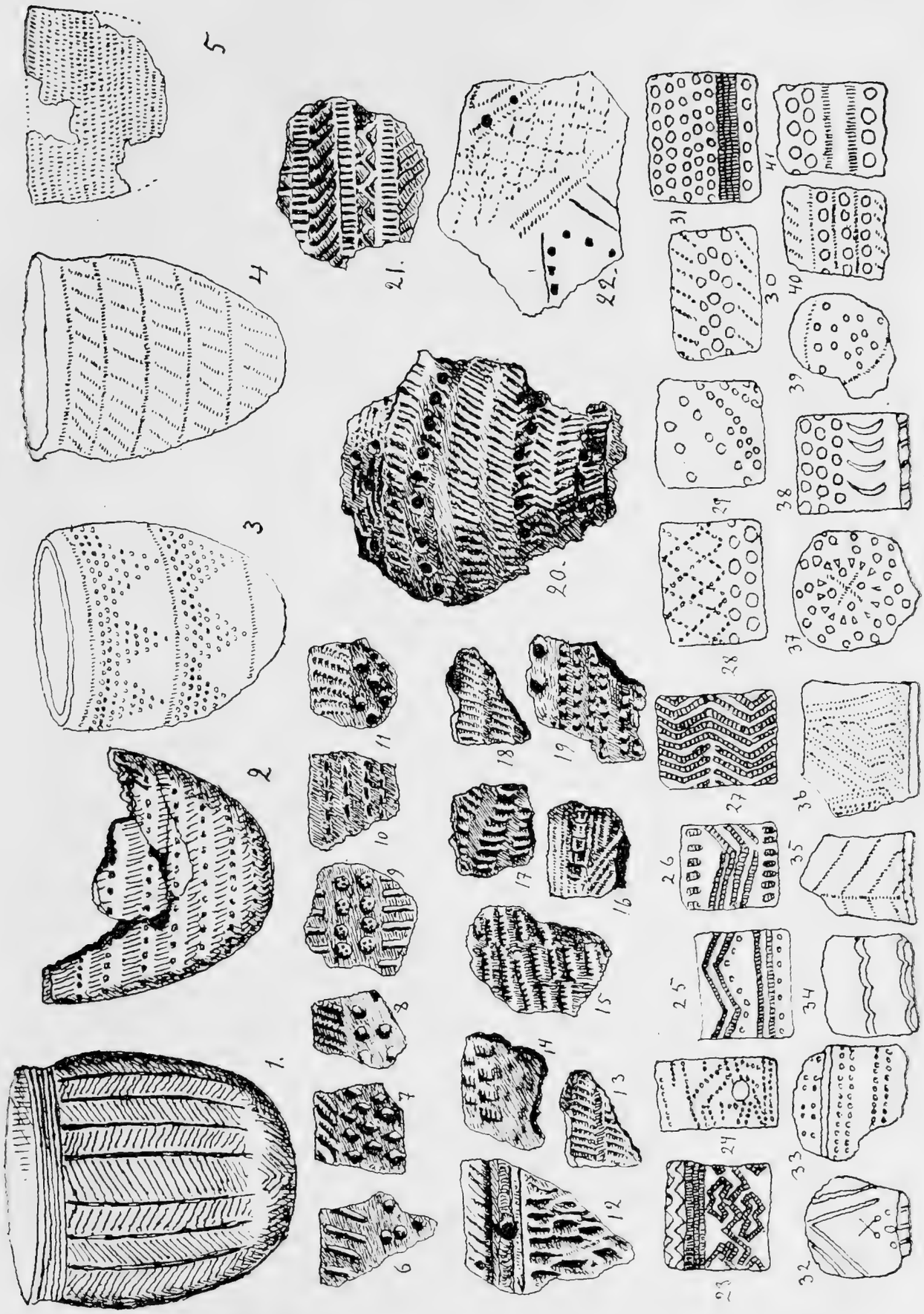
**) Для Запада ср. рисунки, напечатанные Чайльдомъ изъ Британскихъ находокъ (Dawn, 290).

щемъ, хорошо извѣстна въ культурѣ южной Скандинавіи и сѣверной Германіи; у насъ она идетъ отъ Финляндіи до юга Россіи и до восточной Сибири, съ соотвѣтствующимъ запозданіемъ. На рисункѣ № 25 читатель найдетъ образцы гребеночной керамики въ разныхъ стадіяхъ ея развитія, а также и образцы яйцевидныхъ сосудовъ. *)

Единство керамики на всемъ сѣверѣ можетъ свидѣтельствовать и объ однородности населенія. Изъ двухъ палеолитическихъ расъ, которыя вошли въ составъ сѣверной расы, — кроманьонъ и шанселадъ, мы видѣли, что именно послѣдняя приняла главное участіе въ колонизаціи сѣверныхъ земель, освободившихся отъ ледника, послѣ того какъ она-же принесла ориньякско-магдаленскую культуру на просторы Сибири. Нѣтъ основанія думать, что въ эпипалеолитическую эпоху тутъ произошли какіе нибудь серьезныя перемѣны. И дѣйствительно, въ эпоху неолита мы встрѣчаемъ, повидимому, на всѣхъ этихъ мѣстахъ то-же населеніе европейскаго типа, предшествовавшее появленію тунгусовъ, монголовъ и тюрковъ. Въ новѣйшей работѣ Эйкштедта я нашелъ подтвержденіе своихъ соображеній, высказанныхъ въ предыдущей главѣ по поводу первоначальнаго заселенія Сибири и Восточной Европы. Эйкштедтъ считаетъ это населеніе «европидами». (Правда, онъ ведетъ его не изъ Европы въ Азію, а изъ Азіи въ Европу). Скудныя свидѣтельства памятниковъ показываютъ, что это древнѣйшее населеніе, дѣйствительно, обладало отнюдь не азіатскими, а европейскими чертами. Мы видѣли это уже у эскимосовъ. На рисункѣ № 26 сопоставлены двѣ находки изъ Восточной Пруссіи (гдѣ засвидѣтельствовано и присутствіе гребеночной керамики) и Готланда, каменная маска, извлеченная изъ неолитическаго гроба на берегу

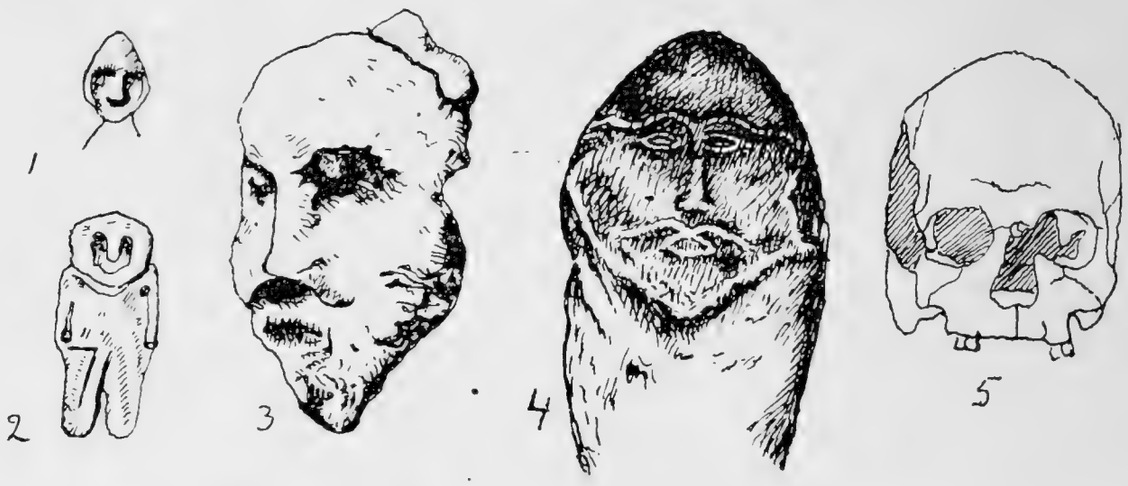
---

*) На табл. 25 сопоставлены яйцевидные сосуды из ранняго неолита: № 1 съ о-ва Борнгольма, № 2 изъ Финляндіи, №№ 3 и 4 изъ стоянки у с. Панфилова, Муром. у. Влад. гу.; № 5 — подъ Дорогобужемъ, Смолен. губ. Керамика №№ 6-11 изъ стоянки близь с.с. Трояновой и Екимовичей, Рослав. у. Смол. губ. №№ 12-19 изъ стоянки близь с. Катынь, Смол. губ. №№ 20-22 изъ Томскихъ и Тобольскихъ кургановъ (№ 20 — черепокъ круглодоннаго сосуда). №№ 23-31 — изъ стоянки Малоакуловской, въ 2 съ половиной килом. отъ Волосова, въ томъ числѣ №№ 28-31 отъ сосудовъ съ круглымъ дномъ; №№ 23-27 — съ плоскимъ дномъ. Керамика №№ 32-41 — изъ стоянки «Садовый Боръ» на р. Тешѣ, въ окрестн. Мурома; въ томъ числѣ. №№ 37-41 отъ сосудовъ съ круглымъ дномъ (№№ 37 и 39 — черепки отъ днищъ); №№ 32-36 — съ плоскимъ дномъ.



№ 25. Керамика гребеночной культуры.

р. Ангары, позднѣйшій бюстъ «каменной бабы», найденной въ Токмакскомъ уѣздѣ Семирѣченской области и, въ параллель къ нему, лофоцефальный черепъ бронзовой эпохи съ левыхъ притовъ р. Урала. *) Нельзя отрицать, во-первыхъ, что черты этихъ человѣческихъ



№ 26. «Европиды» отъ В. Пруссіи и о. Готланда черезъ Уралъ и Семирѣченскъ до р. Ангары.

головъ совсѣмъ не азіатскія. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить лофоцефальные черепа, нѣсколько даже преувеличенныя древними скульпторами, приземистый ростъ, продолговатое лицо каменной маски и обильную растительность — усы и бороды — обрамляющую лицо каменной бабы при полномъ отсутствіи растительности на передней части головы. Въ преданіяхъ и изображеніяхъ народа айновъ (остатки котораго уцѣлѣли на сѣв. о. Іеддо и на югѣ Сахалина) мы найдемъ параллельныя указанія и на обычай брить эту половину головы и на ношеніе длинныхъ волосъ, бороды и усовъ. Изображенія айновъ близко напоминаютъ русскихъ крестьянъ и духовенство, и недаромъ Эйкштедтъ напечаталъ одно изъ этихъ изображеній рядомъ съ портретомъ Льва Толстого.

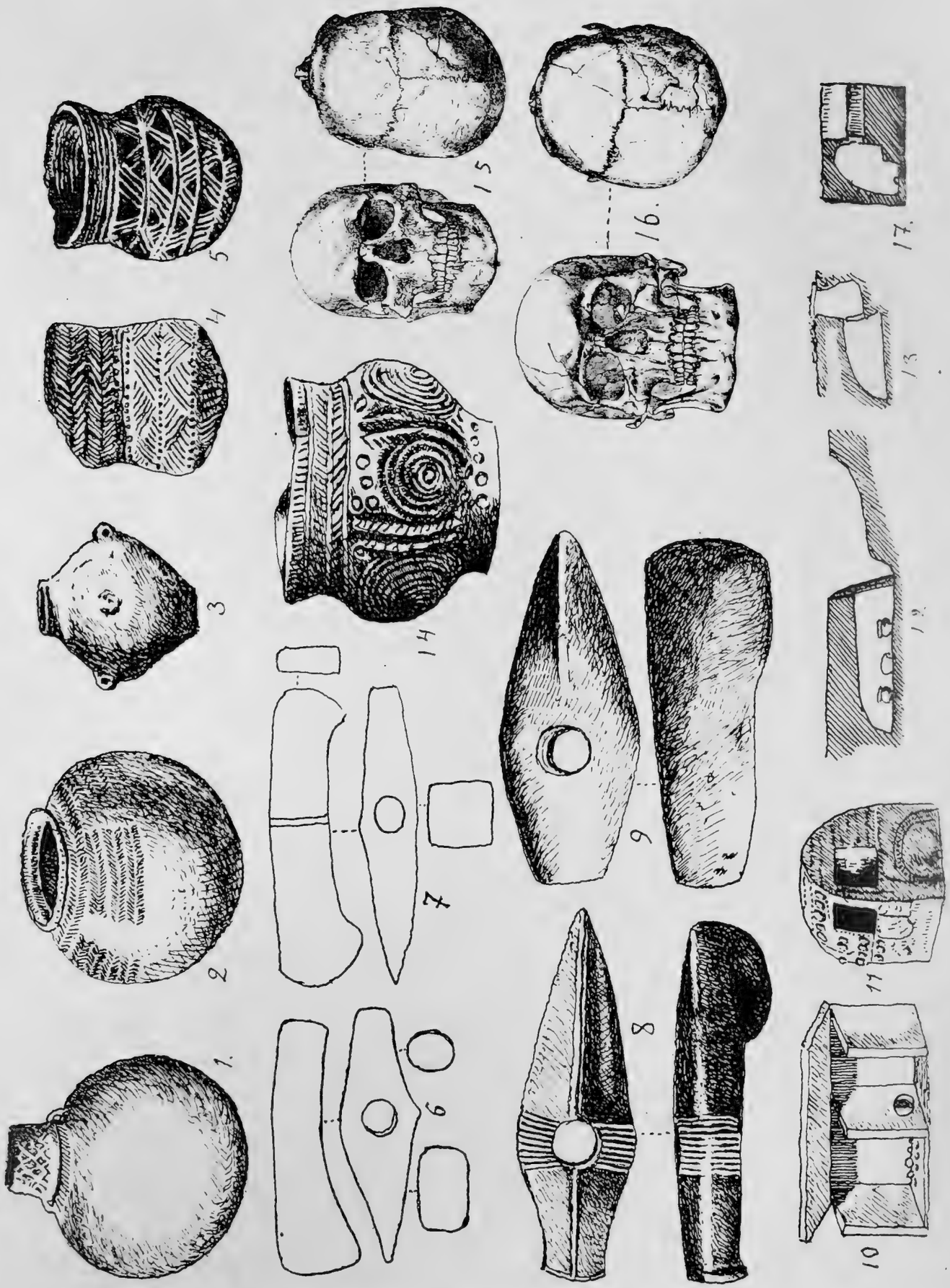
Съ теченіемъ времени на общемъ фонѣ населенія сѣверныхъ «европидовъ» начинаютъ выдѣляться, по извѣстному уже намъ за-

---

*) На таблицѣ № 26 сопоставлены типы населенія «европидовъ» («лофоцефаловъ») на пространствѣ сѣвернаго мѣсторазвитія: № 1 — головка съ костянаго гребня съ о. Готланда (Gullrum, Näs,,); № 2 — костяная фигурка изъ Восточной Пруссіи; № 3 — каменная маска изъ неолитическаго гроба на берегу р. Ангары; № 4 — каменная баба изъ Семирѣчья (Токмакскій у.), фотогр. д-ра Пояркова; № 5 — черепъ бронзовой эпохи съ лѣвыхъ притоковъ р. Урала (М. Н. Комаровъ).

кону, мѣстныя самостоятельныя образованія прогрессивнаго характера. На картѣ № 24 выдѣленъ изъ широкаго района сѣверной расы небольшой кругъ, охватывающій части сѣверной Германіи, восточной Даніи и южной Швеціи (см. № 5). Это-то ядро, въ которомъ можно искать первыхъ создателей германской національности. Они, конечно, не тожественны съ энміолитическимъ населеніемъ этихъ мѣстъ, о которомъ мы только-что говорили. Это — пришельцы съ запада, носители высшей культуры, новые господа, принесшіе съ собой старому туземному населенію земледѣліе, домашнихъ животныхъ и, — что особенно характерно, новый обрядъ погребенія — въ каменныхъ гробахъ. Сперва — это (въ Даніи и Швеціи) небольшія отдѣльныя помѣщенія, потомъ коллективныя могилы значительныхъ размѣровъ («мегалитъ» въ сѣв. Германіи). Вале относитъ появленіе пришельцевъ примѣрно къ 2.600-2.300 г.г. до Р. Х. Это — будущіе германцы, какъ отдѣльная народность.

Нѣсколько позже возникаетъ и въ русскомъ центрѣ самостоятельный кругъ культуры, именно въ бассейнѣ верхней Волги и Оки (№ 24, 6). По имени одного изъ мѣстонахожденій эта среднерусская группа получила названіе «Фатьяновской культуры». Выше мы отмѣтили эту территорію, какъ промежуточную. Фатьяновская культура и носитъ очень смѣшанный характеръ. Она, несомненно, возникаетъ на почвѣ гребенчатой керамики. Но столь же несомнѣнно она связана и съ средней Европой. Оттуда она заимствуетъ шаровидную амфору, которая изъ своей родины въ сѣверномъ Бранденбургѣ широко распространилась вверхъ по Эльбѣ, Одеру и Вислѣ, откуда въ измѣненномъ видѣ безъ шейки) черезъ Галицію пришла въ Украину (см. рис. 27, №№ 1 и 2). Форма погребенія въ Фатьяновскомъ кругѣ — какъ и въ сѣверной Германіи — скорченные скелеты (см. ниже). Фатьяновская культура, однако, противится вторженію современной ей западно-европейской («шнуровой») керамики и создаетъ собственную форму боевого топора (табл. № 27, 8 и 9). Другая форма боеваго топора (Bootaxt typus I), происходящая, всего вѣроятнѣе, изъ сѣверной Европы и связанная тамъ съ «шнуровой» керамикой (см. ниже), является своего рода прототипомъ фатьяновскихъ топоровъ. Она широко распространена въ Польшѣ, восточной Пруссіи, Прибалтикѣ, Финляндіи, и проникла оттуда (табл. № 27, 6 и 7) въ бассейнъ Днѣпра отъ Смоленской и Могилевской до Кіевской и Полтавской губерній. Но она какъ разъ обходитъ съ сѣвера и юга центральное междурѣчье, чтобы появиться снова при впаденіи Камы въ Волгу. Она идетъ сюда, очевидно, или сѣвернымъ путемъ или съ юга, вверхъ по Волгѣ. Этотъ послѣд-



№ 27. Неолитическія культуры второго мѣсторазвитія Евр. Россіи.

ній путь вскрываетъ намъ особую связь камско-волжскаго круга культуры съ Кавказомъ (табл. 24, № 7). Эта, т. наз. «пермская» культура независима отъ Фатьяновской; она получаетъ свои вдохновенія не съ запада, а съ юга и востока. Мы вернемся къ ней позднѣе, такъ какъ расцвѣтъ этой культуры относится уже ко времени появленія металловъ, тогда как въ Фатьяновскомъ кругу мѣдь еще является рѣдкимъ гостемъ. Въ это послѣдующее время Фатьяновская культура загадочнымъ образомъ, куда-то исчезаетъ, — точно все населеніе междурѣчья поднялось съ мѣстъ и куда-то ушло. Во всякомъ случаѣ, этой одиночной культурой и ограничивается эволюція сѣвернаго мѣсторазвитія въ средней Россіи. Далѣе на сѣверъ нѣтъ и этого. Здѣсь положеніе остается безъ перемѣнъ втеченіе всей эпохи бронзы, вплоть до появленія желѣза, — и даже позже. Нужно отмѣтить, что немногія находки на этой пустынной территоріи, въ области тайги и тундры, сохраняютъ традицію звѣриныхъ формъ, сохранившуюся отъ первыхъ насельниковъ поздняго палеолита.

Несравненно больше жизни и движенія мы найдемъ во второмъ мѣсторазвитіи — въ полосѣ лесса и горъ на Западѣ, черно-

---

*) Содержаніе таблицы № 27:

1. Шаровидная амфора (Kugelamphore)) изъ Baalberg, у Бернбурга.
2. Шаровидная амфора изъ Фатьянова, Данил. у., Ярослав. губ.
3. Горшокъ шнуровой керамики съ Волыни.
4. Полосатый бокалъ (Zonenbecher) съ Волыни.
5. Полосатый бокалъ (Zonenbecher) съ Волги.
6. Боевой топоръ (Bootaxt, typ. I) Ютландскаго типа.
7. Боевой топоръ (Bootaxt, typ. I) Шлезвигскаго типа
8. Боевой топоръ Фатьяновской культуры. Свіяжск. уѣзда, Казан. губ.
9. Боевой топоръ Фатьяновской культуры, Ярос. у.
10. Модель прямоугольнаго дома-склепа, курганъ у Царевской.
11. Модель дома-кибитки, Ульскій курганъ.
12. «Катакомбное» погребеніе, Изюмскій у.
13. «Катакомбное» погребеніе, Сицилія.
14. Типъ горшка катакомбныхъ погребеній, Изюм. у.
15. Длинноголовый черепъ изъ «Long Barrow», Helpenthrope, E. B. Yorks («Пиктъ»).
16. Коротко- (кругло-) головый черепъ изъ «Round Barrow», Cowham, E. B. Yorks («Кельтъ»).
17. Катакомбное погребеніе, Царевская.

зема и степи на Востокѣ Европы. Ведущей стороной остается и тутъ Западъ. Невозможно — и нѣтъ надобности — передавать здѣсь всѣ совершившіяся тамъ за время неолита измѣненія. Остановимся лишь на тѣхъ, которыя ближе касаются соотвѣтствующаго русскаго мѣсторазвитія. Прежде всего и здѣсь, какъ въ области сѣвернаго мѣсторазвитія, мы отмѣтимъ присутствіе стараго населенія, сохранившагося отъ времени міолита. Здѣсь, однако же, труднѣе прослѣдить его, такъ какъ оно болѣе закрыто позднѣйшими наслоеніями. Характернымъ образомъ, это эпипалеолитическое населеніе придерживается дюнъ, т.-е. песчаныхъ холмовъ, нагроможденныхъ флювіо-глаціальными отложеніями. Недостаточно пока изслѣдованныя, дюнныя находки идутъ почти непрерывной полосой по прибрежьямъ рѣкъ изъ Польши черезъ Прикарпатье въ область лѣвыхъ притоковъ Днѣпра, — а далѣе двумя путями: прямо на востокъ по Донцу и Дону къ нижней Волгѣ и, поднимаясь до Оки и переходя оттуда на среднюю Волгу. Эти пути хорошо извѣстны намъ изъ исторіи палеолитической колонизаціи Россіи. Здѣсь, какъ и на Западѣ Европы, ранне-неолитическое населеніе продолжаетъ держаться въ районѣ наиболѣе благопріятнаго мѣсторазвитія — отложеній лесса, покрытаго черноземомъ, частью уже деградированнымъ. И такъ же, какъ въ западной Европѣ, появленіе особеннаго типа поселеній на дюнахъ, повидимому, показываетъ, что мѣста на черноземѣ болѣе удобныя для земледѣлія, уже заняты земледѣльцами. Дюнные обитатели селятся въ промежуткахъ между удобными для земледѣлія землями, продолжая заниматься рыболовствомъ. Объ ихъ соціальной роли будетъ сказано ниже. Отмѣтимъ только, что дюнныя поселенія держатся очень долго и переживаютъ рядъ археологическихъ — и даже геологическихъ періодовъ. Польскій историкъ Козловскій отличаетъ два типа дюнъ, старшій и младшій, и связываетъ ихъ происхожденіе съ извѣстными намъ перемѣнами сухого и теплаго климата на холодный и влажный. Древнѣйшія дюны параболической формы, открытыя на западъ, онъ относитъ къ эпохѣ субарктическаго и особенно бореальнаго климата, т.-е. къ эпохѣ Анцилусъ и даже Іольдіа, а археологически — къ старшему Тарденуазу (см. таблицу, стр. 140-141). Они отдѣлены отъ младшихъ дюнъ прослойкой ископаемаго гумуса, созданнаго промежуткомъ влажнаго и теплаго климата (атлантическаго) эпохи Литорины. Здѣсь встрѣчаютъ находки эпохи младшаго тарденуаза.

Стратиграфія южной Россіи не такъ хорошо изучена. Но находки на дюнахъ — многочисленны, хотя на югѣ и въ центрѣ Россіи они имѣютъ разный характеръ и различную хронологію. Главныя эпипалеолитическія находки на югѣ сдѣланы въ четырехъ

мѣстностяхъ Украины: по Днѣстру въ Подоліи, на Волыни, въ Харьковской губ. (окрестности Изюма) и въ Новгородъ — Сѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи. Тарденуазская эпоха (микролиты въ типичной формѣ трапеціи) смѣняется вездѣ слѣдующей эпохой Кампиньи (макролиты). По наблюденію П. Ефименко, въ Изюмскомъ у. микролиты находятся на высокихъ терассахъ, тогда какъ макролиты (отщепы крупнаго размѣра, 15 и болѣе сантиметровъ длины, грубой фактуры: обтесанные, а не ретушированные) встрѣчаются «на плоскихъ песчаныхъ грядкахъ, среди поймы, просто на луговомъ берегу». Въ нѣкоторыхъ стоянкахъ оба типа встрѣчаются рядомъ: микролиты на выступѣ террасы, а макролиты на небольшомъ возвышеніи поймы. Возможно, что это свидѣтельствуетъ о томъ, что уровень воды эпохи Тарденуазъ снизился и болѣе поздніе поселенія эпохи Кампиньи спустились вслѣдъ за водой. Такая же смѣна, какъ отмѣченная Ефименко въ Изюмѣ, встрѣчена была В. В. Гольмстеномъ около Самары и М. Я. Рудинскимъ на Деснѣ.

На сѣверъ отъ линіи Десна — Самара мы переходимъ въ извѣстное уже намъ мѣсторазвитіе переходнаго характера — русскій центръ. Тамъ, на верхнемъ Днѣпрѣ (Смол. губ.), но главнымъ образомъ на Окѣ и средней Волгѣ, дюнныя находки носятъ позднеолитическій характеръ. Таковы, напримѣръ, раскопки стоянокъ на дюнахъ на Окѣ (Ф. Я. Селезневъ), находки въ Смоленской губ. (Лявданскій), Панфиловская стоянка въ Муромскомъ у. (Городцовъ). Здѣсь встрѣчаются хорошо отдѣланные топоры, наконечники стрѣлъ и копій, обильная керамика гребенчатаго типа, полуподземныя землянки съ очагомъ посерединѣ и иногда съ коридоромъ наружу («Садовый боръ»), нарами по стѣнамъ (Памфилово) (см. выше, таб. 25, №№ 3, 4, 32, 41). На дюнномъ бугрѣ возлѣ с. Нижнихъ Немыкорей (Смоленской губ.) найдены два большіе, глинобитные очага. Въ наиболѣе позднихъ дюнныхъ стоянкахъ попадается уже мѣдь, бронза и даже желѣзо.

Отъ эниміолитическаго населенія юга, никуда не ушедшаго и оставшагося, очевидно, сидѣть на мѣстахъ, перейдемъ теперь къ изученію тѣхъ процессовъ, которые произошли на этой основѣ въ эпоху неолита, энеолита и начала бронзы. Въ сѣверномъ мѣсторазвитіи мы не имѣли надобности переходить въ вѣкъ металловъ, такъ какъ туда металлы проникли гораздо позднѣе (ср. на картѣ № 16 сѣверную границу палеометаллическихъ древностей, нанесенную мною по Тальгрену съ нимъ же отмѣченной границей распространенія гребенчатой керамики на картѣ № 24). Напротивъ, на югѣ этотъ переходъ происходитъ почти одновременно съ Западной Евро-

ной—и настолько постепенно и незамѣтно, что хронологическую границу можно провести здѣсь только очень приблизительно и условно.

Прежде всего останавливаетъ наше вниманіе на территоріи второго мѣсторазвитія районъ культуры, характеризуемой раскрашенной керамикой. Въ Россію онъ входитъ треугольникомъ, вершина котораго находится въ Кіевѣ, а стороны идутъ прямо на западъ къ границѣ и на югъ, правымъ берегомъ Днѣпра, до устья Днѣстра. Съ легкой руки кіевскаго археолога Хвойко, впервые открывшаго въ концѣ XIX вѣка эту культуру въ Кіевѣ (Кирилловская улица) и на широкомъ пространствѣ отъ Чернигова до Одессы и до границы Галиціи, *) она получила названіе Трипольской (отъ мѣстечка Триполье подъ Кіевомъ). Позднѣе стало извѣстно, что это лишь разновидность широкаго пояса культуры, тянувшагося на югъ въ Бессарабію (Кукутени, Петрени) вверхъ по Дунаю и Тиссѣ въ Трансильванію (Эрездъ), и дальше, на Балканы во Фракію и Фессалію (Сескло, Димини). Хронологія этой культуры можетъ опредѣляться цѣлымъ тысячелѣтіемъ 2700-1700 до Р. Х. Опредѣлить ея происхожденіе чрезвычайно трудно. Признакъ крашеной керамики можетъ объединить ее не только съ Туркестаномъ и Месопотаміей, но и съ Египтомъ, Пенджабомъ, Китаемъ и Японіей. Чайльдъ совершенно правильно заключаетъ, что всѣ эти отдѣльныя группы крашеной керамики, при частичныхъ аналогіяхъ, не имѣютъ между собой ничего общаго, кромѣ одного этого техническаго признака. Неизвѣстно, не только откуда пришла Трипольская культура, но и куда она ушла. Ходячая гипотеза — та, что ее разрушили какимъ-то всеобщимъ пожаромъ какіе-то кочевники. Высказано также предположеніе, что трипольцы были индоевропейцы, ушедшіе на югъ въ Грецію (Штернъ). Они были, несомнѣнно уже земледѣльцами, такъ какъ въ ихъ жилищахъ найдены «кучи поджареныхъ зеренъ пшеницы», лепешки и зерна обуглившейся пшеницы, проса, ячменя, а также каменные серпы и зернотерки. Они знали домашній скотъ, овецъ, козъ, свиней, быковъ и даже лошадей. Ихъ гончарное производство отличается разнообразіемъ и причудливостью формъ; встрѣчаются мужскія и женскія статуэтки въ стоячей и сидячей позѣ, а также стилизованныя формы звѣрей. Это были, по существу, люди неолитическаго періода, хотя въ числѣ находокъ

*) По опредѣленію Хвойки, «начиная отъ Кіевскаго, Васильковскаго, Черкасскаго, Чигиринскаго, Звенигородскаго, Уманскаго и Липовецкаго у.у. Кіевской губ. до сѣверной части Херсонской губ. и во всей сѣверной части Подольской губ. до самой границы Галиціи и далѣе, а также по лѣвому берегу р. Десны, въ Остерскомъ у. Черниговской губ.».

изрѣдка встрѣчаются и мѣдныя украшенія и орудія. Губ. Шмидтъ въ своей послѣдней работѣ о Кукутени, считаетъ эти находки импортомъ; онъ указываетъ и на присутствіе желѣза въ болгарскихъ находкахъ, но напоминаетъ, что оно могло придти путемъ торговли изъ хеттитскихъ мастерскихъ, которые передъ 1200 г. « монополизировали желѣзо». Большой споръ велся по поводу способа погребенія трипольцевъ. Хвойко описалъ два типа ихъ построекъ: «землянки», на склонѣ горы, которыя были жилищами и устроены по типу юртовъ, извѣстныхъ намъ изъ палеолита и у сибирскихъ инородцевъ (см. выше стр. 87); и «площадки» на верху горы: прямоугольныя помѣщенія съ глинобитнымъ поломъ — часто уложеннымъ въ нѣсколько рядовъ обожженными глиняными плитками и съ остатками свалившихся стѣнъ и крыши, съ обмазанными глиной столбами, плетеными прутьями и бревнами. Кругомъ стѣнъ — лежанка изъ глины же для сидѣнья и постели; полые внутри «пьедесталы» съ углубленіемъ въ верхней части, которые я сопоставилъ бы съ лампами эскимосовъ (стр. 88). На «площадкахъ» нѣтъ печей и пищи, но въ значительномъ количествѣ разставлены сосуды съ рѣзнымъ и цвѣтнымъ (въ формѣ спирали и меандра) орнаментомъ; тутъ же попадаются и скульптурныя произведенія изъ глины (фигурки людей и звѣрей). Штернъ, Эбертъ и Менгинъ согласились съ Хвойкой, что эти сосуды суть погребальныя урны, хранящія въ себѣ пепелъ и кости сожженнаго покойника, а самыя площадки — не жилища, а маленькіе некрополи. Напротивъ Шухартъ, не находя костей въ урнахъ, а только слегка «обожженныя» кости положеннаго въ землю скелета, отрицалъ наличность обряда сожженія въ Трипольѣ. Онъ ссылался, между прочимъ, на то, что его раскопки въ Румыніи (Чернавода) обнаружили на совершенно такихъ же «площадкахъ» съ глинобитнымъ поломъ безъ печи — не мѣста погребенія, а жилые дома. Переходъ отъ жилища къ мѣсту похоронъ, впрочемъ, не такъ необыченъ для доисторическаго періода. Раскопки Спицына и Доманицкаго близъ с. Колодистаго (Кіевской губ.) обнаружили большой сосудъ съ человѣческими костями, поставленный подъ поломъ дома въ воронкообразномъ углубленіи. Покойникъ сперва хоронился въ домѣ, и жилище покидалось вовсе; затѣмъ родные стали хоронить покойника подъ порогомъ — и оставались жить въ домѣ. Весьма вѣроятно, что и періодическая перестилка глиняными плитками половъ «площадокъ» — иногда до семи разъ — въ Трипольѣ свидѣтельствуетъ о дальнѣйшей эволюціи того же обряда, при которой «площадки» могли продолжать служить также и жилищемъ. Противъ ихъ назначенія — служить исключительно некрополями свидѣтельствуетъ

и скопленіе большаго количества «площадокъ» въ однихъ мѣстахъ (около тридцати) и ихъ расположеніе въ видѣ круга, въ срединѣ котораго помѣщается постройка болѣе значительныхъ размѣровъ. Въ с. Жуковцахъ, напримѣръ, центральныя помѣщенія занимаютъ площадь въ 18 × 13 метровъ, тогда какъ окружающія площадки составляютъ только 5 × 6 до 8 × 10 метровъ. Это, очевидно, такія же мѣста общихъ сборищъ, какъ тѣ, которыя мы встрѣчали у сибирскихъ инородцевъ (см. стр. 88). Отдѣльныя площадки тогда должны считаться жилищами-усыпальницами отдѣльныхъ группъ, составлявшихъ общее поселеніе.

На протяженіи тысячелѣтія, пока существовала Трипольская культура, конечно, многое могло перемѣниться. Самъ Хвойко, а затѣмъ Штернъ и Губертъ Шмидтъ установили до шести ступеней, черезъ которыя прошла керамика этой культуры, перейдя, напримѣръ, отъ многоцвѣтной къ одноцвѣтной окраскѣ. Этимъ продолжительнымъ срокомъ объясняется и разнообразіе похоронныхъ обрядовъ, констатированныхъ въ Трипольской культурѣ. *) Что касается хронологіи этихъ перемѣнъ, Губ. Шмидтъ принимаетъ для Кукутени дату 2500-1200 до Р. Х., считая при этомъ, что Трипольe старше и Кукутени, и Эрезда. Но въ старѣйшій періодъ въ Трипольѣ обитали не обладатели «Трипольской культуры», а ихъ предшественники. Имъ принадлежитъ (какъ думаетъ и Айліо) и древнѣйшая керамика Триполья. Именно это старѣйшее населеніе строило «землянки» и хоронило покойниковъ въ скорченномъ видѣ подъ домами. Потомъ (второй періодъ) пришли трипольцы и построили «площадки» съ трупосожженіемъ. Въ концѣ развитія трипольской культуры наступилъ третій періодъ: явились новые пришельцы съ сѣвера, которые принесли съ собою керамику гребеночнаго типа (ямочную и рѣзную), животную пластику и натуралистическіе мотивы, — т.-е. извѣстную намъ «восточно-балтійскую культуру». Что касается подлинныхъ трипольцевъ (второго періода), они, по мнѣнію Г. Шмидта, пришли съ запада. Ихъ исходный

*) По первоначальнымъ описаніямъ Хвойки можно отмѣтить четыре типа погребенія: 1) пережженныя человѣческія кости въ сосудѣ (с. Веремье. Этотъ фактъ оспаривается); 2) тамъ же скорченный скелетъ въ ямѣ, на днѣ, на подстилкѣ березовой коры, съ обожженными костями; 3) обожженныя кости человѣческія, конскій черепъ, части двухъ человѣческихъ череповъ (Триполье); 4) курганная насыпь, подъ ней четыре площадки, почти подъ уровнемъ земли истлѣвшія бревна склепа, подъ ними, на полтора метра глубины, на слоѣ желтой глины, скорченный скелетъ на правомъ боку (Халепье).

пунктъ — Трансильванія, именно область Бюкскаго плоскогорія, и самый отходъ долженъ былъ совершиться въ періодъ древнѣйшей культуры Бюкка, — раньше чѣмъ «восточная» вѣтвь этой культуры отдѣлилась отъ «западной», венгерской. Если вѣрны эти опредѣленія, то трипольская культура — какъ, впрочемъ, и слѣдовало предполагать, не является однимъ цѣлымъ: ея начало, середина и конецъ — различны. Мы имѣемъ дѣло, прежде всего, съ допеолитическимъ населеніемъ, которое при неолитѣ перешло къ земледѣлію и подверглось нашествію болѣе культурнаго пласта съ дунайскаго бассейна — территоріи «ленточной» культуры. Въ Эрездѣ и въ Димини — мѣстахъ болѣе центральныхъ для Трипольской культуры — эти завоеватели построили укрѣпленія для поддержанія своей власти. Очевидно, тутъ уже совершился переходъ отъ крестьянской земледѣльческой стадіи къ городской или «дворовой». Изъ русскаго — трипольскаго района эти завоеватели ушли въ періодъ упадка трипольской культуры, уступая передъ новымъ нашествіемъ менѣе культурныхъ завоевателей съ сѣвера. Впрочемъ, это обозначеніе — «сѣверъ» — не надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. Губ. Шмидтъ отмѣчаетъ, что культура, принесенная завоевателями третьяго періода была «смѣшанная». Къ «балтійско-арктическимъ» чертамъ въ ней примѣшивалась шнуровая керамика и свойственныя этой керамикѣ формы сосудовъ (см. ниже). Къ этой новой стадіи заселенія нашего второго мѣсторазвитія мы теперь и переходимъ.

Культурная область шнуровой керамики представляетъ то особое значеніе, что съ нею нѣкоторые — особенно славянскіе — изслѣдователи нашли возможнымъ связать появленіе историческихъ народностей, — именно индоевропейцевъ. Территорія, захваченная шнуровой керамикой — очень опредѣленна, и географическое расположеніе ея представляетъ значительный интересъ (см. карту № 24). Западная часть пояса шнуровой керамики располагается на стыкѣ двухъ среднеевропейскихъ неолитическихъ культуръ, раздѣлъ между которыми идетъ по линіи Брауншвейга на Магдебургъ — Бреслау. Справка съ картой № 16 покажетъ, что эта зона соотвѣтствуетъ полосѣ между двумя послѣдними обледенѣніями (Вюрм — и Рис) и границѣ между равнинной и горной Германіей. Естественно ожидать тутъ и стыкъ между двумя эпипалеолитическими населеніями — болѣе древнимъ въ южной части и болѣе новымъ въ сѣверной. Естественно также ожидать найти здѣсь культуру переходнаго типа, на которую обѣ сосѣднія оказали извѣстное вліяніе. На югъ отъ указанной линіи тянутся обширныя пространства т. наз. «ленточной» керамики (Bandkeramik), центромъ которой

является средне- и верхнедунайскій бассейнъ. Главныя доисторическія связи этого круга шли на югъ, въ область балканской и эгейской культуры; но это-же дунайское земледѣльческое и мирное населеніе нѣсколько позднѣе колонизовало верхній Рейнъ и спустилось вплоть до Бельгіи. Границы «ленточнаго» круга на юговостокъ вслѣдствіе связи съ Балканами трудно опредѣлить. На востокъ вліяніе «ленточной керамики» чувствуется и въ области красочной керамики, т.-е. русскаго Триполья. На сѣверъ отъ линіи Бреслау — Брауншвейгъ тянется область сѣверной культуры, которую германскіе изслѣдователи стараются монополизировать для своей теоріи — происхожденія индогерманцевъ изъ круга сѣверной длинноголовой расы. Но какъ разъ эта сѣверная граница между шнуровой и сѣверной культурами долго оставалась незаселенной (см. ниже).

Въ промежуткѣ между сѣвернымъ и дунайскимъ кругами тянется самостоятельная полоса шнуровой культуры. На картѣ № 24 ея направленіе показано отъ средняго Рейна и Эльбы черезъ Гессенъ, Тюрингію и Саксонію на верхній Одеръ въ Силезію, а оттуда черезъ верхнюю Вислу и верховья Днѣстра на Днѣпръ, Донецъ, Донъ и Волгу. На этомъ длинномъ пути, помимо первоначальныхъ смѣшанныхъ формъ, шнуровая керамика, конечно, получаетъ новые импульсы и даетъ новые мѣстные варіанты. Но все же, ея основныя черты можно распознать отъ начала до конца. Возникаетъ естественный вопросъ, какъ прошли носители шнуровой керамики весь этотъ путь — съ запада на востокъ или съ востока на западъ. Сторонники сѣверноевропейскаго происхожденія индогерманцевъ (стр. 197, 206-7, 215) защищаютъ первый путь. Сторонники азіатской прародины индогерманцевъ (стр. 194-5) — ищутъ доказательствъ въ пользу второго пути. Есть и среднее рѣшеніе, останавливающееся на южнорусскихъ степяхъ, какъ на центральномъ источникѣ шнуровой культуры. Выборъ рѣшенія очень затрудняется разнообразіемъ тѣхъ элементовъ, которые вошли въ составъ шнуровой культуры. Ихъ соединеніе придаетъ, конечно, шнуровой культурѣ ея единство, ея своеобразный характеръ. Но отдѣльные, вложившіеся въ нее элементы далеко выходятъ за предѣлы этой культуры. Разсмотримъ главныя изъ этихъ составныхъ частей отдѣльно, прежде чѣмъ остановиться на ихъ соединеніи въ предѣлахъ южной Россіи.

Прежде всего, своеобразной чертой шнуровой культуры является погребеніе покойниковъ въ скорченномъ видѣ и осыпаніе труповъ красной охрой. Подъ названіемъ «охровыхъ могилъ» и извѣстны эти мѣста похоронъ въ восточной части южной Россіи. Но самъ по себѣ этотъ способъ погребенія вовсе не составляетъ особенности

данной территоріи. Скорченные скелеты попадались намъ уже въ міолитическомъ періодѣ; этотъ способъ погребенія является общимъ и для областей «ленточной» и сѣверной керамики. Мало того, онъ идетъ далеко за предѣлы Европы. М. Возинскій нашелъ скорченные скелеты, помимо рѣшительно всѣхъ странъ Европы, также въ Индіи, Австраліи, Африкѣ, Америкѣ. Очевидно, это вообще — одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ погребенія. Между тѣмъ, шуровая керамика появляется только въ поздней части неолита. Очевидно, она сохранила этотъ обрядъ отъ палеолитическаго населенія Европы.

Иное, гораздо болѣе съуживающее значеніе имѣетъ другая черта шуровой культуры: тѣ элементы мегалитической культуры и керамики, которые она несетъ съ собой въ колонизованныя ею страны. И тутъ уже имѣется указаніе на направленіе этой колонизаціи. Какъ извѣстно, мегалитическіе памятники разсѣяны въ Европѣ по всему берегу Атлантическаго океана — начиная съ Испаніи, Франціи, Великобританіи — съ дальнѣйшимъ отвѣтвленіемъ къ берегамъ Сѣвернаго моря и Ютландіи. Происхожденіе мегалитической культуры обыкновенно выводится изъ Африки и приписывается особому народу «развѣдчиковъ» (prospectors), который, въ небольшомъ количествѣ, явился въ западную Европу изъ Средиземнаго моря съ торговыми и завоевательными цѣлями и, открывъ природныя богатства разныхъ странъ — соль, янтарь, мѣдь, олово и т. д., остался въ этихъ мѣстностяхъ среди осѣдлаго крестьянскаго населенія въ роли хозяевъ. Постепенно, доходя до сѣверныхъ береговъ Европы и проникая во внутренность странъ, «развѣдчики» — и подвергшееся ихъ вліянію населеніе — видоизмѣняли форму мегалитическихъ сооруженій, стараясь сдѣлать ихъ менѣе дорогими и болѣе доступными. Такъ отъ грандіозныхъ сооруженій, сохранившихся на берегахъ Испаніи, Франціи и Англіи, они перешли къ скромной формѣ дольмена — одиночнаго гроба (Einzelgrab) изъ нѣсколькихъ каменныхъ плитъ съ каменной покрышкой. Затѣмъ, въ процессѣ колонизаціи сѣверо-германской низменности, они расширили одиночный гробъ до размѣровъ коллективнаго склепа, прибавивъ къ нему выложенный каменными плитами подземный коридоръ для входа (Ganggräber). Въ сѣверной Польшѣ эти склепы пріобрѣли значительные размѣры путемъ расширенія одного изъ длинныхъ концовъ, причемъ все сооруженіе принимало форму трапеціи («куявскіе гробы»). Дальше на юго-востокъ возобновляется процессъ удешевленія и упрощенія мегалистическихъ построекъ. Сперва отъ нихъ остается одинъ каменный ящикъ изъ плитъ подъ землей. Затѣмъ боковыя стѣнки ящика исче-

заютъ и остается одна каменная покрышка. Наконецъ исчезаетъ и она, и сохраняется лишь символическая обкладка скелета (или могилы) круглыми камнями. Хронологія этой постепенно смѣны опредѣляется сѣверными археологами отъ 3.000 до 1.600 лѣтъ до Р. Х. (см. таблицу на стр. 140-141).

Въ Россію мегалитическія сооруженія въ стадіи дольменовъ проникли черезъ Польшу и Прикарпатье не дальше области Подоліи и Волыни. И. Левицкій на основаніи развѣдокъ и раскопокъ 1924-1928 въ верховьяхъ Стыри, Горыни, Случа и Тетерева констатировалъ около 30 мегалитическихъ сооруженій на Волыни. Кромѣ дольменовъ здѣсь имѣются и каменныя могилы съ зачатками корридора, и каменные ящики, прикрытые курганомъ. О томъ, что шнуровая культура здѣсь существовала продолжительное время, свидѣтельствуетъ переходъ отъ погребенія скорченныхъ скелетовъ къ обряду сожженія, вездѣ являющемуся, въ предѣлахъ поздняго неолита и начала эпохи металловъ, позднѣйшимъ. Находки въ Яцковице, на верхнемъ Ю. Бугѣ, показываютъ, что шнуровая культура проникла на территорію трипольской культуры. Это подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ, кто приписываетъ носителямъ этой культуры разрушеніе Триполья.

Наконецъ, наиболѣе характерной для шнуровой культуры *третьей* чертой, выдѣляющей ее въ особый культурный кругъ, является нахожденіе въ могилахъ со скорченными и окрашенными скелетами опредѣленныхъ предметовъ — и въ особенности, своеобразныхъ формъ керамики. Именно тутъ мы сталкиваемся съ вопросомъ, какіе типы керамики старше и какіе позднѣе, — чтобы, въ зависимости отъ отвѣта на этотъ вопросъ, рѣшить, распространялась ли эта культура съ востока на западъ или съ запада на востокъ. Споръ этотъ усложняется тѣмъ, что, повидимому, на всемъ пространствѣ своего распространенія шнуровая культура существовала довольно долго, такъ что древнія формы вездѣ имѣли время замѣниться позднѣйшими. На этомъ основаніи Сулимирскій въ своемъ докладѣ на седьмомъ съѣздѣ историковъ въ Варшавѣ принужденъ былъ даже допустить двойное движеніе: древнѣйшее (за 2500 лѣтъ до Р. Х.) съ востока на западъ и позднѣйшее, обратное, за 2000 лѣтъ, съ запада на востокъ. По его мнѣнію, именно, древнѣйшимъ могиламъ шнуровой культуры свойственны сосуды съ круглымъ дномъ, примитивная шнуровая керамика и кремневые топоры съ чечевицеобразнымъ разрѣзомъ обуха, характерные для періода кампиньенъ Литвы и Волыни. Напротивъ, въ позднѣйшихъ могилахъ этого типа встрѣчаются кремневые топоры бужской культуры, съ прямоугольнымъ разрѣзомъ обуха, хорошо обработанные боевые топоры

изъ твердыхъ породъ камня, металлическіе предметы и каменная обладка могилъ.

Все это, очевидно, характерно для Польши. Но на территоріи южной Россіи, при сохраненіи фамильнаго сходства, формы мѣняются. На востокъ отъ Днѣпра мы имѣемъ погребенія шнуровой культуры двухъ типовъ, съ двумя разными составами находокъ. Одинъ изъ нихъ характеризуется погребеніемъ скорченныхъ скелетовъ въ ямахъ, другой въ такъ наз. «катакомбахъ (стр. 190). Тальгренъ, оспаривая мнѣніе Городцова, считаетъ, что эти типы погребенія существовали одновременно. Но есть всѣ основанія думать, что погребеніе въ ямахъ есть древнѣйшій изъ двухъ типовъ. Этотъ типъ распространенъ въ южныхъ степяхъ повсемѣстно, тогда какъ «катакомбы» пріурочиваются къ опредѣленной территоріи — средняго Донца и Дона. Въ ямныхъ погребеніяхъ почти нѣтъ металлическихъ предметовъ; они сохраняютъ неолитическій обликъ. Напротивъ, въ «катакомбахъ» мѣдные и бронзовые предметы встрѣчаются въ большомъ количествѣ: Городцовъ, насчиталъ ихъ до 63% въ изюмскомъ уѣздѣ. Наконецъ, встрѣчаются случаи, когда катакомбныя погребенія разрушаютъ предыдущія ямныя. Въ то же время нельзя отрицать, однако, что ямныя погребенія продолжаютъ существовать наряду съ катакомбами. Видимо, тутъ дѣло идетъ о двухъ слояхъ населенія: позднѣйшее, внеся свой варіантъ похороннаго обряда, продолжаетъ жить въ перемѣшку съ прежними обитателями (стр. 191. Территорія распространенія обоихъ типовъ «степныхъ кургановъ» показана на картѣ № 24, подъ № 8).

Не такъ легко отдѣлить древнѣйшія формы сосудовъ шнуровой керамики отъ позднѣйшихъ. Конечно, разница между керамикой ямныхъ и катакомбныхъ могилъ бросается въ глаза. Сосуды ямныхъ могилъ сохраняютъ древнѣйшую форму — круглаго дна (ср. т. 25); въ «катакомбныхъ» дно уже плоское. Орнаментъ въ ямныхъ могилахъ сравнительно примитивный; въ катакомбныхъ онъ болѣе сложный—шнуровой или рѣзной, но рядомъ съ точками и прямыми линіями вносящій яркую новизну; узоръ спиралями и концентрическими кругами (таб. 27, № 14). Тутъ позднѣйшая хронологія очевидна. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ плодъ позднѣйшаго вторженія (см. ниже), мы останавливаемся въ затрудненіи передъ классификаціей формъ болѣе древнихъ. Типичной формой является, какъ сказано, горшокъ или котелъ съ круглымъ или даже заостреннымъ днемъ, годный только для подвѣшиванія. Но эта форма пріобрѣтаетъ мѣстный характеръ. Варіантъ, точно соотвѣтствующій западной шнуровой культурѣ — горшокъ съ сильно расширеннымъ брюшкомъ, узкимъ днемъ и короткимъ узкимъ горлышкомъ, съ двумя или че-

тырьмя ушками для подвѣшиванія на самой широкой части брюшка — этотъ варіантъ мы находимъ только на западъ отъ Днѣпра, въ связи съ отмѣченными тамъ-же остатками мегалитическихъ сооруженій (табл. 27, № 3). На востокъ отъ Днѣпра его замѣняетъ яйцевидная форма, сохранившаяся отъ древнѣйшихъ мѣстныхъ формъ и рѣзко отличная отъ шаровидной амфоры сѣвернаго типа, какую мы встрѣтили въ Фатьяновѣ (ср. таблицы №№ 25 и 27). Другая типичная форма западной шнуровой культуры — «полосатый бокалъ» (Zonenbecher) тоже встрѣчается въ бассейнѣ Днѣпра, напримѣръ, въ Яцковице и въ волынскихъ погребеніяхъ. На востокѣ онъ принимаетъ нѣсколько иную форму (табл. 27, № 5). Сторонники движенія съ востока видятъ въ древнѣйшихъ формахъ горшка и бокала специфически-западныя *позднѣйшія* формы. Но обѣ онѣ первичны и слишкомъ тѣсно связаны съ предыдущей исторіей западной керамики (ср. № 1, изъ Баальберга съ № 2 Фатьяново). Съ другой стороны, примитивныя формы южно-русскихъ ямныхъ могилъ еще не означаютъ ихъ большей древности, а лишь большую примитивность культуры, а также связь ея шнуровой стадіи съ мѣстнымъ прошлымъ. Это приводитъ насъ къ вопросу, каково-же было населеніе, принесшее шнуровую культуру.

Антропологическій типъ этого населенія можно считать выясненнымъ. Конечно, всѣ неолитическія расы вообще нужно считать уже смѣшанными. Но тутъ въ смѣшеніи еще ясно выдѣляется старый длинноголовый типъ, хотя и склоняющійся уже къ под- и къ среднедлинноголовію, съ небольшой примѣсью чисто короткоголоваго типа. *) Что касается образа жизни, обыкновенно считаютъ носителей шнуровой керамики — кочевниками. Сторонники восточнаго направленія видятъ тутъ подтвержденіе своей теоріи — прихода этого населенія въ Европу изъ южныхъ русскихъ степей. Сторонники сѣвернаго переселенія указываютъ на то, что и въ германскихъ долинахъ въ періодъ суббореальный — сухой и теплый — вмѣсто лѣса господствовала луговая степь (по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, это увлеченіе климатическими перемѣнами слишкомъ преувеличе-

*) А. Стоцкій, на основаніи измѣренія 104 череповъ, найденныхъ въ могилахъ шнуровой культуры, дѣлитъ населеніе этого круга на три группы: двѣ длинноголовыя, представляющія сѣверныхъ пришельцевъ и туземное населеніе — и одна короткоголовая, принадлежащая поселенцамъ, принесшимъ колокольчиковые бокалы («протекторы»). Важно отмѣтить въ его коллекціи преобладаніе высокихъ череповъ (hypsicephal'овъ), съ частыми признаками лофо- (скафо-) цефаліи, т.-е. эскимоиднаго типа.

но). Насколько слабы эти доказательства номадизма, видно изъ того, что ихъ подкрѣпляютъ доказательствомъ отрицательнымъ: извѣстны только могилы, но неизвѣстны поселенія народа шнуровой культуры; слѣдовательно, онъ не имѣлъ постоянныхъ жилищъ. И на это имѣется возраженіе, выставленное Тальгреномъ: поселенія этого населенія могли быть на дюнахъ. Дѣйствительно, дюны — обычное мѣсто поселеній завоевателей. Но мы видѣли, что дюны уже были заселены до періода шнуровой культуры (см. выше стр. 176).

Во всякомъ случаѣ, о среднегерманской «степи» нельзя говорить въ томъ же смыслѣ, какъ о степи азіатской или даже южнорусской. Пришельцы оттуда не могли быть кочевниками въ собственномъ смыслѣ. Азіатскія вторженія относятся къ болѣе позднему времени. И нельзя утверждать, что на югѣ Россіи уже въ то время на востокъ отъ Днѣпра кочевали номады, обладавшіе, притомъ «автохтонной» культурой и «научившіеся» земледѣлію отъ трипольскихъ сосѣдей за Днѣпромъ, какъ это хочетъ думать молодой украинскій археологъ И. Борковскій въ своихъ интересныхъ работахъ. Пришельцы были, очевидно, культурнѣе туземцевъ эпипалеолитическаго періода. Они принесли на югъ Россіи высшую форму погребенія, эволюціонировавшую здѣсь на мѣстѣ въ послѣдующія ступени-положенія костяка на спинѣ и сожженія. На сближеніе, если не сліяніе пришельцевъ съ мѣстнымъ населеніемъ указываетъ мѣстный стиль шнуровой керамики, принявшей здѣсь промежуточныя формы между западнымъ и старымъ туземнымъ стилями. Исходной точкой шнуровой керамики все же остается, согласно утвержденіямъ сѣверныхъ изслѣдователей, Тюрингія и Саксонія. *) Что касается дѣйствительныхъ воздѣйствій съ востока, о нихъ придется говорить лишь въ связи съ третьимъ мѣсторазвитіемъ, къ которому теперь и переходимъ.

По нашей классификаціи, въ это третье мѣсторазвитіе уже не входятъ тѣ луговыя степи, о которыхъ только-что была рѣчь. Нельзя считать «мѣсторазвитіемъ» и необитаемую ковыльную степь, которая слѣдуетъ за луговой на югъ. Третье мѣсторазвитіе сосредоточивается непосредственно у Чернаго моря и на прилежащихъ къ нему долинахъ Предкавказья. Здѣсь мы встрѣчались уже (стр. 111)

---

*) Мнѣніе Айліо, что шнуровая керамика въ своемъ происхожденіи предшествуетъ гребеночной, можетъ относиться только къ **техникѣ** наложенія шнура (Wickelschnur), но отнюдь не къ сложившемуся орнаменту, связанному съ опредѣленной формой сосудовъ и съ опредѣленной стадіей культуры.

съ древнѣйшими доисторическими связями. Это — особый міръ, который питается культурнымъ матеріаломъ совсѣмъ изъ другой среды, нежели мѣстности второго мѣсторазвитія, связанныя преимущественно, какъ мы видѣли, съ европейскимъ западомъ. Расовыя, этнографическія и культурныя связи этого міра идутъ за море — въ Малую Азію, и за Кавказскій хребетъ — въ Месопотамію и Персію. Но въ то-же время восточная часть Черноморья служитъ связующимъ звеномъ между этимъ Ближнимъ Востокомъ и мѣстностями Донскаго и особенно Волжскаго бассейна. Мегалитическая культура Черноморья могла придти сюда независимо отъ сѣвернаго мегалита непосредственно изъ Средиземноморской культуры; поэтому она и носитъ здѣсь (напримѣръ, въ Крыму) особенно-свѣжій характеръ, независимый отъ очерченной выше эволюціи мегалитическихъ сооруженій. Въ концѣ неолита здѣсь несомнѣнно завязывается самостоятельный центръ, который у Менгина не безъ основанія получаетъ названіе «понтійско-аральской степной культуры».

Во главѣ этого центра слѣдуетъ, конечно, поставить истинно-«царскіе» курганы Кубани, содержавшіе въ себѣ роскошные погребенія военныхъ вождей. Старѣйшимъ изъ этой группы кургановъ является знаменитый курганъ около Майкопа, въ трехъ деревянныхъ камерахъ котораго погребенъ вождь съ двумя своими женами подъ великолѣпнымъ балдахиномъ съ нашитыми золотыми пластинками, изображающими львовъ и быковъ. Всѣ три скелета — скорчены и осыпаны охрой, украшены золотыми и сердоликовыми бусами. Мѣстный характеръ всего этого великолѣпія лучше всего иллюстрируется серебрянымъ сосудомъ, на которомъ левъ преслѣдуетъ дикую лошадь и быка на фонѣ натуралистическаго кавказскаго горнаго пейзажа; надъ цѣпью горъ возвышаются здѣсь Казбекъ и Эльбрусъ. Богатый инвентарь этого кургана и группы нѣсколькихъ позднѣйшихъ, обнаруживаетъ, правда, связи не только съ Ближнимъ Востокомъ, но и съ европейскимъ сѣверозападомъ и съ центральной Россіей. Этими связями опредѣляется и хронологія кубанской группы. Тальгренъ, который подчеркивалъ связи съ Фатьяновымъ (ср. особенно форму шаровидной амфоры), датировалъ Майкопъ 1700 г. до Р. Х. Напротивъ, Ростовцевъ указалъ на Месопотамію, В. Шмидтъ на Уръ и Ассуръ, — и хронологія отодвигалась соотвѣтственно до 2300 (Шмидтъ: Царевская 3200 до Р. Х.). Здѣсь мы, дѣйствительно, можемъ наблюдать встрѣчу кочеваго элемента съ земледѣльческимъ-осѣдлымъ. Этотъ контрастъ всего ярче подчеркивается двумя миніатюрными копіями жилищъ противоположнаго типа. Въ курганѣ около Царевской найдена была модель прямоугольнаго дома съ крышей и съ круглымъ отверстіемъ

въ перегородкѣ, раздѣляющей домъ на двѣ комнаты. Отверстіе это воспроизводитъ извѣстную въ Европѣ Seelenloch: проходъ для души покойника. А въ Ульскомъ курганѣ найдена модель кочевой кибитки, которую только остается поставить на колеса (см. таблицу 27, №№ 10 и 11). Круглыя лепешки, налѣпленныя на стѣнахъ, очень напоминаютъ мнѣ до сихъ поръ существующій обычай сушить на стѣнахъ избъ пометъ, употребляемый въ безлѣсныхъ степяхъ на топливо.

Гораздо болѣе слабые и болѣе поздніе отголоски степной культуры находимъ на нижнемъ Поволжьи. Судя по новѣйшимъ раскопкамъ и изслѣдованіямъ П. Рыкова, эта культура — такъ наз. «Хвалынская» — скорѣе связана съ описанной выше ямной и катакомбной культурой, а также съ юго-западной Сибирью, чѣмъ съ кавказскимъ и туркестанскимъ югомъ. Собственно, названіе «Хвалынской», намекающее на кочевую жизнь, относится, по мнѣнію Рыкова, только къ послѣдней *третьей* стадіи этой культуры (1400-1000). Но и тогда на правомъ берегу Волги онъ усматриваетъ признаки земледѣльческой культуры (ср. стр. 88-89 о границѣ по Ергенямъ). Начало собственно Хвалынской культуры Рыковъ относитъ къ 1600-1400 до Р. Х., считая, что она является здѣсь на смѣну ямной и катакомбной культурамъ, древнѣйшія черты которыхъ, однако, уже отсутствуютъ. Съ ямной культурой у ней общъ переходъ отъ скорченныхъ скелетовъ къ положенію на спинѣ, при сохраненіи сильной скорченности и большого количества краски, а также оріентація скелета на сѣверо-востокъ вмѣсто юга и юго-запада. Катакомбная культура вліяетъ на Хвалынскую керамикой своихъ крупныхъ сосудовъ, лѣпнымъ орнаментомъ, болѣе поздними типами бронзы, чѣмъ въ ямной культурѣ, — наконецъ, принесеніемъ въ жертву покойнику овецъ и коровъ (стр. 191). *Вторая* стадія Хвалынской культуры характеризуется вліяніемъ культуры «срубовъ» (1300-1100), которая въ русскихъ степяхъ является преемницей двухъ предыдущихъ культуръ, и ямной, и катакомбной. Рыковъ считаетъ, что названіе «срубной» культуры неудачно, такъ какъ въ сибирскихъ погребеніяхъ вмѣсто деревянныхъ срубовъ сохранились каменные ящики. По его мнѣнію срубная культура «развивалась на сѣверо-востокѣ» и оттуда продвигалась въ восточную Европу. Онъ даже полагаетъ, на основаніи «болѣе стройныхъ костяковъ съ небольшими узковатыми (?) черепами», что «въ эту эпоху произошла и смѣна племенъ, жившихъ въ нижнемъ Поволжьѣ». Надо при этомъ принять во вниманіе, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Рау послѣ Хвалынской эпохи на нижней Волгѣ наступило запустѣніе, длившееся нѣсколько столѣтій; покойниковъ 6-го вѣка кладутъ въ курганы со

скорченными костяками, не подозрѣвая, что тутъ лежатъ могилы предшественниковъ», отдѣленныхъ вѣками.

Въ связи съ вопросомъ о вліяніи средиземной и ближневосточной культуръ на территоріи третьяго мѣсторазвитія, мы должны теперь вернуться къ слѣдамъ этого вліянія на сосѣдней территоріи втораго мѣсторазвитія. Рѣчь идетъ о группѣ погребеній, уже отмѣченныхъ выше подъ несовсѣмъ удачнымъ названіемъ «катакомбныхъ». Въ отличіе отъ похоронъ скорченныхъ костяковъ въ простой ямѣ (съ прикрытіемъ погребенія деревяннымъ потолкомъ), здѣсь выкапывается въ одной изъ сторонъ ямы, нѣсколько ниже ея дна особая камера; входъ изъ ямы въ камеру прикрывается каменной или дубовой плитой (табл. 27, № 12). Эта группа «катакомбныхъ» могилъ сосредоточена, какъ мы видѣли, почти исключительно на территоріи прежняго Изюмскаго и Бахмутскаго уѣздовъ. Главный центръ погребеній, сходныхъ съ Донецкой «катакомбой», встрѣчаемъ въ районѣ Эгейской культуры — на островахъ Эвбеѣ, Кипрѣ, Критѣ, а также въ Сиріи и въ Сициліи, — въ сопровожденіи скорченныхъ скелетовъ (табл. 27, № 13). Мы отмѣтили своеобразную керамику «катакомбъ», совершенно непохожую на «ямочную» и гораздо болѣе развитую. Уже Тальгренъ указалъ по Монтеліусу на связь этой керамики съ тѣмъ-же эгейскимъ кругомъ (Кноссосъ, Михлосъ, Микены, Рафіо).

Распространеніе сходныхъ съ нашей культуръ на островахъ — Критѣ и Цикладскихъ — приводитъ насъ къ періоду «Миносской» цивилизаціи съ временной «талассократіей» (господствомъ на морѣ) Крита. Торговля Крита была широко распространена и, несомнѣнно, коснулась и сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Такимъ образомъ скептицизмъ Тальгрена относительно возможности перенесенія Цикладской культуры морскимъ путемъ въ Черноморье едвали основателенъ. Укажу на изображеніе корабля на напечатанной имъ надгробной плитѣ изъ Симферополя. Изображеніе кораблей въ этой культурѣ — не единственное. Вслѣдъ за (или вмѣстѣ съ) торговцами могли высадиться на нашемъ южномъ берегу и поселенцы — и проникнуть вверхъ по Дону и Донцу на интересующую насъ территорію. Такъ какъ это случилось уже въ эпоху бронзы, то хронологію этого переселенія можно отнести лишь къ концу «Миносской» и Цикладской культуръ, т.-е. уже ко времени паденія талассократіи и къ переходу гегемоніи на греческій континентъ къ Микенамъ (1400-1300). Конечно, есть еще возможность — искать связей на Западѣ, Указывалась пластическая орнаментировка кругами и спиралями, типа Мондзее (въ Верхней Австріи, Зальцбургскій округъ, на границѣ Швеціаріи); имѣются катакомбныя погребенія

и въ Польшѣ. Но эти одиночныя черты труднѣе связать и найти промежуточныя звенья до русскаго юга. Можетъ быть, близость Мондзее къ Гальштатту и путь проникновенія къ намъ мѣди помогутъ сдѣлать окончательный выборъ (см. ниже).

Устанавливая болѣе вѣроятную связь, мы ,однако, не должны забыть и о воздѣйствіи мѣстныхъ условій и мѣстнаго населенія. Пришельцы не могли быть многочисленны. Хороня своихъ покойниковъ привычнымъ для нихъ порядкомъ и подражая высѣченнымъ въ скалѣ «катакомбамъ» своей родины, они могли снабдить ихъ лишь грубыми, мѣстной работы, подражаніями тонкой эгейской керамикѣ. Особенностью донецкихъ катакомбныхъ погребеній является принесеніе въ жертву домашнихъ животныхъ — ногъ и головы барана, ягненка, коровы и лошади. Въ верхнихъ слояхъ могилы сохранились остатки костровъ, на которыхъ сожигались эти жертвы. Находки человѣческихъ скелетовъ и костей при главномъ костякѣ позволяютъ заключать и о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Эти осложненія обряда свидѣтельствуютъ всегда о высокомъ санѣ покойника, что естественно, если пришельцы представляли господствующій классъ. Остается лишь рѣшить, принесли-ли они и жертвенный ритуалъ съ собой, или усвоили мѣстный обычай? Аналогія съ позднѣйшими сибирскими погребеніями говоритъ въ пользу послѣдняго предположенія.

Наблюденія надъ катакомбными погребеніями окончательно выводятъ насъ изъ эпохи неолита въ эпоху энеолита (мѣдныхъ орудій промежуточнаго періода) и даже въ эпоху бронзы.

Пришла ли мѣдь въ Европу черезъ Испанію и Португалію, или по вновь открытой торговой дорогѣ черезъ Адріатическое море на Эльбу къ сѣвернымъ розсыпямъ янтаря, или, наконецъ, — и это вѣроятно самый древній путь — съ Кипра вверхъ по Дунаю въ Венгрію; во всякомъ случаѣ, этотъ металлъ надолго остался для Европы привознымъ продуктовъ. Но переходъ отъ мѣди къ бронзѣ совершился уже при активномъ содѣйствіи самихъ европейцевъ. Куски мѣди или бронзы съ слабой амальгамой олова стали передѣлываться въ мѣстныхъ мастерскихъ въ тѣ или другіе ходовыя формы — оружія или украшеній. Такъ образовались мѣстные стили, болѣе или менѣе независимые другъ отъ друга. Наибольшаго расцвѣта они достигали, конечно, тамъ, гдѣ подъ рукой была собственная руда и нѣкоторая традиція металлургическаго искусства. Богатая оловомъ Чехія положила начало своей «Унетицкой» культурой (1600-1400 до Р. Х.). Венгрія ее обогнала — и создала блестящій стиль, съ которымъ скоро сталъ соперничать сѣверный скандинавскій, оспаривая у Венгріи первенство. На территоріи Россіи

центромъ бронзоваго производства сдѣлалась какъ разъ та же самая мѣстность (Изюмскій и Бахмутскій уѣзды), куда пришли носители эгейской культуры. Отсюда-ли, прямо съ Кипра, или кружнымъ путемъ, черезъ Дунай и Венгрію, пришла къ намъ и энеолитическая металлургія. Въ Бахмутскомъ, Славяносербскомъ и Павлоградскомъ уѣздахъ найдены заброшенныя древнія копи, гдѣ добывалась мѣдь и, въ связи съ ними, открытъ рядъ мастерскихъ, въ которыхъ сохранились формы для отливки. Тальгренъ перечисляетъ пятнадцать такихъ литейныхъ мастерскихъ на данной территоріи и на берегу. Правда, своего матеріала не хватало, и приходилось ввозить куски мѣди или утилизировать ломъ. Въ выборѣ формъ видно вліяніе венгерскихъ типовъ. Не достигая художественнаго совершенства венгерскаго и скандинавскаго стилей, это производство все же удовлетворяло мѣстному спросу. Хронологія этихъ мастерскихъ опредѣляется концомъ второго тысячелѣтія до Р. Х., т.-е., приблизительно, совпадаетъ съ хронологіей «катакомбныхъ» погребеній.

Остается упомянуть еще о двухъ самостоятельныхъ центрахъ бронзовой продукціи: Уральско-Камскомъ и Сибирскомъ. Но расцвѣтъ бронзовой культуры въ обоихъ этихъ центрахъ относится къ болѣе позднему времени. Только древнѣйшіе типы, воспроизводящіе старыя формы энеолита, въ уральско-камскомъ районѣ, съ центромъ около Екатеринбурга, Тальгренъ считаетъ возможнымъ относить къ «среднему вѣку бронзы» (одновременно съ культурой Фатьянова). Здѣсь тоже имѣются и формы для отливки, свидѣтельствующія о мѣстномъ производствѣ, которое черпало свой матеріалъ, очевидно, въ «чудскихъ копяхъ» Урала. Сибирская бронзовая культура (или, точнѣе, культуры) — еще позднѣе. Во всякомъ случаѣ отмѣченная нами связь между этими культурами и кавказско-азіатскими продолжается и за предѣлами разсмотрѣнной нами эпохи.

Представленная нами картина неолитическихъ культуръ на пространствѣ европейской Россіи охватываетъ періодъ, приблизительно, отъ 3.000 до 1.000 лѣтъ до Р. Х. Но въ предѣлахъ этого самаго періода, какъ сейчасъ увидимъ, должна была сложиться, въ основныхъ своихъ чертахъ, и та группа народностей, которая извѣстна подъ названіемъ «индогерманцевъ» (терминъ, предпочитаемый германской школой), или «индоевропейцевъ». Естественно желаніе угадать, подъ какой — или какими именно изъ изслѣдованныхъ археологами культуръ эта группа народностей скрывается. Германскіе археологи Шлицъ и Вильке и уступили этому соблазну. Шлицъ распредѣлилъ свои пять типовъ череповъ между пятью археологическими кругами: къ мегалитической культурѣ отнесъ типъ

клинообразнаго черепа, жителямъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ — приписалъ типъ грушевидный; ленточной культурѣ съ ея разновидностями — типъ коконообразный, культурѣ колокольчиковыхъ бокаловъ — типъ шаровидно-короткоголовый; наконецъ, «унетицкой» бронзовой культурѣ — типъ родственный съ мегалитическимъ. Вильке наложилъ на археологическіе круги — лингвистическіе круги Шмидта. То и другое, очевидно, грѣшитъ чрезмѣрной схематичностью и построено на слишкомъ скудномъ матеріалѣ.

Болѣе интересна частичная попытка найти индоевропейцевъ въ носителяхъ шнуровой культуры, о которой упомянуто выше. Но болѣе полное рѣшеніе вопроса объ индогерманцахъ по справедливости принадлежитъ, прежде всего, не археологіи, — и тѣмъ болѣе не антропологіи, — а лингвистикѣ. Лингвистика-же, при помощи археологіи, указываетъ намъ и тѣ хронологическіе предѣлы, въ которыхъ слѣдуетъ искать выдѣленія индоевропейской языковой группы, какъ особой. Хронологія эта, какъ увидимъ, совпадаетъ съ хронологіей поздняго неолита, энеолита и ранней бронзы. Но первоначальная стадія, подготовившая это выдѣленіе, должна относиться къ эпохѣ ранняго неолита

Новыя находки (1907, 1917) въ районѣ Малой Азіи показываютъ, что исторію индоевропейскихъ дѣленій и передвиженій нельзя начинать позже чѣмъ, примѣрно, за 2500 лѣтъ до Р. Х. По индоевропейски (арійски») *) звучатъ уже имена царей изъ племени касситовъ, — завоевателей, давшихъ около 1760 г. до Р. Х. свою династію Вавилону. Шуріашъ (ср. санскр. Сурья, богъ солнца), Индашъ (ср. Индра), Марутташъ (Маруты — боги вѣтра у индусовъ), бугашъ (иранское бхагасъ, богъ): эти параллели не случайны. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть уже никакого сомнѣнія въ арійствѣ династіи, правившей азіатскимъ народомъ Митанни на верхнемъ Евфратѣ. Въ договорѣ между царями Митанни и хиттитами въ 1360 г. до Р. Х. мы встрѣчаемъ, въ качествѣ свидѣтелей прочности договора, имена четырехъ божествъ, тожественныхъ съ олимпомъ Ригведы: Индара, Аруна, Митра и близнецы Насатья. Другой документъ Митанни, найденный въ хиттитскихъ архивахъ Богазъ-Кея, трактующій о коневодствѣ (что характерно), даетъ названія числительныхъ, которыя оказываются арійскими: одинъ — айка, (санскр. эка), три — теразъ, пять — панза, семъ — сатта

*) До послѣдняго времени термины «индоевропейцы» и «арійцы» употреблялись безразлично. Но правильнѣе сохранять имя «арійцевъ» спеціально за азіатской частью группы, т.-е. за кранцами (персами) и индусами.

и девять — навъ. Наконецъ, цари, правившіе Митанни, носили арійскія имена — Шутарна, Душратта, Артатама. И ихъ дружина называлась «марьянна», что напоминаетъ санскритское «марья» — молодцы, герои.

Фонетика приведенныхъ — а также найденныхъ въ Тель-Амарнѣ, — именъ показываетъ, что тутъ или преобладаетъ санскритскій элементъ надъ иранскимъ или даже дифференціація ирано-индійскаго языка еще не совершилась (звуки *шв* — еще не замѣнены звуками *сп*). Замѣтимъ далѣе, что этотъ языкъ уже принадлежитъ къ восточному отдѣлу индоевропейскихъ, прозванному «сатемъ» — отъ произношенія числительнаго «сто», — въ отличіе отъ западной группы «кентумъ». Слѣдовательно, основное раздѣленіе индоевропейскихъ языковъ на восточную и западную группы уже совершилось къ срединѣ втораго тысячелѣтія. Наконецъ — индоиранская группа распространялась въ это время дальше на западъ, чѣмъ впослѣдствіи. Недавно найдено, что и въ діалектѣ хиттитскаго языка, которымъ говорили въ Каппадокіи — и который назывался «нашили» — нашъ языкъ, имѣются индоевропейскія флексіи склоненій и спряженій. Тутъ надо, однако, упомянуть еще объ одномъ недавнемъ открытіи, которое нѣсколько спутало установившіяся было представленія о прародинѣ индоевропейцевъ. Въ 1908 году въ пескахъ Восточнаго Туркестана были откопаны пластинки, написанныя на языкѣ Тохарскаго народа, извѣстнаго китайскимъ и латинскимъ лѣтописямъ. Этотъ языкъ, къ общему удивленію, оказался принадлежащимъ къ группѣ «кентумъ», которая считалась спеціально западно-европейской. И вновь всталъ вопросъ, который считался почти рѣшеннымъ: гдѣ-же жили наши предки, въ Европѣ или въ Азіи? Въ послѣдніе годы можно даже наблюдать возвращеніе къ теоріи азіатскаго происхожденія индоевропейцевъ, которая еще недавно считалась окончательно похороненной. Я лично къ этому рецидиву не могу присоединиться.

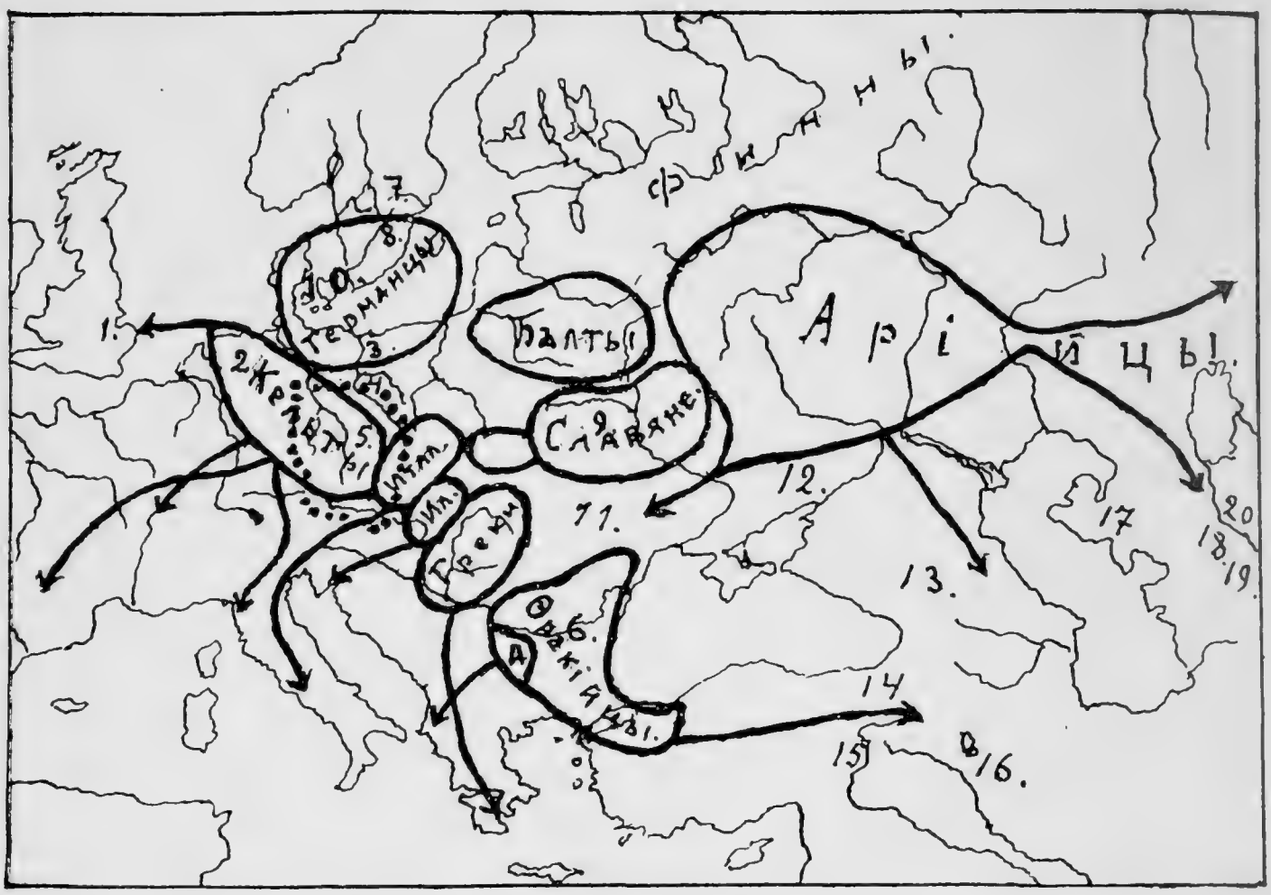
При младенческомъ состояніи знаній, когда можно было выводить все человѣчество изъ мѣстъ земнаго рая, считалось несомнѣннымъ, что индоевропейцы пришли изъ Азіи. Это мнѣніе нашло подтвержденіе въ томъ, что санскритскій языкъ былъ признанъ старыми филологами древнѣйшимъ изъ всѣхъ индоевропейскихъ. Но изъ той же среды лингвистовъ послѣдовало и опроверженіе. Латамъ первый усумнился въ 1851 году въ азіатскомъ происхожденіи индоевропейцевъ. Его доводы были развиты въ 1872 году въ небольшой брошюрѣ Іоганна Шмидта, произведшей переворотъ во взглядахъ на взаимное отношеніе индоевропейскихъ языковъ. Шмидтъ доказалъ, что нельзя представлять себѣ раздѣленіе этихъ языковъ въ

видѣ генеалогическаго дерева (Stammbaumtheorie: основной стволъ праязыка, отъ него — вѣтви, отъ вѣтвей — развѣтвленія) и нельзя строить соотвѣтственно этому исторію разселенія народовъ. Языкъ распространяется изъ центра концентрическими кругами — «волнообразно» (Wellentheorie). По мѣрѣ распространенія, на периферіи круга появляются нарѣчія, которыя, естественно, сохраняютъ наибольшую близость съ сосѣдними. При дальнѣйшемъ разселеніи это кольцо разрывается на звенья, сцѣпленныя

№ 28. Волнообразная теорія I. Шмидта.

другъ съ другомъ. Такъ, германское звено сцѣплено съ двумя сосѣдними, кельты связаны съ италиками, италики съ греками. Балтославяне, въ свою очередь, связаны съ иранцами и индійцами. Кольцо связывалось рядомъ исчезнувшихъ народностей (иллирійцы, фракійцы и др.). При такомъ представленіи уже нельзя было говорить о продвиженіи всей группы съ востока на западъ. Очевидно, центръ долженъ былъ оставаться на мѣстѣ, и положеніе его опредѣлялось расположеніемъ окружающихъ его звеньевъ, т.-е. надо было искать его гдѣ-нибудь въ центральной или восточной Европѣ. На помощь пришло тутъ сравнительное изученіе сходныхъ словъ въ индоевропейскихъ языкахъ, причемъ выдѣлилась группа одинаковыхъ словъ, характеризовавшихъ состояніе общей индоевропейской культуры до раздѣленія. Результаты археологическихъ раскопокъ можно было сравнить теперь съ уровнемъ культуры, засвидѣтельствованнымъ лингвистикой. Особое значеніе въ этомъ отношеніи

имѣла работа Шрадера (5-ое изданіе 1883 г.). Однако, и изъ всего этого матеріала выводы разныхъ ученыхъ были неодинаковы. На картѣ № 29 К. Ф. Іогансена, часто перепечатывавшейся, я нанесъ цифры, показывающія, какъ далеко разбросаны рѣшенія двадцати спеціалистовъ. *) Среди нихъ одно рѣшеніе получило особую по-



№ 29. Разселеніе индоевропейцевъ по Іогансену.

---

*) Карта № 29, показывающая (предположительно, конечно) распространеніе индо-европейскихъ языковъ въ ближайшее время **послѣ** ихъ раздѣленія и ихъ переселенія изъ европейскаго центра, нуждается, какъ увидимъ, въ серьезныхъ поправкахъ. Но она даетъ общее представленіе о ходѣ разселенія. Различныя теоріи и. е. прародины пріурочены къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ подъ слѣдующими номерами: 1) Латамъ,) Гейгеръ, 3) Хиртъ, 4) Ратцель, 5) Мухъ, 6) Коссинна, I-я теорія, 7) Пеше, 8) Пенка, 9) Пеше, 10) Коссинна, II-ая теорія, 11) Шрадеръ, 12) Микелисъ, 13) Фикъ II, 14) Браунхоферъ, 15) Линкъ, 16) Винклеръ, 17) Фикъ I, 18) Пикте, 19) Шмидтъ, 20) Роде. Сопоставленіе взято у **Jacob-Friesen, Grundfragen d. Urgeschichtsforschung. 1928.**

Кружечками обозначена территорія Унетицкой культуры въ періодъ 1900-1450 до Р. Х. Болѣе точно см. карту № 39 на стр. 209.

пулярность вслѣдствіе настойчивой пропаганды германской націоналистической школы (Пеше, Пенка, Косинна и его ученики). По этому ученію — вопреки установившемуся въ наукѣ мнѣнію, что народность не слѣдуетъ смѣшивать съ расой, — родоначальниками индоевропейцевъ были признаны люди высокорослой, длинноголовой и бѣлокурой сѣверной расы. Германскіе націоналисты стали искать и находили слѣды этой расы всюду, гдѣ появлялся правящій классъ и возникала высокая культура: въ Европѣ, Африкѣ, Азіи — безразлично. При всѣхъ увлеченіяхъ этой школы, надо признать, что для детальнаго изученія среднеевропейской доисторической культуры ею сдѣлано очень много. Но основная ея тенденція встрѣтила возраженія — прежде всего съ той же націоналистической точки зрѣнія. Самымъ слабымъ мѣстомъ сѣверной теоріи было то, что, въ своемъ первоначальномъ видѣ, она совершенно игнорировала не-индоевропейское и до-индоевропейское населеніе Европы, тогда какъ именно это населеніе создало на европейскомъ и средиземномъ югѣ и на Ближнемъ Востокѣ рядъ высокихъ культуръ, болѣе раннихъ чѣмъ сѣверно-европейскія. На реабилитацію этихъ культуръ и выступилъ выдающійся итальянскій антропологъ Джузеппе Серджи. Создатели южныхъ цивилизацій, начиная съ греческой и латинской, были, по его признанію, дѣйствительно родственниками длинноголовыхъ блондиновъ сѣвера. Но эти длинноголовые южные брюнеты, какъ и тѣ, сѣверные, — не арійцы. Настоящіе арійцы — азіатская короткоголовая раса. Она сродни монголамъ и принесла изъ Азіи не культуру, а варварство. Именно эти короткоголовые азіаты разрушили древнія европейскія культуры, созданныя длинноголовыми. Это была побѣда «евразіатовъ» надъ «евраѳриканцами». Побѣдители «аріанизировали» старое евраѳриканское населеніе Европы. Одна евразіатская вѣтвь, кельты, аріанизировала европейскій западъ. Другая — это и были «протогерманцы» — аріанизировала сѣверъ. Наконецъ, третья — «протославяне» — аріанизировала востокъ Европы.

Какъ видимъ, въ сущности Серджи, самъ того не замѣчая, лишь подтверждалъ германское ученіе объ особомъ благородствѣ длинноголовыхъ, отъ которыхъ онъ тщательно отдѣлялъ «варварскую», короткоголовую расу арійцевъ. Эта своеобразная теорія антрополога, не особенно считавшагося съ археологіей, вызвала серьезныя и хорошо обоснованныя возраженія другого итальянца, хорошо знакомаго съ современной ему археологической литературой, де Микелиса. Де-Микелисъ принимаетъ германское утвержденіе, что завоевателями древнихъ культуръ средиземнаго юга были пришельцы съ сѣвера. Но завоеваніе это совершилось въ такую древнюю эпоху,

когда объ индоевропейцахъ не было еще и рѣчи. Настоящую высшую культуру принесли — позднѣе — какъ разъ тѣ короткоголовые, которыхъ Серджи считаетъ разрушителями культуры. Это именно они были въ обладаніи культурой развитаго неолита — и насадили эту культуру на среднемъ Дунаѣ и въ Венгріи. Венгрія сыграла при этомъ главную роль. Она «переработала въ себѣ всѣ вліянія и создала новыя формы, распространившіяся уже изъ нея вѣеромъ — на югъ, западъ и сѣверъ». Именно въ Венгріи мы находимъ прототипы и параллели находкамъ въ могильникахъ умбровъ, иллиро-венетовъ. кельтовъ, германцевъ и сѣверныхъ итальянцевъ (типа Виллановы). Изъ Венгріи короткоголовые распространились въ альпійскія земли, въ Иллирію, и Италію, потомъ на сѣверъ и сѣверо-западъ — вверхъ по притокамъ Дуная и внизъ по германскимъ большимъ рѣкамъ — на Рейнъ въ среднюю Германію, на сѣверное и балтійское море. Именно они и оказались завоевателями, аристократической расой, занявшей господствующее положеніе. Они принесли съ собой обрядъ сожженія и металлы, они и «аріанизировали» предшествовавшее имъ населеніе — въ томъ числѣ и сѣверную расу, которая сложилась поздно, изъ разныхъ составныхъ частей. Какъ увидимъ дальше, въ теоріи де Микелиса много здоровыхъ мыслей; но въ ней неправиленъ, прежде всего, сдвигъ индоевропейскаго короткоголоваго центра въ Венгрію; неправильно и рѣзкое разграниченіе коротко- и длинноголовыхъ, безъ всякаго перехода.

Нѣсколько раньше Микелиса подобную-же теорію происхожденія индоевропейцевъ отъ короткоголовой европейской расы азіатскаго происхожденія развилъ каноникъ Исаакъ Тэйлоръ. Онъ взялъ за исходный пунктъ яркій контрастъ двухъ расъ въ англійскихъ курганахъ двоякаго типа. «Длинныя курганы» (Long Barrows), болѣе древніе — содержали исключительно длинноголовыхъ покойниковъ. Напротивъ, «Круглые курганы» (Round Barrows), болѣе поздняго происхожденія, принадлежали короткоголовой, широколицей, рыжеволосой и высокорослой расѣ (табл. 27, №№ 15 и 16), которую легко было отожествить съ потѣснившими прежнее населеніе кельтами. Изъ этого угла Тэйлоръ прослѣдилъ короткоголовыхъ по всей остальной Европѣ, начиная съ кельтскаго элемента французскаго населенія, черезъ свайныя постройки Швейцаріи, южной Германіи, сѣверной Италіи — къ поселеніямъ славянъ и литовцевъ, которыхъ онъ считалъ короткоголовыми. Всю эту расу, слѣдуя тогдашнимъ взглядамъ археологовъ, особенно французскихъ, онъ считалъ «туранской», т.-е. вышедшей изъ Азіи. Онъ легко доказалъ затѣмъ, что уровень культуры среднеевропейскаго короткоголоваго населенія былъ выше куль-

туры сѣверной германской расы и что онъ въ точности соотвѣтствовалъ тому уровню, о которомъ свидѣтельствовали общія всѣмъ индоевропейскимъ народамъ культурныя слова (см. ниже). Индоевропейцы принесли древнѣйшему населенію Европы металлы, земледѣліе, домашнихъ животныхъ и обрядъ сожженія, замѣнившій погребеніе скорченныхъ скелетовъ.

Обѣ послѣднія теоріи, по моему мнѣнію, становились на правильный путь. Но теперь, тридцать и сорокъ лѣтъ спустя послѣ сочиненій Микелиса и Тэйлора (1903 и 1895) мы знаемъ, что ходъ событій былъ сложнѣе, чѣмъ это представлялось при тогдашнемъ состояніи археологіи. Металлы и обрядъ сожженія пришли въ Европу съ разныхъ сторонъ и въ разное время, земледѣліе и приручепіе животныхъ могло быть результатомъ мѣстной внутренней эволюціи. Но, главное, самый приходъ короткоголовой расы — или, точнѣе короткоголовыхъ расъ — изъ Азіи, ихъ «туранизмъ» былъ подвергнутъ сомнѣнію. Выше уже было указано, что короткоголовые уже появились въ Европѣ въ эпоху міолита. Изъ 21 измѣреннаго черепа баварской пещеры Офнетъ только пять оказались чисто длинноголовыми, восемь были среднеголовыми и такое-же количество найдено крайне короткоголовыхъ. И въ раннемъ міолитѣ также встрѣтились короткоголовые черепа (Furfooz, Clichy, Villa Nova da Reinha). Конечно, сторонники азіатскаго происхожденія человѣчества, как Эйкштедтъ, продолжаютъ выводить короткоголовыхъ изъ Азіи; но время и направленіе ихъ переселенія они могутъ опредѣлить только предположительно. Съ другой стороны, повсемѣстно въ Европѣ констатированъ фактъ постепеннаго роста процента короткоголовыхъ по мѣрѣ приближенія къ новому времени, и никакъ нельзя каждый разъ объяснять этотъ ростъ появленіемъ новаго этническаго элемента. Такъ, для Чехіи мы имѣемъ слѣдующую таблицу мѣстныхъ антропологовъ, Hellich и Matiecka:

	(В процентах)		
	Длинногол.	Среднеголов.	Коротколов.
1. Могилы со скорченными скелетами	61,1	33,3	5,6
2. Эпохи La Tène	48,5	18,2	33,3
3. Поздне-славянскія	28,0	33,4	33,6
4. XVI столѣтія	5,5	25,0	70,0
5. Современныя	1,0	13,5	85,5

Тѣ же самыя отношенія встрѣчаемъ и на территоріи Россіи:

	(В процентах)		
	Длинногол.	Среднеголов.	Коротколов.
1. Курганные черепа Новгород., Москов., Кіев., Полтав. (Богданов) ...	88,0	3,0	10,0
2. Боярск. класса XVI ст.	44,0	16,0	40,0
3 Кладбища XV-XVII ст. .	19,0	27,0	53,0
4. Современные	24,1	35,4	40,4

Имѣется три объясненія этого роста короткоголовыхъ. Матіегка объясняетъ перемѣну для древняго періода — приходомъ новаго населенія короткоголовыхъ, а для болѣе поздняго времени — большей «жизненностью» короткоголовыхъ. Богдановъ присоединяется къ мнѣнію Вирхова и Серджи, которые объясняютъ ростъ коротколовыхъ — внутреннимъ развитіемъ культуры. При этомъ, вслѣдствіи ослабленія мускулатуры, слабѣе развиваются затылочныя кости, а лобныя доли мозга и черепа ростутъ (болѣе прямой лобъ), вслѣдствіе чего поперечный размѣръ черепа увеличивается. Это толкованіе приняли Пеше и Нидерле. При такомъ объясненіи короткоголовіе есть признакъ высшей культуры. *) Оно развивается, очевидно, не только путемъ «подбора», по Дарвину, но и путемъ прямого приспособленія къ средѣ — въ данномъ случаѣ, къ средѣ средней Европы. Здѣсь, какъ мы знаемъ, помѣщаются обѣ короткоголовыя расы Европы: альпійская и динарская — какъ разъ на стыкѣ шнуровой и ленточной керамики.

Накопленіе археологическаго матеріала должно было отодвинуть въ прошлое обѣ *чистыя* теоріи сѣверно-европейскаго и среднеазіатскаго происхожденія индоевропейцевъ. Для сторонниковъ европейской «прародины» Скандинавія, эта officina gentium, vagina nationum, показалась слишкомъ тѣсна. Для защитниковъ азіатской прародины — Месопотамія, Иранъ и Индія были слишкомъ отдалены. Тернамъ (Thurnam), первый отмѣтившій въ 1851

*) Nyström въ Archiv für Anthropologie, 1902, Formenveränderungen des menschlichen Schädels доказалъ экспериментально, что умственныя усилія, сопровождаемыя ростомъ мозга и кровянымъ давленіемъ, ведутъ къ расширенію черепа. Измѣривъ 500 шведскихъ череповъ, онъ нашелъ, что наибольшій процентъ короткоголовыхъ падаетъ на высшіе, культурные классы, — что противорѣчитъ, конечно, германской теоріи.

году разницу расъ въ длинныхъ и круглыхъ кургапахъ Англіи, искалъ «прародины» по ту сторону Ламанша. Купо и Шрадеръ думали найти родоначальниковъ индоевропейцевъ въ степяхъ южной Россіи; къ нимъ присоединились Хоопсъ и Чайльдъ, который, впрочемъ, очень скоро усумнился въ своей теоріи. Зейберъ указалъ точнѣе на русскую лѣсостепь. Томашекъ передвинулъ прародину къ нижнему Дунаю. Микелисъ, какъ мы видѣли, искалъ ее на среднемъ Дунаѣ съ Венгріей въ качествѣ исходнаго пункта и съ Днѣпромъ на периферіи. Съ другой стороны, Хиртъ и Штрейбергъ расширили сѣверную прародину на юговосточныя области Прибалтики, а Мухъ прибавилъ сюда и западную часть Прибалтики — до Сѣвернаго моря, германское среднее плоскогоріе и Карпаты — съ распространеніемъ за Альпы, до средняго Дуная и Балканъ, а черезъ Днѣстръ и южнорусскія степи — до черноморскаго и эгейскаго прибрежья. Къ этому взгляду подошелъ и вождь германской школы Коссинна, который къ ранѣе принятому имъ за прародину среднему и нижнему Дунаю присоединилъ собственный кругъ сѣверной расы, а въ позднѣйшей работѣ (1908) вывелъ «германскій» (кроманьонскій) типъ изъ Франціи и провелъ его оттуда съ шнуровой керамикой на сѣверъ, съ «ленточной» на Дунай, а съ мегалитической культурой — въ среднюю и южную Германію, Швейцарію и Австрію. Такъ, подъ впечатлѣніемъ этихъ разнорѣчій, съ разныхъ концовъ поиски прародины приводили къ расширенному среднеевропейскому кругу. Шрадеръ въ послѣднемъ своемъ заявленіи (второе изданіе Real lexikon) высказался сдержаннѣе, чѣмъ прежде, относительно самой возможности проблемы. «Произошло столько смѣшеній», заявилъ онъ, что не приходится устанавливать «рѣзко отграниченную расу индогерманскаго народа, не говоря уже о помѣщеніи ея въ опредѣленномъ мѣстѣ Европы».

Выходъ изъ получившагося тупика должны были найти лингвисты. Они прежде всего остановились на томъ фактѣ, что индоевропейскіе языки распространялись не въ пустомъ пространствѣ, а среди болѣе стараго, не-индоевропейскаго населенія Европы; этимъ вѣдь и объяснялось распаденіе первоначально единаго «праязыка». Фейстъ находилъ даже, что вообще безполезно искать этого «праязыка» и этой «прародины», такъ какъ самъ искомый пранародъ былъ уже съ самаго начала смѣшанной расой, говорившей смѣшаннымъ языкомъ, уже подвергшимся вліянію «субстрата», до-индоевропейской подпочвы. При «волнообразномъ» распространеніи праязыка изъ центра связь между его нарѣчіями должна была очень скоро разрушиться и появился рядъ новыхъ центровъ — праарійскій, прагреческій, праиталійскій, прагерманскій и т. д. Всюду

индогеманцы-завоеватели были лишь тонкимъ слоемъ, который цѣликомъ слился съ туземцами. Именно поэтому картина распредѣленія расъ въ Европѣ очень мало измѣнилась сравнительно съ временемъ неолита. Часто индогерманцы несли болѣе низкую культуру, чѣмъ завоеванные, а мѣстами они не могли навязать мѣстному населенію ни языка, ни культуры и всецѣло были поглощены имъ.

При всемъ кажущемся скептицизмѣ, въ этомъ взглядѣ, однако, имѣлись конструктивные элементы. Во-первыхъ, какъ-бы широка ни была сфера вліянія индогерманскихъ языковъ, внѣ ея нужно было выдѣлить территорію не-индоевропейскаго населенія; въ древности этотъ внѣшній кругъ окружалъ индоевропейцевъ гораздо болѣе тѣснымъ кольцомъ, чѣмъ теперь. Во-вторыхъ, уже изъ данныхъ исторической эпохи извѣстно, на какія изъ не-индоевропейскихъ территорій индоевропейцы пришли при свѣтѣ исторіи, и, слѣдовательно, изъ какого внутренняго круга происходило это распространеніе. Самъ Фейстъ набросалъ намъ картину распространенія индоевропейцевъ по внѣшнему кругу. Такъ какъ уже около 1500 г. до Р. Х. имѣются доказательства господствующаго положенія арійцевъ въ передней Азіи (ср. выше), то выселеніе изъ родины должно было произойти не позже 2.000 л. Около половины второго тысячелѣтія появляются первыя греческія племена въ Эпирѣ въ Фессаліи; около 1000 г. греки завоевали Циклады, Критъ и Малую Азію. За ними продвигаются иллирійцы на сѣверный и восточный берега Адріатическаго моря, а индогерманскіе фракійцы занимаютъ сѣверную часть Балканскаго полуострова. Къ концу второго тысячелѣтія италійскіе племена, тѣснимые иллирійцами и фракійцами, появляются, минуя верхнюю Италію, въ средней и нижней, а около 800 г. мы слышимъ о скифскихъ народахъ. Около 500 г. до Р. Х. Геродотъ впервые упоминаетъ имя кельтовъ, и начинаются ихъ набѣги — на Италію (310), Грецію (280) и Малую Азію (Галаты). Далѣе слѣдуетъ проникновеніе германцевъ въ римскія провинціи, а на оставленныя ими мѣста продвигаются около 200 л. по Р. Х. славяне. При первыхъ выступленіяхъ получается полукругъ, открытый къ востоку: германцы-кельты-иллирійцы. Впереди этой группы — балты, славяне, фракійцы. Позади, во внѣшнемъ кругѣ— италійцы и греки съ македонцами. А скифы, осетины, армяне, иранцы, индусы продолжаютъ полукругъ по направленію къ Азіи. Внутри полукруга — финно-угры и частью монголы. О поправкахъ къ этой схематической картинѣ мы будемъ говорить ниже.

Не менѣе ясенъ поясъ внѣшняго круга неиндоевропейскаго населенія, постепенно занятаго индоевропейцами. Сюда относится прежде всего, населеніе эпохи протолита, среди котораго никому

не приходили въ голову искать предковъ индоевропейцевъ. Такова вся западная часть Европы: Испанія, Франція, Великобританія. Сюда относятся и народы средиземнаго круга культуры, — предшественники грековъ и италиковъ. Наконецъ, съ противоположной стороны, угрофинскіе народы сѣвернаго мѣсторазвитія и бродячіе народы арктики — лапландцы, самоѣды замыкаютъ этотъ кругъ. Въ послѣднее время сдѣлана попытка установить единство южной и западной части этого внѣиндоевропейскаго пояса и связать древнія народности этихъ мѣстъ съ живыми языками Кавказа. Къ сожалѣнію, авторъ этой т. наз. «яфетидской» теоріи, академикъ Марръ, связалъ ее съ большевистокой демагогіей и проповѣдовалъ ее на совершенно невозможномъ русскомъ языкѣ. Болѣе остороженъ его послѣдователь Ф. Браунъ, изъ работы котораго мы заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ составѣ неиндоевропейскаго населенія, которое застали индоевропейцы, числятся Пеласги, Лелеги, Карійцы, Этруски, Ретійцы, Лигуры и Иберы. Отъ большей части ихъ сохранились надписи, дѣлающія возможными лингвистическія сопоставленія. Уже Генрихъ Винклеръ доказалъ родство баско-иберійскаго языковъ, а Эллисъ и Паули указали на связь этрусскаго языка съ южно-кавказскими. Позднѣе Томсенъ сопоставилъ этрусскій языкъ съ языкомъ «горцевъ». Отъ этрусковъ, по Страбону (5, 28) и Ливію (5, 33) путь ведетъ къ ретійцамъ, а пеласгическая надпись на о. Лемносѣ связываетъ съ этрусками догреческое населеніе. Здѣсь, правда, нить прерывается; но мѣстныя имена поддерживаютъ связь съ лигурами и иберами. Приведенныя данныя даютъ Брауну право поставить вопросъ о единомъ южно-европейскомъ праязыкѣ, который долженъ принадлежать къ яфетидской семьѣ. Семья кавказскихъ языковъ, теперь принадлежащая къ флектирующимъ языкамъ, сохранила, однако, черты предшествовавшаго агглютинирующаго, а за нимъ и отголоски древнѣйшаго синтетическаго типа. Рядъ кавказскихъ языковъ сохранилъ чрезвычайно архаическій характеръ. Все это, конечно, требуетъ еще дальнѣйшей разработки, но самая идея этническаго единства средиземноморскихъ доарійскихъ обитателей Европы представляетъ несомненный интересъ.

Гораздо труднѣе вопросъ о томъ внутреннемъ кругѣ, гдѣ совершалось первоначальное раздѣленіе индоевропейскихъ языковъ на «субстратѣ» эпипалеолитическаго населенія. Вліяніе этого населенія на языки пришельцевъ несомнѣнно. Фейстъ и Либихъ нашли въ германскихъ языкахъ 30% неиндогерманскихъ словъ. О томъ же вліяніи свидѣтельствуетъ и германское такъ называемое Laut-

verschiebung *) и упадокъ флексій. Фейстъ предполагаетъ для объясненія наличность какого-то гипотетическаго среднегерманскаго народа, жившаго у какой-то отрасли альпійской расы, промежуточнаго между кельтами и италиками. Отсюда, по предположенію Фейста, была аріанизирована и сама сѣверная раса (ср. выше объясненіе Вале).

Исторія кельтовъ очень наглядно характеризуетъ роль населенія средней Европы въ процессѣ индоевропеизаціи. Кельты, несомнѣнно, — смѣшанная раса. Быть можетъ, во времена, для насъ недоступныя, когда еще не выкристаллизовалась ихъ національность, — длинноголовый типъ у нихъ преобладалъ. Въ сложившемся окончательно типѣ кельтской народности уже господствуетъ короткоголовіе. Но высокій ростъ отдѣляетъ кельтовъ отъ короткоголовой альпійской расы. Конечно, при долговременныхъ передвиженіяхъ кельтовъ — отъ Великобританіи до Малой Азіи и отъ Сѣвернаго моря до Средиземнаго — единство и этого типа отнюдь не могло сохраниться. Изображенные на стр. 174 черты черепа «круглыхъ могилъ» Великобританіи (№ 16) также впослѣдствіе нѣсколько смягчаются. Тэйлоръ слишкомъ упростилъ картину; короткоголовые совершили не одно, а не меньше трехъ вторженій въ Британію, и послѣдующія вторженія даютъ короткоголовый типъ съ болѣе мягкими чертами. Вѣроятно, первое вторженіе — съ низовьевъ Рейна — соотвѣтствуетъ болѣе раннему (конецъ второго тысячелѣтія до Р. Х., по H. Hubert) переселенію «гойделей» (gael), языкъ которыхъ сохранился въ Ирландіи и части Шотландіи, тогда какъ позднѣйшее вторженіе принадлежитъ «британамъ»; ихъ языкъ вымеръ въ XVIII столѣтіи въ Корнуэльсѣ, но сохранился въ бретонскомъ нарѣчіи. Наиболѣе древнимъ намъ извѣстнымъ мѣстожительствомъ кельтовъ была юго-западный уголъ Рейна съ притоками Некаромъ, Майномъ и Мозелемъ, а также верхнее теченіе Дуная. Лингвистика установила болѣе тѣсную связь кельтовъ съ италиками, чѣмъ съ германцами. Съ первыми ихъ связываетъ грамматика, со вторыми только культурныя слова, заимствованныя, по мнѣнію Hubert, германцами у кельтовъ. Кельтославянская антропологическая теорія, изъ которой исходилъ Тэйлоръ, въ настоящее время оставлена. Но, все же, о нѣкоторыхъ отношеніяхъ кельтовъ къ славянамъ и даже, черезъ ихъ посредство, къ ихъ сосѣдямъ финнамъ, свидѣтельствуетъ лингвистика.

---

*) Перестановка звуковъ: звучные **г, б, д,** переходятъ въ нѣмые **к, п, т,** а эти послѣдніе въ придыхательные **х, ф, с** (звукъ вродѣ англійскаго th).

Всѣ эти древнія связи предполагаютъ первоначальное, болѣе тѣсное сосѣдство кельтовъ, италиковъ, германцевъ, славянъ и финновъ въ центральной Европѣ, чѣмъ это намъ извѣстно въ историческую эпоху. На сѣверномъ склонѣ Альпъ кельты сосѣдили съ италиками, гдѣ-то въ Тюрингіи — съ германцами. На Дунаѣ они одно время потѣснили иллирійское (и. е.) населеніе. На собственной своей территоріи они должны были найти прежнихъ обитателей, рето-лигуровъ. На той-же территоріи археологія знаетъ одну этническую группу, отличавшуюся короткоголовіемъ: это т. наз. народъ «развѣдчиковъ», принесшій съ собой колокольчикообразные бокалы (Glockenbecher). Этотъ народъ не былъ многолюденъ, не оставался долго на одномъ мѣстѣ, но именно онъ могъ дать толчокъ къ усиленію кельтскаго короткоголовія. Срощеніе всѣхъ этихъ разнородныхъ этническихъ элементовъ, именно въ виду ихъ разнообразія, произошло гораздо позднѣе первоначальнаго періода разселенія индоевропейцевъ. Во всякомъ случаѣ, къ началу желѣзнаго вѣка, кельты уже представляли, не только этнически, но и національно, единое цѣлое, о которомъ свидѣтельствуютъ культуры Гальштадта и La Tène (см. таблицу на стр. 141). Имъ не хватало лишь единой государственной организаціи. Однако, ея роль временно сыграли вожди отдѣльныхъ племенъ, переведшіе кельтовъ отъ племеннаго къ «дворовому» быту. Подъ руководствомъ этихъ вождей кельты, прозябавшіе втеченіе тысячелѣтія, вдругъ проявили, во второй половинѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х., способность къ военной экспансіи и совершили тѣ походы на западъ, югъ и востокъ, о которыхъ упомянуто выше.

Примѣръ кельтовъ показываетъ, гдѣ и какъ происходили эти антропологическія скрещенія и соціальныя разслоенія, сопровождавшіяся подъемомъ культуры до того уровня, на которомъ стояли индо-европейцы (см. ниже). Отвѣта нельзя искать въ сѣверномъ кругѣ, гдѣ германское населеніе, сравнительно недавнее, но захолустное и отсталое, сохранило и послѣ индоевропеизаціи въ неприкосновенности свои архаическія расовыя особенности. Территорія между германскими колонистами сѣверной равнины и населеніемъ лессовой полосы долго оставалась почти незаселенной. Естественнѣе всего, напротивъ, ожидать, что процессъ индоевропеизаціи начался въ тѣхъ частяхъ Европы, гдѣ населеніе усѣлось всего раньше, жило всего дольше и пережило всего болѣе перемѣнъ, т.-е. въ благодатной области лесса, въ средней полосѣ Европы, гдѣ раньше всего развилось осѣдлое земледѣліе и куда намъ постоянно приходилось возвращаться. Сюда относится южная предгорная и гористая часть Германіи, Чехія, южная Польша и верхне-дунайскій бассейнъ. Имен-

но здѣсь мы повсюду встрѣчаемъ населеніе, сохранившееся изъ временъ міолита: здѣсь распространенъ древнѣйшій обрядъ погребенія въ скорченномъ видѣ со слѣдами окраски; здѣсь же находимъ и первоначальную форму жилища — круглую землянку. Вліяніе эпиміолитическаго населенія сказывается на стародавней, незатронутой ледникомъ территоріи Тюрингіи и Саксоніи. Отъ міолита сохранилась и часть населенія, избѣгавшая непроходимыхъ лѣсовъ и нашедшая убѣжище въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи. Находятъ эпиміолитическое населеніе и на дюнахъ сѣверной Венгріи и южной Польши. Оно даетъ о себѣ знать и на Дунаѣ. Его присутствіе сказывается и въ археологическихъ находкахъ верховьевъ Эльбы и Заалы. Наконецъ, по справедливому замѣчанію Айліо, микролиты Литвы, нижняго Днѣпра (прибавимъ также: южной Польши, Прикарпатья, Подолья и Волыни, теченія Оки) доказываютъ и здѣсь непрерывность пребыванія донеолитическаго населенія. Это, какъ разъ, и есть тотъ внутренній кругъ, гдѣ древнѣйшіе индоевропейцы встрѣтили «субстратъ», въ которомъ преломилось ихъ вліянія и отдѣльныя нарѣчія кристаллизовались въ самостоятельные языки. Если гдѣ-нибудь, то именно внутри *этого* круга и надо искать индоевропейскаго «праязыка» и «прародины», — если вообще этимъ понятіямъ соотвѣтствуетъ что-либо въ реальности.

Конечно, динамическій процессъ совершался здѣсь далеко не въ порядкѣ одной только мирной эволюціи. Мы уже говорили, что переходъ отъ сельскаго быта къ «дворовому» — съ чѣмъ обычно связано происхожденіе пародности — почти всегда вызывается появленіемъ надъ мирнымъ населеніемъ высшаго слоя хищниковъ. Съ большой отчетливостью мы можемъ наблюдать этотъ процессъ въ дунайскомъ бассейнѣ, которому посвящено спеціальное изслѣдованіе Гордона Чайльда. Уже около 2500-2100 — исходный пунктъ разселенія индоевропейцевъ изъ «прародины», связаннаго, вѣроятно, съ ухудшеніемъ климата суббореальной эпохи, стр. 140), — Чайльдъ обращаетъ вниманіе на появленіе въ средней Европѣ новаго элемета. Пришельцы эти — не крестьяне, а охотники. Согласно своей теоріи Чайльдъ предпочитаетъ называть ихъ «пасторалистами» и отмѣчаетъ появленіе степной лошади. Они выдѣлываютъ наступательное оружіе — боевые топоры и наконечники стрѣлъ. Возлѣ плодородныхъ долинъ, уже занятыхъ земледѣльцами, они избираютъ для поселенія вершины холмовъ, гдѣ строятъ свои укрѣпленія и откуда, совсѣмъ какъ средневѣковые феодалы, господствуютъ надъ населеніемъ равнинъ. Они вводятъ новыхъ домашнихъ животныхъ и акклиматизированныя растенія. Все это — разрывъ со старой традиціей. Эту новую культуру германскіе ученые счи-

тают принесенной съ сѣвера. Чайльдъ склоняется къ противоположному мнѣнію — движенію съ юго-востока и, чтобы остаться нейтральнымъ въ острóмъ спорѣ, придумываетъ компромиссное названіе: Danordic. Съ Дуная эта культура идетъ на востокъ отъ Эльбы, покидая традиціонный лессъ. Она переходитъ въ верхнюю Силезію, Познань и Великую Польшу, распространяется вверхъ по Одеру и Марху, внизъ по Вислѣ, отъ Люблина направляется на верхній Бугъ до Волыни, доходитъ въ сѣверномъ направленіи до окрестностей Праги и до Саксо-Тюрингіи. На западъ она проникаетъ вверхъ по Рейну до Бадена. Ложась верхнимъ пластомъ на эпипалеолитическое населеніе, новый владѣльческій слой приноситъ съ собой весьма характерную черту, которую никакъ нельзя объяснить простымъ заимствованіемъ: новый ритуалъ погребенія — посредствомъ сожженія. Можно прослѣдить, какъ обрядъ этотъ постепенно замѣняетъ собой скорченные скелеты, тогда какъ на юго-западѣ надъ ними насыпаютъ курганы. Мѣстами, какъ, напримѣръ, въ альпійской зонѣ, нѣтъ слѣдовъ массоваго нашествія. И тамъ, гдѣ было завоеваніе, какъ, напримѣръ, на австро-баварской территоріи, оно уже успѣваетъ принять стаціонарныя формы. Вожди организуютъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ и оставляютъ по себѣ, какъ знакъ своего могущества, богатыя по инвентарю могилы. Военное ремесло остается ихъ профессіей, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные клады, забота о вооруженіи и устройство укрѣпленій для обороны отъ конкуррентовъ такого-же типа. Обыкновенно, властители продолжали и дальше жить на возвышеніяхъ («дюнахъ»), а подчиненное населеніе жило и работало въ долинахъ. Есть однако признаки, что иногда эти соціальные слои подходили ближе другъ къ другу и сближались для совмѣстной мирной жизни бокъ о бокъ. Всѣ отмѣченныя здѣсь черты можно наблюдать, напримѣръ, на верхнемъ Дунаѣ, въ сѣверныхъ Альпахъ, гдѣ военная каста хоронила своихъ покойниковъ въ курганахъ, тогда какъ рядовое населеніе довольствовалось простымъ зарытіемъ погребальныхъ урнъ въ землю въ ровномъ полѣ, безъ особыхъ внѣшнихъ знаковъ на мѣстѣ погребенія.

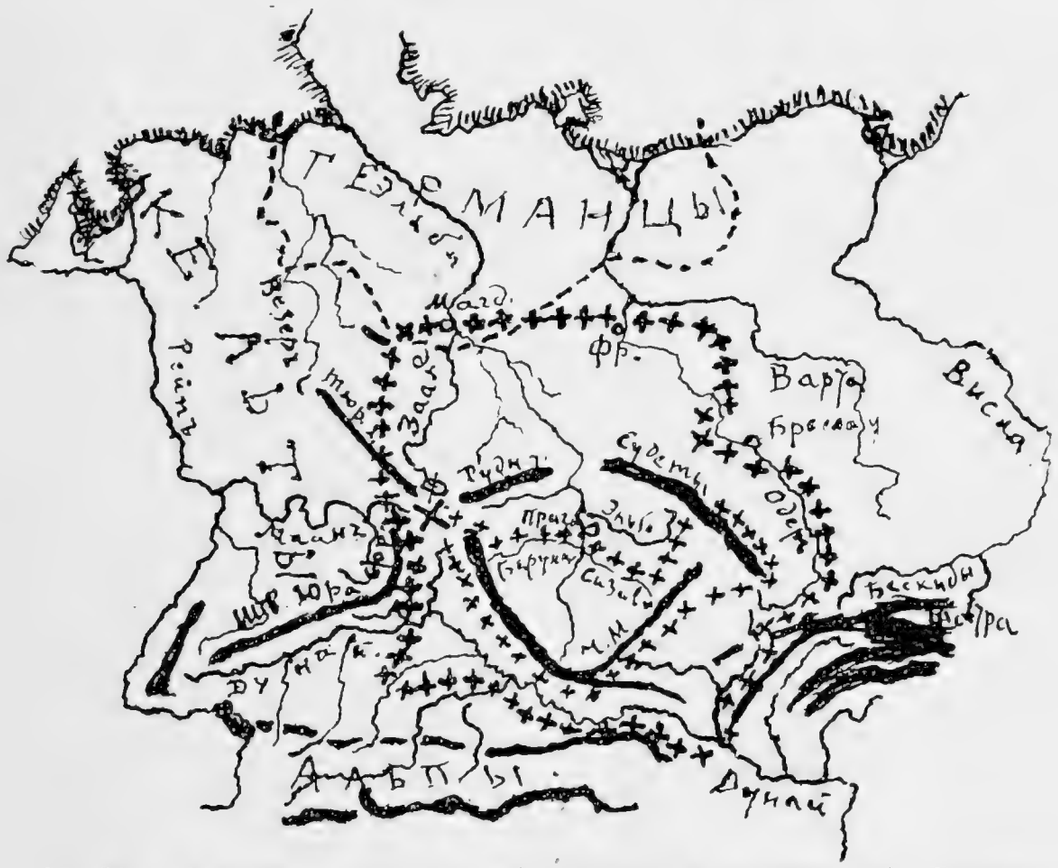
Въ этой сводной картинѣ, я, конечно, долженъ былъ опустить всѣ подробности и всѣ спеціальныя названія, характеризующія отдѣльные археологическіе круги, которые вошли въ общую характеристику. Но важна тутъ одна общая черта, которая ихъ объединяетъ. Здѣсь вырисовывается, впервые, въ концѣ неолита, нѣкоторая, болѣе или менѣе обширная территорія, объединенная общимъ типомъ культуры. Замѣтимъ, что эта территорія довольно точно соотвѣтствуетъ той, на которой мы находили слѣды древнѣйшаго раз-

селенія человѣка, начиная съ эпохи Ориньяка. Это — благопріятная для земледѣлія территорія лесса. Покойный проф. Стоцкій опредѣлялъ ту же территорію распространеніемъ «ленточной» культуры Дуная. Не предрѣшая пока того пути, по которому шло это объединеніе, замѣтимъ лишь, что бассейны Эльбы, Одера и Вислы съ притоками, участвовали въ немъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ бассейнъ верхняго Дуная.

Отсюда — естественный переходъ къ территоріи, почти тожественной съ только-что упомянутой, на которой развивается столь же — или еще болѣе — объединенный типъ культуры, послѣдовавшій за только что описаннымъ въ самомъ концѣ неолита, но уже относящійся къ эпохѣ мѣди и бронзы. Впрочемъ, уже и въ культурѣ Danordic можно было наблюдать появленіе, правда рѣдкое, мѣдныхъ вещей и даже плавильныхъ формъ: въ одиночныхъ случаяхъ уже попадалась и бронза. Съ другой стороны, и типъ, къ которому мы переходимъ, начинаетъ свое развитіе въ обстановкѣ кончающагося неолита, составляя переходную ступень къ эпохѣ чистой бронзы. Я говорю о такъ называемой Унетицкой культурѣ (нѣм. Aunetitz), получившей это названіе отъ Unêtice — мѣста типичной находки около Праги. Унетицкая культура еще въ большей степени, чѣмъ предыдущая, представляетъ среду, въ которой могли сложиться на энеміолитическомъ субстратѣ индоевропейскія народности. Мы поэтому и остановимся на ней съ особымъ вниманіемъ.

На картѣ № 30 я нанесъ (по Зегеру и Схранилу) территорію Унетицкой культуры въ первой половинѣ втораго тысячелѣтія до Р. Х. Она охватывала тогда сосѣднія части четырехъ государствъ: югъ Германіи, западъ Польши, сѣверъ Чехіи и Моравію (югъ Чехіи занятъ другимъ населеніемъ, хоронившимъ въ курганахъ), и сѣверъ Нижней Австріи. На этомъ обширномъ пространствѣ, конечно, и эта культура не вполнѣ однородна. Но она носитъ несомнѣнно фамильный — и притомъ повсюду одинаково смѣшанный характеръ. Чайльдъ на этотъ разъ считаетъ объединителями «расу торговцевъ, промышленниковъ и земледѣльцевъ, усвоившихъ секреты металлургіи отъ народа колокольчиковыхъ бокаловъ (Bell-Beaker) и троянскихъ развѣдчиковъ». Эти предприниматели, коротконоловая раса среди длинноголовыхъ, засѣли, по мнѣнію Чайльда, на торговыхъ путяхъ, связывавшихъ балтійскіе залежи янтаря съ Адріатическимъ моремъ и верхней Италіей — и чешское олово съ словацкой мѣдной рудой. Остроумная гипотеза Чайльда не отвергается, повидимому, и археологами старшаго поколѣнія, одинаково склонными искать южныхъ связей для средней Европы.

Чешскіе археологи дѣлятъ развитіе Унетицкой культуры на двѣ фазы: раннюю (отъ 19-го до 17-столѣтія до Р. Х.) и позднѣйшую (отъ 17-го до 15-го столѣтія до Р. Х.). Въ древнѣйшемъ періодѣ скелеты менѣе скорчены и безпорядочно оріентированы, что означаетъ небрежное выполненіе ритуала. Въ этихъ древнѣйшихъ гробахъ найдено только 6,22% бронзы, 0,83% золота и никакого янтаря; 98,66% (?) составляла керамика. Въ позднѣйшихъ погребеніяхъ уже 49,67% бронзы, 3,69% золота, 17,41% янтаря, 4,93% оружія и только 45,23% (?) керамики (цифры взяты у Стоцкаго). Руки и ноги скелета здѣсь притянуты (очевидно связаны) къ головѣ и груди; правильно выдержана поза скелета на правомъ боку, и направленіе — головой къ югу, лицомъ къ востоку. Въ типахъ вещей несомнѣнны вліянія «отживающей керамики колокольчиковыхъ бокаловъ, младшей шнуровой керамики (по Одеру), пережитки сѣверной керамики и нѣкоторые элементы іордансмюльской керамики» (Стоцкій). Но всѣ эти составныя части представляютъ, по опредѣленію Схранила, «систематическое дальнѣйшее развитіе предшествовавшей предъ-унетицкой культуры, въ которой



№ 30. Унетицкая культура (отграничена крестиками). Германская колонизація (отграничена черточками). Ф. = Фихтель. Ч. М. = Чехо-Моравская возвышенность. Пути колонизаціи Чехіи (мелкіе крестики).

произошелъ замѣчательный процессъ трансформаціи, постепенно нивеллировавшій старые признаки отдѣльныхъ составныхъ частей — особенно въ керамикѣ. Результатъ развитія сказался въ синтезѣ формъ, въ которомъ совершенно исчезли реминисценціи прежнихъ группъ и все слилось въ единой культурной группѣ». Трудно изобразить нагляднѣе процессъ сращенія индоевропейскаго элемента съ доиндоевропейскимъ «субстратомъ», уцѣлѣвшимъ при переходѣ отъ неолита къ металламъ. Сращеніе расовыхъ или этническихъ элементовъ — или того и другого?

Было много споровъ о томъ, откуда произошла эта «предъ-унетицкая культура». Зегеръ ведетъ ее изъ Силезіи, т.-е. съ сѣвера. Чешскіе ученые указываютъ на югъ и на Венгрію. Какъ-бы то ни было, всѣ согласны, что уже и предъ-унетицкая культура была «конгломератомъ», въ которомъ началось постепенное и мирное сліяніе составныхъ элементовъ. Хронологія предъ-унетицкой культуры возводится къ концу третьяго тысячелѣтія, на два или больше столѣтія старше Унетицкой (не позже 2.100).

Значительно сложнѣе вопросъ о *преемникахъ* Унетицкой культуры. Сложнѣе уже потому, что за полтысячелѣтія своего существованія она успѣла оказать вліяніе на сосѣднія страны. Параллельно съ ней появляются сходныя культуры, переходящія, вмѣстѣ съ ней, въ т. наз. «поля погребальныхъ урнъ» (съ сожженіемъ). Однако, кромѣ этихъ боковыхъ отраслей у Унетицкой культуры есть и прямой наслѣдникъ, съ которымъ она связана самымъ тѣснымъ образомъ: связана прежде всего уже самой территоріей распространенія. У этой послѣдующей культуры, т. наз. Лужицкой (по мѣстамъ первыхъ находокъ) территорія почти та же самая, какъ и у Унетицкой культуры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находокъ одна культура прямо переходитъ въ другую. Способъ погребенія, отъ скорченныхъ скелетовъ къ погребальнымъ урнамъ, какъ и нѣкоторыя формы керамики, постепенно развиваются изъ Унетицкой культуры въ Лужицкую. Однако, чешскіе изслѣдователи объясняютъ появленіе Лужицкой культуры въ Чехіи приходомъ другого народа въ среду прежнихъ унетицкихъ обитателей. Можетъ быть, это затрудненіе можно объяснить способомъ распространенія Лужицкой культуры и населенія. Взглядъ на карту № 30 показываетъ, что населеніе, какъ унетицкое, такъ и лужицкое, двигалось вдоль рѣкъ и обходило горные хребты. Даже такая незначительная, сравнительно, возвышенность, какъ отдѣляющая Чехію отъ Моравіи (Ч. М.), оказалась препятствіемъ при разселеніи. Еще при Унетицкой культурѣ два потока поселенцевъ прошли отдѣльно въ Чехію и отдѣльно въ Моравію, разными горными проходами. Это, между прочимъ,

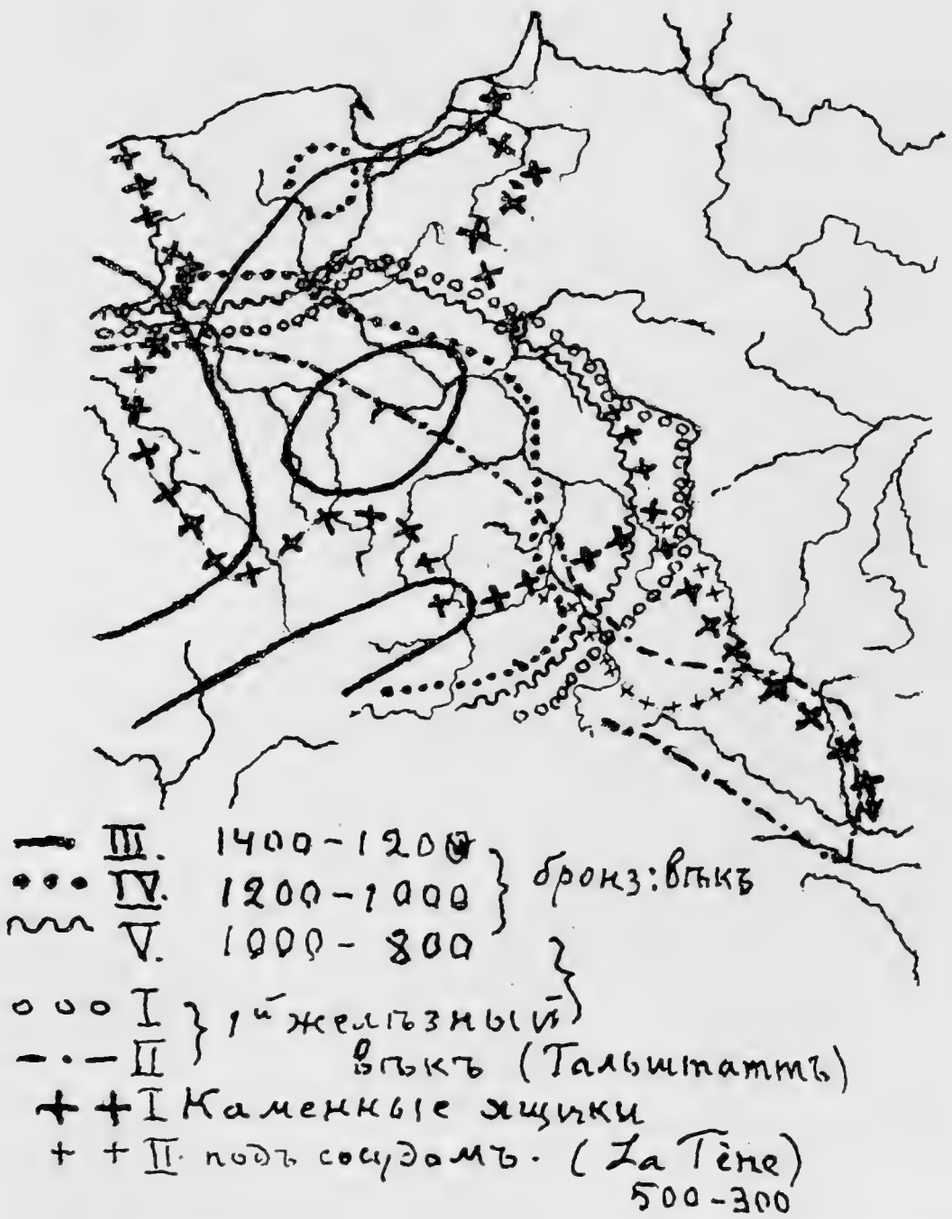
само по себѣ предполагаетъ заселеніе съ сѣвера, т.-е. изъ Силезіи. Юго-западныя вліянія, отмѣченныя выше, должны, слѣдовательно, считаться плодомъ торговыхъ сношеній, а не перемѣны этническаго состава населенія. То же самое направленіе — съ сѣвера на югъ — еще съ большей опредѣленностью вырисовывается и для Лужицкой культуры. Ея исходной точкой являются Лужицы и Силезія, гдѣ она у себя дома. Отсюда лужицкое населеніе передвигается въ Чехію и Моравію, вслѣдъ за первой волной своихъ унетицкихъ родичей. Такимъ образомъ, можно было бы примирить вторженіе какъ бы *новаго* населенія въ Чехоморавію съ теоріей *непрерывности* лужицко- унетицкой народности. При такимъ предположеніи Лужицы суть не только культурно, но и этнографически, прямое продолженіе Унетицъ: мы получаемъ фактъ непрерывнаго пребыванія одного и того-же населенія на одной и той же территоріи уже не втеченіе полувѣка, а втеченіе болѣе чѣмъ цѣлаго тысячелѣтія.

Втеченіе этого тысячелѣтія лужицко-унетицкое населеніе не оставалось, однако-же, только на своихъ первоначальныхъ мѣстахъ, отмѣченныхъ на картѣ № 30 для первой половины втораго тысячелѣтія. Во второй половинѣ этого тысячелѣтія (т.-е. послѣ 1500 г.) начинаются передвиженія лужичанъ на западъ, югъ и востокъ. Къ сѣверу, гдѣ понемногу распространялись германцы, ихъ не тянуло. Граница унетицкой культуры, показанная на картѣ № 30 крестиками, далеко не доходитъ до границы, которой достигаетъ между 1750 и 1400 г.г. германская колонизація, продвигаясь внутрь Германіи съ сѣвера. Не ранѣе 750 г. до Р. Х. эти встрѣчныя движенія столкнулись другъ съ другомъ. Что касается движенія лужичанъ на западъ, въ долины Майна и Неккара (1000-800), гдѣ они оставили свои слѣды, — это движеніе, несомнѣнно, было успѣшно. Германскій археологъ Вале замѣчаетъ, что лужичане ушли отсюда обратно, по своей волѣ, не будучи тѣснимы кельтами, которые уже послѣ ихъ ухода продвинулись на освобожденныя ими мѣста.

Къ позднѣйшему движенію лужицкаго населенія на югъ мы еще вернемся. Наиболѣе значенія въ описанномъ промежуткѣ времени имѣло его движеніе на востокъ — въ предѣлы теперешней Польши. Я намѣренно пользуюсь для характеристики этого движенія не изслѣдованіями проф. Козловскаго, подробно характеризующаго всѣ отдѣльные круги, на которые развѣтвилась лужицкая культура, а изложеніемъ Антоніевича, которое считается болѣе объективнымъ. Осторожность Антоніевича проявляется, именно, въ спорномъ вопросѣ о народности лужичанъ, къ которому я перейду ниже.

На картѣ № 31, составленной ло Антоніевичу, черной чертой обозначены первые оазисы лужицкихъ поселенцевъ между Одеромъ

и Вислой, пришедшихъ сюда изъ Силезіи и подчинившихъ себѣ прежнее населеніе. Длинная линія, идущая отъ одного изъ этихъ оазисовъ на Приморье, указываетъ на раннее (1400-1200) продвиженіе лужичанъ въ этотъ, оставленный ими потомъ уголъ. Здѣсь они подчинились восточно-балтійской бронзовой культурѣ, доходившей, въ извѣстной степени, до Литвы и Бѣлоруссіи. Востокъ Малой Польши и Червонная Русь были тогда заняты фракійскими племенами. Въ слѣдующемъ періодѣ (1200-1000) лужичане продвинулись дву-



№ 31. Продвиженіе лужицкой культуры на территоріи Польши (по Антоніевичу). Римскія цифры — дѣленія эпохи бронзы (по Монтеліусу) и подраздѣленія Гальштатта и La Tène.

мя потоками, великопольско-бранденбургскимъ и силезско-моравскимъ, и захватили весь западный берегъ Вислы. Курганы уступили здѣсь мѣсто плоскимъ могиламъ, и различія между двумя исходными центрами заселенія выровнялись. Въ керамикѣ это отразилось смягченіемъ профилей сосудовъ, рѣзко угловатыхъ въ предыдущемъ (третьемъ) періодѣ бронзы. Въ пятомъ періодѣ бронзы (1000-800) начинается напоръ германцевъ на сѣверо-западъ Польши. Это вызываетъ выселеніе лужичанъ на югъ и объясняетъ сгущеніе населенія на югѣ Великой Польши. За-то удержалось лужицкое населеніе въ Холмской землѣ. Отхлынувшее съ сѣверо-запада населеніе двинулось также на слабо-заселенныя земли востока, менѣе пригодныя для земледѣлія, — по линіи Буга, въ Мазовію и Подляшье. Въ то же время замѣчается, однако, ослабленіе единства и распаденіе культуры на мѣстныя группы. Проникаетъ запоздавшее на два столѣтія вліяніе перваго желѣзнаго вѣка (Гальштатта). Проникаютъ и венгерскія, альпійскія и венето-иллирскія вліянія (стр. 232) — путемъ торговыхъ сношеній, ведущихъ и дальше — въ Червонную Русь. Въ періодъ 800-650 л. наконецъ доходитъ до Польши гальштаттское желѣзо — изъ иллирійскаго круга — и прививается особенно тамъ, гдѣ сохранилось единство племенной организаціи, разрушенное въ Мазовіи и въ Малой Польшѣ. Дошедшій до Моравіи клинъ иллирской народности ослабилъ торговыя сношенія Западной Польши съ произведеніями фракійскихъ бронзовыхъ издѣлій Венгріи. Подъ вліяніемъ юга нѣсколько измѣняется характеръ сожженія: въ погребальную урну высыпаются не одни остатки костей, но все содержимое погребальнаго костра — чтобы не безчестить въ золѣ костра остатковъ покойника. Колонизація лужичанъ направляется теперь съ запада черезъ малопольскую возвышенность въ урожайную долину Дунайца. Это дальнѣйшее продвиженіе вызвано новымъ напоромъ германцевъ, занявшихъ на Поморьѣ лѣвый берегъ Вислы. Границу съ сѣвера охраняютъ лужицкіе городища (Тарновъ). Лужицкое населеніе, хоронившее въ одиночныхъ гробахъ съ урнами, сохраняется нѣкоторое время и среди наступленія германскихъ каменныхъ гробовъ въ надвислянскомъ Поморьѣ; но гораздо дольше оно удержалось и сохранило свою этническую и культурную особенность на *правомъ* берегу Вислы, въ холмской землѣ. Въ нѣкоторыхъ повѣтахъ лужицкое населеніе продержалось до предримскаго времени (эпоха La Tène). Колонизація на востокъ привела лужичанъ на Днѣстръ въ верхнемъ его теченіи. Здѣсь они наткнулись на киммерійскій (фракійскій) барьеръ, пробили его и вышли на богатые, заманчивые для земледѣльцевъ подольскіе черноземы. Напротивъ, на западѣ пришлось строить

городища, чтобы оборониться отъ вторженія иллирійцевъ. Періодъ 650-500 г.г. характеризуется иллирійскимъ вліяніемъ на западѣ и фракійскимъ на востокѣ, въ Червонной Руси. Сохранивъ отчасти обрядъ сожженія покойника, населеніе перешло къ погребенію скелетовъ въ плоскихъ гробахъ, рѣдко обставленныхъ камнями и составляющихъ обширные некрополи. Это такъ наз. «высоцкая» культура. Ея керамика сохраняетъ связь съ западными лужицкими типами. Но есть въ ней характерные для закарпатскихъ краевъ фракійскіе, а позднѣе и скифскіе элементы. На сѣверѣ тѣмъ временемъ усилился напоръ германцевъ. Распространеніе ихъ культуры ознаменовалось появленіемъ и быстрымъ продвиженіемъ на лужицкой территоріи каменныхъ гробовъ съ урнами, изображающими черты человѣческаго лица. Постепенно, это нашествіе захватываетъ всю лужицкую территорію Польши (см. густые кресты на картѣ № 31). Что старое населеніе все же не ушло, доказывается, прежде всего, чрезвычайнымъ увеличеніемъ густоты населенія. Такое перенаселеніе вызвало отливъ туземцевъ, сперва въ Восточную Пруссію; но такъ какъ тамъ природныя условія были невыгодны, то движеніе направилось на юго-востокъ — за Сбручъ, на просторы Подолья, а черезъ Волынь, можетъ быть, и въ Литву. Но съ этой стороны въ VI вѣкѣ до Р. Х. грозило нашествіе на Волынь и Подолію скифскихъ отрядовъ, гнавшихся за разгромленными киммерійцами. Скифы оставались въ Покутьѣ до нашествія кельтовъ, которые заставили ихъ вернуться къ Днѣпру въ средней эпохѣ La Tène.

Не будемъ останавливаться на этомъ послѣднемъ періодѣ желѣза (La Tène), длившемся до римской эпохи (500-300 до Р. Х.). Отмѣтимъ только, что старое лужицкое населеніе не только не исчезаетъ при частой перемѣнѣ господъ и культурныхъ вліяній, но, напротивъ, постепенно ассимилируетъ себѣ пришельцевъ, создавая смѣшанную культуру. Антоніевичъ не разъ отмѣчаетъ и въ этотъ періодъ, что лужицкое населеніе продолжаетъ существовать наряду съ германцами въ разныхъ повѣтахъ и въ юго-западной Польшѣ.

Непрерывность существованія унетицко-лужицкаго населенія вплоть до римскаго періода, — таковъ главный выводъ, который мы извлекаемъ изъ этой исторіи цѣлаго тысячелѣтія. Другой выводъ — тотъ, что — чѣмъ дальше, тѣмъ больше археологія начинаетъ говорить языкомъ этнографіи. Лужичанъ окружаютъ иллирійцы, фракійцы, кельты, скифы, германскія племена. Кто-же такіе сами лужичане? Неужели въ этой средѣ они одни не носятъ никакого національного имени?

Для отвѣта мы должны вернуться назадъ, къ западной части лужицкой территоріи, гдѣ она продолжаетъ унетицкую и доунетиц-

кую традицію. Германскіе изслѣдователи первые почувствовали необходимость дать этому населенію, разселившемуся на обширной территоріи и все же сохранившему извѣстное культурное единство, какое-то національное имя. Это было тѣмъ естественнѣе, что эта единая группа сложилась раньше кельтской и проявила гораздо большую жизненность, чѣмъ кельты въ (тотъ же) древнѣйшій періодъ своего существованія. Коссинна нѣсколько разъ пытался дать унетицко-лужицкому археологическому единству этнографическое имя. Онъ справедливо находилъ, что это — какъ разъ та территорія, на которой въ это самое время должны были образоваться какія-то индо-европейскія группы. Но онъ колебался. То онъ считалъ унетицкую территорію достаточно обширной, чтобы послужить колыбелью цѣлыхъ трехъ сѣверно-индогерманскихъ народовъ: иллирійцевъ, италиковъ и кельтовъ. То онъ указывалъ на фракійцевъ («карподаковъ»), какъ носителей Лужицкой культуры. Но кельты сформировались западнѣе — на Рейнѣ; фракійцы — восточнѣе — въ Паннонiи и Венгріи. Оставались иллирійцы, — и съ легкой руки Коссинны имя иллирійцевъ утвердилось за восточными сосѣдями германцевъ и кельтовъ. Остановимся на этомъ общепринятомъ теперь опредѣленіи, очевидно, заключающемъ въ себѣ, если не всю истину, то большую долю ея.

Иллирійцы извѣстны древнимъ авторамъ, какъ жители Адріатическихъ береговъ и запада Балканскаго полуострова. Но германскіе изслѣдователи съ полнымъ основаніемъ утверждаютъ, что первоначальныя поселенія иллирійцевъ шли далеко на сѣверъ, по обѣ стороны Дуная и далѣе на сѣверъ — до Силезіи. Въ этихъ мѣстахъ сохранились иллирійскія названія мѣстностей. Иллирійская территорія совпадала такимъ образомъ съ унетицко-лужицкой. Это и давало основаніе закрѣпить за лужичанами имя иллирійцевъ. Къ нимъ отнесены были и передвиженія лужичанъ на западъ, сѣверъ и въ особенности на югъ, гдѣ они извѣстны въ историческую эпоху. Съ продвиженіемъ на востокъ, въ Польшу, это имя какъ-то не соединяется. Остановимся теперь на массовомъ продвиженіи иллирійцевъ на югъ, къ Адріатическому морю.

Вале относитъ это событіе къ концу перваго желѣзнаго вѣка, т.-е. около 500 г. до Р. Х. Это приблизительно совпало бы и съ продвиженіемъ лужичанъ на Волынь и въ Подолію. Тамъ оно совершилось подъ давленіемъ германцевъ. Движенію на югъ также предшествовалъ постепенный напоръ, но уже съ двухъ сторонъ: германцевъ съ сѣвера (послѣ 750 г.) и кельтовъ съ запада. Рѣшающая встрѣча съ кельтами (послѣ отхода иллирійцевъ на востокъ, стр. 211), произошла во всякомъ случаѣ на протяженіи Гальштаттска-

го періода. Имѣется очень опредѣленный признакъ, по которому мы узнаемъ топографію и хронологію этой встрѣчи. И кельты, и иллирійцы были одинаково захвачены бронзово-желѣзной культурой Гальштатта. Но кельты продолжаютъ хоронить своихъ покойниковъ въ землѣ, въ скорченномъ видѣ, тогда какъ иллирійцы ихъ сжигаютъ и хоронятъ остатки сожженія въ урнахъ — вѣроятно подъ невысокими насыпями, совершенно сгладившимися втеченіе вѣковъ. Возлѣ Гальштатта, небольшаго мѣстечка въ богатомъ соляными залежами Зальцбургѣ (hall есть древнее названіе соли), на горѣ раскопано было до тысячи погребеній. Самое названіе Гальштатскаго періода происходитъ отъ этого некрополя. Изъ раскопанныхъ могилъ 525 оказались со скелетами и 455 съ сожженіемъ. Древнѣйшими признаются похороны съ сожженіемъ; ихъ относятъ къ 900-700 г.г. до Р. Х. Позднѣйшими *(здѣсь)* являются могилы со скелетами, относимые къ 700-500 г.г. Само собой напрашивается заключеніе, что болѣе раннимъ населеніемъ Гальштатта были иллирійцы, и что послѣ 700 г. ихъ смѣнило или подчинило себѣ другое населеніе. Трудно представить себѣ, чтобы это были не кельты, хотя обыкновенно ихъ приходъ въ эти мѣста сопоставляется съ эпохой ихъ нашествій, т.-е. около 400 г. до Р. Х. (Дешеллеттъ). Въ самомъ Гальштаттѣ добываніе соли и поселеніе внезапно прекращается именно въ это время. Но объясняется это не столько появленіемъ пришельцевъ (которымъ было бы тоже выгодно продолжать разработку соляныхъ копей), а ухудшеніемъ климата, сопровождавшимся проливными дождями, разрушившими старую технику добыванія соли. Такъ же внезапно кельты въ своемъ движеніи съ запада на востокъ приносятъ новую бронзовую культуру La Tène, смѣнившую Гальштаттскую втеченіе 500-400. Вале догадывается, что эта культура, болѣе сдержанная и художественная, чѣмъ изобильныя, но грубыя формы Гальштатта, была выработана при дворахъ кельтскихъ династовъ, выдѣлившихся изъ массы и увлекшихъ кельтовъ въ походы, послѣ тысячелѣтія бездѣятельности и раздробленности. Какъ бы то ни было, но движеніе кельтовъ на югъ, въ Италію, *) а потомъ и на востокъ, вплоть до южной Россіи и Малой Азіи, вездѣ перекрываетъ пришедшій ранѣе ихъ иллирійскій слой населенія. Это особенно ясно видно ближе къ исходной точкѣ кельтскихъ передвиженій — въ Швейцаріи. Швейцарскіе археологи давно уже отмѣтили дѣленіе Швейцаріи на двѣ части: сѣверо-западную, гдѣ въ

*) Первыя поселенія кельтовъ въ сѣверо-западной и сѣверо-восточной Италіи Юберъ относитъ уже къ первой половинѣ Гальштатта, т.-е. задолго до эпохи нашествій.

бронзовую эпоху господствовали кельты, съ нѣкоторымъ налетомъ сѣвернаго (длинноголоваго) типа, и юго-восточную, населеніе которой оставалось загадочнымъ. Пока господствовала теорія о переселеніи этрусковъ въ Италію съ сѣвера, это населеніе склонялись считать этрусскимъ. Но когда снова окрѣпла теорія переселенія этрусковъ съ востока Средиземнаго моря, нѣкоторые швейцарскіе археологи признали это населеніе иллирійскимъ. Кельты и здѣсь перекрыли иллирійцевъ въ эпоху La Tène, а можетъ быть и раньше. Приходъ сюда иллирійцевъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть отнесенъ къ эпохѣ Гальштатта. Черезъ проходы восточныхъ Альпъ иллирійцы прошли, вѣроятно, тогда же къ Адріатическому морю, гдѣ хорошо знаютъ ихъ классическіе писатели и гдѣ сохранился до нашихъ дней обломокъ этой народности — албанцы.

Разселеніе иллирійцевъ и перекрытіе ихъ кельтами представляетъ для насъ особый интересъ, который выяснится въ дальнѣйшемъ изложеніи. Повторимъ здѣсь замѣчаніе, что на огромной территоріи, заселенной остававшимся тамъ непрерывно, втеченіи болѣе тысячелѣтія населеніемъ, — что совпало съ періодомъ разселенія уже дифференцировавшихся индоевропейскихъ народностей, *не могло* не происходить процессовъ, связанныхъ съ этой дифференціаціей. Мы видѣли, что Коссинна первоначально допускалъ, что на этомъ пространствѣ могли образоваться или помѣститься даже *нѣсколько* такихъ народностей. Но какія? Ира-германцы передвинулись изъ Саксо-Тюрингіи въ Данію и Южную Швецію и имѣли въ своемъ захолустьѣ отдѣльную исторію уже со второй половины третьяго тысячелѣтія. Индоиранская вѣтвь уже къ концу третьяго тысячелѣтія достигла Малой и Передней Азіи. Италики и греки тоже успѣли уйти на свои полуострова раньше развитія, если не Унетицкой, то во всякомъ случаѣ Лужицкой культуры. Кельтская народность сложилась на территоріи западнѣе унетицко-кужицкой. Остаются для этой территоріи изъ индоевропейской семьи иллирійцы и фракійцы — въ первомъ ряду и балтославяне во второмъ. Но фракійцы дифференцировались восточнѣе унетицкой-лужицкой территоріи въ тѣсномъ смыслѣ. Они были сосѣдями иллирійцевъ съ востока (Паннонія, Венгрія, восточные Балканы и южная Россія). Остаются иллирійцы и балтоъславяне — или точнѣе именно славяне, такъ какъ территорію отдѣлившихся балтовъ мы представляемъ себѣ на сѣверо-востокъ отъ польско-лужицкой территоріи (ср. для всего этого абзаца стр. 173, 192-194, 202, 204, 208-210, 215-216).

Какъ видимъ, при современномъ состояніи вопроса о разселеніи индо-европейскихъ народовъ, нельзя уже считать ученой ересью поисковъ среди нихъ и славянства — не позднѣе времени перехода

къ эпохѣ металловъ и въ той же географической средѣ среднеевропейскаго лесса, когда и гдѣ мы встрѣчаемся съ древнѣйшими членами этой семьи. Процессъ выдѣленія славянъ долженъ былъ совершаться въ тѣ-же приблизительно сроки и въ той же обстановкѣ. Но когда само собой съ большой вѣроятностью вырисовывается точное мѣсто славянства среди индоевропейскихъ родичей, изслѣдователи встрѣчаютъ какое-то психологическое затрудненіе. Какъ отождествить эту народность съ даннымъ кругомъ археологической культуры? Между тѣмъ, всѣ серьезные изслѣдователи уже сдѣлали шагъ въ этомъ направленіи, признавъ, что лужичане были опредѣленно индоевропейцами. Признается въ наукѣ и то, что широкое распространеніе лужичанъ доказываетъ ихъ важное значеніе въ процессѣ аріанизаціи Европы. Но какъ назвать этихъ индоевропейцевъ славянами? Ученые предпочитаютъ оставить здѣсь пустое мѣсто и признать, что на общей доисторической картѣ Европы эта часть, — чуть не единственная — остается темнымъ пятномъ. Напримѣръ, Henri Hubert отмѣчаетъ огромное распространеніе Лужицкой культуры «отъ Галиціи до Рейна» — и даже склоненъ объяснить его соотвѣтственнымъ «перемѣщеніемъ населенія», но недоумѣваетъ: почему же это перемѣщеніе «не отразилось прочнымъ образомъ на этнографическихъ картахъ»? И онъ сближаетъ загадочную народность съ чѣмъ-то вродѣ «цыганъ»! Еще занимательнѣе разсужденія по тому же поводу Жоржа Пуассонъ, новѣйшаго изслѣдователя арійскаго вопроса. Пуассонъ также признаетъ, что лужицкая культура «поднимаетъ много вопросовъ, важныхъ для эволюціи европейской цивилизаціи», но и ему «тѣмъ болѣе жаль, что ее нельзя связать ни съ какимъ историческимъ народомъ». Предположить здѣсь прародину индоевропейскихъ народовъ вообще? Слишкомъ поздно: они, какъ только-что сказано, уже разошлись по сторонамъ раньше. Предположить, по слѣдамъ Заборовскаго, что унетицко-лужицкая культура славянская? Слишкомъ рано, ибо «славяне появились позже» (хотя весь вопросъ и заключается въ томъ, когда они появились). «Все, что можно сдѣлать», заключаетъ Пуассонъ, «это отнести, вмѣстѣ съ Коссинна, эту культуру къ иллирійской группѣ, какъ уже сдѣлано съ унетицкой культурой, отъ которой, повидимому, происходитъ лужицкая. *Но для этого нужно значительно расширить имя и роль иллирійцевъ*». И Пуассонъ останавливается въ недоумѣніи передъ нерѣшеннымъ вопросомъ.

Дѣйствительно, здѣсь мы наталкиваемся на запутанный и трудный вопросъ, осложненный еще національными страстями — въ особенности, въ послѣднее время, германско-славянскимъ споромъ. Достаточно познакомиться съ топомъ и содержаніемъ полемики герман-

скаго археолога Болько фонъ Рихтхофена съ польскимъ археологомъ Костржевскимъ по вопросу, славянами или нѣмцами было первоначальное населеніе Поморья («корридоръ»), чтобы убѣдиться въ психологическихъ и политическихъ препятствіяхъ къ чисто-научному рѣшенію вопроса. Славянскіе — и въ частности русскіе — патріоты т. наз. «автохтонной» школы съ очень давняго времени еще ослабили свою позицію, принявшись, безъ знанія сравнительнаго языкознанія, смѣло толковать мѣстныя названія и собственныя имена, попадавшіяся на современныхъ картахъ и въ древнихъ источникахъ, какъ славянскіе. Противъ такого, лишеннаго всякаго метода, злоупотребленія вульгарной филологіей уже въ первой, а особенно во второй половинѣ XIX вѣка должна была, вполнѣ законно, начаться реакція, которая однако впала въ другую крайность. Исторію славянъ и ихъ передвиженій стали начинать лишь съ того времени, какъ появились упоминанія имени славянъ въ письменныхъ источникахъ, отрицая или игнорируя весь доисторическій періодъ. При такомъ методѣ славянская исторія начиналась только съ пятаго-шестого столѣтія послѣ Рождества Христова. Очевидно, и на этомъ историческая наука не могла остановиться — особенно послѣ развитія археологіи. Осторожно, отметая явное баснословіе, пошелъ въ новомъ направленіи чешскій ученый Нидерле. Болѣе рѣшительны оказались польскіе археологи. Русскіе колебались между старой шовинистической традиціей и современной научной осторожностью. Мнѣ приходится, пользуясь новѣйшими научными достиженіями, продвинуться нѣсколько дальше, на этой все еще мало разработанной почвѣ, не нарушая требованій научности и не впадая въ грѣхъ старыхъ и новыхъ патріотическихъ утрировокъ.

Славяне появляются въ исторіи впервые подъ именемъ венетовъ, вендовъ, винидовъ, виндовъ. Попытки раздѣлить эти названія, какъ дѣлаютъ германскіе ученые, я не считаю правильными. Лингвистическихъ препятствій для ихъ отожествленія не имѣется. А, взятыя вмѣстѣ, они помогаютъ намъ возвести появленіе славянъ какъ разъ къ тому времени, на которомъ мы остановились. Германскіе археологи, правда, полагаютъ, что имя вендовъ дано славянамъ, появившимися гораздо позже, германцами, которые перенесли на нихъ имя прежнихъ народовъ, которыхъ славяне замѣнили. Конечно, и при такомъ толкованіи все же приходится допустить, что замѣна одного населенія другимъ произошло не «послѣ долгаго перерыва», о которомъ говорятъ германскіе учены, а немедленно. Такъ и утверждаетъ Зегеръ, признающій непрерывную связь между населеніемъ Унетицкой и Лужицкой культуръ. Этимъ

единымъ народомъ онъ, однако, считаетъ иллирійцевъ; по его мнѣнію, непрерывность иллирійскаго населенія лишній разъ доказывается именно «уравненіемъ венеты = вендамъ, которое основано на перенесеніи имени иллирійцевъ—восточныхъ сосѣдей германцевъ на ихъ наслѣдниковъ, славянъ». Но, во-первыхъ, *имя вендовъ дано не германцами;* оно распространено на всей периферіи славянскаго разсѣянія, гдѣ сосѣдями были не одни только германцы. Во-вторыхъ, *связь славянъ съ иллирійцами не есть связь послѣдовательности, а сосуществованія;* это видно уже изъ того, что славяне оказываются живущими повсюду, гдѣ были иллирійцы, — и трудно предположить, что они всюду пришли по ихъ слѣдамъ. Наконецъ, надо отмѣтить, что *реально* имя иллирійцевъ соотвѣтствуетъ лишь населенію сѣверо-западной части Балканскаго полуострова, а распространеніе этого имени на остальную вышеописанную территорію есть только научная догадка; между тѣмъ *имя венетовъ-вендовъ извѣстно* и по историческимъ источникамъ и по существующимъ до сихъ поръ остаткамъ славянскаго населенія *на территоріи всей унетицко-лужицкой культуры.* Это мы сейчасъ увидимъ.

Древнѣйшимъ упоминаніемъ о венетахъ (энетахъ) являются два мѣста у Геродота, гдѣ онъ говоритъ, что энеты живутъ на Адріатическомъ побережьѣ (V, 9) и что они «иллирійскіе» (enetoi illyrion). Этого достаточно, чтобы подтвердить письменнымъ свидѣтельствомъ то, что извѣстно намъ изъ археологіи: иллирійцы около 445 г. до Р. Х., когда писана исторія Геродота, уже жили на территоріи венеціанской (венетской) области, куда пришли, вѣроятно, нѣсколько раньше (см. выше стр. 217). Указанія на тожество народности венетовъ съ народностью иллирійцевъ нельзя искать въ родительномъ падежѣ (illyrion) у Геродота; въ позднѣйшихъ источникахъ венеты постоянно отличаются отъ иллирійцевъ. Особая бронзовая культура, найденная въ некрополѣ Эсте, едва ли принадлежитъ нашимъ венетамъ; вѣроятно, она относится уже къ эпохѣ вторженія кельтовъ. Но изъ Полибія (II, 17, около 150 г. до Р. Х.) мы узнаемъ, что и при кельтахъ венеты сохранили свою національную особность. «Нравами и украшеніями они мало различаются отъ кельтовъ», говоритъ Полибій; «но языкомъ пользуются инымъ». О томъ, какой это языкъ, мы, конечно, не можемъ узнать изъ источниковъ. Языкъ т. наз. «венетскихъ» надписей можетъ принадлежать народу, населявшему до нихъ венетскую область, которому они передали свое имя (мнѣніе проф. Конвея). Иллирійскій языкъ извѣстенъ намъ только изъ немногихъ надписей и собственныхъ именъ, и судить о немъ можемъ только по скуднымъ остаткамъ этого языка въ теперешнемъ албанскомъ.

Сходство албанскихъ элементовъ языка съ славянскими несомнѣнно существуетъ, но оно обыкновенно возводится къ общеевропейскимъ корнямъ и суффиксамъ; притомъ же, албанскій языкъ дошелъ до насъ въ очень позднемъ и смѣшанномъ видѣ. При пересмотрѣ этого вопроса, можетъ быть, найдутся и черты спеціальнаго сходства съ славянскими языками (см. Іокль); но и тогда отожествлять иллирійскій языкъ съ славянскимъ не будетъ никакой возможности.

Противъ тожества адріатическихъ венетовъ съ позднѣйшими, несомнѣнно славянскими, обыкновенно возражаютъ, что имена венетовъ встрѣчаются и въ такихъ неожиданныхъ мѣстахъ, какъ Пафлагонія въ Малой Азіи и Арморика въ сѣв. зап. углу Франціи. Эти одиночныя поселенія венетовъ, однако, покажутся менѣе странными, если вспомнимъ, что кельты въ своихъ скитаніяхъ создали малоазіатскую Галатію по сосѣдству съ Пафлагоніей и дошли до Бретани (гдѣ, кстати, и археологія указываетъ специфическія черты унетицкой культуры). Въ составѣ двадцатитысячнаго населенія, наполовину вооруженнаго, кельты могли взять съ собой въ Малую Азію и венетовъ, какъ потомъ гунны и авары увлекали въ свои походы славянъ.

Важное значеніе для опредѣленія распространенія венетовъ имѣютъ, конечно, не эти случайные оазисы, а сохранившіяся имена, охватывающія обширную *непрерывную* территорію, въ общемъ соотвѣтствующую территоріи распространенія иллирійцевъ. Хронологически ближайшія къ адріатическимъ венетамъ указанія мы имѣемъ на сѣверо-западъ отъ Адріатики, въ восточныхъ Альпахъ, гдѣ Помпоній Мела (около 48 г. по Р. Х.) называетъ Боденское озеро «венетскимъ» (lacus venetus), и еще болѣе важныя указанія въ сѣверо-восточномъ направленіи — относительно распространенія венетовъ по Дунаю. Эти послѣднія свѣдѣнія даетъ т. наз. Пейтингерова таблица — почтовый дорожникъ римской имперіи, дошедшій до насъ въ томъ видѣ, какой онъ принялъ между 271 и 285 г. по Р. Х., но въ своемъ первоначальномъ видѣ составленный по порученію Августа Агриппой въ 7 г. до Р. Х. Здѣсь дважды помѣчены венеды: на среднемъ Дунаѣ, подъ названіемъ Venadi Sarmatae и на нижнемъ Дунаѣ — просто Venedi. Сопоставленіе венедовъ съ сарматами получаетъ черезъ полвѣка послѣ составленія Пейтингеровой таблицы любопытное разъясненіе. Во время боевъ Константина Великаго съ дунайскими варварами въ 334 г. произошло внутреннее возстаніе на территоріи сарматовъ, поселившихся между Дунаемъ и Тиссой. Часть сарматовъ, которыхъ хронисты того времени называютъ «рабами» (servi sarmatarum, duloi, oiketai) — взбунтовались противъ своихъ господъ (domini, sar-

matae liberi) и изгнали ихъ за Дунай, въ предѣлы римской территоріи, гдѣ Константинъ далъ имъ мѣста. «Свободные» и «рабы» едва-ли принадлежали къ одной народности; передъ нами знакомая уже намъ картина наслоенія верхней правящей группы завоевателей-кочевниковъ надъ побѣжденнымъ мѣстнымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Элементъ сарматовъ-кочевниковъ выдѣляетъ и Пейтингерова карта, называя ихъ amaxobii, т.е-. живущіе на телѣгахъ, и vagi sarmatae — бродячіе сарматы. Очевидно, «рабы» не были рабами въ тѣсномъ смыслѣ: это былъ низшій слой населенія, несвободнаго въ смыслѣ соціальнаго подчиненія, но все же достаточно многолюднаго и тѣсно связаннаго между собой, чтобы произвести организованное возстаніе, результатомъ котораго было вынужденное выселеніе 300.000 населенія «свободныхъ» (тутъ, очевидно, разумѣется не только войско, но весь составъ жителей этого слоя). Подъ несвободными сарматами можно здѣсь, слѣдовательно, разумѣть только венедовъ, какъ полагаетъ и проф. Нидерле.

Мѣстности на сѣверъ отъ Дуная вплоть до эпохи германскихъ переселеній, очень мало извѣстны древнимъ географамъ и историкамъ. Первое исключеніе составляетъ, однако, побережье Балтійскаго моря — благодаря доисторическимъ торговымъ сношеніямъ, въ особенности торговлѣ янтаремъ. Адріатическіе венеты не даромъ считались спеціалистами по торговлѣ янтаремъ. Находки янтарныхъ украшеній въ обиліи усѣиваютъ путь къ Адріатикѣ черезъ горные проходы изъ Швейцаріи въ Италію. Геродотъ, правда, не вѣритъ слухамъ о янтарѣ (III, 115: «я не допускаю существованія рѣки, которую варвары называютъ Эриданомъ, которая будто-бы впадаетъ въ Сѣверное море и отъ которой, какъ говорятъ приходитъ янтарь»). Но мы знаемъ, что путь янтаря съ Балтійскаго моря къ Адріатическому былъ открытъ уже въ концѣ неолита (стр. 191, 208). Возможно, что южной частью этого пути и спустились иллирійцы съ венетами на югъ — нѣсколько раньше временъ Геродота, принеся съ собой и самый янтарь, и отрицаемые Геродотомъ слухи. Конечно, еще Полибій (150 г. до Р. Х.) добросовѣстно признается, что «пространство между Танаисомъ и Нарбонной, лежащее къ сѣверу» оставалось до его времени совершенно неизвѣстнымъ. Только около Р. Х. древніе географы начинаютъ называть рѣку Вислу, которую они считаютъ границей между Сарматіей и Германіей, и сообщать свѣдѣнія о народахъ по обѣ стороны этой границы. Въ этой связи Плиній (около 77 г. по Р. Х.) упоминаетъ, что Сарматы и Венеты (или сарматы-венеды?) живутъ «вплоть до Вислы» (ad Vistulam usque fluvium); а Птоломей (ум. ок. 178) увѣренно говоритъ, что «Сарматію населяютъ

величайшіе народы» (ethne megista), въ томъ числѣ «венеды по всему Венедскому заливу» и т. д. Венедскій заливъ здѣсь, очевидно, есть берегъ Балтійскаго моря — мѣсто жительства полабскихъ и поморскихъ славянскихъ племенъ, которые могли придти сюда изъ венедско-иллирскаго центра — быть можетъ, сѣверной половиной янтарнаго пути». *) Тацитъ, написавшій свою «Германію» въ самомъ концѣ перваго вѣка, пользовался, повидимому, тѣми

---

*) Свидѣтельство живыхъ торговыхъ и культурныхъ отношеній — на почвѣ, какъ можно предположить, единой этнической базы, — на всемъ пространствѣ «янтарнаго пути» отъ Адріатики къ Балтикѣ можно видѣть въ мало-изслѣдованномъ, къ сожалѣнію, фактѣ употребленія почти одинаковыхъ начертаній буквъ алфавита, ведущихъ свое происхожденіе отъ такъ называемаго «финикійскаго» и областныхъ древнегреческихъ и италійскихъ алфавитовъ. Хотя проф. Нидерле вообще отрицаетъ употребленіе письма у древнихъ славянъ, но его скептицизмъ, мнѣ кажется, идетъ слишкомъ далеко. Напротивъ, другой чешскій славистъ, Іосифъ Ружичка въ своей книгѣ Slovanska Mythologie (1924, Praha) проявляетъ большую неосторожность, пытаясь доказать, что славянскія «руны» употреблялись на всемъ пространствѣ янтарнаго пути. Онъ напрасно старается превратить божества «венетскихъ» и «этрусскихъ» надписей сѣверо-восточной Италіи, завѣдомо этрусскія (Tinia, Turms, Turan, Fufluns) въ славянскія. Не удалось и мнѣ въ скопированныхъ мною надписяхъ этого рода, хранящихся въ музеяхъ Хура и Больцано (изъ Mesocco, Mendrisio, Livinalonga, Collalto), найти ничего славянскаго. Напротивъ, далѣе на сѣверъ поиски Ружички были болѣе успѣшны. Никакъ нельзя отрицать славянскій языкъ, напримѣръ, слѣдующей надписи, сдѣланной среднеевропейскимъ варіантомъ «рунъ» («иллирико-ретійско-паннонскимъ», по правдоподобной терминологіи Ружички) и найденной въ Велестурѣ (на приоединенной теперь отъ Венгріи территоріи по теченію р. Вага, при впаденіи р. Турочъ): «пр(і)ехах (въ) Симиан от Поране (,) зрумих Кремениту те Туру и всіа (г) рада и бе годе по (теченію) Туру двесте те осмд(е)с(я)т». Неправдоподобна и поддѣлка такой надписи. Гор. Симіанъ находится при впаденіи Турочa въ Вагъ; Кременица — вверхъ по теченію Турочa. Знаменателенъ самый фактъ нахожденія этой надписи на одномъ изъ путей, соединяющихъ Дунай съ Силезіей («Моравскій корридоръ» — варіантъ янтарнаго пути: ср. замѣчаніе Чайльда на стр. 208). Нѣтъ никакого сомнѣнія для меня и относительно употребленія варіанта «рунъ» для славянскаго письма. Въ скандинавскихъ источникахъ они и называются *Venda Runir*, т.-е. «вендскія руны». Конечно, вопросъ о хронологіи употребленія этихъ древнихъ письменъ славянами остается открытымъ.

же источниками, какъ и его предшественники. Но, по свойственному ему таланту и глубокомыслію, онъ обработалъ эти данныя по своему. Онъ замѣтилъ, что между «сарматами» и германцами есть полоса особыхъ народностей, не легко поддающаяся классификаціи, и остроумно указалъ признаки, по которымъ можно отнести ихъ къ той или другой группѣ. Его выводы не всегда вѣрны, но его методъ очень поучителенъ. Онъ не вѣритъ, что жившіе за Маркоманнами и Квадами «Осы» — германцы, на томъ основаніи, что они, во-первыхъ, говорятъ на «паннонскомъ языкѣ», а, во вторыхъ, что на нихъ, какъ на людей «чуждаго происхожденія», сарматы съ одной стороны, и квады, съ другой, наложили подати, т.-е. обращались съ ними, какъ съ подчиненнымъ населеніемъ. Относительно венедовъ онъ колеблется, отнести-ли ихъ къ сарматамъ или къ германцамъ — ибо ихъ соціальный строй соединяетъ противоположныя черты. Съ одной стороны, они «бродятъ, какъ разбойники, на всемъ пространствѣ горной и лѣсистой страны, отдѣляющей певкиновъ отъ финновъ». Съ другой, они все таки «имѣютъ постоянныя жилища, носятъ щиты, быстро ходятъ пѣшкомъ; все это противоположно сарматамъ, которые живутъ въ повозкахъ и ѣздятъ верхомъ на лошадяхъ». Нельзя отчетливѣе отдѣлить кочевниковъ отъ осѣдлыхъ сосѣдей, продолжающихъ, однако, прирабатывать грабежемъ на неприступныхъ горныхъ дорогахъ. Тацитъ все-же относитъ венедовъ къ германцамъ; но его сжатые строки бросаютъ яркій свѣтъ на встрѣчу трехъ народностей, германцевъ, венедовъ и сарматовъ, въ верховьяхъ Одера и Вислы.

Еще ближе подводитъ насъ къ разбираемому вопросу другое наблюденіе Тацита. Раздѣливъ совершенно правильно Германію (Свевію) на горную и равнинную, раздѣляемыя «на всемъ протяженіи горнымъ хребтомъ», онъ относитъ къ «загорнымъ обитателямъ», у которыхъ мало равнинъ, а много лѣсныхъ горъ и вершинъ (типическія черты пастушескаго мѣсторазвитія, сохранившіяся до нашего времени на всемъ пространствѣ сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ Карпатъ) «наиболѣе извѣстное племя лигіевъ, распространяющееся на многія мѣстности» и дѣлящееся на «много племенъ». Страбонъ тоже считаетъ «луіевъ» «великимъ народомъ», а Птоломей точно опредѣляетъ ихъ мѣстопребываніе — въ верховьяхъ Вислы и Одера, на сѣверъ отъ «Корконтскихъ» горъ, которыя и теперь носятъ въ Чехословакіи названіе «Крконоше» (Судеты). Птоломей дѣлитъ этихъ «луговъ» на три большія группы (ср. plures civitates Тацита) Его топографія прямо приводитъ насъ къ верхнелужицкой территоріи. Здѣсь, вмѣстѣ съ Нижними Лужицами, и до сихъ поръ уцѣлѣлъ небольшой остатокъ славянъ, которыхъ нѣм-

цы называютъ вендами, и которые сами себя называютъ сербами. Территорія эта расположена между Дрезденомъ и Берлиномъ. — точнѣе, между Бауценомъ въ Саксоніи и Коттбусомъ въ Бранденбургѣ. Сохранившійся обломокъ лужичанъ имѣетъ несомнѣнную связь съ древними «лугами» или «лугіями». Послѣ работы Нидерле мнѣ нѣтъ надобности доказывать филологическое тожество этихъ названій (Нидерле производитъ ихъ не отъ «луга», а отъ «лужи» — означавшей въ славянскимъ нарѣчіяхъ болото, лѣсъ на болотѣ). Конечно, связь древняго названія лужичанъ съ новымъ археологическимъ терминомъ «лужицкой» культуры — случайна. Но территорія коренной лужицкой культуры все же включаетъ и лужицкую область. Если вѣрны поиски происхожденія «лужицкой» культуры въ областяхъ, сосѣднихъ съ Силезіей, то теперешніе лужицкіе венды оказываются обитателями искомаго нами первоначальнаго мѣстожительства славянъ-венетовъ послѣ отдѣленія ихъ отъ другихъ индоевропейскихъ народовъ.

О тожествѣ венедовъ со славянами въ этихъ мѣстахъ около 600 г. по Р. Х., говоритъ хронистъ Фредегаръ, соединяя въ одно всѣ три названія: «*surbi,* gens ex genere sclavinorum, *sclavi* cognomento *vinadi*»: *сурбы,* племя изъ славянъ; *славяне* по прозванію *винады*».

На показаніяхъ Фредегара стоитъ остановиться, такъ какъ они сохранили память о древнѣйшей попыткѣ политическаго объединенія этихъ самыхъ «винидовъ-славянъ-сурбовъ» подъ властью Само. Въ этомъ разсказѣ дѣло не въ спорной хронологіи или въ происхожденіи Само, который могъ быть и франкскимъ купцомъ, и хорутанскимъ славяниномъ, а въ общей этнической, географической и бытовой обстановкѣ, чрезвычайно ярко рисующей положеніе славянъ-венедовъ въ первой половинѣ VII вѣка по Р. Х. «Виниды» здѣсь рисуются «пастухами», т.-е. не чистыми кочевниками, «хунны» («авары» съ «каганомъ») обычно ставили ихъ впереди передъ непріятелемъ, чтобы завязать бой и выдержать начало сраженія. Зимой «хунны» приходили къ своимъ «esclavos vinidos» и брали въ заложницы ихъ женъ. Очевидно, виниды находились у «хунновъ» въ такомъ же подчиненіи, какъ, тремя вѣками раньше, близко отъ нихъ «сарматы-рабы» (въ нихъ мы нашли тѣхъ же венетовъ) у «сарматовъ свободныхъ» (стр. 221). Это было не личное домашнее рабство, а подчиненіе цѣлыми группами. И исходъ былъ тотъ же самый. Виниды взбунтовались. Организаторомъ возстанія и явился Само, пришедшій къ нимъ съ караваномъ торговцевъ. Возстаніе оказалось удачнымъ; тогда виниды выбрали Само своимъ царемъ и подъ его руководствомъ неоднократно побѣждали «хунновъ». Дальше дѣло осложняется. «Sclavi cognomento vi-

nidi» перебили и ограбили торговцевъ-франковъ. За нихъ вступился австразійскій король Дагобертъ (626-639) и двинулъ на винидовъ войска «со всего царства Австразіи». Австразійское войско было, однако же, разбито и частью истреблено главными силами винидовъ. Но союзники Дагоберта, алеманны и лангобарды, разбили винидовъ и «увели огромнѣйшее количество плѣнныхъ изъ славянъ». Что это не ослабило винидовъ, видно изъ того, что и послѣ этого они неоднократно вторгались въ Тюрингію и «другія области» для разграбленія царства франковъ. Князь племени, «surbiorum, которые изъ рода склавиновъ», присоединился при этомъ къ царству Само. Едва-ли слѣдуетъ искать «винидовъ» Само, какъ обыкновенно полагаютъ, въ Чехіи. Территоріи Тюрингіи, Австразіи, алемановъ и лангобардовъ окружаютъ юго-западный славянскій выступъ «сорбовъ» и лужичанъ съ запада и съ юга. Въ этихъ же мѣстахъ, послѣ паденія эфемерной попытки славянскаго объединенія подъ властью Само, мы встрѣтимъ разрозненныя поселенія венедовъ, потерявшихъ политическую связь и опустившихся до положенія приниженной этнографической массы, оттѣсненной въ пустынныя лѣса и болота, но не покинувшей своихъ старинныхъ мѣстъ жительства (см. ниже, стр. 229-230).

Откуда происходитъ самое названіе «венеды»? Наиболѣе обычно производство этого названія отъ кельтскаго корня vind, что значитъ бѣлый. Но, во-первыхъ, терминъ «венеты», вѣроятно, древнѣе наступленія кельтовъ на иллирійскія земли — и шире распространенъ. Во-вторыхъ, при кельтской гипотезѣ трудно объяснить самый смыслъ слова. Въ-третьихъ, при объясненіи изъ кельтскаго языка мѣстныхъ названій, начинающихся съ «vind», получается серьезное затрудненіе. «Виндобона», «Виндонисса», «Винделиція» принято объяснять изъ кельтскаго, тогда какъ безчисленныя имена начинающіяся съ «windisch» и т. п. приходится производить отъ славянскихъ вендовъ. Я предложилъ бы объясненіе, которое кажется мнѣ болѣе близкимъ къ фактамъ и болѣе осмысленнымъ. Гораздо естественнѣе, чтобы венеты получили свое названіе не отъ нѣмцевъ, когда-то сосѣдившихъ съ иллирійцами (чье мѣсто венеты заняли, по этой теоріи, много позднѣе), а непосредственно отъ самихъ иллирійцевъ, съ которыми они, по моему, предположенію, жили въ ближайшемъ контактѣ. Мое толкованіе объясняло бы — или, точнѣе, подтверждало бы — и характеръ этого контакта. Въ албанскомъ (иллирійскомъ) языкѣ имѣется слово vendes, въ значеніи «туземецъ», einheimische. Если терминъ «венеды» имѣетъ *этотъ* смыслъ, то можно сдѣлать интересныя сопоставленія. Въ Россіи до послѣдняго времени населеніе часто вмѣсто этническаго имени «русскихъ» называло себя просто «тутош-

ними». Бѣлоруссы, по наблюденіямщ поляковъ, называли себя «тутейшими», что подавало польскимъ націоналистамъ надежду — превратить этотъ сырой матеріалъ въ поляковъ. *) Эти явленія, конечно, свидѣтельствуютъ о мало-развитомъ національномъ самосознаніи. А это, въ свою очередь, могло бы объяснить, почему, живя бокъ-о-бокъ съ иллирійцами, славяне такъ долго оставались, такъ сказать, анонимами. Ихъ собственное названіе, если не отожествлять ихъ со спорными suobenoi (suovini, по современному греческому произношенію) въ географіи Птоломея, появляется лишь въ серединѣ шестого столѣтія по Р. Х. — одновременно въ двухъ формахъ: краткой — sclavi, sclab(v)oi, stlavi, sthla(b)voi и въ продленной суффиксомъ in — sclaveni, греч. slave(i)noi, stlave(i)ni, греч. stlave(i)noi. **)

Переходимъ теперь къ дальнѣйшему доказательству того, что славяне обитали какъ разъ на всей той территоріи, гдѣ древнѣйшіе источники знаютъ венетовъ вмѣстѣ съ иллирійцами, а археологія знаетъ унетицко-лужицкую культуру. Славянскіе ученые находили это доказательство въ славянскихъ названіяхъ мѣстностей, расположенныхъ именно на этой самой территоріи. Правда, въ этой филологической области «автономистская» школа совершила особенно много злоупотребленій и подняла много полемической пыли, начиная съ Тредьяковскаго и Венелина и кончая Иловайскимъ и

---

*) Уже послѣ высказанной здѣсь догадки я встрѣтилъ дальнѣйшія параллели къ ней въ статьѣ проф. А. И. Соболевскаго, Русско-скиѳскіе этюды (Изв. Отд. Р. Яз. и Слов. Р. Ак. Н., 1921). Онъ производитъ греч. Daos отъ *daha*, жители страны, земляне, обыватели и сопоставляетъ съ Zemaitis — Жмудь, гдѣ названіе «туземецъ» превращается въ этнографическое. Латинизир. Davus = рабъ. Страбонъ указываетъ, что этнич. имена Getai, Daos въ Аттикѣ давались рабамъ.

) Первую попытку истолковать уже древнее названіе (венеты) въ хвалебномъ смыслѣ, находимъ у Іордана въ его готской исторіи (551 по Р. Х.): Veneti id est ainetoi, laudabiles. Павелъ Діаконъ наивно поясняетъ эту этимологію: «венеты, если прибавить **по-латыни одну букву, **по-гречески** называются достойными хвалы». Какъ извѣстно, и производство названія славяне отъ «славы» широко распространено въ «автономистской» школѣ. Другое толковнаіе, противоположнаго характера, производитъ славянъ отъ латинскаго sclavi — рабы. Оно ближе къ ихъ древней зависимости (ср. servi sarmatarum); но и оно давно оставлено. Третье производство — отъ «слово» — «говорящіе», въ противоположность «нѣмымъ» — «нѣмцамъ», появилось только въ XIV столѣтіи. Оно ближе другихъ къ формѣ «словене», какъ славяне сами себя называли; но и это толкованіе нельзя признать удовлетворительнымъ.

Богуславскимъ. Но послѣ строгой расчистки, произведенной Шафарикомъ, съ его компромиссной теоріей, и особенно послѣ Нидерле, съ его ученымъ скептицизмомъ, мы можемъ уже смѣлѣе искать путей на этой опасной почвѣ.

Первые шаги, сдѣланные Нидерле въ этомъ направленіи — со всей осторожностью и только въ предѣлахъ историческаго періода — совершенно безспорны. Не впадая въ ошибки «автономистовъ». Нидерле могъ противопоставить германской «исторической» школѣ свое утвержденіе, что славяне уже занимали мѣста до наступленія германскихъ племенъ тамъ, гдѣ германскіе «историки» признавали приходъ славянъ — позднѣйшимъ. Такъ, напримѣръ, не отрицая позднѣйшихъ, засвидѣтельствованныхъ источниками, нашествій славянъ на Балканскій полуостровъ — въ VI и VII столѣтіяхъ, Нидерле доказалъ, что славяне уже были на Дунаѣ въ I-IV вѣкахъ по Р. Х., что предполагаетъ возможность — и даже вѣроятность — ихъ прихода сюда уже до Р. Х. Изъ славянскихъ именъ, признанныхъ Нидерле безспорными, назовемъ наиболѣе несомнѣнныя: рѣки Вуку (отъ «влкъ») и Врбасъ на Дравѣ и Савѣ, Черну и Брзаву — ниже по Дунаю, за Тиссой. Эти и другія сосѣднія мѣстности съ славянскими названіями показаны уже въ дорожникѣ Пайтингера, вмѣстѣ съ названіемъ «сарматовъ-венедовъ». Правда, Нидерле предполагаетъ, что эти раннія свидѣтельства доказываютъ лишь одиночныя поселенія славянъ-піонеровъ среди чуждаго населенія, и очень нерѣшительно углубляется отсюда въ доисторическую эпоху. Но къ этому вопросу мы еще вернемся.

Дальше отъ римлянъ, на западной границѣ, гдѣ въ историческую эпоху славяне сосѣдили съ германцами, славянская топографическая номенклатура не можетъ оказать намъ такой услуги, какъ на Дунаѣ. Здѣсь бурныя передвиженія германскихъ племенъ, особенно съ III вѣка по Р. Х., сильно затерли старыя границы. Историческіе памятники называютъ по большей части германскія имена, тогда какъ древнее населеніе срединной Европы, среди котораго эти германскія племена передвигались, продолжаетъ оставаться безымяннымъ. Германскіе ученые даже предполагаютъ, что это — германское же или догерманское — населеніе было полностью сдвинуто съ мѣстъ, оставивъ запустѣвшія земли, на которыя лишь послѣ извѣстнаго промежутка двинулись славяне. Именно здѣсь споръ съ славянскими учеными принимаетъ, особенно въ послѣднее время, политическій характеръ. Все же, и здѣсь топографическая славянская номенклатура, хотя и гораздо болѣе поздняя, можетъ дать намъ полезныя указанія.

Граница славянъ съ германцами была формально опредѣлена

въ началѣ IX вѣка Карломъ Великимъ съ цѣлью положить конецъ славянскому расширенію на западъ. Гдѣ же засталъ славянъ знаменитый капитулярій 805 года, изданный въ Тіонвиллѣ и установившій эту границу — limes sorabicus? Она шла на западъ отъ Эльбы, соприкасаясь съ ней только въ двухъ пунктахъ: около Гамбурга и у Магдебурга; оттуда граница шла на западъ отъ Заалы (Эрфуртъ, Форхгеймъ, Регенсбургъ, т.-е. почти по линіи распространенія унетицкой культуры). Дальше линія поворачивала на юго-востокъ и шла по сѣверному берегу Дуная до Лорха. По установившейся германской теоріи славяне пришли сюда послѣ ухода германскихъ племенъ. Но для этого они должны были быть предварительно изгнаны отсюда германскимъ нашествіемъ, а потомъ снова вернуться. Это противорѣчитъ и быстротѣ переходовъ германцевъ по этой территоріи въ первыя столѣтія ихъ переселеній, и обычной картинѣ передвиженій доисторическаго времени, когда движется одинъ только верхній слой завоевателей; а такими именно и являются германцы по германской-же теоріи. Конечно, въ сѣверной заэльбской части limes'a, гдѣ самое названіе (Lüneburger Heide) указываетъ на бѣдную, лѣсисто- и болотисто-гористую мѣстность, гдѣ подпочвенный слой (т. наз. ортштейнъ) не пропускаетъ влаги и корней, населеніе вообще не могло быть густымъ. Заэльбскіе славяне («древане» — «венды») могли здѣсь явиться болѣе поздними колонизаторами. Но въ южной части «сорабской черты», за Заалой, положеніе должно было быть сложнѣе (см. выше: царство Само). Здѣсь отъ верховьевъ Унструта (на с. отъ Эрфурта), гдѣ еще въ X вѣкѣ сохранялся Pagus vinidon, въ самой глубинѣ Тюрингенскаго лѣса, гдѣ сходятся истоки Фульды, Верры, Заалы и притоковъ Майна, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ славянскихъ реминисценцій. Памятники X-XI в. в. по Р. Х. говорятъ о terra sclavorum, regio sclavorum. Тутъ, въ верховьяхъ Майна, мы снова встрѣчаемъ отожествленіе славянъ съ вендами — «in terra *sclavorum*, qui sedent inter Moinum et Radantiam Moin — *Vinidi* et Ratanz — *vinidi* (грамота 846 года). Документы X-XI в. в. застаютъ здѣсь славянъ язычниками, не платящими податей и поселившимися въ лѣсахъ.

Епископъ бамбергскій Арнольдъ жалуется, что se parvum inde fructum habere; totam illam terram pene silvam esse; sclavos ibi habitare» («онъ мало получаетъ доходовъ оттуда; почти вся земля покрыта лѣсомъ; живутъ тамъ славяне»). Послѣдней фразой какъ будто все сказано: чего же ждать отъ такого племени! Въ 1035 г. синодъ той-же бамбергской епископіи прямо говоритъ о «*простонародьи* этой епископіи, по большей части славянскомъ, преданномъ обычаямъ язычниковъ» (plebs hujus episcopii

utpote ex maxima parte sclavonica, ritibus gentilium dedita). Мы, такимъ образомъ, находимъ здѣсь ту же обстановук славянской колонизаціи, какъ у народа лугіевъ-лужичанъ (см. выше, стр. 224). Самая возможность сохраненія этихъ древнихъ поселеній въ безлюдныхъ лѣсахъ и напоминаетъ намъ, что именно эти мѣстности на верхнемъ Майнѣ были когда-то заселены иллирами въ ихъ доисторическомъ движеніи на западъ (стр. 221); во всякомъ случаѣ, несомнѣнна ихъ связь съ поселеніями «винидовъ» эпохи Само.

Переходя къ южной, дунайской части limes sorabicus, занятой германцами лишь в V-VIII столѣтіяхъ по Р. Х., мы снова встрѣчаемъ ту-же примитивную обстановку разселенія славянъ. Въ 740 г. закладывается монастырь на р. Liubase (тепер. Loibach въ баварскихъ Альпахъ) и по этому случаю упоминается palus magnum Wynidouva dictum. Дальше на югъ къ Тиролю, мы имѣемъ документальную справку Кентржинскаго: Althusern primitus silva fuit sed extirpata est a hominibus qui vocantur Winda... Similiter et Birchi exculta ab ipsis hominibus. Т.-е. Альтхюсернъ и Бирхи были когда-то лѣсомъ, разработаннымъ вендами.

Отсюда, вверхъ по Инну, мы попадаемъ въ горные проходы восточной Швейцаріи и Тироля, австрійскаго и итальянскаго ведущіе въ область адріатическихъ венетовъ, Не знаю, была-ли отмѣчена славянская номенклатура въ этихъ горныхъ ущельяхъ, гдѣ присутствіе иллирійцевъ было уже выше отмѣчено (стр. 220-2). Всѣ туристы знаютъ Maloja — у озера Сильсъ; но съ ней связанъ проходъ на югъ, къ Сондріо, по долинѣ «Маленко», и путь на западъ, по долинѣ «Брегалья». На в. отъ г. Хура имѣется проходъ «Стрела», а вверхъ по «ретійской» ж. д. двѣ станціи называются «Сурава». Подъ вершиной Latsch, около Бергюна, имѣется долина «Исподлятча». Въ среднемъ Энгадинѣ мѣстечко «Цернецъ» и т. д. Новыя раскопки въ швейцарско-итальянскихъ горныхъ проходахъ*) свидѣтельствуютъ о продвиженіи черезъ эти проходы гальштаттской и особенно латенской культуръ, — надо думать, въ ея иллирійскомъ, а не въ кельтскомъ варіантѣ. Что касается проходовъ черезъ Тироль, слѣдуетъ обратить вниманіе на старинное названіе Vintschgau (= vindisch, — итал. Venosta), въ верховьяхъ Эча, куда выходитъ проходъ че-

*) Castaneda, Darvela, Mesocco, Cama, Molinazzo, Tesereto, Aranno, Mendrisio, Giubiasco, Cerinasco, Carasso-Gorduno и т. д. См. Музеи Хура, Цюриха, Берна. Здѣсь имѣются и т. наз. «этрусскія» надписи венетскаго типа. Ср. объ этомъ выше, стр. 223.

резъ Решенъ (Resia) въ Венетію (трентинскую). У другого прохода, изъ Зальцбурга черезъ Тауэрнъ, сторожитъ вершина (Gross-) Venediger, составляющая pendant къ «Триглаву», откуда начинается уже словенская топографическая номенклатура. Отмѣчу также нѣмецкое названіе той «Крайны» на Савѣ, гдѣ германцы столкнулись съ словенцами: Windische Mark. Конечно. эти названія — разной степени древности, требующей дальнѣйшей провѣрки. Но ихъ накопленіе и распредѣленіе не случайно. Они помогутъ намъ, вмѣстѣ съ древнимъ названіемъ Боденскаго озера, возстановить доисторическую связь сѣверныхъ венедовъ съ адріатическими венетами (ср. стр. 221).

Всего труднѣе установить границу древняго славянскаго разселенія на востокѣ, — и это очень характерно. Мы здѣсь возвращаемся къ той территоріи, гдѣ славянская номенклатура, по общему признанію, является преобладающей и сохранилась мѣстами въ наиболѣе чистомъ видѣ. Близокъ отсюда и тотъ лужицко-силезско-познанскій центръ, въ которомъ древняя унетицкая культура наиболѣе наглядно переходитъ въ лужицкую и откуда идетъ распространеніе этихъ связанныхъ между собой культуръ на югъ, западъ и востокъ. Въ Чехіи, куда та и другая культура приходятъ извнѣ, отдѣльными волнами, они уже составляютъ два различные слоя, — два періода, почти два различныхъ населенія (Схраниль). Но, если гдѣ-нибудь можно говорить о непрерывности существованія опредѣляемой народности съ самаго времени ея выдѣленія изъ общаго индоевропейскаго цѣлаго, то это именно въ этихъ мѣстахъ. Естественно, что именно польскіе археологи настойчивѣе другихъ утверждаютъ эту непрерывность, признавая данную народность славянской, тогда какъ чешская наука, и наиболѣе развитая, и особенно компетентная въ вопросахъ скрещеній чешскаго узла, или колеблется, или прямо отрицаетъ фактъ такой непрерывности. Въ самомъ дѣлѣ, археологическія ступени, слѣдующія за лужицкой культурой на сѣверѣ Чехіи и за курганной (пра-кельтской) культурой на югѣ (т. наз. кновицкая, потомъ платеницкая, наконецъ, добриховская въ ея двухъ развѣтвленіяхъ) отнюдь не составляютъ непрерывной нити; каждая вноситъ свои самостоятельные элементы, вытѣсняющіе не только старыя формы культуры, но, по заключенію чешскихъ археологовъ, и самыя народности, являющіяся носителями исчезающихъ формъ. Такъ, дѣло идетъ до поздняго La Tène ,послѣ котораго всѣ мѣстныя особенности сглаживаются въ римской провинціальной культурѣ. Только уже на ея почвѣ появляются первые признаки несомнѣнно славянскихъ погребеній, связываемыхъ съ такъ наз. культурой городищъ. Именно этотъ недостатокъ связи между слѣдовавшими другъ за другомъ культура-

ми заставилъ Нидерле отказаться отъ первоначальнаго взгляда на лужицкую культуру, какъ на славянскую. Однако, въ своемъ новѣйшемъ трудѣ (Rukovêt') онъ признаетъ, что польскіе археологи сдѣлали новые шаги въ искомомъ направленіи и ждетъ разрѣшенія загадки отъ русскихъ археологовъ. Вернемся вмѣстѣ съ нимъ къ этой части Европы, гдѣ нѣтъ такого детальнаго изученія, но зато и самые факты развивались, повидимому, не такъ сложно, какъ въ центральномъ средне-европейскомъ узлѣ.

Естественно ожидать, что въ Польшѣ, странѣ, совершенно невѣдомой римлянамъ, переходной къ восточной Европѣ, мы встрѣтимъ иныя доисторическія сочетанія. Не случайно то, что терминъ венетовъ, связанный со славянами въ срединной Европѣ, далѣе верховьевъ Вислы не доходитъ. Возникаетъ вопросъ и о роли иллирійской культуры, которую до сихъ поръ мы считали связанной съ лужицкой. Польскій археологъ Л. Козловскій отрицаетъ эту связь, считая, что только въ галльштаттскую эпоху, т.-е. въ началѣ желѣзнаго вѣка, лужицкая культура подпала вліянію иллировъ съ восточныхъ Альпъ, а въ эпоху бронзы она развивалась независимо отъ иллирійской культуры. Я считаю эту гипотезу вѣроятной именно по отношенію къ Польшѣ; если она подтвердится, то въ ней можно будетъ видѣть новое подтвержденіе моего взгляда, что въ самой лужицкой культурѣ уже существовало раздвоеніе: подъ иллирійскимъ (и лужицкимъ) покровомъ существовалъ уже злой славянскій — или праславянскій.

Но гдѣ же специфическая славянская *культура?* Гдѣ ея остатки въ могилахъ и археологическихъ находкахъ? Не находя ихъ отдѣльно, археологи принуждены были или отрицать всякіе слѣды славянизма лужицкой культуры или, напротивъ, признавать ея славянизмъ всецѣло, не оставляя мѣста для иллирійцевъ. Развиваемый здѣсь взглядъ открываетъ возможность нѣкотораго промежуточнаго рѣшенія. Уже Костржевскій, для котораго лужицкая культура — всецѣло славянская, принужденъ былъ объяснить полное отсутствіе упоминаній о славянахъ у римскихъ писателей тѣмъ, что для нихъ «покоренная народность была безыменной массой». Мой взглядъ лишь распространяетъ это объясненіе и на прошлое. Славянскій элементъ могъ и долженъ былъ остаться безыменнымъ и для археологіи, если допустить, что славяне, въ иллирійской культурѣ занимали — сначала и надолго — мѣсто низшаго слоя. Не нова для археологовъ мысль и о томъ, что подчиненное населеніе не оставило намъ своихъ могилъ, ибо его погребенія (по обряду сожженія) были примитивнѣе сохранившихся могилъ высшаго класса. Албанецъ, этотъ единственный уцѣлѣвшій наслѣднихъ ил-

лировъ, еще въ началѣ XX вѣка *) считалъ себя выше славянскаго населенія, которое заставлялъ, подъ страхомъ своихъ разбойничьихъ наѣздовъ, платить себѣ дань. Въ мѣстностяхъ, населенныхъ славянскимъ и албанскимъ элементомъ, можно было постоянно видѣть вооруженнаго ружьемъ албанца, высокаго, стройнаго, съ начальственнымъ видомъ расхаживавшаго среди приземистыхъ фигуръ славянскихъ крестьянъ, которымъ было запрещено носить оружіе. Мѣсто «кулъ», средневѣковыхъ башенъ, съ высоты которыхъ албанскій бегъ наблюдалъ за копошащимися на его поляхъ земледѣльческими рабочими изъ «райи», занимали въ доисторическое время извѣстныя намъ песчаныя «дюны», на которыхъ селились завоеватели — среди плодородныхъ земель равнины. Этотъ бытъ сохранилъ до послѣдняго времени свой доисторическій характеръ. Когда у самихъ славянъ появились «городища», укрѣпленныя мѣста для обороны отъ непріятельскихъ (въ данномъ случаѣ германскихъ) нашествій, — то это уже явилось результатомъ и внѣшнимъ доказательствомъ эмансипаціи даннаго племени славянства. Польскіе археологи склонны относить часть городищъ уже къ эпохѣ лужицкой культуры. Вообще-же городища относятся къ гораздо болѣе позднему времени. Историческій пробѣлъ между спорной лужицкой культурой и безспорно-славянскими городищами объясняется крайней скудостью и бѣднымъ содержаніемъ находокъ какъ на этихъ городищахъ, такъ и въ безспорно-славянскихъ могилахъ, — когда они наконецъ появляются. Такъ объясняетъ этотъ пробѣлъ и Нидерле, установившій двѣ основныя черты этихъ бѣдныхъ находокъ: 1) небольшой горшокъ съ горлышкомъ, подъ которымъ въ одинъ или нѣсколько рядовъ врѣзанъ горизонтально *волнистый* орнаментъ, 2) «заушницы» — металлическія серьги, подвѣшивавшіяся къ ушамъ, сдѣланныя изъ гнутой проволоки, иногда съ загибомъ одного конца въ видѣ S (почему и называются «эсовитыми»). Притомъ же, древность даже и этихъ отличительныхъ признаковъ — незначительная: происхожденія волнистаго орнамента,какъ и заушнаго колечка ищутъ не глубже, чѣмъ въ римской провинціальной культурѣ.

Польскіе археологи рѣшаются идти дальше. Они заполняютъ этотъ — почти тысячелѣтній — пробѣлъ косвенными доказательствами непрерывности славянскаго населенія. Даже осторожный Антоніевичъ, пользующійся именно поэтому особымъ авторитетомъ у германскихъ археологовъ, все-таки признаетъ, что, начиная съ 1300-1200 г.г. до Р. Х., лужицкая культура представляетъ «какое-

*) Говорю это по личнымъ наблюденіямъ въ прежней «Старой Сербіи».

то замкнутое этническое цѣлое», отличающееся отъ сосѣдей — отъ германцевъ, подунайцевъ (кельтовъ) и отъ паннонскихъ фракійцевъ». Остаются послѣ всѣхъ этихъ исключеній, только славяне. Въ дальнѣйшемъ, при всѣхъ переворотахъ Антоніевичъ систематически отмѣчаетъ, что часть стараго населенія сохранилась въ той или другой области Польши. Отброшенное германцами съ сѣверо-запада, лужицкое населеніе сгустилось, как мы видѣли, на югѣ Польши, а потомъ хлынуло на слабо-заселенныя земли востока, обходя безплодныя земли, пущи и болота. Позднѣе началось движение того же населенія въ Подолію и на Волынь. При этомъ коренное лужицкое населеніе не только уцѣлѣло (напримѣръ въ Холмской землѣ), но и ассимилировало себѣ германскихъ завоевателей. Отступая на дюны или смѣшиваясь съ германскимъ, это населеніе дожило до римскаго періода. Вліянія иллирійцевъ и фракійцевъ (начиная съ Галльштатта) Антоніевичъ уже разсматриваетъ, какъ вліянія внѣшнія и чуждыя, такъ же какъ и позднѣйшее вліяніе кельтовъ. Все это открываетъ широкій путь для славянскаго толкованія, отъ котораго, однако, самъ Антоніевичъ воздерживается. Костржевскому остается сдѣлать слѣдующій шагъ. Онъ пользуется смѣшаннымъ могильникомъ у Голенцина (Познань), чтобы поставить въ одинъ хронологическій рядъ пять типовъ погребеній, встрѣчающихся тамъ между 500 г. и концомъ II столѣтія до Р. Х.). Этотъ рядъ долженъ доказать непрерывную эволюцію погребальнаго обряда отъ германскихъ каменныхъ гробовъ и лицевыхъ урнъ — къ полямъ урнъ и простымъ погребеніемъ въ ямѣ. Такая эволюція показываетъ, по мнѣнію Костржевскаго, что господствующая (германская) народность быстро усвоила религіозныя представленія подчиненной (славянской) народности и слилась съ нею — вплоть до усвоенія языка. Въ параллель съ наблюденіями Костржевскаго можно поставить менѣе разработанные, хотя и обстоятельно описанные русскими археологами типы погребеній въ обширныхъ могильникахъ окрестностей Житомира. Эти типы тоже складываются въ нѣкоторый хронологическій рядъ.

Переходимъ теперь, послѣ сопоставленія археологическихъ и лингвистическихъ данныхъ, къ третьему важному признаку, могущему свидѣтельствовать объ этническомъ единствѣ унетицко-лужицкой культуры и недостаточно использованному изслѣдователями. Я говорю объ объединяющей эту культуру антропологической чертѣ: о рѣзко-выраженномъ антропологическомъ типѣ, связывающемъ изучаемую территорію въ одно цѣлое. Мы видѣли, правда, что археологическій типъ самой унетицкой культуры — смѣшанный. Конечно, такимъ же смѣшаннымъ долженъ быть и антропологическій типъ населяющихъ данную территорію народностей. Но, чѣмъ даль-

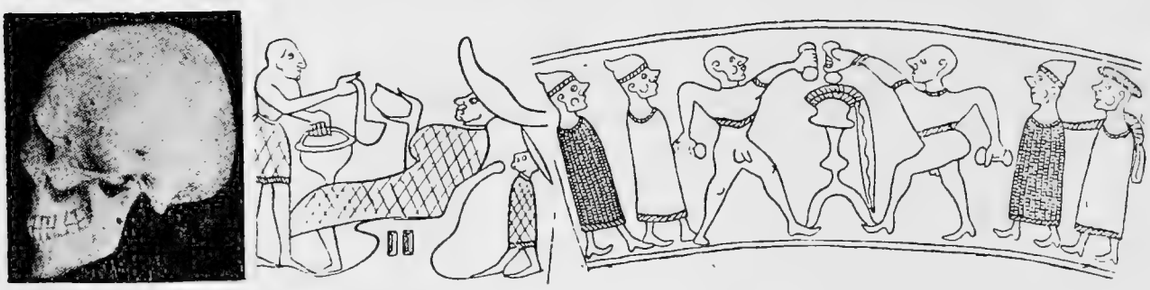
ше мы углубляемся въ прошлое, тѣмъ расовый элементъ играетъ болѣе значительную роль, и тѣмъ легче даже въ смѣшанномъ этническомъ типѣ отличить преобладающія расовыя черты. Я думаю, что для данной народности — или народностей — такими характерными чертами являются черты т. наз. *динарской расы*.

На картѣ № 24 мы видѣли районъ распространенія этой расы: нетрудно замѣтить, что, поскольку онъ не заслоненъ миграціями альпійской расы, онъ въ значительной части совпадаетъ съ райономъ распространенія унетицко-лужицкой культуры и славянскаго древнѣйшаго разселенія. Какъ увидимъ, пропорція численности динарской расы въ разныхъ частяхъ этой территоріи различная. Затѣмъ, предѣлы распространенія этой расы частью уже, частью значительно шире, чѣмъ предѣлы изучаемой территоріи, и нельзя никоимъ образомъ утверждать полнаго совпаденія динарской расы съ какимъ-нибудь отдѣльнымъ языкомъ — иллирійскимъ, славянскимъ и т. д. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, что господство обряда сожженія у иллировъ и у древнѣйшихъ славянъ лишаетъ насъ возможности на протяженіи цѣлаго тысячелѣтія установить непрерывность существованія динарскаго типа на унетицко-лужицкой территоріи. Въ трупопогребеніяхъ унетицкой культуры даже засвидѣтельствована наличность другой, длинноголовой расы, которую иногда прямо считаютъ сѣверной, но, которая, мнѣ кажется, принадлежитъ къ той, сохранившейся отъ неолитическаго населенія, расѣ, отъ которой произошла и т. наз. «сѣверная». Присутствіе этого «сѣвернаго» элемента въ позднѣйшемъ составѣ населенія всѣхъ входящихъ въ данный кругъ странъ совершенно несомнѣнно, — такъ же какъ и присутствіе короткоголовой расы альпійскаго типа. Но при всѣхъ этихъ оговоркахъ наличность и численность динарской расы вездѣ, гдѣ мы знаемъ иллирійцевъ и славянъ, не можетъ быть случайной. А ея преобладаніе именно въ этихъ мѣстахъ и слабая распространенность или отсутствіе въ странахъ, гдѣ имѣются другія этническія сочетанія, подтверждаетъ особую связь динарской расы именно съ иллирійской и древне-славянской національностями.

Типическія черты динарскаго типа указаны на стр. 167. Для нагляднаго поясненія его связи съ прошлымъ я сопоставилъ на рис. № 32 *) современные типы албанца изъ Krnja, нѣмца изъ Бадена и поляка (треугольникъ наибольшаго распространенія динарской

*) На рисункѣ № 32 сопоставлены современные динарскіе типы: 1) албанца, 2) германца, 3) поляка и 4) ископаемый динарскій черепъ съ древними динарскими типами V-VI вѣковъ до Р. Х.: 5 и 7 сцены, изображенныя на ситулѣ изъ Вагча, 6 на такой же ситулѣ изъ Куффарна.

1 2 3



4 5 6

7

№ 32. Типы динарской расы.

расы) съ ископаемымъ динарскимъ черепомъ (около Вормса) и съ особенно поучительными изображеніями венето-иллирійскихъ типовъ на т. наз. ситулахъ (бронзовыхъ ведеркахъ). Эти сосуды изготовлялись въ венетской области въ началѣ эпохи La Tène и экспортировались оттуда въ Крайну (Ватчъ) и въ нижнюю Австрію (Куффарнъ). Короткоголовіе, выдающійся носъ, срѣзанный сзади затылокъ — всѣ эти главныя черты типа отмѣчены здѣсь очень рѣзко. Важно отмѣтить, что на изображенныхъ сценахъ явствъ и развлеченій господа и домашняя прислуга (ср. oiketai: это не рабы въ позднѣйшемъ смыслѣ), оказываются принадлежащими къ одной и той-же расѣ. Это лишній разъ подчеркиваетъ связь иллирійскихъ господъ съ подчиненными славянами — venadi servi. Отмѣчу также на рисункѣ Куффарнской вазы головной уборъ развалившагося хозяина; онъ очень близко передаетъ современный уборъ тирольскихъ крестьянъ. Особенное значеніе венетскіе рисунки имѣютъ потому, что они приблизительно современны Геродоту, впервые сочетавшему имена «венетовъ — иллирійцевъ» (см. выше, стр. 220). Ситулы и показанія Геродота относятся одинаково къ V столѣтію до Р. Х.

Наиболѣе чисто динарскій типъ представленъ, конечно, въ населеніи динарской горной системы, отъ которой и получилъ свое названіе: Далматскій берегъ и горы, Боснія, Герцеговина и Черногорія. Господствуетъ онъ и среди албанцевъ (Pexe). Достаточно пересмотрѣть, затѣмъ, фотографическіе снимки въ двухъ основныхъ сочиненіяхъ Гюнтера, чтобы удостовѣриться въ распространеніи динарцевъ въ Тиролѣ, верхней и нижней Австріи, австрійскихъ Альпахъ, Форальбергѣ, а также въ верхней Баваріи, Вюртембергѣ и Баденѣ, въ Швейцаріи, сѣверной Италіи, Польшѣ и даже Украинѣ. Мои личныя наблюденія на улицахъ Берна, Хура, Вѣны и Праги (Pittard прибавляетъ къ этому Тріестъ и Венецію) оставили впечатлѣніе объ особой численности динарскаго типа въ этихъ мѣстахъ. Антропологія еще не можетъ дать точной статистики соотношенія динарскаго типа съ другими въ каждой данной мѣстности. Но, напримѣръ, относительно словинцевъ, ближайшихъ къ адріатическимъ венетамъ славянъ, др. Шкерль изъ Люблянъ устанавливаетъ (изъ 189 измѣреній м. п.) слѣд. цифры: динарцевъ и близкихъ къ нимъ 19,45%, а если прибавить къ нимъ динарскую разновидность по р. Савѣ («савидную») и другую разновидность бѣлокурыхъ динарцевъ («норидную» — отъ Noricum), то динарскій элементъ словинцевъ поднимется до 44,79%. Если же отбросить 20% неопредѣленныхъ типовъ, то по отношенію къ остальнымъ динарцы составятъ даже 57,2%, т.-е. больше половины. Тотъ же антропологъ утверждаетъ, что среди горныхъ и прибрежныхъ

хорватовъ «динарская раса есть несомнѣнно одна изъ важнѣйшихъ составныхъ частей». Изъ новѣйшихъ данныхъ Лебцельтера и Малеша среди сербовъ «ясно видно сильное вліяніе динарской расы». Длинноголовыя расы, — сѣверная и средиземная составляютъ у словенцевъ около 8,1%, и въ 10,8% представленъ типъ «балтидный» (см. ниже). Швейцарскій антропологъ Питтаръ признаетъ связь венетскихъ горныхъ динарцевъ съ динарскими черепами кладбищныхъ череповъ кантона Граубюндена.

Что касается Австріи, др. Лебцельтеръ признаетъ «главными составными частями теперешняго населенія двѣ длинноголовыя расы, темную средиземную и свѣтлую сѣверную — и двѣ короткоголовыя «свѣтлую нордную и темную динарскую». «Загадку» динарской расы, «отразившейся около 1000 до Р. Х. сильнымъ приливомъ высокихъ череповъ въ Австріи, какъ и въ Баваріи и Югославіи», Лебцельтеръ разрѣшаетъ при помощи слѣдующаго любопытнаго наблюденія: динарцы селились въ Альпахъ, Карпатахъ, Балканахъ — территоріяхъ мелкаго пастушечьяго скотоводства; выйдя позднѣе изъ этихъ «горныхъ пустынь», они смѣшались съ остальнымъ населеніемъ, и ихъ значеніе усилилось». Гипотеза Лебцельтера близко подходитъ къ моему толкованію: напомню тѣ горныя пустыни и лѣсныя болота, гдѣ сохранились остатки вендовъ. Дальше на востокъ, въ Венгріи, сѣверная и средиземная расы, по наблюденіямъ др. Бартуца изъ Будапешта, играютъ еще менѣе значительную роль: 4-5% первая и не больше 1% вторая. Отстаетъ здѣсь и альпійская раса, насчитывающая не больше 15%. За то растетъ и составляетъ 30% (35%) «восточно-балтійская» раса, составляющая «одну изъ существенныхъ составныхъ частей современнаго мадьярства». Но главное значеніе Бартуцъ приписываетъ здѣсь расѣ, родственной балтійской, которую онъ называетъ homo pannonicus или «кавказско-монгольской» — около 25%. И при всей этой пестротѣ, все-же динарская раса даетъ себѣ знать и въ Венгріи. «Къ югу и юго-востоку Венгріи ростъ населенія становится выше, лица длиннѣе, носъ больше и крѣпче, глаза и волосы темнѣе. Это, безъ сомнѣнія, заставляетъ заключать, о постепенномъ проникновеніи (по моему, о возростающей степени сохранности. *П. М.)* динарской расы. Ея численность можетъ въ среднемъ составлять 20% всего населенія». Наконецъ, въ Чехіи, при 33% альпійской расы (а съ примыкающими къ ней — больше половины), динарцы занимаютъ, вмѣстѣ съ балтійцами, оба слѣдующія мѣста: каждая изъ этихъ расъ по 20%, по разсчетамъ Матегки. Сѣверная раса играетъ здѣсь незначительную роль (5%), но къ ней примыкаетъ образовавшаяся изъ смѣси съ нею субнордическая раса (15%). Средиземная и другія расы составляютъ

около 0,5-1%. Въ Румыніи динарская раса занимаетъ первое мѣсто среди славянскихъ поселеній Мармароша и Буковины, на теперешней сѣверной границѣ, по сосѣдству съ Чехословакіей и Польшей, въ Карпатахъ, почему Лебцельтеръ и называетъ ее здѣсь карпатской расой. О роли Карпатовъ въ разселеніи славянъ мы уже говорили (стр. 224).

Въ предѣлахъ Швейцаріи уже антропологъ Питтаръ обратилъ вниманіе на динарскіе черепа въ кладбищенскихъ складахъ (оссуаріяхъ) кантона Граубюнденъ. Коллеги Питтара нашли здѣсь и въ горныхъ проходахъ иллирійскую народность, связанную, по нашему мнѣнію, съ славянами. «Загадки», связанныя съ появленіемъ динарцевъ въ томъ или другомъ мѣстѣ Европы, легко разрѣшаются излагаемымъ здѣсь построеніемъ. Сюда относятся и наблюденія Гюнтера надъ «преобладаніемъ» динарской расы «почти на всей территоріи баварскаго нарѣчія, особенно на югъ отъ Дуная», — ея усиленіемъ въ юго-восточномъ направленіи — къ словенской языковой границѣ, а также надъ проникновеніемъ «болѣе сильныхъ динарскихъ вліяній (Einschläge) въ Альпахъ на западъ, внутрь Швейцаріи, и «болѣе слабыхъ еще дальше и на сѣверъ, черезъ Баварію и Вюртембергъ, до самого Майна», а въ другомъ направленіи — по Вислѣ, у мазуровъ и въ Восточной Пруссіи. Всѣ эти указанія точно соотвѣтствуютъ сдѣланнымъ выше наблюденіямъ надъ распространеніемъ славянъ на теперешней германской территоріи.

Мы оставили въ сторонѣ въ этомъ антропологическомъ перечнѣ — Польшу. Территорія современной Польши является переходной отъ запада къ востоку Европы, — и въ этомъ состоитъ какъ главный интересъ, такъ и главная трудность изученія антропологическихъ процессовъ, происходившихъ на этой территоріи. Съ точки зрѣнія археологической, картина представляется довольно ясной: мы уже видѣли, что здѣсь продолжаются тѣ-же процессы, которые мы наблюдали на сосѣднихъ западныхъ территоріяхъ (стр. 211-14). Карты проф. Козловскаго съ полной очевидностью устанавливаютъ тотъ фактъ, что населеніе двигалось въ сравнительно скудныя отъ природы и безлюдные мѣстности Польши съ сосѣдняго запада. По наблюденіямъ того же археолога, унетицкая культура проникаетъ на Вислу съ Одера очень слабо — уже въ періодъ своего полнаго расцвѣта — и застаетъ Великую Польшу покинутой прежнимъ неолитическимъ населеніемъ. Обезлюденіе Польши и перерывъ въ составѣ ея населенія, Козловскій связываетъ съ ухудшеніемъ климата въ суббореальную эпоху. Связующей нитью служатъ здѣсь только поселенія на дюнахъ эпипалеолита и микролита. Особенно за-

пустѣла юго-восточная Польша. Отъ трехъ наблюдавшихся тамъ культуръ, — крашеной керамики, шнуровой керамики съ скорченными скелетами и мегалитическихъ каменныхъ ящиковъ — не осталось, по наблюденію Козловскаго, почти и слѣда, — за исключеніемъ слабыхъ пережитковъ шнуровой культуры въ населеніи Прибалтики. Непрерывное культурное развитіе идетъ только въ Силезіи. Только тамъ и можно прослѣдить постепенные переходы унетицкой культуры въ предунетицкую, съ одной стороны, и въ лужицкую, съ другой. Отсюда въ концѣ второго періода бронзы (1700-1400) и въ третьемъ періодѣ (1400-1200) уже сложившееся этнически лужицкое населеніе двигается изъ западной части Польши на востокъ и на юго-востокъ. Правда, тутъ оно встрѣчаетъ уже въ предлужицкій періодъ мѣстное (дюнное) населеніе, достаточно сильное, чтобы наложить свою печать на мѣстную культуру. Коссинна считаетъ эту культуру, направившуюся въ Поморье, иллирійской. Какъ бы то ни было, главный потокъ лужицкихъ переселенцевъ направляется къ Вислѣ только тогда, когда (конецъ суббореальнаго періода) климатъ вновь значительно улучшается, становясь суше и теплѣе теперешняго. Это пришлое населеніе уже остается на своихъ мѣстахъ, по Козловскому, вплоть до того времени, когда новое ухудшеніе климата въ періодѣ субатлантическомъ, приводитъ въ движеніе германскія племена (сѣверной расы), спасающіеся отъ сырости и зимняго холода. А это прочно осѣвшее населеніе эпохи поздней бронзы Козловскій, какъ и другіе польскіе археологи, считаетъ славянскимъ.

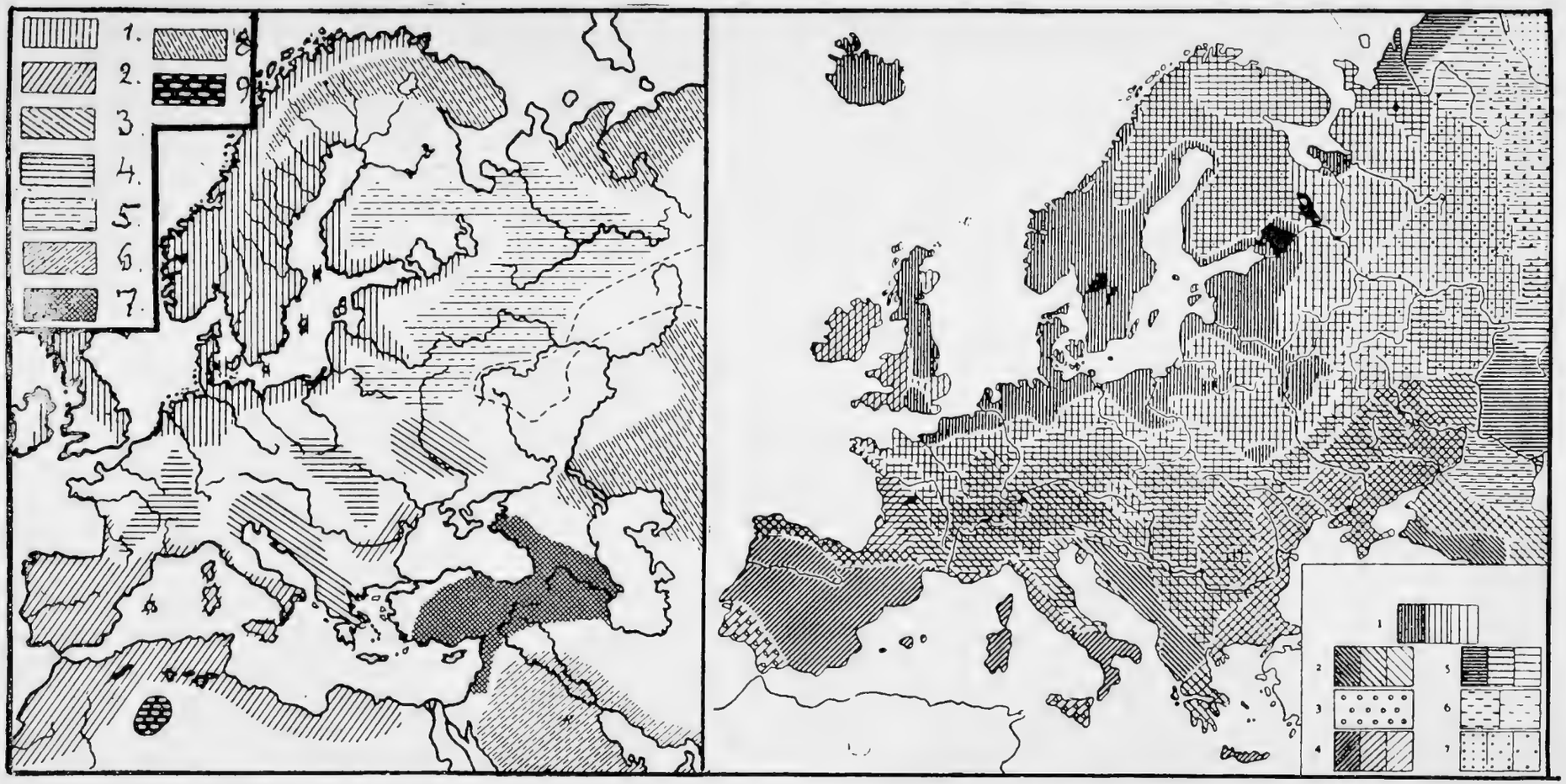
До сихъ поръ мы не встрѣчаемъ тутъ противорѣчія съ нашимъ предыдущимъ изложеніемъ. Но вопросъ осложняется, когда мы пытаемся связать археологическіе процессы съ антропологическими и этническими. Мы упомянули, что при переходѣ къ Польшѣ мы уже не встрѣчаемъ прежнихъ упоминаній о «вендахъ» и что иллирійцы являются здѣсь лишь чуждыми налетчиками. Несомнѣнно, надо считаться съ тѣмъ, что здѣсь мы переходимъ въ область иного характера и что славянская народность развивается здѣсь на иномъ антропологическомъ субстратѣ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Нужно считать общепризнаннымъ, что антропологическій составъ славянства — такъ же какъ и другихъ народностей, германцевъ, французовъ и т. д. — разнороденъ. Но каковъ же именно былъ доисторическій антропологическій составъ польскаго славянства? Здѣсь мы, прежде всего, наталкиваемся на ученія польскихъ антропологовъ, оперирующихъ надъ рядомъ антропологическихъ группъ, до сихъ поръ нами не затронутыхъ, и на иные методы изученія. Необходимо остановиться внимательнѣе на этой новой антропологической комбинаціи.

На прилагаемыхъ картахъ №№ 33 и 34 *) я сопоставилъ взгляды Гюнтера и польскаго антрополога Чекановскаго на распредѣленіе расъ въ Европѣ. Кромѣ извѣстныхъ намъ двухъ длинноголовыхъ (сѣверная и средиземноморская) и двухъ короткоголовыхъ (динарская и альпійская) расъ карта Гюнтера содержитъ еще пять другихъ (№№ 5-9). Изъ нихъ насъ интересуютъ сейчасъ двѣ: «восточно-балтійская» (№ 5) и «передне-азіатская» (№ 7). Гюнтеръ осторожно переноситъ на карту лишь тѣ мѣста, гдѣ данная народность представляетъ безспорное большинство. Гораздо болѣе широкія цѣли преслѣдуетъ карта Чекановскаго. Этотъ ученый въ рядѣ своихъ послѣднихъ работъ развиваетъ теоріи, долженствующія, по его мнѣнію, превратить антропологію въ «точную науку». Онъ исходитъ изъ положенія («Czlowiek»), что всѣ различія между человѣческими антропологическими группами происходятъ исключительно отъ скрещиванія четырехъ основныхъ расъ.

---

*) На картѣ Гюнтера (№ 33), изображающей распредѣленіе расъ въ Европѣ и въ частяхъ Азіи и Африки, цифры, соотвѣтствующія разнымъ штриховкамъ, означаютъ слѣдующія расы: 1. Сѣверная, 2. Средиземная (Westisch), 3. Динарская, 4. Альпійская (Ostisch), 5. Восточно-Балтійская (Ostbaltisch), 6. Восточная (Orientalisch), 7. Переднеазіатская (Vorderasiatisch), 8. Внутриазіатская (Innerasiatisch), 9. Эфіопская. Черточки выдѣляютъ территорію «недостаточно выясненной, такъ наз. «рязанской» расы, наблюденной Чепурковскимъ (Чекановскій считаетъ ее «литоральной» или «средиземноморской»).

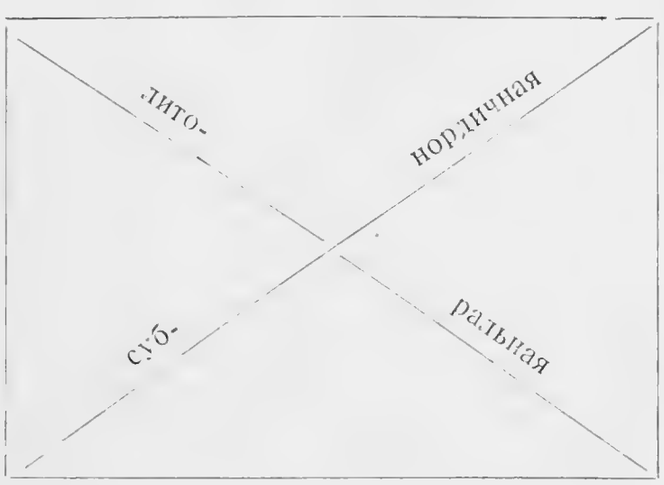
На картѣ (№ 34) цифры означаютъ слѣдующія «расы» (R.) и «типы» (T.): 1. Сѣверная раса (R.), 2. Арменоидальная (R.), 3. Оріентальная (T.), 4. Средиземноморская (R.), 5. Лаппоидальная (R.), 6. Пацифичная (T.), 7. Палеазіатская (T.). Другіе типы смѣшеній между смѣшанными расами здѣсь не указаны. При каждой штриховкѣ на этой картѣ густые штрихи означаютъ абсолютное большинство данной расы, менѣе густые — относительное большинство или два главныхъ равносильныхъ элемента; рѣдкіе штрихи — значительное меньшинство. По указанію Гюнтера, термины Чекановскаго сближаются съ терминами Гюнтера такимъ образомъ: «Subnordisch» соотвѣтствуетъ смѣси nordisch-ostbaltisch; Mediterran — приблизительно westisch, «Alpin» и «Lapponoid» — приблизительно преобладанію «Ostisch; «praeslavisch» — приблизительно смѣси ostbaltisch-sudetisch. Самъ Чекановскій считаетъ терминъ homo balticus соотвѣтствующимъ своимъ типамъ сѣверо-западному (phälisch по Гюнтеру), субнордичному и дославянскому. «Элементъ арменоидальный и его типъ альпійскій», по его-же указанію, соотвѣтствуютъ homo caucasicus. «Элементъ иберійско-инсулярный — homo mediterraneus».



№ 33-34. Распредѣленіе расъ въ Европѣ: по Гюнтеру: 1) сѣверная, 2) средиземная, 3) динарская, 4) альпійская, 5 восточно-балтійская, 6) восточная, 7) переднеазіатская, 8) внутриазіатская, 9) эфіопская; по Чекановскому: 1) сѣверная, арменоидная, 3) оріентальная, 4) средиземноморская, 5) лаппоидная, 6) пацифичная, 7) палеазіатская.

Двѣ основныя длинноголовыя расы намъ извѣстны: сѣверная и средиземноморская (послѣдней Чекановскій приписываетъ гораздо болѣе широкій кругъ вліянія, чѣмъ принято). Но для двухъ коротконоголовыхъ, альпійской и динарской, несомнѣнно смѣшанныхъ (Чекановскій называетъ смѣшанныя группы не «расами», а «типами»), онъ ищетъ первоначальныхъ чистыхъ источниковъ — и находитъ ихъ въ двухъ гипотетическихъ основныхъ расахъ: лапоноидной и арменоидной. Связь динарской расы съ арменоидной («кавказской») довольно общепризнана: достаточно сравнить съ нашими динарскими типами голову Сталина. Относительно роли лапландской расы въ образованіи альпійской расы и другихъ, положеніе менѣе ясно, и самъ Чекановскій постоянно видоизмѣняетъ тутъ свои взгляды. Причина этого — въ постепенно открываемыхъ имъ, все болѣе точныхъ (по его мнѣнію) методическихъ пріемахъ. Въ своемъ анализѣ Чекановскій исходитъ не изъ обычныхъ готовыхъ группъ антропологическихъ признаковъ каждой отдѣльной расы, а изъ выдѣленія каждаго отдѣльнаго признака, который онъ соединяетъ съ каждымъ другимъ, какъ видно изъ слѣдующей схемы:

Сѣверо-западная



Альпійская

Отдѣльныя линіи карты № 34 — вертикальныя, горизонтальныя и косыя и изображаютъ сочетаніе признаковъ, свойственныхъ четыремъ основнымъ «расамъ» (1, 2, 4 и 5) между собою и съ другими «типами». Эти перекрещивающіяся линіи основныхъ расъ вполнѣ соотвѣтствуютъ теоріи «скрещиваній». Результаты скрещиваній Чекановскій опредѣляетъ по закону наслѣдственности Менделя. Отсюда и сложность рисуемой имъ картины, долженствующей

изображать сложеніе признаковъ того или другого смѣшаннаго «типа». *)

На картѣ № 34 картина этихъ скрещеній къ настоящему времени представлена, впрочемъ, въ очень упрощенномъ видѣ. Три четверти польской территоріи, по словамъ Чекановскаго, заселены двумя элементами: сѣвернымъ и лаппоиднымъ, въ разныхъ по мѣстамъ пропорціяхъ смѣшенія. На густо заштрихованной части территоріи, безусловное большинство принадлежитъ сѣверной расѣ, что почти совершенно совпадаетъ съ размѣщеніемъ сѣверной расы на картахъ Гюнтера и Эйкштедта (стр. 167). Но тамъ она приравнивается германскому этническому элементу (что соотвѣтствуетъ и картинѣ постепеннаго проникновенія германцевъ вглубь польскихъ земель, по свидѣтельству археологіи (стр. 213-14). Чекановскій, который считаетъ первобытныхъ славянъ длинноголовыми сѣвернаго-же типа, долженъ бы былъ помѣстить сюда и своихъ славянъ. Германцы по его мнѣнію, даже менѣе длинноголовы. Но онъ признаетъ и вліяніе германскаго антропологическаго типа на славянское населеніе. Итакъ, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ германизаціей славянства или съ славянизаціей германства? По археологіи, и то и другое возможно. Но съ другой стороны, Чекановскій признаетъ и то, что элементъ славянскій представленъ въ Польшѣ постепенной (догерманской) колонизаціей лужицкаго населенія въ эпоху бронзы: онъ печатаетъ подробныя карты этой доисторической колонизаціи, составленныя Козловскимъ, и присоединяется къ его выводамъ. А какъ-же обстоитъ дѣло съ антропологическимъ типомъ лужичанъ? Являются-ли они тоже длинноголовыми германскаго типа? Уже на Веймарскомъ конгрессѣ 1912 г. Чекановскій долженъ былъ признать короткоголовость славянъ — и объяснилъ ее поглощеніемъ первоначально длинноголоваго славянскаго типа мѣстнымъ короткоголовымъ, туземнымъ. Позднѣе онъ замѣнилъ это толкованіе другой теоріей, по которой длинноголовые не замѣнялись постепенно, а періодически чередовались съ короткоголовыми въ

*) Здѣсь, конечно, невозможно, описать съ желаемой точностью методы, употребляемые Чекановскимъ. Оцѣнка его достиженій другими антропологами весьма колеблется — отъ заявленія Рехе, что это «трата времени на игру цифрами »(eine zeitraubende Zahlenspielerei) до осторожнаго признанія чешскаго ветерана археологіи Матегки: «новая попытка Чекановскаго — **если она подтвердится** — знаменовала-бы значительное упрощеніе всей проблемы (классификаціи)». Въ ожиданіи компетентнаго «подтвержденія» неспеціалисту остается слѣдовать за Чекановскимъ лишь тамъ, гдѣ выводы его сложныхъ математическихъ вычисленій подтверждаются выводами прежнихъ антропологовъ.

разныя доисторическія эпохи, путемъ попеременнаго отбора того или другого признака въ смѣшанномъ типѣ (по менделевскому закону наслѣдственности). Появленіе короткоголовыхъ расъ альпійской и динарской, — въ эпоху бронзы, — какъ разъ совпадало съ періодомъ очереднаго господства короткоголоваго типа. Но тогда надо было бы и связать появленіе славянства въ Польшѣ съ появленіемъ одной изъ этихъ короткоголовыхъ расъ.

Тутъ мы и переходимъ къ короткоголовымъ элементамъ антропологической карты Польши. Они обозначены на картѣ № 34 перекрещиваніемъ вертикальныхъ линій (ослабленный сѣверный типъ) съ горизонтальными (лапоноидный, вновь выдѣленный изъ альпійскаго, въ результатѣ новаго примѣненія методовъ автора 1934 г., и соотвѣтствующій гюнтеровскому ostisch). Для простоты здѣсь опущены еще три переходные типа: субнордичный, сублапоноидный (смѣсь нордичнаго съ лапоноиднымъ), замѣнившій прежній терминъ «дославянскій» и — отдѣльно — динарскій — продуктъ смѣшенія арменоиднаго съ сѣвернымъ (что соотвѣтствуетъ обычному объясненію) или съ лапоноиднымъ (что является нововведеніемъ Чекановскаго). Вся эта мѣшенина вращается около одного антропологическаго типа, называемаго Гюнтеромъ «восточно-балтійскимъ» (№ 5 карты 33): приземистый, — какъ говорится, неладно скроенный, но крѣпко сшитый, — съ широкимъ, скуластымъ лицомъ, глубоко сидящими глазами, смотрящими какъ-бы исподлобья, съ широкимъ и короткимъ носомъ, съ жесткими волосами, то свѣтлаго, то темноватаго цвѣта. Наименѣе культурный варіантъ этого типа, «сублапоноидный», у котораго ростъ ниже, носъ особенно широкъ, переносица особенно углублена, скулы особенно выдаются, Чекановскій считаетъ древнѣйшимъ типомъ, уцѣлѣвшимъ отъ неолита; прежде онъ называлъ его «дославянскимъ». Этотъ элементъ, сохранившійся повсюду въ захолустьяхъ, составляетъ, повидимому, дѣйствительно, субстратъ польскаго населенія.

Какой-же или какіе антропологическіе группы приносли сюда славянскій языкъ? Необходимо тутъ прежде всего припомнить, что польская территорія, по признанію польскихъ-же археологовъ, была переходнымъ этапомъ при продвиженіи славянскаго населенія съ запада на востокъ. *) Наслоясь на разные субстраты, оно могло славянизировать и длинноголовыхъ сѣвера («не обязательно гер-

*) У Чекановскаго эти массовыя переселенія принимаютъ характеръ движеній взадъ и впередъ — попеременно съ сѣверо-запада на юго-востокъ и съ юго-востока на сѣверо-западъ. Чекановскій заимствуетъ здѣсь у Козловскаго и его мнѣніе о вліяніи измѣненій климата на переселенія.

манскаго типа»), и короткоголовыхъ центра и юга. Возможно, конечно, что оно уже пришло сюда смѣшаннымъ. Но едва-ли можно настаивать на томъ, что руководящими элементами смѣси были сѣверный типъ съ альпійскимъ. Это значило бы возвращаться къ такъ называемой «кельто-славянской» теоріи, которая раздѣлялась, правда, прежде большинствомъ французскихъ антропологовъ, но теперь считается совершенно устарѣвшей. Остается вернуться, прежде всего, къ мнѣніямъ тѣхъ польскихъ антропологовъ, которые, какъ Познанскій, Рутковскій, Талько-Гринцевичъ, считали славянскій типъ съ самаго начала смѣшаннымъ, — отчасти длинноголовымъ, отчасти короткоголовымъ, — или же исправить кельто-славянскую теорію, какъ сдѣлалъ Олехновичъ въ работѣ 1902 года относительно польской шляхты, замѣнивъ альпійскій элементъ смѣси — динарскимъ. Это еще ближе подошло бы къ моимъ предположеніямъ. Динарскій элементъ занимаетъ, главнымъ образомъ, восточную Галицію, т.-е. территорію древнѣйшаго славянскаго населенія, какое мы нашли на обоихъ склонахъ Карпатовъ: онъ примыкаетъ непосредственно къ динарцамъ Карпатской Руси, верхней Венгріи, Буковины и Украины.

Какъ видимъ, несмотря на проблематичность методовъ Чекановскаго и перетонченность выводовъ изъ его теоріи «расщепленія» и «скрещенія» отдѣльныхъ антропологическихъ признаковъ,, его данныя, въ общемъ, довольно близко примыкаютъ къ полученной нами выше картинѣ славянскаго выдѣленія и разселенія на западъ и на югъ отъ Польши. Мало того, нѣкоторыя изъ предпосылокъ Чекановскаго идутъ навстрѣчу моему собственному толкованію фактовъ. Такъ, въ спорномъ вопросѣ о славянской «прародинѣ» Чекановскій правильно ищетъ разрѣшенія *западнѣе* русскихъ предѣловъ (на Вислѣ). Продвинувшись еще немного на западъ, въ Силезію и Лужицы, онъ, по моему мнѣнію, нашелъ-бы правильное рѣшеніе. *) Далѣе, признавши славянизмъ лужичанъ (хотя и болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ слѣдуетъ), какъ «простѣйшую и правдоподобнѣйшую гипотезу», Чекановскій дѣлаетъ основательный выводъ, что въ такомъ случаѣ лингвистическая группа балтійская, наиболѣе родственная славянамъ въ ряду индоевропейскихъ языковъ, должна была отдѣлиться раньше выдѣленія лужицкой культуры, съ которой у нея нѣтъ ничего общаго. Вѣрно и то, что въ

*) Соотвѣтственно этому должна быть исправлена главная ошибка карты Іогансена (стр. 196), помѣщающей славянъ на Днѣпрѣ; ихъ надо отодвинуть на унетицко-лужицкую территорію, откуда передвинуть вплотную къ Рейну кельтовъ; иллирійцы и италики должны помѣняться мѣстами (ср. карту на стр. 256).

такомъ случаѣ, дифференціація славяно-балтійской группы должна была быть «совершившимся фактомъ» къ тому времени, когда славяне вошли въ контактъ съ иранцами: у балтійцевъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого контакта, тогда какъ они имѣются въ славянскихъ языкахъ. Прибавлю только, что подъ иранцами здѣсь не слѣдовало-бы разумѣть скифовъ; контактъ славянъ съ иранцами долженъ быть отнесенъ тоже къ болѣе раннему времени, чѣмъ появленіе скифовъ на югѣ Россіи (ср. стр. 217 и ниже, стр. 250).

Наконецъ, я обращу вниманіе еще на одинъ важный выводъ изъ разсмотрѣнія *подробной* антропологической карты Чекановскаго, — выводъ, который намъ очень понадобится въ дальнѣйшемъ. Какъ видно изъ этой карты, помѣщенной въ его «Zarys», движеніе на востокъ черезъ польскую территорію шло (въ разное время) тремя главными потоками, раздѣленными географически: на сѣверо-востокъ, на востокъ и на юго-востокъ. Въ направленіи сѣверо-востока Польша связана непосредственно съ землями балтійской культуры единствомъ антропологическаго субстрата, восходящаго къ давней, вѣроятно, эпипалеотической эпохѣ: это «восточные балтійцы» Гюнтера или субнордичный и дославянскій типы Чекановскаго. Тутъ даже трудно объяснять это единство передвиженіемъ. Прямо на востокъ — по направленію вверхъ по Зап. Бугу, потомъ внизъ по притокамъ Припети, и наконецъ, вверхъ къ верхнему Днѣпру — мы имѣемъ несомнѣнные и яркіе слѣды продвиженія длинноголовыхъ, и въ этомъ нельзя не видѣть славянской миграціи. Это признаетъ и Чекановскій, но онъ относитъ эту миграцію, по моему мнѣнію, опять къ слишкомъ позднему времени. Наконецъ ,въ третьемъ направленіи, на юго-востокъ, мы имѣемъ отдѣльный потокъ миграціи (стр. 196), внизъ по Днѣстру и южному Бугу — въ степи и къ нижнему Днѣпру. Антропологической основой этого послѣдняго передвиженія является уже не длинноголовый, а (славянскій) динарскій типъ, что, опять-таки, Чекановскій вполнѣ признаетъ, но снова относитъ это продвиженіе къ черезчуръ позднему времени. Мы имѣемъ, слѣдовательно, два потока продвиженія славянъ черезъ Польшу на русскую территорію. Впослѣдствіи мы увидимъ, что оба потока отличаются не только антропологически, но и этнографически, давая начало двумъ разновидностямъ восточнаго славянства. Не исключена возможность, что дифференціація разновидностей *могла* сопровождать различіе ихъ антропологическаго типа и, слѣдовательно, начаться уже на территоріи ихъ раздѣленія. Ограничимся пока этими замѣчаніями, дальнѣйшіе выводы изъ которыхъ мы сдѣлаемъ въ слѣдующей главѣ «Очерковъ».

Въ нашихъ послѣднихъ наблюденіяхъ мы уже стоимъ на ру-

бежѣ доисторическаго и историческаго періодовъ. Но мы не можемъ покинуть области преисторіи, не вернувшись теперь къ тому, что мы уже знаемъ изъ преисторіи Россіи, не приведя сказаннаго тамъ въ связь съ нашими новыми, среднеевропейскими данными и не пополнивъ нашего доисторическаго очерка вопросомъ о связи восточно-русской и южно-русской территоріи съ Азіей — вопросъ, который мы намѣренно отложили до конца этой главы.

Въ вопросѣ о связи доисторическихъ явленій Россіи и средней Европы насъ опять встрѣчаетъ основная проблема распространенія индоевропейской семьи языковъ и народовъ. Я уже упомянулъ (стр. 194) о новѣйшихъ попыткахъ искать центра этого распространенія въ Азіи или въ южно-русскихъ «степяхъ». Послѣ всего сказаннаго выше должна быть особенно ясна невозможность оторвать эти поиски отъ тысячелѣтій вѣковаго процесса въ лессовой и прилессовой полосѣ Европы и направить ихъ или въ пустоту несложившихся еще степей или въ среду другого, болѣе древняго и тоже органическаго процесса развитія и смѣны древнѣйшихъ культуръ средиземнаго и переднеазіатскаго востока. Мы знаемъ, что вліянія изъ этой послѣдней, болѣе культурной среды, приходили въ центральную и восточную Европу. Но это были именно вліянія культурныя, распространявшіяся по торговымъ путямъ. Чайльдъ наглядно прослѣдилъ ихъ изъ Малой Азіи и Трои въ область Дуная и моремъ — отъ Адріатики до Балтики, по тому самому «янтарному пути», на всемъ пространствѣ котораго мы находили — въ венетской области, у Костанцскаго озера, на Дунаѣ, въ Моравіи, на Вислѣ, у сказочнаго Эридана — нашихъ славянскихъ венетовъ. Бошъ Гимпера, каталонскій изслѣдователь, нашелъ пути средиземныхъ вліяній въ Португаліи — центрѣ распространенія по океанскимъ и морскимъ берегамъ мегалитическихъ построекъ, и въ Испаніи — родинѣ колокольчиковыхъ бокаловъ и исходной точкѣ «проспекторскихъ» военно-торговыхъ экспедицій (ср. стр. 183, 191, 205, 206-207, 208, 223). Всѣ эти возбудители культуры, несомнѣнно, оказали свое дѣйствіе на среднюю Европу — и дѣйствіе весьма важное, содѣйствуя соціальному разслоенію и образованію изъ мелкихъ мѣстныхъ группъ — большихъ объединеній экономическаго, а потомъ и политическаго, и этническаго характера. Но самый *процессъ этихъ образованій* — процессъ, который мы назвали органическимъ — *происходилъ тутъ*, на мѣстѣ, и *плодомъ именно этого процесса явилось созданіе* — именно въ этомъ среднеевропейскомъ центрѣ — *и распространеніе* именно изъ него *семьи индоевропейскихъ языковъ и народовъ*.

Что можетъ противопоставить этому компромиссная между Европой и Азіей теорія «южно-русскихъ степей», какъ индоевро-

нейской прародины? Мы имѣемъ на эту тему самую послѣднюю сводную работу Жоржа Пуассона (Les Ariens, 1934); здѣсь использованъ весь матеріалъ новѣйшихъ раскопокъ и спеціальной литературы по этому поводу. Каковы-же выводы Пуассона? На его картѣ «прото-арійскій районъ» занимаетъ самую южную часть русскаго чернозема, — даже не луговую, а ковыльную степь (см. стр. 58), откуда тянутся двѣ стрѣлы къ «протоарійцамъ Азіи» и къ «протокельтамъ». Этому соотвѣтствуетъ, въ главѣ о положеніи Европы около 2500 г., ссылка на извѣстные намъ «курганы», т.-е. охровыя могилы, какъ на районъ протоарійцевъ, и авторъ присоединяется къ тѣмъ, кто ведетъ происхожденіе шнуровой культуры и топоровъ извѣстной формы изъ «русско-азіатскихъ степей» и изъ Месопотаміи. Новостью здѣсь является только ссылка на будто-бы до-шнуровую керамику сосудовъ, найденныхъ въ неолитической стоянкѣ въ Усатовѣ (около Одессы), съ неудачнымъ комментаріемъ Розенберга, и гаданія объ антропологіи степнаго населенія (несомнѣнно, длинноголоваго), къ которому Пуассонъ привлекаетъ съ одной стороны палеолитическіе типы Предмостья, съ другой даже гипотетическую миграцію нашихъ эскимоидовъ въ южную степь изъ отдаленной Сибири. Привлеченіе «кочевниковъ русскихъ степей» къ разрушенію трипольской культуры отнюдь не увеличиваетъ силы доказательства. Совсѣмъ фантастическими являются дальнѣйшія гипотезы о переселеніяхъ этихъ «эмигрантовъ изъ степей» на сѣверъ, гдѣ будто-бы они основали Фатьяновскую культуру, и на сѣверо-западъ, вплоть до Тюрингіи, куда они принесли, по этой теоріи, шнуровую культуру. Матеріалы для опроверженія всѣхъ этихъ притянутыхъ за волосы толкованій читатель найдетъ въ моемъ предыдущемъ изложеніи (стр. 173-187).

Любопытнѣе всего, что, размѣстивъ, при помощи искусственныхъ переселеній изъ «степей» ,своихъ «протоарійцевъ» по мѣстамъ въ Европѣ, гдѣ мы ихъ знаемъ, и напомнивъ при этомъ неоднократно объ ихъ мнимыхъ миграціяхъ, Пуассонъ въ дальнѣйшемъ, начиная съ эпохи бронзы, уже присоединяется къ общепризнаннымъ передвиженіямъ разныхъ отраслей индоевропейской семьи обратно — *изъ Европы,* что совпадаетъ съ обычнымъ толкованіемъ. Для срединной Европы — онъ даже признаетъ исключительное значеніе прото-унетицкой и унетицкой культуры, считая, что она «сыграла большую роль въ этнической формировкѣ *извѣстнаго количества арійскихъ народовъ,* — а именно иллирійцевъ, венедовъ — только не славянъ, а по его словамъ, ихъ «предшественниковъ, которыхъ я (Пуассонъ) лично считаю корнемъ (la souche) летто-литовцевъ»! Я уже отмѣтилъ выше искусственность этого обхода славянъ, особенно страннаго, когда считается возможнымъ ря-

домъ находитъ «корень» балтійской группы. Впрочемъ, Пуассонъ оттуда-же ведетъ еще происхожденіе даковъ и гетовъ. Принимая происхожденіе лужицкой культуры изъ унетицкой, Пуассонъ, естественно, отказывается и въ лужичанахъ видѣть славянъ. Но характернымъ образомъ, онъ прибавляетъ: (хотя) «отъ этого рѣшенія вообще отказались, *но не представили никакого лучшаго*».

Не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ изложеніемъ Пуассона, касающимся преисторіи другихъ народовъ, якобы превращенныхъ въ индо-европейскіе «военной аристократіей, вышедшей изъ русско-азіатскихъ степей». Остановимся лишь на тѣхъ, присутствіе которыхъ уже въ этомъ раннемъ періодѣ (и независимо отъ теоріи Пуансона) можно предполагать на территоріи Россіи. Оставляя въ сторонѣ арктическую и гребеночную культуру, гдѣ, очевидно, никакъ нельзя искать индоевропейцевъ, мы имѣемъ здѣсь двѣ исчезнувшихъ культуры — Фатьяновскую и Трипольскую, уже введенныя въ индоевропейскій кругъ Пуассономъ, и одну, дѣйствительно пустившую глубокія корни на мѣстѣ — «ямочную» культуру охровыхъ кургановъ. Изъ принятія нами центрально-европейскаго происхожденія индоевропейскихъ народностей вытекаютъ неизбѣжныя послѣдствія и для выясненія этническаго характера этихъ культуръ. Эти послѣдствія опредѣленно подчеркнуты на картѣ Іогансена (стр. 196). Здѣсь указаны двѣ линіи предполагаемаго продвиженія индо-иранцевъ изъ Европы въ Азію: одна — черезъ территорію русскаго центральнаго междурѣчья на Волгу — это территорія Фатьяновской культуры (стр. 167); другая — черезъ излучины Днѣпра и Дона въ Предкавказье и за Волгу и Уралъ къ Аральскому морю. Это — территорія охровыхъ кургановъ. При нашемъ толкованіи происхожденія этихъ культуръ съ запада и при ихъ хронологіи нѣтъ препятствій связать ихъ съ неизбѣжнымъ процессомъ продвиженія индоиранцевъ на востокъ. Исчезновеніе фатьяновской культуры (стр. 175) въ этомъ случаѣ объяснялось-бы именно дальнѣйшей миграціей фатьяновцевъ на востокъ (см. стр. 271, 278 и карту № 35). А сохраненіе на мѣстѣ населенія ямной охровой культуры скорченныхъ скелетовъ объясняло бы наилучшимъ образомъ, почему, при первыхъ надежныхъ свѣдѣніяхъ объ этническомъ составѣ южно-русскаго населенія мы застаемъ тамъ иранцевъ. Что касается трипольской культуры, мы видѣли, что русскій уголъ этой культуры является ея периферіей. Ея коренныя нити идутъ на Дунай, на Балканы и въ районъ Эгейской культуры. Мы указали и на этапы этой культуры: въ послѣднемъ изъ нихъ трипольская культура уступила мѣсто насильникамъ съ сѣвера (стр. 178-181). Эти послѣдніе и могли быть индоевропейцами (фракійцами?), разрушившими культуру до-индоевропейскаго трипольскаго

населенія. Таковы наиболѣе вѣроятные предположенія объ этническомъ характерѣ доисторическихъ культуръ на русской территоріи, возможныя при современномъ состояніи нашихъ знаній.

Переходимъ теперь къ юго-востоку Россіи, соприкасающемуся, черезъ луговыя и ковыльныя степи, съ азіатскимъ поясомъ пустынь. *) Мы уже выдѣлили культуры, распространенныя въ европейской части этого мѣсторазвитія, какъ «степныя» и «аральско-понтійскія». Но только въ болѣе позднее время, чѣмъ разобранное нами выше, эти культуры достигаютъ широкаго развитія, и вліяніе ихъ распространяется далеко за предѣлы, указанные имъ географіей. Собственно, эта расширенная территорія вліянія и составляетъ одну изъ главныхъ трудностей при изученіи исторіи, этнографіи и антропологіи степныхъ культуръ. Мы снова употребимъ тутъ уже испытанный раньше пріемъ — перехода отъ болѣе широкихъ круговъ, связанныхъ единствомъ извѣстныхъ признаковъ, къ болѣе тѣснымъ.

Несомнѣнно, самымъ широкимъ изъ круговъ, характеризующихъ культурное вліяніе степныхъ культуръ, является распространеніе т. наз. «звѣринаго» стиля. Стиль этотъ опредѣляется употребленіемъ животныхъ формъ, сперва въ ихъ натуральномъ видѣ, а затѣмъ въ стилизованномъ, переходящемъ въ линейный орнаментъ, въ которомъ становится трудно отличить животныя формы отъ растительныхъ и даже геометрическихъ. Именно въ послѣднихъ стадіяхъ этого развитія «звѣриный» стиль является достояніемъ всей западной, средней и сѣверной Европы — и распространяется вплоть до Тибета и Китая. Недаромъ именно въ Китаѣ искали его источника одни изслѣдователи, а другіе давали тому же стилю названія венгерскаго, скандинавскаго, готскаго и «меровингскаго». Однако, теперь уже нельзя отрицать, что всѣ эти варіанты звѣринаго стиля являются периферическими и возникаютъ во всѣхъ упомянутыхъ мѣстахъ въ сравнительно позднее время. Сальмони, вслѣдъ за Теплоуховымъ и Ростовцевымъ, относитъ начало вліянія звѣринаго («скифскаго») стиля на Китай къ періоду династіи Ханъ (202 до Р. Х. — 220 по Р. Х.), а знаменитыя сибирскія золотыя пластинки Эрмитажа и собранія антиквара Лоо — даже къ періоду «шести династій» — около 500 г. послѣ Р. Х. (ср. ниже стр. 272 и 288). А на европейской периферіи распространеніе этого стиля современно эпохѣ упадка

*) См. карты на стр. 51, 54, 58 съ діаграммами стр. 43, 46, 47 и стр. 49, 52-53, 61, 63, 68-69, 71, 80, 89-94, 187-189, 192, 193-194. Я настойчиво совѣтую читателю освѣжить въ памяти всѣ эти предшествовавшія указанія, прежде чѣмъ перейти къ чтенію дальнѣйшей части главы.

Римской имперіи и времени переселенія народомъ — съ послѣдующимъ средневѣковьемъ.

Переходя отсюда къ *внутреннему* кругу распространенія звѣринаго стиля, т.-е. къ юго-востоку Россіи, сибирскимъ степямъ и культурамъ передней и средней Азіи, мы уже встрѣчаемся съ колебаніями, — гдѣ именно на пространствѣ столь обширныхъ территорій искать родины звѣринаго стиля. Однако, и тутъ выборъ въ наше время значительно облегчается новыми раскопками. Онъ дается теперь путемъ болѣе детальнаго изученія съ одной стороны варіантовъ звѣринаго стиля, съ другой — его связи съ археологическими и этнологическими данными. Какъ разъ этотъ внутренній кругъ насъ болѣе интересуетъ, и на немъ надо остановиться подробнѣе.

Общія хронологическія рамки мы можемъ тутъ опредѣлить сразу. Это — послѣдніе вѣка бронзы и первые вѣка желѣза. Если это условное археологическое опредѣленіе не можетъ еще прямо привести къ абсолютно-хронологическому, то это потому, что передвигаясь съ юга на сѣверъ, культура звѣринаго стиля застаетъ все болѣе позднія переживанія эпохи начала металловъ — и даже дометаллическій неолитъ. Опять-таки, сразу можно сказать, что древнѣйшая *абсолютная* хронологія должна относиться къ той части территоріи, гдѣ желѣзо появляется всего раньше — т.-е. къ территоріи древнихъ азіатскихъ культуръ. Слѣдующія по времени хронологическія даты будутъ относиться къ области распространенія этихъ культуръ на близлежащія азіатскія и восточно-европейскія степныя территоріи, а послѣдней въ хронологическомъ порядкѣ воспріятія звѣринаго стиля окажется восточная Россія и западная Сибирь. *) Эта хронологически-географическая установка, въ сущности, предрѣшаетъ и вопросъ о происхожденіи стиля, и вопросъ объ условіяхъ его распространенія. Нашъ внутренній кругъ распадается такимъ образомъ на четыре провинціи: древнѣйшія передне-азіатскія культуры, ставшія извѣстными въ послѣдніе годы; степныя евразійскія культуры, степныя восточно-европейскія и сибирскія культуры. Употребляемъ множественное число «культуры» при каждой изъ провинцій, такъ какъ въ предѣлахъ каждой имѣются подраздѣленія, характеризуемыя разными варіантами звѣринаго стиля. Затѣмъ, самое слово «культуры» показываетъ, что изъ родства *культуръ* вовсе не слѣдуетъ еще непосредственно заключать объ этническомъ родствѣ *народностей*, разбросанныхъ на всемъ указанномъ громадномъ пространствѣ. Чтобы выдѣлить народности, связанныя единой культу-

*) Для всего послѣдующаго см. сводную карту евразійскихъ переселеній № 35, подводящую итогъ этой части изложенія, на стр. 256.

рой, однихъ показаній звѣринаго стиля недостаточно: необходимо искать другихъ связующихъ признаковъ въ археологіи, лингвистикѣ и антропологіи. Необходимо также не забывать мѣняющіяся условія мѣсторазвитія. Звѣриный стиль въ разсматриваемую эпоху несомнѣнно есть прежде всего стиль степной. На это указываетъ, прежде всего, назначеніе предметовъ, находимыхъ въ могилахъ съ изображеніями звѣринаго стиля. Громадное большинство этихъ предметовъ относится именно къ обиходу степной и кочевой жизни: оружіе, поясъ и костюмъ кочевника, изображенія охотъ и военныхъ столкновеній, покрытыя обильными украшеніями сѣдло и сбруя лошади и т. д. Мы уже не разъ подчеркивали особенности кочеваго быта, нелегко превращающагося въ осѣдлый. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что предѣлами степи и пустыни даже и этотъ внутренній кругъ звѣринаго стиля не ограничивается. Самаго происхожденія его приходится искать внѣ предѣловъ степи-пустыни. Вполнѣ сложившись, онъ проникаетъ — очевидно, позднѣе — и въ области лѣсной культуры — тамъ гдѣ имѣются способы болѣе легкаго сообщенія, т.-е. теченія рѣкъ, горные проходы и установленные этими-же географическими особенностями традиціонные торговые пути. Уже эти условія показываютъ, что въ областяхъ лѣсной культуры звѣриный стиль является — по крайней мѣрѣ первоначально — предметомъ импорта, прежде чѣмъ принять мѣстное обличье. Наконецъ, еще одно, самое существенное условіе акклиматизаціи и мѣстнаго развитія звѣринаго стиля: нахожденіе въ данномъ мѣстѣ болѣе или менѣе обильной мѣдной и желѣзной руды и золотыхъ мѣстонахожденій.

Сочетаніе всѣхъ этихъ условій создаетъ для исторіи звѣринаго стиля довольно извилистый путь. Начало этой исторіи кроется въ доисторическомъ мракѣ, который только въ наши дни начинаетъ разсѣиваться. Мы уже упоминали о реалистическихъ изображеніяхъ животныхъ въ пещерахъ и на скалахъ эпохи міолита (поздняго палеолита). Повидимому, традиція этого стиля продолжала существовать среди населенія сѣверной Африки, откуда и ведутъ часть палеотическаго населенія Европы (ср. стр. 113, 166). Во всякомъ случаѣ, теперь выясняется существованіе цѣлаго «афразіатскаго» пояса культуръ, расположенныхъ въ сухой климатической зонѣ, пересѣкаемой плодородными наносами Нила, Евфрата, Тигра и Инда, а также (въ силу закона вертикальности зонъ) лучше орошаемыми и годными для земледѣлія и скотоводства высокими плоскогоріями Анатоліи, Загроша, Элама и Ирана. Рядъ древнѣйшихъ культуръ этой зоны, хронологію которыхъ можно опредѣлить лишь общимъ обозначеніемъ — раньше 3.000 лѣтъ до Р. Х. — культуры «прото-египетская», «прото-сумерская» (= «прото-иранская»), «прото-индій-

ская», несомнѣнно связаны другъ съ другомъ. Однимъ изъ признаковъ этой связи является какъ разъ присутствіе во всѣхъ нихъ реалистическихъ изображеній представителей мѣстной фауны, — изображеній, свидѣтельствующихъ о тонкомъ пониманіи жизни и формъ звѣрей и о развитомъ художественномъ вкусѣ. Но это еще не нашъ звѣриный стиль: фигуры звѣрей большею частью изображаются здѣсь отдѣльно и имѣютъ преимущественно характеръ племенныхъ тотемовъ, постепенно становящихся мѣстными божествами, а въ частномъ быту — «звѣровидныхъ» (теріоморфныхъ) формъ сосудовъ. Культурная связь всей этой зоны — отъ Атлантическаго океана до Инда (включая вновь открытые преиндійскія города въ Мохенджо-Дара и Хараппа) — несомнѣнна; но мы не знаемъ, есть-ли за этой связью этническое единство, хотя антропологически — преобладаніе здѣсь длинноголовыхъ средиземнаго типа весьма вѣроятно.

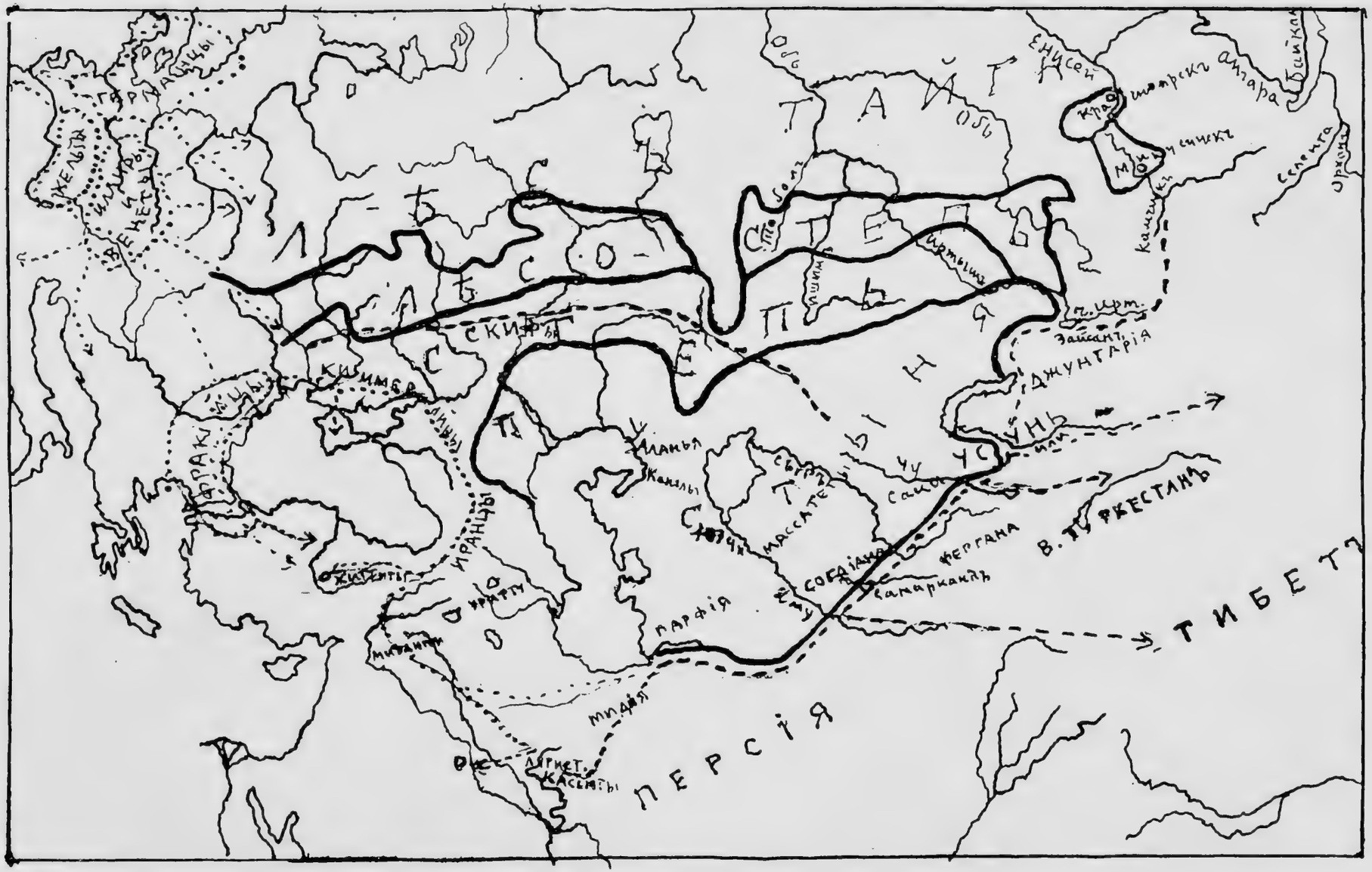
При возникновеніи царскихъ династій слѣдующихъ тысячелѣтій, третьяго и втораго (3.000-1.000) мы встрѣчаемъ и короткоголовыя расы — отчасти, въ роли правящихъ группъ, отчасти, въ роли плѣнниковъ и слугъ покорившихъ ихъ семитовъ. Очень рано находимъ здѣсь грубый прототипъ нашей динарской расы — длинноносыхъ и короткоголовыхъ представителей «арменоидной» расы (см. стр. 243), тутъ же и въ томъ-же соціальномъ подчиненіи встрѣчаемъ широко- и коротколицыхъ представителей другой короткоголовой расы — быть можетъ, родственной альпійской (то-же строеніе лица позднѣе — въ терракоттахъ Афросіаба). Скульптурная техника быстро прогрессируетъ въ борящихся другъ съ другомъ монархіяхъ этихъ тысячелѣтій, но фигуры животныхъ теряютъ при этомъ свою примитивную непосредственность и свѣжесть; они застываютъ въ гіератическихъ формахъ и сохраняютъ жизненность лишь въ сценахъ царскихъ охотъ. Чтобы прослѣдить дальнѣйшую исторію звѣринаго стиля, мы должны вернуться изъ этого тупика законченныхъ культуръ въ область культуръ менѣе прогрессивныхъ. Искать ихъ уже апріори приходится сѣвернѣе: не въ области хорошо орошаемыхъ, при помощи ирригаціи, рѣчныхъ долинъ, сообщающихся съ океаномъ, а среди суроваго континентальнаго климата переднеазіатскихъ плоскогорій. Вѣроятно, неслучайно мы встрѣчаемъ возвращеніе къ примитиву звѣринаго стиля и возможность его дальнѣйшаго развитія — у первыхъ индоевропейскихъ пришельцевъ въ эти территоріи: онѣ болѣе однородны по климату съ средне- и восточно-европейскими и не успѣли ни создать, ни усвоить классической южной афразійской культуры.

Первое мѣсто въ этомъ ряду горныхъ монархіи принадлежитъ хиттитамъ, «разсказавшимъ намъ, наконецъ, свою исторію на соб-

ственномъ языкѣ», по выраженію новѣйшаго изслѣдователя ихъ Делапорта. Арійское происхожденіе правителей хиттитовъ подтверждается, по наблюденію Делапорта, уже тѣмъ, что хиттитскій монархъ не ограниченъ. Онъ раздѣляетъ власть съ собраніемъ знати, «панкукомъ». Съ ними и съ своей «маріанну» (ср. стр. 193-194) онъ долженъ совѣщаться въ важныхъ судебныхъ дѣлахъ, не имѣетъ права смертной казни и обоготворяется только послѣ своей смерти. Государственный строй — феодальный, законодательство хиттитовъ — болѣе мягкое, чѣмъ въ месопотамскихъ монархіяхъ, нравы населенія этому соотвѣтствуютъ; къ массовымъ избіеніямъ побѣжденныхъ хититы не прибѣгаютъ. Ихъ главное занятіе — интенсивное земледѣліе и садоводство; ихъ армія — пѣшая; лошади извѣстны, но не употребляются для ѣзды; когда нужно завести конницу, хититы обращаются за помощью къ Хурри, горнымъ скотоводамъ верховьевъ Месопотаміи, управляемымъ тоже индо-иранской династіей Митанни. Столицей ихъ, въ цвѣтущую пору, является гор. Хаттусъ (возлѣ современнаго Богазкіойя) на излучинѣ Галиса. Эта рѣка издавна считается границей между населеніями, пришедшими въ Малую Азію съ запада, съ Балканъ, черезъ проливы, — и населеніемъ, пришедшимъ съ востока, — вѣроятно, по той же торговой дорогѣ, которая изъ теперешнихъ Эривани и Карса вела по верхнему притоку Евфрата, Кара-су, въ Эрзинджанъ, а затѣмъ раздвоялась: южный путь слѣдовалъ долиной Евфрата, а западная линія продолжала вести прямымъ путемъ къ Хаттусу и далѣе, за Галисъ, къ теперешней Анкарѣ см. карту на стр. 256). Такимъ образомъ, получаемъ указаніе не только на путь хиттитской колонизаціи, но и на древнюю связь этой части индоевропейцевъ съ Закавказьемъ. Первое появленіе индоевропейскихъ хиттитовъ относится ко 1925 до Р. Х. (набѣгъ на Вавилонъ), а расцвѣтъ ихъ могущества — въ «новой имперіи» — къ 1400-1255, послѣ чего хиттиты исчезаютъ съ поля исторіи. Появившіеся на ихъ мѣстѣ т. наз. «нео-хиттиты» уже не принадлежатъ къ индоевропейцамъ. *)

---

*) **Точками** обозначены на картѣ № 35 районы поселеній раздѣлившихся индо-германскихъ народовъ (германцевъ, кельтовъ, иллиро-венетовъ, фракійцевъ-киммерійцевъ) и пути ихъ дальнѣйшаго разселенія (N.B.: поправки къ картѣ Іогансена на стр. 196). **Черточками** показаны передвиженія иранцевъ въ передней Азіи (хиттиты, митанни, касситы) и дальнѣйшее направленіе звѣринаго стиля черезъ Персію и Парфію въ предгорья Туркестана — и оттуда, черезъ горные перевалы — въ Тибетъ, Монголію, Джунгарію, Урянхайскій край и на верхній Енисей — до Минусинска и Красноярска, а черезъ Киргизскій край по притокамъ


ТАЙГА
ЛЕСОСТЕПЬ
СТЕПЬ
ПУСТЫНЯ
СКИФЫ
ПЕРСІЯ
ТИБЕТЪ
ДЖУНГАРІЯ
ФЕРГАНА
ПАРФІЯ
МИДІЯ
ЕНИСЕЙ
ОБЬ
ЛЕНА
ОРХОНЪ
ГЕРМАНЦЫ
КИММЕРІЙЦЫ
ИРАНЦЫ
ЕВРЕИ
ЕГИПЕТ.
КАССИТЫ
МИТАННИ
ОКСИАНЪ
СОГДІАНА
САМАРКАНДЪ
В. ТУРКЕСТАНЪ
ЯЗЫГИ
ЯЗЫГИ
ЯЗЫГИ

Послѣ этихъ справокъ понятенъ будетъ интересъ наблюденій надъ внутреннимъ поясомъ обитателей высокихъ плоскогорій. Мы наблюдаемъ здѣсь цѣлую цѣпь культурныхъ и торговыхъ «вліяній» — и соотвѣтственныхъ «отставаній» или «запозданій». Хитты вліяютъ на область озера Ванъ, ванскіе «цари» вліяютъ — уже позднѣе — на Закавказское двурѣчье Куры и Аракса; Закавказье — на Предкавказье. Вліянія эти связаны съ походами и съ очередными объединительными попытками того или другого завоевателя, подчиняющаго себѣ — на болѣе или менѣе короткое время — мелкіе племена, разбросанные въ замкнутыхъ горныхъ котловинахъ всего этого пространства «Цари» Урарту («халдской» Біайны), въ своей Ванской крѣпости держались долѣе другихъ, благодаря временному ослабленію Ассиріи, въ годы между Салманассаромъ и Саргономъ (824-722 до Р. Х.) и успѣли накопить тѣ сокровища золота, серебра и мѣди, драгоцѣнныхъ камней и матерій, которыя в 714 г. захватилъ Саргонъ II у урартскаго царя Русіаса. Въ этой обстановкѣ была найдена въ громадной гробницѣ изъ каменныхъ плитъ у сел. Ходжалы, на с. в. отъ Шуши, знаменитая ассирійская бусина съ клинообразной надписью «дворецъ-Ададъ-Нирари, царя вселенной»., Рѣчь очевидно, идетъ о третьемъ (807-783) или о четвертомъ царѣ этого имени (763-765). Вмѣстѣ съ бусиной найдена импортированная, повидимому, керамика со звѣринымъ орнаментомъ. Звѣриный стиль принимаетъ здѣсь уже стилизованныя формы — результатъ передачи фигуры звѣря при помощи геометрическихъ линій. Уже Хернесъ замѣтилъ, что этотъ стиль (онъ говоритъ это по поводу бронзовыхъ поясныхъ бляхъ Калакента и Ходжалы) является не оригинальнымъ стилемъ дикихъ племенъ, а одичалой передачей формъ болѣе развитаго искусства. Но я скорѣе искалъ бы источника не въ богатомъ реалистическими животными формами микенскомъ искусствѣ, а тамъ, откуда пришла наша бусина: въ Месопотаміи и Иранѣ. Обломокъ поясной бляхи изъ Ходжалы, изображающій борьбу человѣка съ стоящимъ передъ нимъ на заднихъ лапахъ звѣремъ чрезвычайно характеренъ: онъ напоминаетъ извѣстный мотивъ хиттитскихъ, вавилонскихъ и персидскихъ охотъ на львовъ или укрощенія звѣрей мифическаго Гильгамеша. Для сравненія

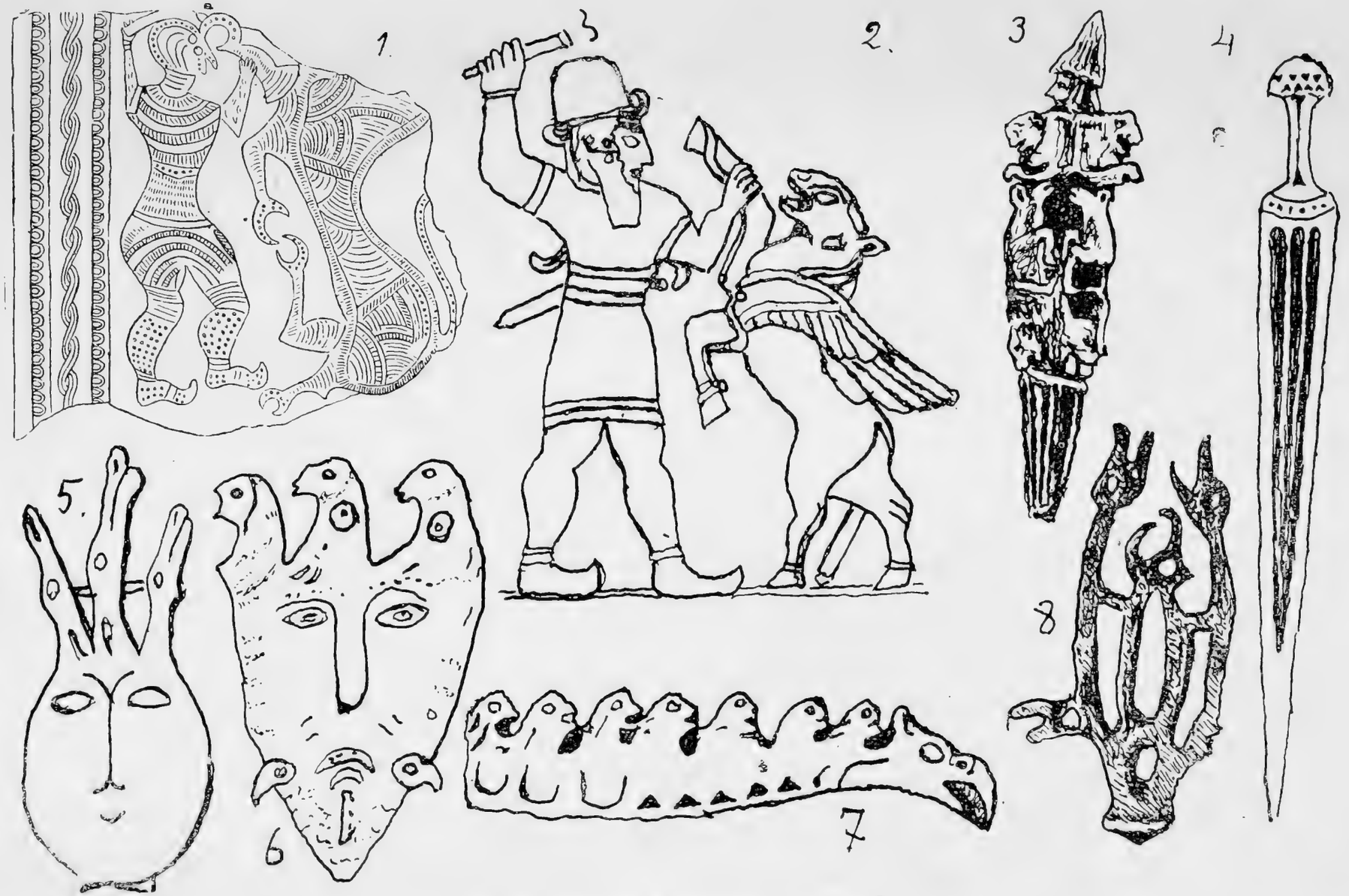
Оби въ западную Сибирь. **Толстыя черточки** указываютъ сѣверный путь скифовъ черезъ верхній Уралъ, Саратовскій плесъ къ Роменскимъ курганамъ и къ югу Кіевской губ. **Толстыми черными полосами** означены границы степи, лѣсостепи и лѣса — тайги по Атласу СССР. А. Белавина, 1928. Ср. карту № 40 на стр. 295.

привожу параллельный сюжетъ изъ хиттитскихъ скульптуръ Кархемыша (см. рис. № 36 на стр. 259, №№ 1 и 2). *)

Не останавливаясь на другихъ весьма многочисленныхъ параллеляхъ между искусствомъ Месопотаміи и Закавказья (которые проникаютъ и въ Предкавказье), приведу еще одинъ наглядный примѣръ, который введетъ насъ уже въ самый бытъ населенія этихъ странъ. Я выбираю для этого фигуру хиттитскаго бога войны (см. изображеніе на рис. № 39, стр. 282, № 1). Здѣсь останавливаютъ вниманіе предметы вооруженія и костюма: сѣкира оригинальной формы, насаженная на деревянную ручку, которую фигура держитъ въ правой рукѣ, поясъ, два конца котораго сходятся на животѣ, а ремень отъ пояса спускается ниже подола короткаго платья; согнутый въ концѣ кинжалъ, заткнутъ за поясъ, изъ за котораго видна форма ручки. На головѣ шлемъ съ наушниками, и съ металлическимъ гребнемъ, который спускается почти до пояса, прикрывая длинные пряди волосъ. На лицевой части шлема прикрѣпленъ орнаментъ, символизирующій рогъ — обычное отличіе божества. Ноги прикрыты поножами и обуты въ мягкіе башмаки съ легкимъ загибомъ носка (этой части не видно на нашемъ рисункѣ). Въ наборѣ вооруженія не хватаетъ меча; на рис. 36, № 3, мы даемъ изображеніе хиттитскаго бога меча на «Писаной скалѣ» у Богазъ-Кіоя (ср. разсказъ Геродота о поклоненіи кочевниковъ воткнутому въ землю мечу). Здѣсь уже имѣется примѣръ осложненнаго звѣринаго стиля: вмѣсто рукоятки — человѣческая голова, увѣнчанная тіарой боговъ; два льва, спиной другъ къ другу, составляютъ плечи. Къ львамъ снизу тянутся два грызуна, въ свою очередь опирающіеся на половину туловища двухъ другихъ львовъ, морды которыхъ, обращенныя другъ къ другу и къ острію меча, заканчиваютъ эту сложную композицію. Закавказье предсставляетъ намъ точно такія же формы сѣкиры (рис. 37, № 1) и длинной формы меча, съуживающагося прямыми линіями къ острію, съ нѣсколькими продольными жолобами (рисъ 36, № 4). Согнутый въ концѣ кинжалъ, пряжки и чекмени

---

*) Объясненіе къ рисунку № 36: Параллели звѣринаго стиля I. 1) Борьба героя со львомъ — переходъ къ геометрическому рисунку въ Калакентѣ (Закавказье), перезданъ у Hoernes. 2) Прототипъ того же сюжета изъ хиттитскихъ скульптуръ Кархемыша. 3) Мечъ бога войны, хиттитская скульптура изъ Богазъ-Кіоя. 4) Мечъ закавказскаго типа, изъ находокъ Ресслера. 5 и 6. Типы лицъ съ звѣринымъ орнаментомъ вмѣсто волосъ и усовъ — съ Печоры (ESA, III). 7) Параллель съ Печоры. 8) Стилизованное изображеніе Гильгамеша между двумя звѣрями, съ р. Ишима (ibid.). Ср. скульптуры Луристана.



№ 36. Параллели звѣринаго стиля, I.

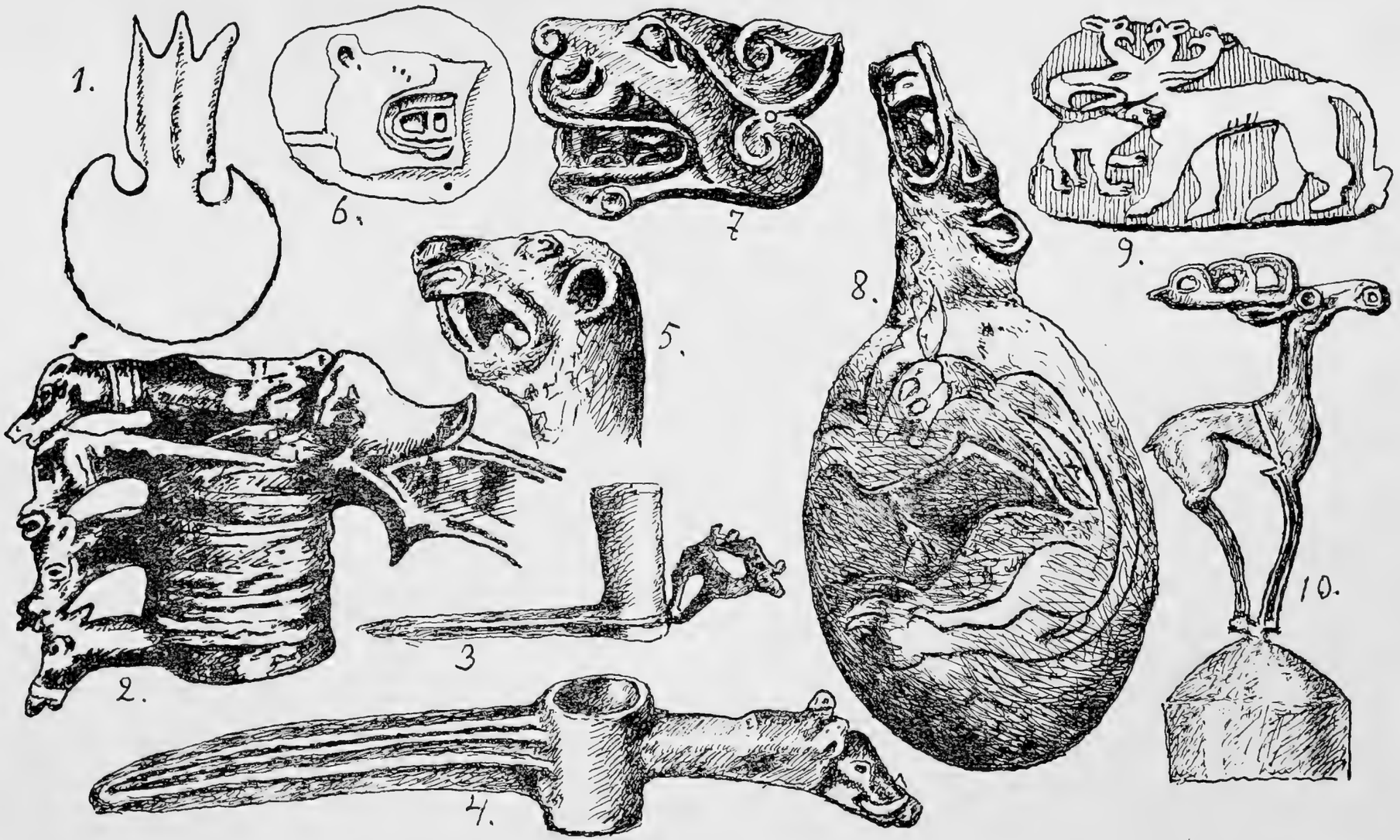
поясовъ — все это находимъ въ закавказскихъ погребеніяхъ. Костюмъ хиттитскаго бога, обычный для ассиро-вавилонскихъ изображеній воиновъ и охотниковъ составляетъ несомнѣнный переходъ къ костюму среднеазіатскаго кочевника.

Но у насъ теперь есть средство подойти еще ближе къ той лабораторіи, въ которой, не выходя еще за предѣлы высокихъ плоскогорій, сосѣднихъ съ упомянутыми, совершалась переработка искусства рѣчныхъ культуръ въ типы, свойственные степному звѣриному стилю. Я разумѣю находки де-Моргана среди иранскаго племени талышинцевъ въ Ленкоранскомъ у. и по сосѣднему персидскому побережью Гиляни въ сопоставленіи съ замѣчательнымъ искусствомъ высокогорной провинціи Луристана, открытымъ въ самые послѣдніе годы и датируемымъ третьимъ и вторымъ тысячелѣтіемъ до Р. Х. Древнее населеніе Луристана намъ извѣстно: это тѣ индоевропейцы-касситы, которые дали Вавилону свою династію, продержавшуюся тамъ втеченіи болѣе полутысячелѣтія (576 лѣтъ — отъ 1761 до 1185 до Р. Х., ср. стр. 193). До завоеванія Вавилона касситы жили въ своихъ неприступныхъ горныхъ ущельяхъ; они не порывали съ родиной и въ вавилонскій періодъ — и вернулись туда послѣ своего пораженія царемъ Элама. Ассирійскіе тексты продолжаютъ упоминать о касситахъ въ Луристанѣ подъ именемъ Кашшу, греческіе историки считаютъ ихъ «варварскими племенами, извѣстными своею воинской храбростью» — репутація, которую подтверждаетъ и Страбонъ, называя касситовъ «народомъ грабителей и бандитовъ» — совсѣмъ какъ иранскіе ихъ сосѣди курды. Персидскіе цари платили имъ дань, чтобы проѣхать въ лѣтнюю резиденцію Сузу, Александръ Македонскій съ ними воевалъ, но и до сихъ поръ луры сохранили свою фактическую независимость въ предѣлахъ Персіи. Ихъ приходъ въ Луристанъ (по Страбону съ Каспійскаго ю.-з. побережья) подтверждается теперь полнымъ тожествомъ многихъ формъ луристанскихъ бронзъ съ талышинскими находками. Дата ихъ ухода опредѣляется тѣмъ, что появившіеся послѣ нихъ въ Талышѣ формы желѣзныхъ копій и стрѣлъ со втулками уже остались имъ неизвѣстны. Это — третье тысячелѣтіе до Р. Х. Въ вавилонскій періодъ своего возвеличенія касситы заимствовали рядъ формъ изъ Элама и Месопотаміи. Но только въ третій періодъ, послѣ возвращенія въ горы, они развернули свое оригинальное искусство — передѣлывая заимствованные типы въ болѣе грубые, но зато все болѣе самостоятельные типы звѣринаго стиля и варіируя ихъ до безконечности. Въ этотъ періодъ несомнѣнно вліяніе на нихъ неизвѣстнаго, пришедшаго съ сѣвера народа, вновь поселившагося въ Закавказьѣ. Но онъ только далъ толчекъ къ новымъ художественнымъ

выдумкамъ творческаго воображенія. Если бы кромѣ Луристана мы не знали ничего другого и забыли географію, то именно отсюда пришлось-бы непосредственно вести начало настоящаго степнаго звѣринаго стиля. Вѣроятно, на дѣлѣ не одинъ Луристанъ былъ его источникомъ. Но несомнѣнно, что, здѣсь, въ условіяхъ полной неприступности для позднѣйшихъ вліяній, не только сохранились древнѣйшія формы этого стиля, но можно прослѣдить и тотъ творческій процессъ, въ результатѣ котораго этотъ стиль сложился. Чтобы дать хотя бы слабое понятіе объ этомъ процессѣ, мы сопоставляемъ вышеприведенныя формы сѣкиры въ рукахъ хиттитскаго бога съ тожественной формой Закавказья, съ ея дальнѣйшимъ развитіемъ въ Луристанѣ и съ соотвѣтствующими формами Ананьина и Алтая (рис. № 39, 1; 37, 1, 2, 3 и 4). *) Интересна также эволюція типа, упомянутаго покровителя стадъ Гильгамеша. Заимствованія изъ Талыша и Месопотаміи при этомъ отбрасываются, типъ варьируется до безконечности; луристанскіе художники, по выраженію Андре Годара, новѣйшаго изслѣдователя луристанскихъ бронзъ, «выполняютъ произведенія, реализмъ и элегантность которыхъ не имѣютъ болѣе ничего общаго съ искусствомъ передней Азіи». Исчезаетъ въ концѣ концовъ фигура самого Гильгамеша. Остаются безконечные варіанты обращенныхъ другъ къ другу въ геральдической позѣ головъ животныхъ: вотъ источникъ ихъ происхожденія въ звѣриномъ стилѣ. **) То же и съ булавками: изъ примитивныхъ формъ простого

*) Объясненіе къ рис. № 37: Параллели звѣринаго стиля II: 1) Сѣкира изъ закавказскихъ раскопокъ (ср. хиттитскаго бога войны, рис. 38). 2) Превращеніе ея въ художественную вещь звѣринаго стиля въ Луристанѣ (по Годару). 3) Сибирскій варіантъ: кирка съ изображеніемъ оленя (Мерхартъ). 4) Ананьинскій варіантъ кирки съ изображеніемъ вепря съ клыками (ESA, III). 5 и 8) Головы звѣрей съ раскрытой пастью и типъ согнутаго звѣря (обратная сторона ложки) — обѣ подѣлки изъ кости, изъ скифскаго кургана Бишъ-Оба, возлѣ Орска. 6) Литейная форма звѣря съ раскрытой пастью, найденная въ могилѣ литейщика около Ольбіи (Тальгренъ). 7) Тотъ же типъ изъ алтайскихъ находокъ Радлова, рѣзьба по дереву. 9) Деревянное рѣзное изображеніе фантастическаго звѣря съ изображеніемъ головъ грифоновъ на оконечностяхъ роговъ, изъ тѣхъ же находокъ въ западной Сибири. 10) Типъ приготовившагося къ прыжку оленя, изъ западной Сибири.

**) Интересна отдаленная реминисценція типа Гильгамеша, держащаго въ двухъ рукахъ звѣрей, въ дегенеративной находкѣ съ р. Ишима, см. рис. 36, № 8. Человѣческая фигура (руки, ноги, голова) превратились здѣсь въ геометрическія линіи, а головы представляютъ сибирскихъ грифоновъ.



№ 37. Параллели звѣринаго стиля II.

стержня съ головкой они — послѣ прекращенія вавилонскаго вліянія — начинаютъ заканчиваться разными формами звѣрей, затѣмъ является расширенный типъ головки, напоминающій формы Кобани; съ другой стороны видимъ цѣлыя квадратныя прорѣзныя бляхи, внутри которыхъ помѣщается звѣриный узоръ (прецеденты сибирскихъ бляхъ). Простая сбруя лошадей, занимающая особенно обширное мѣсто въ могилахъ коневодовъ и кавалеристовъ, даетъ поводъ превратить форму «псаллій» въ тяжелыя прорѣзныя прямоугольныя пластинки размѣровъ до 15-20 сантиметровъ, заполненныя чаще всего варіантами Гильгамеша. Они предназначаются спеціально для подкладыванія подъ голову покойника. Нѣтъ возможности, конечно, перебрать здѣсь всѣ иллюстраціи, къ которымъ даетъ поводъ атласъ Годара и коллекціи Лувра.

Опираясь на бронзы Луристана, какъ на твердую исходную точку, мы сможемъ легче понять, какимъ образомъ обѣ отрасли звѣринаго стиля, европейско-скифская и азіатско-сибирская, при всей близости другъ къ другу, могли сохранить извѣстную самостоятельность. Изслѣдователи, какъ Мергартъ, Ростовцевъ и др., уже давно пришли къ заключенію, что тутъ долженъ быть общій источникъ, изъ котораго разными путями пошли европейскій и азіатскій варіанты стиля. Мѣстомъ нахожденія этого общаго источника сама по себѣ должна была оказаться передняя и средняя Азія. Находки въ Луристанѣ уточняютъ этотъ общій выводъ, вводя въ объясненіе одинъ изъ недостававшихъ звеньевъ. Остальныя звенья придется искать уже не на кавказско-иранскихъ плоскогоріяхъ, а въ примыкающихъ къ нимъ травяныхъ долинахъ степи.

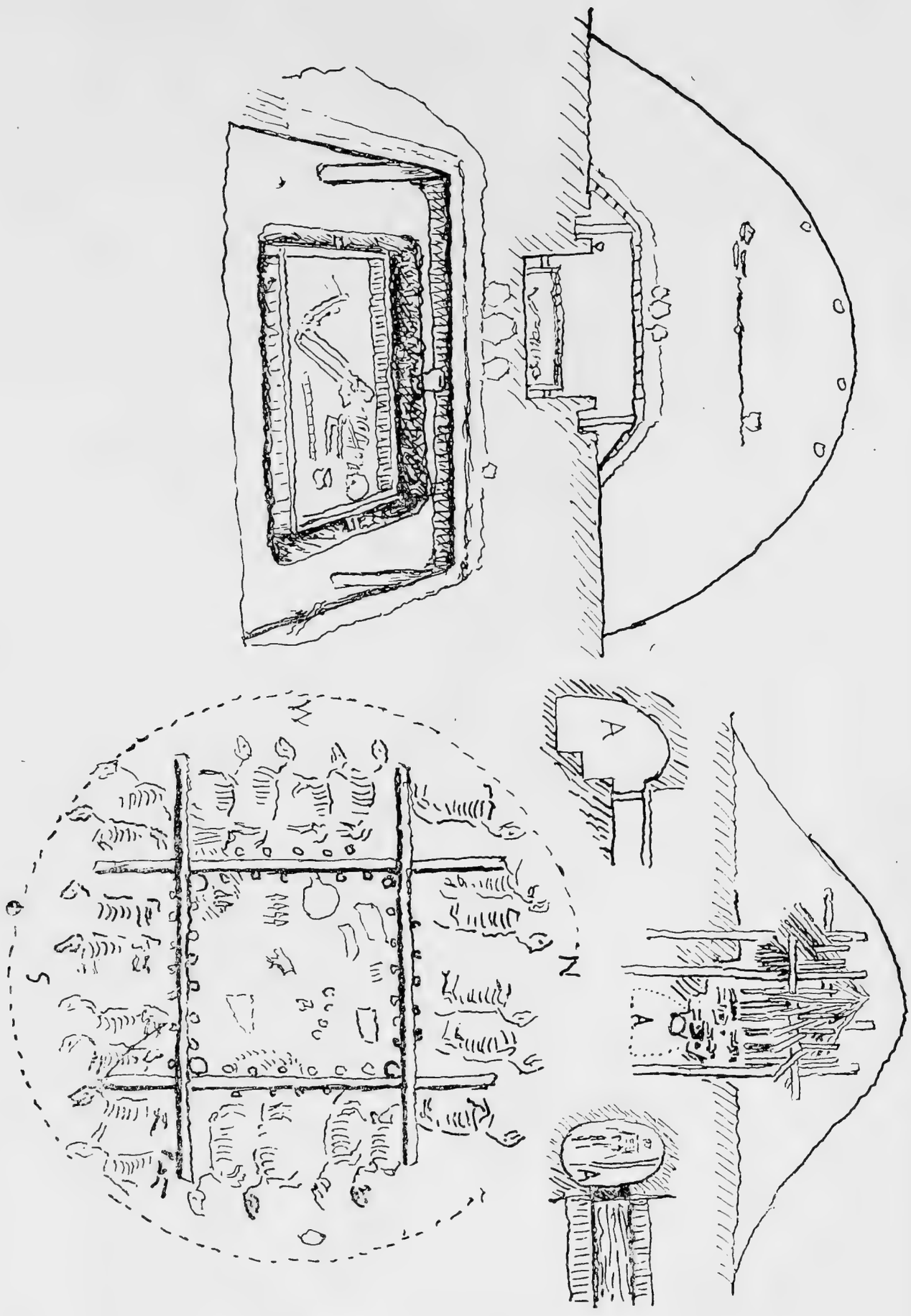
Географически, этотъ переходъ очень близокъ. Но надо, все же, помнить, что между тѣмъ и другимъ мѣсторазвитіемъ имѣются существенныя различія. Кочевое скотоводство плоскогорій, служившее основой существованія горцевъ Закавказья и Загроса, отличалось отъ широкихъ передвиженій кочевниковъ на раздольѣ степей. Въ области вертикальныхъ растительныхъ зонъ населеніе было связано сравнительно ограниченнымъ пространствомъ для пропитанія стадъ во время лѣтней засухи на горныхъ пастбищахъ, откуда на зиму приходилось ежегодно спускаться въ «зимовники» (по тюркски «кышлаки»), очень плохо устроенные, но все же постоянные. Здѣсь открывалась возможность перехода къ первоначальнымъ формамъ земледѣлія. Поэтому мы застаемъ здѣсь населеніе уже въ эту эпоху конца бронзы и начала желѣза полу-осѣдлымъ. Этимъ опредѣляется и ступень соціальной дифференціаціи, уже достигнутая въ этихъ мѣстностяхъ. Тѣ 23 «царя», которыхъ покорилъ урартскій завоеватель Сардуръ вмѣстѣ съ ихъ «странами» и «дворцами» или зам-

ками, всѣ помѣщались на одномъ берегу Севанскаго озера (Гокчи). Это, очевидно, уже не были простые старѣйшины племенъ, но не были и властители феодальныхъ «государствъ». Это было то переходное отъ родоваго къ государственному быту состояніе съ примитивной формой властвованія, которое мы уже встрѣчали на пути отъ «крестьянскаго» быта къ «дворовому» (ср. стр. 161-162, 206-207). Развалины закавказскихъ замковъ, съ «Нуръ-Баязетомъ» во главѣ, только теперь обратившіе на себя вниманіе изслѣдователей, вѣроятно, помогутъ намъ возстановить реальныя черты той эпохи; но и до сихъ поръ горскіе нравы, въ особенности у курдовъ (или албанцевъ) сохраняютъ бытъ того времени. Побѣдители брали дань съ владѣльцевъ этихъ «дворцовъ» не только скотомъ, но и драгоцѣнными металлами и камнями: если первый источникъ богатства горцевъ свидѣтельствовалъ о скотоводческомъ бытѣ, то второй напоминаетъ о систематическихъ набѣгахъ горцевъ на болѣе богатыя страны, набѣгахъ, которые, при благопріятныхъ условіяхъ, могли превратиться въ кампанію очереднаго государственнаго объединенія.

Совсѣмъ другое — чистый бытъ кочевниковъ въ мѣсторазвитіи равнинныхъ степей, пограничныхъ съ пустынями. О немъ мы говорили выше (стр. 89-94). Тутъ все принимаетъ болѣе широкіе размѣры: скотоводство уступаетъ первое мѣсто разведенію многоголовыхъ конскихъ табуновъ; земледѣліе совершенно отсутствуетъ; мужчины живутъ на коняхъ, а жены и дѣти — въ кибиткахъ. Передвиженія происходятъ всѣмъ таборомъ, племенной бытъ съ родовыми старѣйшинами сохраняется, но принимаетъ формы обширной военной организаціи, руководимой удачливымъ вождемъ. Разбойничьи набѣги превращаются въ отдаленныя экспедиціи, а когда, въ результатѣ военныхъ успѣховъ «орды», появляются постоянныя жилища, то они носятъ характеръ не крѣпостей или городовъ, а царскихъ ставокъ, богатыхъ награбленнымъ добромъ и собирающихъ около своихъ шатровъ пестрое населеніе пришлыхъ ремесленниковъ, искусниковъ и забавниковъ всякаго рода. Эта картина мало мѣняется втеченіе не только столѣтій, но и цѣлыхъ тысячелѣтій. Геродотъ описываетъ ее тѣми-же красками, какъ Амміанъ Марцеллинъ, какъ Прискъ, какъ Плано-Карпини, Рубрукъ или Марко Поло. При такихъ крѣпко сложившихся особенностяхъ быта трудно представить себѣ, чтобы онъ могъ быть легко усвоенъ осѣдлыми или даже полуосѣдлыми обитателями. За единствомъ быта здѣсь легче всего предположить единство этноса, народа опредѣленнаго типа, — иной разъ, можетъ быть, даже расы. Это наблюденіе надо постоянно имѣть

въ виду при опредѣленіи отношеній кочевниковъ степи къ покоренному ими земледѣльческому населенію.

Оставимъ теперь на время звѣриный стиль плоскогорій и займемся выясненіемъ его распространенія въ чисто-степныя культуры. Собственно, кругъ этого распространенія очень точно очерчивается границами соприкосновенія степи и пустыни, именно травяной степи, переходящей въ ковыльную на югѣ и граничащей съ лѣсостепью на сѣверѣ (ср. карты на стр. 58, 65 и 256). Но мы выберемъ другой матеріальный признакъ, придающій степной культурѣ еще большее единство — можетъ быть, отчасти и этническое: форму погребеній. Мы имѣемъ въ виду одну изъ этихъ формъ среди многихъ — и выдѣляемъ ее по несомнѣнной связи ея именно съ кочевническимъ бытомъ. Рѣчь идетъ о погребеніяхъ въ «срубѣ» (à charpente), по терминологіи Тальгрена, — погребеніяхъ, которыя по наблюденію того же изслѣдователя представляютъ позднѣйшій періодъ степныхъ погребеній (1400-1100 до Р. Х.) послѣ «ямныхъ» (1800-1600) и «катакомбныхъ» (1600-1400, ср. стр. 185, 189). Мы увидимъ далѣе, что у катакомбныхъ погребеній еще сохраняется связь съ срубными, свидѣтельствующая о встрѣчѣ двухъ культуръ. Лучшее доказательство этой связи — стратиграфія: въ нѣсколькихъ случаяхъ наблюдалось, что погребенія въ срубахъ легли позднѣйшимъ слоемъ на катакомбныя, въ видѣ вкопанныхъ погребеній въ насыпи старыхъ кургановъ (см. ниже, стр. 298). Широко распространенный въ степяхъ восточной Европы и Азіи типъ погребеній въ срубахъ имѣетъ, какъ увидимъ, свою исторію. Втеченіе времени онъ мѣняется въ подробностяхъ, становится богаче или бѣднѣе; но общія черты его остаются одни и тѣ же. Приведу, прежде всего, варіантъ срубнаго погребенія (1400-1100 г.г.) въ южно-русскихъ степяхъ по описанію Тальгрена. «Деревянныя стѣнки строятся въ видѣ низкаго прямоугольнаго сруба, рѣдко превышающаго высоту обыкновеннаго гроба. Они покрываются досками или балками, пригнанными одна къ другой; такъ образуется закрытый погребъ, среднихъ размѣровъ 170 × 120 × 45 сантиметровъ. Дно могилы покрыто часто камешками. Скелеты рѣдко бываютъ окрашены (прибавлю, что въ древнѣйшихъ могилахъ они продолжаютъ сохранять древній скорченный видъ). Могилы, по большей части, находятся въ самомъ курганѣ или на поверхности материка, но не въ ямѣ, выкопанной въ землѣ (эта черта мѣняется). Обыкновенно, они служатъ для похоронъ только одного покойника (это, какъ увидимъ, тоже мѣняется). Часто встрѣчаются кости животныхъ — или на крышѣ сруба или внѣ его (это остатки жертвоприношеній). Распространенная особенность — та, что срубъ поджигается или же костеръ зажига-


A
A
A

ется возлѣ могилы (слѣды тризны)». Нѣсколько другихъ описаній и прилагаемый снимокъ одной изъ такихъ могилъ (у Камышевахи, см. рис. на лѣвой сторонѣ № 38) позволяютъ прибавить къ приведенному описанію нѣсколько важныхъ подробностей. Изъ рисунка видно, что, кромѣ деревяннаго гроба въ собственномъ смыслѣ, въ этихъ могилахъ надстраивалось цѣлое деревянное помѣщеніе на столбахъ. Кости животныхъ (коровы, барана) располагались надъ этой постройкой, въ насыпи, а еще выше замѣчались остатки костра (тризны). Деревянныя покрытія обкладывались древесной корою. Внѣшняя форма такого погребенія есть форма кургана большихъ размѣровъ. *)

Никто не думаетъ, что этотъ типъ погребенія есть продуктъ эволюціи на мѣстѣ — изъ предыдущихъ типовъ, ямнаго и катакомбнаго, хотя онъ и вступилъ въ связь съ послѣднимъ. Откуда-же онъ принесенъ въ южныя степи? Срубныя могилы разбросаны на большомъ пространствѣ, выходя далеко за предѣлы территоріи катакомбныхъ (стр. 190). Изъ территоріи Изюмскаго и Бахмутскаго уѣзда они идутъ на югъ до Крыма, на сѣверо-западъ до Кіевской губерніи, на сѣверо-востокъ до Елецкаго уезда Орловской губерніи и дальше къ Саратову. Но у Тальгрена находимъ слѣдующее любопытное наблюденіе. «Приближаясь къ востоку, по направленію къ Крыму и къ Азовскому морю, мы находимъ явленія, частью сходныя съ описанными, но форма могилъ мѣняется и инвентарь становится богаче. *Какъ-будто мы приближаемся къ такому центру культуры, гдѣ сосредоточиваются вліянія съ разныхъ сторонъ*». Оставаясь пока въ предѣлахъ бронзоваго періода, это наблюденіе приводитъ насъ къ ближайшему центру того времени — по ту сторону Крыма и Азовскаго моря — къ упоминавшимся уже выше «царскимъ могиламъ» Кубани (стр. 188). Между датами, даже самыми поздними, Майкопа (1700 до Р. Х.) и срубныхъ могилъ южной степи (1400-1100) лежитъ промежутокъ въ нѣсколько сотъ лѣтъ. Но это не можетъ помѣшать установленію связи между ними. Не можетъ этому мѣшать и

---

*) На рисункѣ № 38 («срубныя» погребенія) сопоставлены два образца ихъ: болѣе примитивный и ранній, характеризуемый степнымъ погребеніемъ у с. Камышевахи, и болѣе поздній и сложный, «скифской» эпохи, у ст. Костромской, отличающійся деревяннымъ шатромъ надъ срубомъ и погребеніемъ главнаго скелета въ нишѣ («катакомбѣ»), причемъ кругомъ сруба расположены цѣлыя гекатомбы людей и лошадей. Рисунокъ даетъ разрѣзы кургановъ, перспективу гроба и деревяннаго сооруженія надъ нимъ у Камышевахи и разрѣзы (А) ниши и хода къ ней у Костромской ст. Ср. стр. 268, 269, 270, 278, 281, 285, 286, 288, 300.

обиліе золота и цѣнныхъ находокъ въ кубанскихъ курганахъ сравнительно съ бѣднымъ инвентаремъ степныхъ. Важно сходство въ ритуалѣ погребенія, и это именно сходство ведетъ насъ въ отдаленную глубь вѣковъ.

Мы уже указывали на промежуточныя звенья, которыя, черезъ Закавказье, ведутъ въ этомъ направленіи, до Элама и Луристана. Конечно, въ ущельяхъ Луристана нельзя искать нашего сложнаго типа погребенія. По свидѣтельству Андре Годара, тамъ имѣются и бѣдныя могилы — плохо сложенные изъ галекъ каменные ящики, вмѣшающіе едва одинъ или два скорченныхъ трупа и часто охватывающіе тѣсно формы ихъ тѣла — и сравнительно богатыя могилы, въ формѣ прямоугольныхъ просторныхъ каменныхъ ящиковъ, шириною соотвѣтствующихъ слегка согнутому тѣлу, а длиной — достаточные чтобы помѣстить двадцать скелетовъ покойниковъ, уложенныхъ подрядъ. Могилы лошадей, при такой экономіи мѣста, помѣщаются отдѣльно. Отмѣтимъ тутъ употребленіе камня — въ каменистой, безлѣсной странѣ. При спускѣ въ лѣсистую долину, камень естественно замѣняется деревомъ, и форма погребенія усложняется. Въ Закавказьѣ, среди различныхъ типовъ погребенія, находимъ и тотъ, за которымъ мы слѣдимъ. Вотъ его описаніе по раскопкамъ Реслера въ районѣ Ганджи. «Реслеръ реконструируетъ сложный обрядъ погребенія, когда сжигался помостъ, сложенный изъ нѣсколькихъ рядовъ бревенъ съ наваленными на нихъ жертвенными животными, сосудами и вещами. Костякъ на днѣ грунтовой ямы оказывался заваленнымъ грудой обуглившагося дерева, костей, обломками керамики и сплавившимися бронзовыми предметами. Варіантъ такого погребенія выступаетъ особенно отчетливо въ курганѣ «Паша-Тапа» у сел. Болчалы. Ряды бревенъ здѣсь были расположены въ три яруса на уступахъ глубокой могильной ямы, причемъ на верхнихъ двухъ располагались положенныя животныя и предметы, а на нижнемъ самъ покойникъ. Все это сооруженіе было сожжено и забросано потомъ землей съ камнями».

Но слѣды нашего типа погребенія идутъ не только въ отмѣченномъ здѣсь направленіи. Они ведутъ также, вслѣдъ за степями, въ Азію, классическую область кочевничества. Отмѣтимъ сразу же, что этотъ другой путь слѣдуетъ полосѣ степи на сѣверо-востокъ, обходя нижнее теченіе Волги съ примыкающей къ ней съ востока абсолютной пустыней (ср. стр. 54, 58, 60 и 65). Мы уже упоминали (стр. 189), что, по розыскамъ П. Рыкова въ области Нижняго Поволжья («Хвалынской культуры») срубная культура доходитъ туда около 1300-1100 до Р. Х., что сопровождается, по его мнѣнію, и смѣной мѣстнаго населенія. Оставимъ пока въ сторонѣ его предположе-

ніе, что эта культура (вмѣстѣ съ населеніемъ) спустилась сюда съ сѣверо-востока изъ своей родины въ Сибири. Отмѣтимъ лишь особенности, характеризующія переходный характеръ, которая она принимаетъ на данной территоріи. Чаще срубовъ здѣсь встрѣчаются деревянныя (иногда изъ хвороста) покрытія могилы. Ориентировка покойника, которая въ южной степи колеблется, склоняясь отъ ВЗ. къ С. и СВ., здѣсь становится преобладающей въ этомъ послѣднемъ направленіи, а въ дальнѣйшей стадіи окончательно фиксируется на сѣверъ. Окраска скелета исчезаетъ, скорченность уменьшается; но жертвы покойнику въ видѣ кострищъ съ костями челюстей и ножныхъ частей коровъ и овецъ, изрѣдка лошади, сохраняются. Въ позднѣйшей стадіи появляется трупосожженіе. Изслѣдованія того-же Рыкова сопровождаютъ насъ и дальше: за Волгу, по Еруслану и Большому Караману къ повороту теченія Урала съ западнаго направленія на южное. Рыковъ правильно отмѣчаетъ, что здѣсь, по верхнему Уралу, лежитъ наиболѣе естественный путь съ запада на востокъ и обратно, между предгорьями южнаго Урала съ сѣвера и Чижинскими разливами съ юга. Есть правда другой, болѣе сѣверный доисторическій путь между ледникомъ и водной трансгрессіей, — тамъ, гдѣ Уралъ всего ниже, перевалъ почти незамѣтенъ и верховья притоковъ Камы и Оби близко подходятъ другъ къ другу; но къ нему мы еще вернемся. Здѣсь, слѣдя за нашей формой погребенія, въ верховьяхъ р. Урала, мы отмѣтимъ структуру двойнаго кургана № 3 и 4 у с. Фриденберга. Въ № 4 вырыта уступами яма, на днѣ которой, на березовыхъ доскахъ, лежитъ на спинѣ мужской скелетъ; надъ нимъ настилъ, опирающійся на плечики могилы. Въ № 3 подъ досками скелетъ женщины на спинѣ. Выше (обоихъ?) помостъ изъ колотыхъ плахъ. Надъ помостомъ скелетъ лошади съ сѣдломъ на хребтѣ и съ стременами. Погребеніе относится къ болѣе позднему времени, которое Рыковъ опредѣляетъ «скифо-сарматскимъ»; но извѣстная намъ традиція, какъ видимъ, и здѣсь сохраняется.

Поднимаясь выше по р. Уралу къ г. Орску, мы встрѣчаемся съ раскопками М. П. Грязнова — кургановъ, обложенныхъ сверху камнями, около которыхъ обыкновенно располагаются нѣсколько плоскихъ могилъ, отмѣченныхъ снаружи правильными кольцами изъ камней. Эти послѣднія могилы, повидимому, представляютъ болѣе упрощенныя, дешевыя погребенія той-же эпохи. Деревянный срубъ здѣсь состоитъ изъ немногихъ звеньевъ, покрытыхъ накатомъ, и непремѣнно обложенъ съ внѣшней стороны камнями — очевидный переходъ отъ каменныхъ ящиковъ къ срубамъ. Напротивъ, курганы представляютъ болѣе сложный типъ, неточно описанный Грязновымъ. Если соединить погребенія въ насыпи, которыя онъ считаетъ

«впускными», съ главнымъ, то и получается искомый нами типъ. А именно: подъ насыпью выкопана яма въ материкѣ; въ ней два скелета, обложенные деревяннымъ срубомъ съ каменной обкладкой. Выше въ насыпи — костякъ съ костями барана около плеча; недалеко отъ него, въ другомъ «впускномъ» погребеніи еще одинъ скелетъ, головой на Западъ, на спинѣ, съ одной стороны обгорѣвшій, такъ какъ возлѣ были «положены дрова, зажжены и тотчасъ же завалены камнемъ и землей».

Ворота верхняго Урала выводятъ насъ на просторы степей и пустынь средней Азіи — той части громаднаго материка, гдѣ контрасты жары и мороза доходятъ до крайнихъ предѣловъ, гдѣ рѣки, не доходя до океановъ, пересыхая, теряются въ подвижныхъ пескахъ или сохраняютъ остатки водъ во внутреннихъ соленыхъ озерахъ. Вся эта территорія представляла-бы сплошное мертвое дно высохшаго моря третичной эпохи, если бы не горы, окаймляющія пустыни съ юга въ западной части (Иранское плоскогорье, Гиндукушъ, Памиръ, Тянь-Шань съ Алатау) и окружающія ихъ кольцомъ, которое отдѣляетъ Монголію отъ Тибета и Китая — въ восточной части пустыннаго пояса (Алтай и Яблоновой хребетъ съ сѣвера, Куэнь-Лунь, Алтынъ-Дагъ, Нань-Шань — съ юга и поперечный хребетъ Хингана — съ востока, см. любую физическую карту Азіи). Горы оживляютъ ландшафтъ, и, поднимаясь отъ степныхъ предгорій до вѣчныхъ снѣговъ, вносятъ, по закону вертикальныхъ зонъ, то разнообразіе культуръ (интенсивныхъ, зерновыхъ, травяныхъ, лѣсныхъ), которое мы видѣли въ Туркестанѣ (см. стр. 69-71). Въ этихъ горныхъ продольныхъ долинахъ и развиваются древнѣйшія земледѣльческія культуры срединной Азіи — на почвѣ арійской колонизаціи; а сосѣдство этихъ долинъ со степью и пустыней подвергаетъ ихъ вѣчной опасности хищническихъ набѣговъ и прочнаго завоеванія со стороны обитателей пустынь, номадовъ. Въ этой борьбѣ побѣжденными, политически и антропогеографически, оказываются земледѣльцы; ихъ плодоносныя почвы постепенно засыпаются песками наступающей пустыни. Верховнымъ закономъ этого наступленія пустыни является вѣковой процессъ высыханія водъ центральной Азіи. Этимъ процессомъ объясняется и потребность кочевниковъ искать все новыхъ и новыхъ пастбищъ на западѣ, необходимость для нихъ организоваться для переселеній и борьбы за новыя мѣста въ большія орды и налагать свое ярмо на осѣдлое населеніе, которое они постепенно ассимилируютъ, сажаютъ на коней и заставляютъ сопровождать ихъ въ далекіе походы. Начало этого процесса кроется въ доисторическомъ прошломъ, конца нѣтъ еще и въ наше время. То, что называютъ «желтой опасностью», имѣетъ свое происхожденіе въ этихъ кли-

матическихъ, зоо- и антропогеографическихъ условіяхъ жизни степно-пустыннаго мѣсторазвитія. Культуры, здѣсь создавшіяся, не выходятъ за предѣлы предназначенной для нихъ закономѣрности — и потому не имѣютъ будущаго. Вотъ почему всѣ вѣковыя культуры Азіи, оказавшіяся способными достигнуть большой высоты, лежатъ за предѣлами этого центральнаго пояса: это — Персія, Индія, Китай, а въ послѣдніе вѣка — полоса русской колонизаціи Сибири.

Возвращаясь отъ этого общаго очерка къ интересующей насъ территоріи, *) мы, естественно, должны будемъ искать древнѣйшаго контакта земледѣльческихъ культуръ съ кочевыми на стыкѣ предгорій и горныхъ долинъ со степями и пустынями юга или на территоріи постепеннаго перехода тѣхъ же пустынь и степей въ плодородныя, хорошо орошаемыя равнины сѣвера. Первую картину мы найдемъ передвигаясь на юго-востокъ отъ Урала — въ теперешній Казакстанъ и Туркестанъ; вторую картину представитъ переходъ изъ Киргизскаго края на сѣверо-востокъ — въ область притоковъ Оби. Въ первомъ направленіи — на юго-востокъ — въ обозримый нами періодъ времени могли передвигаться только кочевые набѣги или военныя и ученыя экспедиціи: здѣсь ожидалъ путниковъ труднѣйшій переходъ черезъ пески, усѣянные костями людей и животныхъ, какъ описывалъ еще въ XIII вѣкѣ свое путешествіе черезъ страну «кангитовъ» Плано-Карпини. Быть можетъ, за предѣлами исторіи дѣло стояло иначе. Пока вода въ озерѣ Иссыкъ-Куль стояла на 60 и болѣе метровъ выше теперешняго уровня, рѣка Чу, прорываясь черезъ узкую Боамскую тѣснину, могла доносить свои воды до нижняго теченія Сыръ- и Аму-Дарьи и увлекать ихъ за собой въ Каспійское море. Тогда вся теперешняя сухая почва могла орошаться каналами и вмѣщать въ себѣ болѣе или менѣе многочисленное населеніе. Въ это время, за одно или два тысячелѣтія до Р. Х., тутъ могли найти временное помѣщеніе арійцы, двинувшіеся сюда черезъ уральскія ворота. Но когда уровень Иссыкъ-куля опустился, рѣка Чу обмелѣла и потерялась въ пескѣ, недалеко отъ Сыръ-Дарьи, а воды Сыра и Аму остановились и составили Аральское море, арійцамъ, по закону высыханія почвы, пришлось, сняться съ мѣстъ и идти на югъ. Зендъ-Авеста и гимны Ригъ-Веды, по предположенію одного русскаго писателя, сохранили живую память объ этомъ трагическомъ переворотѣ. **)

---

*) Для дальнѣйшаго я отсылаю читателя къ «картѣ евразійскихъ переселеній» № 35 на стр. 256, въ той ея части, которая касается Азіи, и къ картѣ Туркестана на стр. 70-ой.

**) Я разумѣю здѣсь очень слабую въ научномъ отношеніи книгу А. П. Чайковскаго: «Родина арійской расы, гдѣ она была и отчего поки-

Въ историческій періодъ мы очень далеки отъ этого благополучія. Обѣ монархіи — Дарія и Александра Великаго не могли перейти грани, за которой и теперь кончаются плодородныя долины Зарявшана и верховьевъ Аму- и Сырь-Дарьи. Попытка Александра погнаться дальше за саками въ пустыни по ту сторону Сыръ-Дарьи — кончилась гибелью всего его отряда — быть можетъ, гдѣ нибудь въ теперешней Голодной степи. Надо предположить, что и задолго до нихъ, т.-е. до V и IV вѣка до Р. Х., культура проникала въ горныя долины, гдѣ и до сихъ поръ сохранились слѣды иранскаго населенія, не съ сѣвера, а съ юга, слѣдуя полукругу горъ, окаймляющихъ туркестанскую пустыню.

Такимъ образомъ, мы находимъ въ непреложныхъ условіяхъ осѣдлаго мѣсторазвитія связующее звено между древнѣйшими культурами Туркестана и Иранскаго плоскогорія. Линія, прослѣженная нами отъ Кавказа до Индіи, даетъ свое отвѣтвленіе черезъ Луристанъ и Мидію къ сѣверу. Здѣсь и звѣриный стиль долженъ былъ получить, на службѣ кочевникамъ, свое окончательное оформленіе. Гдѣ и когда именно, сказать трудно, въ виду почти полнаго отсутствія археологическихъ изысканій на разсматриваемой территоріи. Вѣроятно, это случилось въ болѣе позднее время, чѣмъ то, къ которому относится хиттитская, халдская и касситская культуры. Посредниками, слѣдуя полукругу горъ, могли явиться парфяне при арсакидахъ (250 до Р. Х. — 226 послѣ Р. Х.), Бактрія при селевкидахъ, съ ея легендами о борьбѣ съ туранцами, или наконецъ крайняя на сѣверъ Согдіана. Всѣ эти территоріи сплошь были населены арійцами, далеко распространившимися на востокъ, въ предѣлы горныхъ долинъ.

нута», Москва 1914 г. Своего тезиса объ арійской «прародинѣ» авторъ, конечно, не доказываетъ; но его указанія на связь «геологическаго» переворота въ долинѣ Иссыкъ-Куля съ высыханіемъ рѣчной системы Туркестана и на соотвѣтствіе современныхъ географическихъ терминовъ съ географіей Авесты и Ригведы очень правдоподобны. Боамскую разселину онъ сопоставляетъ съ «Буміей» Авесты и Ригведы, для Сыръ- и Аму- находитъ соотвѣтствія въ «Сира» и «Ямуна» ведійскихъ гимновъ, и даже отыскиваетъ «высокій берегъ Dargja» въ старомъ высохшемъ руслѣ Джанъ-Дарьи, гдѣ, по преданію Авесты, Зороастръ бесѣдовалъ съ Ахурамаздой. Авеста и Ригведа, несомнѣнно, сохранили память о былomъ полноводьѣ прежняго мѣстожительства, объ искусственномъ орошеніи его каналами и объ «обильныхъ жатвахъ», — щедромъ дарѣ рѣки, которая, по гимну Ригведы, «спускается съ холмовъ, чтобы течь до самаго моря». Я не касаюсь многочисленныхъ неправдоподобныхъ толкованій и выводовъ Чайковскаго.

Тутъ находимъ и тохарцевъ, чей языкъ былъ открытъ въ письменахъ, засыпанныхъ пескомъ пустыни, и предковъ сартовъ, согдійцевъ, дошедшихъ въ своей культурѣ до употребленія алфавита. Къ сожалѣнію, кромѣ клада золотыхъ вещей на Оксусѣ (Аму-Дарьѣ), мы не имѣемъ археологическихъ остатковъ этой связи. Нѣкоторое вліяніе упадочнаго греческаго искусства на развитіе стиля мы должны предположить въ періодъ кратковременнаго существованія греко-бактрійскаго государства.

Но гдѣ же «туранцы», кочевники? Мы знакомы съ результатомъ ихъ захвата только-что перечисленныхъ мѣстностей Туркестана: онъ выразился въ разныхъ пропорціяхъ смѣшенія тюркскаго типа съ древнѣйшимъ иранскимъ (стр. 92). На юго-западѣ и въ горныхъ долинахъ, какъ мы видѣли, преобладаютъ — у таджиковъ, сартовъ, туркменъ — иранскій типъ; на сѣверо-востокѣ, среди кочевниковъ — тюркскій. Чему соотвѣтствуютъ эти составные элементы въ древности? Свѣдѣнія греческихъ писателей кончаются, какъ и предѣлы завоеваній Александра, тамъ, гдѣ начинается степь. За ея предѣлами мы можемъ получить свѣдѣнія, притомъ сравнительно позднія — только изъ китайскихъ лѣтописей. Такъ же, какъ въ исторіи Ирана, набѣги сосѣднихъ кочевниковъ-варваровъ вплетаются въ легендарную исторію Китая съ незапамятныхъ временъ, которыя китайцы считаютъ тысячелѣтіями. Изъ этихъ кочевниковъ очень рано на западной границѣ начинаютъ упоминаться вѣроятные предки гунновъ, «хунну», которые постепенно усиливаются и овладѣваютъ всей Монголіей и Ордосомъ, тогда какъ Китай распадается на мелкія феодальныя владѣнія. Не раньше объединенія Китая подъ властью династіи Ханъ (206 до Р. Х.) китайцы обратили вниманіе на западныя территоріи. Хунны въ это время разбили и отогнали къ Каспійскому морю племя Юэчи, и китайскіе политики рѣшили искать у побѣжденныхъ союза противъ общихъ враговъ. Контрастъ между дикими кочевниками и цивилизованымъ Китаемъ очень ярко изображается въ это время въ одной рѣчи, которую китайскій историкъ *) влагаетъ въ уста китайскаго посла, передавшагося на сторону хунну и подавшаго имъ добрые совѣты противъ Китая. Вотъ его сопоставленіе обѣихъ странъ (170 до Р. Х.). «Численность хунну не можетъ сравниться съ населенностью одной китайской области; но они сильны потому, что имѣютъ свое особое одѣяніе и пищу. Хунны

*) Историкъ старшаго дома Хань, Бань-гу, умеръ въ 92 г. по Р. Х. Исторія закончена его зятемъ. Янъ Шы-гу (въ половинѣ VII в. по Р. Х.) написалъ на нее комментаріи, приводимые въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ Іакинфомъ.

питаются мясомъ скота, пьютъ его молоко, одѣваются его кожами, а скотъ питается травой и пьетъ воду ;смотря по временамъ, они переходятъ съ мѣста на мѣсто; въ скудное время они упражняются въ конномъ стрѣляніи изъ лука, а во время приволья веселятся и ни о чемъ не заботятся. Напротивъ, китайскій народъ упражняется въ земледѣліи и шелководствѣ, чтобы снискивать одѣяніе и пищу; строитъ города, чтобы обезопасить себя. При неурожаѣ онъ не имѣетъ времени заниматься воинскими упражненіями, а при урожаѣ заботится о своемъ достояніи. Законы хунну легки и удобоисполнимы. Государь просто обращается съ чинами и управляетъ цѣлымъ государствомъ, какъ однимъ человѣкомъ. Напротивъ, въ Китаѣ излишество церемоніальныхъ обрядовъ производитъ взаимное неудовольствіе между высшими и низшими; при множествѣ общественныхъ работъ истощаются силы народа. Хунны по смерти отца и братьевъ берутъ за себя ихъ женъ, чтобы родъ не пресѣкался, хотя бы и цѣной кровосмѣшенія. Въ Китаѣ постановлено обратное: родственники даже перемѣняютъ родовыя названія и столь удаляются другъ отъ друга, что нерѣдко другъ друга убиваютъ. Отсюда — междоусобія. Къ чему же служитъ образованность?».

Таковы невыгоды культуры и преимущества варварства въ изложеніи китайскаго предателя. Это сопоставленіе объясняетъ, почему китайская дипломатія рѣшила протовопоставить варварамъ подобныхъ имъ варваровъ и послала для этой цѣли развѣдчика Чжанъ-Кяня въ западные края. Посланный дважды попадалъ въ плѣнъ къ хунну, прожилъ нѣсколько лѣтъ среди народовъ Туркестана и вернулся черезъ 13 лѣтъ, потерявъ почти все свое военное сопровожденіе, но снабженный цѣнными свѣдѣніями о населеніи посѣщенныхъ имъ странъ. Какъ и слѣдуетъ предвидѣть, онъ рѣзко различаетъ между населеніемъ мирнымъ и немирнымъ, кочевниками — «такими же, какъ хунну», — и земледѣльцами, болѣе близкими къ китайской культурѣ. Мы заранѣе готовы къ тому, что границу между тѣми и другими онъ проведетъ тамъ же, гдѣ мы ее видѣли столѣтіями раньше: между горами и степью. Разберемся въ его свѣдѣніяхъ. *)

Культурной оказалась, прежде всего, страна Давань, ставшая центромъ развѣдокъ Чжанъ-Кяня. Давань — плодородная долина

*) На почвенной картѣ Туркестана, граница эта вырисовывается очень наглядно (стр. 70). Города отмѣчены буквами: въ долинѣ Или, на югъ отъ озера Балхашъ, Ал(ма-ата) — прежній Вѣрный, Дж(аркентъ). Въ долинѣ Ферганы: Ко(кандъ), Фе(ргана), Ди(лижанъ). Въ долинѣ Зарявшана: Бу(хара), Са(маркандъ). Въ долинѣ Аму-Дарьи Ча(рджуй), Дю(шамбе).

Ферганы въ верховьяхъ Аму-Дарьи (въ теперешней Узбекской республикѣ). Тогдашняя столица Гуйшень соотвѣтствуетъ Коканду. «Даваньцы ведутъ осѣдлую жизнь, занимаются земледѣліемъ, сѣютъ рожь и пшеницу, есть у нихъ виноградное вино, до 70 большихъ и малыхъ городовъ, населеніе простирается до 100.000». Въ такомъ-же положеніи оказалась сосѣдняя привольная долина Зарявшана — древняя Согдіана съ столицей Самаркандомъ. Китаецъ знаетъ эту область подъ названіемъ Дахя: «тамъ ведутъ осѣдлую жизнь, имѣютъ города и дома, въ обыкновеніяхъ сходны съ даваньцами, не имѣютъ верховнаго главы, почти каждый городъ поставляетъ своего правителя. Войска ихъ слабы, робки въ сраженіяхъ, разбиты юэчи. Жители (очевидно, сарты — древніе согдійцы) искусны въ торговлѣ, торгуютъ съ Индіей». Слѣдуя далѣе линіи горъ, — на другомъ концѣ горной дуги, въ Аньси (Парѳія; такъ называли китайцы парѳянскую династію арсакидовъ), посланный нашелъ не только культурную страну, но и «великое государство «съ множествомъ городовъ и со «*сплошнымъ* населеніемъ». Важно указаніе Чжанъ-Кяня, что на всемъ пространствѣ «отъ Давани на западъ до государства Аньси, хотя есть большая разность въ нарѣчіяхъ, но языкъ весьма сходенъ, и въ разговорахъ понимаютъ другъ друга»: т.-е. мы имѣемъ здѣсь сплошное иранское населеніе. Посланный указываетъ и на бросившіеся ему въ глаза антропологическіе признаки этого населеніе «впалые глаза и густыя бороды». Указалъ онъ и на то, что парѳяне ведутъ большую внѣшнюю торговлю — «даже за нѣсколько тысячъ ли». Скоро они явятся посредниками на вновь налаженномъ «шелковомъ» пути въ Китай.

Ни Фергана, ни Согдіана, ни Парѳія войти въ союзъ съ Китаемъ противъ Хунну не пожелали: все это — страны съ осѣдлымъ населеніемъ. Другое дѣло — кочевники. Большую часть Юэчи посланный нашелъ на западъ отъ Ферганы, въ низовьяхъ Аму-Дарьи, съ средоточіемъ на территоріи позднѣйшаго Хивинскаго ханства. «Слѣдуя за скотомъ, они перекочевывали съ мѣста на мѣсто» и «въ обыкновеніяхъ сходствовали съ хунну». На сѣверъ отъ Юэчи кочевали кангюйцы, на сѣверо-западъ до Каспія — Яньцай, «зависѣвшіе отъ Кангюя и позднѣе «переименованные въ Аланья» (т.-е. аланы). Однако, Юэчи тоже не захотѣли помогать китайцамъ противъ хунну: «обитая въ привольной странѣ, рѣдко подверженной непріятельскимъ набѣгамъ, ихъ владѣтель расположился вести мирную жизнь, а по отдаленности отъ дома Ханъ вовсе не думалъ объ отмщеніи хунну». Иначе отнеслись къ предложенію союза подлинные кочевники, обитавшіе въ широкой долинѣ Или, непосредственно связанной съ Кульджей (Восточный Туркестанъ), гдѣ сильнѣе чувст-

вовался пульсъ азіатскихъ пустынь, обладаемыхъ хунну. Тамъ Чжанъ-Кянь нашелъ «кочевое владѣніе Усунь, коего жители переходятъ со скотомъ съ мѣста на мѣсто, смотря по приволью въ травѣ и водѣ, и въ обыкновеніяхъ сходствуютъ съ хунну; они отважны въ сраженіяхъ. Въ ихъ владѣніяхъ много лошадей, и богатые содержатъ ихъ отъ 4.000 до 5.000 головъ. Народъ суровъ, алченъ, вѣроломенъ, вообще склоненъ къ хищничеству. Прежде усунь были подъ зависимостью хунну, но впослѣдствіи, усилившись, подчинили себѣ многія другія владѣнія. Они собрали своихъ вассаловъ и отказались ѣздить въ орду хунну». Это были, слѣдовательно, подходящіе союзники, и Чжанъ-Кянь даже попытался уговорить ихъ переселиться поближе къ Китаю, чтобы «отсѣчь правую руку у хунну». Полнаго согласія онъ, однако, и тутъ не получилъ; скоро китайцы убѣдились, что «усуньцы держатся двухъ сторонъ», почему и «трудно вступать въ договоръ съ ними». Посланную владѣтелю, въ знакъ дружбы, китайскую царевну вождь усуней сдѣлалъ второй своей женой, а старшей супругой объявилъ дочь владѣтеля хунну. Оставленная въ пренебреженіи престарѣлымъ супругомъ, китайская царевна затосковала и выразила свое горе въ слѣдующихъ стихахъ: «выдали меня родственники на дальнюю сторону, отдали въ чужое царство за усуньскаго царя. Живетъ онъ въ круглой хижинѣ, обтянутой войлокомъ, питается мясомъ, пьетъ молоко. Какъ вспомню объ отчизнѣ, сердце заноетъ. Хотѣла-бы дикимъ гусемъ быть, чтобы вернуться на родину». Такъ и не состоялось тѣснаго союза между государствомъ избалованной культурной обстановкой принцессы и властителемъ, живущимъ суровой жизнью кочевника.

Территорія этихъ номадовъ, не затронутыхъ осѣдлой культурой, расположена на крайнемъ сѣверо-востокѣ Туркестана — между предгорьями Илійской долины и озеромъ Балхашъ. Она составляетъ уже переходъ къ Казакстану — киргизскому краю. Чжанъ-Кянь отмѣтилъ, что и природа здѣсь иная: «земли ровныя и травянистыя, страна слишкомъ дождливая и холодная (конечно, сравнительно съ его привычнымъ климатомъ). На горахъ много хвойнаго лѣса». Это — теперешняя Семирѣченская область, гдѣ кочуетъ Большая киргизская орда. На сѣверъ отъ Аральскаго моря и озера Балхашъ, послѣ полосы песчаной пустыни, пересѣкающей постоянныя сношенія, начинается, дѣйствительно, за водораздѣломъ между средне-азіатскимъ и сибирскимъ бассейнами, полоса ковыльныхъ и типчаковыхъ степей на каштановыхъ почвахъ, а за нею полоса шоколаднаго чернозема, гдѣ протекаютъ притоки Оби. Путь на сѣверъ и сѣверо-востокъ отсюда такъ-же открытъ и легокъ по сплошной равнинѣ, какъ онъ затрудненъ пустынями и горами Туркеста-

на — между сѣверомъ и югомъ, западомъ и востокомъ. И естественно, что здѣсь мы вступаемъ въ иную полосу мѣсторазвитія и антропогеографіи. Единство территоріи и населенія Казакстана съ областью узуней на югъ отъ Балхаша иллюстрируется уже тѣмъ, что и въ настоящее время одна и та же народность киргизовъ-казаковъ живетъ въ этихъ мѣстахъ въ одинаковыхъ условіяхъ кочевья: Большая орда на югѣ, Средняя и Малая на западѣ и на сѣверѣ.

Киргизъ-казаки (кайсаки), конечно, здѣсь недавніе пришельцы. Гораздо раньше они становятся намъ извѣстны въ своемъ мѣстожительствѣ въ верховьяхъ Енисея, подъ китайскимъ названіемъ «хакасы». Китайскій историкъ династіи Тханъ (618-907) описываетъ ихъ, какъ обитателей лѣсной, холодной страны, гдѣ «даже большія рѣки на половину замерзаютъ», и какъ народъ полуосѣдлый: съ одной стороны они «сѣютъ просо, ячмень, пшеницу и гималайскій ячмень»; «богатые землепашцы» владѣютъ стадами коровъ и овецъ въ нѣсколько тысячъ головъ; съ другой стороны ихъ властитель живетъ въ войлочной палаткѣ, а другіе начальники — въ малыхъ палаткахъ; конники вооружены лукомъ и стрѣлами, питаются мясомъ и кобыльимъ молокомъ. Можетъ быть, эта двойственность быта и очевидное соціальное разслоеніе на «богатыхъ» и «низшихъ» связаны со смѣшаннымъ этническимъ составомъ древнѣйшихъ «хакасовъ». Выясненіе его ставитъ передъ нами очень интересную проблему. По характеристикѣ китайскаго историка X вѣка по Р. Х., «жители вообще говоря рослы, съ рыжими волосами, съ румянымъ лицемъ и съ голубыми глазами», тогда какъ обладатели «карихъ глазъ» почитались знатью — потомками Ли-Линъ, китайскаго полководца, а «черные волосы считались нехорошимъ признакомъ» — очевидно, людей низшаго происхожденія. Такую смѣсь историкъ объясняетъ тѣмъ, что «жители перемѣшались съ динлинами». Именно бѣлокурые и голубоглазые динлинъ и должны считаться древнѣйшими обитателями этой мѣстности. Но судя по тѣмъже китайскимъ источникамъ, динлинцы тоже не автохтоны. Когда-то они обитали въ Чжилійской и Каньсійской провинціи Китая и лишь къ концу V вѣка до Р. Х. переселились въ Манчжурію, къ Байкалу и въ Алтайско-Саянскій горный районъ. Это, несомнѣнно, европейская раса — но только въ смыслѣ тѣхъ «европидовъ», которые переселились въ Сибирь въ эпоху Ориньяка,, затѣмъ прошли обратнымъ порядкомъ сѣверную Россію до Прибалтики и положили въ неолитѣ начало «сѣверной расѣ» (ср. стр. 132, 137-138, 170, и рисунки на стр. 172). Это, очевидно, еще не индоевропейцы — не члены семьи языковъ, сложившейся въ средней Европѣ на смѣшанной антропологической основѣ, и, въ частности, не пранцы, пришед-

шіе въ переднюю Азію (горныя долины Туркестана) черезъ Закавказье и Мидію или через Уральскіе ворота въ доисторическую эпоху полноводья Дарьинской рѣчной системы (см. карту № 35). «Европиды» типа динлинъ (если они тожественны съ ди-ли китайскихъ лѣтописей) уже въ концѣ IV вѣка по Р. Х. смѣшались съ тюрками (названіе, которое, правда, становится извѣстно только съ VI столѣтія по Р. Х.) и начали говорить языкомъ «сходнымъ съ хуннускимъ, но съ небольшой разницей». Вмѣстѣ съ этимъ перемѣнился, повидимому, и ихъ образъ жизни. По крайней мѣрѣ, китайскій лѣтописецъ X вѣка по Р. Х. изображаетъ образъ жизни своихъ «хакасовъ» уже по обычному трафарету кочевниковъ. «У нихъ не было единоначальствующаго верховнаго главы; каждый родъ имѣлъ своего государя или старѣйшину. По природѣ грубы и свирѣпы; хлѣба не имѣютъ, вина не дѣлаютъ. Имѣютъ много лошадей и рогатаго скота, питаются мясомъ и кобыльимъ кумысомъ; одѣваются кожами. Переходятъ съ мѣста на мѣсто, смотря по достатку въ травѣ и водѣ». Ѣздятъ на «высокихъ колесахъ со множествомъ спицъ». При свадьбѣ и похоронахъ имѣютъ мѣсто конныя упражненія. Покойникъ ставится въ выкопанную могилу съ натянутымъ лукомъ въ рукахъ, опоясанный мечемъ, съ копьемъ подъ мышкой, «какъ будто живой». Но могилу не засыпаютъ, а «для принесенія благодарности духамъ закалываютъ множество разнаго скота и сожигаютъ кости его». Мы видимъ тутъ появленіе вновь основныхъ чертъ знакомаго намъ погребальнаго обряда. Въ лѣтописи дома Дулга (монгольское названіе «тукіу», т.-е. тюрковъ) 535-745 по Р. Х., находимъ дополнительныя черты похороннаго обряда тюркскихъ кочевниковъ: послѣ обильныхъ жертвъ лошадьми и овцами, любимую лошадь и вещи покойника сожигаютъ и «въ опредѣленное время года зарываютъ въ могилу»; «въ зданіи, построенномъ при могилѣ, ставятъ нарисованный обликъ покойника и описаніе сраженій; по числу убитыхъ имъ враговъ ставятъ камни на могилѣ; число такихъ камней простираются до ста и даже до тысячи». Орхонскія надписи (то же VIII столѣтіе по Р. Х.) сообщаютъ намъ названіе этихъ каменныхъ фигуръ покойниковъ: *балбалъ*. Бартольдъ совершенно правильно сопоставляетъ это слово съ русскимъ названіемъ каменныхъ «бабъ». Всѣ эти черты, свойственныя кочевникамъ, уже не касаются динлиновъ, сохранившихъ свою бѣлокурость среди т. наз. енисейскихъ остяковъ. Естественно, что Абульгази въ XVII столѣтіи уже дѣлаетъ такой выводъ изъ описаннаго процесса: настоящихъ киргизъ (т.-е. старыхъ енисейскихъ) осталось теперь очень мало, но это имя присваиваютъ теперь себѣ монголы и другіе, переселившіеся на ихъ прежнюю землю».

Съ этими свѣдѣніями мы можемъ вернуться къ народу усунь, обитавшему между Балхашемъ и предгорьями Илійской долины навѣрное раньше II столѣтія до Р. Х., когда ихъ нашелъ тамъ китайскій посланникъ Чжанъ-Кянъ. Усуньцы раздѣляютъ съ динлинами и первоначальными киргизами-хакасцами европидныя антропологическія черты: они, по сообщенію комментатора исторіи дома Ханъ, Шыгу, «обликомъ весьма отличны отъ другихъ иностранцевъ Западнаго края». И онъ дѣлаетъ интересное поясненіе: «нынѣ (т.-е. въ VII ст. по Р. Х.) тюрки съ голубыми глазами и рыжими бородами, похожіе на обезьянъ, суть ихъ потомки». Итакъ, нѣкоторые изъ тюрковъ сохранили антропологическія особенности — или иранцевъ (мы уже знаемъ это относительно иранскихъ тюрковъ Туркестана, ср. стр. 92-93) или европидовъ Сибири. Къ какой же категоріи отнести узуней: къ иранцамъ, подобно остальному древнему населенію туркестанскихъ горныхъ долинъ, или къ европидамъ, т.-е. родичамъ хакасовъ? Рѣшить это нелегко. Китайскій историкъ сообщаетъ объ этническомъ составѣ страны узуней слѣдующее. «Первоначально, пишетъ онъ, эта страна принадлежала народу Сэ», т.-е. тѣмъ сакамъ-кочевникамъ, которыхъ не могъ одолѣть Александръ Македонскій (стр. 91). Ихъ обыкновенно считаютъ иранцами. Но еще до узуней сэскаго владѣтеля выгнали «Большіе Юэчи», разбитые въ ихъ прежнемъ мѣстожительствѣ хунну, — откочевавъ затѣмъ, какъ мы видѣли, дальше на западъ, въ Согдіану (стр. 000). Послѣ ухода Юэчи, «усуньскій владѣтель остался на его земляхъ: посему-то *между усуньцами находятся отрасли племенъ сэскаго и юэчискаго*», очевидно, оставшіеся на мѣстѣ. Въ итогѣ, территорія узуней оказывается занятой — смѣшаннымъ населеніемъ, въ большинствѣ «сходнымъ въ обычаяхъ съ сосѣдними хунну», т.-е. кочевымъ (120.000 кибитокъ, 630.000 душъ). Въ VII в. по Р. Х. въ этой смѣси только нѣкоторые тюркизированные «потомки» узуней сохранили голубые глаза и рыжіе волосы своихъ древнихъ узуньскихъ предковъ. Но еще въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. узуни рѣзко отличались отъ «другихъ иностранцевъ западнаго края», т.-е. они еще сохраняли въ чистомъ видѣ свои европидскія черты, хотя въ своемъ бытѣ уже вполнѣ усвоили черты кочевниковъ. Очевидно, въ промежуткѣ между V в. до Р. Х. и V-VII по Р. Х. узуни раздѣлили судьбу европидскихъ динлиновъ-хакасовъ: они передали свое имя завоевателямъ-тюркамъ и постепенно распустились въ ихъ средѣ, лишь отчасти передавъ имъ свой антропологическій типъ. Нѣсколько раньше, какъ увидимъ, то же самое произошло со скифами — съ той только разницей, что тутъ, наоборотъ, скифы завоеватели — передали свое имя туземцамъ, распустившись въ ихъ средѣ и не пере-

давъ имъ своего антропологическаго типа. Можно сразу указать и причину этой разницы: въ Азіи кочевники степи взяли верхъ надъ осѣдлыми земледѣльцами, какими, вѣроятно, были первоначальные узуни; въ восточной Европѣ, напротивъ, осѣдлое населеніе ассимилировано себѣ кочевниковъ. Напомню, что, въ свою очередь, разница эта опирается на различіе мѣсторазвитій: въ южно-русскихъ степяхъ осадки составляютъ отъ 500 до 400 миллиметровъ, черноземныя почвы степи сливаются съ лѣсостепными, умѣренный климатъ не достигаетъ всей рѣзкости континентальнаго, тогда какъ въ Туркестанѣ осадки колеблются между 300 и менѣе ста, степныя почвы переходятъ въ почвы пустыни, оставляя черноземы въ предгорьяхъ, а теплый климатъ переходитъ въ жаркій, оставляя умѣренныя температуры для тѣхъ-же предгорій. Въ этомъ — все различіе межку Европой и Азіей (ср .стр. 51-55 и 69-72).

Возможность племеннаго сближенія первичныхъ узуней съ первичными хакасами, ставитъ передъ нами дальнѣйшій вопросъ — о древнѣйшихъ связяхъ населенія Илійской долины съ населеніемъ верхняго Енисея. О географической возможности этихъ связей мы уже говорили (стр. 94). Именно Илійская долина представляетъ наилучшую изъ этихъ возможностей, открывая черезъ верховье Или путь на Кульджу, въ Джунгарію, а черезъ р. Аягузъ, втекающую въ Балхашъ съ противоположной, восточной стороны, на верховья Енисея. *) Есть и другіе пути — черезъ верхніе притоки Иртыша, Бухтарму, или притокъ Оби Чулышманъ, въ обходъ Алтая съ сѣвера; но я останавливаюсь, прежде всего, на отмѣченномъ пути, потому что именно онъ ведетъ на территорію древнихъ хакасовъ и также потому, что по нему насъ сопровождаетъ древнѣйшій изъ гидовъ: каменныя бабы и другіе остатки древностей. Покойный писатель С. Р. Минцловъ, послѣдній посѣтившій Урянхай съ научной цѣлью и обнаруживший тонкую наблюдательность, сообщаетъ намъ чрезвычайно важныя свѣдѣнія объ этомъ пути. Согласно его выводамъ, совершенно не имѣвшимъ въ виду моихъ наблюденій, «главное тяготѣніе этой страны (Урянхая) было направлено не къ Китаю, а западнѣе его, въ сторону восточнаго Туркестана». «Пустынный и дикій нынѣ, Урянхай служилъ великимъ путемъ съ далекаго юга на сѣверъ въ Сибирь». Что касается населенія, выводъ Минцло-

*) Въ обходъ хребта Тарбогатая, переваломъ черезъ Кокбекты въ долину озера Зайсанъ и по втекающему въ озеро Черному Иртышу и его продолженію р. Кранъ — въ Кобдо; отсюда двумя перевалами (Богосукъ и Шапшалъ-Даба), обходя хребетъ Танну-Ола, къ верховьямъ р. Кемчикъ, впадающей въ Енисей въ Урянхайскомъ краѣ (см. карту № 35).

ва слѣдующій: «урянхайскій край пережилъ нѣсколько смѣнъ народовъ: длинноголовые культурные первонасельники его были вытѣснены потомъ круглоголовымъ племенемъ за Саяны въ Минусинскій край и, можетъ быть, въ сторону Туркестана. Пришлецы, въ свою очередь, были вытѣснены изъ него, и нынѣшніе обитатели его сойоты или Туба — лишь недавніе гости въ краѣ, ушедшіе съ родной рѣки подъ давленіемъ сибирскихъ казаковъ». «Длинноголовые» — это, конечно, наши европиды. Они были оттѣснены частью на сѣверъ (енисейскіе остяки), частью на юго-западъ, въ Туркестанъ (узуни?), но частью остались на мѣстѣ и смѣшались съ завоевателями. Если эти завоеватели были короткоголовые, то рѣчь можетъ идти только о монголахъ, — и тогда это первое вытѣсненіе должно относиться къ очень давнему времени — до передвиженій хунну-тюрковъ. Новые пришельцы, вытѣснившіе въ свою очередь короткоголовыхъ, должны были быть тюрками, и тогда это-то самое передвиженіе хунну — II-I столѣтій до Р. Х., о которомъ шла выше рѣчь со словъ китайскихъ историковъ.

Хронологія различныхъ стадій заселенія Урянхайскаго края основывается у Минцлова на совершенно безспорномъ фактѣ. Древнѣйшіе археологическіе памятники — бронзоваго періода — расположены на самой верхней террассѣ, — единственной, которая возвышалась надъ уровнемъ воды въ рѣкахъ того времени. Запомнимъ форму кургановъ, которые находятся на этой террассѣ: это невысокія круглыя насыпи, меньше сажени въ вышину, обведенные по подошвѣ кольцомъ изъ круглыхъ камней; въ нихъ погребены длинноголовые рослые скелеты головами на югъ — въ скорченномъ положеніи, иногда по двое, лицомъ другъ къ другу; у череповъ мѣдныя вещи — наконечники стрѣлъ, кинжалы. Надъ скелетами — деревянные срубы, покрытые плахами съ неснятой корой. Это, очевидно, динлины эпохи энеолита или бронзы; форма ихъ погребенія намъ извѣстна изъ другихъ мѣстъ. Позднѣе, по спадѣ водъ, открылась вторая террасса, сажени на двѣ ниже; на ней помѣщаются совсѣмъ другія могилы — кочевниковъ желѣзнаго періода. Ихъ скелеты — менѣе высокаго роста; черепа ихъ «круглоголовые, съ выдавшимися скулами, зачастую почти съ полнымъ отсутствіемъ лба, скошеннаго назадъ и съ рѣзко выпуклыми надбровными дугами». Находки въ этихъ курганахъ, «исключительно желѣзныя, указываютъ на крайнюю бѣдность и дикость кочевавшаго здѣсь племени». На этихъ же вторичныхъ террассахъ — и исключительно на нихъ — Минцловъ встрѣчалъ каменныя изваянія; отношеніе ихъ къ курганамъ онъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ и одну изъ нихъ, воспроизведенную мною на рис. 39, № 10 признаетъ принадлежащей тюркскому типу.

№ 39. Антропологическіе типы Евразіи.

Независимость каменныхъ бабъ отъ могилъ подтверждается и другими путешественниками по этимъ мѣстамъ, какъ Потанинъ, Чайковскій. Большая часть найденныхъ на мѣстѣ бабъ расположена по направленію дорогъ и отмѣченныхъ выше горныхъ перевваловъ: сюда относятся и сопоставленные на рис. 39 №№ 3, 6, 7, 8, 9. Антропологическій типъ каменныхъ бабаъ неоднороденъ, но элементы смѣшенія довольно ясны. *) Между ними есть чистые тюркскіе типы (№№ 6 и 10), и у всѣхъ носъ и глаза прямые. Но овалъ лица у нѣкоторыхъ широкій, скуластый (№№ 7, 9 — женское лицо — и снимокъ изъ той же мѣстности на стр. 172, № 4), у другихъ овалъ совсѣмъ округлый, соотвѣтствующій низкому лбу; если принять въ разсчетъ законъ симметріи, это должно указывать на короткоголовый монгольскій типъ (№№ 3 и 8). При очевидной разновременности постановки статуй и при общей принадлежности ихъ къ сравнительно поздней эпохѣ — кочевниковъ желѣзнаго вѣка, такое смѣшеніе типовъ вполнѣ понятно.

Возвращаясь къ наблюденіямъ Минцлова въ Урянхайскомъ краѣ, отмѣтимъ еще, во первыхъ, великолѣпно построенную на верхней, древнѣйшей террассѣ дорогу мѣдной эпохи, тянувшуюся на сотни верстъ въ горныхъ ущельяхъ и среди степи, покрытой тогда водой, а теперь высохшей. Эта дорога соединяла р. Кемчикъ, впадающую въ Енисей, съ долиной Малаго Енисея. Очевидно, она указываетъ на одинъ изъ важныхъ путей древнѣйшихъ передвиженій населенія. Такъ какъ на той же террассѣ были найдены слѣды оросительныхъ каналовъ, то ясно, что древнѣйшее населеніе длинноголовыхъ было земледѣльческимъ. Населеніе нижней террассы (короткоголовіе ихъ надо провѣрить), очевидно, было кочевниками. Отмѣтимъ еще одно важное сообщеніе Минцлова. Въ Урянхайскомъ краѣ — много древнихъ рудниковъ, и имѣются остатки плавильныхъ печей. В одномъ кемчикскомъ районѣ найдено 16 такихъ мѣстностей. Руда добывалась мѣдная, и предметы изъ мѣди, очевидно, мѣстнаго происхожденія.

Мы, такимъ образомъ, прослѣдили связь верхняго Енисея съ горной долиной Туркестана — въ обходъ пустыни, съ юга. Но я

---

*) Объясненіе къ рис. № 39: антропологичнскіе типы Евразіи. 1) Семитскій типъ хиттитскаго бога войны: изображеніе на скалѣ въ Богазъ-Кіоѣ. 2, 4, 5) Египетскія изображенія скифовъ по Флиндерсу Петри (Memphis). 3 и 10) Каменныя бабы по снимкамъ С. Р. Минцлова. 6, 7, 8, 9) Семирѣченскія каменныя бабы по снимкамъ въ книгѣ В. М. Флоринскаго. 11 и 12) Типы золотыхъ бляхъ западной Сибири изъ эрмитажной коллекціи (11 — «скифскій», 12 — монгольскій).

упомянулъ уже о другихъ путяхъ на Енисей — въ обходъ пустыни съ запада. Это направленіе возвращаетъ насъ къ территоріи киргизскихъ кочевьевъ Казакстана, на которой мы остановились. Отмѣчу тутъ же, что эта территорія такъ-же богата археологическими памятниками, какъ и только что разсмотрѣнная — и гораздо лучше изучена. Вообще надо замѣтить, что археологическія находки возобновляются, какъ только мы выходимъ за восточные предѣлы пустыни къ горамъ и за сѣверные предѣлы пустыни — въ степи (см. карту 35, на стр. 256).

Мы остановились въ воротахъ верхняго Урала и взяли направленіе оттуда на юго-востокъ — въ царство степей, переходящихъ въ пустыни. Вернемся къ исходному пункту, чтобы обойти пустыню степью, переходящею въ лѣсостепь бассейна Оби, Первое, что мы тутъ находимъ, — это новое доказательство древняго единства степной культуры отъ Урала до верхняго Енисея. Объ этомъ единствѣ свидѣтельствуетъ обширная территорія погребеній т. наз. «андроновской» культуры. Восточный ея предѣлъ отмѣченъ С. А. Теплоуховымъ въ раскопкахъ Минусинскаго края. На западный указалъ Грязновъ въ упомянутыхъ выше раскопкахъ на лѣвыхъ притокахъ р. Урала, ниже Орска. Главные признаки погребеній андроновскаго типа: почти расплывшаяся насыпь, огражденная кольцомъ камней: въ неглубокой могилѣ — одинъ или два костяка въ скорченномъ положеніи на боку, головой на западъ или юго-западъ. Они ограждены, смотря по доступному на мѣстѣ матеріалу, каменными плитами или четырьмя бревнами — удешевленная символика ящика или сруба. Находки, очень бѣдныя, принадлежатъ бронзовой эпохѣ; наиболѣе характерна «баночная» форма керамики, украшенной довольно сложнымъ геометрическимъ орнаментомъ. Въ западной группѣ погребеній — по Уралу, Ишиму, Тоболу, сосуды эти нѣсколько отличаются отъ восточной группы — по верховьямъ Иртыша, Оби, Енисея. Кромѣ керамики андроновскую культуру характеризуютъ особенныя формы топоровъ, кельтовъ, кинжаловъ. Такое единство андроновской культурной области заставляетъ предполагать и этническое единство населенія. Измѣреніе череповъ Грязнова М. Н. Комаровымъ прибавляетъ къ длинноголовію другіе признаки: широкое лицо и широкій носъ. Ростъ костяковъ — нѣсколько выше средняго. Повидимому, мы опять имѣемъ дѣло съ сѣверными длинноголовыми. Судя по бѣдности и по общему характеру культуры — это населеніе осѣдлое, слабо дифференцированное въ соціальномъ отношеніи (ср. стр. 305: типъ «скифа»).

Чтобы найти здѣсь слѣды иной, кочевой культуры, насъ интересующей, надо обратиться къ большимъ курганамъ, размѣры кото-

рыхъ дѣлали невозможнымъ ихъ раскопки для частныхъ лицъ; поэтому намъ приходится довольствоваться работами, произведенными еще въ 1860-хъ г.г. академикомъ В. В. Радловымъ. Подобно Минцлову, Радловъ рѣзко различаетъ погребенія мѣднаго и бронзоваго періода отъ могилъ древнѣйшаго желѣзнаго вѣка. По его словамъ, «всѣ могилы въ долинахъ Енисея и въ Алтаѣ, а также многіе изъ могильныхъ холмовъ въ Киргизской степи, у Кулунды и въ Барабинской степи принадлежатъ къ мѣдному или бронзовому періоду. Это, по преимуществу, небольшихъ размѣровъ погребенія въ каменныхъ ящикахъ, покрытыхъ плитами и только иногда деревомъ. Костяки — частью на спинѣ, частью въ скорченномъ положеніи (ср. выше стр. 265). Матеріалъ для постройки этихъ «каменныхъ» могилъ, имѣлся подъ руками, такъ какъ они расположены, по большей части, «на болѣе возвышенныхъ пунктахъ, гдѣ грунтъ каменистый и не подверженъ наводненію» (ср. замѣчанія Минцлова о верхней террассѣ). Радловъ обращаетъ затѣмъ вниманіе на то, что звѣриный стиль въ находкахъ этого періода еще склоняется къ реализму изображеній. «Всякія ненатуральныя искривленія, всякіе фантастическіе изгибы или изображенія мифическихъ чудовищъ (а въ этомъ состоятъ особенности звѣринаго стиля въ его полномъ развитіи. *П. М.)* — чужды орнаментикѣ того времени». Мѣдь и золото, служившія матеріаломъ, по наблюденію Радлова, находились и здѣсь въ Алтаѣ и Саянахъ, въ Киргизской степи и Кузнецкомъ Алатау, въ такомъ изобиліи, «что добытымъ металломъ народъ этотъ производилъ еще обширную торговлю». Обломки мѣди, сохранившіеся повсемѣстно отъ выплавки, скелеты рудокоповъ съ полными мѣшками руды въ обвалившихся копяхъ, мѣдныя орудія, найденныя въ глубинѣ золотоноснаго песка — все это твердо обосновываетъ выводъ Радлова. Населеніе, остатки котораго еще въ XVII столѣтіи носили прозвище «кузнецовъ» (Енисейскіе остяки, Котты, Арины, Ассане) — и которое говоритъ своимъ особымъ языкомъ — Радловъ считаетъ осѣдлымъ: онъ ссылается на многочисленные остатки оросительныхъ каналовъ, на рѣдкость находокъ конской обруи, на преимущественныя изображенія пѣшихъ людей на рисункахъ на скалахъ.

Совсѣмъ другую картину представляютъ археологическіе остатки населенія желѣзнаго періода. Это уже — безспорные кочевники, могилы которыхъ («насыпныя, изъ полевыхъ камней, въ отличіе отъ «каменныхъ») эпохи бронзы Радловъ раскапывалъ въ верховьяхъ Иртыша, Катуни и Енисея (Уйменская степь, Бухтарма, восточная Киргизская степь, Барабинская степь, окрестности Барнаула-Кулунда). Тутъ мы опять встрѣчаемся съ типомъ погребеній, намъ уже хорошо знакомымъ. Это — большихъ размѣровъ могилы,

окруженныя иногда маленькими, той же эпохи, и содержавшія въ себѣ богатое погребеніе вождя. Общія черты этихъ погребеній, къ сожалѣнію, недостаточно тщательно изслѣдованныхъ, характерны соединеніемъ примитивности съ роскошью. Главное погребеніе, одиночное или двойное, обыкновенно находится на значительной глубинѣ ниже уровня почвы; на груди скелета часто положены спинные позвонки барана — остатки жертвы. Яма покрыта сложной деревянной конструкціей изъ толстыхъ балокъ, положенныхъ въ два ряда — вдоль и поперекъ, и прикрытыхъ березовой корой. Подъ или надъ крышей остатки цвѣтнаго роскошнаго платья изъ дорогого (горностай и соболь) мѣха и шелка, иногда хорошо сохранившіеся (во льду). Среди большихъ каменныхъ глыбъ, насыпанныхъ на крышу, — слѣды жертвоприношеній, лошадиныя и человѣческія кости. Въ болѣе роскошныхъ погребеніяхъ этого типа скелеты лошадей положены отдельно, причемъ въ могилѣ Верельской степи въ верховьяхъ Бухтармы (на перевалѣ) число принесенныхъ въ жертву лошадей доходило до 16, по четыре въ рядъ; первые два ряда были «покрыты густымъ слоемъ украшеній, вырѣзанныхъ изъ березовой коры и дерева и по большей части обложенныхъ золотыми пластинками». Въ другой части этой же могилы, глубже уровня лошадиныхъ скелетовъ, найденъ выдолбленный стволъ дерева въ 1½ аршина ширины, на четырехъ углахъ котораго «придѣланы были вылитыя изъ мѣди птицы, — съ каждой стороны по одной птицѣ съ поднятыми и по одной съ опущенными крыльями» (прототипъ балдахина?). На 1½ аршина ниже этой крыши лежалъ остовъ лошади, а подъ нимъ, еще ниже, остатки (главнаго?) скелета, возлѣ котораго лежали остатки мѣдныхъ и золотыхъ пластинокъ (очевидно, нашитыхъ на покрывало). Слѣдуетъ отмѣтить, что Радловъ нигдѣ не встрѣтилъ въ могилахъ этого типа слѣдовъ сожженія — остатковъ тризны вмѣстѣ съ срубомъ, и только въ могилахъ «новѣйшаго желѣзнаго періода въ Абаканѣ» встрѣтилъ сожженіе «извѣстныхъ частей жертвеннаго животнаго». Отсюда слѣдуетъ заключить, что типъ кочевническихъ могилъ данной мѣстности древнѣе типа съ сожженіемъ тризны, не говоря уже о сожженіи самаго покойника (стр. 000, ср. стр. 000). Что касается звѣринаго стиля могилъ древней желѣзной эпохи, Радловъ описываетъ его такъ: «Мы находимъ почти во всѣхъ могилахъ древняго желѣзнаго вѣка украшенія, вырѣзанныя изъ кости или дерева. На костяныхъ или деревянныхъ пластинкахъ очень часто вырѣзаны изображенія звѣрей, которыя отличаются отъ такихъ-же изображеній бронзоваго періода тѣмъ, что это не копіи съ настоящихъ формъ животныхъ, а различныя изображенія фантастическихъ чудовищъ: лошади съ птичьими головами, птицы съ го-

ловами тигровъ, тигры съ хвостами, на концѣ которыхъ изображены змѣиныя или птичьи головки, лоси или олени, у которыхъ на рогахъ находятся птичьи головки, а морды кончаются птичьимъ клювомъ». Рядомъ съ животными мотивами Радловъ отмѣтилъ и другую особенность орнаментики кочевниковъ желѣзнаго періода: «арабески и изогнутыя линіи, заимствованныя очевидно у растеній». Итакъ, здѣсь мы присутствуемъ при полномъ расцвѣтѣ звѣринаго стиля. (Ср. сибирскія параллели звѣринаго стиля на рис. №№ 36 и 37).

Рѣзко различая находки желѣзной эпохи отъ бронзовой, Радловъ, однако, принужденъ признать и существованіе переходной стадіи между ними. Онъ замѣчаетъ, что рядъ желѣзныхъ формъ просто копируетъ предшествовавшія бронзовыя формы. Принятіе промежуточнаго періода влечетъ за собою и другой выводъ: населеніе, принесшее желѣзо, было иного происхожденія, нежели жители бронзовой эпохи; оно пришло туда изъ степей, съ юга, а старое населеніе, сохранившее свою бронзовую культуру, передвинулось отъ него вмѣстѣ съ могилами смѣшаннаго типа къ сѣверу.

Съ этими данными и выводами перейдемъ теперь къ крайнимъ на востокъ оазисамъ степи, окружающимъ Красноярскъ и Минусинскъ (рис. 35). Здѣсь мы имѣетъ очень обстоятельное и вполнѣ научное изслѣдованіе настоящаго археолога Мерхарта, которое оказывается естественнымъ продолженіемъ наблюденій Минцлова и Радлова, вполнѣ подтверждая и закругляя только что приведенные выводы ихъ. Съ остатками андроновской культуры въ Минусинскомъ краѣ Мерхартъ отказывается считаться, считая ихъ недостаточно изученными. За ними слѣдуютъ курганы «полнаго расцвѣта бронзовой культуры», принимающіе здѣсь форму невысокихъ холмовъ, ограниченныхъ прямоугольной оградой съ четырьмя болѣе высокими каменными плитами по угламъ, ориентированными неизмѣнно съ запада на востокъ. Костяки — не больше пяти — лежатъ въ этихъ могилахъ въ ямѣ ниже грунта; стѣнки обставлены деревянными балками или каменными плитами и покрыты деревянной крышей, на которую положены тяжелыя каменныя глыбы Надъ такой глыбой уже насыпаны мелкіе камни и надъ всѣмъ высится земляная насыпь кургана. Инвентарь — обычный для бронзоваго періода: ножи, топоры, стрѣлы, кольца, бусы и т. п. «Звѣриный стиль въ орнаментировкѣ предметовъ получаетъ немаловажное, но ограниченное въ выборѣ темъ примѣненія», т.-е. носитъ неразвитый характеръ.

Переходъ отсюда къ желѣзному періоду вызываетъ особенно интересныя наблюденія Мергарта. Курганы типа желѣзной эпохи представляютъ собой «коллективныя погребенія»; число костяковъ въ нихъ постепенно возрастаетъ до ста, даже до двухсотъ. Вмѣстѣ съ

тѣмъ, постепенно увеличивается размѣръ кургана, появляется извѣстное намъ сожженіе деревяннаго сооруженія, которое возводится надъ могилой въ формѣ простого покрытія или двускатной или куполообразной крыши. Въ дальнѣйшемъ, эти курганы съ коллективными погребеніями переживаютъ повую стадію эволюціи: отъ сожженія крыши переходятъ къ сожженію главнаго костяка; параллельно съ сожженіемъ однихъ костяковъ другіе получаютъ гипсовыя или глиняныя лицевыя маски. Появляются и новыя формы звѣринаго стиля, которыя, по наблюденіямъ Мергарта, не могли развиться на мѣстѣ, а пришли готовыми изъ другого источника. Мергартъ ведетъ ихъ происхожденіе не изъ западной Сибири, отдѣленной отъ верхнеенисейскихъ оазисовъ горами и тайгой, а съ юго-запада или съ юга, т.-е. или черезъ знакомые намъ перевалы изъ Киргизской степи, или изъ Урянхайскаго края. Отсюда пришла вполнѣ развитая культура желѣзнаго періода; напротивъ, «коллективныя могилы» безъ масокъ и безъ сожженія костяковъ относятся къ самому началу проникновенія желѣза, при полномъ еще сохраненіи бронзовой культуры. Подобно Радлову, Мергартъ ищетъ въ этой переходной стадіи признаки ухода прежняго населенія на сѣверъ, внизъ по Енисею. Доказательствомъ такого передвиженія служитъ для него то, что до Красноярска доходятъ уже одни коллективныя могилы: прямоугольныхъ съ угловыми столбами Минусинскаго края тамъ уже нѣтъ. Особенностью работы Мергарта является попытка опредѣлить абсолютную хронологію всего описаннаго процесса. По его мнѣнію, полная бронзовая культура существовала въ Минусинскомъ краѣ уже въ VI вѣкѣ до Р. Х. Въ III столѣтіи появляются наряду съ ней первые признаки желѣза въ «коллективныхъ могилахъ» безъ масокъ и безъ сожженія. Переходъ ихъ въ Красноярскъ относится ко II или къ I столѣтію до Р. Х., а проникновеніе съ юга желѣзной культуры въ полномъ видѣ датируется уже III ст. по Р. Х. Всѣ эти, сравнительно позднія даты Мергартъ объясняетъ окраинным положеніемъ Минусинскаго края и трудностью сообщеній его съ западной Сибирью, гдѣ развивался свой типъ звѣринаго стиля; взаимное вліяніе этихъ двухъ варіантовъ стиля существовало; но оно имѣло второстепенный характеръ, тогда какъ общія имъ формы объясняются не этимъ вліяніемъ съ запада, а происхожденіемъ изъ одного источника, который надо искать, очевидно, гдѣ-то на югѣ.

Закончивъ обзоръ территорій, соприкасающихся съ юга и съ сѣвера съ абсолютной пустыней (горы на югѣ, степи на сѣверѣ), мы повсюду нашли нѣкоторыя общія черты, которыя позволяютъ намъ сдѣлать предварительные выводы изъ обзора. Эти выводы мы представимъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Нигдѣ абсолютная пустыня не даетъ возможности независимаго существованія кочевникамъ. Повсюду кочующія народности принуждены опираться на осѣдлыхъ сосѣдей — въ предгорьяхъ на югѣ, въ лѣсостепи на сѣверѣ. Нѣкоторое исключеніе составляютъ, по закону вертикальныхъ зонъ, возвышенности, находящіяся въ предѣлахъ самой абсолютной пустыни. Господство кочевниковъ надъ осѣдлыми сосѣдями выражается или въ формѣ набѣговъ, или въ формѣ длительнаго подчиненія, или, наконецъ, въ сочетаніи того и другого способа хищниковъ кормиться за счетъ осѣдлой культуры.

2) Мы не встрѣчали въ нашемъ обзорѣ безспорныхъ случаевъ перехода отъ одного быта къ другому, — отъ кочевническаго къ осѣдлому или наоборотъ. Законъ мѣсторазвитія является, повидимому, роковымъ для выбора быта и дѣйствуетъ принудительно; разъ сложившійся бытъ не можетъ покинуть мѣсторазвитія, въ которомъ онъ создался.

3) Законъ кочевническаго быта — неподвижность и неизмѣняемость втеченіе длинныхъ промежутковъ времени. Несмотря на то, что наши наблюденія относились къ разнымъ вѣкамъ, обнимающимъ не менѣе тысячелѣтія до и по Р. Х., мы всегда заставали кочевой бытъ на одной и той же ступени развитія. Появленіемъ внѣшнихъ признаковъ болѣе высокой культуры кочевники обязаны сотрудничеству осѣдлыхъ сосѣдей.

4) Прочность быта и трудность ассимиляціи приводятъ къ тому, что на большихъ пространствахъ времени и мѣста кочевники сохраняютъ черты одной и той-же народности. Хотя для періода времени, нами обслѣдованнаго, еще рано говорить о тюркахъ, но всѣ этническіе признаки въ предѣлахъ пустыни, очерченной на картѣ № 35, указываютъ именно на тюркскую народность, какъ носительницу кочеваго быта. Различныя названія, мѣняющіяся съ теченіемъ времени — отчасти въ зависимости отъ той или другой фамильной группы или династіи, добившейся очереднаго господства, по большей части лишь прикрываютъ это этническое единство. Однако, даже въ это древнѣйшее время нельзя отрицать возможности примѣси къ тюркскому типу — типа другихъ, болѣе восточныхъ кочевниковъ — именно монгольскаго.

5) Осѣдлое населеніе, окружающее пустыню, также относится, въ большинствѣ своемъ, къ опредѣленной народности. На сѣверѣ это — первичная длинноголовая раса «европидовъ», на югѣ — дифференцированная отъ другихъ индоевропейцевъ народность иранцевъ. Если первая связана съ древнѣйшей колонизаціей Сибири и уводитъ насъ своимъ происхожденіемъ къ временамъ ка-

меннаго вѣка, то вторая отражаетъ собой процессъ разселенія иранцевъ послѣ второй половины третьяго тысячелѣтія — по плоскогорьямъ Закавказья и Ирана. Граница между иранцами и европидами проходитъ, по всей вѣроятности, въ Илійской долинѣ. Болѣе молодые засельники, иранцы, являются притомъ носителями болѣе передовой культуры конца эпохи бронзы и начала желѣза, и въ ихъ средѣ создаются первыя формы звѣринаго стиля, переносимыя затѣмъ съ Иранскаго плоскогорія на сѣверъ двумя путями: черезъ Кавказъ на юго-востокъ Россіи — и оттуда вверхъ по Волгѣ и по Уралу въ западную Сибирь — и черезъ Парфію, Бактрію и Согдіану — черезъ перевалы верховьевъ Аму, Зарявшана и Или — въ Тибетъ, Монголію и на верхній Енисей (см. эти линіи передвиженій, отмѣченныя черточками, на карт. № 35).

6) Матеріаломъ для развитія производства въ мѣди, бронзѣ и золотѣ являются на всемъ этомъ пространствѣ многочисленныя и богатыя копи Кавказа, Каменогорска, Алтая, Урянхая и Саянъ. Горное дѣло находится въ рукахъ осѣдлаго, полуземледѣльческаго населенія, которое и обслуживаетъ кочевниковъ.

7) Именно изъ этихъ горнозаводческихъ центровъ начинаетъ распространяться желѣзо, появленіе котораго совпадаетъ съ переходомъ кочевниковъ къ особенно активнымъ передвиженіямъ и завоеваніямъ. На обслѣдованной нами территоріи кочевники являются именно носителями новой желѣзной культуры, смѣняющей, съ большей или меньшей быстротой, бронзовую. Чѣмъ отдаленнѣе отъ центровъ, тѣмъ этотъ переходъ совершается позднѣе и медленнѣе; его начало восходитъ къ началу послѣдняго тысячелѣтія до Р. Х., но даже и первыя столѣтія нашей эры еще не видятъ его окончанія.

8) О разныхъ стадіяхъ этого процесса свидѣтельствуютъ перемѣны въ обрядахъ погребенія и формахъ могилъ. Въ ходѣ этого процесса выдѣляются изъ рядовыхъ могилъ особенно дорого стоющія погребенія военныхъ вождей кочевниковъ, сопровождаемыя варварскими жертвоприношеніями приближенныхъ, слугъ и лошадей покойника. Выдѣляется затѣмъ моментъ погребенія отъ момента тризны, сопровождаемой сожженіемъ деревяннаго сооруженія надъ покойникомъ. Эти явленія сопровождали насъ на всемъ пространствѣ степей, сосѣднихъ съ пустынями.

9) Сообразно новымъ потребностямъ усилившихся и разбогатѣвшихъ предводителей кочевниковъ мѣняется и характеръ звѣринаго стиля, принимающаго болѣе сложныя, фантастическія формы. Такъ создается, при сотрудничествѣ осѣдлыхъ литейщиковъ и

художниковъ, специфическій степной стиль, разносимый кочевниками на всемъ пространствѣ ихъ походовъ и завоеваній.

Съ этими выводами мы подходимъ къ явленію, которое должно насъ особенно интересовать: къ роли кочевниковъ въ степяхъ южной Россіи, иначе говоря къ т. наз. скифскому періоду русской исторіи.

По скифскому вопросу существуетъ обширная литература, но тѣмъ не менѣе, — а отчасти и поэтому — скифскій вопросъ очень запутанъ. Не говоря уже о безнадежныхъ усиліяхъ автохтонной школы историковъ націоналистовъ — найти, во что бы то ни стало, при помощи фантастическихъ словопроизводствъ, въ обитателяхъ Геродотовой Скифіи славянъ, — необходимый для рѣшенія археологическій матеріалъ въ значительной степени испорченъ безвозвратно дилеттантами-любителями раскопокъ, продолжавшихъ разрушительную работу кладоискателей прежнихъ столѣтій. Но и спеціалисты долгое время искали въ скифскихъ могилахъ не столько разрѣшенія загадокъ мѣстной исторіи, сколько находокъ золотыхъ и серебряныхъ произведеній лучшей поры греческаго искусства. Что касается историковъ — не-археологовъ, очень долго они ограничивали свою задачу мучительными комментаріями къ уцѣлѣвшимъ историческимъ источникамъ — прежде всего къ Геродоту, цѣнныя свѣдѣнія котораго тонули въ безсильныхъ попыткахъ истолковать сообщенныя имъ древнія легенды, размѣстить на существующей картѣ сбивчивыя показанія его о топографіи и этнографіи Скифіи и отыскать смыслъ упоминаемыхъ имъ собственныхъ именъ. Болѣе правильный методъ — сочетаніе археологическихъ находокъ съ историческими данными и съ современнымъ лингвистическимъ, этнографическимъ и антропологическимъ матеріаломъ началъ примѣняться лишь новѣйшими изслѣдователями — и уже далъ первые блестящіе результаты въ работахъ М. И. Ростовцема, Макса Эберта, Всев. Миллера и др. Прежде всего выяснилось, что роскошныя могилы вождей могутъ характеризовать лишь правящіе верхи древняго населенія; что мѣстные обитатели южно-русской степи населяли ее задолго и независимо отъ этихъ завоевателей; что завоеваніе отразилось различно на мѣстностяхъ, близкихъ къ культурному вліянію греческихъ колоній на Черномъ морѣ (главнымъ образомъ двухъ изъ нихъ, Ольбіи въ устьяхъ Днѣпра и Буга, и Пантикапея на крымской сторонѣ Керченскаго пролива), и дальше на сѣверѣ, гдѣ степь граничитъ съ лѣсостепью. Были отмѣчены и различія между послѣдовательными ступенями скифскаго господства: постепенное сліяніе завоевателей съ завоеванными на черноморскомъ побережьѣ, подъ вліяніемъ сосѣдней

греческой культуры; въ противоположность этому — сравнительная примитивность быта во внутренности страны. Были наконецъ указаны смѣняющіяся вліянія разныхъ стадій греческаго искусства — іонійскаго, аѳинскаго, мѣстнаго колоніальнаго и эллинистическаго: это дало возможность установить точную хронологію могилъ. Намѣчены и источники восточныхъ вліяній, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и вѣроятное происхожденіе звѣринаго стиля.

На почвѣ этихъ, уже добытыхъ результатовъ остается лишь уточнить и углубить ихъ — и сдѣлать возможные выводы, приведя въ еще болѣе тѣсную связь разные источники нашего знанія о прошломъ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Предыдущій обзоръ показалъ читателю, что именно я имѣю здѣсь въ виду. Прежде всего, Скиѳію — даже древнѣйшую Скиѳію — еще менѣе, чѣмъ прежде, слѣдуетъ толковать, какъ единое цѣлое. Разница мѣсторазвитій должна быть проведена строже, чѣмъ прежде, — и принята за основу при толкованіи мѣстныхъ процессовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, внесенный на русскую территорію кочевой бытъ долженъ быть рѣзче отдѣляемъ отъ осѣдлаго быта прежнихъ насельниковъ; мы уже видѣли это рѣзкое различеніе въ показаніяхъ китайцевъ относительно древней этнографіи Туркестана. Затѣмъ, новыя археологическія работы даютъ возможность точнѣе опредѣлить центры восточныхъ вліяній и хронологію евразійскихъ передвиженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уточняются отвѣты на старые вопросы: *когда* и *откуда?* Если при этомъ вопросъ о связи съ западомъ, за которой мы слѣдили внимательно въ предшествовавшихъ періодахъ, здѣсь оставленъ нѣсколько въ тѣни, то это лишь для того, чтобы вернуться къ нему въ связи съ дальнѣйшими процессами. Сейчасъ нашъ главный интересъ сосредоточивается на процессахъ, начавшихся и развернувшихся въ мѣсторазвитіи степи. Намъ приходится остановиться на этомъ болѣе подробно въ виду новѣйшаго ученія о преобладающей роли степи въ древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи.

Припомнимъ, прежде всего, нѣсколько сообщеній о древней Скиѳіи пятаго вѣка до Р. Х., принадлежащихъ Геродоту, который, при всѣхъ своихъ неясностяхъ и противорѣчіяхъ, все же остается главнымъ источникомъ нашихъ письменныхъ свѣдѣній объ этой странѣ. Я выбираю лишь такія данныя, которыя, какъ кажется, спору не подлежатъ и являются основными (ср. для дальнѣйшаго карту № 40 распредѣленія скиѳскихъ кургановъ по группамъ). *)

---

*) Объясненіе къ картѣ № 40. Въ основу ея положено распредѣленіе скиѳскихъ кургановъ по мѣстнымъ и хронологическимъ группамъ согласно изслѣдованіямъ М. И. Ростовцева. **Хронологически** мною выдѣ-

№ 40. Распредѣленіе скифскихъ кургановъ.

1) «Къ востоку отъ этихъ (ольвіополитскихъ) скифовъ-земледѣльцевъ... обитаютъ скифы-кочевники, ничего не сѣющіе и не пашущіе... на четырнадцать дней пути до рѣки Герра (IV, 19). По ту сторону рѣки Герра находится страна, которая называется царской». Здѣшніе мѣстные жители «самые отдаленные изъ подчиненныхъ скифамъ народовъ». Геррами «владѣютъ храбрѣйшіе и многочисленнѣйшіе скифы, которые на остальныхъ скифовъ смотрятъ, какъ на своихъ рабовъ (20)». Рѣка Герръ *) «отдѣляется отъ Борисфена (Днѣпра) въ томъ мѣстѣ, до котораго онъ извѣстенъ («течетъ съ сѣвера, на 40 дней плаванія», 53; «судоходенъ»», 73). Она носитъ то же имя, какъ и область Герръ, разграничиваетъ въ дальнѣйшемъ теченіи къ морю земли кочевыхъ отъ царскихъ скифовъ» (56). Они (т.-е. «кочевые», — «свободные скифы», 110) простираются на югъ до Таврики, на востокъ до... Меотидскаго озера (Азовскаго моря). Земли къ сѣверу отъ царственныхъ скифовъ заняты... народомъ особымъ, не скифскимъ» (20). «Въ Геррахъ, до которыхъ Борисфенъ судоходенъ, находятся гробницы царей» (71). Слѣдуетъ описаніе скифскихъ похоронъ.

2) «Скифы не имѣютъ ни городовъ, ни укрѣпленій, но постоянно передвигаютъ свои жилища вмѣстѣ съ собой («въ повозкахъ живутъ дѣти и женщины», 121), а лукъ и стрѣлы носятъ при себѣ верхомъ на лошади» (46). «Страна и рѣки этому благопріятствуютъ, потому что страна совершенно ровная, поросшая травой и хорошо орошенная» (47). Въ борьбѣ съ наступленіемъ Дарія скифы рѣшили «отступать со своими стадами, засыпать попадающіеся въ пути колодцы и источники и истреблять (жечь?) траву» (120). Всѣ повозки съ женами и дѣтьми и весь лишній скотъ, ненужный для пропитанія они отправили «съ приказаніемъ двигаться неизмѣнно къ сѣверу», а сами отступали на востокъ (121-122).

лены три группы: до VI в. до Р. Х.; VI и V в. до Р. Х.; IV иIII в. до Р. Х. По **мѣстностямъ** выдѣлены и детально показаны на карточкахъ I, II и III группы роменская, кіевская и керченская. При этомъ распредѣленіи сами собою выдѣлились два главные періода скифскаго нашествія и два разные пути его (см. въ текстѣ). Сѣверный путь показанъ **толстыми чертами и** согласованъ съ древнѣйшими археологическими находками сѣвера, причемъ **точками** очерчена территорія степной черноземной области, въ предѣлахъ которой совершались передвиженія сѣверныхъ скифовъ-завоевателей.

*) Здѣсь начинается путаница Геродотовой гидрографіи. Если вообще искать рѣку, соотвѣтствующую Герру, то ее (см. ниже) можно найти только въ Сулѣ, въ ея верхнемъ теченіи.

3) Объ легенды о происхожденіи скифовъ (скифская и греческая) говорятъ о раздѣленіи «обширнаго царства скифскаго на три части, изъ которыхъ одна — царская. Но Геродотъ «болѣе довѣряетъ» третьему разсказу (204): «скифы, жившіе кочевниками въ Азіи, были потѣснены въ войнѣ массагетами (которые «занимаютъ немалую часть необозримой равнины на востокъ отъ Каспійскаго моря», «носятъ одежду, подобную скифской и ведутъ подобный же образъ жизни... употребляютъ мѣдь для наконечниковъ копій, стрѣлъ и боевыхъ топоровъ, а шлемы, пояса, нагрудники украшаютъ золотомъ. Также лошадямъ на грудь они накладываютъ мѣдные панцыри, а уздечки, удила и головныя украшенія дѣлаютъ изъ золота. Желѣза и серебра они не употребляютъ, такъ какъ ихъ нѣтъ въ ихъ странѣ, а мѣдь и золото имѣется въ большомъ изобиліи (204, 215). Перейдя рѣку Араксъ (у Геродота, вѣроятно, Сыръ- или Аму-Дарья), они ушли въ киммерійскую землю, потому что страна, населяемая теперь скифами, прежде принадлежала киммерійцамъ (11). «Несомнѣнно, что киммеріяне, бѣжали отъ скифовъ въ Азію и поселились на полуостровѣ (Малой Азіи), гдѣ теперь построенъ греческій городъ Синопъ... Киммеріяне бѣжали вдоль (Чернаго) моря, а скифы преслѣдовали ихъ, имѣя Кавказъ справа, пока не вторглись въ страну мидянъ, повернувъ на пути во-внутрь материка» (очевидно черезъ Дарьялъ) (12).

Переходя теперь къ сопоставленію этихъ показаній Геродота съ данными археологическихъ раскопокъ (см. карту № 40), мы сразу же должны отмѣтить, что область Кубани, Тамани и Боспора Киммерійскаго (Керченскаго пролива), т.-е. вся территорія, находящаяся въ сферѣ культурнаго вліянія Пантикапеи, остается почти совершенно неизвѣстной Геродоту. Свои свѣдѣнія о Скиѳіи онъ черпаетъ отъ жителей другой милетской колоніи, Ольбіи, основанной въ VII вѣкѣ, немного ранѣе Пантикапеи. Отсюда идутъ наиболѣе достовѣрныя географическія и этнографическія свѣдѣнія Геродота. Поѣздка изъ Малой Азіи въ Ольбію — къ устьямъ Буга и Днѣпра — была гораздо короче и легче, чѣмъ болѣе отдаленное путешествіе въ Керченскій проливъ. Быть можетъ, самый выборъ Ольбіи для путешествія вызванъ также и тѣмъ, что она сохранила демократическое устройство греческаго «полиса», тогда какъ въ Пантикапеѣ уже въ 438 году водворилась династія Спартока, носившая титулъ «архонтовъ» по отношенію къ городскимъ согражданамъ, но уже называвшая себя «царями» по отношенію къ окружающимъ городъ «варварамъ». Геродотъ не любилъ «тирановъ». Но на Бугѣ и Днѣпрѣ степь кончалась. Тутъ жило по преимуществу земледѣльческое населеніе, частью уже производившее хлѣбъ для экспорта — и въ из-

вѣстной части грецизированное. Къ настоящимъ кочевникамъ-скифамъ оно было въ отношеніи подчиненія («рабы»). Кочевья шли дальше на востокъ, отъ пороговъ Днѣпра до Дона. Здѣсь жили «свободные скифы», тѣ, которые сами называли себя не скифами, а «сколотами» (1, 6). Объединяли ихъ политически ихъ «цари», резиденція которыхъ находилась «къ сѣверу», за р. Герросомъ, куда «свободные скифы» отправили своихъ женъ и дѣтей въ кибиткахъ, голой, выжженной пустыни и не пускать его къ Герросу, мѣсту мовостокъ, чтобы держать персидское войско все время въ предѣлахъ голой, выженной пустыни и не пускать его къ Герросу, мѣсту могилъ и, очевидно, главной ставкѣ «царскихъ скифовъ». Собственно, какъ уже замѣтили комментаторы Геродота, всѣ его свѣдѣнія о скифахъ и касаются именно территоріи скифовъ-кочевниковъ между Днѣпромъ и Дономъ.

Наложимъ теперь эти данныя на карту распространенія кургановъ скифской эпохи, т.-е. VI-III вѣка. Геродоту могли быть извѣстны, конечно, лишь мѣста скопленій кургановъ древнѣйшей части этой эпохи VI-V в., ибо его исторія написана въ третьей четверти пятаго столѣтія (450-425). Эти курганы отмѣчены на нашей картѣ крестиками). Такимъ образомъ, подъ расположенными «къ сѣверу» царскими могилами Герроса необходимо разумѣть именно скопленіе могилъ возлѣ теперешняго города Роменъ, въ верховьяхъ Сулы (см. подробную карточку). Интересно отмѣтить, что поселившіеся здѣсь «царскіе» вожди «свободныхъ» кочевниковъ, выбрали мѣсто для постоянной ставки въ сторонѣ отъ подлинной степи, которая на территоріи подвижныхъ кочевьевъ «свободныхъ скифовъ», «безъ городовъ и укрѣпленій», носитъ преимущественно характеръ ковыльной степи. А въ верховьяхъ Сулы начинается лѣсостепь, другое мѣсторазвитіе, которое (какъ и мѣста на западъ отъ Днѣпра) занято было уже до скифовъ «земледѣльцами», осѣдлымъ населеніемъ, «отдаленнѣйшимъ изъ подчиненныхъ скифамъ народовъ». Уже Завитневичъ отмѣтилъ удобства этой мѣстности какъ для жизни, такъ и для обороны». *)

---

*) «Притоки Сулы, протекающіе по богатымъ растительнымъ долинамъ, покрыты были въ старое время дремучими лѣсами... собственно на сѣверномъ (правомъ) берегу, тогда какъ лѣвая сторона представляетъ однообразную степь, которая тянется до р. Псла. Всякій кочевой народъ, переходя на правый берегъ, попадалъ въ противоположныя условія: обиліе воды и пастбищъ освобождало отъ необходимости перемѣнять мѣсто кочевья, а густые лѣса и высокіе обрывистые берега ставили въ выгодныя условія относительно обороны, на случай нападенія вра-

Отчасти въ подобномъ-же положеніи, т.-е. за предѣлами степной области, среди «пахарей», были и недалекая отъ Роменской группа кургановъ — на южной окраинѣ Кіевской губерніи, по р. Тясмину къ ея притокамъ (см. на картѣ № 40 отдѣльную карточку). Ростовцевъ и другіе изслѣдователи недаромъ отмѣчаютъ ближайшую связь между этими двумя группами кургановъ, Полтавской и Кіевской. Обѣ онѣ рѣзко отличаются отъ южныхъ группъ — Кубанской, Таманской и Крымской — архаическимъ характеромъ звѣринаго стиля и ослабленіемъ вліянія греческаго искусства. Очевидно, эта линія скифскаго вторженія совершенно независима отъ южной, и исходныя точки обоихъ вторженій, сѣвернаго и южнаго, должны быть различны. Связываютъ ихъ только общее происхожденіе изъ кочевого быта и звѣриный стиль передней Азіи.

Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы южное вторженіе было одновременно съ сѣвернымъ. Будучи непосредственно связано съ Кавказомъ и Закавказьемъ, оно, напротивъ, должно относиться къ болѣе древнему времени. Какъ мы видѣли, оно имѣетъ также связь и съ «катакомбной» культурой на обширной территоріи южно-русскихъ степей — отъ Изюмскаго и Бахмутскаго уѣзда Харьковской губерніи до Крыма и Саратова, съ несомнѣннымъ культурнымъ центромъ на кубани (см. стр. 182-192). Мы уже пытались отыскать источникъ южно-русскихъ «катакомбъ» (точнѣе, боковыхъ нишъ) въ средиземно-морской культурѣ и указать въ то-же время на ея связь съ предшествовавшей «ямной» культурой охровыхъ могилъ и съ началомъ «срубной» культуры, охватившей ту-же территорію во второй половинѣ второго тысячелѣтія до Р. Х. Курганы Майкопа, Царевской и Ульской отдѣлены столѣтіями отъ «срубной» культуры русских ъстепей — и цѣлымъ тысячелѣтіемъ отъ ея продолженія въ древнѣйшихъ скифскихъ курганахъ; тѣмъ не менѣе, этотъ рядъ явленій представляетъ одну общую линію, объединенную общимъ ритуаломъ погребеній и сходнымъ характеромъ похороннаго инвентаря. Я не умѣю иначе объяснить этого единства, какъ появленіемъ на Кавказѣ, на Волгѣ и въ южной степи какого-то пришлаго элемента населенія съ характеромъ завоевателей и съ бытомъ кочевниковъ. Судя по особенностямъ похоронъ, эти пришельцы были немногочисленны и размѣстились среди прежняго неолитическаго на-

---

говъ... Сула удалена на сѣверъ отъ главнаго пути, по которому шли восточные народы на западъ. Кочевникъ обращался въ мирнаго скотовода, а потомъ и земледѣльца». Прибавлю, что въ послѣднемъ переходѣ не было надобности, потому что царскіе скифы Герроса могли пользоваться трудомъ подвластныхъ имъ здѣсь земледѣльцевъ.

селенія, принеся съ собой мѣдь и бронзу, что и доставило имъ военный перевѣсъ надъ земледѣльческими массами. Такой-же перевѣсъ получаютъ ихъ преемники и продолжатели — скифы, принося съ собой желѣзо. Отдѣляя рѣзко кочевой бытъ отъ осѣдлаго, я предполагаю въ этихъ завоевателяхъ и культуртрегерахъ — представителей одной и той же или родственной народности, принесшей кочевую культуру изъ степей и пустынь, гдѣ сложился ихъ бытъ, и чуждой разселенію индоевропейцевъ, происходившему въ ту же эпоху. Все это по отношенію къ явленіямъ древнѣйшей поры остается пока загадочнымъ и недостаточно доказаннымъ. Но однородность явленій и прочность кочевого быта втеченіи тысячелѣтій убѣждаетъ меня въ правдоподобности именно такого объясненія. Однимъ изъ доказательствъ непрерывности культурнаго процесса является то, что на территоріи охровыхъ могилъ скифскія погребенія часто «впускаются» въ старые ямные курганы и сохраняютъ скорченность скелетовъ, оріентировку съ запада на востокъ и охровую окраску, впослѣдствіе замѣненную окраской пола мѣломъ или красной краской. Часто также примѣненіе скифами «катакомбъ», т.-е. особой ниши для похоронъ главнаго скелета. Но несомнѣнно, мы встрѣчаемъ тутъ и доказательства дальнѣйшей эволюціи похороннаго «срубнаго» ритуала — соотвѣтственно вновь пріобрѣтеннымъ богатствамъ кочевниковъ новаго притока. Древнѣйшій инвентарь съ украшеніями звѣринаго стиля въ его примитивной формѣ является при этомъ общимъ достояніемъ сѣверной и южной группы, что и дало основаніе для правильнаго заключенія, что эта скифская культура пришла въ Россію въ готовомъ видѣ, сложившись предварительно внѣ ея, .т-е. на территоріи передней Азіи. Это само по себѣ рѣшаетъ и вопросъ объ общемъ источникѣ скифскихъ вторженій. Но дальше идутъ существенныя различія между сѣверной и южной группой, которыя показываютъ, что вторженіе произошло двумя отдѣльными потоками. Южная группа при этомъ отличается особенной близостью къ закавказскимъ («иранскимъ») источникамъ культуры съ одной стороны и къ греческимъ, съ другой. Сохраняя варварскій характеръ кочевниковъ, что особенно выражается обиліемъ человѣческихъ жертвоприношеній и громаднымъ количествомъ принесенныхъ въ жертву лошадей (число ихъ достигаетъ въ нѣкоторыхъ курганахъ до трехсотъ), кубанскіе «скифы» продолжаютъ сохранять связь съ иранскимъ искусствомъ Азіи и, по мѣрѣ близости къ Пантикапею, усваиваютъ каменную кладку погребальнаго свода, свойственную Босфору Киммерійскому; они наполняютъ камеры греческой керамикой и произведеніями искусства, уменьшаютъ количество лошадиныхъ жертвъ и обиліе тризны, сохраняя, однако, скиф-

ское наступательное вооруженіе и украшенія лошадиной сбруи и задавая греческимъ мастерамъ старые скифскіе сюжеты. Эволюцію ихъ погребальнаго ритуала можно наглядно представить себѣ, сравнивъ скромныя формы древнѣйшаго срубнаго погребенія (Камышеваха) съ похоронами въ хорошо раскопанномъ курганѣ станицы Костромской (на лѣвой и на правой сторонѣ рис. № 38). Ниша главнаго скелета, шатровый сводъ деревяннаго покрытія, обиліе лошадиныхъ и (на заднемъ планѣ) человѣческихъ скелетовъ, просторное размѣщеніе всего этого въ отдѣльныхъ частяхъ кургана, съ корридоромъ къ главной нишѣ — все это характеризуетъ богатые курганы южной группы.

Иной характеръ носятъ курганы сѣверной группы. Прежде всего ,тутъ надо отмѣтить, что они составляютъ особый рядъ, связанный нѣкоторыми общими признаками. Въ центрѣ ряда расположена упомянутая выше сплошная группа Роменскихъ кургановъ, древнѣйшія изъ которыхъ мы признали остатками царскихъ могилъ Герроса. На западъ къ ней примыкаетъ группа кургановъ юга Кіевской губерніи. На востокъ — одиночные курганы Воронежской губ., Поволжья и Урала (см. на картѣ означенную черточками линію сѣвернаго пути скифовъ). Общей чертой этого ряда надо признать свойственную имъ всѣмъ болѣе значительную суровость быта и скудость матеріальныхъ достатковъ. Похоронный ритуалъ остается неизмѣннымъ въ основѣ, но съ особенностями, которыя напоминаютъ раскопки Радлова въ степяхъ Сибири. Сюда относится деревянное перекрытіе изъ толстыхъ дубовыхъ балокъ, покрытыхъ досками и глинянымъ слоемъ, отдѣльная тризна на насыпи, съ меньшимъ расходомъ конскихъ табуновъ, менѣе численныхъ на этой сѣверной окраинѣ степи, и съ замѣной лошадиныхъ жертвъ жертвами свиней, козловъ и барановъ. За то чаще попадается традиціонный бронзовый (мѣдный) котелъ для варки мяса. Главный скелетъ большей частью хоронится въ полномъ вооруженіи коннаго воина, съ обычнымъ скифскимъ желѣзнымъ панцыремъ, обиліемъ стрѣлъ при лукѣ, съ болѣе дешевымъ конскимъ уборомъ. Золото сохраняется въ нашивныхъ бляшкахъ, но замѣняется серебряными и костяными украшеніями. Звѣриный стиль носитъ здѣсь болѣе примитивный и грубый характеръ, сближаясь этимъ съ сибирскими типами. На всемъ указанномъ пространствѣ замѣчается постепенное внѣдреніе, рядомъ съ погребеніемъ, также и сожженія, первоначально примѣняемаго только при тризнѣ относительно людей, животныхъ и верхняго деревяннаго сруба могилы. Оріентація скелета постепенно мѣняется съ западно-восточнаго направленія на сѣверно-южное. Нагляднѣе вырисовывается, наконецъ, связь пришельцевъ-кочевниковъ съ

прежнимъ осѣдлымъ населеніемъ, переходя въ Кіевской губерніи въ эпоху Галльштадта и Ла Тэнъ и приближаясь къ послѣдующему періоду плоскихъ могилъ, а въ центрѣ — и особенно въ Поволжьѣ и Пріуральѣ — вливаясь въ запоздалый здѣсь періодъ ямныхъ и срубныхъ погребеній. Если въ Кіевской губерніи чувствуется преобладаніе греческаго вліянія изъ Ольбіи (что соотвѣтствуетъ наблюденіямъ Геродота надъ эллинизированными борисфенитами-«ольбіополитами»), то на востокѣ болѣе живо чувствуется, какъ сказано, непосредственная связь съ Сибирью. Въ общемъ, этотъ сѣверный рядъ не уходитъ такъ глубоко въ прошлое, какъ южный; но его происхожденіе все-же сливается съ обычной датой вторженія скифовъ «сколотовъ», т.-е. съ VIII-VII ст. до Р. Х. Если характеръ этого сѣвернаго вторженія представляется позднѣйшимъ, то это, во-первыхъ, потому, что на границѣ съ лѣсостепью вообще всѣ явленія (въ частности и измѣненія похороннаго ритуала) запаздываютъ (не по абсолютной, а по относительной хронологіи) и, во вторыхъ, потому, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣе обособленнымъ и устойчивымъ бытомъ, который держится почти безъ измѣненій втеченіе столѣтій и проходитъ весь процессъ развитія на мѣстѣ, въ сторонѣ отъ постороннихъ вліяній, быстро смѣняющихся въ степи и въ Черноморьѣ.

Для полнаго доказательства передаваемаго Геродотомъ преданія скифовъ объ ихъ приходѣ изъ Азіи недоставало, однако, промежуточнаго, связующаго звена между нашимъ сѣвернымъ рядомъ кургановъ и ближайшими азіатскими мѣстностями. Это недостающее звено даютъ недавнія раскопки кургановъ скифскаго типа въ Поволжьѣ и Пріуральѣ, въ томъ числѣ тщательно раскопанный Граковымъ, хотя и не самый древній курганъ А.12 (возлѣ дер. Блюменфельдъ, Палазовской волости, недалеко отъ Камышина). Здѣсь находимъ главныя черты извѣстнаго намъ скифскаго ритуала погребенія, но съ особенностями, сближающими его съ нашимъ сѣвернымъ рядомъ: погребеніе двухъ воиновъ въ полномъ вооруженіи, отсутствіе балдахина и повозки, сожженіе тризны съ массой остатковъ лошадей, коровъ и овецъ, но при отсутствіи отдѣльныхъ лошадиныхъ погребеній; типичныя черты архаическаго звѣринаго стиля рядомъ съ началомъ послѣдующаго развитія его въ сложные извивы формъ, съ переходомъ животныхъ формъ въ орнаментъ; наконецъ, особая близость къ сибирскимъ типамъ при сохраненіи общаго скифскаго фонда. На нашемъ рисункѣ № 37 этотъ фондъ характеризуется развитіемъ одного сюжета — разверстой пасти звѣря — отъ формы ольбійскаго литейщика, работавшаго уже въ VI столѣтіи на массовой заказъ скифскаго потребителя (рис. № 6) до

сибирской деревянной рѣзной подѣлки изъ радловскихъ находокъ въ Алтаѣ (№ 7). Въ качествѣ промежуточнаго звена здѣсь показаны костяныя работы изъ кургана Бишь-Оба, около Орска (№№ 5 и 8).

Имѣя теперь всѣ звенья сѣвернаго пути, мы можемъ спросить себя, родился ли этотъ стиль въ іонійскихъ мастерскихъ греческихъ колоній, какъ думаетъ Эбертъ, или въ горахъ Луристана, или среди литейщиковъ Казакстана и Алтая? Луристанъ и Парфію мы склонны были считать общимъ исходнымъ пунктомъ, откуда не зародыши только, но уже развитые типы стиля распространялись по двумъ направленіямъ: черезъ Кавказъ въ южную Россію и черезъ горныя долины Туркестана — въ Тибетъ, Монголію, Джунгарію, верхній Енисей и по притокамъ Оби въ западную Сибирь. Конечно, звѣриный стиль не выработанъ въ русскихъ степяхъ, ибо онъ пришелъ туда, по признанію сторонниковъ того и другого пути, сѣвернаго и южнаго, въ совсѣмъ готовомъ видѣ, хотя и доступномъ дальнѣйшему развитію. Мы прослѣдили теперь оба пути отдѣльно, сѣверный и южный — и пришли къ заключенію, что то движеніе «сколотовъ», единственное извѣстное Геродоту, которое положило начало скифской эпохѣ VI-V вѣка, есть движеніе съ сѣвера. Откуда же именно? Въ западную Сибирь и тѣмъ болѣе въ Минусинскъ звѣриный стиль пришелъ слишкомъ поздно, чтобы послужить точкой отправленія оттуда. Другое дѣло — степи, занятыя теперь киргизскими ордами, но привлекавшія такое-же кочевое населеніе, по китайскимъ даннымъ, уже не позднѣе II вѣка до Р. Х., по греческимъ — не позднѣе VI вѣка, а по антропогеографическимъ — еще гораздо ранѣе этого времени. Въ эпоху, когда массагеты толкнули скифовъ къ походу на западъ, звѣриный стиль былъ, несомнѣнно, уже вполнѣ выработанъ въ своемъ сѣверномъ варіантѣ, сохранепномъ въ Сибири. Въ его выработкѣ, вѣроятно, приняли участіе литейщики рудныхъ мѣстонахожденій Алтая и Каменогорска, — такъ же какъ и осѣдлые иранцы Туркестанскихъ предгорій. Мы не знаемъ именъ этихъ ближайшихъ сотрудниковъ; не знаемъ и названій кочевыхъ племенъ, воспринявшихъ плоды ихъ искусства. Но мы знаемъ послѣдствія, которыя не такъ далеко отстоятъ хронологически отъ этой культурной завязи, чтобы лишить вѣроятности наши догадки. Неизбѣжный для насъ выводъ — тотъ, что именно въ Казакстанѣ мы должны искать центра распространенія сѣвернаго варіанта звѣринаго стиля, вмѣстѣ съ разнесшими его въ Сибирь и въ южно-русскія степи народностями. Напомню, что именно здѣсь, въ странѣ усуней, мы нашли этнографическій водораздѣлъ между кочевниками киргизскихъ степей и осѣдлыми иранцами Туркестана. Первые связаны съ сѣверомъ, вторые съ югомъ.

Но вернемся теперь къ судьбѣ южной части Скиѳіи, связанной съ греческимъ Черноморьемъ. Мы прежде всего должны остановиться здѣсь на неупоминавшейся до сихъ поръ группѣ кургановъ, свидѣтельствующей о томъ, что жизнь развивалась тутъ болѣе быстрымъ темпомъ ,нежели на сѣверѣ. Именно наши курганы, обозначенные на картѣ кружками и относящіеся къ періоду отъ средины IV до средины III столѣтія, характеризуютъ серьезную перемѣну въ положеніи степи, сравнительно съ временами Геродота. Курганы эти какъ разъ расположены въ самой степи, отъ Перекопа до Днѣпровскихъ пороговъ, по обѣ стороны Днѣпра, и отмѣчаютъ собою самую блестящую пору скифскаго владычества надъ степью. Это — пора наибольшаго расцвѣта торговли греческихъ черноморскихъ колоній — хлѣбомъ, скотомъ, рыбой и рабами изъ южной степи, пушниной и товарами Дальняго Востока. Особенно Боспоръ и Пантикапея выигрываютъ во вліяніи послѣ пораженія Аѳинъ въ Пелопоннесской войнѣ, подчиняютъ себѣ крымскихъ конкурентовъ по торговлѣ (Феодосію, Нимфею), заставляютъ и сосѣдей синдовъ признать свою власть. Благосостояніе Пантикапеи продолжается при трехъ преемникахъ Перисада I (310-252); боспорскія мастерскія являются главными поставщиками художественныхъ издѣлій для скифскихъ вождей, приспособляясь къ ихъ вкусамъ. Это и время постройки разбогатѣвшими вождями самыхъ знаменитыхъ кургановъ Скиѳіи. Куль-Оба, Чертомлыкъ, Александропольскій курганъ, Солоха и т. д. — всѣ относятся къ этой эпохѣ — и всѣ принадлежатъ къ упомянутой Днѣпровской группѣ. Ростовцевъ отмѣчаетъ, что на пространствѣ этого столѣтія достигается полное единство скифской культуры: другими словами, въ организованной для торговли степи устанавливается тѣсная связь между сѣвернымъ и южнымъ теченіями: получается не только культурно, но и географически нѣчто среднее, общее обоимъ. Наслѣдники геродотовскихъ «царскихъ скифовъ» находятъ теперь возможнымъ спуститься изъ укрѣпленной самой природой страны Герроса, отъ могилъ предковъ VI и V вѣка, въ самую глубь степи, гдѣ кочуютъ «свободные скифы», замиренные подъ ихъ властью. Объединеніе культуры является такимъ образомъ плодомъ установившагося мира. Но миръ длится недолго. Уже къ концу III столѣтія значеніе Боспора падаетъ. Торговля хлѣбомъ переходитъ въ руки эллинизированныхъ и иранизированныхъ варваровъ: мы далеки отъ временъ, когда скифы убивали своихъ царей за увлеченіе греческой культурой. Скифы и другіе инородцы внѣдряются въ города и составляютъ торговую аристократію греческихъ колоній. А въ то же время извнѣ оставшіеся кочевниками «свободные скифы» становятся все грознѣе и опаснѣе для самаго существованія

благоустроенныхъ городовъ. Въ дезорганизованной странѣ открывается просторъ для появленія (съ 200 года до Р. Х.) новыхъ кочевниковъ, близко родственныхъ скифамъ, но со свѣжей силой новыхъ варваровъ. Мифрадатъ VI Евпаторъ, считая себя полу-иранцемъ, въ качествѣ родственника Ахеменидовъ, пробуетъ использовать всѣ отдѣльныя скифскія, меотскія, сарматскія племена, чтобы объединить подъ своею властью не только мелкія скифскія державы Крыма, но и всю Малую Азію для неравной борьбы съ Римомъ, пользуясь римскими смутами 90-71 годовъ до Р. Х. Но первая же его неудача сопровождалась возстаніемъ противъ него греческихъ городовъ; однако, вмѣсто полученія независимости, къ которой они стремились, имъ пришлось подчиниться Риму. Это былъ конецъ. Греческое населеніе, все равно, иранизировалось; Ольбія пала подъ ударами фракійцевъ, кочевые хищники эксплуатировали сѣнокосъ и урожай подъ самыми стѣнами Пантикапея.

Мы теперь обращаемся къ вопросу, кто же были эти скифы — не въ періодъ своей ассимиляціи съ мѣстными элементами населенія, а въ началѣ ихъ вторженія. Мы разумѣемъ при этомъ не тотъ вѣковой процессъ, который происходилъ на югѣ степи и въ которомъ трудно отличить — именно вслѣдствіе его длительности — господствующую народность въ смѣси кочевниковъ, иранцевъ и кавказцевъ, а то населеніе, о которомъ говоритъ Геродотъ, и которое размѣстилось между двумя границами, отмѣченными на нашей картѣ точками и отдѣляющими черноземную степь отъ подзолистыхъ лѣсостепныхъ областей съ сѣвера и отъ областей каштановыхъ и бурыхъ почвъ — сухихъ солонцеватыхъ степей и полупустынь съ юга. О народности этихъ скифовъ ведется давній ученый споръ, еще не закончившійся. Большинство ученыхъ признало иранское происхожденіе скифовъ; но Эвертъ, Миннсъ, Чайльдъ, Мищенко, Вс. Миллеръ вновь выдвинули ученіе объ ихъ тюркизмѣ и даже монголизмѣ, защищавшееся когда-то Нибуромъ и Нейманомъ. Антропологи Пайкъ, Флеръ, слѣдуютъ тому же взгляду. Надо, конечно, различать, о комъ именно идетъ рѣчь. Геродотъ говоритъ (IV, 8), что онъ не можетъ отвѣтить на вопросъ, сколько было скифовъ: одни говорятъ, что много, другіе, что «подлинныхъ скифовъ мало». По его же свѣдѣніямъ, и то, и другое можетъ быть вѣрно. «Подлинныхъ» скифовъ, — т.-е. кочевниковъ-завоевателей — было, очевидно, мало. Живописная легенда, по которой Кіаксаръ отдѣлался отъ двадцативосьмилѣтняго господства скифовъ надъ Мидіей тѣмъ, что пригласилъ ихъ всѣхъ на пиръ и перебилъ до послѣдняго, вѣроятно, касается только вождей. Но основная идея анекдота вѣрна: скифовъ-завоевателей не могло быть много. Если, однако же, распространить

названіе «скифовъ» на всѣ покоренные ими народы, включая и завѣдомыхъ иранцевъ, то скифовъ окажется, конечно, много. Различая послѣдовательно завоевателей-номадовъ отъ покоренныхъ ими полуосѣдлыхъ или совсѣмъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, мы не только не должны искать единства національности (или даже расы) между тѣми и другими, но, напротивъ, скорѣе должны предположить различіе. Послѣ нашего обзора территоріи, которую надо считать прежней родиной скифовъ, мы не можемъ уйти отъ заключенія, что наши кочевники были смѣсью тюрковъ и «европидовъ», быть можетъ, съ примѣсью монгольской крови. Но можно-ли найти слѣды этого происхожденія среди населенія, носящаго названіе скифовъ во времена Геродота? Обычныя изображенія скифовъ на вазахъ Куль-Обы,

№ 41. Профиль и фасъ скифа.

Чертомлыка и Воронежскаго кургана считаются доказательствомъ иранства скифовъ: у нихъ, вопреки показанію Гиппократа, большія бороды и волосы, прямые носы и линія глазъ, продолговатое въ профиль лицо. Вопреки М. И. Ростовцеву, я склоненъ считать, что этотъ типъ не выдуманъ и не составляетъ простого варіанта греческаго типа сатира, а соотвѣтствуетъ реальному облику приморского населенія IV-III вѣковъ. Но, во-первыхъ, поворотъ лица не въ профиль, а en face, нѣсколько мѣняетъ впечатлѣніе облика скифовъ. Я нарочно приложилъ сцену зубной операціи съ Куль-Обской вазы. Паціентъ изображенъ здѣсь en trois quarts, — и ясно видны выдающіяся скулы и широкое лицо (см. рис. № 41). Это впечатлѣ-

ніе подтверждается египетскими изображеніями скифовъ, собранными Флиндерсомъ Петри (рис. № 39, 2, 4 и 5). Профиль какъ будто тотъ же, что въ изображеніяхъ курганныхъ вазъ; но фасъ даетъ впечатлѣніе, хотя и бородатаго, но широкаго лица. Нѣкоторыя лица каменныхъ бабъ, несомнѣнно, портретныя, воспроизводятъ этотъ-же типъ, который мы признали «европидами» (стр. 172, № 4 и стр. 284). Что-же говоритъ Гиппократъ, описывающій, повидимому, скифовъ въ собственномъ смыслѣ — тѣхъ, кого «мало»? Вотъ его описаніе: «что касается внѣшняго вида скифовъ», говоритъ онъ, «то скифскій народъ не похожъ на всѣ другіе народы и, подобно египтянамъ, сходенъ только самъ съ собой. Цвѣтъ кожи у нихъ рыжій» (спорное слово pyrros собственно значитъ: огненный, огненно-красный, рыжій). Обыкновенно переводятъ: желтый, что наводитъ на мысль о монголизмѣ скифовъ, но едва-ли Гиппократъ имѣлъ въ виду выразить именно эту черту, какъ это видно изъ слѣдующаго затѣмъ объясненія (хотя бы и считать его невѣрнымъ): «...рыжій вслѣдствіе холода, такъ какъ солнце здѣсь не сильно жжетъ; а отъ холода бѣлая кожа становится темнѣе и рыжѣе. Ихъ фигуры толсты и мясисты, безъ отчетливо выступающаго расчлененія, мягки и безъ твердости; особенно животъ гораздо мягче, чѣмъ у другихъ людей. Вслѣдствіе толщины и отсутствія бороды они похожи фигурами, мужчины на мужчинъ, женщины на женщинъ. У нихъ кривыя и широкія ноги — прежде всего потому, что дѣтей не завертываютъ въ пеленки, какъ въ Египтѣ, и также потому, что они не считаютъ этого правильнымъ — ради верховой ѣзды, чтобы сохранять хорошую посадку; а затѣмъ и вслѣдствіи сидячаго образа жизни, ибо дѣти, пока они не могутъ еще ѣздить, большую часть времени сидятъ въ повозкахъ и при постоянныхъ переѣздахъ очень мало пользуются ногами». Безспорно, это — описаніе *кочевниковъ* и *завоевателей* по быту и облику. Но и «европиды» вазъ не совсѣмъ ему чужды.

Слабая расчлененность и меньшая стройность фигуры, короткая шея, руки и ноги — эти черты вообще считаются антропологами особенностью восточно-европейскихъ и азіатскихъ расъ. Въ этомъ отношеніи скифы Гиппократа могутъ быть противоположены только вообще западно-европейскимъ и въ частности именно высокорослымъ расамъ Европы. Эта характеристика, конечно, еще недостаточна для выдѣленія опредѣленной народности. Можно, пожалуй, сказать, что широколицый бородатый обликъ каменныхъ бабъ и египетскихъ скульптуръ больше всего напоминаетъ примитивный типъ веддовъ и айно, сохранившійся въ мѣстахъ послѣдняго отступленія примитивныхъ расъ человѣчества (ср. стр. 83 и 136). Если въ этомъ болѣе широкомъ кругѣ «скифовъ», куда ведетъ насъ

характеристика Гиппократа, видѣть слѣды иранцевъ, то придется принять, что здѣсь они уже усвоили черты какого-то евразійскаго антропологическаго типа.

Едва-ли этотъ типъ подходитъ для характеристики чисто-иранскаго элемента, который долженъ былъ встрѣтиться на изучаемой территоріи съ восточно-европейскимъ. Наличность здѣсь иранскаго элемента слѣдуетъ, конечно, считать несомнѣнной — какъ въ результатѣ принятой нами теоріи распространенія индоевропейцевъ, такъ и въ свѣтѣ новѣйшихъ лингвистическихъ изслѣдованій. Мы слишкомъ мало знаемъ о фракійско-кимерійскомъ языкѣ, а кельты не оставили язычныхъ слѣдовъ своихъ набѣговъ; но иранскій элементъ доскифскаго населенія Черноморья безспорно доказанъ сопоставленіемъ именъ греческихъ припонтійскихъ надписей съ языкомъ теперешнихъ осетинъ — древнѣйшихъ аланъ. Изъ языка осетинъ проф. Всеволоду Миллеру удалось объяснить смыслъ длиннаго ряда собственныхъ именъ, сохраненныхъ надписями черноморскихъ греческихъ колоній. Изъ 425 варварскихъ именъ, собранныхъ В. В. Латышевымъ, 260 принадлежали городамъ Ольбіи и Танаису (въ устьѣ Дона; изъ сотни ольбійскихъ именъ около половины, а изъ 160 танаисскихъ около двухъ третей поддаются объясненію изъ иранскаго (осетинскаго) и древне-персидскаго. Вопросъ только въ томъ, могутъ-ли семи осетины считать себя чистыми иранцами. Мы встрѣтили «аланья» въ китайскихъ лѣтописяхъ, какъ кочующихъ жителей сѣверо-восточныхъ окрестностей Каспійскаго моря, пришедшихъ, подъ именемъ Яньцай, съ востока (стр. 275 и карта на стр. 256). Если именно они (т.-е., вѣроятно, тюрки) дали имя аланъ осетинамъ или, вѣроятнѣе, получили его отъ нихъ, на что намекаетъ выраженіе китайскаго источника, что Яньцай были позднѣе «переименованы» въ «аланья», то мы имѣемъ тутъ случай, когда или кочевники-завоеватели передаютъ свое имя осѣдлому (иранскому) населенію, или, наоборотъ, сами получаютъ его имя. Въ результатѣ должно было получиться смѣшеніе осѣдлаго элемента съ кочевымъ — такого-же рода, какъ то, память о которомъ сохранилась въ переданной Геродотомъ легендѣ о происхожденіи сарматовъ изъ браковъ между скифскими юношами и женщинами нескифскаго происхожденія, обитавшими въ степяхъ за Дономъ («амазонками»). Я вовсе не думаю, конечно, утверждать тожества легенды съ историческимъ фактомъ, но хочу лишь подтвердить преданіемъ возможность тюрко-иранскаго смѣшенія уже въ данный періодъ и въ данной географической обстановкѣ. Дальнѣйшее доказательство, что такое смѣшеніе дѣйствительно произошло съ осетинами, я нахожу въ недавно констатированномъ В. И. Абаевымъ фак-

тѣ очень значительной близости осетинъ по языку и быту съ тюрками Кавказа (горскими татарами, балкарцами и карачаевцами). Такую степень близости, видимо, нельзя уже объяснять простымъ позднѣйшимъ заимствованіемъ, какъ предполагали прежніе изслѣдователи, Всев. Миллеръ и М. М. Ковалевскій.

Помимо иранскихъ элементовъ, приведшихъ съ европейскаго запада, и тюркскихъ, пришедшихъ съ азіатскаго востока, естественно, искать еще одного элемента среди населенія Черноморья уже въ это отдаленное время. Я говорю объ элементѣ кавказскомъ. Элементъ этотъ, какъ видно изъ предыдущихъ археологическихъ сопоставленій, долженъ былъ даже предшествовать по времени не только скифскому вторженію, но, быть можетъ, и появленію индоевропейцевъ. Сближались же «керкиты» Геродота съ черкесами, и отчислялись киммерійцы къ группѣ «яфетидскихъ» народностей. Къ сожалѣнію, въ настоящее время я не рѣшаюсь вступать на эту почву, монополизированную т. наз. «яфетидовѣдѣніемъ» покойнаго академика Н. Я. Марра. Выше (на стр. 203) я использовалъ нѣкоторые первоначальные выводы этой теоріи по отношенію къ доиндоевропейскому населенію Средиземноморья въ осторожномъ изложеніи лейпцигскаго (ранее петербургскаго) проф. Ф. Брауна. Но опредѣлить отношеніе Кавказа къ древнѣйшей этнографіи Черноморья по теоріи Марра гораздо труднѣе, ибо тутъ, во второмъ періодѣ дѣятельности ленинградскаго академика, теорія эта получила, въ его же рукахъ, гораздо болѣе проблематическое примѣненіе. Самъ Н. Я. Марръ говорилъ о своихъ позднѣйшихъ (послѣ 1917-1924) теоріяхъ, какъ о «плодѣ активнаго участія въ революціонномъ творчествѣ СССР, углубившаго ученіе до ленинскаго пониманія теоріи познанія, до сталинской четкой формулировки опредѣленія національной культуры». Это было время, когда Н. Я. Марръ оказался на нѣсколько лѣтъ отрѣзаннымъ отъ своихъ работъ на Кавказѣ, разошелся со своими прежними учениками-грузинами, не успѣлъ создать новой школы в Москвѣ, и его «теоретическія построенія начали переростать накопленіе матеріаловъ». Онъ окончательно порвалъ въ эти годы съ «индоевропеистикой», какъ съ «буржуазной» наукой, перешелъ отъ «фонетики» къ «семантикѣ» (толкованію древнѣйшаго смысла словъ въ зависимости отъ «стадіальныхъ» переворотовъ въ производственномъ и общественномъ строѣ) и построилъ собственную «палеонтологію» звуковой рѣчи. Его производства позднѣйшихъ племенныхъ названій, какъ «скифъ», «славянинъ» и т. д. изъ фактовъ «палеонтологіи» языка, относимыхъ имъ самимъ къ каменному вѣку, могли, въ его собственномъ представленіи, характеризовать лишь такую отдаленную «стадію», когда «яфетидскій» (ги-

потетическій) строй языка не успѣлъ еще перейти въ индоевропейскій — непремѣнно путемъ внутренняго развитія *на мѣстѣ* — вмѣстѣ съ оставшимся (предположительно) все время на томъ же мѣстѣ населеніемъ. Ученики второго призыва попытались было упростить эту сложную схему учителя, перенеся его квази-«палеонтилогическія» толкованія въ позднѣйшія стадіи исторіи. Но, по свидѣтельству біографа Марра, самъ этотъ ученый считалъ ихъ наивныя попытки «искаженіемъ палеонтологическаго метода». Они даже вызвали съ его стороны «изгнаніе нечестивыхъ» изъ храма науки. Тѣмъ менѣе можемъ мы принимать ихъ въ соображеніе.

Намъ остается теперь коснуться вопроса о распространеніи вліянія культуры скифовъ за предѣлами собственнаго района ихъ господства въ южнорусскихъ степяхъ. Втеченіе полутысячелѣтія этого господства эта территорія не могла, конечно, остаться совершенно замкнутой отъ сосѣдей. Тѣсную связь скифовъ съ степнымъ населеніемъ Азіи мы уже видѣли. Они оттуда вышли разными путями, но сохранили фамильное родство и, судя по сходному развитію позднѣйшихъ формъ стиля, не прекратили даже непосредственнаго общенія. Другое дѣло — отношеніе скифовъ къ западу. Тутъ мы можемъ еще разъ провѣрить связь мѣсторазвитія съ бытомъ. Скифы были первыми піонерами кочевническихъ набѣговъ на западную Европу. Но при переходѣ въ другое мѣсторазвитіе ихъ напоръ скоро остановился. Въ новыхъ мѣстахъ они оставили даже меньше слѣдовъ, чѣмъ послѣдующіе набѣги родственнымъ имъ азіатскихъ полчищъ. Знаменитая находка въ Мекленбургѣ въ Феттерсфельдѣ (золотая рыба съ изображеніями звѣриной охоты, рыбъ, ястреба, бараньихъ головъ и дельфина съ женской головой) скорѣе доказываетъ вліяніе скифскаго стиля, чѣмъ присутствіе скифской народности. Въ Силезіи изслѣдованіе Яна Мартина обнаружило присутствіе скифовъ только между 500-400 г.г. до Р. Х. послѣ чего они исчезаютъ безслѣдно. Далѣе на югъ кольцо горъ останавливаетъ и такія вторженія. По другой, южной сторонѣ карпатскаго кольца, въ равнинѣ нижняго Дуная надо бы было предположить болѣе сильное вліяніе скифовъ черезъ Добруджу. Но его не замѣчается. Въ Болгаріи вліяніе скифовъ поверхностно и кратковременно. И только одна страна съ мѣсторазвитіемъ, подобнымъ русскимъ степямъ, составляетъ исключеніе изъ всѣхъ перечисленныхъ случаевъ. Это — венгерскій «Альфельдъ», наполняющій восточную большую половину теперешней Венгріи, возвращенной въ границы старой господствующей національности, съ 90% тюркскаго населенія. По описанію современнаго антропогеографа (Анселя), венгерская долина представляется огромной пустыней. «Часами ѣдешь по древней сте-

ни, по тѣмъ же черноземнымъ полямъ на лессѣ. Легкая холмистость; ни одного дерева; отъ времени до времени огромный колодезь съ журавлемъ возвѣщаетъ близость фермы; громадныя деревни, разбросанныя на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, прорѣзаны единственной большой дорогой». Въ этой «пустѣ» «сохранилась примитивная степь: пастухи верхомъ въ огромныхъ фетровыхъ шляпахъ, задрапированные въ широкій толстый шерстяной бѣлый плащъ съ шитьемъ, окруженные густыми стадами лошадей и бѣлыхъ длиннорогихъ быковъ. Болѣе скромные, пастухи бараньихъ стадъ закутываются до ногъ въ шкуру, покрытую шерстью...».

Туть — и еще въ Седмиградіи (въ теперешней Румыніи) — сосредоточивается наибольшее количество слѣдовъ скифскаго пребыванія. Скифы пришли сюда съ верхнихъ притоковъ Днѣстра по верхнимъ притокамъ Тиссы или по болѣе южному проходу Карпатъ — на Марошъ. Прямые продолжатели сѣвернаго пути — по линіи роменскихъ и южно-кіевскихъ кургановъ — они принесли сюда, по наблюденіямъ Ростовцева, архаическія формы стиля, безъ всякихъ слѣдовъ греческаго вліянія. Но, повидимому, и они оказались здѣсь временными посѣтителями — скорѣе предшественниками будущаго кочеваго населенія венгерской пусты, чѣмъ ея постоянными обитателями.

Замѣчается, напротивъ, въ тѣхъ же мѣстахъ сильное встрѣчное вліяніе съ запада, сталкивающееся съ скифскимъ вліяніемъ съ востока. Это — вліяніе Галльштадта, переходящее позднѣе въ Ла Тенъ и ощущаемое по всей ширинѣ перехода отъ центральной Европы къ восточной, отъ Польши до Кавказа. Мало изученное, оно тѣмъ не менѣе отчетливо чувствуется и въ южной Россіи. Въ орнаментѣ керамики вліяніе Галльштадта характеризуется чернымъ линейнымъ узоромъ, геометрически расположеннымъ и переходящимъ иногда въ схематическія изображенія людей и животныхъ. А. И. Спицынъ былъ первымъ, выставившимъ предположеніе о вторженіи галльштадтской культуры въ Украину еще до скифовъ; продолжателями его явились Н. Макаренко и А. Потаповъ: къ спицынской керамикѣ они присоединили бронзовыя находки на Немировскомъ городищѣ (Братисл. у. Подольской губ.), потомъ въ Кіевской губ. (Данилевичъ), около Жаботина (Черкасскій у.), наконецъ, въ Бѣльскѣ (Полтав. губ.: бѣлая инкрустація по черному). Эти находки они относятъ къ древнѣйшему времени, послѣ прихода скифовъ (VIII-VI в.в. до Р. Х.). Это соотвѣтствовало бы иллирійскому періоду Галльштадта (стр. 213, 216) и фракійскимъ передвиженіямъ черезъ Паннонію въ придунайскую Болгарію, южную Россію (киммерійцы, стр. 217, 221) и Македонію. Чрезвычайно трудно ра-

зобраться въ этой далеко еще неизученной мѣшаниѣ передвиженій, начало которыхъ должно восходить ко времени разселенія индоевропейцевъ, а конецъ упирается въ нашествія кельтовъ. Нашъ частный вопросъ — о появленіи галльштадтской культуры — съ иллирами или съ кельтами — въ южной Россіи, осложняется еще тѣмъ, что Галльштадтъ былъ не только дающей стороной, но и получающей. Бронзовыя фигурки Галльштадтскаго могильника есть несомнѣнный импортъ, и между ними особенно выдается, въ качествѣ символа вліянія кочевниковъ, знаменитый бронзовый котелъ съ фигурами коровы и теленка на мѣстѣ ручки и на борту, найденный въ могилѣ съ сожженіемъ (т.-е. иллирійской). Прибавлю, что искать въ этихъ передвиженіяхъ славянскаго элемента было-бы безплодно при теперешнемъ состояніи нашихъ знаній, хотя мы и не могли отрицать присутствія венетовъ въ кельтскихъ войскахъ въ Малой Азіи (221).

Отголоска скифскаго вліянія можно искать еще въ ближайшемъ сосѣдствѣ, на сѣверъ отъ степной южной Россіи. Но здѣсь снова мѣсторазвитіе ставило непроницаемую преграду: мы сразу попадаемъ въ область другой культуры. Мы уже говорили, что, сравнительно съ южной, эта культура отличается большой косностью и неподвижностью. Кость и камень, какъ матеріалы для орудій; охота и рыбная ловля, какъ средства добыванія пищи, опредѣляющія бытъ населенія — таковы извѣстныя намъ черты, которыя между 1000 и 500 г. до Р. Х. продолжаютъ оставаться неизмѣнными на всемъ пространствѣ между Нѣманомъ и притоками Оки. Исключеніе составляетъ рѣчная сѣть Волги, гдѣ, на сѣверъ отъ Самары, не могли не отразиться тѣ процессы, которые мы наблюдали на югъ отъ Волжской излучины. Здѣсь не замирали ни торговыя сношенія съ югомъ, ни связь съ западной Сибирью. И какъ результатъ развилась, отъ нижней Камы до Урала, на матеріалѣ «чудскихъ» мѣдныхъ копей и пермскихъ отложеній на Камѣ и Бѣлой, бѣдная, но своеобразная мѣстная культура бронзы, распространявшая слабое вліяніе на западъ до Финляндіи. На этой почвѣ, между 600 и 300 г.г. до Р. Х. были усвоены черты и сюжеты звѣринаго скифскаго стиля. Эта культура получила названіе Ананьинской. Ея связь именно съ сѣвернымъ источникомъ звѣринаго стиля подчеркивается полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо слѣдовъ греческаго вліянія. Скифское вліяніе здѣсь запаздываетъ: оно усиливается только къ концу господства скифовъ въ степяхъ и скоро сразу обрывается. На нѣсколько сотъ лѣтъ культура снова бѣднѣетъ, оставаясь въ этомъ состояніи анабіоза вплоть до нашей эры, когда, подъ вліяніемъ водворившейся на Боспорѣ власти римской имперіи, возникаетъ такъ наз.

Пьяноборская культура, — все еще пользующаяся и пережитками Ананьина. Причина этого перерыва та же, что и въ южныхъ степяхъ: перерывъ торговаго кровообращенія и прямыхъ сношеній со Скиѳіей. Лишь рѣдкія римскія монеты доходятъ до этого захолустья — по догадкѣ Тальгрена, изъ парѳянскаго царства. Дальше на сѣверъ культура еще примитивнѣе. Нѣсколько упрощенныхъ обращиковъ дошедшаго туда на Печору, звѣринаго стиля мы помѣстили на стр. 259, №№ 5-7. Вліяніе западно-сибирскаго варіанта здѣсь очевидно. Этимъ опредѣляется и культурный кругозоръ крайняго русскаго сѣверо-востока въ послѣднія столѣтія передъ нашей эрой. Взбудоражили все Пріуралье лишь новые толчки изъ Азіи. Но о нихъ мы будемъ говорить уже въ слѣдующей главѣ.

Причина непосредственнаго перехода въ этой книгѣ отъ «начала культуры» къ «происхожденію національностей», минуя предполагаемую эволюцію до-родоваго человѣческаго общества, объяснена въ предисловіи. Руководящія для старой теоріи сочиненія Lewis H. Morgan'a: Systems of conganguinity and affinity of the human family въ Smithsonian Contributions to knowledge XVII, 1871 и Ancient Society New-York, 1871. Образецъ особенно неудачнаго примѣненія традиціонной схемы представляетъ вступительная статья Равдоникаса къ «Готскому Сборнику» (Ганмк, Извѣстія, т. XII, вып. 1-8), гдѣ отрицается самое существованіе готовъ, чтобы не мѣшать примѣненію теоріи «стадіальнаго» развитія на мѣстѣ, съ соотвѣтственными «діалектическими» превращеніями быта и хозяйства и съ измѣненіями языка. Примѣръ критики Равдоникаса, исходящей отъ той же школы Марра, см. въ книгѣ **А. П. Круглова** и **Г. В. Подгаецкаго:** родовое общество степей восточной Европы, Ганмк, 119, ОГИЗ, 1935. Возраженія новѣйшей этнографіи противъ односторонности Моргана и его послѣдователей, см. въ интересной работѣ *Robert Lowie*, Traité de Sociologie Primitive, éd. française revue et complétée par l'auteur, Payot, 1935. Мой взглядъ на происхожденіе національности и на отношеніе между національностью и расой изложенъ подробнѣе въ моей книгѣ: «Національный вопросъ», Библіотека издательства «Свободная Россія», IV, Берлинъ, Logos, 1925 (есть чешскій переводъ). Изъ моихъ положеній исходитъ *Albert Magnata*, Nationalités et Fedéralisme, Payot, 1933. Критика расизма: *Frank H. Hankins*, La race dans la civilisation, Une critique de la doctrine nordique. Сжатый и объективный обзоръ вопроса объ отношеніи расы и національности (съ библіографическимъ указателемъ) въ книгѣ *Friedrich*

Herz, Rasse und Kultur (я пользовался анлійскимъ переводомъ: Race and Civilisation, London, 1928). Солидная работа **Эйкштедта** и книги расиста **Гюнтера** указаны выше, стр. 153. Оригинальную позицію занимаетъ *Dr. George Montandon*, см. его книгу: La race et les races: mise au point d'éthnologie somatique, Payot, 1933; многіе выводы автора совпадаютъ съ нашими. По археологіи эпохи неолита и металловъ, богатѣйшій матеріалъ въ словарѣ Эберта, см. указатель въ послѣднемъ томѣ. *Karl Schuchardt*, Alteuropa, eine Vorgeschichte unseres Erdteils, 2 Aufl., 1926, остроумная, но ненадежная конструкція. По отдѣльнымъ странамъ: *Ernest Wahle*, Deutsche Vorzeit, Leipzig, 1932. Очень обстоятельна и полезна монографія *Gordon Childe*, The Danube in Prehistory, Oxford, 1929. Прекрасныя работы дала чешская археологическая школа: *Albin Stocky*, Pravêk Zeme Ceske, Dil I, Vêk Kamenny, Praha, 1926 (есть французскій переводъ), и его же ряд статей въ Pamatky Archeologicke; Uneticka Keramika v Cechach (1927, XXXV), въ Anthropologie (IX, 4, 1831), Studie o ceskem neolitu, I и II, 1919-20, Spolecnost c. sl. Prehistoriku; Praha Praveku, 1925, I-II. The prehistoric population of Bohemia (Anthropologie, Praha, 1929). Lid uneticke kultury (Anthr. IX, 1931) и другіе. *Joseph Shranil* Die Vorgeschichte Böhmens und Mährens, съ введеніемъ Obermaier'a, изъ серіи Grundriss d. slav. Philologie und Kunstgeschichte, Berl. und Leipz., 1928. **Его же** Studie o vzniku kultury bronzove v Cechach, Praha, 1921. См. также *Oswald Menghin*, Einführung in die Urgeschichte Böhmens und Mährens, Reichenberg, въ Aanstalt für Sudetendeutsche Heimatforschung. Для Польши: Dr. *Joseph Kostrzewski*, Wielkopolska w czasach przedhistorycznych, второе, значительно расширенное изданіе, Poznan, 1923. *Wl. Antoniewicz*, Archeologja Polski, Warsz., 1928. *Leon Kozlowski* въ Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie, Dzial II, hist. filozof., Tom II, Mlodsza epoka kamienna w Polsce и Tom V, Wczesna, starsza, i srodkowa epoka bronzu w Polsce w swietle subborealnego optimum klimatycznego i jego wplywu na ruchy etniczne i zaludnienie Polski, 1928. Для археологіи Россіи въ эпоху эпиміолита и металловъ, см.: для гребеночной керамики *A. Aeyrepää-Europeus*, Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finland, I-II, Acta Archäologica, Köbenhavn, 1930, Vol. I, fas. 2-3. *Ailio*, Fragen der russischen Steinzeit, Hels., 1922 (Zeitschr. d. finn. Altertums, XXIX, I). Относительно Фатьяновской культуры: *Tallgren*, Fatjanovokulturen i Centralryssland въ Finkst Museum, XXXI, 1924. Его же: l'age du cuivre dans la Russie centrale, Helsinki, 1920 (SMYA XXXII, 1922). Его же замѣчанія въ Anzeiger der finn-ugr. Forschungen, B. XIV, 1925, Heft 1-3. О находкахъ на дюнахъ: **Н. В. Си-**

билевъ, Древности Изюмщины, вып. I. Альбомъ рисунковъ, Ізюмъ, 1926; вып. 2. Археологическія развѣдки въ бассейнѣ Донца, 1926 и вып. 3, Старовинности Ізюмщины, Ізюмъ, 1928. Тутъ же **П. Ефименко,** Стоянки каменнаго вѣка въ окрестностяхъ г. Изюма, и **А. И. Спицынъ,** Изюмская керамика. **Лявданскій,** Нѣкоторыя данныя о каменномъ вѣкѣ и культурѣ бронзовой эпохи въ Смоленской губ., Научныя Извѣстія Смоленскаго Государственнаго Университета, т. IV, вып. 3, Смол. 1927. Матеріалы по изученію Владимирской губ. подъ ред. директора музея **А. И. Иванова,** Влад., 1928, вып. II. Проф. **В. А. Городцовъ,** Памфиловская палеолитическая стоянка. **Ф. Я. Селезневъ,** Пріокскія древнѣйшія поселенія, Владимиръ, 1928. О Трипольской культурѣ: первоначальныя раскопки **Хвойко** описаны имъ въ статьѣ «Каменный вѣкъ средняго Поднѣпровья». Дальнѣйшія раскопки въ Зап. отд. русск. и слав. арх. р. а. общ., т. V, вып. 2, 1904. «Раскопки 1901 г. въ области Трипольской культуры». Мнѣніе проф. **Штерна** въ Трудахъ XIII Арх. Съѣзда 1907: «Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи». Раскопки у с. Колодистаго, см. статью **Спицына** въ Изв. Арх. Комиссіи, XII. **Гамченко,** Спостереження над даними дослідівъ Трипільской культури 1909-1913 р.р. въ сборникѣ Трипільска культура на Украіни, вып. I, Кіевъ, 1926. **Тамъ же** статья Петро **Курінний** и Вадимъ **Щербаківський:** защита ритуальнаго значенія «площадокъ» противъ Шухарта, Коссинны и Чайльда. *Hubert Schmidt,* Cucuteni in d. Oberen Moldau, Rumänien, Berl. u. Leipz, 1932. *Ailio,* Zeitschr. für finn. Alterth. Ges. Helsingfors, XXIX, 1932. *Ailio,* въ словарѣ Эберта XIII. Для шнуровой керамики: кромѣ вышеупомянутыхъ чешскихъ работъ и статей въ словарѣ Эберта, см.: *Tadeusz Sulimirski,* Die schnurkeramischen Kulturen und das indoeuropäische Problem, докладъ на седьмомъ международномъ съѣздѣ историковъ въ Варшавѣ, 1933, въ сборникѣ La Pologne, vol. I. *Ivan Borkovskyj,* Snurova Keramika na Ukyajine въ Obzor Prähistoricky, I, 1930-31. **Его же:** Problemy stredoevropske snurove kultury въ Pam. Arch., Nova Rada, III, 1933; **его же** докладъ на II съѣздѣ славистовъ въ Варшавѣ, см. Ksiega referatow, sekcya III, *A. Aegräpää-Europeus,* Ueber die Streitaxtkulturen in Russland въ Eurasia Sept. Ant. VIII, 1923 (въ приложеніи критика *G. Rosenberg*'а, Kulturströmungen in Europa zur Steinzeit (Kopenhagen, 1931), гдѣ дѣлаются неправильные выводы изъ раскопокъ въ Усатовѣ, Одесса; см. стр. 249, Пуассон). *Aaberg,* Die Typologie der nordischen Streitäxte, Würzburg, 1918. *M. Wosinsky,* L'attitude repliée des morts aux temps préhistoriques, въ Compte-rendu du Congrès scientifique international des catholiques, tenu à Paris, 1891. *Aarne Europeus,* Bootaxkultur въ словарѣ Эберта. *W. Bremer,* Kugelamphore, тамъ же. Капитальная работа объ «охро-

выхъ» могилахъ степи принадлежитъ **Тальгрену:** La Pontide préscythique après l'introduction des métaux, въ Eur. Sept. Ant. II, Hels., 1926. О «Хвалынской» культурѣ: **Рыковъ:** Къ вопросу о культурахъ бронзовой эпохи въ нижнемъ Поволжьѣ (Извѣстія Краевѣдческаго Института Изученія Южно-Волжской области, т. II, 1927). **Его же,** Археологическія раскопки и развѣдки въ Нижнемъ Поволжьѣ и Уральскомъ краѣ лѣтомъ 1925 г. (предварительный отчетъ изъ «Краевѣдч. и т. д. института, Саратовъ, 1926). **Его же,** Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga въ ESA I, 1927, *P. Rau,* Neue Funde aus Hockergräber des Wolgadeutschen Gebietes, ESA, IV, 1929. О «катомбныхъ» погребеніяхъ: *Tallgren,* Etudes sur le Caucase du Nord (раскопки Веселовскаго, 1909 г.) въ ESA, I, 1929. О индоевропейцахъ въ Малой Азіи (и общій обзоръ вопроса) *Gordon Childe,* The Arians, London, 1926. Die Tocharer, статья у Эберта. Главные этапы арійскаго вопроса: *I. Schmidt,* Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanischen Sprachen, Weimar, 1872. *Schrader,* Sprachvergleichung und Urgeschichte, Iena, 1888. *Pösche,* Die Arier, ein Beitrag zur historischen Anthropologie, Iena, 1878. *Penka,* Origines Ariacae Wien, 1883. *Isaac Taylor,* L'origine des Ariens et l'homme préhistorique (trad. fr.), Paris, 1895. *Giuseppe Sergi,* Arii e Italici, Torino, 1898. **Его же,** Gli Arii in Europa e in Asia, Torino, 1903. *E. de Michelis,* L'origine degli Indoeuropei, Torino, 1903. *Kossinna,* три послѣдовательно мѣнявшіяся теоріи: Die indogermanische Frage archäologisch beantwortet, Zeitschr. für Ethnologie, 1902; Der Ursprung der Urfinnen und der Urindogermanen, Mannus, 1909-1910; Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit, 1926. *Hermann Hirt,* Die Indogermanen, Ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur, Strasburg, 1905. *Sigmund Feist,* Kultur, Ausbreitung und Heimat der Indogermanen, 1913. **Его же,** Europa im Lichte der Vorgeschichte. Ein Beirag zur Frage nach den Ursitzen der Indogermanen. Berl., 1910. **Его же,** Indogermanen und Germanen, 2-te vermehrte Ausg., Halle, 1919. *Friedr. Braun,* Die Ubrevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen въ Japhetitische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens, I, Berlin, 1922. *Georges Poisson,* Les aryens, Paris, 1934. *Henri Hubert,* Les celtes et l'expansion celtique jusqu'à l'époque de la Tène, Paris, 1932 и его же (посмертное изд.) Les celtes depuis l'époque de la Tène et la civilisation celtique, Paris, 1932; оба тома въ серіи L'évolution de l'Humanite, XXXI и XXX-bis. Объ унетицкой культурѣ, вышецитированныя работы чешской школы. *Seger,* Lausitzische Kultur; **его же,** Aunetitzer Kultur, *Jokl,* Albaner; всѣ три статьи въ словарѣ Эберта. Рефератъ **Мен-**

гина über die Illyrerfrage, съ послѣдующими преніями въ Mitteilungen der Anthrop. Gesellsch. in Wien, 1916-17. О Галльштадтѣ: Das vorgeschichliche Hallstadt, von Dr. *A. Mahr,* Wien, 1925. По вопросу о происхожденіи и началѣ славянства классическій трудъ принадлежитъ профессору **Любору Нидерле:** Slovanske Starozitnosti, Oddil prvni (historicki) въ четырехъ частяхъ: I) Puvod a pocatky naroda slovanskeho, II) Slovane jizni въ двухъ отдѣлахъ, III) Slovane zapadni и IV) Slovane vychodni, 1902—1925. Къ сожалѣнію, послѣднюю часть автору пришлось выпустить безъ окончательной отдѣлки. Доступнѣе сокращенное французское изложеніе этого труда: *Lubor Niederle,* Manuel de l'Antiquité Slave. Tome I, L'histoire. Tome II, La civilisation, Paris, 1923-1926. Историческій отдѣлъ, цитированный выше. *Josef Kostrzewski,* Cmentarzysko z wczesnego srodkowego okregими, добавленіями. Наконецъ, имѣется новѣйшее, еще болѣе сокращенное изложеніе, гдѣ сведены послѣднія мнѣнія автора: Rukovet Slovanske Archeologie, v Praze, 1931, изданіе Пражскаго славянскаго института. О лужицкой колонизаціи Польши: *Leon Kozlovski,* Mapy kultury luzyckej, Kwartalnik Historyczny, R. XL. **І. Антоніевичъ,** см. выше. *Josef Kostrzewski,* Cmentarzysko z wczesnego srodkowego okresu latenskiego w Golecinie, w pov. Poznanskim wschodnim, Poznan, 1926. **Его же,** O wzajemnych stosunkach kultury «Luzyckiej» i kultury grobow skrzynkowch, Poznan, 1925. Ярымъ противникомъ теоріи непрерывнаго жительства славянъ на германизированныхъ территоріяхъ является *Dr. Bolko Frh. von Richthofen,* но его полемика носитъ опредѣленно политическій характеръ: рядъ тенденціозныхъ статей напечатанъ имъ въ такихъ органахъ, какъ Ostdeutsche Morgenpost, Der Ueberschlesier, Deutsche Blätter in Poland, etc. Въ отвѣтъ на статью Рихтхофена Gehört Ostdeutschland zur Urheimat der Polen, Костжевскій доказываетъ въ ст. подъ загл.: Urgeschichtsforschung und Politik, Poznan, 1930, ненаучную національностическую основу критики Рихтхофена, но и самъ не переходитъ на научную почву. Ср. рефератъ Рихтгофена на съѣздѣ славянскихъ филологовъ въ Варшавѣ, Ksiega Referatow, 1934, секція IV, Die Urheimat der Slaven in der Vorgeschichtsforschung, гдѣ докладчикъ принимаетъ тезисъ объ иллирскомъ характерѣ лужицкой культуры, но не предвидитъ возможности близкаго сожительства иллировъ съ венетами. Въ параллель съ Голенцинскимъ могильникомъ Костржевскаго слѣдуетъ поставить могильники Житомира, см. статью **Сергѣя Гамченко**, Житомиръ за перводжерелами передисторичной археологіи, въ Запискахъ всеукраньского Археологичеиого Комитету, т. I, Київъ 1931, съ рисунками. Классификація культуръ здѣсь требуетъ провѣрки. Для статистики распространенія

динарской расы использована, главным образомъ, интересная анкета Prager Presse, 1934: Die Rassen Zentraleuropas: I. In der Tschechoslovakei, 13 nov., v. Dr. *I. Matiegka;* II. In Oesterreich, 25 nov., v. Dr. *Victor Lebzelter;* III. In Jugoslavien, 2 dec., v. Dr. *Skerlj;* IV. In Rumanien, 8 dec., v. Dr. *Victor Lebzelter;* V. In Polen, 16 dec., v. Dr. Czekanovski; VI. In der Schweiz, 23 dec., v. Dr. *Eugène Pittard;* VII. In Frankreich, 30 dec., v. *George Montandon;* VIII. Die Juden, 6 jan., 1935 v. Dr. *Czortkover;* IX. In Ungarn, 13 janv., v. Dr. *Bartucz;* X. In Deutschland, 20 janv., v. Dr. *Matiegka.* См. также рефератъ д-ра Шкерля на послѣднемъ съѣздѣ въ Варшавѣ о «расовомъ типѣ словенцевъ». Работы **Чекановскаго** съ опредѣленными, часто интересными, но пролематическими выводами, основанными на непровѣренномъ пока наукой, его личномъ методѣ сопоставленія среднихъ математическихъ величинъ изъ шести отдѣльно взятыхъ соматическихъ признаковъ каждой сравниваемой группы: *Jan Czekanovski,* Anthropologische Beiträge zum Problem der slavisch-finnischen Beziehungen, SMYa, XXXV, Hels., 1925. Wstep do Historji Slovian, Lwowska biblioteka slavisticna, III, Lwow, 1927, Zarys Antropologji Polski, ib., XI, Lwow, 1930. Czlowiek w czasie i przestrzeni, Biblioteka wiedzy, т 9, Warszawa, 1934. О хронологіи «скифскихъ» древностей въ Китаѣ: **Теплоуховъ** въ Матеріалахъ для этнографіи, т. I, IV, ч. 2. *Alfred Salmony,* Sino-Siberian Art in the collection of C. T. Loo, Paris, C. T. Loo publisher, 1933. Для исторіи «звѣринаго стиля»: *G. Fougères, G. Contenau,* etc., Les premières civilisations, 3e édition, 1935, въ серіи Peuples et civilisations, Halphen et Sagnac. Gordon Childe, значительно расширенное изданіе англійской книги автора: The most ancient East, 1929. По отдѣльнымъ странамъ: *C. Leonard Woolley,* Les Sumeriens, Paris, 1950. *Ernest Mackay,* La civilisation de l'Indus, 1936. Объ книги въ серіи Biblithèque historique, Payot. *Louis Delporte,* Les Hittites, 1936, въ серіи L'évolution de l'humanité, dir. par Henri Berr. *Otto Weber,* L'art hittite, 1922 (Coll. «Orbis pictus»). *Edm. Pottier,* L'art hittite, 1er fasc., 1926. Рядъ параллелей съ Кавказомъ и Туркестаномъ. Въ концѣ два этюда: L'Asie et l'Europe (по Франкфурту) и Les indoeuropéens et le rôle de hittites (по Untersuchungen Христіана). *G. Contenau,* Musée du Louvre, Les antiquités orientales, Sumer, Babylonie, Elam, много образцовъ звѣринаго стиля за 3000-2000 лѣтъ до Р. Х. **Т. Пассекъ** и **Б. Латынинъ,** Очерки до-исторіи Сѣв. Азербайджана, и **Мешаниновъ,** Къ вопросу о ассирійской бусинѣ и т. д., Иззѣстія общества изслѣдованія и изученія Азербайджана, № 3, частью по **Ресслеру,** Zeitschrift für Ethnologie, 1892-1905 и *Chantre,* Recherches Anthropologiques dans le Caucase, t.t. I et II, 1885, 1886; *de Morgan,* Mission scientifique en Caucase и его же Mission scientifique en Perse, t. IV, 1896 и др. *André*

Godard, Les bronzes de Luristan, 1931' богатый матеріалъ, собранный новѣйшимъ изслѣдователемъ. **П. Грязновъ,** Погребенія бронзовой эпохи въ западномъ Казакстанѣ и **Комаровъ,** Черепа бронзовой эпохи по лѣвымъ притокамъ р. Урала, въ сборникѣ Казаки, Антропологическіе очерки подъ ред. **С. Н. Руденко,** Лен., 1927, изд. Ак. Наукъ, Мат. особ. комитета, вып. 11. *O. M. Dalton,* The treasure of the Oxus, Second ed., Lond., 1926. Ссылки на китайскія лѣтописи сдѣланы по изданію монаха **Іакинфа Бичурина:** Собраніе свѣдѣній о народахъ средней Азіи въ древнія времена, СПБ., 1851, III ч.: повѣствованіе о Давани и о Западномъ краѣ. Изданія *Chavannes* я не имѣлъ подъ руками. Къ антропологіи хакасовъ, динлиновъ и усуней: **Г. Е. Грумъ-Гржимайло,** Бѣлокурая раса въ средней Азіи, Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Г. Н. Потанина, СПБ., 1909. **В. В. Радловъ,** Сибирскія древности. Изъ путевыхъ записокъ по Сибири. Пер. съ нѣмецкаго (Aus Sibirien) гр. А. А. Бобринскаго, СПБ., 1896. Archeology of Siberia by prof. A. A. Zakharov, въ ESA, III. **С. Р. Минцловъ,** Памятники древности въ Урянхайскомъ краѣ (Петр., 1916, Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ.). **В. М. Флоринскій,** Первобытные славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни, I, ч. 1 и 2, Томскъ, 1894 и 1896 (описаніе мѣстности и снимки кам. бабъ). *Gero v. Merhart,* Bronzezeit am Jenissej, ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens, Wien, 1926. Для скифской эпохи, основной трудъ, къ сожалѣнію, незаконченный: **М. И. Ростовцевъ,** Скифія и Боспоръ, Критическое обозрѣніе памятниковъ литературныхъ и археологическихъ. Изд. Росс. Ак. ист. мат. культ., 1925, съ предисловіемъ С. Жебелева. Издано по рукописи въ отсутствіе автора. Его собственное изданіе, дополненное, вышло по-нѣмецки: Skythien und der Bosporus, B. I, Krit. Uebers. der schrift. u. archäolog. Quellen, Berlin, 1931. Хорошее научно-популярное изложеніе вопроса въ цѣломъ, съ рисунками, *Dr. Max Ebert,* Südrussland im Altertum въ Bücherei der Kultur und Geschichte, Bonn und Leipzig, 1921. Въ словарѣ Эберта прекрасныя статьи: Südrussland и подъ названіями отдѣльныхъ кургановъ, хорошо иллюстрированныя. Добросовѣстное описаніе скифскаго быта см. у **Лаппо-Данилевскаго,** Скифскія древности (Зап. отд. р. и слав. Археологіи ИРАО (т. IV), 1887. *Ellis H. Minns,* Scythians and Greeks, Cambr., 1913. Въ Addenda снимки Flinders Petrie. *Rostovtsev,* Iranians and Greeks in South Russia, Oxf., 1922. Русское популярное изд.: Эллинство и Иранство на югѣ Россіи, общій очеркъ въ серіи «Кругъ Знанія», Петр., 1918, съ рисунками. **Н. П. Толль,** Скифы и гунны, евраз. изданіе, 1928, Прага. *G. Borovka,* Scythian Art, 1928, полезный атлосъ снимковъ. Спеціально для «звѣринаго стиля»: **Ростовцевъ,** The animal style in South Russia and China, Princeton, 1929. **Его же:** Средняя Азія, Россія, Китай и звѣриный стиль въ Skythika I, Seminarium Kondakovianum, Прага, 1929. Тамъ же III,

1930, **Ю. Н .Рерихъ,** Звѣриный стиль у кочевниковъ сѣвернаго Тибета. *Tallgren,* Die Russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen im National Museum Finlands, ESA III (отсюда взяты рисунки съ Печеры и Ишима №№ 5-8, стр. 259). Текстъ Геродота по переводу **Ф. Г. Мищенка,** Геродотъ, Исторія въ девяти книгахъ, Москва, 1885-1886. Обширная біографія Геродота *Jakoby* въ Pauly Realencyclopädie d. klass. Altertums, Supplement, 2-tes Heft, Stuttgart (pp. 205-529) со ссылкой на статью *Maizal* относительно маршрута поѣздки Геродота въ Скифію. О Роменскихъ и Кіевскихъ курганахъ см. гр. **А. А. Бобринскаго,** Курганы мѣста Смѣлы, особенно, III том, 1901. *B. Grakov,* Monuments de la culture scythique entre la Volga et les Monts Ural, ESA, III. **Всев. Ф. Миллеръ,** Осетинскіе Этюды, ч. III, Изслѣдованія, М., 1887. Его же, Эпиграфическіе слѣды иранства въ Журн. Мин. Нар. просв., 1881. **В. И. Абаевъ,** Общіе элементы въ языкѣ осетинъ, балкарцевъ и карачаевцевъ въ сборникѣ «Языкъ и мышленіе», изд. Акад. Наукъ подъ ред. Н. Я. Марра. «Избранныя работы» Марра издаются послѣ его смерти Академіей Наукъ. Т. III, Языкъ и общество, 1934. Т. V, Этно- и глоттологія восточной Европы, 1935. **В. А. Миханкова,** Н. Я. Марръ, біографія, 1935. Сводъ скифскихъ находокъ въ Венгріи составленъ для нѣмецкаго изданія М. И. Ростовцева, Нандосомъ Феттихомъ: Bestand der skythischen Altertümer Ungarns, zusammengestellt von *Nandor Fettich.* **А И. Спицынъ,** Скифы въ Галльштадтѣ, Сборникъ арх. статей, подн. гр. Бобринскому, СПБ., 1911. *A. Potapov,* Inkrustirte Keramik von Belsk, Eur. Sept. Ant., IV, 1929. Тамъ же, *Talgren,* Etudes sur le Caucase du Nord отмѣчаетъ сходство катакомбной керамики съ Mondsee и Лайбахомъ (ср. стр. 190) въ восточныхъ Альпахъ и склоняется къ признанію связи культуры вост. Альпъ и паннонской. *N. Makarenko,* La civilisation des scythes et Hallstadt, ESA, 1930. **В. Миковъ,** Предисторически селища и находки въ България, София, 1933. *Stanley Casson,* Macedonia, Thrace and Illyria. Their relations to Greece from the earliest times, etc., Oxf., 1926. *Tallgren,* L'époque dite d'Ananino dans la Russie Centrale, въ Finska Förnminnens föreningens Tidskrift, Hels., 1919. **Его же,** L'Orient et l'Occident dans l'âge de fer finno-ougrien jusqu'au IX siècle de notre ère, Conférence d'installation... à l'un. de Hels., 1924. Даетъ общую картину О венгерской «пустѣ» см. *Jacques Ancel,* Manuel géographique de politique européenne, t. I. L'Europe Centrale, Paris, 1936, — прекрасный обзоръ территоріи, населяемой или прежде населявшейся славянами, съ точки зрѣнія «genre de vie» — французскій варіантъ моего понятія «мѣсторазвитія».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Заканчивая эту первую часть перваго тома «Очерковъ» и подходя къ выводамъ, я считаю необходимымъ, прежде всего, подчеркнуть ту единую мысль, которая соединяетъ отдѣльныя части этой работы въ одно цѣлое. Рѣчь идетъ о попыткѣ тѣснѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, связать историческій процессъ со средой — или, какъ я условился говорить, съ «мѣсторазвитіемъ» русской культуры. Какъ уже сказано выше (стр. 36), идея связи человѣка съ природой, дающая изслѣдованію искомое единство, далеко не нова. Она развивалась многократно въ европейской литературѣ и сдѣлалась «почти общимъ мѣстомъ» въ изложеніи русскаго историческаго процесса — особенно въ предисловіяхъ къ такому изложенію. Но я не рискую ошибиться, утверждая, что только въ послѣднія десятилѣтія, въ свѣтѣ новѣйшихъ данныхъ и выводовъ цѣлаго ряда наукъ, явилась серьезная возможность выйти въ этомъ вопросѣ за предѣлы общихъ разсужденій и болѣе или менѣе остроумныхъ сопоставленій — и доказать на фактахъ связь даннаго «мѣсторазвитія» съ происходившимъ въ его предѣлахъ историческимъ процессомъ. Правильнѣе, конечно, говорить теперь о *нѣсколькихъ* мѣсторазвитіяхъ и *нѣсколькихъ* процессахъ, развивавшихся въ нихъ и лишь постепенно слившихся въ одно органическое цѣлое.

Именно къ такой постановкѣ приводитъ самый первый шагъ изслѣдованія: точное опредѣленіе характера той части территоріи Евразіи, на которой эти процессы происходили. Мы подошли къ этому опредѣленію, сопоставляя различные составные элементы «климата» данной территоріи: метеорологическіе, педо-, фито-, зоо- и антропогеографическіе — и ихъ своеобразныя сочетанія. Это сопоставленіе дало возможность выдѣлить особое положеніе европейскаго мѣсторазвитія въ цѣломъ среди другихъ мѣсторазвитій міра. Затѣмъ мы приступили къ болѣе подробному изученію мѣстныхъ условій восточной Европы и здѣсь отмѣтили тѣ особенности, которыя подраздѣляютъ обширное цѣлое европейской — а затѣмъ и азіат-

ской территоріи Россіи — на нѣсколько отдѣльныхъ мѣсторазвитій. Все значеніе этихъ подраздѣленій выяснится только при дальнѣйшемъ изложеніи историческаго процесса. Но уже и въ данномъ періодѣ, сопоставляя географическія данныя съ показаніями археологіи и антропологіи, мы получили возможность выдѣлить обособленные процессы, совершавшіеся въ различныхъ частяхъ теперешней Россіи и опредѣлить ихъ взаимоотношенія. При этомъ, прежде всего, удалось установить соотношеніе между самымъ началомъ заселенія Россіи и соотвѣтствующей стадіей европейской антропогеографіи, какъ по отношенію къ территоріи заселенія, такъ и по отношенію къ его хронологіи. *Территоріей* этой оказалась «лессовая» полоса, проходящая лентой съ юго-запада Россіи на сѣверо-востокъ и дальше — въ обширныя пространства Сибири. Единство характера найденной территоріи дало возможность установить и единство процесса древнѣйшихъ передвиженій и ихъ направленіе — изъ соотвѣтствующей полосы средней Европы по направленію къ сѣверовостоку. Что касается *хронологіи* первоначальнаго заселенія, мы опредѣлили его эпохой *не ранѣе и не позже* т. наз. ориньякскаго періода второй половины каменнаго вѣка. Самъ собою при такомъ построеніи нашелъ свое первое приложеніе эмпирическій законъ, проходящій черезъ всю конструкцію «Очерковъ»: законъ запозданія историческаго развитія при переходѣ отъ запада Европы къ ея центру, отъ центра въ европейскую Россію, оттуда въ западную Сибирь, рѣзко отдѣленную отъ восточной и, наконецъ, отъ западной Сибири на дальній востокъ ея. Послѣднее выраженіе этого закона запозданія мы нашли въ томъ, что тамъ, на дальнемъ сибирскомъ востокѣ, встрѣтили послѣднюю ступень отступленія нашихъ первоначальныхъ насельниковъ. Не форсируя фактовъ и не прибѣгая къ рискованнымъ гипотезамъ, мы узнали тамъ уже извѣстные намъ пережитки типа и быта древнѣйшихъ поселенцевъ «лессоваго» мѣсторазвитія Европы и Россіи. *Антропологическимъ* типомъ, связующимъ эти два отдаленные конца, оказался, всего правдоподобнѣе, недавно только установленный итальянскимъ ветераномъ антропологіи Джузеппе Серджи, типъ «лофоцефала», свойственный древнѣйшему человѣчеству. А *этнографическимъ* носителемъ типа до настоящаго времени остались вымирающіе племена т. наз. «палеазіатовъ» (эскимоидовъ). Примѣненіе идеи мѣсторазвитія къ изученію «начала культуры» оказалось, какъ видимъ на этомъ первомъ примѣрѣ, удачнымъ эвристическимъ методомъ, давшимъ здѣсь свои первые плоды. Конечно, то, что есть оригинальнаго въ этихъ выводахъ, подлежитъ дальнѣйшей научной провѣркѣ, и въ популярномъ изложеніи здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, я не могъ дать

полнаго научнаго доказательства ихъ. Но читатель самъ оцѣнитъ прочность базиса, на которомъ эти выводы построены.

Нѣсколько менѣе отвѣтственнымъ является авторъ за другой выводъ, составляющій продолженіе перваго и связывающій другое, сѣверное мѣсторазвитіе европейской Россіи съ сибирскимъ востокомъ и европейскимъ западомъ. На этотъ разъ древнѣйшая колонизація должна была идти въ обратномъ направленіи — съ востока къ западу, — ибо она слѣдовала за процессомъ таянія ледника, покрывавшаго сплошь эту часть Европы. Внимательное ознакомленіе съ процессомъ таянія ледника помогло установить и *хронологію* первоначальнаго заселенія сѣвера. Здѣсь также обнаружился законъ запозданія процесса: съ юга на сѣверъ — такъ же какъ ранѣе — съ запада на востокъ. Свѣжіе провалы ледниковыхъ озеръ и каменистый ландшафтъ сѣвера рѣзко отличаются отъ расплывшихся моренъ и вторичныхъ рѣчныхъ террассъ юга. Но антропологическій типъ сохранился, повидимому, прежній. Изъ Сибири вернулись на сѣверъ Европы «европиды». Сюда, какъ въ дальневосточное убѣжище», они тоже принесли съ собой примитивныя черты быта, сохранившіяся надолго. Но, все-же, этотъ бытъ охотниковъ и рыболововъ былъ уже болѣе развитъ, нежели древній бытъ «па..азіатовъ».

Итакъ, приложеніе нашего метода къ изученію «начала культуры» дало возможность впервые составить хотя и очень общее, но, тѣмъ не менѣе, связное представленіе о ходѣ этого процесса на русской территоріи, тогда какъ до сихъ поръ мы имѣли дѣло съ отрывочными, лишенными связи эпизодами, такъ сказать, отдѣльными островками, разбросанными среди океана полной неизвѣстности.

Работа надъ приложеніемъ понятія мѣсторазвитія къ дальнѣйшей стадіи историческихъ процессовъ на русской территоріи должна была получить иной характеръ. Обиліе матеріала и богатое разнообразіе попытокъ его использовать представляло здѣсь не меньшую трудность, чѣмъ скудость данныхъ и воздержаніе изслѣдователей отъ общихъ выводовъ — въ предыдущемъ періодѣ. Самая задача изслѣдованія была здѣсь гораздо труднѣе: переходъ къ позднѣйшей стадіи культуры (конецъ неолита и начало металловъ) заставлялъ поставить сложный вопросъ о времени и способахъ «происхожденія національностей». Только современная разработка данныхъ археологіи, антропологіи и лингвистики давала надежду на разрѣшеніе этого вопроса. Она прямо ставила на очередь задачу — использовать данныя всѣхъ этихъ наукъ и поставить ихъ въ связь съ извѣстными намъ расами и народностями историческаго періода. При этомъ тотчасъ же ставился и требовалъ разрѣшенія предваритель-

ный вопросъ: объ отношеніи *національности къ расѣ*. Авторъ счелъ себя вправѣ по отношенію къ этому послѣднему вопросу ограничиться выводами изъ своей предыдущей работы о «Національномъ Вопросѣ», — тѣмъ болѣе, что выводы эти совпадаютъ съ заключеніями современной науки, — конечно, не той, на которую стараются опереться сторонники т. наз. «расизма». Во всякомъ случаѣ, постановка вопроса о происхожденіи національностей *въ связи* съ вопросомъ о роли мѣсторазвитія, какъ фактора созданія національности, сама по себе заставляла конкретизировать черезчуръ общіе выводы о законахъ развитія *всякаго* доисторическаго общества.

Первымъ средствомъ для такой конкретизаціи, конечно, явились выводы, полученные уже при изученіи предшествовавшаго періода. Древнѣйшею частью Европы и Россіи, гдѣ слѣдовало ожидать дальнѣйшаго развитія культуры, естественно, должна была оказаться та же самая территорія, где давно уже жилъ древнѣйшій человѣкъ — на западѣ — и куда онъ впервые пришелъ — на востокѣ. Каково было содержаніе этихъ дальнѣйшихъ процессовъ? развитіе осѣдлаго быта, переходъ къ земледѣлію, прирученіе животныхъ, соціальная дифференціація племени, усиленная появленіемъ металловъ и вооруженныхъ металлическимъ оружіемъ группъ населенія. Но все это и являлось необходимыми предпосылками для выдѣленія группъ, объединенныхъ національнымъ языкомъ и сознаніемъ. Итакъ, происхожденія національностей въ Европѣ слѣдовало искать въ предѣлахъ той же лессовой полосы, гдѣ привились прежде всего начала европейской культуры. Принятіе этой «рабочей гипотезы» само по себѣ съужало границы поисковъ и давало возможность выбрать между предложенными ранѣе рѣшеніями болѣе вѣроятныя, отбросивъ неправдоподобныя.

Очередная трудность тутъ и состояла — не въ отсутствіи, а въ изобиліи матеріала археологической науки. Подходящихъ для образованія національностей осѣдлыхъ группъ на территоріи лессовой полосы современная археологія знаетъ не одну, а многое множество. Ея собственная очередная задача заключается не столько въ дальнѣйшемъ уточненіи и дробленіи этихъ группъ, а, наоборотъ, въ соединеніи болѣе близкихъ между ними въ болѣе обширныя сочетанія, которыя могли-бы послужить базой для соотвѣтственнаго объединенія языковъ и власти, т.-е. для процесса, составляющаго сущность появленія національностей. Здѣсь идея «мѣсторазвитія», какъ объединяющаго начала, должна была опять сыграть роль принципа, направляющаго поиски. Надо сказать, что уже сама археологія пошла, по собственной сознанной необходимости, навстрѣчу этой очередной задачѣ. Она постаралась объединить пеструю картину сво-

ихъ дробныхъ находокъ въ нѣсколько «культурныхъ круговъ»; эти круги, какъ оказалось позднѣе, болѣе или менѣе соотвѣтствовали отдѣльнымъ «мѣсторазвитіямъ» въ предѣлахъ Европы. Оставалось опредѣлить отношеніе этихъ круговъ къ «расамъ», а «расъ» — къ національностямъ. Для русскаго изслѣдователя присоединялась къ этому задача — найти соотвѣтствіе между этими западными исканіями и русскими явленіями подобнаго же рода.

Но прежде всего надо было пощупать на русской территоріи самыя эти явленія. Съ этого я и началъ. Искомыя археологическія группы были уже извѣстны. Оправданіемъ моего метода было то, что они сами собою распредѣлялись по «мѣсторазвитіямъ», выясненнымъ уже въ первой главѣ. Предѣлы сѣвернаго мѣсторазвитія оказались при этомъ близко соотвѣтствующими распространенію т. наз. «гребеночной» культуры, — древнѣйшей для всей сѣверо-европейской равнины. Наблюденная нами раньше запоздалость и примитивность этой культуры вполнѣ соотвѣтствовала ея неподвижности. Далѣе, южное мѣсторазвитіе («второе» по моей терминологіи) дало мѣсто двумъ крупнымъ культурамъ: т. наз. «росписной» и «шнуровой» керамики (названія взяты отъ характера украшеній на глиняныхъ сосудахъ). Первую изъ нихъ, т. наз. «трипольскую» культуру, пришлось сразу отвести, какъ периферическую для Россіи, составлявшую часть болѣе широкаго балканскаго круга. Значеніе второй («шнуровой»), какъ возможной носительницы одной изъ индоевропейскихъ народностей, оказалось важнѣе, но и опредѣлить его было труднѣе. Прежде всего, нужно было разобраться въ спорномъ вопросѣ о пути распространенія этой культуры — съ востока на западъ или съ запада на востокъ. Для меня вопросъ этотъ рѣшался, помимо прямыхъ доказательствъ (большая древность западныхъ формъ орудій и керамики этой культуры), также и принятой мною предпосылкой: о наибольшей вѣроятности происхожденія индоевропейскихъ народностей въ лессовой полосѣ центральной Европы. Это рѣшеніе подтверждалось и послѣдующимъ развитіемъ на мѣстѣ, въ степяхъ южной Европы, культуры, т. наз. «охровыхъ могилъ», несомнѣнно связанныхъ въ своемъ происхожденіи съ шнуровой культурой.

Помимо установленныхъ такимъ образомъ двухъ археологическихъ круговъ, совпавшихъ съ двумя основными мѣсторазвитіями Россіи, сѣвернымъ и южнымъ, само собою выдѣлилось среднее между ними, промежуточное по характеру мѣсторазвитіе лѣснаго центральнаго междурѣчья Оки-Волги. Оно было занято т. наз. Фатьяновской культурой, одновременной съ двумя предыдущими. Ея происхожденіе съ запада, как и шнуровой культуры, и ея внезапное

исчезновеніе къ востоку до нѣкоторой степени предрѣшало и подчеркивало ея національный смыслъ. Хронологически и географически Фатьяновская культура оказалась переходной, и ея недолгая исторія опредѣлила передаточную роль центральнаго междурѣчья уже для этого, древнѣйшаго времени.

Наконецъ, особо выдѣлилась археологическая группа, соотвѣтствовавшая территоріи нашего «третьяго» мѣсторазвитія — Черноморья, Кавказа и нижней Волги. Его культура уже въ это раннее время характеризовалась, какъ связанная не съ упомянутыми типами процессовъ внутри русской территоріи, а съ процессами средиземноморского и переднеазіатскаго круговъ. Она была отрѣзана отъ остальной Россіи и почти чужда ей. Къ этому культурному кругу намъ пришлось вернуться только тогда, когда онъ вошелъ во временную связь съ процессами, происходившими помимо него и до него въ южно-русской степи.

Одновременно съ выясненіемъ соотвѣтствія намѣченныхъ археологическихъ круговъ различнымъ русскимъ мѣсторазвитіямъ опредѣлилось, какъ мы видѣли, и отношеніе ихъ къ соотвѣтствующим европейскимъ кругамъ. Это отношеніе было здѣсь почти всегда болѣе получающимъ съ запада, чѣмъ дающимъ ему. Оно отсылало насъ, такимъ образомъ, въ нашихъ поискахъ соотвѣтствія археологическихъ круговъ позднѣйшимъ народностямъ, назадъ, на западъ.

Можно было ожидать, что здѣсь мы подойдемъ къ самой трудной части задачи. Среди множества испробованныхъ рѣшеній желаемое сплошь да рядомъ принималось здѣсь за дѣйствительно существующее, искомое — за доказанное. Данныя, установленныя одними науками, произвольно и искусственно налагались на данныя другихъ наукъ. Во всемъ этомъ необходимо было разобраться, найти руководящія линіи и выбрать строго научные критеріи. Прежде всего, оказалось необходимымъ устранить ненаучныя тенденціи «расизма», сохранивъ, однако-же, то, что было научнаго въ работахъ изслѣдователей этого направленія, отдѣливъ доказанное отъ недоказаннаго и недоказуемаго. И вотъ, этотъ трудный переходъ отъ отрицательной задачи къ положительной былъ также облегченъ намъ примѣненіемъ понятія мѣсторазвитія.

Связь главнаго стержня культурно-историческаго процесса въ Европѣ съ направленіемъ лессовой полосы, какъ уже сказано, сама собой направила поиски происхожденія главныхъ европейскихъ національностей («индо-европейской» семьи языковъ) въ центральную Европу, оставивъ въ сторонѣ теоріи, связанныя съ сѣвернымъ мѣсторазвитіемъ, черезчуръ позднимъ и наименѣе культурнымъ, съ

азіатскимъ, черезчуръ, наоборотъ, древнимъ, и съ южно-русскимъ, игравшимъ лишь передаточную роль. Древнѣйшія изъ центральныхъ мѣсторазвитій какъ разъ соотвѣтствовали кругамъ т. наз. «шнуровой» и «ленточной» керамики, т.-е. южно-германскому и дунайскому кругу. Граница между обоими близко соотвѣтствуетъ тому стыку, на которомъ встрѣчаются европейскія расы: древнѣйшія, длинноголовыя, и болѣе позднія, коротколовыя. Въ связи съ этимъ возникаетъ трудный — можетъ быть неразрѣшимый при современномъ состояніи знаній вопросъ, какъ и въ какое время вообще появились короткоголовые въ Европѣ. Обѣ короткоголовыя расы, альпійская и динарская, могли уже придти такими (ихъ родственниковъ, болѣе примитивныхъ, антропологи указываютъ на сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ Европы) или же могли развиться на мѣстѣ, въ результатѣ смѣшеній и эволюціи. Подчеркнувъ участіе послѣдняго процесса, я, все же, оставилъ этотъ вопросъ, по необходимости, открытымъ. Во всякомъ случаѣ, наличность короткоголовыхъ именно въ данномъ мѣстѣ Европы и ихъ присутствіе тутъ какъ разъ въ тотъ періодъ, когда должны были образоваться индо-европейскія народности, устраняетъ поиски происхожденія индоевропейцевъ исключительно среди длинноголовыхъ, какъ утверждала старая теорія, охотно воспринятая и развитая германскими расистами. Въ связи съ нашей оріентировкой на лессовую полосу Европы, какъ на средоточіе древнѣйшихъ культурныхъ процессовъ въ Европѣ, слѣдовало заранѣе допустить, что въ этомъ процессѣ играло роль смѣшанное антропологическое населеніе. Это вполнѣ отвѣчало и установившемуся мнѣнію въ современной наукѣ, что индоевропейскія народности складывались на слоѣ уже готоваго населенія, предшествовавшаго процессу, бывшаго здѣсь на лицо передъ появленіемъ металловъ. Наличность до-индоевропейскаго населенія длинноголовыхъ на сѣверныхъ и южныхъ окраинахъ Европы была безспорна; въ центрѣ можно было предполагать существованіе того-же «субстрата», вошедшаго однимъ изъ элементовъ смѣшенія съ короткоголовыми. Археологія указала, въ томъ-же центрѣ, и подходящія *территоріи,* достаточно обширныя, чтобы послужить ареной для такихъ смѣшеній, — и достаточно долгіе *сроки,* втеченіе которыхъ именно здѣсь могло совершиться сліяніе отдѣльныхъ антропологическихъ, археологическихъ, лингвистическихъ чертъ въ одинъ общій агломератъ. Мѣсто это все въ той-же лессовой полосѣ срединной Европы, на стыкѣ шнуровой и ленточной культуръ. Время — не позже второй половины третьяго тысячелѣтія до Р. Х. (послѣ 2500 г.), когда признаки готовой индоевропейской рѣчи уже обнаруживаются среди индоевропейцевъ, пришедшихъ въ переднюю Азію.

Изъ всѣхъ индоевропейскихъ народностей меня, конечно, интересовала одна, славянская: ея появленія и надо было искать въ этихъ, заранѣе выяснившихся предѣлахъ наиболѣе вѣроятной индоевропейской «прародины». *Внутри* этихъ предѣловъ, географическихъ, этнографическихъ и хронологическихъ, вопросъ оставался, однако, неяснымъ. Было, во всякомъ случаѣ, ясно одно: рѣшеніе должно быть найдено именно тутъ и именно одновременно съ выдѣленіемъ другихъ индоевропейцевъ. Для другихъ индоевропейскихъ народностей оно уже было найдено другими. Мнѣ оставалось сдѣлать для славянъ вычетъ изъ спорнаго круга, выдѣливъ всѣ тѣ территоріи, гдѣ, болѣе или менѣе правдоподобно, наука отвела мѣсто для другихъ индоевропейскихъ народностей, послѣ ихъ выдѣленія. За вычетомъ оставался нѣкоторый географически-археологическій остатокъ, для котораго не рѣшались указать кандидата, хотя съ другой стороны единственная народность, славянская, оставалась при этомъ дѣлежѣ безъ мѣста. Отдать славянамъ оставшееся мѣсто мѣшалъ какой-то ученый или національный предразсудокъ, черезъ который надобно было, наконецъ, перешагнуть. Но не будетъ-ли такой рискованный шагъ одной лишь голой, недоказуемой и, стало быть, безполезной гипотезой?

Здѣсь на выручку изслѣдователю приходили готовыя, достаточно прочныя, данныя, добытыя новѣйшей археологіей, лингвистикой и антропологіей. Если всѣ ихъ показанія сойдутся на одномъ и томъ же выводѣ, то, казалось, на такой выводъ слѣдуетъ рѣшиться. Итакъ, что давала археологія? На самомъ искомомъ мѣстѣ она указывала территорію, почти не измѣнявшую свой культурный обликъ втеченіе болѣе тысячелѣтія. На этой территоріи послѣдовательно смѣнились за это время, — не вслѣдствіе переселеній населенія или приходовъ новаго, а послѣдовательно развиваясь одна изъ другой, на мѣстѣ, три родственныя культуры: такъ наз. «предъ-унетицкая», «унетицкая» и «лужицкая». Другія индоевропейскія народности расположились кругомъ этой территоріи, — на сѣверъ, западъ, югъ и востокъ отъ нея. Оставшееся незанятымъ среднее мѣсто германскіе ученые, послѣ долгихъ колебаній, отвели иллирійцамъ. Что говорила лингвистика?

Иллирійскій языкъ почти неизвѣстенъ. Но повсюду, гдѣ упоминаются иллирійцы, съ ними вмѣстѣ упоминаются и ихъ древнѣйшіе сожители — венеты-венды. А венды — древнѣйшее названіе славянъ. Одинаковое географическое распространеніе иллирійцевъ и вендовъ можно прослѣдить по языку мѣстныхъ названій отъ эпохи Галльштадта до среднихъ вѣковъ. Но ,конечно, иллирійцы — не венды. В какомъ-же отношеніи стояли другъ къ другу обѣ эти народ-

ности, чѣмъ-то, очевидно связанныя? Здѣсь снова пришло на помощь понятіе мѣсторазвитія. Повсюду, гдѣ обѣ народности жили вмѣстѣ, между ними существовала, какъ оказалось, связь подчиненія — славянъ иллирійцамъ. Въ томъ-же состояніи подчиненія венды-виниды перешли отъ иллирійцевъ къ «сарматамъ», «хуннамъ», «аварамъ», кончая германцами. Этому состоянію соотвѣтствуетъ ихъ анонимать. По моему толкованію, даже самое названіе вендовъ значило первоначально просто — «тутошніе». Этому состоянію соотвѣтствуетъ, наконецъ, самый характеръ мѣстностей, которыя венеды занимали, будучи отброшены въ эти мѣста другими, вытѣснявшими ихъ народностями. Они селились въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, въ наименѣе поддававшихся культурѣ мѣстахъ: на горныхъ хребтахъ, въ лѣсахъ и болотахъ, что, вѣроятно, и содѣйствовало переходу ихъ изъ подчиненнаго полукрѣпостнаго положенія къ отдѣльному, болѣе независимому существованію горныхъ пастуховъ или обитателей мало-доступныхъ лѣсныхъ росчистей. Лучшія мѣста они нашли, продвинувшись на востокъ отъ лужицкой родины, въ слабо заселенныя мѣстности Польши. Оттуда, далѣе на юго-востокъ, мы намѣтили два отдѣльныхъ потока дальнѣйшей колонизаціи, и на этомъ пока остановились, связавъ темныя начала съ все болѣе несомнѣннымъ продолженіемъ, когда тожество венетовъ-вендовъ-славянъ становится совершенно безспорнымъ. Пробѣлы историческихъ источниковъ на этомъ длинномъ пути понятны для народа безписьменнаго, подчиненнаго чужому господству. Пробѣлы археологическихъ находокъ объясняются скудостью культуры такого народа.

Наконецъ, въ-третьихъ, показаніе антропологіи. Тамъ же, гдѣ жили иллирійцы и гдѣ съ ними сосѣдили венды, вездѣ оказалось возможнымъ отмѣтить замѣтное преобладаніе одной изъ короткоголовыхъ смѣшанныхъ расъ — динарской. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, выводить, что динарскій типъ является монополіей славянской народности. Ни одна современная народность не имѣетъ одного только антропологическаго обличья. Но въ этомъ случаѣ говоритъ за насъ логика: законъ т. наз. сопутствующихъ измѣненій. Оказывается, что, чѣмъ гуще славянское населеніе, тѣмъ въ данномъ мѣстѣ численнѣе преобладаніе динарцевъ. Гдѣ славяне жили раньше, но ассимилировались, динарскій типъ сохраняетъ ихъ слѣды. Гдѣ никогда не было ихъ поселеній, тамъ, чаще всего, нѣтъ и слѣдовъ динарскаго типа. Единственное *славянское* исключеніе (не говоримъ пока о восточной Европѣ) составляетъ Польша, напоминая намъ, что, все же, и антропологическій типъ славянъ, какъ всѣхъ остальныхъ народовъ, не однотипный, а изстари смѣшанный.

Понятіе мѣсторазвитія оказало намъ еще одну, весьма существенную услугу. Рѣчь идетъ объ исторической судьбѣ того мѣсторазвитія, которое мы назвали третьимъ». Мы уже видѣли, что съ древнѣйшаго періода это мѣсторазвитіе оказалось наиболѣе отрѣзаннымъ отъ участія въ органическихъ процессахъ остальной территоріи Россіи — и наиболѣе связаннымъ съ процессами въ частяхъ сосѣднихъ материковъ Аѳразіи. На исходѣ преисторіи мы встрѣчаемъ эту, позже другихъ сложившуюся, степную территорію въ обладаніи кочевниковъ передней Азіи, получившихъ — вѣроятно, случайное, но прочно за ними укрѣпившееся — названіе скифовъ. Чтобы отличить здѣсь роль пришлыхъ кочевниковъ отъ роли осѣдлаго населенія, населявшаго уже до ихъ прихода наиболѣе пригодную для культуры часть русскихъ степей, намъ пришлось установить прежде всего взаимное отношеніе этихъ двухъ мѣсторазвитій. Они соотвѣтствуютъ двумъ типамъ быта, трудно переходящимъ одинъ въ другой — осѣдлому и кочевому. Мы прослѣдили соприкосновеніе обоихъ въ ихъ источникѣ, — въ мѣстностяхъ передней Азіи, — тамъ, гдѣ сложился кочевой бытъ и откуда вышли кочевники. Чтобы связать въ одно цѣлое всю территорію кочеваго мѣсторазвитія, мы выбрали два объединяющихъ кочевую культуру признака: распространеніе т. наз. «звѣринаго стиля», во-первыхъ, и особый способъ погребенія кочевыхъ вождей, во-вторыхъ. Прослѣдивъ сложную исторію звѣринаго стиля отъ первыхъ его элементовъ въ древнихъ горныхъ монархіяхъ малой и передней Азіи, черезъ предгорья Туркестана и Казакстана, до западной Сибири и Минусинска, мы пришли къ ряду заключеній, формулированныхъ на стр. 289-290. Повсюду въ этомъ кругѣ можно было наблюдать, что творцами стиля являются собственно не сами кочевники, а подручные имъ обитатели полукольца плоскогорій и рѣчныхъ долинъ — по роду жизни горные скотоводы, спускающіеся на зиму въ долины и тамъ соприкасающіеся съ осѣдлымъ населеніемъ. Происхожденіе элементовъ звѣринаго стиля нужно было отнести къ эпохѣ бронзы, а его развитіе въ законченный стиль — къ эпохѣ проникновенія желѣза. Средоточіемъ этой эволюціи мы могли признать Луристанъ, а передаточными пунктами при его распространеніи, съ одной стороны, — для южной Россіи — Закавказье, съ другой — для Сибири и средней Азіи — горныя долины Туркестана. Скотоводами и осѣдлымъ населеніемъ тамъ и здѣсь оказывались иранцы. Труднѣе опредѣлить народность завоевателей-кочевниковъ, появившихся на сцену въ эпоху желѣза. Вопросъ осложняется тѣмъ, что, примѣрно на территоріи Киргизскаго края и долины р. Или съ ея бассейномъ, мы нащупали этнографическій водораздѣлъ, отдѣляю-

щій иранцевъ Туркестана отъ «европидовъ» («дилиновъ» — древнѣйшихъ «хакасовъ»). Только для болѣе поздней эпохи желѣза выясняется присутствіе въ степяхъ-пустыняхъ профессіональныхъ кочевниковъ-тюрковъ, которыхъ китайскія лѣтописи точно и опредѣленно отдѣляютъ отъ болѣе ранняго осѣдлаго населенія горныхъ долинъ. На появленіе чистыхъ кочевниковъ-тюрковъ, смѣнившихъ туземцевъ-рудокоповъ эпохи бронзы, указываютъ и раскопки и наблюденія Радлова въ Алтаѣ, Минцлова въ Урянхаѣ, Мерхарта въ Минусинскѣ.

Другой изслѣдованный нами признакъ единства кочевой культуры — погребенія вождей — подтвердилъ связь этого этнографическаго и бытоваго единства съ тѣмъ же опредѣленнымъ мѣсторазвитіемъ — за границами горъ и лѣсостепи — внутри кольца степей и пустынь. Возможность существованія кочевниковъ въ безплодныхъ пескахъ пустынь объясняется, кромѣ указаннаго сосѣдства, также наличностью внутри пустынь горнаго ландшафта, вносящаго разнообразіе почвъ и растительности вертикальныхъ зонъ.

Съ этимъ запасомъ наблюденій можно было уже легче подойти къ выясненію темныхъ сторонъ т. наз. скифскаго вопроса. Здѣсь подтвердилось, прежде всего, прежнее наблюденіе спеціалистовъ, что два варіанта звѣринаго стиля имѣютъ одинъ общій источникъ. Изслѣдованіе различныхъ мѣсторазвитій дало только возможность точнѣе опредѣлить пути изъ этого общаго источника — съ одной стороны въ южную Россію, съ другой — въ Сибирь. Но пути стиля были вмѣстѣ съ тѣмъ и путями передвиженія его носителей: такъ становился вопросъ о двухъ путяхъ проникновенія скифовъ въ Россію. Геродотъ знаетъ только одинъ изъ нихъ: сѣверный, изъ Азіи. Мы могли прослѣдить его по раскопкамъ и пришли къ заключенію, что этотъ путь велъ прямо къ геродотову «Герросу», въ удачно выбранный стратегическій пунктъ на границѣ степи и лѣсостепи, въ верховьяхъ р. Сулы, откуда «царскіе» скифы, опираясь на покоренныхъ ими (не-скифскихъ) земледѣльцевъ лѣсостепи, господствовали надъ своими ордами «свободныхъ» скифовъ, кочевавшихъ въ южныхъ степяхъ. Путь этихъ завоевателей указываетъ и на исходный пунктъ ихъ нашествія: такимъ должны были быть степи-пустыни Киргизскаго края, а сами завоеватели — потомками древнихъ «хакасовъ»-«европидовъ». Туземцы знали, что этихъ завоевателей было «мало»; «много» было подвластнаго населенія, названнаго тѣмъ же именемъ скифовъ, но принадлежащаго къ другимъ народностямъ, а также и «свободныхъ» кочевниковъ степей. Среди покоренныхъ земледѣльцевъ доказана наличность иранцевъ; среди кочевниковъ — наличность тюрковъ, — быть можетъ, съ легкой

примѣсью монголизма. Имѣлись, несомнѣнно, въ Приморьѣ и остатки фракійцевъ («киммерійцевъ»), затѣмъ носителей культуръ Галльштадта и Ла Тенъ; вѣроятно, были среди населенія и кавказскіе, пока неопредѣлимые элементы.

Отъ сѣвернаго вторженія скифовъ въ область нашего «второго» мѣсторазвитія изъ Киргизскаго края черезъ Уральскія ворота нужно отличать гораздо болѣе раннее внѣдреніе ихъ одноплеменниковъ въ области «третьяго» мѣсторазвитія — на берега Чернаго моря. Исходнымъ пунктомъ послѣдняго должно было быть Закавказье. Первое вторженіе — изъ Казакстана — современно поздней эпохѣ желѣза. Начало второго слѣдуетъ отнести къ эпохѣ бронзы и, быть можетъ, даже раньше, если связать его не только съ «срубными» погребеніями бронзовой-же эпохи, но и съ болѣе древними кубанскими курганами. Этотъ вопросъ тоже пока приходится оставить открытымъ. Оставаясь въ предѣлахъ «скифскаго періода», мы застаемъ этихъ южныхъ скифовъ вступившими въ непосредственную связь съ расцвѣтшими греческими колоніями. Они постепенно приручаются, эллинизируются, и центръ торговли переходитъ въ четвертомъ-третьемъ вѣкѣ съ Днѣпра, отъ Ольбіи, посѣщенной въ пятомъ вѣкѣ Геродотомъ, къ Пантикапею, на Босфоръ. Хронологическая классификація кургановъ М. И. Ростовцева, уже послужившая намъ для выдѣленія древнѣйшихъ изъ нихъ, даетъ возможность выдѣлить и эту вторую стадію: расцвѣтъ скифскаго господства, принявшаго теперь болѣе мирный характеръ. Изъ стратегическихъ центровъ VI-V столѣтій — на опушкѣ лѣсостепи, — на Сулѣ и на югѣ Кіевской губ., эти курганы второй эпохи (IV-III стр.) спускаются въ замиренную степь и подаютъ руку курганамъ Черноморья. Такъ вырабатывается общій стиль культуры, и организація хозяйства для заморской торговли принимаетъ наиболѣе широкіе размѣры. Господство надъ степью теряетъ чисто военный характеръ, населеніе само втягивается въ торговлю, и создается смѣшанная греко-варварская культура. Она отражается въ выработкѣ усложненныхъ формъ звѣринаго стиля, параллельныхъ сибирскимъ желѣзной эпохи, но создаваемыхъ не доморощенными сибирскими металлургистами, а тонкими греческими мастерами. Такъ, между обоими центрами, южно-русскимъ и сибирскимъ, устанавливается взаимная связь. Въ свѣтѣ описаннаго процесса и вопросъ объ антропологическомъ типѣ скифовъ получаетъ иное освѣщеніе, чѣмъ прежнее рѣзкое противоположеніе монгольскаго типа кочевниковъ — иранскому. Элементовъ монголизма нельзя отрицать уже въ эту пору. Но

«скифы» киргизскаго края должны были представлять смѣшанный типъ европидовъ-хакасовъ, а мѣстное населеніе ими завоеванное («земледѣльцы»), при всей несомнѣнности иранскаго элемента въ его языкѣ, быть можетъ, уже смѣшаннаго съ тюркскимъ, въ антропологическомъ отношеніи представляло нѣкоторый мѣстный, пока трудно опредѣлимый типъ. Весьма вѣроятно, что свидѣтельство Гиппократа, которое неправильно было толковать, какъ доказательство монголизма скифовъ, можетъ бросить свѣтъ на принадлежность этого типа къ одной изъ восточно-европейскихъ расъ.

Конецъ скифскаго кочеваго господства надъ степью вызванъ, очевидно, ослабленіемъ тѣхъ же причинъ, которыя его породили. Военный духъ азіатскихъ завоевателей, укрѣпившихъ свою власть надъ осѣдлымъ населеніемъ на основѣ заморской торговли: таковы источники силы кочевниковъ. По самому существу — источники эти должны были оказаться временными и внѣшними. Не успѣла пришедшая съ торговлей греческая культура замирить степь и приручить кочевниковъ, какъ изсякли, по внѣшнимъ причинамъ, источники этой торговли — особенно послѣ 200 г. до Р. Х. И въ то же время, на смѣну прирученнымъ «свободнымъ» скифамъ явилась новая волна кочевниковъ-завоевателей («сарматовъ»), оттѣснившая предшественниковъ. Что эти явленія не случайны по отношенію къ условіямъ степнаго мѣсторазвитія, а тѣсно съ нимъ связаны, показала позднѣйшая исторія, въ которой тѣ же явленія нѣсколько разъ повторились.

Въ заключеніе, было бы черезчуръ самонадѣянно утверждать, что процессъ превращенія доисторическихъ «культурныхъ круговъ» въ современныя народности на субстратѣ древнихъ расъ и въ горнилѣ данныхъ мѣсторазвитій окончательно выясненъ въ предѣлахъ настоящей главы. Мы лишь пытались установить общія линіи, по которымъ шло это превращеніе, но далеко не могли представить съ желаемой точностью всѣ этапы процесса. Даже тамъ, гдѣ мы знаемъ достовѣрное начало процесса и еще болѣе достовѣрный его исходъ, промежуточныя звенья часто скрываются отъ насъ во тьмѣ. Рядъ поставленныхъ выше проблемъ намъ пришлось оставить открытыми. Но мы считаемъ себя вправѣ сказать одно. *Безъ* употребленнаго нами метода — наложенія всѣхъ изучаемыхъ процессовъ на тѣ условія реальныхъ мѣсторазвитій, гдѣ они должны были совершаться, самая постановка этихъ проблемъ была бы невозможна. Всякій отходъ отъ этого, единственно правильнаго методологическаго пути, въ область-ли чисто-

соціологическаго отвлеченнаго схематизма или въ обратную сторону признанія, готовыхъ изначала, независимо отъ реальной среды, національныхъ типовъ, долженъ считаться недопустимымъ возвращеніемъ къ пріемамъ прошлаго. Эти пріемы могутъ вести лишь къ рецидивамъ старыхъ ошибокъ и къ тупику гипотезъ, не допускающихъ, въ противоположность примѣняемымъ здѣсь, никакого дальнѣйшаго объясненія.

Обм. 1958 г.
Акт РК·4383/14.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ»

Вышли въ свѣтъ:

И. А. Бунинъ. — Жизнь Арсеньева (романъ).

И. А. Бунинъ. — Избранныя стихотворенія.

И. А. Бунинъ. — Божье дерево.

И. А. Бунинъ. — Тѣнь птицы.

Б. К. Зайцевъ. — Анна (романъ).

М. А. Алдановъ. — Ключъ (романъ).

М. А. Алдановъ. — Десятая симфонія.

М. А. Осоргинъ. — Повѣсть о сестрѣ.

М. А. Осоргинъ. — Чудо на озерѣ.

Ф. А. Степунъ. — Николай Переслѣгинъ (романъ).

Георгій Песковъ. — Памяти твоей (разсказы).

Гал. Кузнецова. — Утро (романъ).

Гал. Кузнецова. — Прологъ.

А. Ладинскій. — Черное и голубое (стихи).

Т. И. Полнеръ. — Толстой и его жена (художественная біографія).

В. Ф. Ходасевичъ. — Державинъ (художественная біографія).

В. А. Маклаковъ. — Левъ Толстой.

Левъ Шестовъ. — На вѣсахъ Іова.

В. М. Зензиновъ. — Безпризорныя дѣти.

П. Н. Милюковъ. — Очерки по исторіи русской культуры, т.т. 1-ый, ч. 1-ая; т. 2-ой, ч. 1-ая; т. 2-ой, ч. 2-ая; т. 3-ій.

М. И. Ростовцевъ. — О Ближнемъ Востокѣ.

Б. Э. Нольде. — Далекое и близкое.

М. В. Вишнякъ. — Два пути (Февраль и Октябрь).

М. В. Вишнякъ. — Всероссійское Учредительное Собраніе.

Ст. Ивановичъ. — Красная Армія.

Сборникъ, посвященный 175-лѣтію Московскаго Университета.

Н. Лосскій. — Типы міровоззрѣній.

Н. А. Бердяевъ. — О назначеніи человѣка.

Ф. И. Шаляпинъ. — Воспоминанія.

М. О. Цетлинъ. — Декабристы.

В. В. Сиринъ. — Подвигъ.

Л. Ф. Зуровъ. — Древній путь.

Д. М. Одинецъ. — Возникновеніе госуд. строя у восточныхъ славянъ.

Заказы принимаются въ книжномъ дѣлѣ «Родникъ»:

«La Source», 12, rue Marcelin-Berthelot,
Paris-Montrouge (Seine). France.

Imp. S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant, Paris (20e)

6 р. 65 к.

125208

522092

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжн. дѣлѣ «Родникъ», Парижъ

Edit. de la Source, 12, r. Marcelin-Berthelot.

Paris-Montrouge.

92-7
867-1-1
~~105208~~